

ВСТРЕЧИ
С ПРОШЛЫМ

ВСТРЕЧИ
С ПРОШЛЫМ

X

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

ВЫПУСК 10

Москва
РОССПЭН
2004

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-04-16230

Редколлегия:

И.И.Аброскина, к.и.н. Е.В.Бронникова (отв. составитель),
к.ф.н. Н.Б.Волкова, д.и.н. Т.М.Горяева,
Т.Л.Латыпова (отв. составитель)

В 84 Встречи с прошлым: Сборник материалов Рос-
сийского государственного архива литературы и искус-
ства. Вып. 10. — М.: «Российская политическая энцикло-
педия» (РОССПЭН), 2004. — 768 с., ил.

В 10-й выпуск сборника «Встречи с прошлым» вошли впервые публикуемые материалы из фондов РГАЛИ по истории отечественной культуры. Это переписка А.А.Баратынского с великим князем Павлом Петровичем и с родителями, «Воспоминания о Москве» Н.П.Розанова, переписка братьев Васнецовых, воспоминания художницы Е.К.Маковской, воспоминания С.Н.Дурылина «В зале консерватории», отрывок из воспоминаний историка искусств Н.А.Еленева о встрече в Крыму императора Николая II, документальная биография руководителя оркестра русских народных инструментов в Англии Н.А.Медведева, воспоминания Ж.Бонер об актере М.А.Чехове, воспоминания о первых годах существования журнала «Воля России» В.Б.Сосинского, письма к философу Н.А.Бердяеву, неопубликованный очерк В.Т.Шаламова, эссе клоуна-мима Л.Г.Енгибарова. В выпуск вошли обзоры материалов А.С.Пушкина в РГАЛИ; обзоры фондов: начальника Военного управления в правительстве Юга России, личного посланника П.Н.Врангеля в Болгарии, поэта-самоучки В.Е.Вязьмитинова и мецената, писателя-графомана А.П.Бурова; обзор документов по истории создания литературных группировок 1920-х — нач. 1930-х гг.

Книга иллюстрирована редкими архивными фотографиями.

© Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), 2004.

© «Российская политическая энциклопедия», 2004.

В СБОРНИКЕ «ВСТРЕЧИ
С ПРОШЛЫМ» — ИСТОРИЯ,
ЛИТЕРАТУРА, ТЕАТР, МУЗЫКА,
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО,
ЖУРНАЛИСТИКА, МЕМУАРЫ,
ПЕРЕПИСКА.
ВОТ ИМЕНА ТЕХ,
О КОМ ПОЙДЕТ РЕЧЬ:

А.А.БАРАТЫНСКИЙ
Н.А. и Л.Ю.БЕРДЯЕВЫ
И.А.БУНИН
А.П.БУРОВ
Ап.М. и В.М.ВАСНЕЦОВЫ
В.Е.ВЯЗЬМИТИНОВ
М.ГОРЬКИЙ
С.Н.ДУРЫЛИН
Н.А.ЕЛЕНЕВ
Л.Г.ЕНГИБАРОВ
А.Я.ЗАКУШНЯК
Б.В.ЗАХОДЕР
Е.А.ИЗВОЛЬСКАЯ
М.А.КАЛЛАШ
Е.Д.КУСКОВА
А.В.ЛУНАЧАРСКИЙ
Е.К.МАКОВСКАЯ

Н.А.МЕДВЕДЕВ
А.В.ОБОЛЕНСКАЯ
ПАВЕЛ I
Б.А.ПИЛЬНЯК
А.С.ПУШКИН
А.М.РЕМИЗОВ
Н.П.РОЗАНОВ
И.П.РОМАНОВА
М.В.САБАШНИКОВА
А.С.СЕРАФИМОВИЧ
Б.А.СЛУЦКИЙ
В.Б.СОСИНСКИЙ
Н.А.ТЭФФИ
А.В.ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС
А.А.ФАДЕЕВ
МИХ.ЧЕХОВ
В.Т.ШАЛАМОВ

адресъ въ дипломатическомъ

С. Петербургъ

Мердеевъ

Кунцовъ Елена

Nicolas Berniceff.

А. Екисбергъ

Ив. Букинъ

А. Зауръ

Буровъ

Фрэнсис Эндерс

Ан. Васильевъ

М. Каминъ

В. Вильямъ

Евг. Купцова - Купцова

В. В. 36 мѣтниковъ

А. Суровъ

И. Горбунъ

Евг. К. А. Александровъ

К. А. Мухомов. А. Серафимович

А. Александров. Борис Сушков

Навек? В. Смирнов

Сам. Пустов. А. Мухомов

А. Мухомов. Трапеза

А. Мухомов. Антараз

А. Мухомов

Алекс. Суков.

Н. Н. Романов

Кн. Ирина Павловна

В. Угланов

М. Сабанкина

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Российский государственный архив литературы и искусства представляет читателям очередной, 10-й, выпуск сборника архивных материалов «Встречи с прошлым». Несмотря на противоречивые отзывы наших взыскательных критиков, значительное снижение тиражей, огромное количество разнообразных сборников документов на современном книжном рынке, вновь открывшиеся возможности электронных изданий, «Встречи с прошлым» продолжаются. Наш сборник обращен не только к научной публике, но прежде всего – к самому широкому кругу интеллигентных читателей – любителей русской культуры, истории, литературы.

10-й выпуск – определенный рубеж для любого продолжающегося издания. Поэтому в данном выпуске «Встреч с прошлым» подводятся некоторые итоги более чем тридцатилетней истории издания и содержится роспись содержания предыдущих девяти выпусков.

Впервые сборник документов архива открывается предисловием зарубежного автора – крупнейшего итальянского слависта Витторио Страда. Это несомненное свидетельство открытости России миру и мира – ей, а также расширения читательской аудитории за пределы нашего отечества и роста авторитета сборника, подготавливаемого сотрудниками РГАЛИ.

Расширены и традиционные хронологические рамки нашего издания – теперь на его страницах можно познакомиться с обширной публикацией документов XVIII в. из фонда Баратынских. Этот материал интересен еще и тем, что впервые в таком объеме публикуются документы, автором которых был глава Государства Российского – император Павел I. С ними перекликаются и материалы XX в., связанные с Домом Романовых: это воспоминания писателя-эмигранта Н.А.Еленева о встрече в

детстве с императором Николаем II, письма княгини Ирины Павловны Романовой, жены племянника Николая II.

Документы русского послереволюционного рассеяния занимают значительное место в сборнике. Они соседствуют с воспоминаниями С.Н.Дурылина, записками о старой Москве Н.П.Розанова, эссе Л.Г.Енгибарова, вариантом рассказа В.Т.Шаламова. Таким образом, воссоединяется историческая картина, разорванная трагическими событиями 1917–1920 гг., произошедшими в России.

Благодаря публикации переписки братьев Васнецовых и воспоминаний Е.К.Маковской, дочери известного художника Константина Маковского, впервые появилась возможность украсить «Встречи с прошлым» не только черно-белыми, но и цветными иллюстрациями.

Особенностью 10-го выпуска является еще и то, что самыми многочисленными документами, впервые вводимыми на его страницах в научно-культурный оборот, стали письма. Попадая в поле зрения историка, археографа, частные письма из интимно-личных, конфиденциальных документов становятся бесценными, очень личностными историческими свидетельствами. Наряду с традиционным способом расположения эпистолярных источников по корреспондентам, в обзоре фонда литератора Александра Бурова предпринята попытка расположения писем в формально хронологическом порядке, причем обзор фонда сочетается со значительной по объему публикацией писем. На первый план, таким образом, попадают не авторы писем, а их адресат.

Новым для «Встреч с прошлым» является и жанр тематического межархивного обзора, предпринятого Т.М.Горяевой.

Традиционными остаются главные археографические принципы издания: включение в сборник не публиковавшихся ранее документов, тексты документов публикуются по нормам современной орфографии и пунктуации с сохранением авторских особенностей стиля и словоупотребления. Купюры обозначаются знаком [...]. Сокращенные слова, раскрываются в квадратных скобках. В квадратных скобках заключены также отсутствующие в документах даты и слова, прочитанные предположительно. Все авторские выделения в тексте (подчеркивание, разрядка и т.п.) набраны курсивом.

В составлении раздела «Дни нашей жизни. (Из хроники РГАЛИ)» принимали участие Н.Б.Волкова, Т.М.Горяева, С.Ю.Митурич, О.В.Викторова, Л.В.Хачатурян, И.В.Упадышева, М.А.Рашковская, И.П.Сиротинская, Т.Л.Латыпова, Е.В.Бронникова. Подбор иллюстративного ряда и его сканирование осуществляли Т.Л.Латыпова, Е.В.Бронникова, Е.Ю.Филькина, О.А.Загузова. Унификация сборника проводилась Е.В.Бронниковой и Т.Л.Латыповой. Именной указатель составлен Е.Ю.Филькиной.

Авторский коллектив сборника искренне признателен Н.А.Богомолу, М.О.Чудаковой, В.М.Магидову, В.И.Егорову, К.В.Татарникову, В.А.Авдееву, С.Г.Нелиповичу, давшим ценные замечания и консультации, а также сотрудникам Государственного музея А.С.Пушкина, оказавшим содействие при подготовке сборника.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет...

А.Ахматова

Спрашивать, существует ли прошлое как таковое и правомерно ли противопоставлять его во всем настоящему, как и задаваться вопросом, полностью ли будущее противоположно настоящему и прошлому, не так уж бессмысленно, как может показаться на первый взгляд. Прошлое, которое одно время было настоящим, так же, как наше настоящее было его будущим (осуществившееся будущее, одно из возможных тогда), — это прошлое никогда не проходит окончательно и все время присутствует в нас, живущих в своем настоящем, которое тут же становится прошлым. Оно может сохраняться двояко: как мертвые документы, обладающие потенциальным существованием, собранные в архивах, музеях, библиотеках. Его можно воскресить в памяти, то есть оно, в контакте с тем, кто его наблюдает и изучает, оживает, наполняется многогранной жизнью, потому что многогранен тот, у кого с этими документами устанавливается связь, основанная на опыте и знании. Недаром история, которая и есть по преимуществу воскрешение прошлого, постоянно пишется и переписывается не только каждым поколением, но и в пределах одного и того же поколения отдельными историками и разными «школами».

Но еще крепче живет в нашем настоящем прошлое, когда оно, в отличие от первого пути, сберегается неосознанно, так как настоящее есть результат прошлого: оно рука об руку с настоящим готовит будущее, в которое постоянно перетекает наше настоящее.

Это двойкий процесс: один явный, другой подспудный, превращающий прошлое в активную неиссякаемую энергию. Правда, когда эта энергия ощущается как угроза (что происходит при репрессивных режимах), то прошлое цензурируется, подавляется, фальсифицируется, начиная с его следов (документов) и кончая его свободной интерпретацией, которую вытесняет одна-единственная принудительная интерпретация, в соответствии с интересами и идеологией стоящих у власти, вообразивших себя хозяевами Времени, как и всех времен: прошедшего, настоящего, будущего, и всех тех, кто живет во Времени, то есть людей, которые таким образом лишаются свободы располагать собственным прошлым, настоящим и будущим.

В XX столетии в России, и не только в ней, произошло именно это: у русской культуры было отнято ее Время, свободное познание собственного прошлого, равно как свобода действовать в собственном настоящем, а значит, и свобода располагать собственным будущим. Сегодняшняя новая Россия экспроприировала своих экспроприаторов и вновь завладела своим Временем и, стало быть, в первую очередь своей собственной Историей, то есть прошлым, которое живет в настоящем и подготавливает будущее.

Поэтому-то любая публикация, позволяющая с большей полнотой и, следовательно, с большей свободой читать страницы прошлого, — это не просто материал для исследователя и специалиста, но и акт гражданского воспитания, приобщение к богатствам прошлого, хотя бы и маргинальной части его сокровищ, в целях развития культурного сознания, а значит, и расширения горизонта настоящего, которое без света прошлого и будущего было бы убогим и слепым. Так возникает диалектика времен, переплетение наследия прошлого и свободной инициативы, диалектика творческая, переходящая в своего рода надвременность, в динамическое Вечное Настоящее, в котором прошлое никогда не исчезает, а трансформируется, порою затаивается, а потом опять выступает на свет, подобно реке, которая то уходит под землю, то течет по поверхности, впадая своими водами в безграничное море будущего: настоящее — это точка слияния реки с морем, таинственный миг, молниеносно исчезающий и вечно

возобновляющийся. Страницы прошлого – это книга, без конца перелистываемая коллективной и индивидуальной памятью в поисках смысла во времени Истории и Жизни.

Витторио Страда

**ПУБЛИКАЦИИ
И
СООБЩЕНИЯ**

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А.А.БАРАТЫНСКОГО
(записки великого князя Павла Петровича
А.А.Баратынскому, письма А.А.Баратынского
родным и капитану К.И.Горохову)

Публикация Л.Н.Бодровой

Давно кругом меня о нем умолкнул слух,
Прияла прах его далекая могила,
Мне память образа его не сохранила,
Но здесь еще живет его доступный дух...
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды;
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубров,
У нескудеющих ручьев,
Я тень священную мне встречу.

Е.А.Баратынский «Запустение».

Осень 1832 г.

Стихотворные строки Евгения Баратынского, взятые эпитафией к данной публикации, посвящены поэтом своему отцу – Абраму Андреевичу Баратынскому, которого он лишился в 10-летнем возрасте. Элегия «Запустение» была написана под впечатлением от посещения усадьбы Мара в Тамбовской губернии, где провел свое детство поэт. Здесь все говорило ему о близком человеке, память о котором он хранил в своем сердце. Не случайно, по-видимому, поэт упомянул «могилу дорогую» отца и в стихотворении «Дядьке-итальянцу», написанном в 1-й половине июня 1844 г. в Неаполе, за несколько дней до своей внезапной кончины.

Личность Абрама Андреевича Баратынского – героя нашего повествования, вызывает несомненный интерес: он вошел в историю России конца XVIII в. как командир военной команды наследника престола великого князя Павла Петровича, так называемой «Павловской команды», губернатор Гатчины, а его сын Евгений стал выдающимся поэтом первой половины XIX в.

Вниманию читателей предлагаются документы из семейного архива Баратынских, находящегося в РГАЛИ: записки великого князя Павла Петровича, в дальнейшем императора Павла I, за 1793–1797 гг., адресованные А.А.Баратынскому, несколько писем А.А.Баратынского 1780–1790-х гг. родителям и сослуживцу К.И.Горохову, а также отдельные записки великого князя Павла Петровича А.А.Баратынскому из Коллекции документов рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 728). При подготовке публикации использовались документы фонда Павловской команды, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 385). Комплекс этих материалов позволяет с разных сторон осветить наиболее активный период в жизни нашего героя, ощутить атмосферу эпохи конца XVIII в. в России, интерес к которой в последнее время значительно вырос, о чем свидетельствуют и телевизионные передачи, и издаваемые книги. В центре внимания современных исследователей истории России рубежа XVIII–XIX вв. находится трагическая фигура императора Павла I, который оказал значительное влияние и на судьбу А.А.Баратынского, пожелавшего служить великому князю Павлу Петровичу, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы.

Абрам Андреевич родился в имении Голощапово 14 августа 1767 (или 1768) г. в семье смоленских помещиков Баратынских – Андрея Васильевича (1738–1813) и Авдотьи Матвеевны (урожд. Яцыной; 1748 или 1749–1791). У Абрама, старшего ребенка в семье, было четыре брата – Петр (1768 или 1769–1845), Богдан (1769 или 1770–1820), Илья (1773 или 1774–1836), Александр (1777 или 1778–1807) и две сестры – Мария (в замужестве Панчулидзева; 1781 или 1783–1845) и Екатерина (1785–1842).

В феврале 1775 г. Абрам Баратынский был записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк, в 1785 г. переведен подпрапорщиком в лейб-гвардии Семе-

новский полк, в составе которого в 1789 г. принял участие в боевых действиях во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Тогда-то он и получил первый опыт управления воинским формированием, состоявшим из 120 человек. Баратынский писал родным: «Я иду в поход. Выбран фельдфебелем гренадерской роты [...] меня одного назначили владеть таким множеством, из которых десятая доля не съестся порядочных людей, а прочие все пьяницы, дебоширы и невежи [...]»¹. 1 января 1790 г. он был выпущен из гвардии капитаном в Кексгольмский пехотный полк, что дало увеличение денежного содержания и значительное повышение в звании. Однако, этот поворот в жизни не вызвал у Баратынского восторга, он писал родителям: «[...] я уже расположен полагаться на власть судьбы, меня управляющей. Сама собой ведет меня, не знаю сам куда, последую ее воле, пусть она мной управляет»². Грусть молодого капитана объясняется тем, что еще весной 1787 г. он начал активно искать покровительства при Дворе великого князя Павла Петровича у своей дальней родственницы Екатерины Ивановны Нелидовой (1758–1839). В письмах родным он называл ее «тетушкой», а затем – «второй матерью». Е.И.Нелидова – выпускница Смольного института, с 1776 г. фрейлина великой княгини Марии Федоровны, – пользовалась огромным влиянием у наследника престола, благодаря ее протекции все пять братьев Баратынских оказались на службе у цесаревича. Весной 1790 г. Абрам и Петр Баратынские впервые были представлены великому князю Павлу Петровичу и выразили желание перейти служить из армии во флот, то есть под командование великого князя, который с 1772 г., по достижении 18 лет, начал фактически исполнять обязанности генерал-адмирала и президента Адмиралтейств-коллегии, а также командовать кирасирским полком Наследника (полковником в Лейб-Кирасирский полк цесаревич был пожалован 4 июля 1762 г., а 20 декабря того же года по указу Екатерины II Сенату он был определен в генерал-адмиралы).

Летом 1790 г. Абрам Андреевич вторично принял участие в войне со Швецией, на сей раз неудачно для себя. Он находился на галерах и был взят в плен 28 июня 1790 г. в сражении при Роченсальме. 3 июля Баратынский писал своему другу В.Д.Рачинскому: «[...] я достал-

ся в плен неприятелям прошедшего месяца 28 числа у залива Кюменьгор [...] сражались с отчаянностью; напоследок, когда половина с галеры уже была побита и со всех сторон были атакованы, принуждены были спустить флаг. Весь мой багаж погребен в морских волнах, и я остался только в одном мундире»³. Вслед за подписанием 3 августа 1790 г. в Вереле мира после трех месяцев плена А.А.Баратынский вернулся в Петербург и, наконец, 1 января 1791 г. был зачислен поручиком в Морской кадетский корпус, где начал ревностно изучать «морские» науки (навигацию, астрономию), а также французский язык. Он понимал, что милости «государя» (имеется в виду великий князь Павел Петрович) достигаются «не одним слепым счастьем, а надлежащие самые подпоры счастья – собственные свои дарования и просвещение»⁴. Под «счастьем» в то время подразумевалось везение, удача.

30 августа 1791 г. Баратынский был пожалован секунд-майором и определен в 1-й флотский батальон Его Императорского Высочества. В приказе по батальону от того же числа говорилось: «Баратынского употребить в должность относительно баталиона, стараясь ему объяснить все нужные сведения касательно до обучения солдат всех экзерциций и движений, как то парадных и [вольных] маршей, шаржировке, употребляя его при разводах и показывая все нужные учреждения и правила»⁵. Таков был старт стремительной карьеры офицера Павловской военной команды. 2 сентября 1791 г. он впервые был внесен в список штаб- и обер-офицеров батальона, 20 декабря того же года через командира озерной флотилии капитана 2 ранга Г.Г.Куселева⁶ Баратынский получил распоряжение великого князя Павла Петровича, расширяющее круг его обязанностей: «[...] так как господин майор Ште[й]нвер не очень знающ в русском языке, почему и не может иметь пис[ь]моводства, почему поручается Вам вся экономическая часть по баталиону [...] вы и должны вести всему порядочные ведомости...»⁷. 24 марта 1792 г. Баратынский был назначен командиром 5-й роты этого батальона. Куселев писал: «[...] вам поручается 5 рота по старшинству, – которая была у майора Ште[й]нвера [...]»⁸, под его началом – 131 человек⁹. В списках батальона за 1792–1794 гг. он числится командиром роты. Но фактически Баратын-

ский оказался во главе 1-го флотского батальона, так как прежний командир батальона майор барон Адам фон Штейнвер, о котором шла речь в процитированных выше документах, умер 23 марта 1792 г. в Павловске. В декабре 1792 г. Баратынский принес судейскую присягу, став членом комиссии военного суда, учрежденной при 1-м флотском батальоне на Каменном Острове¹⁰. В январе 1793 г. Абрам Баратынский – премьер-майор, а в июне – уже подполковник. В декабре 1793 г. он был назначен губернатором Гатчины – любимой резиденции великого князя Павла Петровича, где активно шло обучение войск по прусскому образцу. С 1792 г. по 1795 г. он командовал 1-м мушкетерским батальоном, шефом которого являлся цесаревич, в 1795 г. Баратынский стал шефом 4-го мушкетерского батальона, но для Адмиралтейств-коллегии все это время он являлся командиром 1-го флотского батальона. С формированием в начале 1795 г. пехотной, кавалерийской и артиллерийской инспекций Абрам Андреевич занял должность инспектора пехоты военной команды наследника престола. Инспектор отвечал за состояние подопечных ему воинских частей, через него проходило сношение частей с Департаментом – органом управления Павловской команды и распределялось полученное от Департамента довольствие. Перечисленные нами должности Баратынского определили его особую роль в управлении военной командой цесаревича, что помогает лучше понять содержание публикуемых ниже документов.

Период с 1791 по 1796 г. считается расцветом военной команды наследника престола. Ее создание относится к 1782 г., когда для несения караула в резиденциях великого князя Павла Петровича на Каменном Острове и в Павловске из Балтийских флотских батальонов были взяты две команды по 30 человек. Численность этих команд непрерывно росла. В 1788 г. из трех рот (роты Его Высочества, А.Штейнвера и поручика Мея) был сформирован мушкетерский батальон Его Императорского Высочества (1-й флотский), имевший к 1792 г. в составе уже пять рот. В 1792–1796 гг. были созданы еще пять пехотных батальонов и егерская рота. Каждый батальон назывался именем своего шефа (если таковой был) или командира, а до конца 1793 г. и по номеру. Шефом 1-го мушкетерского (с января 1796 г. гренадерского) батальона

являлся цесаревич, шефами 2-го мушкетерского и 3-го гренадерского батальонов были с 1796 г. великие князья Александр Павлович и Константин Павлович. Следует отметить, что перечисленные пехотные части (шесть батальонов и егерская рота) никогда не были признаны официально, и для Адмиралтейств-коллегии по-прежнему существовал один единственный 1-й флотский батальон Его Высочества, в котором числились все офицеры и нижние чины команды. Первое время руководство командой осуществлял сам великий князь. В дальнейшем распоряжения по команде стали отдаваться через канцелярию официально существующего 1-го флотского батальона. Указы из Адмиралтейств-коллегии поступали на имя командира 1-го флотского батальона майора, а затем подполковника А.А.Баратынского, он подавал в коллегию рапорты и ведомости о состоянии команды, требования на довольствие, представления на производство в следующие чины. В команде имелись также соединения других родов войск. Ко времени вступления Павла I на престол в ноябре 1796 г. его военная команда состояла из шести пехотных батальонов (двух гренадерских и четырех мушкетерских), егерской роты, четырех кавалерийских полков (Жандармский, Драгунский, Гусарский, Казачий), артиллерийской роты и озерной флотилии из 24 судов; общая численность команды – 2399 воинских чинов¹¹. Это было хорошо организованное, вымуштрованное по прусскому образцу воинское соединение: «Суровые и “отчетливые” гатчинские службисты, “фрунтовики” составляли разительный контраст с изнеженными сибаритами, щеголями и мотами “зубовских” времен, лишь для проформы числившихся в полках и проводивших время в кутежах и повесничестве»¹². Павловская военная команда, известная также под именем Гатчинских войск, выполняла не только функции охраны, но являлась полигоном для разработки будущей военной реформы русской армии, она послужила также надежной опорой Павлу I при вступлении на престол после смерти 6 ноября 1796 г. императрицы Екатерины II. Современник вспоминал о первых днях нового царствования: «Павел ожидал прихода этих батальонов с заметным нетерпением и беспокойством. Они шли походным порядком целую ночь и прибыли в столицу к утру [10 ноября] [...] Только тогда, когда Павел увидал себя окруженным своей

маленькой армией, он начал действовать так же, как в Гатчине»¹³.

В создании этого воинского соединения непосредственное участие принимал Абрам Андреевич Баратынский: в его ведении было проведение вахт-парадов, строевых учений, маневров, выставление караулов; им решались многочисленные хозяйственные вопросы – экипировки, снабжения продовольствием, получения денежного довольствия, размещения частей в казармах и на квартирах, учет военнослужащих. В документах Павловской команды сохранились также упоминания о том, что у Баратынского были и другие обязанности: ему предписывалось запрещать жителям Гатчины хождение мимо дворца по дорожкам весной, чтобы не разбивать их; запрещать караулам пропускать возы с навозом для продажи за пределы Гатчинской волости; следить за возделыванием военнослужащими земли, выделенной под огороды, и т.д. Являясь членом комиссии военного суда, Баратынский принимал участие в рассмотрении многочисленных дел о побеггах, воровстве и других преступлениях в военной команде.

Великий князь, находясь летом в Павловске или Гатчине, ежедневно занимался своими войсками. «В своей военной команде Павел лично знал всех и каждого и вникал во все события, происходившие в его усадьбах [...] благодаря его энергическим реформам каждый день новые и новые лица занимали свое призрачное место в истории [...]»¹⁴, что подтверждают сохранившиеся записки. Современник писал: «Тут все было как бы в другом государстве, особенно в Гатчине [...] Эта слобода имела заставы, казармы, конюшни и строения [...] как в Пруссии. Что касается до войск, здесь расположенных, то можно было побиться об заклад, что они только что пришли из Берлина»¹⁵. Сохранился любопытный документ, озаглавленный уже преемником Баратынского подполковником А.А.Аракчеевым: «Описание вещей, присланных из Пруссии для образца, которые мною получены 1796 году 14 мая в Павловске»¹⁶, в списке из 21 пункта перечислены предметы одежды и вооружения: ружье, тесак, патронная сумка, портупея, топор, чехол на оружейный замок, мешок сухарный, мундир, камзол, штаны, «щиблеты», рукавицы, башмаки, галстук и др. Оставалось всего полгода до восшествия Павла I на престол и расформиро-

вания команды, которая к этому времени уже вполне соответствовала прусскому идеалу, но неизменно уделялось особое внимание внешнему виду этой маленькой армии.

Условия службы в военной команде были чрезвычайно тяжелыми. 26 марта 1792 г. Кушелев писал из Петербурга Баратынскому: «Желаю тебе быть здорову, а я прекрепко простудился, так что насили таскаюсь на смотр, кашель, головная боль, словом все то, от чего другой бы, зарывшись в постели, не отваживался из комнаты показать нос»¹⁷. Другим очевидцем был дан очень выразительный словесный портрет императора Павла I на обязательном вахт-параде уже в Петербурге в декабре 1796 г.: «Здесь, в простом темно-зеленом мундире, в грубых сапогах, в большой шляпе он проводит утренние часы; здесь он отдает приказы, получает рапорты, объявляет о милостях, наградах и карах, и здесь должен представляться ему всякий офицер [...] Он топает ногами, чтобы согреться [...] Он полагает свою славу в том, чтобы не бояться пятнадцати и двадцати градусов мороза, обходясь без мехов [...] старые генералы, мучимые кашлем, подагрой и ревматизмом, обязаны были крутиться около Павла, одетые так же, как и он»¹⁸. Эта красноречивая картина характеризует порядки, установленные великим князем Павлом Петровичем и в своей военной команде, которые неукоснительно выполнялись командирами в его отсутствие, независимо от времени года и погоды, даже когда Двор цесаревича глубокой осенью переезжал в Петербург.

Можно сказать, что вся жизнь Баратынского в эти годы была подчинена исполнению многочисленных служебных обязанностей, за что неоднократно он получал подарки. Так, в июне 1792 г. ему пожаловали за «труды и старательства золотую табакерку с эмалью весом около фунта»¹⁹, в июне 1794 г. за успешное проведение учений в Павловске он получил «верховую лошадь с богатым прибором»²⁰, в апреле 1795 г. ему было увеличено жалованье на 350 рублей в год²¹. В лице нашего героя великий князь получил преданного подчиненного. В письмах родным первой половины 1790-х гг., посланных из резиденций наследника в Гатчине, Павловске, на Каменном Острове, Баратынский называл цесаревича «великим государем», «великим человеком», «вторым отцом». Служба в военной команде наследника престола была не только тяжелой, но и подчас опасной. В 1794 г. в комиссии военного

суда при 1-м флотском батальоне рассматривалось дело унтер-офицера Ивана Ушакова, обвиненного в «объявлении намерения покунуться на жизнь Его Высочества и подполковника Баратынского»²². Ушаков 14 ноября 1794 г. в разговоре с офицером Андреевым сказал: «Не нахожу более удовольствия в воинской службе, как только остается для меня, что пистолет Его Высочеству и подполковнику Баратынскому»²³. 24-летний унтер-офицер исполнял в команде адъютантские обязанности «при письмоводстве». Приговор был чрезвычайно суров: комиссия приговорила его к четвертованию. Великий князь Павел Петрович на документах дела собственноручно написал: «Разжаловать. Прогнать сквозь наличное число людей, каково теперь есть в моем батальоне, три раза, а потом отослать»²⁴.

1 апреля 1796 г. неожиданно последовала опала: Баратынский был определен советником в счетную экспедицию Адмиралтейств-коллегии. К сожалению, не ясен проступок Абрама Андреевича, о нем он глухо упоминает в письме к отцу, приводимому ниже. Незадолго до этого произошли события, вызвавшие неудовольствие великого князя Павла Петровича, о которых мы можем судить по запискам Кушелева. 5 февраля 1796 г. он писал, что Его Императорское Высочество увидел в городе [Санкт-Петербурге] кланяющегося ему солдата, что являлось грубым нарушением устава. Солдат служил по инспекции Баратынского, то есть в пехоте. Предписывалось отыскать солдата и донести, которого он батальона²⁵. 11 февраля того же года Кушелев изложил в письме приказ Его Императорского Высочества А.А.Баратынскому срочно представить отчет в требовании дать «себе под расписку» 48 541 рубль из [Адмиралтейств-]коллегии. Такая крупная сумма испрашивалась без получения «на то воли Его Высочества», не были представлены сведения о купцах, поставивших товар, за который следовало заплатить эти деньги, еще два года назад²⁶! В письме, посланном позднее (без даты), Кушелев писал: «По требованиям вашим несколько успокоено, но должно непременно переменить и не под вашу расписку брать деньги, а представить в коллегию поставщиков»²⁷.

На смену Баратынскому пришел инспектор артиллерии гатчинских войск подполковник Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834), назначенный также инспектором

пехоты, губернатором Гатчины, командиром 4-го мушкетерского батальона, в документах 1796 г. он именуется и комендантом Гатчины. Аракчеев прибыл в Гатчину 4 сентября 1792 г., 8 октября того же года он был назначен командовать артиллерийской ротой, получив чин премьер-майора (капитана артиллерии). 5 августа 1793 г. он был произведен в подполковники (майоры артиллерии), а 28 июня 1796 г. в полковника²⁸. Аракчеев выделялся строгим отношением к службе, ревностным усердием, быстротой выполнения повелений цесаревича и, по-видимому, отменным здоровьем. Эти качества позволили ему стать первым лицом в военной команде наследника. Именно он примчался верхом из Гатчины на помощь новому императору, и уже 7 ноября 1796 г. был назначен комендантом Петербурга, а на следующий день его произвели в генерал-майоры. Чрезмерное усердие Аракчеева и скорость выполнения им приказов не всегда способствовали их верному истолкованию, что приводило к курьезам. Так, в сентябре 1797 г. Павел I писал к Аракчееву из Гатчины: «[...] вы, видно, не прочли Моей руки. Я писал при-слать полковника Ланскова Гренадерского баталиона, а отнюдь не о баталионе, ибо его и поставить негде. Оной же баталион к вам возвращаю»²⁹.

С восшествием Павла I на престол изменилось и положение Баратынского: императору нужны были преданные офицеры для внедрения прусских порядков в армии, поэтому наш герой вновь был приближен ко Двору. Произошел новый взлет по служебной лестнице: 13 ноября 1796 г. он стал полковником, 1 января 1797 г. произведен в генерал-майоры, 17 мая того же года под его команду определен Лейб-Гренадерский полк (шефом полка являлся император); в конце 1796 г. и в мае 1797 г. он инспектировал полки А.В.Суворова в Тульчине и Киеве и полки Лифляндской дивизии. В первые месяцы царствования Павла I на его приближенных пролился дождь наград, который не обошел стороной и Баратынского. В декабре 1796 г. вместе с братом Богданом он получил имение и 2 тысячи душ крепостных в Тамбовской губернии, в дни коронационных торжеств Абрам Андреевич указом от 30 апреля 1797 г. был награжден орденом Святой Анны I степени под № 24, в соответствии с 25-й статьей статута ордена ему было пожаловано командорство (земли с казенными селениями, отданные в управление кавалеру ордена) в Мос-

ковской губернии в Волоколамском уезде из селений Харитоновой, Гавриной и Касиловой³⁰; за осенние маневры 1797 г. в Гатчине ему был подарен дом в Петербурге. 18 июня 1798 г. Баратынский был произведен в генерал-лейтенанты, но уже 11 августа 1798 г. отчислен от командования полком, а 6 сентября отправлен в отставку. Примечательно, что днем ранее, 5 сентября, его покровительница Е.И.Нелидова покинула столицу, что связано, прежде всего, с ее опалой, последовавшей в августе того же года. По семейному преданию, существовала и вполне конкретная причина отставки, более похожая на исторический анекдот: «Император Павел, будучи недоволен одним из лиц, близко стоявшим ко Двору, приказал генералу Баратынскому передать от его имени довольно резкую фразу. Питая особое уважение к навлекшему на себя высочайший гнев и не желая причинить ему сильного огорчения, генерал-лейтенант Баратынский сделал перестановку слов и фраза государя, благодаря этому, утратила свой первоначальный острый характер. Сановник принял слова, переданные ему генералом Баратынским, как знак особой милости государя, и поехал благодарить императора. Хитрость Баратынского была обнаружена и император Павел, сильно разгневанный, приказал ему немедленно ехать в деревню [...]»³¹. Характерной чертой короткого царствования Павла I была череда отставок людей, преданных императору, причем «фавор был безошибочным провозвестником опалы»³².

Незадолго до этого, 29 января 1798 г. Баратынский женился на Александре Федоровне Черепановой (1777–1853), дочери бывшего коменданта Петропавловской крепости, выпускнице Института благородных девиц (Смольный институт), подруге и сокурснице своей сестры Маши, фрейлине императрицы Марии Федоровны. В сентябре чета Баратынских переехала из Петербурга в родовое имение Голощапово в Смоленской губернии, а в начале 1799 г. в Тамбовское имение Вяжлю, где 19 февраля 1800 г. у Баратынских родился первенец Евгений. В отличие от своих сослуживцев А.А.Аракчеева, М.И.Донаурова и других, отправленных Павлом I также в отставку, Баратынский не был востребован с восшествием на престол императора Александра I. Возможно, сему причиной были его личные качества, еще в 1789 г. он писал родителям: «[...] я не снискиваю благосклонности чрез подлое

уничтожение, и коварною лестью вымалывать благодеяния мне не сродни. Мой закон есть правда, и чрез то я погибаю»³³. В 1804–1806 гг. Абрам Андреевич избирался предводителем дворянства Тамбовской губернии. В 1809 г. Баратынские переехали в Москву, где 24 марта 1810 г. он неожиданно скончался и был похоронен на кладбище Спасо-Андроникова монастыря (могила не сохранилась). Его здоровье, по-видимому, было подорвано на службе, письма 1800-х гг. пестрят упоминаниями о лихорадках, жестоких простудах, ревматизме. На руках у вдовы осталось шесть детей, младшая дочь Варвара родилась спустя 3,5 месяца после смерти отца.

Имя Абрама Андреевича Баратынского встречается в немногих письмах и мемуарах современников, которые отзываются о нем только с положительной стороны. Известный мемуарист Ф.Ф.Вигель в 10-летнем возрасте видел Баратынского в Киеве, позднее он писал: «Узнали, что приехал из Петербурга генерал-адъютант Баратынский, о котором дотоле не слыхивали. Все вздрогнули, все ожидали видеть людоеда; тем приятнее все были изумлены, когда узнали сего почтенного, тогда еще довольно молодого человека, благонамеренного, ласкового, с столь же приятными формами лица, как и обхождения. Казалось, он приехал не столько осматривать полки, сколько учить их по новому уставу, и он делал сие с чрезвычайным усердием, с неимоверным терпением, как будто обязанный наравне с их начальниками отвечать за их исправность. Он охотно разговаривал о своем государе и благодетеле, уверял всех в известной ему доброте его сердца, стараясь всех успокоить на счет ужасов его гнева и чуть-чуть было не заставил полюбить его»³⁴. В офицерских списках Гатчинских войск на четырех бронзовых досках, помещенных в середине XIX в. в Гатчинском городском соборе Святого Павла, имя Баратынского отсутствовало³⁵. Сохранился документ о добром отношении к нему в Гатчине: приписка Ивана Черкасова к письму Баратынского к отцу от 16 октября 1796 г.: «[...] Я недавно приехал из Гатчины, в коей Абрам Андреевич оставил по себе лестный аттестат. Каждый офицер, каждый солдат, житель, от мала до велика, с восхищением произносит имя его. Я привез к нему от всех подчиненных его и неподчиненных сердечнейшие поклоны [...]»³⁶. В последнее десятилетие личности А.А.Баратынского уделено

значительное внимание в книгах А.М.Пескова³⁷, в публикациях журнала «Наше наследие» и других изданиях³⁸.

Должности командира батальона, инспектора пехоты и губернатора Гатчины были чрезвычайно хлопотными. Общеизвестна любовь великого князя Павла Петровича к мелочной опеке своего войска, он стремился быть в курсе всех событий, рьяно следил за исполнением уставов, приказов, что отразилось в многочисленных записках к герою нашего повествования. Эти документы имеют свою почти детективную историю. Записки бережно хранились в семейном архиве, рукою одного из внуков было написано объяснение к ним и дважды подчеркнуто слово «сохранить»³⁹. Младшая дочь Баратынского В.А.Рачинская предоставила их в 1870 г. П.И.Бартеневу для публикации в «Русском архиве». В бумагах Бартенева сохранился его отзыв о подобных документах: «Для психологов, археологов и историков, думаю, нелишне будет знать, что прямо из сердца и души Павла было собственноручно им выражено»⁴⁰. Из 47 предложенных записок для печати было отобрано всего 11. Записки были опубликованы в 1870 г. без комментариев, со ссылкой на принадлежность владельце⁴¹. К счастью, все 47 записок были предварительно скопированы, и уже по копиям производился отбор. В начале XX в. записки оказались в собрании Ю.А.Бахрушина, который в 1930-х гг. продал их Государственному литературному музею, но не в полном составе: 3 записки были утрачены, причем только одна из них была в числе уже опубликованных. Большой удачей можно считать обнаружение в архиве копий 2-х исчезнувших оригиналов. Поэтому записки публикуются как по подлинникам из фонда Баратынских, так и по копиям из Коллекции мемуаров РГАЛИ, в которой находится тетрадь с копиями 47 записок. 12 записок написаны собственноручно великим князем Павлом Петровичем, остальные им подписаны. Лишь 3 подлинные записки не подписаны, среди них и записка о телесном наказании рядового И.Юнге от 23 января 1796 г. Великий князь внимательно прочитывал подписываемые им документы, исправлял ошибки и делал всегда конкретные замечания. Внешний вид записок иногда свидетельствует о душевном состоянии цесаревича: так записка, касающаяся расследования чрезвычайного происшествия в Гатчинской команде в декабре 1793 г., усеяна кляксами, почерк выдает возбуждение писавшего.

Записок было гораздо больше, Баратынский в письмах родным упоминал не сохранившиеся в семейном архиве документы. В ГА РФ находятся копии других записок великого князя Павла Петровича к Баратынскому, наиболее интересные из них для полноты картины мы включили в данную публикацию.

Публикуя эти документы, нельзя не упомянуть об Аракчееве, который собственноручно заверил копию «Журнала писем Государя императора Павла I-го к подполковнику Баратынскому в 793, 794, 795 и 796 годах», хранящуюся ныне в ГА РФ⁴², и по приказу которого, по-видимому, этот журнал был скопирован. Материалы, которые были рассмотрены при подготовке данной публикации, не позволяют судить об организаторских и других качествах Аракчеева, но обращает на себя внимание его бережное отношение к документам. Он также получал записки от великого князя Павла Петровича, которые не только сохранил в своем архиве, но в 1821 г. секретно напечатал в типографии при Управлении военных поселений брошюру «Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву» в количестве 24 экземпляров. В 1823–1824 гг. им были изданы брошюры с рескриптами, письмами и записками Александра I. И все это было сделано для нас – потомков: брошюры должны были быть уложены в специально изготовленные футляры и помещены в колонны строящегося в это время Андреевского собора и его колокольни в селе Грузино Новгородской губернии. Аракчеев писал И.Ф.Симборскому (1776–1854), ближайшему сотруднику по Управлению военными поселениями и исполнителю данного задания: «[...] мне сия мысль взошла нечаянно; кажется, сие удивлять будет потомство [...]»⁴³. Симборский выступил со встречным предложением – положить в каждый футляр гравюру с портретом Аракчеева, чтобы потомки могли видеть образ того человека, которому эти документы предназначались и который их сохранил. Судьбу первой брошюры, к сожалению, до конца выяснить не удалось, но уже в 1864 г. это издание записок Павла I использовал В.Ратч для работы над книгой об Аракчееве, доставил ему брошюру крестник А.А.Аракчеева, сын его соседа по имени Грузино и товарища по службе – А.П.Бровцын. В 1873 г. записки были полностью перепечатаны в «Русской старине»⁴⁴, экземпляр этой брошюры хранится

ныне в отделе редкой книги ГПИБ. Подлинники же записок находятся в ГА РФ⁴⁵. В них неоднократно упоминался Баратынский. Одну из записок хочется привести здесь полностью, так как в ней содержится отрицательный отзыв о службе Баратынского, но следует учесть, что она была послана спустя всего 3 месяца после первой опалы нашего героя. Записка была написана собственноручно великим князем Павлом Петровичем 28 июня 1796 г. в Павловске и направлена в Гатчину: «Как баталионы майоров Недоброва и Федорова зачинают приметным образом опускаться и становятся похожи на образ, как было при инспекторе Баратынском, то и советую приехать сюда на некоторое время вывести сей дух»⁴⁶. Примечательно, что копия именно этой записки оказалась также и в документах Павловской команды за период, когда Аракчеев управлял ею.

Публикацию записок-распоряжений великого князя Павла Петровича предваряют письма Абрама Андреевича родителям. Знакомство с ними доставляет истинное удовольствие, они написаны легко, живо. Чувствуется, что писать письма молодой офицер любил, сетовал на помехи, обходился без черновики, практически не делал помарок и исправлений, заполняя порой по четыре страницы и поля на них, чего не скажешь о брате Петре, делавшем лишь небольшие приписки к письмам почти полууставом.

Письма интересны с бытовой стороны, некоторые слова в них звучат почти современно: это и «эликсир жизни» — лекарство от всех болезней, регулярно посылаемое родителям из Петербурга; и большой конкурс в Смольный институт, который не выдержала сестра Катя в 1788 г.; и деньги, отданные братьями в долг под большой процент и навсегда утраченные ими и др. В письмах отражены этапы военной карьеры А.А.Баратынского, раскрываются его человеческие качества: любовь к родителям, ответственность за судьбу младших братьев и сестер, постоянное стремление к семейному единению, активность, предприимчивость, сентиментальность, доброта и миролюбие. Последнее качество не очень характерно для офицера, однако, он написал по поводу вылазки голодных турок из осажденного русскими войсками Очакова в 1788 г. и последовавшем затем тяжелом бое: «[...] неприятеля никогда не должно доводить до отчаяния»⁴⁷. Предлагаем чита-

телям 7 ранее не публиковавшихся писем с интересными бытовыми подробностями⁴⁸.

В данную публикацию также включены письма Баратынского К.И.Горохову. Сведения о Горохове крайне скудны, документы с упоминанием о нем датируются только 1792 г., по-видимому, именно этим годом и ограничивается его служба в Павловской команде. Подтверждения этому найти не удалось, но в команде довольно часто практиковалась отсылка неугодных военнослужащих в Адмиралтейств-коллегию. Косвенным доказательством этого предположения может служить недовольство, высказанное Кушелевым в письме к Горохову 27 мая 1792 г.: «Его Императорское Высочество, узнав что на Каменном Острове в офицерах попускается некоторое ослабление по службе, чем он весьма недоволен, и рекомендует, чтоб команда была в неослабном состоянии и чтоб все офицеры старались быть исправны и узнавши свою должность, и ревностны к исполнению всего того, чего служба требует, также и соблюдали бы дисциплину и подчинение сие указано прочитать при приказе»⁴⁹. Из формулярного списка и списков офицеров следует, что капитан Горохов был командиром 1-й роты 1-го флотского батальона, начал службу в 1767 г., в чинах с 1787 г., в батальоне с 18 февраля 1792 г.⁵⁰ Письма Баратынского Горохову характеризуют повседневную деятельность первого в качестве командира батальона. Сохранилось 19 писем за 1792 г., из которых видно, что Абрам Андреевич входил во все детали экипировки солдат, обеспечения войск продовольствием, боеприпасами, организации учений, решал внутренние и внешние конфликты своей команды. Именно в этом году он получил в подарок упоминаемую выше табакерку. Вниманию читателей предлагается 4 наиболее интересных письма.

Публикуемые документы разделены по указанным выше группам, а в них расположены по хронологии. После каждого письма указано место его хранения. При публикации записок великого князя Павла Петровича особо оговаривается их подлинность или копияность, а также его собственноручные записки; знаком * отмечены ранее напечатанные записки.

Текст публикуется по современной орфографии и пунктуации с сохранением особенностей написания в XVIII в. некоторых слов (майор, порутчик, баталион, миод, всио,

лучше, естли, экипаж, экстракт, ескадрон, в етом, маиа (мая) и др.). В квадратных скобках приводятся трудночитаемые слова и пропуски в них, дается расшифровка сокращений в тексте, указываются предполагаемые даты документов. В публикации принято единообразие в передаче фамилии Баратынский, хотя в документах встречается и иное написание – Боратынский.

Надеемся, что публикуемые документы не только добавят некоторые штрихи к образу Павла I, но и через знакомство с личностью нашего героя А.А.Баратынского позволят поколебать тот стереотип, который сложился в мемуарной и исторической литературе о гатчинских военнослужащих как о ограниченных солдафонах и бездумных вояках.

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 52.

² Там же. Л. 234–235.

³ Там же. Л. 73.

⁴ Там же. Л. 78.

⁵ РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 3. Л. 321. Экзерциции (екзерциции) – военные упражнения для обучения солдат применению оружия, строевому делу; шаржировать – от франц. charger – заряжать [ружье].

⁶ Кушелев Григорий Григорьевич (1754–1833) – граф (1799), адмирал (1799), командир водяных коммуникаций (1800), основатель и начальник Депо карт, в отставке с 1801 г. В 1791 г. капитан 2 ранга, командовал озерной флотилией в Павловской команде, пользовался исключительной доверенностью цесаревича. В РГАЛИ хранится 34 записки Г.Г.Кушелева к А.А.Баратынскому за 1791–1796 гг., отражающие не только служебные, но и дружеские личные отношения.

⁷ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 13. Штейнвер Адам Карлович фон (ум. 1792) – барон, майор, первый командир 1-го флотского батальона (1788–1792), был приглашен из Пруссии в Россию в 1775 г. для службы в кирасирском полку Наследника, чтобы вымуштровать его по прусскому образцу. А.Штейнвер дезертировал из армии Фридриха II, великий князь Павел Петрович видел в нем нового Лефорта (См.: Валишевский К. Сын Великой Екатерины император Павел I, его жизнь, царствование и смерть. СПб., 1914. С. 69, 70).

⁸ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 20. В приводимых документах речь идет о бароне Адаме Карловиче фон Штейнвере, хотя в 1-м флотском батальоне с 1785 г. служил также его брат барон Филипп Карлович фон Штейнвер (1753–?). В военной команде цесаревича довольно часто служили родственники, а в рапортах предписывалось писать фамилии офицеров без имен, прибавляя к одинаковым фамилиям «большой или

малой» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 43). При личной переписке это правило не соблюдалось.

⁹ РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1. Л. 50, 74.

¹⁰ Там же. Д. 11. Л. 135.

¹¹ Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве, собранные Василием Ратчем. СПб., 1864. С. 110. Подробнее об истории Павловской команды см.: Сведения о Гатчинских войсках. СПб., 1835; *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с рисунками. Ч. 6. СПб., 1900. С. 71–82.

¹² *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1992. С. 172.

¹³ *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 85.

¹⁴ *Песков А.М.* Павел I. М., 2000. С. 383, 112.

¹⁵ Записки Николая Александровича Саблукова. СПб., 1907. С. 15.

¹⁶ РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 12. Л. 954.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 17.

¹⁸ *Массон Ш.* Указ. соч. С. 88.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 125 об. Фунт равен 409 граммам.

²⁰ Там же. Л. 141.

²¹ РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 15. Л. 519.

²² Там же. Д. 11. Л. 27.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Там же.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 33.

²⁶ Там же. Л. 32.

²⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 42.

²⁸ Основные даты жизни А.А.Аракчеева. Аракчеев: Свидетельства современников. М., 2000. С. 24.

²⁹ Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчеву // Русская старина. 1873. № 7. С. 489.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 5.

³¹ *Судравский В.К.* История Лейб-Гвардии Гренадерского полка 1756–1906. СПб., 1906. Т. 1. С. 299.

³² *Массон Ш.* Указ. соч. С. 125.

³³ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 51а, 51б.

³⁴ Записки Филипа Филиповича Вигеля. М., 1891. Ч. 1. С. 91.

³⁵ Столетие города Гатчины. 1796–1896. Гатчина, 1896. Т. 1. С. 65–71. Бронзовые доски в соборе не сохранились.

³⁶ *Песков А.М.* Боратынский. М., 1990. С. 27. Именно майору Ивану Михайловичу Черкасову, по-видимому, близкому к семье человеку, во время опалы сына доверил А.В.Боратынский 24 августа 1799 г. подать прошение в Сенат на имя Павла I о повышении в чине (См.: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 1).

³⁷ *Песков А.М.* Боратынский. М., 1990; *Песков А.М.* Летопись жизни и творчества Е.А.Боратынского. М., 1998.

³⁸ Алексеев Н., Долгополова С., Храпцова Е. Возвращение в Мураново // Наше наследие. 1990. № 5. С. 14–15; Климкова М. Художественная летопись рода Боратынских // Наше наследие. 2000. № 55. С. 127–137.

Благодаря публикации Климковой удалось уточнить, что миниатюрный портрет, хранящийся в Музее А.С.Пушкина в Москве и атрибутированный как портрет А.А.Баратынского, является на самом деле портретом его младшего брата Петра Андреевича Баратынского (Ср.: Портретная миниатюра из собрания Государственного музея А.С.Пушкина. СПб., 1997. С. 57).

³⁹ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 1.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 22.

⁴¹ Записочки Павла Петровича к Абраму Андреевичу Баратынскому // Русский архив. 1870. № 7–8. Столб. 1438–1441.

⁴² ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387.

⁴³ Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. С. 478.

⁴⁴ Там же. С. 477–490.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 404.

⁴⁶ Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву. С. 485.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 44 об.

⁴⁸ В РГАЛИ хранится переплетенный том писем А.А.Баратынского, наиболее интересные из которых опубликованы А.М.Песковым в книге «Баратынский» в 1990 г., 20 писем как в полном виде, так и в отрывках были опубликованы Е.Э.Ляминой, Е.Е.Пастернак, А.М.Песковым в биографическом альманахе «Лица» (М.–СПб., 1993. [Вып.] 2. С. 209–229).

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 19.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 3. Л. 640 об.; Д. 1. Л. 40, 759.

Письма А.А.Баратынского родителям А.В. и А.М.Баратынским

1

Милостивые государи родители!

Мы были в несносной скуке отсутствием вашим и не знаю, какая может сравниться печаль с тою, что мы чувствовали, с вами расставшись; но мы только тем немного утешились, представляя себе сколь ваше присутствие нужно дома, и сколь вы своим прибытием много всех обрадуете, особливо матушку, которая об вас и об нас в великом беспокойстве; то мы по мере той стали терпеливо сносить ваше отсутствие. Но мы только о том думаем, как вы благополучно доехали; уведоьте нас, милостивый государь, о

вашем путешествии, чрез то дадите нам знать о состоянии здоровья вашего, которое драгоценнее нам всего на свете.

При сем честь имеем поздравить вас, получа новый чин¹, на который определение уже подписано: копию ж с определения привезет вам Платона Юрьевича Храповицкого² стряпчий³, который об оном много старался; а патент⁴ я не успел прислать за скорою его отъездкою, однако чрез верную оказию скоро вам перешлю. За патент же надобно около тридцати рублей со всеми расходами. О себе ж честь имеем донести, что мы, слава богу, живы и здоровы; милостыми ж Николая Логиновича⁵; также капитаном Петром Сергеевичем⁶ мы так довольны, что всех их к нам благоденствие не может изъяснить перо мое; особливо первый, который старается равно как о своих детях; также и капитан не упускает ни одного случая к оказанию нам своего благоденствия, и кажется будто как стараются о превосходстве, кто больше сделает нам добра; не забудьте, батюшка, писать к ним своей благодарности о их к нам милости.

При сем осмеливаемся донести, что у нас запаса ничего почти не остается, а муки последний хлеб сего дни утворили; я ж, батюшка, откомандирован был в Петергоф и пробыл там две недели; сколько все ни старались меня оттуда избавить, однако все просьбы остались тщетны, которая поездка не дешево мне стала, так же и там содержание; и притом и исправил кое-что себе лишнее, и чрез то очень умалились у нас деньги. Запас же, батюшка, покорно просим поскорее прислать, вы сами известны о здешнем положении, также и о цене всего, так по этому и судить можете. О братцах же Богдашиньке и Ильюшиньке⁷ уведомляю, что они, слава Богу, живы и здоровы и отпущены теперь к нам. И, может быть, пробудут здесь все каникулярное время; так же, батюшка, не худо бы и для братцов запаса прислать, он им нужен, особливо миоду и масла, так же и ветчины; Алексапинька⁸ ж, слава Богу, здоров и весел, мы к нему часто ходим, и он стал сносить отсутствие ваше терпеливо. Ванька⁹ ж, как только вы отъехали, сделался чрезвычайно болен горячкою, от которой еще и теперь в слабом состоянии; однако получил уж совершенное облегчение, только работать еще ничего не может; люди ж наши все, слава Богу, здоровы.

И так, донеся все сие и свидетельствуя мое глубочайшее почтение вам и милостивой государыне ма-

тушке, с моим всегдашним к вам высокопочтением
пребуду; вам милостивые государи родители! всегда
послушный сын и всенижайший и всепокорнейший
слуга

Абрам Баратынский

30-го июля
1785 году

Простите ж мне, милостивая государыня матушка, что
не писал к вам особого письма, клянусь вам, что едва
мог и сие написать за скорою отъездкою стряпчего; я
как был, так и всегда есмь вам, м[илостивая] г[осудары-
ня], всенижайший и послушный сын:

Абрам Баратынский

Всем нашим родственникам всенижайшее почтение сви-
детельствуем А[брам], П[етр], Б[огдан], И[лья] Б[аратын-
ские].

М[илостивой] г[осударыне] бабушке¹⁰, матушкам те-
тушкам Анне Васильевне, Ефросинье Васильевне, Надеж-
де Васильевне, Елене Васильевне¹¹, всем дядюшкам все
мы обще нижайшее почтение относим.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 3–4 об.

¹ 10 апреля 1785 г. А.В.Баратынский получил чин титулярного совет-
ника (9 класс «Табели о рангах»).

² Храповицкий Платон Юрьевич (1738–1794) – смоленский губерна-
тор и сенатор.

³ Стряпчие – чины прокурорского надзора, наблюдавшие за законно-
стью решения дел в губернских палатах гражданского и уголовного суда.

⁴ Патент на чин титулярного советника за подписями сенаторов
Алексея Нарышкина, князя Михаила Долгорукова, князя Андрея
Щербатова (одна подпись неразборчива) был оформлен 7 ноября
1785 г. и сохранился в архиве Баратынских (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1.
Ед. хр. 123. Л. 4).

⁵ Щербачев Николай Логинович – знакомый, покровительствовавший
А.А.Баратынскому в Петербурге.

⁶ Капитан Петр Сергеевич – по-видимому, офицер лейб-гвардии Семе-
новского полка, в который А.А.Баратынский был переведен 1 марта
1785 г.

⁷ Богдан и Илья Баратынские с мая 1785 г. проходили обучение в Мор-
ском кадетском корпусе, из которого вышли гардемаринами.

⁸ Александр Баратынский в 1785 г. был определен в Петербургский
кадетский корпус.

⁹ Ванька – крепостной А.В.Баратынского, отпущенный на оброк в Петербург.

¹⁰ Бабушка – Баратынская Екатерина Ивановна (урожд. Рачинская; ок. 1723–?), мать А.В.Баратынского. Упоминается среди членов семьи Баратынских в протоколе заседания 20 октября 1794 г. собрания председателя губернского дворянства и уездных дворянских депутатов Смоленского наместничества о внесении рода Баратынских в 6-ю часть дворянской родословной книги Смоленской губернии (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 3).

¹¹ Сестры А.В.Баратынского: Анна (1737–?), Ефросинья (в замужестве Рачинская; 1739–?), Надежда (сер. 1730-х – после 1809), Елена (сер. 1730-х – после 1809).

2

3-го июня 1790-го г., Санкт-Петербург

Милостивые государи батюшка и матушка!

Теперь я в Петербурге и проехал, слава Богу, благополучно дорогу¹. 1-го числа июня я прибыл в здешний город и осведомился о братьях, что они, слава Богу, живы. Брат Богдан Андреевич на галерах главным командиром, а Ильюшинька на кораблях²; а брат Петр Андреевич в гренадерском баталионе³ и выбран курьером к генерал-порутчику Егельштрому⁴, которая должность довольно почтенна, хотя и с трудом. Антон Михайлович⁵ в тот самый день услан в поход, в который я приехал, и мне очень жаль было, что я обстоятельно еще не знаю о всех здешних и тамошних происшествиях; но чрез письма, которые к нему братья писали, я узнал обо всем совершенно. Теперь скажу вам о себе, что я, слава Богу, спокоен в рассуждении моей просрочки. Лишь только я приехал в Петербург, то и отправился в Сарское Село⁶ к тетушке⁷ с просьбою у нее рекомендательного письма. Ее не было в Сарском Селе, и лишь только я хотел ехать в Павловское, где она находилась с великим князем, то, к счастью моему, она приехала, и я был у нее, и она меня приняла с таким обрадованием, как самый искренний друг, и с превеликим удовольствием тотчас мне написала письмо к Федору Федоровичу Буксгевину⁸, который хотя генерал-майор и различных орденов кавалер, но правит еще нашим полком. И так я надеюсь, что мне ничего не будет, кроме что за прошедшую треть я жалованья не получу, что и по законам должно. Но когда б не письмо тетушки, то непременно б меня выключили из полку. Я

просил только рекомендательного у нее письма и чтоб меня Буксгевин принял под свою протекцию; но когда б я просил и гораздо того превосходнее, то я не думаю, чтоб она в чем отказала. В таком случае покорнейше вас прошу, матушка, не оставьте нашей всех всепокорнейшей просьбы, ради самого Христа, сварите пуд варенья для подарку ей. Мы ж вам за оное по век наш будем плательщики. Чрез оное наше усердие мы можем еще больше от нее интересоваться. Еще ж вам скажу за секрет: что она скоро выходит замуж за князя Куракина⁹ – камергера, за пречестнейшего человека, у которого 15 тысяч душ и первый любимец великого князя. Сделайте, матушка, милость, не оставьте нашей просьбы, и чего б то ни стоило, мы вам за оное больше пришлем гостинца; но мы надеемся, что вы и без всего для нашего благополучия ничего не пожалеете, и притом теперь уж успеть нельзя, но к осени, сделайте милость, пришлите, чем составите наше счастье.

Наш полк весь на галерах, и я там же буду, и хочется нынешнюю кампанию¹⁰ послужить здесь, а после, я надеюсь, что я или буду адъютантом, или дежур-майором. А теперь для того я иду, что братья все в походе, то и мне хочется там быть.

Дороговизна превеличайшая: на корм здесь по 90 ко[пеек] пуд сена, а в Выборге по 3 р[убля] 50 ко[пеек], чему вы поверить не можете, но то – совершенная правда, для того, что дают отсюда за провоз сена за каждый пуд по 1 [рублю] 25 ко[пеек], чему был я очевидный свидетель, то я не думаю своих лошадей там держать, а пошлю их в Петербург, чтоб они были в заработках, а то и сам себя продашь, а они сыты не будут. Бурого коня я продал в ночную пору на дороге за 6 рублей, чему я очень рад; а он так пристал¹¹, что и ног не тащил, и притом он был с запалом¹².

О воинских происшествиях я писать никогда не буду для того, что не можно. Много б можно, но сказывать не должно. И так за сим простите, милостивые государи! Просите Бога о нашем благополучии, а я, прося вашего родительского благословения, пребуду вам, милостивые государи! всепокорнейший сын: Абрам Баратынский.

Алексашинька, слава Богу, здоров, я его видел, и он прилежно учится.

Милостивой государыне бабушке мое всенижайшее высокопочитание и любезным сестрицам Машурачке и

Катиньке¹³ мой усерднейший поклон, со слезами заочно вас целую.

Елексир долгой жизни посылаю, но купить теперь не могу, а на будущей почте вам доставлю.

Когда изволите писать письма, то извольте писать на имя Виктора Денисьевича Рачинского¹⁴, живущего в Семеновском полку в 1-й роте, так же здесь и служит.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 67–68 об.

¹ А.А.Баратынский прибыл из отпуска, проведенного у родителей в имении Голощапово Бельского уезда Смоленской губернии.

² Б.А. и И.А.Баратынские принимали участие в боях на Балтийском море во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.

³ В 1790 г. П.А.Баратынский был зачислен в военную команду великого князя Павла Петровича.

⁴ Игельстром (Игельштром) Осип Андреевич (Иосиф Отто Генрих) (1737–1817) – граф (1792), генерал от инфантерии (1796), на русской службе с 1756 г., взял в плен последнего крымского хана Шагин-Гирея (1784), в 1790 г. в чине генерал-поручика был направлен в Финляндскую армию, участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. и в переговорах по заключению Верельского мира (1790), наместник псковский (1792), наместник киевский и черниговский (1793), Оренбургский генерал-губернатор (1796).

⁵ Рачинский Антон Михайлович (1769–1825) – двоюродный брат А.А.Баратынского, принимал участие в боевых действиях во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.

⁶ Царское Село.

⁷ Имеется в виду Е.И.Нелидова.

⁸ Буксгевден (Буксгевин) Федор Федорович (Фридрих Вильгельм) (1750–1811) – граф (1797), генерал-майор, командир Кексгольмского пехотного полка, командовал дивизией в Польской кампании 1793–1794 гг.

⁹ Куракин Александр Борисович (1752–1818) – князь, товарищ детских игр и занятий великого князя Павла Петровича, камергер, вице-канцлер (1796); уволен от службы в 1798 г.; канцлер российских орденов, член Государственного Совета (1802), посол в Вене (1806), в Париже (1808). Слухи о предполагаемой женитьбе А.Б.Куракина на Е.И.Нелидовой не подтвердились. Дружеские отношения, существовавшие между ними, сохранились на долгие годы, о чем свидетельствуют письма А.Б.Куракина А.А.Баратынскому. Так, в июле 1801 г. Куракин писал: «Нашу почтенную Катерину Ивановну вижу часто и всегда любить и почитать от всей моей души не перестая» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 14 об.).

¹⁰ Летняя кампания 1790 г. в русско-шведской войне.

¹¹ Пристал – устал, донельзя заморен гоньбой.

¹² Запал – болезнь легких у лошади, выражающаяся в одышке.

¹³ Сестры А.А.Баратынского – Екатерина (1785–1842), Мария (в замужестве Панчулидзева; 1781 или 1783 – ок. 1845).

¹⁴ Рачинский Виктор Денисьевич – знакомый А.А.Баратынского по службе в лейб-гвардии Семеновском полку, к которому впоследствии он писал из шведского плена.

3

18-го сентября 1791-го года. Гатчина

Милостивый государь батюшка!

Простите мне, милостивый государь батюшка, что я так долго не имел честь к вам писать; не сочтите, батюшка, чтоб леность была причиною такого медления. Сей бы был для меня непростительный проступок, если б я, имея свободное время, не употребил оное на написание к вам: но причина тому та, что я все оное время в беспрестанных находилсЯ суетах и переездах, которые мне и воспрепятствовали иметь честь писать к вам; а особливо перемена образа моей службы, которая сверх чаяния моего воспоследовала, мало мне давала времени праздного. – Я имел честь к вам, батюшка, писать, что я пожалован секунд-майором¹, теперь же я уже и вступил в настоящее по чину своему звание и нахожусь при Его Высочестве, которого милости столько ко мне велики, что не может изобразить оных перо мое. Словом: я желал бы, чтоб они и всегда таковыми были, каковы теперь есть. Сия перемена службы довольно для меня выгодна; ибо я, переменя службу, переменил и чин, но более всего, что я нахожусь всегда пред лицом своего Государя и ношу Его высокие милости. – Каким же образом оная перемена воспоследовала, то сие очень скоро. Его Высочество изволил приказать мне быть к себе, и как я приехал, то и объявил мне свое намерение, и как изволил увидеть, что я на оное с охотою соглашаюсь, то и пожаловал меня майором, и приказал у себя остаться; и так я с 25-го августа уже в здешних местах нахожусь.

Неполучение от вас, батюшка, писем нас чрезмерно тревожит; мы уже семь недель как не получаем от вас никакого известия; сделайте, батюшка, милость, успокойте вы нас хоть одною строчкою, чем доставите нам превеличайшую отраду. Вам самим, батюшка, известно, сколько неизвестность представляет воображению печальных предчувствований, от которых вы нас можете избавить

одним вашим дражайшим для нас письмом; но более всего, когда бы вы вздумали, батюшка, побывать к нам. Ах, сколько воображение сие одно нас восхищает! Но мы надеемся, что вы сделаете сие вечное для нас благодеяние. Когда б можно было нам к вам быть, то б вас мы и не беспокоили, но нам приехать теперь никак невозможно в рассуждении нашей теперь службы, должности и науки, которые совсем пресекли нам к вам путь; и притом, вам нужно на несколько времени удалиться от тех мест, где всегда возобновляется отчаяние при зрении на те места, в коих заключается наша всех общая потеря². – Довольно вы отдали дани слез и воздыханий, время принять спокойный дух, который будет нужен для восстановления истощенных сил. Нельзя истребить вовсе сию потерю, но, по крайней мере, вы можете здесь получить сугубое облегчение от вашей печали. Мы все усерднейшие ваши дети употребим всех себя для доставления вам спокойствия. – И так мы надеемся, что вы исполните нашу всепокорнейшую всех своих детей просьбу; и мы в оном воображении будем питаться приятнейшими мыслями до самой зимы, которая нам доставит сие вождеденнейшее удовольствие.

Я хотел было писать больше, но как теперь Его Высочество изволит ехать в зверинец³ обедать, куда и мне ехать должно, и уже подан экипаж, то я и не успеваю распространять, и за сим с моим всенижайшим высокопочитанием и преданностию и в ожидании вас, милостивый государь батюшка, к себе прибыть, честь имею

вам, милостивый государь батюшка, покорнейший сын:
Аврам Баратынский.

Милостивым государыням тетушкам наше всенижайшее почитание, так же и всем нашим родным.

Любезным сестрицам наш усерднейший поклон.

Братья же все здоровы; и будем мы вместе зимою все в Петербурге.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 105–106 об.

¹ Секунд-майор – первый штаб-офицерский чин, следующий за капитаном, пожалован А.А.Баратынскому 30 августа 1791 г.

² Смерть матери А.М.Баратынской, последовавшая 5 апреля 1791 г.

³ Зверинец находился в Гатчине и представлял собой «несколько романтических домиков для лесничих, много приятных мест для прогулок, звездообразные аллеи и цветочные клумбы [...]. В зверинце содер-

жалось много красного зверя» (*Кобеко Д. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1887. С. 292*). Красный зверь – зверь с ценным мехом: медведь, волк, лиса, рысь и др. Парк зверинец использовался «для содержания коллекции экзотических животных и зверей, предназначенных для различного вида охоты. Зверинцы [...] использовались как место приемов [...] и других торжеств, связанных с придворным церемониалом» (*Кючарианц Д.А., Раскин А.Г. Гатчина. Художественные памятники. Л., 1990. С. 179*).

4

Милостивый государь батюшка!

Успеваю только к вам писать, что я здоров, также и все наши, живу, слава Богу, весело по милостям Его Императорского Высочества]. Каждое воскресенье приказано мне делать концерты, где все придворные и дамы, и кавалеры у меня бывают – желаю вам от Всевышнего дожидаться в добром здоровье праздника и заблаговременно возглашаю: «Христос воскрес!» Я думаю, что вы оное получите на Святой неделе.

И за сим с моим высокопочитанием пребуду покорнейший сын:

Аврам Баратынский

30-го марта
1794 года

Гатчина

Письмо ваше получил от 8-го марта. Мне вчера доставили на плац после развода, а тут меня всегда спрашивают. Всем моим родным усердно кланяюсь.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 135.

5

Милостивый государь батюшка!

Дражайшее ваше письмо я имел честь получить в этом месяце: не помню, которого писанное: ибо я теперь пишу из Петербурга. Я часто езжу сюда в рассуждении приезда Анны Александровны¹, и теперь уже с нею распростился. Она также скоро уедет. – Мы все, слава Богу, здоровы: и братья, и сестра². Братья³ всио еще в походе и стоят на ревальском рейде без всякого действия, и я надеюсь, что они скоро будут. Между те[м], я вам доложу: что вы слышали

об учительнице, что будто она не хороша; то я вам скажу, что тот, кто вам сказал, знал прежнюю учительницу, а ту, которая теперь, и в глаза не видел, ибо она недавно приехала из Петербурга и учила детей у Державина⁴. Я думаю, батюшка, что вы сколько-нибудь слышаны о Державине, он – первый умница и сортировать людей может. И того и подумать не можно, чтоб у него была дурная учительница. То, батюшка, мы вас все покорнейше просим не терять оною времени и отдать сестру⁵. – Что ж принадлежит до церкви, когда вы хотите строить, то пожалуйста, не закладывайте, покуда я пришлю план; а то вместо церкви выйдет изба крестьянская по нашему прожектору, а возле дому должна быть церква, которая б своей фасадой не портила дому. – Я вам на досуге больше напишу, а теперь я уезжаю в Павловское, а 20-го сего месяца уедем все в Гатчину. – И прекратя с моим всенижайшим высокопочтанием пребуду

ваш,
милостивый государь батюшка,
покорнейший сын:

Аврам Баратынский

10-го августа
1794 г.

Петербург

Всем моим родным мое всенижайшее почтение свидетельствую.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 143–144.

¹ Нелидова (урожд. Симонова) Анна Александровна – мать Е.И.Нелидовой, родственница Баратынских, в письмах иногда называется бабушкой.

² Баратынская Мария Андреевна – младшая сестра А.А.Баратынского, в 1792–1797 гг. обучалась в Институте благородных девиц при Смольном монастыре.

³ Братья Б.А. и И.А.Баратынские, служащие во флоте.

⁴ Державин Гавриил Романович (1743–1816) – поэт и государственный деятель, в 1791–1793 гг. – статс-секретарь Екатерины II, сенатор (1793), президент Коммерц-коллегии (1794), министр юстиции (1802–1803), губернатор оловецкий (1784), тамбовский (1785–1788), в отставке с 1803 г.

⁵ Речь идет о заботах А.А.Баратынского о выборе учебного заведения для его младшей сестры Е.А.Баратынской, которая в 1788 г. не

была принята в Институт благородных девиц при Смольном монастыре. В письме обсуждается возможность поступления Екатерины в пансион к Швейковским в Смоленске, где, вероятно, преподавала учительница детей Г.Р.Державина (См.: РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 133 об.).

6

Милостивый государь батюшка!

Я получил письмо ваше чрез Ивана Александровича¹, за которое приношу мою чувствительнейшую благодарность. В вашем письме не упреки мне, но родительское соболезнование я вижу. Непредвидимый промысл все оное устраивает. Удаление мое на время и опять вступление без всякого моего старания произошло². Правда, удаление мое имело причины, которые вы только от меня изустно услышите, но писать к вам я оных не буду. Тогда вы увидите, что я должен был непременно то исполнить.

Я слышал, батюшка, от Ивана Алексан[дровича], что вас назначают депутатом для поздравления³; я вас прошу препокорнейше от оного не отказываться: а еще и приложить свои старания, чтоб вас послали. Вы иметь будете двоякую выгоду. Первое, что вы представлены будете государю и тут поблагодарите и за нас; 2-е, что и нас всех увидите, и естли вы назначены будете, то, пожалуйста, не мешкайте и приезжайте хоть наперед: то мы будем иметь время видеть вас подоле. Между тем, наперед пришлите запасу; хотя он нам не так нужен, но надобно будет кой-кому подарить; как то: крупы нашей мелкой, ветчины, наливок и протчего. — Брат Богдан писал ко мне, что он обещал сих вещей посланничему секретарю, который им много во всем вспомоществовал⁴, то не умедлите, батюшка, прислать оного всего скорее. Здесь новостей довольно, а более тем приятны, что милостями оные полны⁵. Завтра будет вынос телам в крепость; а третьего дня перенесено тело покойного государя Петра Третьего из Невского монастыря и поставлено на одном катафалке с государыней. А завтра вместе отнесут в церковь Петропавловскую. С каким великолепным триумфом сие шествие было, когда несли тело государя из Невского, того и описать невозможно! На целые полторы версты процессия была растянута, словом, самый Императорский вынос⁶.

Третьего дня брата Александра Его Величество изволил взять к себе в квартирмейстры⁷ и в свиту к себе. — Мы никто об оном и не знали. Уже он вступил и в должность. Чин сей поручичий, но место важнее гораздо чина.

Вот всю, милостивый государь батюшка, что с нами случилось в продолжение сего времени. Шаги не так мы велики делаем; но будет довольно с нас на первый раз. — Теперь уже мы рассчитывать будем, когда вы к нам приедете, и надеемся, что к Крещенью вас видеть уже в столице. — И засим с моим к вам глубочайшим высокопочитанием и преданностию пребуду

ваш, милостивый государь батюшка,
покорнейший сын:

Аврам Баратынский

Любезной сестрице и всем моим родным мое всеусерднейшее почтение свидетельствую. — Да привезите и Катеньку к нам.

4-го декабря
1796 года

С[анкт-]П[етербург]

Квартермейстр Александр Баратынский. Извините, государь батюшка, я не успеваю больше писать, сей час только пришел.

При гвардии подполковник

Антон Рачинский

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 181–182.

¹ Кучин Иван Александрович — родственник А.А.Баратынского, помещик Бельского уезда Смоленской губернии.

² Имеется в виду перевод А.А.Баратынского в Счетную экспедицию Адмиралтейств-коллегии 1 апреля 1796 г. и новое приближение ко Двору, последовавшее в ноябре того же года.

³ Поздравление императора Павла I во время коронационных торжеств, проходивших в апреле 1797 г. в Москве.

⁴ Морские офицеры братья Богдан и Илья Баратынские в начале лета 1795 г. были направлены великим князем Павлом Петровичем в Англию для прохождения службы в английском флоте. По-видимому, предполагалось сделать подношение чиновнику, содействовавшему их поездке.

⁵ В первые месяцы своего правления Павел I с необыкновенной щедростью раздавал приближенным новые должности, деньги, земли, ордена. Все офицеры и солдаты Павловской команды переводились в гвардию. Офицеры, награжденные орденом Святой Анны, получали по тысячи душ крепостных, а остальные по пятьсот душ. Срок службы простых солдат команды сокращен был с 25 до 15 лет, солдаты получали по 15 десятин земли в Саратовской губернии. А.А.Баратынский был награжден орденом Святой Анны I степени, 5 декабря 1796 г. вместе с братом Богданом он получил 2 тысячи душ в Тамбовской губернии.

⁶ 2 декабря 1796 г. прошло торжественное перенесение гроба с останками Петра III из Александро-Невской Лавры в Зимний дворец. 5 декабря тело Екатерины II и останки Петра III были перевезены в Петропавловский собор, где 18 декабря состоялось их погребение.

⁷ Квартирмейстер – военнослужащий (унтер-офицер, офицер, генерал), ведавший передвижением войск, размещением их в лагере и на квартирах.

7

[Из письма братьев и сестер Баратынских А.В.Баратынскому от 22 апреля 1798 г.¹]

Сегодняшний вечер, милостивый государь батюшка, нас собрал всех вместе; и для того вы получите ото всех нас хоть понемногу. – У нас начало весны и начало трудов, и трудов многих; правда, и у вас тоже, но с тою только разницею, что всякий с охотою хотел бы быть свидетелем сельских подвигов. Хотим мы застать вас на половине оных; но сбудется ль это или нет, не знаю. Но только очень и очень хочется и мне, моей Александре Ф[едоровне]² также, и протчие никто не откажется за нами следовать. – Только это, кажется, можно видеть в гаданиях. То есть: во сне; однако можно как-нибудь и наяву оное исполнить, тогда и ваше, и наше желание исполнится. – И так, ожидая вождеденнейшего того времени, которое доставит нас видеть вас, батюшка, с нашим всенижайшим к вам почитанием и преданностию пребудем

ваши, милостивый государь батюшка,
покорнейшие дети

Аврам и Александра Баратынские

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 201.

¹ К письму А.А. и А.Ф.Баратынских сделали приписки Петр, Александр, Богдан, Екатерина, Мария и Илья Баратынские.

² Жена А.А.Баратынского.

Записки великого князя Павла Петровича
(с 1796 г. императора Павла I)
А.А.Баратынскому

1

С[анкт-]Петербург
Декабря 8. 1793

В ответ на ваше ко мне письмо, г[оспода] подполковники¹, даю вам полную волю при рассмотрении порученного вам дела². Разберите лишь с точностию и назначьте поименно, кого вы и к чему присудите, даже и самих штаб-офицеров³; при том не надобно ли будет судом идти, и сие на месте ли или в коллегии⁴. Сие вам пишу, чтоб вы себе рук не вязали. Майор Ертель⁵ к вам поехал. Ваш благосклонный Павел. Об [орот].

Естьли надобно покажется баталион⁶ который в Га[т]чино послать, то там все готово, и пишете прямо к Борку⁷, и меня уведоьте.

П[авел]

*РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 4 и об. Подлинник.
Собственноручная записка.*

¹ Господа подполковники: А.А.Баратынский и, по-видимому, Федор Иванович Линденер (Липинский) – поляк по происхождению, в дальнейшем генерал-майор, инспектор кавалерии (1796), шеф гусарского полка (1797), в ссылке в Калуге с октября 1799 г. Именно подполковник Ф.И.Линденер вместе с майором Ф.Ф.Эртелем участвовал в инспекционной поездке в декабре 1793 г. по ротам 3-го мушкетерского батальона майора М.Сорокина.

² Неудовольствие великого князя Павла Петровича вызвало, по-видимому, состояние 3-го мушкетерского батальона, расквартированного в Мариентале (Павловск). 6 декабря 1793 г. произошло еще одно событие в военной команде, потребовавшее разбирательства: майоры А.Витовтов, П.Д.Пуцин, [Д.И.Герценберг], И.Языков самовольно ездил из Гатчины в Павловск и пробыли там около 2 часов, за что на следующий день получили выговор от коменданта Гатчины майора барона Ф.К.Штейнвера (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 11. Л. 43).

³ Штаб-офицеры – офицеры 8–5 классов «Табели о рангах»: майоры, подполковники, полковники.

⁴ В Адмиралтейств-коллегию, центральное коллегиальное учреждение для руководства военной и административно-хозяйственной деятельностью флота в России (1717–1828).

⁵ Эртель Федор Федорович (1767–1825) – майор (1793), в Павловской команде с 1785 г., участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., в декабре 1793 г. сменил майора М.Сорокина на посту командира 3-го мушкетерского батальона, в 1795 г. исполнял должность коменданта в Павловске; с 6 ноября 1795 г. в отставке. В дальнейшем генерал-майор и Московский обер-полицеймейстер (1798), в отставке с 1801 г.; Санкт-Петербургский обер-полицеймейстер (1802–1808), участник Отечественной войны 1812 г., военный генерал-полицеймейстер всех армий (1813–1815).

⁶ 3-й мушкетерский батальон майора М.Сорокина.

⁷ Борк Карл фон – барон, статский советник, стоял во главе управления вотчиной, управлял Гатчиною до 1796 г.; являлся председателем Военного департамента, учрежденного в Гатчине 27 января 1795 г. и ведавшего всеми видами жалованья в команде.

2

С[анкт-]Петербург
Декабря 9. 1793

Я весьма вашим донесением доволен, г[оспода] подполковники, и все, что вы ни сделали, как и дальнейшее расположение ваше, апробую¹. Дожидаюсь впредь ваших уведомлений. Предварительно вам скажу, относя на собственное ваше рассуждение, баталиону² идти, как вы и сами пишете, офицеров виновных, когда у вас следствие кончите, отошлю в коллегию³ к суду в оных проступках при рапорте от вас, господин подполковник Баратынский. Есмь ваш благосклонный Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 2. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Апробация – утверждение (доклада, приговора суда и т.п.).

² 3-й мушкетерский батальон майора М.Сорокина.

³ В Адмиралтейств-коллегию.

3

С[анкт-]Петербург
Декабря 10. 1793

Ожидаю весьма окончания дела¹. Из приложенного здесь квартирному расписанию усмотрите, что роты будут все поодиночке стоять, то и уважьте сие при отправлении столь беспорядочного баталиона². Мое мнение, чтоб поставить его к одним местам, а как Пущина бат[алиона]³

четыре роты в самом Га[т]чине, то и поставить бы Пушчинских две и другого две, а потом Сорокинских и Пушчинских по одной в Колпине, затем другую половину обеих в Дяглине, Парицах и Обше Сорокина, в Пудости, Пурскове и Сиворицах другую половину Пуштина, ибо три первые места по Рож[д]ественской дороге, а другие три по Красносельской, и так целый баталион вместе ни там ни сям не поместится, а сим средством роты дурного будут ближе и разделены, и помещены с Пушчинскими. Естли же вы опасаетесь, чтоб к другому батальону не пристало, то тогда, не мешая один с другим, поставьте пороз[н]ь. Но Га[т]чино и Колпино лежат на большой дороге, места же в них на шесть рот, а прочие шесть мест совсем не вместе, а лежат на расстоянии 16 или 17 верст, а от среднего пункта Сиворицы и Пурскова 12, Пудость 8, Парицы 6, Дяглино 8, Обша 7⁴. Что же касается до командования батальоном, назначьте сами или Федорова, или Ертеля⁵, а третий даже и не капитан. Выбор на вас полагаю, ибо вы на месте. Еще примечу, что дурной⁶ столь же неудобно иметь на большой дороге, как и разбивать по деревням, а хороший⁷ разбивать — жаль портить. Сами расположите, а меня подробно известите. Ваш благосклонный Павел

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 71 и об. Копия.

¹ См. записку 2.

² 3-й мушкетерский батальон майора М. Сорокина.

³ 2-й мушкетерский батальон майора П. Д. Пуштина.

⁴ В записке перечислены населенные пункты, принадлежавшие великому князю Павлу Петровичу. По указу Екатерины II 1783 г. ему были подарены мыза (загородная усадьба с сельскохозяйственными постройками) Гатчина, мызы Новая и Старая Сиворицкие с приписанными к ним 41 деревнями. Рисунок, помещенный в записке, по техническим причинам не воспроизводим.

⁵ Майор Ф. Ф. Эртель вступил в командование 3-м мушкетерским батальоном 11 декабря 1793 г. (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 11. Л. 46).

⁶ 3-й мушкетерский батальон майора М. Сорокина.

⁷ 2-й мушкетерский батальон П. Д. Пуштина.

[Декабрь 1793']

Снесите с Борком и с Штей[н]вером², которому как коменданту должно ведать, а баталионному командиру каж-

дого баталиона в Гатчине поступить во всем, как следует противу коменданта.

П[авел]

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 62. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Датируется по содержанию: решается вопрос о расположении 2-го и 3-го батальонов (см. записку 3).

² Штейнвер Филипп Карлович (1753-?) – барон, майор, уроженец г. Кинзберха (Пруссия), комендант Гатчины с 1793 г., в Павловской команде с 1785 г., в 1792 г. командовал 2-м мушкетерским батальоном. Брат барона Адама Карловича Штейнвера.

5

С[анкт-]Петербург
Декабря 11. 1793

Все ваше донесение апробую, а майора Сорокина¹ отошлю в коллегию² к выключке из службы. Ваш благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 3. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Сорокин Михаил (1768-?) – майор, в 1792–1793 гг. командовал 3-им мушкетерским батальоном.

² В Адмиралтейств-коллегию.

6

С[анкт-]Петербург.
Декабря 12. 1793.

Извольте, Абрам Андреевич, сами потрудиться съездить поглядеть, что делается в Ертелевом баталионе¹, и потом приехать ко мне о сем донести. Всех примечавшихся офицеров, в сходственность вашего приговора, как арестом, обходом в производстве, так и службы отправлением наказать, чему и вести журнал. Впрочем есмь вам благосклонный

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 26 об. Копия.

¹ 3-й мушкетерский батальон под командованием майора Ф.Ф.Эртеля.

[Декабрь 1793¹]

Экстракт² из дела от меня в коллегия отослан, майор Сорокин будет выключен из службы. Болотов³ и Мамышев⁴ отсылаются в батальоны, протчих же участвовавших арестовать на месяц с отправлением должности и при первом произвождении обойти. Ваш благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 63. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Датируется по упоминанию об исключении из службы командира 3-го мушкетерского батальона майора М.Сорокина.

² Экстракт (экстракт) – извлечение, краткое содержание.

³ Болотов Николай Иванович – подпоручик (1788), в 1-м флотском батальоне с декабря 1791 г.

⁴ Вероятно, речь идет об одном из братьев Мамышевых – Степане или Василии, подпрапорщиках роты капитана С.Недоброво, числившихся в списках Павловской команды за 1796 г. (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 13. Л. 73 об.).

[Санкт-]Петербург

Декабря 12. 1793.

Спасибо тебе за твое дело, Абрам Андреевич. Майора Сорокина препроводите в коллегия прямо, при чем и шпагу ему отдайте, но не прежде. Комендантом в Павловском учредите майора Мертенса¹, и когда все будет кончено, можете сюда приехать, но только на время, а пребывание иметь вам в Павловском, а прежде съездите в Гатчину, осмотрите все и учредите, наблюдая во всем устав. При том для Бога, чтоб объезды рот, как вами, так и штаб-офицерами делались по уставу. Ваш благосклонный

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 26. Копия.

¹ Мертенс Вильгельм (Вилим) фон (1763–?) – майор, в Павловской команде с 1792 г., командир 2-го мушкетерского батальона (1793–1795),

расположенного в Мариентале (Павловск). Подтверждения назначения В.Мертенса комендантом в Павловске обнаружить не удалось.

9*

[Не ранее 12 декабря 1793¹]

Прикажите у себя поближе смотреть, нет ли или не будет ли из городу подосланных² кого как у вас, так и в Га[т]чине, о чем и напишите как к Штейнверу, так и Борку.

П[авел]

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 77. Копия.

¹ Датируется по времени пребывания А.А.Баратынского в Павловске.

² Великий князь Павел Петрович опасался шпионов Екатерины II, так как в его резиденциях находились придворные дежурные Большого Двора, сменявшиеся каждые четыре дня и информировавшие императрицу обо всем происходившем при Дворе наследника престола. 30 июня 1795 г. А.А.Баратынский получил в неофициальном письме предупреждение от Г.Г.Кушелева: «Прошу вас все бумаги, на имя Его [Императорского Высочества] писанные, присылать прямо к нему, а не в моем куверте. Вер[ь]те, что есть в [сих] скопироверны <так! – Л.Н.>!»

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 26 об.–26а.

10

С[анкт-]Петербург

Декабря 24. 1793

Извольте, Абрам Андреевич, вследствие письма от Кушелева¹, изготовить формальный рапорт о происходящем² и послать в Коллегию, по которому можно бы было приступить к суду; следственно чтоб в нем были прописаны все обстоятельства, которые могут до всего сего касаться, не сокращаясь в генеральных³ одних; ибо чем яснее, тем лучше, можете основываться на моем повелении. Штаб-офицера можете взять конного, равно и команду от драгун на повозках⁴. Сожалею, что вы больны. – Ваш благосклонный

Павел

Можете сюда к батюшке съездить⁵.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 27 и об. Копия.

¹ Кушелев Григорий Григорьевич (1754–1833) – капитан I ранга (1793), командир озерной флотилии, в дальнейшем вице-президент Адмиралтейств-коллегии (1798), адмирал, граф (1799). 24 декабря 1793 г.

Г.Г.Кушелев направил письмо А.А.Баратынскому о препровождении группы офицеров в Адмиралтейств-коллегию для воинского суда.

² К суду привлекались: майор А.Витовтов за самовольную поездку в Павловское 6 декабря 1793 г.; майор А.Н.Жедринский за нерадение к службе и «роптание»; майор Д.В.Лялин за неисполнение приказа Ф.Ф.Эртеля о пребывании офицеров при ротках на постое; капитан Саловкин, который будучи в карауле, покинул караульное помещение вместе с арестованными офицерами А.Витовтовым и А.Н.Жедринским и был обнаружен комендантом Ф.К.Штейнвером в гостях у официанта Жидовского (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 4. Л. 616; Д. 11. Л. 47).

³ Главных, основных.

⁴ Штаб-офицер и драгуны предназначались для сопровождения арестованных.

⁵ А.В.Баратынский приехал из имения Голощапово в Петербург навесить детей в декабре 1793 г.

11

С[анкт-]Петербург
Декабря 25. 1793

Г[осподин] подполковник Баратынский. Естьли вы здоровы, то извольте ехать в Гатчино, учредить себя там на основании устава о губернаторах¹, следственно, принять там над всем по уставу команду, возлагая на вас во всем сказанное в посланном к вам приказе вчерашнего числа, что вам и исполнить. Впрочем есмь вам благосклонный

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 27 об. Копия.

¹ Губернатор являлся начальником, осуществлявшим административные, полицейские и военные функции в губернии. Гатчина же, пожалованная Екатериной II великому князю Павлу Петровичу в 1783 г., являлась загородной усадьбой, состоявшей из посада (поселение торгово-промышленных людей) и близлежащих деревень. Статус города Гатчина получила лишь 11 ноября 1796 г. Назначение А.А.Баратынского губернатором Гатчины было произведено с целью придания ему полноты власти на данной территории.

12

С[анкт]-Петербург

Декабря 26. 1793.

Как теперь вступаете вы, Абрам Андреевич, в отправление новой должности, то и прошу вас, сообразно Уста-

ву Губернаторской должности, все сообразить таким образом, чтобы ничего из виду не выпустить. Расположение квартир вам предписано; теперь от вас зависит уже дальнейшее распоряжение, уведомьте меня, но не спеша, как вы караулы и очереди распорядите, как караульные так и дозорные, патрули, караулы по квартирам, очереди между батальонов; сборные где места; распоряжение для пожаров, где провиант для кого положен, где аммуниционные, где поимянно, которая рота и которой офицер; кто плац-майор, плац-адъютант, чтоб для учений, экзекуций, погребений вами наблюдаемо было, равномерно и о ценах. Ожидая о всем сем ответа, есмь ваш благосклонный

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 28. Копия.

13

[Не ранее 26 декабря 1793¹]

Уведомился я, Абрам Андреевич, что майор С. Ингбрехт мимо вас наведывался о вашем приказе о караулах, а как вы начальник того места, то и у него иного начальника по службе быть не может, то и извольте вследствие сего письма сделать ему выговор, прибавя, что в той земле, откуда он, он сему выучиться не мог, а впредь был осторожнее. Ваш благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 65. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Записка написана после назначения А.А. Баратынского губернатором Гатчины.

14

[Конец декабря 1793 – январь 1794¹]

Абрам Андреевич, не ошибись, драгунам ничего не содержать, кроме патрулей. Кирасиры караул у меня и конвой как обыкновенно, казаки как обыкновенно. Гренадеры вверху с офицером, мушкетеры, главный, [испытанный] с новыми караулами, в[п]р[о]чем: как обыкновенно, но на главный их не посылать².

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 61. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Собственноручные записки 14–18 предположительно были написаны в конце декабря 1793 г. – в январе 1794 г., так как в них великий князь Павел Петрович продолжает инструктировать вновь назначенного губернатора. По сохранившимся подлинникам можно судить о том, что с 1 февраля 1794 г. великий князь лишь подписывает и исправляет записки, написанные секретарями или адъютантами. Исключение составляет собственноручная записка № 69, написанная после 6 ноября 1796 г.

² В записке великий князь Павел Петрович определяет развод караула – распределение отрядов солдат для несения караульной службы. При разводе караула происходило деление на гауптвахту (главный караул), пикеты (отдельные посты).

15

[Конец декабря 1793 – январь 1794]

Артиллерийских лошадей перевезть на полумызок¹, как и фурштат², гусар³ же, там находящихся, не трогать, переговорите о сем с Б[ароном] Борком⁵. Ваш благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 67. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Полумызок – возможно, расположение конных частей на определенной территории (образовано от слова мыза – загородное имение) или определение способа довольствия лошадям.

² Фурштат – обозная часть.

³ В Павловской команде был Гусарский полк (полк легкой кавалерии).

⁴ Управляющий Гатчиной.

16*

[Не позднее 19 января 1794]

Баталионов, ни ескадронов на воду в крещение не выводить¹, знамена же и штандарты покропить тут, где они стоят на своих местах², не брав в руки, при проходе священника, когда пойдет кропить покой.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 3. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Торжественные церемонии символического освящения водой в праздник Крещения Господня проводились в дворцовом парке Гатчины на берегу Белого озера в так называемой Иордани (миниатюрном прямоугольном водоеме, для устройства которого использовали родник, который был обрамлен гранитным парапетом) (См.: Кючарианц Д.А., Раскин А.Г. Указ. соч. С. 105).

² В правой части дворца со стороны плаца, рядом с комнатой дежурного офицера располагалась знаменная, где находились знамена расквартированных в Гатчине частей.

17

[Конец декабря 1793 – январь 1794]

Маиора Мертенса отпустить.

П[авел]

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 66. Подлинник. Собственноручная записка.

18

[Конец декабря 1793 – январь 1794]

Маиора Палицына¹ отпустить на три дни.

П[авел]

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 64. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Палицын Николай (1765–?) – в Павловской команде с 1791 г., майор (июнь 1793 г.), в 1795 г. командовал 3-им мушкетерским батальоном.

19*

Петерб[ург]

1794 год фев[раля] 1 дня

Барон Борк доносит мне о желании гренадера жениться на крестьянской девице¹. На это и дал я дозволение; но к удивлению моему от вас, господин подполковник Баратынский, о том мне не донесено. Почему и должен вам подтвердить, чтоб были вы осмотрительнее, ибо многое я узнав здесь то, чего вы там будучи не знаете. Равно и о подпорутчике Банке я узнал чрез 20 дней, что он болен; о больных офице-

рах доносить ежедневно в обыкновенном рапорте.
Ваш благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 4. Подлинник.

¹ Солдаты и офицеры обязаны были получать разрешение на заключение брака. В документах Павловской команды сохранилась переписка на эту тему.

20

Петербург

1794 г. фев[раля] 4 дня

Препровождаются к вам, господин подполковник Баратынский, инструкция, прибавление к уставу о экипаже¹ офицерском и форма рапорта², при том подтверждается, чтобы вы по своей части имели неослабное смотрение, так чтобы не было вам нужды беспрестанно повторять о том. Впрочем емь благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 5. Подлинник.

¹ Экипаж (экипаж) офицерский – перечень вещей, которые офицер должен был иметь у себя (форменные вещи, оружие и прочее). В Павловской команде были созданы воинские уставы строевой, гарнизонной и лагерной службы, новые положения для хозяйственного управления, инструкции для чинов армии. Великий князь Павел Петрович требовал неукоснительного соблюдения уставов и инструкций.

² В обязанности А.А.Баратынского входило информирование великого князя Павла Петровича о состоянии команды ежедневными рапортами по определенной форме.

21*

С[анкт]-Петербург

1794 год фев[раля] 10 д[ня]

Увидев из рапорта, что вы, господин подполковник Баратынский, сами собою без моего дозволения отпустили майора Недоброва, должен вам заметить, что вместо того, чтоб вам становиться лучше, вы оплошнее исполняете вашу должность: когда сказано, что до трех суток отпуски офицерам позволяются, то сие не касается до

штаб-офицеров, а потому и должны бы вы были каждый раз испрашивать о штаб-офицере дозволение. Впрочем есмь благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 7. Подлинник.

22

22 февраля 1794

Вследствие приложеннаго при сем списка об ремесленниках и поселяющих¹ баталиона майора Пущина² имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, уволить оных на основании изъявленной мною вам воли, как поступать с увольняющимися до 15 будущаго маиа, а притом не делать им всякое в разсуждение сего пособие, о чем мною и к барону Борку писано; Впрочем есмь с благорасположением навсегда вам благосклонный.

Которых и уволить тотчас от службы по 15 маиа.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 29. Копия.

¹ В состав военнслужащих частей Павловской команды помимо строевых чинов входили мастеровые (плотники, кузнецы, столяры и др.), священнослужители, музыканты.

² Пущин Петр Данилович (1765-?) – майор (1793), командир 2-го мушкетерского батальона в 1793–1794 гг., крисккомиссар (1794).

23

[Не ранее 22 февраля 1794¹]

Отпущены ли Пущинские, когда и где они находятся, соблюдено ли все с ними, что было приказано.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 42 об. Копия.

¹ Датируется по содержанию записки 22.

24

Июнь 1794

Естьли кто из офицеров по вверенной вам, г[осподин] подполковник Баратынский, части будет просить об отпуске на сколько бы то ни было времени, то

испрашивать на сие у меня дозволение не иначе, как чрез вас, в случае же отлучки вашей относиться им с такими просьбами непосредственно ко мне письмами, о чем вы и имеете объявить всем офицерам для должного по сему поступления. Впрочем с благорасположением пребываю вам
благосклонным.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 29 об.-30. Копия.

25

10 июня 1794

Где, сколько и какие именно сборные места и для какой части вами, г[осподин] подполковник Баратынский, назначены, о чем имеете вы по получении сего немедленно меня рапортовать¹. Пребывая впрочем с благорасположением вам

благосклонным.

Вахт-парад² учить не более часа, считая и время рапсоту караулов и сбор, и для того делать не все, а как генеральные команды, так и прочие по изволению, что в тот день вздумается.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 29 об. Копия.

¹ По-видимому, речь идет о подготовке к маневрам, которые проводились в Павловской команде ежегодно летом и в начале осени. В ГА РФ сохранились документы о проведении летних маневров в 1793 г. и 1795 г., весенних и осенних маневров в 1796 г.

² Вахт-парад – развод караулов.

26

21 июня 1794

Детей находящегося в Гатчине инвалидного¹ канонира Леонтия Федотова: Ивана, Михайлу и Макара – имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, с получения сего определить в баталионы, а бомбардира Ивана Обухова детей Илью, Тимофея и Осипа, записанных в городской школе, по окончании времени взять тоже в свое ведение, впредь же с детьми инвалидов поступать во всем точно по учреждению о кантонах², ведя им обстоятельные списки, делая смотры и свидетельства, тех же из оных, кои уже теперь в истопниках и при других долж-

ностях, оставить при том, о чем я и статскому советнику Борку³ сделал предписание. Впрочем с благорасположением пребываю вам
благосклонным.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 30 и об. Копия.

¹ Инвалид-ветеран. В Павловской команде существовала инвалидная команда, которая комплектовалась пожилыми и престарелыми военнослужащими.

² Все малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов Павловской команды назывались кантонистами, принадлежали со дня рождения к военному ведомству и обязаны были по достижении определенного возраста проходить военную службу. Кантон – территориальная единица.

³ Воспитанию детей в команде уделялось достаточное внимание, о чем свидетельствует также распоряжение управляющего Гатчиной статского советника К. Борка, направленное А. А. Баратынскому 20 марта 1795 г.: «Состоящим в команде вашей служителям, у кого имеются малолетные дети, извольте объявить им, чтоб они во исполнение повеления Его Императорского Высочества оных малолетних детей непременно б отдавали в учрежденное здесь на иждивении Его Высочества училище к переведенному с Каменного Острова учителю. А по отдаче имели б за ни[м]и неослабное смотрение за опрятностию тех своих детей, дабы они не имели никакой на себе гнусности» (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 15. Л. 65).

27

Павловское

4 августа 1794

По получении сего имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, тотчас отправиться сюда и явиться ко мне. Впрочем с благорасположением моим пребываю вам благосклонным.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 173. Л. 8. Подлинник.

28

С[анкт-] Петербург

Дек[абря] 1. 1794

По представленному вами, г[осподин] подполковник Баратынский, прошению поручика Сназина¹ об отсрочке

для отказа имения², имеете вы продолжить отпуск его по первое число будущего февраля. Впрочем с благорасположением пребываю вам благосклонным

Павел

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 72. Копия.

¹ Сназин Иван (1771-?) – в Павловской команде с 1793 г., поручик (1794), капитан (1795).

² Отказаться имение – отдать имение в наследство, оставить по завещанию.

29

Его Императорское Высочество, предписав барону Борку перевести всю артиллерийскую команду в оконченную ныне третью казарму, извещается о сем же и г[осподин] подполковник Баратынский.

Санкт-Петербург 4 декабря 1794 г.

П[авел]

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 9. Подлинник.

30*

Санкт-Петербург

7 дек[абря] 1794

На рапорт ваш, г[осподин] подполковник Баратынский, коим испрашиваете дозволение об увольнении капитана Рачинского¹ сюда на три дня, дозволяю отпустить его на помянутый срок, а я[ви]вшихся к вам Софийского полку музыканта и шведкой нации рядового, если сей последний имеет следующие аттестаты, имеете вы принять и определить; да для производства в Павловске конной артиллерии над извозчиком Денисом Егоровым следствия отправить туда аудитора². Впрочем с благорасположением пребывая вам благосклонным

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 10. Подлинник.

¹ Рачинский Антон Михайлович (1769–1825) – капитан в 1-м флотском батальоне (1793), майор, командир егерской роты (1794), под-

полковник, командир лейб-гвардии Егерского батальона (1796), переименован из генерал-лейтенантов в тайные советники (1800); двоюродный брат А.А.Баратынского, которому последний покровительствовал.

² Аудитор – нестроевой чин в офицерском звании. Состоял в каждом полку или батальоне. В его обязанности входило рассмотрение следственных дел нижних чинов своей воинской части.

31

Санкт-Петербург

9 дек[абря] 1794

Получа сей час от барона Борка донесение о бывшем в Гатчине в оранжерее пожаре, спрашиваю вас, г[осподин] подполковник Баратынский, зачем вы с сею же оказиею не рапортовали меня о том. Впрочем с благорасположением пребываю вам

благодарным

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 12. Подлинник.

32

9 декабря 1794

По случаю воспоследовавшего в Павловске майором Эртелем¹ сомнения, якобы он имеет над собою губернатора², но как губернатор только одноместный и он, следовательно, по комендантству не подчинен никому, то и имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, при пароле повторить, что комендант в силу регламента, если он имеет какую военную часть и имеет над собою инспектора, не по званию коменданта, но по той части относится к оному, по всем же другим делам, как то и в регламенте предписано, доносить прямо в вышнее место, ибо просто комендант, не имеющий никакой военной ему порученной части и не имея над собою губернатора, по должности своей ни от кого не зависит, следовательно, и должен обо всем доносить прямо мне, о чем я майору Эртелю и сделал предписание. Впрочем с благорасположением пребываю вам благодарным.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 30 об.-31. Копия.

¹ Майор Ф.Ф.Эртель в 1794–1795 гг. был комендантом Павловска. В качестве командира батальона Эртель подчинялся инспектору пехоты А.А.Баратынскому и обязан был докладывать ему о приеме в батальон новых военнослужащих.

² Как комендант Павловска Ф.Ф.Эртель не подчинялся губернатору Гатчины А.А.Баратынскому и докладывал о вновь поступивших чинах непосредственно великому князю Павлу Петровичу, а затем присылал сведения о них А.А.Баратынскому. Конфликтные ситуации в военной команде среди офицеров возникали и в дальнейшем.

33

С[анкт]-Петербург
дек[абря] 18. 1794

На рапорт ваш, г[осподин] подполковник Баратынский, о я[ви]вшихся к вам и желавших вступить в службу в батальоны гвардии Преображенского полку трех подпрапорщиках Кривошейнах и 3-го флотского батальона унтер-офицере Шестакове, предписываю сим всех их в сходность их просьбы принять, а Шестакова, если из дворян, в подпрапорщики ж, иначе же унтер-офицером. Впрочем [с] благорасположением пребываю вам
благосклонным

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 14. Подлинник.

34*

Санкт-Петербург
22 дек[абря] 1794

Уволя подполковника Аракчеева¹ по собственным его нуждам до 15-го будущего марта, даю вам, г[осподин] подполковник Баратынский, о сем знать с тем, чтоб в силу устава плац-майор отправлял до тех пор его должность. Майора же Палицына имеете вы по получении сего отпустить сюда для его надобностей без срока*. Впрочем пребываю с благорасположением вам
благосклонным

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 16. Подлинник.

* Вместо зачеркнутого: на две недели.

¹ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – подполковник (1794), инспектор артиллерии (1795), смотритель над Арсеналом, комендант Гатчины (1796).

35

Уволив майора Палицына в дом его от нижеписанного числа на два месяца, снабдить его нужным для сего пашпортом. С[анкт]-Петербургу. Декабря 26 дня 1794 г.

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 392. Л. 5. Копия.

36

Санкт-Петербург

Генв[аря] 5. 1795

Дозволяя капитану Куприянову-2-му жениться на дочери гоффурыера¹ Кордюкова, имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, дать ему о сем знать. Впрочем с благорасположением пребываю вам

благосклонным

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 17. Подлинник.

¹ Гоффурыер – придворный высший служитель для заведывания при-слугой.

37

[7 января 1795']

Бог даровал мне дочь Анну, сие при пароле отдать²; а из пушек не палить.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 43. Копия.

¹ Датируется по дню рождения великой княжны Анны Павловны (1795–1865), с 1816 г. замужем за Вильгельмом II (1792–1849), королем Нидерландов (1840).

² Существовала церемония отдачи пароля – произнесения ежедневно меняемого слова, чаще всего названия города, офицером главного караула офицерам частей, адъютантам. Отдавался паролъ также при встрече дозора и караула с упиранием в грудь ружья со штыком. Отдавался не только паролъ, но и лозунг – другое условное слово, являющееся ответом на паролъ.

Его Императорское Высочество соизволяет на принятие уволенного из Елецкого полка унтер-офицера Де Ропы в батальоны для продолжения общей с братом службы и для того поступить в сем обыкновенным порядком. Санкт-Петербург. 12 генв[аря] 1795.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 1. Подлинник.

Вчерашнего числа волею Божиею скончалась любезная моя дочь великая княжна Ольга Павловна¹, о чем даю вам для должного сведения знать, Санкт-Петербург. Генв[аря] 16. 1795.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 22. Подлинник.

¹ Великая княжна Ольга Павловна (1792–1795) скончалась в возрасте 2,5 лет. По случаю траура офицерам команды предписывалось носить «черный флер на рукаве» (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 32).

Санкт-Петербург

Генв[аря] 16. 1795

Получа от майора Герценберга¹ жалобу на подполковника Пузыревскаго², предписываю вам сим отобрать от него письменный по сему ответ, а при том подтвердить ему мое приказание, чтобы начальники не доводили до того, чтоб таковые жалобы доходили до меня и чтоб он сему предписанию сообразовался и во всем наблюдал добрый порядок и устройство, в противном же случае, если не захочет сему повиноваться, то свет велик, куда он и может идти; вы же, г[осподин] подполковник Баратынский, дадите мне ответ, почему вы в силу должности вашей о сем меня не уведомили и не разобрали оное дело, что вам теперь и предписываю.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 20. Подлинник.

¹ Герценберг Данила Иванович – майор, кригс-комиссар, состоял на службе в Военной комиссии, с января 1795 г. – в Военном департаменте, ведавшем всеми видами довольствия в Павловской команде.

² Пузыревский Петр Александрович – подполковник, инспектор кавалерии (1795), командир Жандармского полка. Причину конфликта установить не удалось.

41

Об самовольно отлучившихся двух казаках имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, уведомить меня, не от передачи ли им вперед денег или от какого неполучения сие произошло, или от какой причины, а притом какого они поведения. Бежавшего же прошлю весною, а ныне пойманного кантониста судить по законам. Санкт-Петербург. Генваря 16 дня 1795 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 18. Подлинник.

42

Подпрапорщиков Кривошеинных выключить, а с каждого баталиона старого подпрапорщика имя представить мне для произведения в офицеры. Явившегося унтер-офицера и рядового принять и оными наполнять роты, чтобы каждая рота состояла из 40 человек, а затем являвшихся иметь особо, составив из них особой впредь баталион, которому и быть в свое время гренадерским¹. С[анкт]-Петербург. Генваря 23 дня 1795 года.

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 392. Л. 5. Копия.

¹ В 1795 г. началось формирование 3-го гренадерского батальона вместо расформированного в 1794 г. 3-го мушкетерского батальона Ф.Ф.Эртеля.

43

С[анкт]-Петербург

30-го Генваря 1795

Порутчика Борадулича имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, принять в баталионы, а подпорут-

чику Миллеру отказать в его просьбе. Впрочем пребываю
вам благосклонным

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 392. Л. 5 об. Копия.

44

По прошению вашему, г[осподин] подполковник Баратынский, позволяю вам приехать сюда, с будущего понедельника, на два дни. С[анкт]-Петербург. 16 февраля 1795 г.

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 392. Л. 5 об. Копия.

45

[Не позднее 5 мая 1795¹]

Усмотря из лазаретного рапорта, что в оном находятся больными двое рядовых Казанского полку², то уведомьте меня, г[осподин] подполковник Баратынский, которого они, пехотного ли, или конного, и по какому случаю, да и вперед о всех, случающихся таковых сторонних военных, меня рапортуйте. А как барон Борк предполагает, что между военнослужащими нашлось бы несколько желающих поселиться, естли б они к тому командирами их поощрены были, то и рекомендую вам иметь о сем попечение. О чем бы и прежде следовало бы оное иметь. Впрочем пребываю вам благосклонным

Павел

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 392. Л. 6. Копия.

¹ Датируется по рапорту инспектора кавалерии подполковника П.А.Пузыревского о рядовых Казанского мушкетерского полка, находящихся в лазарете в Гатчине (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 15. Л. 259).

² Рядовые Казанского мушкетерского полка Евграф Гуцин и Иван Троцин получили травмы ног в результате несчастного случая во время командировки по доставке «вещей» для кирасирского полка Его Императорского Высочества и оказались на излечении в гатчинском госпитале.

Над пойманными бежавшими из Павловского в прошлом месяце роты моей двумя рядовыми, имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, нарядить и произвести суд. Павловское. 27 июня 1795 года¹.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 24. Подлинник.

¹ Возможно, именно судебное разбирательство по этому делу стало причиной конфликта между А.А.Баратынским и Ф.Ф.Эртелем – командиром 3-го гренадерского батальона, расквартированного в Павловске. 30 июня 1795 г. Г.Г.Кушелев в «партикулярном» (неофициальном) письме писал А.А.Баратынскому: «А слышал от Ертеля – других, что дело в том, чтоб вы не входили кроме инспекторской должности в другие баталионы. И каждый баталион должен быть по себе, следовательно, и суды должны быть в тех баталионах [...] [А] жалею крайне, что водворились у нас в толь малое стадо овец несогласие, и что и дражайшего нашего вчерашнего имянинника [великого князя Павла Петровича] только расстраивает и беспокоит [...]» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 26 и об.).

47

За отлучкою аудитора от кавалерии, имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынской, прикомандировать туда аудитора Масловича для произведения над драгуном Сырычевым следствия¹. Неизвестен же будучи, когда вы данным мною вам позволением отбыть в город воспользовались, оговариваю сим ордер мой по случаю произошедшего смертоубийства, находя что все последовало в порядке². Павловское. 4 августа 1795 года.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 392. Л. 6 об. Копия.

¹ О следствии по делу об убийстве квартирмейстера Тетерина см.: Рескрипты и записки государя императора Павла I к графу Аракчееву // Русская старина. 1873. № 7. С. 482.

² Рапорт о происшествии поступил от А.А.Аракчеева, так как А.А.Баратынский находился в это время в Петербурге.

48

По рапорту вашему имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, унтер-офицера Пудховского и четырех человек рядовых с помещением в набираемые гренадерские роты¹ так, как и недоросля Протопопова, принять

обыкновенным порядком; а недорослю Грибовскому отказать. Маиоров Недоброва, Купреанова и подпорутчика Пантелеева отпустить сюда на три дни, подпорутчика же Палицына на три м[еся]ца в Казань. С[анкт]-Петербург. Декабря 5 дня 1795 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 26. Подлинник.

¹ В марте 1795 г. был сформирован 3-й гренадерский батальон вместо расформированного в апреле 1794 г. 3-го мушкетерского батальона.

49

В рапорте вашем от вчерашнего числа прописанных, желающих служить в баталионах, имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, приняв, определить в новоформирующуюся гренадерскую роту. Санкт-Петербург. Декабря 12 дня 1795 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 28. Подлинник.

50

По рапорту вашему, г[осподин] подполковник Баратынский, недоросля из дворян Степанова и флотских батальонов 6 человек рядовых принять и определить первого ко мне¹, а пр[очих] в укомплектующуюся* роту, а ежели сия уже совсем укомплектована, то начать формировать таковую ж у майора Палицына². Что же касается до определения великоустюжского экономического крестьянина, то в сем поступить так, как следует. Не получа же от вас рапорта о выезде майора Притвица из Гатчины³, принужден напомнить вам, чтоб вы попечительнее были о исполнении своей должности и что чрез упущение оной подвергнете себя должному за то взысканию. Санкт-Петербург. Декабря 19 дня 1795 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 30. Подлинник.

* первого ко мне, а пр[очих] – вписано над строкой великим князем Павлом Петровичем, им также дописана частица «ся» в слове укомплектующуюся.

¹ Имеется в виду 1-й мушкетерский батальон.

² В 3-м гренадерском батальоне.

³ Недовольство великого князя Павла Петровича объясняется тем, что еще 10 декабря через Г.Г.Кушелева майору Бритвицу (Притвицу) было передано 100 рублей, пожалованных «от Его Императорского Высочества с таковым при том приказанием, чтоб он выехал из Гатчины к своему месту немедленно» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 22).

51

Просящих об определении двух рядовых и одного денщика имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, принять и по новому расписанию определить, куда потребно будет, штабс-капитана Заремба¹ отпустите сюда на 7 дней, а фельдъегеря Шлихтинга на месяц в Москву. Санкт-Петербург. Декабря 26 дня 1795 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 32. Подлинник.

¹ Заремба Иван (1766-?) – в Павловской команде с мая 1795 г., капитан (1796), с июня 1796 г. адъютант великого князя Павла Петровича, полковник в отставке (1803).

52*

По получении сего имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, арестовать подполковника Пузыревского за его неисправности. Санкт-Петербург. Генваря 2 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 34. Подлинник.

53

Если просящий об определении в баталионы адмиралтейских баталионов подпоручик Киселев подлинно из дворян, то определить, иначе же отказать. Майора же Купреянова отпустите на четыре дни сюда. Санкт-Петербург. Генваря 2 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 36. Подлинник.

По получении сего имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, отдать опять палаш подполковнику Пузыревскому¹. Санкт-Петербург. Генваря 3 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 38. Подлинник.

¹ Возвращение личного оружия офицеру означало его освобождение из-под ареста.

По просьбе штабс-капитана Зарембы отпустите его в Минскую губернию на два м[еся]ца, но при том имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, объявить ему, что естли он на срок не явится, то неминуемо исключен будет; а вам замечаю, что так как сей отпуск будет по 15 число марта, то не худо б было, естли б сие не подало мне случай напомнить о том. Приказав же, чтоб для удобства артиллерийский развод был на том же месте, где и пехота свой делает. Даю вам о сем знать. Санкт-Петербург. Генваря 9 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 40. Подлинник.

Получа следующее при сем от подполковника Пузыревского об отпуске его сюда письмо, и так как чрез то видно, что он забыл, что есть старший в гарнизоне¹, то возвратить ему оное письмо при пароле и его арестовать. Санкт-Петербург. Генваря 23 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 42. Подлинник.

¹ Подполковник П.А.Пузыревский обязан был обратиться к А.А.Баратынскому как губернатору Гатчины.

Как вам, г[осподин] подполковник Баратынский, так и подпорутчику Деропу дозволяю приехать сюда на три дни. Произведенное же баталиона моего над ря-

довым Иоганом Юнге следствие¹, возвращая при сем для переписки, удивляюсь, как и по сие время не могут наблюдать предписанный и столь часто повторенный порядок и форму, и для того имеете вы аудитора посадить под арест. Санкт-Петербург. Генваря 23 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 43. Подлинник.

¹ Рядовой 1-го флотского батальона И.Юнге, бежавший в мае 1795 г. и пойманный в январе 1796 г., по приговору комиссии военного суда был осужден «на битье шпицрутенами чрез полк 3 дня по 1 разу» (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 13. Л. 184).

58

Явившегося из бегов баталиона моего рядового Иогана Юнге прогнать шпицрутеном один раз чрез баталион. Санкт-Петербург. Генваря 23 дня 1796 года.

По приказанию Его Императорского Высочества.

Донауров¹

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 44. Подлинник.

¹ Донауров (Данауров) Михаил Иванович (ум. 1816) – с 1780-х гг. исполнял при Дворе великого князя Павла Петровича обязанности секретаря и библиотекаря, затем перешел в военную службу, имел чин полковника, генерал-майора (1796), управлял Кабинетом Его Величества (1797), уволен в отставку 16 декабря 1799 г., сенатор (1801).

59

По получении сего, господин подполковник Баратынский, извольте объявить Его Императорского Высочества волю, дабы подполковник князь Ухтомский¹ остался при прежней своей должности правления департамента и прочее. Равно и майор Шац² при своем баталионе. Господин подполковник Пузыревский³ командовать имеет жандармским полком; а инспекцию сдать майору Кологривову⁴, равно и кирасирского полку дела. 1796 г. генваря 27 дня.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 45. Подлинник.

¹ Ухтомский Иван Михайлович – князь, подполковник, управляющий Военным департаментом.

² Шац Федор (1769-?) – майор, командир 5-го мушкетерского батальона (1796).

³ 28 января через Г.Г.Кушелева последовало распоряжение об освобождении П.А.Пузыревского из-под ареста, а 30 января было предписано уволить его в Петербург по болезни (ГА РФ. Ф. 728. Д. 384. Л. 14 об.).

⁴ Майор Кологривов назначался инспектором кавалерии вместо П.А.Пузыревского.

60

Заметья по рапорту вашему, г[осподин] подполковник Баратынский, что не токмо в баталионах майоров Мертенса, Федорова и Шаца¹, но и вообще очень много больных, так что обыкновенную пропорцию гораздо превышает, то и спрашиваю о причине сего. Пойманного же из бегов гатчинского обер-альта кантониста, причисленного в мой баталион², перевести в другой какой, в Гатчине же стоящий, а на место его из того баталиона написать в мой. Коменданта Аракчеева³ и егерского подпоручика Фельского увольняю сюда на 4, а последнего на 3 дни. Санкт-Петербург. Генваря 30 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 46. Подлинник.

¹ Командиры 2-го, 5-го и 6-го мушкетерских батальонов.

² С января 1796 г 1-й гренадерский батальон.

³ А.А.Аракчеев к этому времени, по-видимому, сменил на посту коменданта Гатчины барона Ф.К.Штейнвера.

61

За непорядки, учиненные по департаменту подполковником князем Ухтомским неисполнением повеления выдать из первопосту[пи]вшей суммы взятых заимообразно на покупку ремонта¹ денег и издержанием оных на другие не столь нужные расходы, отрешается он от управления департаментом, который и вверяется майору Шацу; а подполковнику князю Ухтомскому дать о сем знать с тем, чтобы он явился в Адмиралтейств-коллегию. Санкт-Петербург. Февраля 6. 1796.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 48. Подлинник.

¹ Ремонт или ремонтирование – укомплектование кавалерийской части лошадьми.

Маиору Глазову¹ и подпорутчику Языкову позволяю приехать сюда на три дни. А естли казармы в рассуждении сырости, несмотря на все принятые против того меры, для жития неспособны, то перевезть людей по обывателям сколько нужно будет². Санкт-Петербург. Февраля 6 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 50. Подлинник.

¹ Глазов Петр (1761–?) – майор (1794), в Павловской команде с 1794 г.

² Великий князь Павел Петрович не только по рапортам, но и лично следил за бытом солдат команды. Так, 12 апреля 1795 г. он побывал в казармах и увидел, «что солдаты во оных весьма расположены по pokojам тесно и непорядочно» (из письма управляющего Гатчины барона К. Борка А.А. Баратынскому – РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 15. Л. 512). Предписывалось в течение дня исправить положение.

Баталион маиора Шаца¹, так как мною уже и приказано было, принять маиору Мальтину, а маиору Купреянову быть в баталионе маиора Мертенса², ибо чрез то старший, как тому и следует, будет шефом. Санкт-Петербург. Февраля 9 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 52. Подлинник.

¹ 5-й мушкетерский батальон.

² 2-й мушкетерский батальон.

Недоросля Глазова имеете вы, г[осподин] подполковник Баратынский, определить, куда он пожелает¹. Подпорутчику же Фельскому позволяю вступить в законной брак с дочерью п[р]идв[орного] официанта Седачевского. Санкт-Петербург. Февраля 13. 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 54. Подлинник.

¹ Глазов был определен в команду подпрапорщиком, в письме Г.Г.Кушелева от 10 февраля 1796 г. он назван «дворянином бедным» (РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 37).

65

Отлучившуюся военного сиротского дома¹ надзирательницу Михайлову уволить², а содержание оной имеет поступить туда, откуда оно производилось. Санкт-Петербург. Февраля 17 дня 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 56. Подлинник.

¹ В Гатчине находился военный сиротский дом, в котором дети от 7 до 18 лет обучались чтению, письму, земледелию, садоводству, рукоделию, музыке.

² Надзирательницу Михайлову 20 февраля 1796 г. сменила вдова-майорша Дероп (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 39).

66

Естли недоросль Рыбаковский подлинно из дворян, то принять его и определить. Санкт-Петербург. Февраля 27. 1796 года.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 58. Подлинник.

67

6 марта 1796

Вместо вчерашнего моего приказа в рассуждении гранодер о карауле их, изволь, Абрам Андреевич, вместо того приказать, чтоб у гошпитали мушкетеры караул содержали в том же числе. Гранодерам же очереди уже не вести, а посылать их в особой караул в покой, где пикет ночной становился. Офицера 1-го (сему стоять лишь днем), унтер-офи[церов] – 2, барабан[щика] 1, флей[тщика] 1, рядовых 8, из которых пост двойной на парадном крыльце, на посылки 1. Но быть в ружье, ефрейтор 1. Честь отдавать, в барабан не бить, не салютовать, не стучать и не кричать¹, а офицеру сидеть в столовой, ружья поставить в окошки, где места, где стоять, и сделать, как и лавку по другой стене, в одну шеренгу.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 41. Копия.

¹ Великий князь Павел Петрович со временем начал болезненно реагировать на различные шумы в неурочное время, отчего случался переполох в резиденциях.

68

[1796¹]

Завтре караул большой, разводу дожидаться моего приезду, чтоб мне видеть его; а дожидаться, где обыкновенно собираются.

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 387. Л. 42 об. Копия.

¹ Датируется по расположению копии в «Журнале писем».

69*

[Ноябрь 1796¹]

Ехать вам в Киев и Тульчин² осмотреть, все ли в порядке по предписаниям моим делается и все ли исполняется. Нет ли злоупотреблений, равно нужно привести части Суворова³ в мирный обряд и распорядок⁴.

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 60. Подлинник. Собственноручная записка.

¹ Записка написана на листе бумаги с траурной каймой по случаю смерти императрицы Екатерины II, последовавшей 6 ноября 1796 г.

² В Тульчине находилась ставка А.В.Суворова, командовавшего с января 1796 г. войсками на южных и юго-западных рубежах России.

³ Суворов Александр Васильевич (1730–1800) – граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), генералиссимус (1799). В феврале 1797 г., вскоре после поездки А.А.Баратынского в Тульчин, Павел I отправил А.В.Суворова в отставку.

⁴ Скорее всего, имеется в виду введение военных инспекций в соответствии с реформой военного управления. Кроме того, в связи с намечавшейся экспедицией против Персии (1796) войска могли быть усилены и на границе с Турцией и Австрией.

70*

Гродно

Маиа 14. 1797

Господин генерал-майор и генерал-адъютант Баратынский. С получения сего отправьтесь немедленно для

учинения инспекторского смотру над всеми пехотными полками Лифляндской дивизии и обо всем, что вами найдено будет, донесите прямо мне. Пребывая вам благосклонный

Павел

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 13. Подлинник.

Письма А.А.Баратынского К.И.Горохову

1

Государь мой Карп Иванович! Христос воскрес!

1-е. За отбытием моим от Острова¹, извольте вы править тамошнею командою, и присылать ко мне обстоятельное сведение обо всем: и с унтер-офицером присылать рапорты.

2-е. Сказать от меня г[осподину] к[апитану] Веселаго², что я от него до сих пор не получаю никакого сведения, и он ко мне присылает унтер-офицера без рапорта. Также и адъютанту скажите, что он забыл свою должность.

3-е. Прислать ко мне севодни к вечеру обстоятельную ведомость обо всех гренадерах, которые чем не удовлетворены от майора Штейнвера³, показав, в котором году чего не получали. Сверх того прислать и сделать всему оному краткую выписку.

4-е. Прислать ко мне ваши аттестаты и просьбу, которую я представлю Его И[мператорскому] В[ысочеству]. — Мне кажется, что оные находятся в моей комнате.

5-е. С завтрашнего дни извольте приступить для осмотра магазинов⁴ обще с г[осподами] офицерами.

6-е. Отдать сегодня и в приказе: чтоб господа офицеры чрез 3 дни были готовы к отъезду, назначенные в Гатчину и Павловское. Также и унтер-офицерам.

7-е. Я уже писал, но не знаю, сделано ли: чтобы в Гатчине роты переменить в названиях: 2-ю назвать флигель ротую, а флигель второю.

8-е. Написать рапорт в Коллегию⁵ для требования шлюпки, баркаса и ялика по повелению Его И[мператорского] В[ысочества].

9-е. Дать знать имена людей неспособных, то есть увечных, для отставки; также других, которые неспособны, которых отослать в другие батальоны, и требовать [в]место них других.

10-е. Сыскать того перевозчика, который перевозил унтер-офицера Кондакова за реку и сказать тому, кто над ним начальник, чтоб он наказан был за то, что взял 12 ко[пеек] за перевоз; и чтоб впредь никто не осмелился брать с тех, которые посланы за делом. Оное повеление Его И[мператорского] В[ысочества].

11-е. Прислать ко мне унтер-офицера Туловского для сыскания подрядчика шапок, мне нужно их отправить. Также, чтоб все белье, мундиры, которые шиты, — в Павловское; а за пуговицами прислать ко мне 2-х человек.

Мне очень жаль, что я не могу сам быть к вам за такую дурною погодою, однако, я на вас надеюсь, что вы ничего не упустите. Впрочем пребуду

Ваш покорный слуга Аврам Баратынский
16-го апреля 1792-го года.

Получено того ж числа пополудни в 3 1/2 часа.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 1-2.

¹ Из резиденции великого князя Павла Петровича на Каменном Острове в Петербурге.

² Веселаго Федор — капитан, командир роты 1-го флотского батальона. В батальоне с 24 ноября 1791 г., отослан в Адмиралтейские батальоны в августе 1792 г. (РГВИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 1. Л. 759). Отец Ф.Ф.Веселаго, военного историка, историографа Морского министерства.

³ А.К.Штейнвера.

⁴ Магазин — помещение для хранения каких-либо запасов, склад.

⁵ В Адмиралтейств-коллегию.

2

Государь мой Карп Иванович!

Благодарю вас усердно за уведомление о ялике¹, но только не узнаете ль, как оное дело происходило. Перед самым докладом приехал Г[осподин] Вадковский², но я уже предупредил.

Пожалуйте, пришлите на бомбандир 14 человек, также и сержантам — холст и чулки, им в нынешнюю дачу³ не дано. Еще прикажите заказать позументу⁴ для бомбандир; мы забыли, что у них на воротнях положен позумент, а

такой точно, какой у сержантов артиллерийских, хоть немного и похуже.

Новоприведенных⁵ людей не вдруг присылайте, а прежде пошлите павловских, а там гатчинских. Но нет, послать надобно будет всех вдруг, ибо им вместе дешевле будет стоять. Итак, как скоро обмундированы будут, тотчас пришлите, дав им батальонные ружья.

Я слышу на вас неудовольствие от капитана Пуцина⁶; я не знаю, за что бы вам ссориться между собою? Сия распря между вами может известна быть и далее. В шлюпке как вы, так и он властен, разделить оную между вами нельзя: но что принадлежит до команды ротами, то ему от Его И[мператорского] В[ысочества] так же и по присланному от меня ордеру принадлежит неотъемлемая команда. Приказано же кап[апитану] Пуцину, когда вы потребуете людей, то безотговорочно всегда давать. Я советую вам прекратить сию вражду, которая кроме неудовольствия с обеих сторон ничего принести не может. Вам известно, что моего намерения совсем не было, чтоб кроме вас кто командовал на Острове, но сия воля есть высшая, против которой прекословить и подумать нельзя. Я вас уверяю, когда вы будете согласны, то одна шлюпка для обоих вас будет просторна. Пожалуйста, прошу вас, оставьте лишние привязки и живите по-дружески. Сей совет дает вам тот, кто вам искренно доброжелательствует. Впрочем, пребуду ваш покорный слуга Аврам Баратынский

23-го июня 1792 г. Павловское.

Не можете ль вы скорее истребовать патронной бумаги из артиллерийской экспедиции. Нам здесь велено обучать людей порохом, а когда нельзя без моего рапорта, то пришлите поскорее.

Его благородию государю моему Карпу Ивановичу Горухову.

Павловское

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 11–12.

¹ По-видимому, речь идет о конфликте между военными командами при использовании ялика для переправы на Каменный Остров.

² Вадковский Федор Федорович (1764–1806) – сенатор, камергер (1789), действительный тайный советник. В 1778 г. камер-юнкер, в

дальнейшем адъютант великого князя Павла Петровича, пользовался его доверием, долгое время первенствовал при его Дворе.

³ Дача – в данном случае выдача обмундирования; так может быть названо любое срочное довольствие военнослужащего.

⁴ Позумент – металлизированная тесьма, золотая или серебряная. Являлась не только украшением, но и ранговым знаком различия на униформе. Бомбардиры – элитный вид артиллерийских служителей, чем обусловлено сравнение бомбардирского позумента с сержантским.

⁵ Новоприведенные люди – военнослужащие, поступившие в команду цесаревича из Адмиралтейств-коллегии, предполагаемые к отправке в Гатчину и Павловск.

⁶ Пуцин Петр Данилович (1765–?) – капитан (1792), командир 3-й роты 1-го флотского батальона.

3

Государь мой Карп Иванович!

Письмо ваше получил, также и порох, но нужна очень бумага крепкая и крахмал для склейки патронов. Об оном уже писано, чтобы скорее отпустили, то вам только прийти и, взяв, отправить. На конюшне лошадей приказано давать, и вы потребуите, когда нет фуры, то коляску или кибитку. Да лучше всего скажите, чтобы отправили из коллегии: ибо лошади нам нужны будут для других дел. А при том там сказывают, на конюшне лошадей и повозок мало, но всякий день можно один раз что-нибудь отправить.

Провианту пошлите сюда на 1 неделю, да готового сахарами взяли бы солдаты на 3 дня, также и для гатчинских тоже на одну неделю.

Мундиры в Гатчину не успеют сегодня, я получил известие, что только одну половину переправили. Пошлите всех, только б успели. А прочее? Пуговиц, какие можно, пошлите им скорее, у них точно того не достает. Сколько, я вам послал ведомость. Поспешайте как-нибудь, чтобы успели. Голова вертится кругом!.. Не знаю, что и писать. Я теперь в таком беспокойстве, в котором никогда не бывал.

Пороха пушечного только пришлите пудов с 10 покуда, а после я вам дам знать, когда вам надобно будет, ибо здесь еще некуда класть. Палатки офицерские отпустите, здесь негде будет жить, также доставьте по

несколько трещеток и пыжевников¹ и прочее, прочее,
и прочее, и засим пребуду
покорный слуга Абрам Б[аратынский]
28-го июня 1792 года.

Павловское

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 270. Л. 290–291.

¹ Трещетки и пыжевники – принадлежности для чистки канала ружейного или пистолетного ствола. Трещетка – металлический скребок для соскабливания порохового нагара (название характеризует звук, производимый при работе). Пыжевик – металлический штопор для извлечения патрона при разряжании. Перед употреблением их привинчивали к концу шомпола. Существовали также пушечные трещетки и пыжевники – большего размера, на длинных деревянных дровках.

4

Государь мой Карп Иванович!

Я вас многим затрудняю. Теперь настает великая надобность в 4-х топорах и 4-х запонах¹, я думаю, что есть 2 в магазине, а 2-х не достанет, то не можно ли поспешить приказать сделать хоть на мой счет. Нужны они к среде к ученью, сделайте, батюшка, одолжение, постарайтесь оные доставить. Все б у нас теперь исправно по вашему старательству, но один самый бездельный недостаток все б дело испортит: также кисточки бомбардиров², которые надобно делать покороче, но пошире точно таким образом, какую я дал Туловскому. О знаках³ я просил чрез ординарца, но оные не нужны, ибо у всех есть и один еще лишний. То пожалуйста, постарайтесь как-нибудь запоны с топорами отправить чрез сего нарочно посланного. И за сим с моим к вам усердием пребуду покорный слуга Аврам Баратынский

Скажу вам, что на первый раз озадачен я был чрезвычайно каменноостровскими; они все пришли сюда мертвецки пьяны. Представьте, каково мне сие было? В оный же приход команды был я оклеветован пред Великим К[нязем], но сие мне более принесло чести, когда узнал Его И[мператорское] В[ысочество] мою невинность.

Пришлите ко мне с сим гренадером унтер-оф[ицера] Мерзлякова, и чтоб он взял с собою несколько [инструменту]. Он нужен мне на один день.

Его благородию государю моему Карпу Ивановичу Горохову на К[аменном] Острове.

РГАЛИ. Ф. 51. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 23–24.

¹ Топоры и запоны – предметы экипировки «строевых» плотников, предназначенных «для прикрытия знамен». Топор у них был парадным, часто богато украшенным. Запон – кожаный передник, часто изготовленный из цветной кожи. В русской армии строевые плотники существовали при Петре III и Павле I.

² Речь идет о кисточках для головных уборов бомбардиров. На шляпах (не только бомбардиров) крепилось три шерстяных кисти, расцветка которых была своя в каждой воинской части.

³ Знак – металлическая пластина в форме полумесяца, позолоченная или посеребренная, с изображением (полковой или государственной герб). Знак являлся одним из ранговых отличий офицеров пеших войск, носился на ленте на шее. Как именно выглядели офицерские знаки Павловской команды не известно.

ПЕРЕПИСКА БРАТЬЕВ ВАСНЕЦОВЫХ

Публикация Т.Ю.Трегубовой

В Российском государственном архиве литературы и искусства в двух личных фондах хранятся документы наиболее известных представителей большой семьи Васнецовых – замечательных художников Виктора Михайловича (Ф. 716) и Аполлинария Михайловича (Ф. 715). В них кроме рисунков, набросков, биографических материалов находятся их письма, адресованные младшему брату Аркадию. Письма охватывают тридцатилетний период – с 1894 по 1924 г. (Ф. 715. Оп. 1. Ед. хр. 1; Ф. 716. Оп. 1. Ед. хр. 125). К сожалению, ответные послания в архиве отсутствуют. Поэтому для восстановления полной картины событий публикатором были использованы документы, хранящиеся в других государственных учреждениях: Третьяковской галерее, Доме-музее В.М.Васнецова, Музее-квартире Ап.М.Васнецова.

Переписка братьев была оживленной всю жизнь. Наиболее активно вел ее Аполлинарий Васнецов. Он поддерживал связь со всеми братьями, а особенно с Виктором, Аркадием и Александром. Они делились семейными радостями и печалью, обменивались впечатлениями о событиях художественной и общественной жизни, заботились друг о друге в тяжелые минуты нужды, болезней, несчастий. Виктор и Аполлинарий, будучи известными художниками, часто оказывали младшим братьям материальную поддержку, не забывая также и про племянников – детей рано умерших братьев Николая и Петра. Публикатор попытался осветить данный промежуток времени в преломлении творческой, личной и общественной жизни трех братьев Васнецовых. Большинство писем полностью публикуется впервые.

Вклад В.М.Васнецова (1848–1926) в отечественную культуру неоценим. Он по-новому открыл в русском ис-

кустве тему национального эпоса. В начале творческого пути под влиянием передвижников создавал жанровые произведения, но нашел себя именно в исконно русской, народной тематике – былинах и сказках. Прекрасный портретист, искусный иллюстратор, мастер, сказавший новое слово в театральном-декорационном искусстве, автор монументальных церковных росписей и замечательных архитектурных проектов, один из организаторов художественного музея в родной Вятке.

Ап.М.Васнецова (1856–1933) современники называли «младшим» Васнецовым. Так уж получилось, что творчество старшего брата широкой публике известно больше, чем младшего. Аполлинарий Михайлович был человеком светлого мироощущения, добрым, отзывчивым к чужой беде, порядочным, решительным и принципиальным в отстаивании своих убеждений. Вот некоторые грани его деятельности: живописец, автор впечатляющих эпических пейзажей и картин, посвященных старой Москве, художник-декоратор, иллюстратор, создатель удивительных произведений декоративно-прикладного искусства, педагог, что называется, «милостью Божией», и притом литератор, историк, археолог, геолог, астроном, один из учредителей Союза русских художников, инициатор создания музея в Вятке. Кажется, немыслимо преуспеть в столь разнообразных областях за одну человеческую жизнь. Широта интересов, огромная работоспособность, пытливый ум ученого, умение анализировать, систематизировать факты, а также талант и мастерство художника, воплотившего свои творческие замыслы на холсте и бумаге, – все это позволяло Васнецову создавать произведения, поистине завораживающие зрителя колоритом, правдивостью содержания, интересной композицией.

Имя Аркадия Михайловича Васнецова (1858–1924) известно немногим. Школьный учитель, неутомимый общественный деятель в родной Вятке, организатор художественно-исторического музея, кроме того, прекрасный мастер-резчик по дереву. В своей мастерской по эскизам братьев он создавал художественную мебель в русском стиле.

В семье священника Михаила Васильевича Васнецова было шестеро детей, все – мальчики. Виктор родился 3 мая (по старому стилю) 1848 г. в селе Лопьял Уржумского

уезда Вятской губернии, был вторым ребенком после старшего брата Николая (1845–1893). Через два года отец Михаил получил приход в селе Рябово Вятского уезда. Здесь у Васнецовых родились еще четыре сына: Петр (1852–1899), Аполлинарий (1856–1933), Аркадий (1858–1924) и Александр (1860–1927).

Отец Михаил служил в храме Иоанна Предтечи, кроме того, учил сельских ребятишек грамоте. Отзывчивость, доброта, любовь к природе, восприимчивость к красоте окружающего мира – все это было присуще Михаилу Васильевичу, эти качества он воспитал и в своих сыновьях. Родившись в семье священнослужителя, глубокими корнями уходящей в трехвековую историю рода Васнецовых, братья вобрали все лучшее, что передавалось из поколения в поколение.

Как дети священника, братья учились в Вятском духовном училище: Виктор в 1858–1862 гг., Аполлинарий – в 1866–1872 гг., Аркадий – в 1868–1874 гг. Виктор в отличие от двух братьев продолжил духовное образование в семинарии (1862–1867).

В 1866 г. семью Васнецовых постигло несчастье: умерла мать, Аполлинария Ивановна. Всего на четыре года пережил ее Михаил Васильевич. Покоятся они вместе на рябовском кладбище у Предтеченского храма. Приезжая на свою «малую» родину, братья всегда приходили поклониться их могилам. После смерти родителей младшие Васнецовы остались на попечении родственников, а также старших братьев – Николая и Виктора.

Принадлежность семьи к духовному сословию, казалось бы, предопределяла жизненный путь братьев Васнецовых, но ни один из шести сыновей М.В.Васнецова священником так и не стал: Николай, Александр и Аркадий были учителями, Петр – агрономом, Виктор и Аполлинарий – художниками.

В августе 1867 г. Виктор Васнецов приехал в Петербург, чтобы поступить в Академию художеств. В 1873 г. картину двадцатипятилетнего студента Академии – «Рабочие с тачками» – покупает П.М.Третьяков. В дальнейшем Виктор Васнецов представлял свои картины на выставках Товарищества передвижных художественных выставок (ТПХВ), членом которого он стал в 1878 г. А через десять лет такие же важные события (покупка картины известным ценителем русского искусства П.М.Третьяко-

вым и вступление в ТПХВ) произойдут и в жизни Аполлинария Васнецова. В 1876 г. Виктор совершил продолжительную, более года, поездку во Францию, в Париж, где участвовал в выставке «Салона». Вернувшись в Петербург, художник женился на уроженке Вятки Александре Владимировне Рязанцевой (1850–1933), родом из купеческой семьи. Александра Владимировна окончила медицинские курсы в Петербурге, но, выйдя замуж, посвятила свою жизнь семье – мужу и пятерым детям.

Значительное событие произошло в жизни Виктора Михайловича Васнецова в 1878 г.: он переехал в Москву, и этот город стал его второй родиной. Здесь поселились знакомые и друзья по Петербургу И.Е.Репин, В.Д.Поленов, В.И.Суриков, сюда же приехал младший брат Аполлинарий. Судьбы двух братьев почти всю их жизнь тесно связаны. Виктор, будучи старше на восемь лет, не только заменил Аполлинарию отца, но был ему другом, советчиком и наставником. Под его влиянием и при его поддержке младший брат решил стать художником. В 1872 г. Виктор забрал Аполлинария из Вятки в Петербург с тем, чтобы тот тоже поступил в Академию художеств, но, к сожалению, мечте не суждено было осуществиться: для поступления требовался диплом среднего учебного заведения, т.е. духовной семинарии, гимназии или реального училища.

Ап.М.Васнецов считал началом своей творческой деятельности 1879 год: он впервые экспонировал свои произведения на выставке Московского общества любителей художеств. С 1883 г. художник выступает в качестве экспонента на выставках Товарищества передвижников. Профессионального художественного образования Ап.М.Васнецов так и не получил, а «жизненными университетами» для него стало участие в творческих начинаниях Абрамцевского кружка, общение с замечательными русскими художниками – В.Д.Поленовым, И.Е.Репиным и многими другими, обретение живописного мастерства непосредственно под руководством зрелых мастеров.

В Абрамцевский или, как его еще называли, Мамонтовский кружок входили друзья Саввы Ивановича Мамонтова – художники: Е.Д. и В.Д.Поленовы, М.А.Врубель, К.А.Коровин, В.А.Серов, В.М. и Ап.М.Васнецовы; артисты – К.С.Алексеев (в будущем – К.С.Станиславский),

М.Н.Ермолова, Н.И.Забела-Врубель. Всех их объединял интерес и любовь к русскому народному искусству, истории, литературе, музыке, театру.

Яркая личность, человек очень талантливый, страстно увлеченный искусством, обладающий большими способностями скульптора – таким был С.И.Мамонтов. Он помогал молодым одаренным художникам, опекал их, предоставляя им заказы и оказывая материальную поддержку.

Художественная и интеллектуальная атмосфера Абрамцева давала творческий импульс, способствовала выявлению новых граней таланта единомышленников. Там и были созданы столярно-резчицкие мастерские, в которых выполнялась мебель в русском стиле – разнообразные полочки, шкафчики, табуретки, стулья, столы по эскизам Е.Д.Поленовой, братьев Васнецовых и других членов кружка. Здесь Виктор и Аполлинарий впервые увлеклись декоративно-прикладным искусством.

В 1888 г. Ап.М.Васнецов был принят в Товарищество передвижных художественных выставок, а в 1890-е гг. стал членом правления ТПХВ, позднее вышел из этого объединения, участвовал в выставках «Мира искусства». Ап.Васнецов был одним из создателей общества «36 художников», а затем объединения «Союз русских художников» (1903–1923). С 1900 г. Ап.М.Васнецов – академик живописи, а в 1903 г. он стал действительным членом Академии художеств.

В 1880–1900-х гг. художник много путешествовал: Урал, Крым, Кавказ, Украина, Финляндия, Север России, Франция, Италия. Везде рисовал, писал этюды, «набирался впечатлений» для будущей работы. Понравившиеся места Васнецов посещал не один раз. В 1912 г. Ап.М.Васнецов вместе с семьей – женой Татьяной Ивановной и сыном Всеволодом – совершил третью свою заграничную поездку, посетив Вену, Венецию, Флоренцию, Милан, побывав на севере Италии и в Швейцарии. Многие из пейзажей, созданных во время этого путешествия, экспонировались на X выставке Союза русских художников, в том числе «Флоренция», «На озере Комо. Отель», «Юнгфрау. Венген», «Жерло реки Лютчины», «Интерлакен и Юнгфрау». Ап.М.Васнецов собирался за границу в 1914 г., но из-за начавшейся Первой мировой войны эта поездка не состоялась.

С 1891 г. Ап.М.Васнецов обратился к историческому прошлому Москвы. В своих воспоминаниях он писал: «Многие задают мне вопрос: почему я занялся старой Москвой и так увлекся ею? На это трудно ответить. Может быть, потому, что я люблю все родное, народное, а старая Москва – народное творчество в жизни прошлого... Но едва ли не главной причиной было то, что я вообще люблю науку: собирать материал, классифицировать факты, изучать их и т.д., в данном случае факты археологического значения...» (Васнецов Ап.М. Как я сделался художником и как и что работал. (Отрывок из автобиографии) // Аполлинарий Васнецов. К столетию со дня рождения. Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1957. Вып. VII. С. 147–148).

Кроме творческой, выставочной и преподавательской деятельности Ап.М.Васнецов вел активную работу в комиссии «Старая Москва». Возникнув в 1909 г. и просуществовав до 1930 г., она занималась археологией, изысканиями, изучением и восстановлением архитектурных памятников Москвы. Васнецов выступал на заседаниях комиссии с докладами на разные темы, сопровождая исторические экскурсии демонстрацией своих графических произведений, служивших яркой и убедительной иллюстрацией к сказанному. Аполлинарий Михайлович долгое время был председателем «Старой Москвы», с 1923 г. – почетным председателем. В 1929 г. Васнецова за его литературные труды приняли в члены Всероссийского союза писателей. Статья Ап.М.Васнецова «Облик старой Москвы» была опубликована в «Истории русского искусства» И.Э.Грбаря.

Немалую часть жизни – почти восемнадцать лет – художник посвятил преподаванию. В 1901 г. он был приглашен в Московское училище живописи, ваяния и зодчества для руководства пейзажным классом. После смерти И.И.Левитана возник вопрос о преемнике, и Аполлинарий Михайлович безвозмездно преподавал один семестр. Памятуя о своем нелегком пути в искусстве, Ап.М.Васнецов помогал своим ученикам советами и материально, покровительствовал Вятскому землячеству в училище.

Летом Аполлинарий Михайлович отдыхал вместе с семьей в имении В.И.Танеева, Демьянове, недалеко от города Клина в Подмосковье. Ап.М.Васнецов бывал

здесь с 1903 по 1917 г. Живописные окрестности нравились художнику, здесь было написано множество этюдов. Брат Александр шутливо писал Аполлинарию: «Или опять на нынешнее лето белый свет “Клином” сойдется?» (письмо от 6 марта 1913 г. – ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 421. Л. 4). Аркадий понимающе замечал: «Но в Демьянове тем хорошо, что есть тоже лес и хороший парк, а главное, очень хороши поля, где открываются широкие виды» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от 5 сентября 1910 г. – Архив Музея-квартиры Ап.М.Васнецова).

В.М.Васнецов предпочитал проводить лето в своем имении Ваньково, приобретенном в 1901 г., которое он называл «Новое Рябово» в память о «малой» родине. В 1914 г. Виктор Михайлович вместе с семьей предпринял поездку в Вятку. Александр Васнецов шутя писал брату Аполлинарию: «В настоящее время мы – Васнецовы – находимся в великом ожидании великого выезда Виктора. Он обещается выехать 14-го, значит, 16 будем в Вятке его встречать. Жаль, что вместе с ним не придется встретить тебя. Давно ведь не видались» (письмо от 12 мая 1914 г. – ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 426. Л. 1).

Виктор посетил родные места. Вместе с братом Аркадием и двоюродным братом А.А.Двиняниновым он ездил в Рябово. С грустью рассказывал об этой поездке в письме к Аполлинарию: «Там – [в Рябове. – Т.Т.] очень грустно и печально, все перестроено, даже план села изменился, только наш перестроенный дом да церковь остались, да еще Марья Егоровна с сестрами. Служили панихиду» (письмо от 17 июня 1914 г. – Там же. Ед. хр. 489. Л. 2). Посещение родных мест навеяло воспоминания о детстве, о родителях: «Было все так трогательно, особенно на могилах папаши и мамаша» (Там же. Л. 2 об.). «Я рад, что побывал в Вятке, да и все мы довольны, особенно Боря. Нам посчастливилось видеть даже “Великорецкую”, т.е. проводы Николая Чудотворца. Трогательно было вспомнить старину» (Там же. Л. 3 об.). Вятка вызывала не только ностальгические воспоминания, но и дарила радость редких встреч с младшим братом Аркадием.

Аркадий Михайлович Васнецов – человек трудной и интересной судьбы. Предпоследний ребенок в семье, он рано оказался на попечении старших братьев. В десятилетнем возрасте был определен в духовное училище в

Вятке, а затем зачислен в училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления учителей. Художественно одаренный, как и старшие братья, Аркадий был искусным резчиком по дереву.

В дальнейшем Аркадий Михайлович в течение двадцати лет преподавал в начальных народных училищах Вятской губернии. В двадцатипятилетнем возрасте женился на Ольге Андреевне Вейдеман, дочери обрусевшего немца, тоже учительнице. Постепенно семья росла, рождались дети: Леонид (1884–1942), Аполлинаруй (1885–1900), Сергей (1887–1942), Ольга (1889–1918), Дмитрий (1891–1980), Людмила (1893–1980), Константин (1897–1942), Любовь (1899–1987). Были неизбежные материальные затруднения в связи со сложностью содержания большой семьи: Ольга Андреевна с рождением третьего ребенка оставила работу, и приходилось жить на одно жалованье учителя.

В 1892 г. Аркадий приезжал в Москву к братьям, он надеялся переменить свою жизнь, устроившись в Москве, открыв здесь столярную мастерскую. Решение о переезде далось ему нелегко: сложно начинать новое дело, кроме того, приходилось оставлять семью в Вятке. В письме к Аполлинарую он с сомнением замечал: «Наступивший год [1892. – Т.Т.] меня застаёт в большой задумчивости относительно моего недалекого будущего – ехать к вам. Что-то будет. Нужно собрать все свои силы на предстоящее будущее, чтобы выйти победителем. Постараюсь – авось что-нибудь и выгорит» (письмо от 5 января 1892 г. – Там же. Ед. хр. 427. Л. 1). Устроить мастерскую в Москве Аркадию не удалось, и ему пришлось некоторое время спустя вернуться в Вятку.

С Вяткой связана вся дальнейшая жизнь Аркадия Михайловича. В 1894–1895 гг. он покупает дом на Никитской улице. Помимо возникшей необходимости из-за разросшейся семьи, было желание устроить свою мастерскую. Аркадий писал Аполлинарую: «Мастерская-то моя и заставляет купить дом: очень много неудобств на частной квартире, везде хозяева суют нос. У меня, например, нельзя было лес сушить, тяги не было, просил разрешения у хозяйки, чтоб в трубе сделать отверстие, так не очень соглашалась, пришлось другие меры принять» (письмо от 26 сентября [1895 г.] – Там же. Ед. хр. 436а.

Л. 1 об.). Аполлинарий счастлив за брата: «Радуюсь за тебя, что ты доволен домом, теперь только остается оправдать его, т.е. воспользоваться мастерской», «...мне приятно будет вообразить тебя домохозяином изображенной хоромины» (письмо от 17 января 1895 г. – РГАЛИ. Ф. 715. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 16 об.). Аркадий не без гордости сообщал: «У меня на одворице такой сад, что вовсе не стоит ехать на дачу: дом кругом в саду, есть горы (Засора), а в логу бежит ручей, который ребята запрудили» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от 24 июня 1895 г. – Дом-музей В.М.Васнецова. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 17 и об.).

Здесь для большого семейства было гораздо удобнее, а столярно-резчицкая мастерская располагалась в нижнем, цокольном этаже. Дом обставили мебелью, сделанной тут же, в мастерской Аркадия. Для выполнения заказов им занимались столяры, а резьбу и инкрустацию он выполнял сам по эскизам, присылаемым Виктором и Аполлинарием. Для своей работы Аркадий Васнецов также использовал рисунки из специализированных альбомов о мебели. Аркадий писал Аполлинарию: «Хочу рискнуть: сделать шкаф по рисунку из атласа, который ты мне послал, и поставить его в Вятский кустарный музей на комиссию – авось кто-нибудь и купит, может быть, даже музей купит для образца» (письмо от 3 февраля 1894 г. – ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 432. Л. 1 об.).

В 1896 г. все три брата приняли участие во Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. Виктор представлял свои картины «Ковер-самолет» (1880), «Портрет Антокольского» (1884) и др., Аполлинарий – «Свибловская башня» (1894), «Дебри Урала. Урэнга» (1894), «Эльбрус перед восходом солнца» (1896), «Кавказ» (1896) и др. Аркадий демонстрировал мебель, выполненную в его мастерской в Вятке, и был награжден бронзовой медалью. Этот факт его не столько радовал, сколько огорчал, мастер считал, что его работу недооценили. В письме к Аполлинарию от 22 сентября 1896 г. Аркадий с горечью замечал: «...фирма моя потерпела полнейшее фиаско» (Архив Музея-квартиры Ап.М.Васнецова).

Братья переживали за Аркадия, советовали даже отказаться от этой награды. Кроме того, его мебель была повреждена. Александр, младший брат, учитель, живший в

Вятской губернии, в письме к Аполлинару с горечью замечал о неудаче Аркадия: «...вместо выгоды получил 400 р. убытка, которые негде взять» (письмо от 2–4 октября 1896 г. – ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 396. Л. 5). Виктор морально поддерживал брата: «Вообще же небольшой этой неудачей на выставке ты не смущайся и энергичнее веди дело – мастерскую непременно расширь, как я тебе советовал...» (письмо от 15 сентября 1896 г. – РГАЛИ. Ф. 716. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 1 об.). Однако разочарование Аркадия в выставке не отбило у него желание продолжить начатое дело: «Относительно своей мастерской скажу то, что я ее пока не брошу, а буду вести, насколько это будет возможно по моим материальным условиям. О расширении ее пока нельзя ничего сказать: будет нужно и возможно, то расширю ее» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от [1899 г.]. – ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 438. Л. 2 об.).

Материальные условия действительно были не блестящие. Александр Михайлович, наблюдая за жизнью брата, по секрету делился наблюдениями с Аполлинарием: «Бьется как рыба об лед. Я удивляюсь, как терпения хватает. Сам он все свободное время режет, а выгоды от мастерской – никакой... И без нее, и при ней ни у него, ни у семьи – ничего нет. Живут бедно, едят плохо» (письмо от 2–4 октября 1896 г. – Там же. Ед. хр. 396. Л. 5 об.–6).

Аркадий Михайлович Васнецов выполнял мебель для С.И.Мамонтова, М.Ф.Якунчиковой, К.Д.Арцыбушева, С.Т.Морозова. Это было не столько источником средств существования, а прежде всего – творческой устремленностью. Работа отнимала много времени и сил, несмотря на то, что количество столяров мастерской доходило иной раз до пяти. Мебель, выполненную в мастерской Аркадия, отправляли на комиссию в Кустарный музей, пока не находилась покупатель. В Вятке ее было трудно продать, поскольку она стоила дороже, чем обычная мебель, а вятичи предпочитали покупки подешевле. В письме Аполлинару от 30 января 1897 г. Аркадий замечал: «...и мне для вятчан совсем невыгодно делать» (Архив Музея-квартиры Ап.М.Васнецова). «Придется только поразить вятчан ценой, которую они и во сне-то не видали – все любят дешево» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от 3 февраля 1894 г. – ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 432. Л. 1 об.). «На Вятку же плохая надежда – нет подходящих заказчиков: вятчанам нужно дешево. Они, например, мои шкафы

ценят не дороже 30 руб.» (письмо Арк.М.Васнецова к В.М.Васнецову от 1 января 1897 г. — Дом-музей В.М.Васнецова. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 27 об.).

Работа сопровождалась разными сложностями: иной раз трудно было достать хороший материал, возникали проблемы с просушкой древесины (из-за этого срывались сроки заказов), к тому же приходилось дорого платить столярам. «Вятские же резчики дороги, да и тех нет. Один с меня запросил по 2 руб. в день, тогда как в Москве я платил гораздо дешевле», — делился раздумьями Аркадий с Аполлинарием (письмо от 26 мая 1894 г. — ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 433. Л. 2 об.). Выполненную на заказ мебель отправляли более дешевым водным путем, на пароходах фирмы Булычева, в Москву.

Финансовые вопросы оказались самыми серьезными: «Так вести мастерскую, как я ее вел, очень невыгодно вести, ибо не было своего капитала. Чтобы шла мастерская хорошо, нужно на нее тратить не по 100 руб. в год, а по 10 тысяч. Тогда можно еще рассчитывать на барыш. А то сделаешь шкаф да и ждешь, когда-то он продается. Будь бы у меня кредит, напр[имер], тысяч на 10, то я бы не так дело повел. А коль скоро его нет, то и довольствуйся тем, что есть» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от 5 ноября 1902 г. — Там же. Ед. хр. 443. Л. 1 об.—2). С горькой иронией Аркадий пишет Виктору: «А то мне после выставки [Нижегородской. — Т.Т.] стали посылать разные фирмы свои предложения что-нибудь им заказать. Один адресует на “Фабрику художественной мебели Васнецова”, другой называет “фирма Ваша”. Догадливый попался почтальон, что он не вздумал разыскивать фабрику художественной мебели в Вятке, а принес ко мне прямо» (письмо от 1 января 1897 г. — Дом-музей В.М.Васнецова. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 27 об.—28).

В 1900 г. В. и Ап.Васнецовы участвуют во Всемирной выставке в Париже. Виктор Михайлович экспонировал картины «Витязь на распутье» (1882), «Битва скифов со славянами» (1881), «Аленушка» (1881), «Гамаюн» (1897) и др. Аполлинарий Михайлович представил «Элегию» (1893), «Избушку на курьих ножках» (1899), «Сибирь» (1894), «Московский Кремль» (1897) и был удостоен серебряной медали. В.М.Васнецов не был отмечен наградой. Не получили медалей такие мастера, как В.Е.Маковский, И.И.Левитан, В.Д.Поленов. Это решение жюри Париж-

ской выставки вызывало недоумение современников. Виктор в письме к Аполлинару замечает: «Тебя же с серебряной медалью поздравляю. Не получить никакой медали для меня приятнее, чем получить полтинник» (Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 176). Аркадий шлет приветствие из Вятки: «Поздравляю! Только вот Виктора обошли. Ну да он сам по себе большая медаль и может обойтись без всяких выставочных медалей» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от 26 ноября 1900 г. – Архив Музея-квартиры Ап.М.Васнецова).

Общественная деятельность Виктора и Аполлиария Васнецовых выходила далеко за пределы Москвы: по их инициативе в Вятке создается художественно-исторический музей, названный впоследствии в их честь. Ап.М.Васнецов первым подарил картины музею и обращался к своим друзьям-художникам с просьбой пожертвовать свои произведения.

Музей создавался с большими сложностями, главная из которых заключалась в отсутствии помещения. Аркадий Васнецов писал в письме от 5 апреля 1900 г. брату Аполлинару: «Относительно музея пока ничего нельзя сказать. В том здании, где ты говорил музей устроить, сейчас находится... совестно сказать... трактир, и очень много он доходу дает, т[ак] что наши Ким Кимычи не променяют его на картинную галерею. Поскребышев¹ предполагает поместить картины в Управе, в канцелярии, но этого никаким образом нельзя допустить: картины со временем улетучатся. Да и что за музей, когда за столами будут сидеть писцы, а по Управе будет ходить публика и глядеть на картины. Вот в музей реального училища можно, пожалуй, поместить картины, он в отдельном здании и совсем самостоятелен от училища. Это бывший музей, который устраивал Алабин²» (Там же).

В 1909 г. в Вятке был создан Художественный кружок, ставивший своей целью организацию городского музея. Активное участие в его деятельности принимал Аркадий Михайлович Васнецов, он ведал казначейскими вопросами, был товарищем председателя.

Заинтересованность в получении хорошей коллекции картин Аркадий выражал в письме Аполлинару: «Если дело с музеем устроится, то ты как-нибудь уговори Морозову³, чтобы она пожертвовала все 12 картин в Вятский

музей» (письмо от 5 сентября 1910 г. – Там же). В ноябре Аркадий спешил поделиться новостью с братом: «Художественный кружок избрал тебя в почетные члены. Смотри, не отказывайся. Избрал так[же] кружок почетным членом Морозову, Виктора и еще Ник[олая] Ник[олаевича] Хохрякова⁴, как старого вятского художника. Ты о музее узнал уже, вероятно, от Исупова⁵. Открытие его будет 5 декабря. Думали открыть 21 или 28, но пришлось еще отложить» (письмо от 21 ноября 1910 г. – Там же).

Некоторое время музей находился в земском помещении, на территории книжного склада. По мере прибытия пожертвованных картин члены Художественного кружка добивались освобождения комнат и предоставления их для размещения увеличивающейся коллекции. Была организована подписка для сбора денег на строительство собственного помещения для музея. «Я думаю, что музей наш оснуется как следует, может быть, не в далеком будущем будет и свое здание» (письмо Арк.М.Васнецова к Ап.М.Васнецову от 26 января 1912 г. – Там же). Но и через два года этот вопрос оставался актуальным и волновал Аполлинария Михайловича: «Мне с самого начала казалось, что без определенного, постоянного помещения жертвовать вещи нельзя» (письмо Ап.М.Васнецова к Арк.М.Васнецову от 20 ноября 1914 г. – РГАЛИ. Ф. 715. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 36). С 1912 по 1918 г. коллекция размещалась в белом флигеле Клобуковых⁶, с 1918 г. – в особняке И.С.Репина⁷.

В день открытия музея 5 декабря 1910 г. коллекция состояла из тридцати семи картин и одной скульптуры. Среди дарителей были художники: В.Н.Бакшеев, С.В.Иванов, А.В.Исупов, С.В.Малютин, В.Д.Поленов, Н.Н.Хохряков. Сейчас в Кировском областном художественном музее имени В.М. и Ап.М.Васнецовых насчитывается около 17 тысяч экспонатов.

С конца 1890-х по 1917 г. Арк.М.Васнецов неоднократно занимал выборные должности. В 1897 г. его избрали в Городскую управу, а в 1907 и 1917 гг. он был городским головой. Появилось много новых хлопот: устройство в городе водопровода, строительство электростанции, электрификация Вятки, организация нового общественного вида транспорта – трамвая, да и других дел было множество. Братья поздравляли его с успешными выборами, поддерживали Аркадия в его начинаниях на новом

поприще. Выборной общественной работе на благо родной Вятки Аркадий отдал более двадцати лет. В 1914 г., когда началась Первая мировая война, Аркадию Михайловичу пришлось решать множество проблем, связанных с размещением госпиталей, обеспечением города продовольствием, топливом.

О.А.Васнецова, правнучка Арк.М.Васнецова, уточняет: «В 1916 году, будучи в чине титулярного советника, он служит как гласный Вятской Городской Думы, заместитель Городского Головы, член Вятского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым войнам, товарищ председателя Вятского художественного кружка, член губернского совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в Вятской губернии, член уездного совещания по продовольственному делу, член Вятского городского попечительства по призрению семей низших чинов и ратников ополчения, призванных на действительную военную службу» (Васнецова О.А. Аркадий Михайлович Васнецов. (Страницы из биографии) // Васнецовы. Материалы, исследования. Вятка, 1993. С. 124).

Проработав долгое время учителем, Аркадий Михайлович решил сам составить учебник для начальной школы. Результатом этой работы было создание хрестоматии «Русский школьник», куда кроме рассказов классиков русской литературы вошли произведения самого Арк.М.Васнецова: «Домашние животные», «Страны света» и другие. Первый том «Русского школьника» был напечатан в 1899 г., второй – в 1901 г. Впоследствии Аркадий Михайлович возвращался к работе над книгами, совершенствуя их.

Октябрьская революция 1917 г. не могла не сказаться на судьбах братьев Васнецовых. 10 ноября 1918 г., в шестидесятилетнем возрасте, Арк.М.Васнецов был арестован по обвинению в саботаже новой власти и растрате народных денег. Родные обратились в следственную комиссию Вятского революционного трибунала с поручительством и просьбой освободить Аркадия Михайловича, за него вступились и многие именитые жители Вятки. Васнецов был освобожден по амнистии VI Всероссийского съезда Советов в мае 1919 года.

Во время тяжелых испытаний опорой для Аркадия Михайловича стала семья – жена, Ольга Андреевна, дети.

Поддерживали его и братья – добрым словом, делом – обращениями в разные учреждения с просьбой разобраться в происшедшем.

Много перенес Арк.М.Васнецов лишений и горя: и раннее сиротство, и нужду, и потерю детей – сына Аполлинария и дочери Ольги, и незаслуженные обвинения. Нелегкие испытания подточили здоровье Аркадия Михайловича. 10 мая 1924 г. он умер. Могила его не сохранилась. 27 октября 1992 г. Аркадий Михайлович Васнецов был по-смертно реабилитирован.

Только на два года пережил его старший брат Виктор. 23 июля 1926 г. В.М.Васнецов скоропостижно скончался на семьдесят девятом году жизни в своем доме в Москве, в 3-м Троицком переулке. Он похоронен на Введенском (Немецком) кладбище.

После революционных событий в стране и замены руководства в Училище живописи, ваяния и зодчества Ап.М.Васнецов в 1918 г. вместе с другими старейшими преподавателями был уволен, лишен мастерской, оказался не у дел. Для художника наступили трудные дни. Аполлинарий Михайлович жил заботами о сыне Всеволоде и жене Татьяне Ивановне. В их квартиру подселили посторонних людей. Мастерскую пришлось разместить в бывшей столовой, где художник работал до конца своей жизни. Умер Аполлинарий Михайлович Васнецов 23 января 1933 г. Похоронен на Введенском кладбище в Москве.

Так завершился жизненный путь трех братьев Васнецовых, людей иной эпохи, оказавшихся не в состоянии принять ценности другого, чуждого им времени. Мужественно и стойко сопротивлялись они невзгодам. Это были люди, достигшие известности благодаря своему таланту, целеустремленности и трудолюбию, не изменявшие своим убеждениям на протяжении всей жизни.

Примечания

¹ Поскребышев Яков Иванович (1866–1912) – вятский городской голова (1897–1907).

² Алабин Петр Владимирович (1824–1896) – писатель, общественный деятель, археолог. Управлял губернской публичной библиотекой, при которой был открыт Вятский публичный музей.

³ Морозова Маргарита Кирилловна (1873–1958) – меценатка. Из купеческой семьи.

⁴ Хохряков Николай Николаевич (1857–1928) – вятский живописец, друг Ап.М.Васнецова.

⁵ Исупов Алексей Владимирович (1889–1957) – художник, ученик Ап.М.Васнецова по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества.

⁶ Клобукова Зинаида Дмитриевна (1887–1968) – скульптор. Участвовала в организации художественно-исторического музея в Вятке. Муж – Петр Павлович Клобуков (1873–1944), из купеческой семьи.

⁷ Репин Иван Степанович – вятский купец, домовладелец.

Письма В.М.Васнецова Арк.М.Васнецову

1

Здравствуй, милый Аркадий.

Посылаю тебе 100 р. для Анны Николаевны¹ на 5 месяцев по 20 р., как она писала. Впрочем, если она пожелает по-старому иметь 25 р. в месяц, то я против этого ничего не имею. Передай ей от нас поклон.

Как твои дела теперь? Выставка² дает ли тебе что-нибудь – боюсь, чтобы она убытку тебе не принесла. Говорят, тещью буфет немного попорчен – ты об этом непременно должен заявить куда следует, и тебе хоть часть убытков должны возместить. А почему у тебя не были вставлены стекла в другую дверку? Как ты думаешь с ним поступить. Вообще же небольшой этой неудачей на выставке ты не смущайся и энергичнее веди дело – мастерскую непременно расширь, как я тебе советовал, а то запаздывание в заказах может отбить от тебя совсем заказчиков. Мои стулья, если готовы, высылай, т.к. мы живем уже в Москве. Буфета рисунок не готов еще, но как только будет готов – вышлю. Впрочем, мне ведь скоро его нужно.

Ну, желаю тебе успеха. Всем вам от нас глубокий поклон.

Желаю всем вам здоровья и тебе успеха особенно.

Храни вас Бог.

Твой Виктор

15 сент[ября]

1896

¹ Васнецова Анна Николаевна – жена Н.М.Васнецова.

² Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде состоялась в 1896 г.

[Апрель 1897, Москва]

Христос воскрес!

Поздравляю тебя, Аркадий, и твою семью с прошедшим светлым праздником! Весело ли провели Пасху? Были ли качели? Мы, слава Богу, провели как следует, т.е. никто особенно не хворал. Качель была тоже привязана на террасе.

Наши, т.е. Александра Владимировна с Таней¹ и с некоторыми из мальчиков собирается в Вятку в конце мая или в начале июня. Встречайте ласково. Я сам тоже подумываю побывать на родине, но соберусь ли наверно – не знаю, очень уж много обязательной работы, да и дорога длинна.

Насчет просимых тобою 300 р. – конечно, если нужны они очень, то я тебе их высылаю, хотя не скажу, чтобы всегда это делалось с легкостью. Дело в том, что я все-таки опять скажу, хоть уж и надоел тебе, что нужно тебе быть энергичнее в своем деле. Я не скрою от тебя, что стороной узнал: заказчики твои вятские недовольны замедлением, да и, действительно, чем тише работаешь, тем меньше выгод. Впрочем, тут начнется опять сказочка про белого бычка... Касательно буфета, шкафов – я тебе писал все-таки предположительно, т.е. что тебе необходимо иметь их в запасе, а за непременною продажу я ведь все-таки не ручаюсь, хоть и буду хлопотать. (Крайние дверки у буфета делай непременно *на пятах*.) Да и вообще художественная мебель у тебя не может быть главным производством, она должна быть только подспорьем.

Ну, что же ты сделал насчет могилы папаши и мамашы? Справлялся ли, ездил ли или хоть писал ли попу? Нет ведь небось? Эх, а ведь это грешно. Я, ради Бога, прошу тебя устроить это дело, т.е. съездить в Рябово и на месте все решить, т.е. через попа заказать чугунную или железную решетку и один большой [памятник] или три отдельные плиты на могилы отца, матери и деда. О надписях справишься в консистории. Очень я тебя прошу об этом! Не сердись².

Поклон Ольге Андреевне и всем.

Я работаю сильно – мои все готовятся к экзаменам и поездке. Засим будьте здоровы. Храни вас Бог.

Твой Виктор

¹ Васнецова Татьяна Викторовна (1879–1961) – дочь В.М.Васнецова; художница, окончила Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

² Имеются в виду могилы родителей – Михаила Васильевича (1823–1870) и Аполлинии Ивановны (1827–1866) Васнецовых и деда Ивана Тимофеевича Кибардина (1799?–1863?). Памятники на могилы родных в Рябове были поставлены Арк.М.Васнецовым в 1899 г.

3

[28 сентября 1897, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий, не нужно, я думаю, и извиняться за долгое молчание – сам знаешь. Спасибо вам, тебе и Ольге Андреевне, за ваше гостеприимство¹ – наши до сих пор вспоминают всех вас, теплых вятичей. Я, с одной стороны, очень радуюсь за твое новое место² и даже очень желаю, чтобы оно за тобой укрепилось. Конечно, трудов много и хлопот, но где же их нет? Тут, по крайней мере, труд окупается. Насчет твоей мастерской теперь, вероятно, придется другое сказать, т.е. что если она не приносит прямые выгоды, то можно, я думаю, ее и прекратить, оставив для практики себе верстачок и работая любительски. Впрочем, издали и в чужом деле трудно решительно советовать. Начатое, конечно, нужно окончить. Буфет нужно окончить, и я буду хлопотать его пристроить. Насчет петель желез[ных] я, кажется, писал тебе – они мне нравятся и их смело можно пускать в дело, а вот медные непременно нужно заменить пятами или сделать шарниры скрытые, а то очень некрасиво. Стекла годятся. Цену скажи заранее точную. Аполлинарий завтра, 29 сент[ября], собирается ехать за границу – [в] Париж, Италию и везде – на целый год. Ему это следует сделать.

О Пете³ ничего не слышать. За Сашу⁴ я рад тоже, что они едут на новое место – слава Богу, что все у них уладилось.

Мои все кланяются очень Ольге Андреевне и всем вашим – и [я] тоже шлю всем им привет. Поклон от нас Анне Николаевне. Увидишь Марью Ив[ановну] и Рязанцевых⁵ – то передай поклоны. Марье Егоровне с Катер[иной] Егор[овной] и Анной Андреевной⁶ – тоже поклоны.

Засим желаю вам всем здоровья и всего хорошего и храни вас всех Бог!

Ваш Виктор

Родителям памятник заказывай, не стесняйся, если удобно из мрамора в Екатеринбурге – то заказывай и туда, только поскорее! – лишнее я заплачу.

Твой брат Виктор

¹ В июне 1897 г. А.В.Васнецова вместе с детьми Таней, Мишей и Володей ездила в Вятку.

² В 1897 г. Арк.М.Васнецов был избран в Вятскую городскую думу.

³ Васнецов Петр Михайлович (1852–1899) – брат В.М., Ап.М. и Арк.М.Васнецовых, учитель, агроном. Преподавал в Народном училище в Шурме Вятской губернии. Арендовал землю в Пензенской губернии.

⁴ Васнецов Александр Михайлович (1860–1927) – брат В.М., Ап.М. и Арк.М.Васнецовых, учитель, работал в Шурме (1883–1897), в Лажском училище (1897–1901) и др. Был составителем сборника «Песни Северо-Восточной России» (1894).

⁵ Рязанцевы – родственники со стороны Александры Владимировны, жены В.М.Васнецова. Одна из самых известных купеческих фамилий в Вятке, владели бумажной фабрикой и стекольным заводом. Рязанцева Мария Ивановна – теща В.М.Васнецова.

⁶ Сестры Мышкины: Марья Егоровна, Александра Егоровна, Екатерина Егоровна, Анна Егоровна – знакомые братьев Васнецовых. Анна Андреевна, вероятно, знакомая братьев Васнецовых по Вятке.

4

Здравствуй, Аркадий! Я давно бы должен был писать тебе и вот только теперь собрался. Конечно, причины понятны, они, вероятно, те же, по которым и ты нечасто пишешь. Кажется, я поздравлял тебя с новой должностью. Дай Бог, чтобы она пришлась тебе по вкусу и на пользу. Поздравляю тебя еще с Новым годом, а также и семью твою! Пошли Бог всем вам здоровья и счастья. Как вы все, вятчане, поживаете? Что слышать о Саше? Я, конечно, нисколько не в претензии, что он не пишет, потому [что] и сам тем же грешу перед многими. Аполлинаруй, как тебе известно, проживает в городе Париже и на этот раз – настоящим, а не то что в меблированных комнатах, называющихся «Город Париж»¹. По письмам он живет не очень весело, даже, кажется, скучает. Видно, кто за границей не жывал, тот не знает, что такое «родина», впрочем, если он не пень. Недавно у нас был Петя – зимой уже 2-й раз. Он опять арендует. Хотя хозяин и сбавил 2 т[ысячи], но я боюсь, что делу это мало поможет. Как я ни уговаривал его ос-

тавить дело – ничто не помогает. При прежней аренде нажать огромные долги, да и при уменьшенной аренде едва ли обойдется без них. Дай Бог, конечно, благополучно вести дело.

Как твое столярство? Совсем бросил или еще будешь работать. Буфет ты, вероятно, окончишь, но я прошу не высылать его, не известив меня, т.к. хранить у меня его негде решительно. А я думаю прежде его кому-либо продать и направить прямо к покупателю. Стекла для него готовы и лежат у меня. Я думаю, незачем тебе их пересылать – вделать можно их и здесь, а то еще разобьются дорогой. Должно быть, у тебя имеется одно стекло из моего буфета. Если есть, то вышли его почтой, мне оно нужно. В новом буфете для вставки стекол все приноврови, как и в прежнем, и еще повторю – крайние створки (со стеклами которые) сделай на петлах, а не на шарнирах – очень уж безобразны эти шарниры.

Что делается насчет памятника в Рябово. Очень прошу позаботиться – издержки все беру на себя.

Все мои тебе и Ольге Андреевне кланяются, а также и детям твоим. Поклон Марье Ивановне с семьей и Анне Николаевне.

Желаю здоровья и всего хорошего всей твоей семье – храни вас Бог!

Твой Виктор

М[о]ск[ва]
8 февр[аля]
1898 г.

P.S. Посылаю 100 р. для Анны Николаевны и при этом убедительно прошу сообщить мне, до какого месяца ей выдано и по сколько в месяц? Прошу очень написать мне об этом, и по возможности скорее. Мне необходимо знать.

В.В.

¹ В Москве меблированные комнаты «Париж» находились в Козицком переулке, гостиницы «Париж» и «Малый Париж» – на Тверской улице. В Петербурге на Малой Морской улице была «Большая гостиница Париж».

Дорогой Аркадий, пишу очень коротенько. Савва Ив[анович]¹ уже знает о ваших хлопотах о ж[елезной] до-

роге от Поскребышева и, очевидно, очень сочувствует делу, но что из этого выйдет – сказать трудно.

Посылаю 200 р. на памятник родителям – 100 р. с Марьей Ивановной и 100 по почте. Устраивай памятники, пожалуйста! Шкапы твои все, т.е. *буфет* и два *шкафа*, покупает Савва Иванович. Буфет – 800 р., а о шкафах напиши цену поскорее – вероятно, 200–150?

Посылай через Булычева² на имя Аполлинария.

Только очень прошу тебя, чтобы все было хорошо и исправно. Укупоривай внимательно и тщательно – без поломок. Стекла у меня готовы – вделаем.

Мы уже давно переехали в Москву. Все вам кланяются. Желаю всем здоровья и успеха.

Храни вас Бог!

Твой Виктор

15 сент[ября]
1898

¹ Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – промышленник, предприниматель, руководил строительством железных дорог, меценат. В 1870 г. купил имение Абрамцево. Был инициатором многих начинаний Абрамцевского кружка.

² Булычев Тихон Филиппович (1847–1929) – судовладелец, вятский меценат. Создатель и владелец судоходной компании «Булычев».

6

Дорогой Аркадий, посылаю тебе 500 р., взятых от Саввы Ивановича Мамонтова в счет уплаты за *буфет* и *один* (малый) *шкаф*, в получении которых я дал расписку. Цена буфета 800 р., шкафа – 200 р. Итого – 1000, значит, по присылке получишь остальные 500. Высылать можешь весной, но непременно укупорить аккуратно и хорошо. Для М.Ф.Якунчиковой¹ буфет делай, а также и шкаф. Если шкаф сделаешь лишний, то не смущайся – продадим. Пишу, тороплюсь. Поклон всем вашим. Желаю всем здоровья.

Твой Виктор

3 ноября
1898

¹ Якунчикова Мария Федоровна (1864–1951) – племянница С.И.Мамонтова, после смерти Е.Д.Поленовой руководила Абрамцевскими столярно-резчицкими мастерскими.

Дорогой Аркадий, хоть и не скоро, но отвечаю на твое последнее письмо. Деньги от Саввы Ив[ановича] взяты не взаймы, а в счет уплаты за буфет и шкаф. Одно только, что надо укупорить и выслать аккуратно, конечно, весной с пароходами. М.Ф.Якунчиковой заказ исполняй тоже. Рисунки мы с Аполлинарием тебе исправим и вышлем. Ты, конечно, удивился телеграмме, спрашивающей об фамилии вятского полицмейстера. Был у меня некто Иван Николаевич Байбаков и назвал себя вятским полицмейстером. Мне нужно было узнать: правда ли это? Я очень прошу тебя сообщить мне все, что узнаешь о таком г. Байбакове. Кто он – служил ли, или служит в Вятке, или куда уехал? Сообщи поскорее. Кроме того, кто бы у тебя ни попросил денег – хоть даже 1 руб. от моего имени, письменно или лично – отказывай наотрез.

Ты, конечно, знаешь из газет, что мы потеряли П.М.Третьякова¹. Это для нас, художников, огромная потеря.

Как ты поживаешь и семья? Мои немного скрипят. Тебе и семье все кланяемся и желаем здоровья и веселых праздников. Храни вас Бог.

Будь здоров.

Твой В.Васнецов

Москва
1898
12 дек[абря]

¹ Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) – предприниматель, меценат, коллекционер. В 1892 г. передал свою коллекцию в дар городу Москве.

Дорогой Аркадий,
опять тебе пишу. Ты мне телеграфировал, что вятский полицмейстер теперь Анатолий Васильевич Гагарин. Между тем, я получил точные сведения, что Иван Николаевич Байбаков подлинный полицмейстер вятский, по крайней мере, был им летом. Твоя телеграмма меня совсем сбила с толку, и я вообразил, что дело имею с обманщиком. Гагарин, может быть, только исправляющий

должность полицмейстера? Или, может быть, Байбаков – бывший полицмейстер? А теперь уволен? Словом, вышла путаница. Дело настоящее вот в чем: Байбаков выпросил у меня взаймы 80 р. с тем, чтобы по его возвращении в Вятку на место или выслать деньги мне переводом, или передать тебе. Я просил его передать тебе. Теперь, если он, возвратясь в Вятку, передаст тебе эти деньги, то ты их прими, конечно, расписавшись в получении, и меня извести об этом. Сам ему покуда ничего не говори. Он, вероятно, обратится к тебе сам. Деньги покуда задержи у себя, а я тебе напишу, как ими распорядиться. Затем *убедительно тебя прошу никому не говорить и не разглашать об этом деле*, и ему не говори о том, что вышла путаница. Словом, я разыграл бы тут дурака порядочного, если бы случайно не узнал настоящую правду. Вот какие бывают дела-то.

Засим желаю тебе здоровья и всего хорошего.

Твой Виктор

14 декабря

1898 г.

P.S. Если г. Байбаков в Вятку не возвратится, то ты извести меня, где он будет, если о том узнаешь.

В.

9

[Март 1899, Москва]

Дорогой Аркадий.

3-го марта я тебе послал телеграмму. Дело вот в чем: известная тебе М[ария] Федор[овна] Якунчикова выпросила у Саввы Ив[ановича] заказанный тебе буфет себе. Ей он нужен к 5-й неделе поста, а Савве Ив[ановичу] только к Парижской выставке¹. Поэтому следующий буфет пойдет ему. Если буфет еще не готов, то спеши его окончить как можно скорее и посылай немедленно сухим путем. Укупорь как следует, и чтобы непременно доставили в Москву к 5 неделе. Вместе с буфетом высылай и шкаф. Если пересылка дороже будет стоить, то все-таки следует высылать – очень нужно. У нее на 5 нед[еле] базар, для нее важный.

Посылаем деньги Анне Николаевне.

Ольге Андреевне и всем от нас поклон!

У нас теперь живет Петр Мих[айлович], брат, лечится от бол[езни] печени. Аполлинарий уехал в Питер на выставку². Я тоже ездил в Питер и тоже устраивал свою выставку³. Ничего, сошло дело хорошо. Продолжалась она с 4 по 28 февраля. Посетителей было довольно.

Будь здоров. Храни вас всех Бог!

Твой Виктор

P.S. Старайся исполнить заказ!

Поклон Марье Ивановне, Ивану Влад[имировичу]⁴ и всем.

Примечания

¹ Всемирная выставка в Париже проходила с 14 апреля по 11 ноября 1900 г.

² В 1899 г. состоялась XXVII выставка ТПХВ. Ап.М.Васнецов экспонировал картины «Сумеречный ветер» (1899), «Северный край» (1899) и др.

³ Первая персональная выставка картин В.М.Васнецова открылась 4 февраля 1899 г. в залах Академии художеств. Экспонировалось 38 произведений.

⁴ Рязанцев Иван Владимирович – брат жены В.М.Васнецова – Александры Владимировны.

10

Милый, дорогой брат Аркадий.

Вот мы и в Москве пятый день. В первые дни не привелось вам писать, да очень все-таки и подустали. Доехали мы вполне благополучно, но с жел[езной] дор[огой] вышла все же канитель. Благодаря любезности ваших вятских начальников станции до Вологды мы ехали в купе прекрасно, но с Вологды в 1-м кл[ассе] плацкарт не дали (такое правило!). Во II и III клас[сах] плацкарты есть (все, конечно, заняты), а в 1-м – нет. В III кл[ассе] даже ночь обеспечена, а в 1-м кл[ассе], за который я заплатил около 100 р., мест для спанья не полагается: спи сидя! Вот так порядки! Демократическое, должно быть, начальство. В Ярославле пришлось буквально чуть [ли] не боем защищать свое купе. Я, конечно, защитил! Но теперь все волнения эти, слава Богу, позади и мы дома. Через несколько дней (думаем, 10) собираемся в Рябово¹. Для бедной Александры Владимировны опять сборы и хлопоты – Люду² и Олю³ непременно ждем, и с Митей⁴.

Из магазина Сытина на твое имя будет выслано 5 книжек о солнечном затмении соч[инения] Миши⁵. Прошу тебя распорядиться ими так: одну возьми себе, по книжке дай Александру Мих[айловичу] и Аркаше⁶ и одну книжку передай как-нибудь на фабрику Марье Федосеевне⁷, а пятую отдай кому пожелаешь. Нельзя ли ее переслать Александру Андреевичу⁸?

Засим от всего сердца благодарим вас за братское гостеприимство и ласку – знаем, что истомили милую, добрую Ольгу Андреевну, но уже ничего не поделаешь – в Вятке как-то особенно усиленно жралось. Я, мама, Таня, Боря⁹ вспоминаем вятское житье наше с великим удовольствием и любовью. Все мы шлем самый сердечный поклон и благодарность Ольге Андреевне и всем вашим милым хозяйкам!

Поклон просим передать поименно: Ольге Андреевне, Оле, Люде, Любе¹⁰, Мите и Косте¹¹ (и Лене¹² в Пермь), Марье Андреевне¹³, а затем: Анне Николаевне, Аркаше, Тоне¹⁴, а потом: Саше, Анне Владимировне¹⁵, Наде¹⁶, Сереже¹⁷! Знакомым: Марье, Александре, Екатерине, Анне Егоровнам, Лобовиковым¹⁸ с семейством, Хохрякову, Сергею Сильверстовичу¹⁹ и всем присным и знакомым, которые помнят нас. Перешлите поклоны и на фабрику, и Ивану Владим[ировичу].

Желаем от всей души всем быть здоровыми и счастливыми.

Целуем крепко всех вас!
Храни вас Бог!

Твой брат Виктор

Москва 1914 г.

7 июня

Александра Владимировна особенно кланяется Ольге Андреевне и напишет ей из Рябова, теперь она вся в хлопотах по переезду туда.

P.S. Трактиры в Москве очень хорошие, только вот не с кем по ним ходить...

¹ Рябово (Новое Рябово) – имение, которое В.М.Васнецов купил в 1901 г. в Дмитровском уезде в селе Ваньково.

² Васнецова Людмила Аркадьевна (1893–1980) – дочь Арк.М.Васнецова. Выпускница Московской консерватории, певица.

³ Васнецова Ольга Аркадьевна (1889–1918) – дочь Арк.М.Васнецова.

⁴ Васнецов Дмитрий Аркадьевич (1891–1980) – сын Арк.М.Васнецова. Учился в консерватории в Москве, жил у дяди – В.М.Васнецова. После ускоренного выпуска военного училища в Казани был мобилизован в действующую армию.

⁵ Васнецов Михаил Викторович (1884–1973) – сын В.М.Васнецова, священник. Написал статьи «Наблюдение кометы Галлея в Крыму, апрель 1910 г.» и «Солнечное затмение в августе 1914 г.»

⁶ Видимо, Васнецов Аркадий Николаевич (1884–1917) – сын Н.М.Васнецова, племянник В.М., Ап.М. и Арк.М.Васнецовых.

⁷ Рязанцева Мария Федосеевна, жена И.В.Рязанцева, шурин В.М.Васнецова.

⁸ Двинянинов Александр Андреевич (1845–?) – двоюродный брат В.М., Ап.М. и Арк.М.Васнецовых по линии отца, Михаила Васильевича, протоиерей села Мухино.

⁹ Васнецов Борис Викторович (1880–1919) – сын В.М.Васнецова.

¹⁰ Васнецова Любовь Аркадьевна (1899–1987) – дочь Арк.М.Васнецова, скульптор.

¹¹ Васнецов Константин Аркадьевич (1897–1942) – сын Арк.М.Васнецова.

¹² Васнецов Леонид Аркадьевич (1884–1942) – сын Арк.М.Васнецова.

¹³ Вероятно, имеется в виду сестра Ольги Андреевны, жены Арк.М.Васнецова.

¹⁴ Васнецова Антонина Николаевна (1889–1979) – дочь Н.М.Васнецова.

¹⁵ Васнецова Анна Владимировна – жена Ал.М.Васнецова.

¹⁶ Васнецова Надежда Александровна (1898–1971) – племянница В.М., Ап.М. и Арк.М.Васнецовых; дочь Ал.М.Васнецова. Певица.

¹⁷ Васнецов Сергей Александрович (1902–1956) – племянник В.М., Ап.М. и Арк.М.Васнецовых; сын Ал.М.Васнецова. Учился в Москве, некоторое время жил у В.М.Васнецова.

¹⁸ Лобовиков Сергей Александрович (1870–1941) – фотограф, общественный деятель, один из организаторов музея в Вятке.

¹⁹ Колотов Сергей Сильвестрович – знакомый Ап.М. и В.М.Васнецовых.

11

[19 сентября 1914, Москва]

Дорогой Аркадий, как долго я не писал тебе, а все война! О вятском нашем пребывании у вас остались до сих пор самые приятные воспоминания. Как вы нашли Люду? На наш взгляд, она поправилась, хотя и усердно занималась музыкой. Жаль, она уехала рано от нас, а она наверно бы даже потолстела. Ну, а как Владимир Афанасьевич¹ – хвалит ли Рябово?

С 3 сентября мы уже все перебрались в Москву – все время наполняется на разные лады разговорами и забота-

ми о раненых и о войне; что бы ни делал, что бы ни думал, а вспоминается все «она»! Дал бы Бог благополучно кончить!

Я получил уже благодарность от рябовского священника, а счета из епархиальной лавки до сих пор не получаю. Ты скажи им, чтобы скорее присылали, и я немедленно по получении счета деньги им вышлю. На моей совести лежит также высылка обещанных изданий моих в семинарии, большую и малую, да тоже за недостатком времени никак не соберусь. Сообщил подлинное имя, отчество, звание и фамилию отцов ректоров обеих семинарий, а то я позабыл, знаю, о. Иоанн [Осокин] – рект[ор] мал[ой] семинарии, а больше ничего не знаю.

Таня собирается к вам, к бабушке, да все немножко прихварывает, может, и соберется, с ней, может быть, и пришлю что-нибудь. Митя у нас был и к призыву готовится ехать в Вятку, вероятно, в начале октября, он, конечно, напишет вам.

Аполлинаруй с семьей вернулись из Крыма и теперь уже водворились в Москве².

Миша наш служит покуда в Одессе, Володя³ в тайге сибирской охотится на зверя.

Саше кланяйся – ему тоже на днях напишу – пусть не сердится за молчание. Удалось ли ему с местом учителя?

Всем от нас сердечный поклон: Ольге Андреевне и прочим: Любе, Косте. Оля, конечно, в Петрограде. Анне Николаевне со чады – поклон. Анне Владимировне, тоже со чады, – поклон. Лобовиковым, милым старушкам Егоровнам и нашей дорогой бабушке Марье Ивановне. Храни всех вас Бог!

Целую тебя крепко. Твой брат

Виктор

Александра Владимировна, Таня, Боря очень, очень кланяются всем и целуют, и Алеша⁴ тоже. Только Алеша сейчас поехал в Ново-Рябово по делам хозяйским.

В.

¹ Карavaев Владимир Афанасьевич (1864–1939) – ученый, племянник тещи В.М.Васнецова М.И.Рязанцевой.

² Ап.М.Васнецов вместе с семьей в 1914 г. ездил в Феодосию, где участвовал в наблюдении за солнечным затмением.

³ Васнецов Владимир Викторович (1889–1953) – сын В.М.Васнецова; профессор Московского университета.

⁴ Васнецов Алексей Викторович (1882–1949) – сын В.М.Васнецова.

12

Дорогой Аркадий,

давно бы следовало отвечать тебе на письмо, но все мешали разные дела. Ваш Митя был у нас, когда я был в Одессе у Миши¹. Он там служит и учит ратников и новобранцев покуда. Жалею, что с Митей не повидался. Было бы очень хорошо, если бы он мог поступить в офицерское училище, хотя там, говорят, все места заняты и вакансии переполнены. Нет ли в Казани таких училищ? О московских военных училищах справлялся Алеша для Володи. Он, Володя, призывался 18 ноября, но был забракован, думает поступать в волонтеры. Чудак, право! Вероятно, забраковали его по слабости здоровья, а в войсках-то жизнь не особенно красна, того и гляди расхворается. Сидел бы дома, коли не тянут; да не сидится ихнему брату, молодежи, на печи, как нам, старикам!

Такое уж время, что поделаешь, и жаль родного человека, да надо примиряться... Ну, Бог милостив, будем молиться и надеяться на Его милосердие!

Не везет вятчанам на музеи – Алабин положил начало великолепному городскому музею; но мудрые вятчане все свели на нет, и пыли не осталось!

Теперь то же самое! Нашлись добрые люди – пожертвовали ценные картины, начал составляться прекрасный художественный музей-галерея... А им, слепородам, и горя мало! Эх, слепороды! Люди за картины большие деньги платят, чтобы устроить галерею, а им даром дают – они и рыло воротят...

Нет уж, Бог с ними, с просвещенными вятчанами, – я теперь ни единой черточки не пожертвую!

Если музей уже совсем уничтожается, то все жертвованные для музея вещи нужно возвратить жертвователям, иначе их судом могут вытребовать. Мои «Голова Христа» углем и «Голова Ап[остола] Матфея» Поленова² пусть покуда похранятся у тебя. Ты их возьми под расписку; также возьми и мои альбомы, и издания, мною пожертвованные, и похрани покуда у себя. Этюд «Боярышня» мой нужно возвратить Морозовой³, а картины Поленова – их автору.

Не ожидал я такого позора от просвещенных граждан г. Вятки, хотя при начале дела и не особенно надеялся на успех, но все же такого глупого исхода не ожидал даже и от вятчан.

Во всем бы удача, да сами плоховаты! Пиши, впрочем, что дальше будет с музеем, может быть, опомнятся.

Как вы все поживаете? Как все здоровы? Учится ли Люда музыке, бросила ли петь в хоре, как я настаивал? Ну и прочие как? Мы все ничего. Всем вам кланяемся: я, Алекс[андра] Влад[имировна], Таня, Марья Ивановна, Боря и Алеша. Миша с Олей, когда я уезжал, просили тоже поклониться всем вам. Таня теперь в лазарете перевязывает раненых в качестве сестры милосердия. Я все плакаты рисую в пользу раненых в разные учреждения. А вообще живем от телеграмм до телеграмм.

Будьте все здоровы. Храни вас Бог!

Твой Виктор

Москва 1914 г.

28 ноября

Анне Николаевне с семьей, Саше и Анне Владимировне самые сердечные поклоны!

¹ В ноябре 1914 г. В.М.Васнецов посетил в Одессе сына Михаила, который был призван в армию в начале Первой мировой войны и находился в Одессе с женой О.В.Васнецовой (Полетаевой).

² Поленов Василий Дмитриевич (1844–1927) – художник.

³ Коллекция картин, подаренная Маргаритой Кирилловной Морозовой музею в Вятке, состояла из 12 полотен В.И.Сурикова, М.В.Нестерова, А.Е.Архипова, В.М. и Ап.М.Васнецовых и др.

13

Дорогой Аркадий,

еще раз поздравляю с Новым годом и желаю вам и всем всего самого лучшего и доброго! Особенно доброго и благоприятного для нас исхода войны и скорого мира!

Пишу тебе по поводу одного молодого ратника, отосланного в Вятку в дружину. Он сын преподавателя Училища живописи, ваяния и зодчества Сергея Дмитриевича Милорадовича¹, зовут его Владимир Сергеевич Милорадович. В Москве ратников почему-то не свиде-

тельствовавали и будут свидетельствовать в Вятке. Отец говорит, что он совсем больной и даже припадочный. Так просьба в том, чтобы его непременно *внимательно* осмотрели и освидетельствовали: тогда его могут совсем освободить от службы. Если у тебя есть возможность посодействовать осмотру через знакомых, то я очень просил бы тебя похлопотать о молодом человеке, конечно, по силе возможности, чего нельзя, того уж нельзя... Милорадович-отец – товарищ Аполлинария по преподавательству в Школе живописи. Если что удастся сделать, то отец очень обрадуется и будет благодарен и рад сберечь больного сына.

Живем мы все по-старому. Кто может – работает. Таня в лазарете сестрой милосердия. Володя в Москве и, кажется, будет опять призван, что будет с ним – неизвестно. Очень желаем, чтобы Митя ваш устроился получше. Наш Миша служит покуда в Одессе.

Я все больше занят разными рисунками по случаю войны.

Поклон от нас Ольге Андреевне и всем вашим. Радуюсь за Люду, что учится музыке, но не совсем уверен, что пение в хоре не принесет вреда голосу.

Еще раз всем доброго и хорошего. Храни вас Бог!

Твой брат Виктор

Москва 1915 г.

11 января

P.S. Что с вашим злосчастливым музеем?

Александра Владимировна спрашивает, получила ли Ольга Андреевна ее письмо, и шлет ей привет.

В.

¹ Милорадович Сергей Дмитриевич (1851–1943) – художник, академик живописи.

Дорогой и милый Аркадий.

Получил твое письмо – оно немного грустное, но надо не поддаваться таким грустным настроениям. Сегодня ненастье, а завтра выглянет и солнышко! Правда, когда болен человек, то все ему кажется невесело. Но, Бог мило-

стив, пройдет твоя болезнь, и на душе будет легче. Есть у нас с тобой болезнь неизлечимая – старость... Но будем благодарить Бога, что Он допустил нас дожить до старости! Наши родители не были бы нам в тягость, а потому и нам не следует думать, что мы тяготим нашу семью... Будем благодарить Бога за то, что Он нам посылает и испытание, и утешение!

Люда очень утешает иногда музыкой. Она очень музыкальная натура. Я уверен, дело у ней по музыке пойдет хорошо.

Дай Бог и Косте твоему укрепиться силами и здоровьем! Сердечный поклон Ольге Андреевне! Храни вас Бог! Крепко целую тебя.

Твой Виктор

15

[Начало 1920-х, Москва]

Дорогой Аркадий,

спасибо тебе за письмо. Как вы поживаете и как мы проживаем – спрашивать нечего, живем все: как Бог грехом терпит и как милует!

В дороговизне, как видно, Вятка и Москва соперничают и стараются друг друга превзойти. Хотя Москва тем превзошла, что у нас все можно достать, включительно до шампанского, если у тебя гряда миллиардов – но у нас миллиардов нет. Посылаю тебе на всякий случай с Надей 5 миллионов – это, конечно, грош по нашим временам, но авось и грош братский пригодится.

Надя зиму провела у нас с успехом, у ней действительно признают учителя сильный сценический голос. Живя у нас, она очень много помогала Тане в хозяйстве, за что мы ей сердечно благодарны. Жаль, что с Людой ничего не устроилось, она только промелькнула в прошлый приезд. Я даже не надеялся, что и с Надей можно будет устроиться, но все обошлось благополучно и ко благу обоюдному.

От души желаю, чтобы и Люда устроилась счастливо по муз[ыке] и пению. Поклон всем: Ольге Андреевне, Люде, Косте, Лене. Помогите вам всем Бог и храни вас!

Твой Виктор

Мои вам все шлют поклон и привет.

[Начало 1920-х, Москва]

Христос воскрес!

Поздравляю тебя, дорогой Аркадий, Ольгу Андреевну и всю семью с Светлым Христовым праздником! Пошли вам Бог всем здоровья, счастья и радости! Храни вас Бог. Целую всех крепко, крепко!

Любящий тебя и всех вас Виктор¹

¹ На обороте письма № 16 – письмо Васнецовой Татьяны Викторовны Васнецовым Аркадию Михайловичу, Ольге Андреевне, Людмиле Аркадьевне и Константину Аркадьевичу.

Письма Ап.М.Васнецова Арк.М.Васнецову

1

19-го мая [1894, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Как живешь-можешь? Я как-то послал тебе письмо, где извещал тебя о замках, что таковых, как прежде, не нашел, врежь какие-нибудь получше из тех, что найдешь в Вятке. Посылай оба шкафа. Сегодня нашел покупателя на другой шкаф в лице Морозова¹, того самого, который купил у меня картину и тем поправил мои делишки, а главное, поднял мой дух, и теперь я работаю с большей энергией, а главное, не связан на лето сидеть в Москве. Шкаф, вполне готовый, и[з] темного дуба высылай по следующему адресу налож[ен]ным платежом, 200 рублей вместе с пересылкой, так что плата за пересылку будет в числе 200 рублей.

Адрес: Москва, Б. Трехсвятительский переулок. Сергею Тимофеечу Морозову – *собств[енный] дом*. Шкаф осмотри, чтобы не был где-нибудь треснут, и упакуй лучше, а то в прошлом немного потерялась столешница, поэтому проложь [полностью] в местах соприкосновения с бланками. Пошли через Булычева и поскорее: я сказал ему, что шкаф уже готов, а тот, что для магазина, и пошли туда, т.к. я говорил уж о нем, и если его опять продали, то обидятся и больше ставить туда неловко.

Саша пишет, что инспектор его действительно невозможная дрянь, и я пишу ему, чтобы он не задумывался

оставить Шурму. Твое письмо, писанное через Марью Ивановну, получил.

Да, я и забыл, что ты у Виктора взял вперед 100 руб. Ну, если ты посылаешь в магазин, то с него, может, он получит. Посылай прямо в магазин, т.к. меня может уже не быть в Москве, хотя едва я проживу до половины июня здесь. За провоз уплати для Мамонтовых. Магази[ин] в Вятке. Если Бульчевская контора не берется с налож[ен]ным платежом или найдешь это неудобным, то шкаф вышли, а деньги получу я и перешлю тебе. Пиши.

Твой Аполлинарий

Магазин Мамонтова так: Москва,
Петровские линии,
магазин «Русские работы» и все.

Виктор в Киеве. Я хворал, да выздоровел теперь. У меня была инфлюэнца.

Поклон Ольге Андреевне, как ее здоровье? Марья Ивановна говорит, что здоровье не совсем. С Сашей увижусь у Пети в июле.

P.S. Когда вышлешь шкаф Морозову, извести меня сейчас же, дабы я в свою очередь предупредил его о высылке шкафа и о налож[ен]ном платеже.

¹ Морозов Сергей Тимофеевич (1863–1944) – предприниматель. Из купеческой семьи. Перестроил здание в Леонтьевском пер., д. 7, приобретенное им для Торгово-промышленного музея кустарных изделий, и передал его в дар Москве. В 1890–1897 гг. возглавлял музей, затем состоял его почетным попечителем. С.Т.Морозов купил картину Ап.М.Васнецова «Даль» в 1894 г.

2

17-го января [1895, Москва]

С новым годом, Аркадий!

Желаю тебе всякого благополучия и счастья в предстоящем году. Извини за долгое молчание. Письма твои получил. Заявление на всероссийскую выставку я сделал уж давно. Жаль, что не было у тебя готовых шкафов осенью: их можно было бы продать, есть желающие. Насчет «Знайки»¹ трудно сказать что-нибудь определенное: издателя нелегко найти, тем более детская литература теперь так обильна, что, по всей вероятно-

сти, уж есть что-нибудь вроде. Кончаловскому² попробую сказать, хотя трудно рассчитывать на него. Радуюсь за тебя, что ты доволен домом³, теперь только остается оправдать его, т.е. воспользоваться мастерской. Я только никак не представляю место, где он находится, вот если бы ты начертил мне план, а еще того лучше изобразил бы его хоть приблизительно: мне приятно будет вообразить тебя домохозяином изображенной хоромины. Николаич⁴ пишет, что часто бывает у вас, я рад за вас, что вы сошлись, а то ему, я думаю, было бы нелегко жить в Вятке одному, без товарищей, да и тебе все-таки не лишнее иметь в числе знакомых такого хорошего человека, каков Николаич. Кланяйся ему и скажи, что я получил его письмо и вскоре отвечу, да, кстати, pošлю иллюстрированный каталог периодической выставки.

Жаль, что Саше не удалось пристроиться на месте в Вятке, а то его Шурма как яма, в которой чем больше сидишь, тем более пленеешь.

Я теперь занят картинами на передвижную выставку⁵; выставка будет ранняя, поэтому я из кожи лезу, чтобы успеть окончить картины к сроку. Пишу: «Каму», «Крымские сумерки» и «Рассвет», кто видел — хвалят, говорят, что это лучшие мои вещи, какие я когда-нибудь делал — не знаю: все скажет выставка; что хорошо в мастерской — на выставке часто проигрывает. Нынче у нас помещение будет в залах Академии художеств.

Мои дела на периодической неважны: продалось пока очень мало, а между тем мне как нельзя было бы кстати сотняга-другая. Не знаю, что скажет передвижная, а [на] нее все надежды. Живу довольно скучновачисто. Хочется куда-нибудь уехать. Поклонись Ольге Андреевне и детям. Как учится мой тезка⁶ и Леня.

Всего хорошего.

Твой Апол[линарий]

Посылаю правила всероссийской выставки.

P.S. Получил ли 6 номеров журнала «Семья»?

¹ Видимо, имеется в виду хрестоматия «Школьник», составленная Арк.М.Васнецовым.

² Кончаловский Петр Петрович (1839–1904) — книгоиздатель.

³ Дом был куплен Арк.М.Васнецовым в 1894–1895 гг.

⁴ Имеется в виду Н.Н.Хохряков. Николаичем его называли братья Васнецовы.

⁵ На XXIII выставку ТПХВ, которая состоялась в 1895 г., Ап.М.Васнецов представлял картины «Кама», «Рассвет» и «Крымские сумерки».

⁶ Васнецов Аполлинарий Аркадьевич (1885–1900) – сын Арк.М.Васнецова.

3

16 августа [1896, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Получил ли ты мое письмо, в котором я говорил о шкафах на выставке: об их неудаче, происшедшей от течи. Дело в том, что поправить здесь их почти нет возможности, т.к. и не знаешь как, и негде. Лучше тебе их взять в Вятку и исправить там и тогда уж выслать их в Москву на Виктора. Шкаф можно поставить у Мамонтовых, а буфет – у Виктора, и там он найдет покупателя. Твои шкафы нравились, но комиссии, присуждающей премии (с одним из них я говорил вчера), большинству, нет, и большинство – это ослы архитекторы, по большей части из немцев, но по настоянию двух, а именно того, с которым я говорил, и еще одного художника, присудили тебе бронзовую медаль. Пишу, тороплюсь, т.к. до закрытия осталось всего полторы недели, дабы ты заблаговременно написал куда следует. Оставлять их на выставке, конечно, не следует, и ты должен сам похлопотать о том. Деньги за пересылку я вышлю тебе, и притом администрация должна, собственно, сама заплатить: провоз ведь казенный с выставки и на выставку. Ответь, пожалуйста, на это письмо. Виктор положительно говорит, что негде у него работать по поправке буфета: мастерская занята, в ней он начал писать «Богатырей»¹, а поставить можно к стене.

На выставку я не поеду: жаль денег, а ехать особенно незачем. На днях Виктор высылает деньги для Анны Николаевны.

Всем кланяюсь. Все ли здоровы?

Отвечай.

Твой Аполлин[арий]

Примечания

¹ Картину «Богатыри» В.М.Васнецов писал в 1881–1898 гг.

19-го сентября [1896, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Получил ли мое заказное письмо? Ждем ответа. Ввиду того еще лучше взять пока для исправления шкафы к себе, чтобы видеть, как испортила течь, и сделать заявление в комитет выставки. Заявить бы следовало и теперь. Стекла я тебе вышлю в Вятку. Все ли здоровы?

Поклон Ольге Андреевне.

Твой Аполл[инарий]

6-го августа [1897, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Давно я тебе не писал, да и от тебя давненько не получал вестей. Да тебе, чай, теперь и не до писем, судя по рассказу Алекс[андры] Влад[имировны], вернувшейся позавчера из Вятки, — весь день у тебя в хлопотах по городским делам — дай Бог тебе успеха и здоровья в таком трудном деле. Досадно вот только, что до сих пор вновь избранный голова не утвержден, и, следовательно, твое положение не из окончательно окрепших. Жаль, что ты мало пишешь, и не знаешь про тебя, что ты и как. Неизвестно, например, что тебя можно поздравить с новорожденным¹. Поздравь Ольгу Андреевну — как теперь ее здоровье? Ал[ександра] Влад[имировна] говорила, что она все хворала последнее время.

Какое на тебя впечатление произвела жена Саши? И как по виду: счастлив он или так себе? Что у них вышло на съезде учителей? В «Русских вед[омостях]» было, что инспектор закрыл их по 6-му пункту устава съездов. Что это за пункт. Не повлияет ли этот сюрприз на судьбу уржумских учителей? От Саши по этому поводу я еще не получал ответа.

Относительно себя скажу, что еще не потерял надежды уехать нынче за границу и стараюсь в этом направлении, между прочим, зубрю французский язык.

Как твоя мастерская? Если она, кроме забот и расходов, ничего не дает тебе, то не лучше ли тебе оставить ее, хотя [бы] на время, пока [не] освоишься с но-

вой своей должностью. Стекла заказаны по другому рисунку, и значительно дешевле: вся серия стоит всего 6 руб., а прежняя стоила, кажется, 10 р. Я вышлю их вместе с книжками журна[ла] «Детский отдых», которых накопил книжек 20: я там участвую как сотрудник² и получаю даром; журнал очень хороший и с рисунками, даже есть акварели. Я все лето прожил в Москве благодаря занятиям языком и присутствию Виктора в Москве: у него я проводил вечера в садике. Вообще не жалею, что остался в городе: ехать далеко куда-нибудь — надо деньги, а их мне нужно на поездку; да я и решил на время остановить[ся] в этюдах, дабы за границей приступить к ним с новым настроением. Поеду я не ранее начала или половины сентября, ранее ехать не советуют.

Всего хорошего.

Кланяйся Ольге Андреевне.

P.S. Алекс[андра] Влад[имировна] говорила, что слишком ей трудно одной по хозяйству, а что прислуги у вас нет второй — это очень прискорбно. Как здравствуют дети. Как учатся.

Твой Аполли[нарий] В[аснецов]

¹ В 1897 г. у Арк.М.Васнецова родился сын Константин.

² В журнале «Детский отдых» Ап.М.Васнецов работал в 1897 г.

6

16-го августа [1897, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Представился удобный случай послать тебе письмо с г. Акерманом, с которым я познакомился во время проезда его через Москву с Чарушиным¹. Он, кажется, очень милый человек. Хотел я с ним послать тебе обещанные книжки «Детского отдыха», о которых писал тебе в предыдущем заказном письме, но так как поклажа выходит объемистая и французу будет обуза ее везти, то я и решил послать по почте. Как твои дела? Как должность новая? Все ли здоровы?

У нас стоят такие жары и засуха, что я никогда не помню таких. Каждый день пожары, выгорает сразу домов по тридцати, да вдобавок дым от лесных пожаров не сходит с города. Я сижу в своем номере с закрыты-

ми окнами: или работаю, или занимаюсь француз[ским] языком.

Ну, всего хорошего!
Стекла еще не готовы.
Всем кланяюсь.

Твой Аполлинарий

¹ Вероятно, Чарушин Аркадий Аполлонович (1856–1922) – чиновник, публицист.

7

23 сентября [1897, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Пишу почти накануне моего отъезда за границу: еду 28-го. Завтра получу заграничный паспорт и тогда – до свиданья! Еду я, нельзя сказать, чтобы с увлечением, но больше, т[ак] ск[азать], по долгу службы: нельзя художнику не видеть западное искусство. Еду в Париж, а затем в Италию. Напишу уж из-за границы о том, как и что, и стоило ли ехать, и хорошо ли там и т.д.

Вчера был у Гутхейля¹ и купил Лене скрипку (у Юргенсона² нет музык[альных] инструм[ентов]). Выбрал хорошую в 10 руб. и приложил школу, смычок и струны – все это я посылаю в подарок Лене – пусть научится только хорошо играть. Магазин обещался выслать сегодня, и, если ты не получишь через неделю, можешь требовать; адрес: Кузнецкий мост, Муз[ыкальный] маг[азин] Гутхейля. Но магазин известный, и не думаю, чтобы почему-нибудь замедлил высылкой. От Саши получил телеграмму, в которой извещает, что переезжает в Лаж, но это было уже давно, а письма еще до сих пор нет.

Стекла еще не готовы, а то прислали бы мне. Недавно послал тебе 12 книжек «Детского отдыха», авось что-нибудь и найдешь путного, хотя нужно отдать справедливость – это лучший детский журнал.

Ну, всего хорошего! Поклон Ольге Андреевне. Желаю всем быть здоровыми.

Утвержден ли уже, наконец, голова?

Твой Аполлин[арий]

¹ Гутхейль Карл Александрович (1851 – после 1914) – нотоиздатель, сын Александра Богдановича Гутхейля (1818–1882), основавшего в Москве в 1859 г. музыкально-издательскую фирму. После смерти отца стал владельцем фирмы. Издательство было одним из крупнейших в дореволюционной России.

² Юргенсон Петр Иванович (1836–1903/04) – нотоиздатель, музыкальный и общественный деятель. В 1861 г. открыл в Москве музыкальный магазин. В 1867 г. основал нотопечатню.

8

15-го ноября [1897]

Париж

Здравствуй, Аркадий!

Итак, как видишь, я в Париже, и живу уже месяц. Первое впечатление от Парижа было превосходное, бодрящее, особенно в первый день, когда я, между прочим, лазил на Нотр-Дам де Пари. Погода, на счастье, стояла чудная, совсем летняя, да и весь месяц она не изменялась к худшему, только одно время стояла холодная погода, но теперь опять тепло и солнце; вчера был совсем летний день и все время были открыты в моей мастерской окна. Ходят без пальто, и цветут цветы в садиках. Очень много отвращает мое существование французский язык, который я, хотя и изучаю – беру уроки, – но «шилом воду не нагреешь», как говорится у нас. Незнание жизни, незнание французов тоже затрудняют пребывание здесь, а главное, из-за этого много тратишь лишних денег. Хотя франк в 37 к. здесь играет почти роль нашего рубля. Жизнь вообще не дорога, не дороже московской. Сначала я жил в отеле и по истечении месяца переехал в мастерскую, и теперь я полный хозяин мастерской, маленькой кухонки при ней и передней с кабинетом уединения. Конечно, все обзаведен[ие]: печь, кровать, кухон[ны]е чашки, ложки и т.д. – нужно было покупать; это стоило рублей около 100. Когда я поеду отсюда, можно все это продать за половину. Одно неудобство: немного далеко от центра, но ближние все мастерские были уже разобраны, т.к. я приехал поздно. А что далековато, так это правда. Если за центр Парижа принять то, где ты живешь, то выйдет, что я жил бы примерно у Макария или в Красном¹. Но то место, где я живу, далеко еще не конец

Парижа, до конца еще столько же — можешь себе представить, какова эта громадина, называемая Парижем. Работать свои картины я еще не начинал, ибо не имею пока ни мольберта, ни красок, ничего, что необходимо. Сегодня со знающим человеком пойду все это покупать и, Бог даст, через неделю примусь за картины, которые думаю выставить здесь на выставке. Мастерская хорошая, с хорошим светом, лучше, чем в Кокоревке², и работать поэтому весело. Есть одно еще неудобство моего жилища, это: близко вокзал железной дороги и еще проходит другая подземная ж[елезная] дорога, так что поезда снуют, как челноки на станке, и свистят немилосердно день и ночь, а все это происходит чуть не под моими окнами. Не говорю еще о главном неудобстве, общем всем жилищам Парижа, что: о зимнем холоде; бывают утра, когда застывает вода в комнате, этим особенно отличаются мастерские. Положим, я хочу встретить зиму во всеоружии, т.е. купил крупную печь, которая может топиться постоянно (других печей здесь нет). Хотя она отличается общим свойством вообще всех печей парижских, и каминов в том числе, т.е. что отопляется не комната, где стоит печь, а улица, т.к. ни задвижек, ни вьюшек в трубах нет, и, заглянувши в каминную трубу, можно видеть небо. Затем я сошью для окна в мастерской (сажени полторы ширины и сажень вышины) занавес на подкладке. Кроме того, переберусь спать в кухонку. Закупорю все щели в окнах и, быть может, не отморожу носа, что может случиться. В мастерскую будет проведен газ, конечно, за особую плату от квартиры. Плачу я 200 франков в три месяца, что выходит около 90 рублей и, следовательно, 30 руб. в месяц — это недорого даже по-московски, при этом я имею водопровод и парадную лестницу, правда, в 100 ступеней.

Париж поражает своими художественными памятниками — статуями. Здесь нет площади и улицы, где не было бы или памятника кому-нибудь, или фонтана с фигурами, или изваяния из бронзы какого-нибудь зверя. Все это сделано так, как нам и не снилось, русским. А сады буквально переполнены статуями. Париж красив, особенно его площади. Ну, видел, конечно, и Эйфелеву башню, я проходил под ней, но пока не лазил: теперь там, наверху, холодно. Сооружение внушительное! Русских зде[сь] мно-

го – хоть отбавляй – и я пока не веду с ними знакомства, за исключением пяти-шести художников, но надо скоро приступить к визитам.

Не пишет ли чего тебе Саша? Я, как он послал мне телеграмму, что переезжает в Лаж – так и не получал писем. Как и что он? Если будешь ему писать, сообщи мой адрес, даже нарочно ему напиши, т.к. твое письмо дойдет скорее, хотя на днях я тоже думаю ему писать через уржумскую управу, оттуда перевезут в Лаж. Получена ли скрипка и в исправности ли. Забыл я приложить футляр к скрипке – такая досада, и в Вятке, пожалуй, не найдешь. Все ли твои здоровы? Как твое положение в управе и утвержден ли Поскребышев? Мой адрес: *Paris. Rue Ducoïédic, 18.* (Дюкоюедик – это, конечно, не надо писать на адресе), à *Monsieur A.Vasniétsoff.* Всем твоим кланяюсь.

Твой Аполлина[рий]

¹ Макарье, Красное – села близ Вятки.

² Кокоревское подворье – гостиница в Москве. Ап.М.Васнецов жил в ней по 1903 г.

9

18 сентября [1898]

Москва

Здравствуй, Аркадий!

Как видишь, я пишу тебе из первопрестольной, а не како[го]-нибудь Берлина или Неаполя. Вот уж с половины июля я обретаюсь здесь и с месяц без малого как водворился в своей Кокоревке, хотя и не в том номере, в котором бы хотелось, а в более худшем, 32-м. Что делать. Хорошо, что этот нашелся, а то все было занято, когда я приехал. Как твои дела? Можно сказать тебе приятную новость, что весь твой свободный товар, т.е. буфет и 2 шкафа, покупает Савва Иваныч для Парижской выставки. Когда лучше выслать – сам знаешь, с пароходами теперь или весной. Если теперь, то торопись, а главное, укупорь основательнее, чтобы вещь не ерзала в ящике и не терлась. Про буфет сказали, что стоит 800 рублей, а про шкафы – не знаю. Что твои дела по самоуправлению Вятки? Кажется, Поскребышев уехал на время, т.к. Сав[ва]

Ив[анович] говорил, что видел его по делу о жел[езной] дороге на Вятку.

Извини, что на этот раз письмо будет не длинно, т.к. я тороплюсь. О себе скажу, что принялся за работу: мои картины меня поглощают всего, хотя разочарование в них отнимает еще больше времени.

Как здорова твоя семья? Все ли перешли в следующие классы? Что пишет Саша? От него, впрочем, я сам недавно получил. Невесело ему, должно быть, будет жить среди голодных. Виктор тебе посылает 100 остальных на памятник в Рябово. Хотелось бы мне побывать следующим летом у вас. Мой адрес: Кокор[евское подворье], 32. Пиши.

Твой Аполли[нарий]

10

7-го октября [1898]

Здравствуй Аркадий!

Получил ли деньги и письмо? В нем было сказано, что Сав[ва] Ив[анович] приобретает твой буфет и шкаф, которые в Вятке, для Париж[ской] выставки.

Как с ними ты поступил – послал ли или оставил до весны.

Тебе еще заказывает буфет и шкаф Мария Федор[овна] Якунчикова тоже для той же цели. Согласен ли взять заказ. Нужно сделать скоро: не позже весны. Отвечай поскорее. Если ты решил бросить мастерскую, то ввиду заказов можно и взять обратно это решение. Все-таки шкафы тебе дали кой-что, и на будущее время тоже кой-что перепадет. Можно делать так: если будет заказ – работать, нет – погодить.

Какова у вас погода? У нас, кажется, надумала уже зима: идет снег и подмораживает. А прошлой осенью в это время я ходил без пальто и созерцал цветы, распускающиеся на вольном воздухе в Париже.

Как здравствуют твои?

Поклон Ольге Андреевне.

Пишу только о деле. Жду ответа.

Твой Аполли[нарий]

Москва. Софийск[ая] наб[ережная], Кокор[евское] по[дворье], № 32.

[1899, Москва]

Здравствуй, Аркадий! Касательно орнаментов, не знаю, пишет ли Виктор – нет. Я говорил с ним об этом. В нижние колонки у буфета он не советует ставить орнамент, а насчет бубнов с драконами – одобряет. Вообще ты по своему вкусу варьируй орнамент, лишь было бы красиво и не противуречило русск[ому] стилю – теперь уж ты наметался на шкафах в этом. Виктор не советует закрывать пространство в верху буфета и сделать из них ящики, как в первом, что у Арцыбуш[ева]¹: говорит, что надо на пятах дверцы у буфета в верхнем отделении. Вещи для Якунчиков[ой], оказывается, не для Парижск[ой] выстав[ки], а для себя или для московск[ого] магазина.

Ну, желаю тебе успеха в продол[жении] начатого дела, т.е. столярного. Что-то Саша давно не пишет – здоров ли он и как-то он проведет год среди голодающих кругом. Петя тоже молчит. Он всегда пишет – значит, [кри]чит «караул», а в осталь[ное] время молчит. Поэтому всегда беспокоись, когда не получаешь письма и когда получишь. Его местность тоже из пострадавших от неурожая.

Насчет дороги я не говаривал с Сав[вой] Ив[ановичем], да и как станешь говорить – щекотливое дело, я ведь с ним не в особенно близких отношениях.

Я усердно занят картинами. Здесь Хохряков, мы живем с ним неподалеку – только перейти Москву-реку. Он тебе кланяется. Все ли здравствуют твои. Поклон Ольге Андреевне.

Твой Апол[линарий]

¹ Арцыбушев Константин Дмитриевич (1850–1901) – инженер-технолог, компаньон С.И.Мамонтова, любитель искусства.

29 сентября [1899, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Не знаю, каким образом могло затеряться мое письмо, в котором я подробно писал как о буфете, так и о шкафе, о котором ты так беспокоись. У

меня имеется твое письмо, где ты подробно пишешь, как распорядиться шкафом, и на основании этой инструкции я и действовал, т.е. отдал его С.И.Мамонтову, и он его получил. Ты, наверно, забыл, что Виктор взял в качестве задатка 500 руб. прошлой зимой с Сав[вы] Ив[ановича] – задатка для заказа шкафа и буфета для Парижской выставки; и вот твой шкаф был покрыт взятым тобою задатком. Буфет, который ты делаешь, конечно, уж не пойдет Савве Иванычу, а нужно будет искать для него покупателя среди знакомых, и, надеюсь, к 1 января таковой найдется, и ты вышлешь его прямо к покупателю. Если же не начат он и если находишь невыгодным делать, то, конечно, лучше отказаться.

От Пети вот уж месяц не получаю никаких известий, боюсь, что это дурной признак. Прежде он сам писал, хотя и карандашом, а теперь, видно, не может... Недавно послал ему пружинную кровать, удобную для больного, но ответа в получении еще не было. Каждый час ждешь ужасных известий и, возвращаясь домой, смотришь, нет ли под дверями зловецей телеграммы. Не знаю, как их аренда и кончили ли они ее; теперь Надежда Ивановна¹ с прошлой весны взяла доверенность на ведение дел. Ты спрашиваешь о Мамонтове. Ходят самые разноречивые слухи: то говорят, что он вывернется, то говорят, что дела его плохи². Семья, конечно, скрывает тот ужас положения, по крайней мере, внешнее проявление его при таких непривычных обстоятельствах. Все их (за исключением Абрамцева) имущество, говорят, пойдет с молотка. Арцыбушев тоже сидит, и та же участь постигнет его имущество, так что я заблаговременно взял свои панно, что[бы] не отдать их даром, и теперь ищу покупателя на них, чтобы возратить задаток. Так вот какие дела! Очень жалею тебя, что цирк подгадил тебе и нарушил спокойствие. Как в пожарном отношении – не безопасно ли? Не пускал бы ты его. Твое письмо, писанн[ое] Виктору, я читал, из него и узнал о поездке в Рябово. Недавно писал Николаичу, получил ли? Пожурив его, чтобы он написал мне. Кланяйся ему. Что это ты вздумал хворать: нарыв, который заставил пролежать три недели, занятие плохое. И что это за злокачественный нарыв? Как теперь?

Поздравляю тебя с новорожденной³, а как мой крестник здравствует? Как учатся племянники. Поклонись Ольге Андреевне и поздравь с новорожденной. Как здоровье Ольги Андреевны? Я пока ничего, а Виктор все скрывает: и нервы невероятно у него расшатаны, и животом жалуется.

Ну, всего тебе хорошего.

Пиши.

Твой Аполлин[арий]

¹ Васнецова Надежда Ивановна – жена П.М.Васнецова.

² С.И.Мамонтов в сентябре 1899 г. был обвинен по факту неправильного финансирования невских заводов средствами акционерного общества Московско-Архангельской железной дороги и в корыстном присвоении этих средств. Его имущество было конфисковано, в том числе коллекция художественных произведений, и продано с аукциона. Весной 1900 г. художники, члены Абрамцевского кружка, написали Мамонтову коллективное письмо, чтобы поддержать Савву Ивановича в трудное время. В числе подписавшихся были братья В.М. и Ап.М.Васнецовы. В июне состоялся суд. С.И.Мамонтов был оправдан.

³ Имеется в виду Васнецова Любовь Аркадьевна.

13

[30 апреля 1912, Венеция]¹

Здравствуй, Аркадий! Шлю тебе привет из Венеции – чудный город, но под конец надоел своей вечной сутолокой – хочется покоя, но, вероятно, ранее трех недель его не получу. Тогда начну писать и этюды, т.к. буду среди природы Сев[ерной] Италии. Если хочешь, пиши до восстановления в Милан (Италия). Твой Аполл[инарий].

Мои шлют тебе привет.

¹ Датируется по почтовому штемпелю на открытке из Венеции с датой отправления «13.05.1912» по новому стилю.

14

[14 января 1913, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

С новым годом и с прошедшими праздниками. Как их провел? Вероятно, был завален управской работой, кото-

рой к новому году скопляется с избытком. Получил твои оба письма – одно закрытое, другое – открытку, где расписались все. Оля и Люда, вероятно, укатили уже в Питер. Если буду там, обязательно повидаю. Что думает предпринять Митя до будущего года? Рад за Леню, что остепенился и устроился.

Я живу по-прежнему. Начал заниматься в училище и принялся за картины. Праздники прошли совершенно как будни, если бы не выставка нашего «Союза»¹, которая всегда сопряжена с сутолокой и каким-то праздничным настроением. Выставка помещается в здании училища и, следовательно, неподалеку от моей мастерской, и я поэтому бывал там каждый день, смотря на сутолоку народа, топчущегося под ногами – смотрел всегда с хор. Помещение для выставки новое, специально приспособленное, хотя не идеальное по условиям, да и цена бешеная: за 3 1/2 недели 3500 руб. – это что-то вроде дневного грабежа. Но другого помещения нет, и волей-неволей нужно брать. Благо, что публика посещает довольно усердно. С 26-го декабря по сегодняшний день перебивали до 13 тысяч.

Теперь опять приступил к картинам для будущей выставки, т.е. через год – так мы и живем с выставки на выставку. Нынче у меня Швейцария и одна историческая – «Московский застенок конца 16-го века». Перед воротами застенка выброшены трупы замученных на пытках, и за ними пришли родственники и знакомые, чтобы похоронить, – тема почти современная и нам. Швейцария представлена картинами «Юнгфрау» и «Жерло р[еки] Лютчины». Первое, само собой, понятно – одна из высочайших гор Швейцарии; последняя – ущелье, в котором бешено несется горный поток, вырывающийся из-под ледника. Остальные путевые этюды по Швейцарии и отчасти по Северной Италии.

Что ты ничего не написал о музее? Был у меня Машковцев² и, конечно, все представил в выгодном для себя свете. Напиши, пожалуйста, как идут дела. Бывают ли собрания и участвует ли на них Лобовиков? По словам Машковцева, в музей поступили какие-то новые вещи?

Ну, всего хорошего! Поклон от меня и Татьяны Ивановны³ и Вовы⁴ всем.

Твой Аполлинарий

¹ Союз русских художников (1903–1923) – объединение художников. Играл важную роль в художественной жизни в первой четверти XX века.

Х выставка произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства Союза русских художников проходила в Москве с 26 декабря 1912 г. по 27 января 1913 г. (464 экспоната 50 художников). Ее посетили 18 811 человек.

² Машковцев Николай Георгиевич (1887–1962) – историк искусства, один из создателей Вятского художественно-исторического музея.

³ Васнецова Татьяна Ивановна (1872–1947) – жена Ап.М.Васнецова.

⁴ Васнецов Всеволод Аполлинариевич (1901–1989) – сын Ап.М.Васнецова, океанограф, участник научных экспедиций на Север, писатель. Создал Мемориальный музей-квартиру Ап.М.Васнецова в Москве.

15

[1914, Москва]

Здравствуй, Аркадий!

Был вчера с Исуповым в гостях у Зинаиды Дмитриевны Клобуковой с супругом, как его зовут – забыл. Ты, конечно, знаком с ними, и я даже послал тебе поклон. Говорили о музее и о Вятке. Тут же был и Машковцев, их, по-видимому, хороший знакомый. Музейские дела как будто нельзя назвать хорошими: и публика музеем не очень заинтересована, и людей мало. Есть, конечно, люди в кружке очень сочувствующие, как Клобуковы, тот же Машковцев, сочувствующий по-своему, который, конечно, может принести пользу музею, если не очень будет гнуть в сторону «Ослиного хвоста»¹, тогда, кроме вреда, ничего не принесет. Самое важное теперь, конечно, вопрос о собственном здании музея, но на это, по-видимому, плохая надежда.

Как поживает Сергей Александрович², передай ему мой поклон.

У вас, кажется, выборы председателя Управы и ее членов? Как твои шансы? Можно ли надеяться на новые выборы и что ты опять попадешь в члены?

Всего хорошего.

Поклон Ольге Андреевне.

Твой Аполлинарий

5 февр[аля]

¹ «Ослиный хвост» – объединение художников, в которое входили М.Ф.Ларионов, Н.С.Гончарова, К.С.Малевич, В.Е.Татлин, организовавшее в 1912 г. две одноименные выставки.

² Имеется в виду С.А.Лобовиков.

Здравствуй, Аркадий!

Письмо твое не было для меня неожиданностью, я был готов [к] обороту дела, какой принимает вопрос о вятском музее. Мне с самого начала казалось, что без определенно-го, постоянного помещения жертвовать вещи нельзя. К способу ликвидации, предложенному тобой, я не могу примкнуть. Выйдет ведь так, что причиной закрытия музея буду я же, дав первый для него свои вещи. Ясно – берет вещи – значит, прикрывай музей. Пусть лучше, за неимением помещения и средств, кружок решит ликвидировать музей, тогда я и пошлю соответствующее заявление, т.е. что неуверенный за сохранность пожертвованных картин в предполагаемых складе и кладовой, куда, несомненно, они поступят по ликвидации музея, я покорнейше прошу и т.д.

Нельзя ли попробовать еще вот что. Не согласится ли или не соблазнится ли кто-нибудь из вятских тузов назвать музей *своим именем* (напр[имер], Булычев), с условием дать постоянное помещение и средства для содержания музея. «*Вятский музей имени N.N.Булычева*» – звучит ведь соблазнительно, на вечные времена, в назидание потомству, для прославления всероссийского града Вятки и вятских Медичисов¹ Булычевых – ведь что-нибудь да значит! Эх, подойти бы к нему с таким предложением, благо, у него и дом есть. Жертвователи картин ничего не могут иметь против этого.

Получил ли ты репродукции моей картины «Озеро». Если ничего не имеешь, я вышлю и еще с другой моей картины, тоже в красках, а также и открытки в красках с некоторых моих картин. Один экземпляр тебе, другой Саше. Как его здоровье?

Где Митя? Как живет Леня?

Мои тебе кланяются.

Всего хорошего.

Твой Аполлинарий

Февр[аль] 20. 1914

¹ Медичи – флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. Его представители, например, Лоренцо Медичи (1449–1492), прославились как меценаты.

[4 мая 1915, Москва]

Дорогой Аркадий! Как поживаешь? Чай, совсем захлопотался с размещением ратников, лазаретов и т.д. как член Управы. А тут еще разные осложнения с продовольствием, провизией. Да, пришлось туго. Ты, вероятно, думал, что будет полегче, а тут война, наоборот, прибавила хлопот и работы. Который это год твоей службы в качестве члена Управы: можно было подумать, что тринадцатый, если бы не был, вероятно, пятнадцатый, если не больше.

Спасибо тебе большое за бутылку рыжичков. Приятно было и то, что «рябовские». Не стеснили ли мы тебя с Виктором, порекомендовав тебе принять участие в Милорадовиче. Очень может быть, что ты и встречался с его отцом у Виктора.

Что Саша? У него вака¹ чуть не полгода – наконец-то дождался отдыха. Вот бы и тебе выпросить вака, хоть не такой продолжительный, и прокатиться хоть в Москву отдохнуть. Побывал бы опять в Демьянове. Мы опять, кажется, туда же на лето. Ничего лучше не выпадает. Очень жаль, что только раньше половины мая туда нельзя будет перебраться: Владим[ир] Иван[ович]², по обыкновению, занимает нашу [неказистую] дачу и раньше 15 мая не обещает освободить. Пока, впрочем, холодновато и мало удовольствия сидеть между четырех стен. Насчет этюдов, правда, будет неважно – все переписал. Ну, да природа велика, можно что-нибудь и найти. Сейчас у меня вака, я почти ничего не делаю перед весенними и летними этюдами, а настанет лето – за работу, а там – осень, зима в училище и мастерской, и опять до весны. Да и мои годы уж просят отдыха, хлопоты да работа начинают утомлять, и скучно как-то.

Что Николаич? Видаешься ли с ним? Чай, собирается на этюды? Отчего он ничего не напишет в твоей усадьбе?

Вернулась ли из Петрограда Люда? Заезжала ли в Москву? Что ты не пишешь о Сереже? Ведь он сосед в Слободском. Как он живет. И неужели еще не оставил мысль о государственных экзаменах? Будет бы ему. Хорошо, что и специалист по истории. Трудно ему даются экзамены – довольно. Как Леня? Хорошо, что искуса ему мень-

ше. На какой он должности? Все по телеграфу в Перми? Митя, чай, скоро и уйдет на войну – еще забот и горе тебе. Сколько слез и лишений на земле! Ну, а как опять быть с немцем? Хоть самому идти, так ладно, ничего не поделаешь.

Получил ли посылку с репродукциями моих картин?

Тебе и Ольге Андреевне кланяются Татьяна Ива[новна] и Вова – он уже в 4-м классе училища.

Твой Аполлинарий

¹ Вакат, вакатный – в значении: отпуск, свободное время (устар.).

² Танеев Владимир Иванович (1840–1921) – социолог, владелец имения Демьяново недалеко от Клина, брат композитора С.И.Танеева.

18

Здравствуй, Аркадий!

Давно я от тебя не получал письма. Как переехал в Демьяново, а этому прошло уж месяц – ниоткуда хоть бы что: словно разучились писать. Как ты живешь и здоров ли? К огорчениям и хлопотам, связанным с войной, чай, тебя тревожит и судьба Мити. Что он, вероятно, уж на службе и где? Да, тяжкое время приводится нам переживать! Каждый день несет новые и новые жертвы, и когда им только настанет конец. Ведь скоро почти вся западная наша граница на довольно большое расстояние от нее будет в руках немцев, а раз они засели, то не скоро их выпрешь отсюда. А тут еще говорят, что придется уступить Варшаву – на время мол – жди, когда получишь!.. И выйдет поговорка: «Поляк Варшаву проспал» – другая: «Русский Варшаву проспал», а что проспал, то проспал верно. Крепости по границе Германии были скрыты русск[ими] распоряжениями года три назад и т.д. Вот и [живешь – ждешь] газеты с утра, а прочтешь – на душе не легче – отступаем, сдаем. Что же это такое? Нет, говорят, снарядов, оружия; нет, так надо их делать. Вот, может быть, изменится к лучшему, когда возьмется организованная промышленность за изготовление необходимого для армии. Пусть сам народ победит немца. Живу я опять в Демьянове, хотя и не хотелось очень – надоело. Но все, что ни имелось в виду другого, оказывалось менее симпатич-

но. Ну, да и здесь-то, когда переехали, не оказалось лучше. Разные хозяйственные неурядицы чуть не заставили уехать обратно. Хозяйка имения умерла весной¹, хозяин старый, с придурью старик, распорядиться некому. Этюды все тоже исписаны кругом, а за версты ходить устану – не молодые годы; придешь на этюд с поклажей фунтов с 30 на плечах – и не до работы. Выбираю уж, что где осталось неиспользованного. Написал четыре этюда. Не знаешь ли, что Николаич? Ни слуху ни духу вот уж месяца два. Уехал ли куда-нибудь в окрестности на этюды? Кланяйся ему и скажи, чтоб написал.

Как живет Саша и пользуется [ли] вакатом – кланяйся ему. Боря писал, что Таня приезжала в Вятку; я думал, не с Марьей ли Ивановной, а Мария Ивановна в Рябове у Виктора.

Лето нынче осеннее, вероятно, и у вас такое же. Чего доброго, повлияла война. И не мудрено, когда в день разрывают тысячи ужасающих снарядов – атмосфера Земли встревожена и отвечает неожиданностями.

Итак, не ленись, напиши, и хорошо, если пошлешь заказным письмом, а то с нынешними демьяновскими порядками, чего [ждать], и затеряются письма.

Адрес: г. Клин, с. Демьяново, дача Танеева. Таня и Вова шлют всем поклон.

Твой Аполлинарий

1915 июня 23

¹ Танеева Елена Сергеевна (1848–1915) – жена В.И.Танеева.

[Июнь 1917]

Здравствуй, дорогой Аркадий! Получил ли ты серию открыток с моих произведений и десять с твоих достопримечательных ворот. Посланы были заказной бандеролью. С новым строем почему-то посылки по почте стали получаться очень неаккуратно, а иногда и совсем пропадать. Тогда же я послал тебе письмо. Как ты живешь? Солоно, должно быть, приходится... Что поделаешь. Терпи, терпи, до чего-нибудь, может быть, хоро-

шего и дотерпимся. Живем мы опять в Демьянове, поселились у одних знакомых, взяли две комнаты. Пишу этюды, гуляю. А то в Москве так стало тяжело от всего, что пришлось переживать. Какие известия от Мити? Пиши, не забывай. Всем привет от меня и от Тат[ьяны] Ив[ановны] и Вовы.

Твой Аполлинарий

г. Клин, с. Демьяново, дача Танеева

20

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Вот куда приводится тебе писать, кто бы мог думать... Но не падай духом, крепись; больше читай. Ведь к твоему «Школьнику» не лишнее подготовить научный материал и его пополнить. Кроме того, как человеку, причастному к искусству, тебе так же не лишнее что-нибудь почитать, напри[м]ер «Историю искусства». Я думаю, у кого-нибудь из вятичей найдется что-нибудь из этой области. Можно, наконец, взять в библиотеке. Не мешает также пополнить сведения по твоему специальному вопросу: столярному искусству и, преимущественно, по резьбе по дереву и инкрустации; кой-что даже порисовать и спроектировать в этой области. Вероятно, вам позволяется иметь бумагу и карандаш. Вообще старайся использовать даром истрачиваемое время, насколько позволяет тебе твое здоровье, а оно, кажется, у тебя сильно пошатнулось. Прежде всего, конечно, будь здоров и, по возможности, лучше питайся и прибегай в случае чего к доктору. В тех условиях, в каких ты живешь, очень важен совет доктора.

В тебе как одном из основателей Вятского художественного музея принял участие Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Комиссариате народного просвещения. Ведь ты являешься, несомненно, одним из его основателей: с тебя дело началось и чрез тебя прошло очень [много] ценных приобретений для музея, как-то: морозовская коллекция (12 картин), 2 поленовские картины, наши с Виктором картины и другие. На основании всего этого отделу, может быть, и удастся что-нибудь для тебя сде-

лать и облегчить твою участь. Кроме того, как человек, занятый прикладным искусством – художественная мебель, – ты отчасти и как художник имеешь некоторые права на участие учреждения, ведающего областью искусства, т.е. отдела по делам художественных музеев, и очень жаль, что твоя деятельность в этом направлении должна прекратиться на два года, но ничего, Бог милостив, что-нибудь и удастся для тебя сделать. Пока же что всего тебе хорошего, а главное: здоровья и бодрости духа.

Не пренебрегай моим советом заняться чертежами и рисунками мебели художественной и, по возможности, в русском стиле, в характере тех буфетов и шкафов, какими ты стяжал себе известность на московском рынке и за которые получил медаль на Нижегородской выставке 1900 года¹.

Будь здоров и бодр.

Любящий тебя брат Аполлинарий

20 февраля 1919 г.

¹ Речь идет о Нижегородской выставке 1896 г.

21

[1921, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Оба твои письма, посланные с оказией, получены. Вот из твоего последнего письма только не видно, получил ли ты посланные тебе по почте 5000 рублей перед праздником. Если нет, то немедленно же наведи справки, что сие значит. Послал я тебе их на лечение и проч[ие] необходимости, имея в виду, что твои «заработки» равняются нулю. Очень рад, что твой «Школьник» пристроился и что ты не оставляешь намерения продолжать это дело, только как их издать, а если возможно, то не придется ли входить в компромиссы с властью имущими насчет содержания. О нашем житье-бытье что говорить! Всякий знает, каково это «житье», а улучшения, по-видимому, ждать неоткуда. Думается, будет еще тяжелей. Вова кончает курс в авиационной школе, и весной могут притянуть его к «военной службе». Можешь себе представить, каково это мне переносить... Единственный сын... и. Вся надежда на Бога. Как я живу?

Работаю, был заказ: сделал 13 акварелей для областного музея, сидел за ними целый год, акварели большие, они изображали историю культуры Московской области в картинах. Работа была интересная. При этом не оставлял и мою специальность: «старую Москву», благо, идет спрос на нее на «художественном рынке». Если бы не работа, не знаю, что было бы со мной. Только во время работы и забываешься. Прошлом лето, да и все последние три лета, не привелось жить среди природы, а это для нас, пейзажистов, смерть. Придется и нынешнее лето, если буду жив, тоже проводить в городе, подыскивая что-нибудь около, как в то лето, когда ты был в Москве, вроде Найденовского парка. Тяжело живется, а главное, на душе тоска и отчаяние... Жив ли Иван Петрович¹; его последнее письмо было очень грустное; увидишь – поклонись ему; как ему писать, куда? Боже! Сколько народу перемерло среди знакомых – счету нет, тяжкие времена. Живешь как бы в предверии на «тот свет». Просвет бы скорее!

Отчего не пишет Саша? Писал я ему, но ответа не получал. Напомни ему о моем «пока» существовании и кланяйся. Как он живет в материальном отношении? Как твой Сережа? Слышно было, что он разошелся с женой – и благо. Неужели еще продолжает жить у вас его теща – ведьма? Молебн бы сослужить, может, «выгнало бы» нечистую силу. Рад, что Костя делает успехи на виолончели.

Ну, всего хорошего. Мой, и Татьяны Ивановны, и Вовы привет всем и Ольге Андреевне. Так справься насчет денег: посланы они были числа 19–18 по старому стилю.

Всего хорошего, а главное – здоровья.

Твой Аполлинарий

28 января

¹ Селивановский Иван Петрович – вятский знакомый Ап.М.Васнецова.

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Давно что-то я не получал от тебя писем, да и сам не писал тебе. О чем станешь писать, когда живешь в

каком-то кошмарном чаду. Невесело. Вову я отпустил на север в экспедицию на Новую Землю до осени. Все равно могли бы услать куда-нибудь дальше на какой-нибудь фронт, а тут он устроился при научной экспедиции в качестве фотографа. Вот больше уж месяца, как уехал. Конечно, беспокоишься, тревожишься за него, скучаешь по нем; маленьким был – маленькие заботы, большим стал – большие заботы. Как твой Сергей? Вернулся ли из Петербурга и как его глаза? Все ли здоровы? Виктор месяца два как хворает мокрым плевритом; сначала было очень опасно, но теперь, слава Богу, поправляется и скоро совсем выздоровеет, если не произойдет каких-нибудь осложнений. В его годы, и вообще, можно сказать, в наши, хворать так очень опасно. Как-то мы, Аркадий, переживем эту предстоящую зиму и переживем ли?.. Так становится трудно жить нравственно и физически, что поневоле задашь себе этот вопрос. Ни хлеба, ни топлива! А на душе смертельный холод и никаких согревающих надежд... Притом еще грозит безденежье, т.к. покупатель совершенно оставил нас, художников. Только и можно жить заказами, а где их теперь найдешь? Распродавать имущество – а где оно? Все донашиваем старое, десятигодовалое. Ведь и у тебя, если не худшее, то такое же положение. Чем «зарабатываешь хлеб» и чем живешь? Посадил ли в огороде, осталась ли корова и как у вас урожай хлеба и трав? Если найдутся покупатели, то продай мои картины в свою, конечно, пользу. Да какой покупатель в Вятке, когда их здесь нет. Предложи для музеев. Посоветуй то же сделать и Саше, если у него нужда. Промой их предварительно водой. Вероятно, провинциальные музеи желают иметь и мои произведения. Как у вас насчет жильцов и уплотнений? Мы живем под постоянным страхом того и другого. Пронес бы Бог. Как живет Иван Петрович? и жив ли? Кланяйся ему.

Татьяна Ивановна шлет вам всем привет. Как здоровье Ольги Андреевны? Сердечный ей привет.

Твой Аполлин[арий]

Передай поклон Саше, здоров ли, как его дела, отчего не пишет? Как твое здоровье?

Передай письмо Никол[аю] Никол[аевичу].

[1921, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Как твоё здоровье и вообще как живешь-можешь? От чего не пишешь? Получил ли ты те сто тысяч, которые я послал тебе по почте с месяц назад? То ли письмо твое затерялось, то ли деньги не дошли по назначению, вроде валенок. Как у вас насчет дров? Здесь очень плохо, и купишь – а по дороге отнимут, и деньги пропали, и дрова – вот так дела. Послал я тебе деньги ввиду твоей болезни и вообще твоего «безденежья», ведь надо же на что-нибудь жить под старость. Ты не смущайся и не ропщи, если я еще как-нибудь пришлю: только прошу, пожалуйста, отведи о получке.

После долгих и беспокойных ожиданий Вова, наконец, вернулся из полярного путешествия. Привелось ему порядочно потрудиться, рисковать, застряв во льдах Карского моря, остаться на всю зиму, а это до июня месяца, и это без пищи, без топлива, достаточных на все время зимовки среди тьмы и холода. Он как-то не представлял весь ужас положения, а находил все интересным. Сделал до двухсот фотографий: он ездил с экспедицией в качестве фотографа. Теперь слушает лекции в университете под опасением быть мобилизованным, его год на учете.

Живем в холоду и в уплотнении и под разными страхами – не житье, а масленица! Работаю больше по заказу, что дает заработок, а насчет «для искусства» придется поставить крест: не для кого, не для чего, да и негде, нет мастерской, которую у меня отняли. Как поживает Никол[ай] Никол[аевич]? Что-то давно от него нет вести; трудно, правда, писать в наше время письма. Мой сердечный, а также и от Тани, привет Ольге Андреевне.

Пиши. Твой Аполлинарий

20 ноября

[Конец декабря 1921 –
начало января 1922, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий! Поздравляю тебя с праздником Рождества Христова и с наступающим Но-

вым годом. Вот и праздник, а не весело на душе. То ли бывало прежде, помнишь ли, как мы ездили домой на святки и как мы их проводили. То был рай на душе и во вне, а теперь... И рад бы стряхнуть это бремя с души, да не в силах. Столько навалилось камней – никак не сдвинешь. Вот, например, каких мне стоило усилий в жилищно-земельном отделе отвоевать себе мастерскую и комнату, но кончилось тем, что я вселил [к] себе жильцов, которые отравили всю мою жизнь, и когда конец этим мукам – не знаю. Все можно вытерпеть и перенести, но когда врываются в жилище или когда вытесняют – с этим мириться нет сил. Прежде я находил успокоение от огорчений житейских в работе, в искусстве, но теперь, увы, эта спасительная звезда угасла; не могу работать от души, по вдохновению, т.к. на душе или пусто, или мука, не свободна душа. Работаешь все для денег, что можно продать. Вот и присылаемые календари (доска к ним) такого характера работа. Один ты отдашь Саше, а другой Николаичу; на одном «Пасхальная ночь в Кремле», на другом «Выезд на пашню». Это мои авторские экземпляры. Думал послать еще альбом «Старой Москвы»¹, но к праздникам альбом не вышел, пошлю потом, с оказией или по почте.

Ты хорошо надумал поступить руководителем резьбы по дереву – это во многих отношениях хорошо. Главное же, развлечет тебя и даст паек, да и человек будешь «у дела». Насчет денег, если явится необходимость, пиши, тогда вышлю, хотя думаю, что больше чем не лишнее, помощь денежная нужна во всякое время. Как живет Люба в Перми и приехала ли на святки, чем она живет, трудно ведь теперь. Хлеб у нас, например, стоит 9000 рублей, а кружка молока 25000, масло 80000 и 100000 фунт, мясо 40000 фунт и все в этом же роде, хотя и считай по-советски 10000 = 1 руб. Все [одно] выходит. Ну, всего хорошего, здоровья, спокойствия желаю всем в наступающем году.

Твой Аполлинарий

Передай наш сердечный привет Ольге Андреевне и поздравление с Новым годом.

Получил твое письмо с оказией, но что это за человек эта самая оказия? Рассказал, что его обокрали в дороге и

что ему совершенно нечем существовать. Привелось дать денег. У Виктора – то же.

¹ Альбом автолитографий Ап.М.Васнецова «Древняя Москва» вышел в январе 1922 г.

25

[1922, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Написал тебе недавно письмо и пишу ввиду того, что мой Вова собирается после 5 августа недели на две в Вятку. Надоела ему Москва, хочет проветриться. Собирался и я с ним, но, во-первых, дорого, да и не хочется видеть Вятку в таком состоянии. Я помню ее милой, освещенной воспоминаниями детства и, Бог даст, если будет лучше, приеду будущей весной; конечно, все в руках Божиих. Вова частью может проводить время у Саши, частью у тебя, чтобы не обременять много. Как твое здоровье? Занимаешься ли огородом и столарством?

Ну, всего хорошего, а главное – здоровья. Мой привет Ольге Андреевне и всем твоим деткам.

Пиши.

Твой Аполлинарий

28 июля

26

[1922, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Правда, тяжело переживать старость при современных условиях, да еще в нужде и болезнях... Но не падай духом, дорогой Аркадий, крепись, будет лучше, пока терпи и борись [с] трудными обстоятельствами. А главное, выбрось из головы такие мрачные мысли, вроде тех, какие ты высказал в письме, что ты в тягость себе и другим и т.д. Это непростительно. Работай себе над тем, что тебе приятно и интересно: твой «Школьник» или, как ты хотел делать, модели избы, мельницы и церквей северного края. Читаешь ли что? На помощь в такие минуты приходит религия. Сходи в цер-

ковь, помолись; Бог всегда поможет и пошлет утешение душе больной...

Тебе стало скучно, когда уехали Люда, Люба, да и Костя, слышал, тоже собирается уехать, хотя в таких обстоятельствах не следовало бы оставлять старика отца, притом же в Москве так трудно стало жить; справится ли Костя?

Есть ли у тебя, остались ли знакомые, куда мог бы ты изредка ходить, развлечься? Леонид Александро[вич]¹, Николаич, почаще бывай у Саши. А главное, не предавайся унынию, и еще главное – [питайся] лучше. Ввиду этого мы с Виктором решили ежемесячно присылать тебе «некоторую толику», вроде как бы «пенсию» за выслугу лет... Ты только не думай, что мы тем обездолили себя – нисколько; будь покоен в этом отношении; иногда, когда трудно, пришлем меньше, иногда – больше, когда обстоятельства будут благоприятствовать тому. На этот раз присылаем 30 л[имонов]; высылаем завтра, т.к. сегодня воскресенье.

Вова мой опять укатил в Ледовитый океан. Так беспоко[юсь] и страшно за него. Но, Бог даст, все обойдется благополучно. Но как и не отпускать его? Он на службе и так рвется в путешествия. Притом же, уйдя со службы, он попадет в несравненно худшие условия, и его сейчас же возьмут на военную службу и могут куда-нибудь усадить. Так что, выходит, другого нельзя ничего сделать. Уехал недели на три. Сначала в Архангельск, а затем на Мурман.

Увидишь Николаича, скажи ему, во-первых, поклон от нас и затем, чтобы не забывал нас, писал бы, хотя, знаю, когда тяжело живется – не до писем. Кланяйся Леониду Александровичу. Ох, мало нас осталось из сверстников 70-ников! Все уходят... Собираюсь повидаться еще при жизни и побывать весной в Вятке, если буду жив и здоров. Приеду к «Свистунье» и «Великорецкой»² – местным праздникам: люблю я их.

Итак, не грусти и не падай духом.

Поклон Ольге Андреевне, Лене, Косте.

Любящий тебя брат Аполлинарий

11-го ноября

Таня шлет всем приветы.

¹ Спасский Леонид Александрович – вятский знакомый братьев Васнецовых.

² «Свистунья», «Великорецкая» – вятские праздники, проходили весной или в начале лета.

[1922, Москва]

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Получил твою весточку через Люду. Она передавала, что ты плохо себя чувствуешь, здоровье твое неважно. Крепись, во что бы то ни стало крепись; надо дотянуть до конца их, немного еще. Гуляй больше – это первое; очень укрепляет здоровье обтирание утром водой, конечно, только летом. Я, по крайней мере, чувствую на себе самое благотворное влияние обтираний с того самого времени, когда Майков¹ посоветовал их делать. Попробуй. А затем, конечно, по возможности, лучше питайся, пей молоко, теперь будет у вас Ленина корова, как передавала Люда. Питайся и гуляй, бодрствуй и что-нибудь работай, или пиши «Школьника», или делай что-нибудь по столярной части. Получил ли рисунки северных церквей через Надю? Можно ли что-нибудь по ним сделать? Вот что я хочу тебе [посоветовать] сделать: водяную мельницу, в которой жернова будут приводиться в действие песком, сыплющимся на водяное колесо с некоторой высоты; отработавший песок лопаточкой можно опять ссыпать в [нрзб], из которого он сыплется. А ветряную мельницу и еще того лучше сделать. Это будут, т[ак] ск[азать], модели и в то же время занятные поучительные игрушки и предметы для наглядного обучения в школах – попробуй – это будет иметь успех; сбывать можно через Кустарный музей в Вятке или в Москве. Займись, поддерживай бодрость духа. Собирался я приехать в Вятку вместе с Вовой, но лучше счел отложить поездку до весны, до мая, до «Свистуньи» и «Великорецкой», когда в Вятке так хорошо. Без шуток, если Бог даст здоровья – непременно приеду, здоровья, конечно, нам обоим, чтобы свидеться. Хочется еще раз побывать в Вятке и повидаться со всеми, а то ведь век наш недолговечен. Бог бы привел. Люда передавала, что в Вятку перебрался Леня – это очень хоро-

шо, он в хозяйстве практичный и энергичный человек, как только его слабость, прошла ли?

Не попробовал ли тебе похлопотать об увеличении пенсии, ведь почти двадцать лет работал на пользу города: и водопровод, и электричество, и мостовые – следовало поддерживать старика, да притом и хворого. Если есть порядочные люди в управлении городск[им] хозяйством – попытай[ся] через них навести справки. Паек бы хоть дали.

Правда твоя, тяжело ват жить летом в городе, какова Москва; некуда пойти погулять, посмотреть на природу, а ведь я притом же и пейзажист. Единственно, когда я могу видеть природу, – это в наших экскурсиях Комис[сии] по изучению Старой Москвы в ее окрестности: с[ело] Коломенское, Останкино и друг[ие]. Экскурсии повторяются через воскресенье, но это все не то: надо пожить среди природы. Последний раз я жил в Демьянове в 16-м году. Кой-что работаю для денег; для души – а на душе мало отрадного, потому и не выходит, да и условия не благоприятствуют: прежней мастерской лишился, а новой нет.

Ну, всего тебе доброго, а главное – здоровья и бодрости. Пиши. Привет тебе и семье твоей от Татьяны Ивановны.

Любящий тебя брат Аполлинарий

Как Иван Петрович? Кланяйся ему. Поклон передай мой и Леониду Александров[ичу] Спасскому.

¹ Майков – знакомый Ап.М.Васнецова.

[24 апреля 1923, Москва]

С прошедшим праздником Пасхи поздравляю тебя, дорогой Аркадий! Посылаю на этот раз от себя 200 р. за апрель и май. У Виктора денег сейчас нет. Деньги так дешевы, что, как и с копейками прежде, ничего не сделаешь с миллионами. Насчет поездки в Вятку как-то не решил еще, а главное, одна дорога стоит вперед и обратно около 800 р., а источников пока не предвидится. Может быть, Бог пошлет, что-нибудь продается. Но ты, пожалуйста, не думай, что я ограничиваю себя, посылая тебе. Посылаю – значит могу: не будет – ну, тогда

иное дело. Как здоровье Кости. Всем кланяюсь, а также Татьяна Иван[овна].

Тв[ой] Аполлин[арий]

29

[1924, Москва]

1-го марта

Здравствуй, дорогой Аркадий!

Как твоё здоровье? И как ты поживаешь? Посылаю тебе 1 червонец, т.е. ты должен получить на почте или червонец или по курсу дня (10 р.) того, в которой будешь получать. Мое здоровье пока ничего, но у меня все хворают: привязалась корь к детям (племянн[икам] Тат[ьяны] Ив[ановны]), которые живут у нас. Заболел и Вова: у него еще не было кори. Посылаю тебе на всякие расходы, а главное, конечно, на поправление твоего здоровья.

Любящий тебя Аполлин[арий]

«ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО МОСКВИЧА» Н.П.РОЗАНОВА

Публикация Т.Л.Латыповой

Богатая история Москвы, белокаменной и первопрестольной, вызывающая закономерный интерес просвещенных читателей, запечатлена на страницах множества разнообразных изданий – от летописей, романов, публицистических и поэтических произведений, мемуаров и до научных монографий. Своеобразную галерею словесных портретов Москвы создавали писатели и поэты, историки, дипломаты, путешественники... – словом, люди самых различных профессий. Особое место среди трудов, посвященных «третьему Риму», занимают воспоминания современников о событиях, участниками или свидетелями которых они были; воспоминания, содержащие мельчайшие подробности жизни и быта, те своеобразные черты и штрихи, из которых слагается «воздух», характер эпохи. Именно такие мемуары позволяют создать максимально достоверную и многоплановую картину бытия ушедшей Москвы.

Каждому времени нужен свой летописец не только в области исторических событий, но и летописец быта. Летопись быта, старого уклада с особой зримостью приближает к нам прошлое, делает взгляд на ушедшее «стереоскопичным». Поэтому несомненной ценностью обладает книга Николая Петровича Розанова (1857–1941) «Воспоминания старого москвича», в которой автор выступил как обладающий острым зрением летописец и вдумчивый исследователь своего времени.

Н.П.Розанов происходил из исконно русской семьи священнослужителей, отличавшейся строгими правилами жизнестроительства и оберегаемым из рода в род неторопливым бытом. После смерти отца, дьякона церкви Петра и Павла в Преображенском, мальчика отдали в

Законоспасское духовное училище, по окончании которого, в силу семейной традиции, последовала учеба в Московской духовной семинарии, а затем и в Московской духовной академии. Трехгодичная служба в Тверской семинарии, где Розанов с 1880 до 1883 г. состоял преподавателем по кафедре латинского языка, вызвала вынужденную разлуку с городом, который был частью его жизни и в который он всегда и отовсюду стремился вернуться.

В 1881 г. молодой преподаватель получил степень магистра богословия за работу «Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской», и это позволило ему претендовать на вакантное место в Московской семинарии. Ученое звание давало ему некоторое преимущество перед иными соискателями, что и определило итог «состязания». С 1883 г. жизнь Розанова на долгие годы связалась с Московской семинарией, в которой он вплоть до 1918 г. преподавал Св. Писание.

Пути в писательство неисповедимы, по-своему пришел в журналистику и будущий мемуарист.

Розанов опробовал перо уже в старших классах семинарии, естественно выбрав церковную сферу. Первые свои статьи он послал без подписи в петербургский журнал «Церковный вестник» и киевский «Воскресное чтение». Статьи анонимного автора были напечатаны без изменений. Поступив в академию, Розанов стал уже постоянным и деятельным сотрудником изданий московского Общества любителей духовного просвещения: «Московских епархиальных ведомостей» и «Чтений Общества любителей духовного просвещения». В первом он вел журнальное обозрение и изредка писал передовые статьи и корреспонденции, в другом в течение долгого времени курировал обозрение иностранной и русской церковной жизни, а также напечатал всю свою магистерскую диссертацию и «Обозрение посланий св. апостолов», изданное потом отдельно в трех выпусках. С годами литературная деятельность Розанова расширялась, в 1890-х – 1900-х гг. Николай Петрович активно сотрудничал в журналах «Православное русское слово», «Церковный голос», «В борьбе за трезвость», «Душеполезное чтение», «Странник»; помещал статьи и в светских изданиях, среди которых были «Современные известия», «Голос», «Восток», «Исторический вестник»,

«Русское слово» и др. Многие статьи и обозрения Розанова подписаны псевдонимами: Н.Московский, Н.Петров, Н.Р-в, Н.-Н.

Педагогическая и журналистская деятельность не мешала и иным занятиям богослова. В течение ряда лет он трудился над комментарием для Толковой Библии, работа над которым начиналась под руководством профессора богословия Александра Павловича Лопухина и была продолжена его преемниками. Параллельно с этим Розанов занимался составлением духовно-нравственной хрестоматии нового типа «Лучи», которую позднее И.Д.Сытин напечатал в двух изданиях (она была рекомендована разными ведомствами для мужских и женских учебных заведений).

Интересы Н.П.Розанова как писателя и москвича не ограничивались церковной и духовно-просветительской сферой. Типичный «культурный» человек той эпохи, он вел жизнь типичную – и такая «усредненность» ныне для многих может показаться откровением. Он посещал столичные театры и вернисажи, присутствовал на шумных диспутах в различных собраниях и кружках; как природный москвич (тип, формировавшийся едва ли не веками), он веселился на народных гуляньях в Сокольниках, Петровском парке или Марьиной роще, сговаривался с приказчиками в торговые дни на Сухаревке, ходил в гости к своим родственникам и сослуживцам и т.д. и т.п.

Неутомимостью и активностью кавалер орденов Св. Анны и Св. Станислава, обладатель почетной Филаретовской премии коллежский советник Розанов отличался всю жизнь, вплоть до седых волос. В июле 1917 г. Николай Петрович был инициатором созыва Всероссийского съезда педагогов духовных учебных заведений, а также основания Союза педагогических корпораций различных учебных заведений Московской епархии. Розанов желал продолжить свою педагогическую деятельность и в новой трудовой школе, но в этом ему было отказано Московским отделом народного образования. Однако после двух лет вынужденной отставки в 1919 г. разменявший седьмой десяток лет подвижник поступил-таки в школу преподавателем политграмотности и обществоведения. В 1924 г. Розанова освободили от работы, и это было связано с тем, что преподавание «идеологических» предметов передавалось в этот период

«партийным» учителям. Окончательно оставив службу в 1927 г., историк принимал деятельное участие в работе Обществ изучения Московской губернии и «Старая Москва», где сделал более 20 докладов, посвященных в основном топографии московских улиц, установлению адресов известных москвичей. Статья Розанова «Пушкинские дома в Москве» вошла в сборник «А.С.Пушкин в Москве», изданный в 1930 году.

В 1930-х гг. московский старожил приступил к написанию «Воспоминаний старого москвича», подводя в них итоги своей долгой жизни и литературной деятельности. Мемуарист тепло вспоминал детство, описывал домашний уклад и занятия членов своей семьи, годы учебы в духовных заведениях; запечатлел знаменитостей, с которыми ему случилось встретиться, сослуживцев и соратников по литературному цеху; поведал о фактах и событиях, повлиявших на его духовное развитие. У мемуарной книги Розанова был один главный герой – его любимая, его родная Москва. Столица и ее жители, москвичи прославленные и скромные, ушедшие и еще окружавшие мемуариста, дали тому счастливую возможность прожить как бы заново, с чистого листа, долгую жизнь...

Книга Н.П.Розанова содержит уникальную и разнохарактерную информацию о быте и нравах москвичей второй половины XIX – начала XX в., несмотря на то что в ней встречаются мелкие неточности биографического, фактологического и иного плана. Возможно, кому-нибудь она покажется чересчур скрупулезной, «физиологичной», слишком «бытовой» и не слишком динамичной. С таким мнением можно согласиться лишь отчасти: быт ведь, настоящий крепкий быт, и должен быть таким – устойчивым, неторопливым, нравственным. Когда он становится другим, торопливым, неряшливым, рушится жизнь, исчезают трудолюбивые летописцы «лета Господня», уходит из столиц и провинции самое важное... Так и произошло на склоне лет Николая Петровича Розанова, и посмертные критики его незатейливых мемуаров не должны забывать о случившемся.

Вниманию читателей предлагаются два фрагмента из «Воспоминаний старого москвича», они публикуются по автографу, хранящемуся в РГАЛИ в Коллекции воспоминаний и мемуаров (Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 224. Л. 67 об.–80 об., 124–134 об.).

Московские обычаи и нравы

Москва за рассматриваемое мною время сохраняла много старинных обычаев и, прежде всего, держалась старины в отношении к порядкам религиозно-церковной жизни. Наиболее консервативное рядское купечество, например, считало своим священным долгом устраивать торжественные молебствия в городских рядах и пассажах пред началом осеннего сезона для того, чтобы испросить себе Божьего благословения на хорошую торговлю. В известный назначенный день приглашался архиерей и протодьякон с хорошим хором певчих, и все ряды украшались зеленью, приглашались также и чудотворные иконы из Иверской часовни и из часовни Спасителя, что была близ Москворецкого моста, и при огромном стечении народа служился торжественный молебен с водосвятием. Торговцы Каретного ряда имели даже на одном из магазинов огромный иконостас с иконами, принадлежавшими отдельным купцам, которые заботились о том, чтобы пред иконами горели день и ночь лампы, что, однако, не мешало Каретному ряду однажды сгореть почти на всем его протяжении. Продолжались также поездки купечества на богомолье к Троице-Сергию и в некоторые другие монастыри, откуда, обыкновенно, богомольцы привозили освященные просфоры своим родным и знакомым. Икона Иверской Б[ожьей] М[атери] ежедневно разъезжала по Москве, и главным образом по Замоскворечью, наполненному купцами, а также часто приглашались из Успенского собора духовные лица, привозившие купцам частицу Креста Христова и гвоздь, которым будто бы прибиты были ко кресту ноги Христа, и еще, кажется, с ризой Христа. Любило также купечество посещать Успенский собор и слушать протодьякона и синодальных певчих, хор которых в эти годы действительно был лучшим из московских певческих хоров и стал гастролировать даже по загранице. Наконец, по-прежнему масса народу собиралась на крестные ходы, во главе которых обычно шел митрополит, и на торжество освящения воды в Москве-реке 6 января, причем некоторые фанатики даже после освящения воды окунались в нее с головою...

Простой народ, конечно, в этом случае шел заодно с купечеством, надеясь на великие и богатые милости от «Царицы небесной», «Заступницы», но интеллигенция стояла

вдали от таких внешних проявлений благочестия, и даже мы, преподаватели семинарии, не выражали особого желания принимать «Иверскую» — только ректора-монахи ввели в обычай приглашать эту икону в семинарскую церковь пред экзаменами, чтобы дать ученикам возможность заpastись небесным покровительством против строгостей экзаменских. Мы, конечно, также принуждены были «подписываться» на принятие иконы, которую и обносили по всем нашим квартирам. Не ездили мы и к Троице-Сергию, потому что в четырехлетнее пребывание свое в стенах академии, помещавшейся в Троицкой Лавре, достаточно насмотрелись на «подвиги» монахов, и входить снова в соприкосновение с ними прямо как-то было неприятно. Но обычные религиозные обязанности мы исполняли, да и не могли не исполнять по самому своему положению преподавателей духовной школы. Интеллигенты же светские, как люди свободные от таких обязательств, были к религии вообще совершенно индифферентными, и многие, как я сам от них слышал, посещали церковь только раз в году, «когда пели “Христос воскрес”»¹... К духовенству они относились презрительно и даже враждебно, считая его ни к чему не годным сословием, только эксплуатирующим простой легковверный народ. Конечно, и среди интеллигенции были люди, преданные церкви, но их было чрезвычайно мало, да притом они собственно почти ни в чем особенном не проявляли этой преданности, довольствуясь только исполнением общехристианских обязанностей*.

Во взаимных отношениях москвичи нашего времени соблюдали, в общем, очень приличный тон и даже иногда придерживались старинных обычаев при здравствовании и прощании. Я видал постоянно, как члены Литер[атурно]-художественного кружка² при встрече с знакомой дамой сначала низко ей кланялись, а потом целовали ей

* Впрочем, некоторые светские люди выступали в московских церквах в качестве чтецов Шестопсалмия³ за всенощной. Особенно в этом чтении отличался бывший проф[ессор] сельского хозяйства д[ействительный] с[татский] с[оветник] И.У.Палимпсестов⁴, исполнявший, если можно так выразиться, обязанности чтеца артистически и читавший «не так, как пономарь, а с чувством, с толком, с расстановкой»... Он же выступал в качестве защитника православия в разных печатных органах Москвы. (Прим. Н.П.Розанова.)

руку, на что некоторые из дам отвечали поцелуем в голову. Духовные лица не только с своими коллегами, но и с светскими людьми при встречах в домах обыкновенно лобызались, что, однако, людям светским, по-видимому, было не совсем приятно. Последние, впрочем, часто избегали даже рукопожатий и при встрече на улице со знакомыми и ограничивались приложением руки к шляпе, как будто выражая этим намерение снять ее из уважения ко встретившемуся знакомцу. Особую вежливость проявляли к гостям хозяева, устраивавшие вечера по случаю бракосочетания своих детей или в дни своих именин и различных других торжеств. Но у купцов эта вежливость часто была или слишком приторной и надоедливой (постоянные упрасивания «выпить»), или же какой-то неуклюжей, когда им приходилось провозглашать тосты за своих многочисленных родственников и приятелей. Кого-кого, бывало, не помянет, поднимая бокал с шампанским, добродушный хозяин ужина, и за всех-то нужно было осушать стакан, да еще приподниматься на ноги, когда тому или другому почетному гостю пелось многолетие. Прот[оиерей] В.И.Романовский⁵ рассказывал мне, что однажды на свадебном ужине в купеческом доме его посадили между двумя какими-то неизвестными ему старухами, с которыми он весь ужин не сказал ни слова, и он должен был все время только вставать и чокаяться с гостями хозяина. Это его так раздражило, что на 15-м или 20-м тосте за какую-то тетушку Акулину Меркуловну он не выдержал и буркнул вслух своей соседке: «Это еще за какого дьявола?!» (он был очень резок на язык). «И вдруг, – говорит Вас.И-ч, – смотрю, встает эта моя соседка, к которой я обратился, и протягивает сначала мне, а потом другим свой бокал с самой вежливой улыбкой на лице. Я прямо не знал, куда мне деваться...»

Взаимную любовь и уважение принято было в купечестве, духовенстве и отчасти также среди чиновного и служащего люда свидетельствовать небольшими приношениями тортов или конфект по случаю именин или подобных домашних празднеств, на которые бывал «зов». Кондитерские Филиппова, Сиу, Абрикосова и др[угие] некоторые сильно торговали в дни наиболее популярных святых (Николай, Иван, Мария) и особенно 17 сентября, когда насчитывались сразу 4 святые с ходовыми именами (Вера, Надежда, Любовь с матерью их Софией). Считалось

прямо неловким явиться к именинникам и именинницам с пустыми руками, и столы хозяев, можно сказать, были уставлены коробками с пирогами, привезенными «в презент». По случаю бракосочетания было принято присылать новобрачным на другой день свадьбы также хлеб-соль, т.е. большой сдобный хлеб с серебряной вызолоченной солонкой, которая, впрочем, наполнялась не солью, а сахарной пудрой, для того чтобы новобрачные «послаще жили». Позванные на крестины ближайшие родственники родильницы давали по золотому «на зубок» новорожденному и рубль или два акушерке, принимавшей ребенка, а самой матери – материю на платье. Священникам приходским более состоятельные прихожане присылали иногда кое-что из продуктов, какими они торговали: чайные торговцы – голову сахару и фунт чаю, виноторговцы – бутылки по две вина, а мануфактурщики дарили иногда и материи «на ряску». Не говорим уже о «приношениях» лицам административного состава: тут дело не ограничивалось какой-нибудь головкой сахару, а требовалось по случаю какого-нибудь важного церковного праздника явиться с небольшим пакетиком, в котором находилось соответственное положению принимающего поздравления и состоянию поздравителя известное количество крупных кредиток. Один знакомый мне секретарь консистории однажды начал было издеваться над игуменьей Вознесенского монастыря по поводу ее «христосованья» с ним в день Пасхи каким-то деревянным позолоченным яичком, но потом, увидав, что положено в это яичко, скроил извиняющуюся физиономию и стал благодарить «матушку», лобызая ее ручку... Частные пристава и квартальные надзиратели принимали «дань» почтительности и уважения от домовладельцев с полным сознанием своего достоинства, с видом полной уверенности в том, что они вполне заслуживают такую «благодарность».

Однако все эти практиковавшиеся в мое время проявления дружбы и уважения не мешали людям по временам и «сцепляться» друг с другом, когда дело касалось каких-либо существенных интересов «друзей». Помню рассказ свящ[енника] Воронцова (от церкви Неопалимой Купины в Зубове) о том, как он был раз на поминках по богатому умершему его прихожанину – купцу. «Сижую, – говорил о. Воронцов, – за поминальным столом на видном месте, среди ближайших родственников покой-

ного, и слушаю разговоры их между собою. Сначала эти разговоры были совсем мирного свойства, и разговаривающие постоянно наливали и выпивали разные водки и вина, чокаясь между собою с самым дружеским видом, но потом дело коснулось возможного распределения наследства после покойного, и – Боже! – что тут поднялось, какой шум, какие споры! Двое сидевших около меня купцов налезали друг на друга с кулаками, доказывая свои преимущественные права на получение наибольшей доли наследства, и в конце концов поднялись с своих мест и вступили между собою тут же, около стола, в драку, для чего-то даже сняв с себя сюртуки. Прочие гости смеялись над ними, а мне было прямо невозможно сидеть, потому что они, толкая друг друга, натыкались на мой стул, и я сидел, не зная, что мне делать...» Когда я заметил ему, что он должен бы разнять бойцов, нарушающих порядок на таком печальном обеде, он только махнул рукой и сказал: «Куда уж тут! Если бы я вмешался, то и меня бы они пбили или схватили за волосы, благо они у меня длинные... Да, впрочем, в конце обеда они как ни в чем не бывало опять сели за стол и даже стали чокаяться между собою...»

Еще более было стычек на купеческих по преимуществу свадьбах между игроками в азартные игры. Тут слышались постоянно выкрики партнеров по адресу игроков, допускаящих какие-либо неправильности в игре, и особенно по отношению к проигравшим и не платившим свой проигрыш в стукалку или трынку. На одной свадьбе я видел раз, как целая толпа игроков в стукалку бегала по комнатам за местным приходским дьяконом, который, как оказывалось, не пожелал поставить большой «ремиз». Некоторые игроки догоняли дьякона, бегавшего из комнаты в комнату, и кричали: «Нет, отец дьякон, ставь деньги на кон!» Да и не на одних свадьбах, а на обыкновенных вечеринках даже игравшие в так называемые коммерческие игры поднимали такой гвалт по случаю допущения кем-либо из партнеров какой-либо вопиющей ошибки в назначении или розыгрыше игры, что можно было опасаться открытия настоящих военных действий между спорившими, с «мордобоем» включительно. Мой знакомый Дударев рассказывал мне, что двое его партнеров, будучи у него в гостях, до того ругались после одной неудачной игры, что один из них, чув-

ствуя себя жестоко оскорбленным, вызвал оскорбителя на дуэль, которая не состоялась только потому, что Дударев поставил вызвавшему требование – драться прежде всего с ним, хозяином... Винт вообще сопровождался очень крупными размолвками даже между людьми высокообразованными и весьма культурными. Припоминаются здесь мне строки из дневника жившего в Москве П.И. Чайковского, в которых он несколько раз повторяет одно и то же: «вчера винтил и вел себя безобразно», «во вчерашней игре разругался с своим приятелем N.N.» и т.д. и т.д. – все одни и те же заметки. Помню, как однажды я на волжском пароходе сел играть в винт с двумя братьями Кистяковскими⁶, из коих один был известный в Москве адвокат и профессор, а другой – профессор химии в Петербурге, и как оба брата, люди очень солидные и в общем корректные, бранили друг друга за сделанные в розыгрыше ошибки, причем употребляемы были такие терпкие выражения, как «сапожник», «тупица» и т[ому] под[обные]. Наконец, и сам я впадал в какую-то горячку, когда по вине партнера проигрывал большую игру – в этом, впрочем, виноват бывал и не я один, и хладнокровных игроков находилось очень мало даже в Литературно-артистическом кружке, где так же иногда по адресу неумелых партнеров пускались довольно крепкие «крылатые» словечки...

Семейные нравы едва ли в мое время изменились к лучшему по сравнению с прежними. Отношения между мужьями и женами, конечно, оставались такими, какими они были и в более ранние годы, если судить на основании сравнения мемуаров, оставшихся от первой половины 19 века, с моими личными наблюдениями. Тут дело зависело от характера человека: попадался жене хороший муж, ну и жизнь их текла спокойно, равно как с хорошею женою и мужу можно было жить припеваючи. Если же та или другая супружеская сторона по характеру своему была не в состоянии сдерживать свои вспышки и страсти, то в семейной жизни, конечно, начинался разлад: так было, так, конечно, и будет! По-прежнему также в Москве считалось необходимым соблюдать супружеские обеты, и даже в тех случаях, когда новое сердечное увлечение отдаляло одного из супругов от другого настолько, что у него на стороне появлялся другой «семейный очаг», все-таки считалось неприличным прибегать к формальному расторжению

брака, и дело ограничивалось, *tacito consensu*^{*}, прекращением брачных отношений, так называемым *separation du corps*^{**}. По крайней мере за все пятьдесят лет моей жизни в Москве до революции я не видел в своем окружении ни одного разведенного мужа или жены, хотя встречать людей, живших раздельно с своими супругами, мне приходилось.

В отношениях родителей к детям и детей к родителям в мое время почти до 900-х годов сохранялось многое от старинного уклада жизни. Взять хотя бы прежде всего отношение главы семейства к вопросу о браке его детей. Тут я наталкивался на следы уже давно минувших отношений отца семейства к детям как единого авторитетного арбитра в избрании ими спутницы или спутника жизни. Отцы, а также и матери, крепко стояли на своих стародавних позициях, когда их сын намеревался заключить неравный, по их мнению, брак, и всячески препятствовали своим наследникам в этом деле, а в случае неповиновения со стороны сына и заключения им нежелательного для родителей брачного союза не хотели иметь никакого общения с невесткою, хотя сына продолжали принимать по-прежнему. Я помню, например, как церковный староста Климентовской на Пятницкой церкви старик купец Кунин не позволял своему сыну, уже человеку давно ставшему на свои ноги, жениться на особе, в которую тот был влюблен, потому что она была, во-первых, еврейка, а во-вторых, ничего не имела и служила продавщицей газет в киоске на вокзале железной дороги. Сын Кунин, кажется, повенчался с ней все-таки незадолго до кончины отца, хотя и тайно от последнего, и после смерти мужа она получила в свои руки все кунинское состояние. Другой случай. У моего знакомого купца Луковникова, о котором я упоминал в своем месте, был больной, почти не владевший ногами, взрослый сын, который задумал жениться на той девушке, с которой жил. Родители всячески противились этому очень долгое время и только, кажется, уже перед смертью приняли жену сына в свой дом. Еще случай – уже в моем родстве. Мой двоюродный брат, доктор Надеждин⁷, против воли своего родителя, протоиерея Покровского собора⁸, женился на вдове своего товарища по больничной

* С молчаливого согласия двух сторон (*лат.*).

** Прекращение сожителства между супругами (*фр.*).

службе Ковалевского и долго не мог «представить» свою супругу своему отцу, который не хотел ее признать, так как она довольно долго жила отдельно от первого своего мужа и играла где-то на провинциальной сцене в оперетке. Брат посещал родителя один, и было как-то странно видеть его в таком одиночестве, когда, положим, накануне я принимал его у себя вместе с его супругой и когда прочие родные бывали у молодых без всякого стеснения. Только уже через год или полтора строгий родитель переменил гнев на милость, и брат стал появляться в родительском доме с супругой.

В деле выбора карьеры или, собственно, высшего учебного заведения, в которое поступали сыновья моих родных или знакомых, такого стеснения детей родителями не наблюдалось даже и в 60–70-х годах, и дети даже лиц священного сана поступали по собственному выбору или в университет, или в технологический институт, или же в духовную академию. Что касается дочерей, то и родители старозаветного уклада относились довольно снисходительно как к выбору ими профессии, так и к избранию ими спутника жизни. Бывали даже случаи, когда московские батюшки разрешали своим дочерям вступать в брак с инородцами и инославными, напр[имер] с католиками и протестантами, не требуя, чтобы их зятья непременно обращались в православную веру. И чем далее, тем более стародавние традиции семейной жизни отступали пред новыми веяниями, и в 900-х годах дети чувствовали себя уже вполне эмансипированными от влияния родителей, не встречая со стороны последних никаких протестов против своих начинаний.

Но где особенно сказалась сила новых веяний среди всех слоев московского населения, так это на поприще стяжательства и накопления капиталов. Если до 60-х годов москвичи прилагали попечение к увеличению своих капиталов, то делали это почти исключительно путем приобретения «ломбардных билетов» или через покупку каких-либо недвижимостей. С этой же поры, когда в Москве появилось множество банков и банкирских контор, когда и в провинции завелись банки, выдававшие вкладчикам крупные проценты на вложенные в них деньги, москвичи вошли во вкус капиталистического накопления и стали поигрывать на повышение и понижение акций. Все стали покупать акции и облигации, и каждый москвич очутился более или менее под властью «господина купона»; даже такие люди,

которые по своему положению должны бы, казалось, стоять далеко от денежной ажитации, как священники и монахи, со вниманием следили за «повышением» и «понижением» процентных и дивидендных бумаг, чтобы вовремя успеть купить или продать имевшиеся у них акции и облигации. Про известного своим феноменальным басом дьякона Прилуцкого рассказывали, что ему удалось купить некоторое количество акций Рязанской жел[езной] дороги при первом их выпуске по 75 р. за 100 номинальных и что он продал их впоследствии чуть ли не по две тысячи за каждую, так что у чего составилась капитал в 50 тысяч рублей. Усилилась также игра в тотализатор, и здесь опять-таки стали действовать такие элементы, которым было, собственно говоря, и не совсем пристойно это занятие. Я разумею учителей средних и низших учебных заведений, из которых многие, как, напр[имер], известный директор реального училища Фидлер⁹ и некоторые учителя, у него служившие, увлекались игрою на бегах и скачках свыше всякой меры и притом большею частью оказывались в проигрыше. Участвовали в этой игре также и особы женского пола, которые, кажется, в прежние времена на этом поприще не выступали...

Люди «попроще» удовлетворяли общечеловеческое стремление к стяжанию другими, более безопасными средствами, в числе которых на первом месте стояли покупки по «дешевым ценам» на Фоминой неделе¹⁰, а затем приобретение разных вещей на аукционах и рынках, преимущественно на Сухаревском, который раскидывался по воскресным дням на всем протяжении Сухаревской площади начиная от конца Сухаревской-Садовой до начала Спасской-Садовой и который представлял собою огромный универмаг «ширпотреба» с большим продуктовым отделением. Я бывал нередко на аукционах, преимущественно же на аукционах картин, после того как кончалась та или другая картинная выставка и художники пускали оставшиеся у них непроданными картины на аукцион. Здесь можно было купить хорошенькую картинку в раме за 5–10 рублей, а большие картины, особенно на ученических выставках в Училище живописи и ваяния, за 30–40 рублей, а кроме того приобретались также картины, оставшиеся после аукциона, на квартирах у художников за еще более дешевые цены. Конечно, первого сорта произведений художественной кисти здесь было трудно приобрести – любители более состоятельные

скупали их тогда, когда картина еще не покидала мастерской художника (покойный П.М.Третьяков¹¹, как передавал мне академик-художник С.Д.Милорадович¹², наблюдал даже за тем, как писалась картина тем или другим хорошим художником, чтобы вовремя приобрести ее для своей галереи), – но все же мне, напр[имер], удавалось приобретать недурные вещицы, которыми я и увешивал стены своей квартиры. На аукционах картин всегда бывала одна и та же публика, к которой можно было привыкнуть, и я знал многих из подобных мне любителей художеств, которые не упустили ни одного аукциона, причем одни собирали исключительно пейзажи, а другие – жанр. Из последних я могу упомянуть о профессоре Московской духовной академии М.Д.Муретове¹³, который исключительно покупал жанровые картинки, на которых были изображены младенцы и глубокие старики. Я как-то спросил его, почему он излюбил такую узкую сферу художественного творчества, и он объяснил мне, что его интересуют лица, на которых изображено или еще не пробудившееся сознание (младенцы), или уже угасающая сознательность (глубокие старцы), и что он любит сравнивать те и другие, потому что это наводит его на некоторые заключения о развитии работы сознания, как она отражается на физиономии человека... Что касается аукционов разных художественных вещей, сервировочной посуды и чайных чашек разных старинных русских фабрик, то большинство на этих аукционах составляли всегда так называемые маклаки, или скупщики, а мы, немногие интеллигенты, приходили только из любопытства, хотели видеть редкости и узнать их цену да посмотреть на борьбу скупщиков между собою: покупать такие вещи нам было не по средствам... Но зато на Сухаревском торгу по воскресеньям я и мне подобные покупщики чувствовали себя уже активными лицами, вступая в торг с продавцами и нередко приобретая у них за дешевую цену вещи, какие нас интересовали, главным же образом разные произведения литературы. Страсть к собирательству книг и гравюр развилась у меня давным-давно, и я скопил в течение 40-ка лет довольно большое собрание книг, но преимущественно старинных, и разных гравюр. Крупных приобретений, конечно, я, опять-таки по скудости своих денежных ресурсов, не мог делать, но мелких дешевых книг и гравюрок, в общем довольно интересных, я собирал немалое количество в течение года и в летние месяцы даже ездил за ними с дачи в

Москву. Кроме того, на Сухаревском торге я покупал очень дешево некоторые принадлежности одежды – меховое пальто за 75 р., которое носилось у меня лет 12, фракную пару из хорошего материала за 25 р. и пр., – конечно, все это было немного подержанное, но сделано было из хорошего материала и имело вполне приличный вид. Не говорю уже о фруктах и сладях, которые продавались в деревянных палатках около самой Сухаревой башни, – с прогулки по Сухаревой я обязательно возвращался нагруженным мешочками с фруктами или ягодами, и все это было приобретено за самую дешевую цену.

Не могу умолчать еще об одном средстве, к какому прибегали некоторые мои знакомые в деле обеспечения себя какими-либо съестными припасами или принадлежностями одежды. Доктор городской больницы С.С.Кузьмин рассказывал мне, что он никогда не покупает костюмов за деньги, а получает их, так сказать, в обмен за свои посещения одного хорошего портного, имевшего на Мясницкой мастерскую. Заболеет кто-нибудь из семьи хозяина или из его мастеров – Кузьмин сейчас же едет осмотреть больного. «За то, – прибавлял доктор, – я обеспечен всякою одеждою: даже когда поизносится шуба, мой клиент-портной prepares мне новую совершенно бесплатно...» Другой мой знакомый, присяжный поверенный, ведший разные дела известного в Москве булочника Филиппова, проезжая мимо огромной булочной этого купца на Тверской, всегда забирал у него бесплатно целый большущий пакет баранок, саяк, сдобы всякого рода и привозил все это в семью своего тестя, в которой он жил с своею супругой, так что филипповским добром насыщались и все домашние, и приходившие гости. При этом, однако, адвокат получал за свои труды от Филиппова и денежное вознаграждение... Отметить нужно, что такой «товарообмен» практиковался даже в такой профессии, которой, казалось бы, он был совершенно несвойствен, именно в духовной. Я был свидетелем, как один священник в зонточном заведении своего прихожанина-купца взял себе хороший шелковый зонтик для дочери, не заплатив денег, потому-де что прихожанин ничего не заплатил ему на первой неделе Великого поста за «постную молитву», и купец ничего в этом случае не возразил.

Припоминаются мне и еще некоторые мелочи московской жизни, довольно характерные для москвичей. Так,

на свадебных и поминальных обедах хорошие кондитеры обыкновенно отводили особую комнату для дамского буфета, где дамы могли на свободе, не боясь осуждения со стороны мужчин, выпить и рябинной, и английской горькой, и даже смирновской очищенной. Некоторые из них так при этом нализывались, что к обеденному столу шли уже нетвердыми ногами, поддерживая друг друга под руки. У старых купчих, не привычных к алкоголю, последний был заменяем нюхательным табачком, — только этот табак они не нюхали, а натирали им себе зубы где-нибудь у рукомошника и потом выходили в общую залу уже повеселевшими и очень довольными. Иные же, не подверженные вышеупомянутым слабостям в отношении алкоголя и нюхательного табаку, дамы имели привычку курить. Помню, бывало, как еще в 60-х годах моя двоюродная бабушка, вдова священника, сидела в гостинице у одного из моих родственников и курила длиннейшую трубку, пуская чуть не ежеминутно изо рта густые клубы дыма. Тетки мои любили курить папиросы, причем употребляли табак под названием «Мэриленд легкий» и немало времени тратили на набивку папирос.

Сохранялся в мое время и старый московский обычай менять довольно часто свои квартиры. Я читал где-то, что москвичи были большие непоседы и раньше: известно, напр[имер], что родители А.С.Пушкина в течение 10 лет переменили несколько квартир, что С.Т.Аксаков с своей семьей в продолжение своего 30-летнего пребывания в Москве переезжал с квартиры на квартиру более 10 раз. Мои родные и знакомые также частенько меняли местожительство, отыскивая себе помещеньице получше и подешевле. Некоторые москвичи иногда совсем оставляли в мае месяце, с переездом на дачу, свою зимнюю квартиру и в начале августа обыкновенно ездили каждый день с дачи в город, чтобы найти себе помещение, что в то время не составляло особого труда, потому что билетики о сдаче квартир можно было увидеть на любой улице или в любом переулке, поблизости от места службы съемщика квартиры. Конечно, при этих постоянных перевозках много мебели ломалось, но с этим особенно не считались, потому что в те времена рабочие руки были дешевы и мастеров для починки мебели находилось всегда много.

Отметить, наконец, следует появление с начала 70-х годов в среднем классе московского населения (чиновничество, купечество и др.) массы любителей драматическо-

го искусства, которые стремились на частных сценах испытать свои артистические способности. Даже дочери священников московских стали выступать зимою на сценах частных театров Секретарева¹⁴ и Немчинова, а летом — на дачах, где также имелись небольшие сарайчики со сценою, в которых подвизались местные дачники и дачницы. Игались обыкновенно какие-нибудь легкие комедии и водевили, а после спектакля устраивались танцы, так что в общем время проходило весело, хотя, нужно признаться, господа «любители» и особенно «любительницы» иногда жестоко проваливались и возбуждали в отношении их игры довольно несдержанные насмешки со стороны публики. Такие спектакли я видал в Богородском, Пушкине, Царицыне и в некоторых других дачных местностях; в общем, помню, они проходили довольно весело, хотя и не отличались тщательностью постановки. Некоторые из виденных мною на сцене дачных театриков «любители» впоследствии становились заправскими артистами, как напр[имер], известный артист театра Корша, а потом и Малого театра Сашин.

Можно ли сказать что-либо определенное об общем нравственном уровне москвичей моего времени? В некоторых курсах русской церковной истории отводится место и этому предмету, причем авторы курсов находят возможным делать известные обобщения по этому пункту, но я полагаю, что тут делаются большие натяжки, и картина нравов получается далеко не верная действительности. Так и в отношении вопроса о нравственности москвичей моего поколения невозможно стать на такую точку зрения, с которой бы все одинаково хорошо было видно и все ложилось бы на картину в надлежащих пропорциях и освещении. Только разве некоторые черточки могут быть здесь уловлены и сведены к одному целому, а общего ничего установить нельзя, так как в каждом классе московского общества и в отдельных прослойках его было слишком много своеобразного. Поэтому в настоящем случае я ограничусь только упоминанием о характерных чертах некоторых слоев московского общества, могущих служить показанием уровня нравственного развития того или другого класса.

Укажу прежде всего на одну характерную черту купечества московского, по всей вероятности, уже имеющую за собою значительную давность. Черта эта — бессердечное отношение к некоторым незадачникам из своей же бра-

тии, впадшим волею рока в несчастное положение, приводящее к полному банкротству. Я знал одного купца 2-й гильдии, бывшего старостой при церкви Климента на Пятницкой (фамилию его я забыл), человека очень приличного на вид, скромного, который имел немало «приятелей», и даже «закадычных», с которыми он мирно и весело проводил дни именин, рождений, свадеб, совершавшихся в кругу его родных и знакомых. Казалось, этих Иван Ивановичей, Петров Степанычей и других приятелей водой не разольешь, и все они составляли между собою тесную семью, но вот неожиданно, после Нижегородской ярмарки, наш почтенный староста оказался не в состоянии покрыть своих долговых обязательств, и что же? Несмотря на все его мольбы и слезы, жестокосердые его кредиторы, бывшие дотеле его «закадычными» друзьями, начисто отказали ему в «моратории»¹⁵ и потребовали немедленной уплаты причитавшихся им сумм, которых бедному старосте взять было негде. Что было делать несчастному? Объявить себя банкротом он не имел мужества и предпочел уход из жизни заключению в тюрьму. Ранним утром он направился по Пятницкой улице к Чугунному мосту и здесь утопился в водоотводном канале... Я видел в Пятницкой части, в морге, труп несчастного самоубийцы и, припоминая его хорошие отзывы о своих друзьях, бывших его кредиторами, сказал себе: «Ну, после этого и верь в дружбу!»

Были и еще другие подобные примеры бессердечного отношения к лицам своего же купеческого сословия, впадшим в бедственное положение или попросту обанкротившимся. Но зато там, где представлялось богатому купцу пустить пыль в нос широким размахом своей благотворительности, московские купцы не останавливались пред самыми большими жертвами и несли на алтари просвещения, здравоохранения и городского благоустройства вообще целые сотни тысяч рублей, сколоченные часто всеми правдами-неправдами. На моей памяти такие благородные жесты были сделаны, на прим[ер], Бахрушиными¹⁶, пожертвовавшими в Исторический музей ценную свою библиотеку и устроившими театральный музей, П.И.Щукиным¹⁷, принесшим в дар городу свой великолепный художественный музей, Г.Г.Солодовниковым, пожертвовавшим на построение Московской консерватории до 400 т[ысяч] рублей и отпустившим также большую сумму на постройку квартир для бедных, П.М.Третьяковым, отдавшим городу свою ценнейшую картинную

галерею, и многими другими. Но тут, думается, играла большую роль не настоящая бескорыстная любовь к просвещению, а известное стремление прославиться, стяжать себе известность; по крайней мере, это с несомненностью можно утверждать об известном своею скупостью богаче Солодовникове, который, жертвуя капитал на консерваторию, ставил директору ее Сафонову условие – выхлопотать ему генеральский чин и звезду.

Развитие в москвичах чувства тщеславия выразилось в рассматриваемый период времени в праздновании юбилеев, не только пятидесятных, какие изредка справлялись в 60-х годах, но и тридцатилетних или двадцатипятилетних. Эти празднования вошли, можно сказать, в повсюдное обыкновение, и кто только не устраивал торжества по случаю исполнения двадцатипятилетия своей «деятельности», большею частью ничем особенным не ознаменованной! И духовенство, и чиновничество, и купечество, даже представители ремесленного сословия считали своим долгом отпраздновать свои «юбилеи», причем с превеликим наслаждением внимали высокопарным речам близких к ним людей и принимали разные подношения и адреса, в которых восхвалялись их «заслуги» на поприще общественного служения. Но всего более на юбилеях подобного рода слышалось хвалебных приветствий от родственников юбиляра или его подчиненных, что для постороннего посетителя торжества часто становилось совсем невыносимо. Помню, как на юбилее прот[оиерея] М.С.Боголюбского наш семинарский ректор Парфений¹⁸ возмущался (конечно, не вслух, а передавая мне, как своему соседу за юбилейным столом, свои впечатления) многочисленными выступлениями разных племянников юбиляра. «Ну опять сейчас заговорит: “Многоуважаемый дядюшка!” или “Дорогой дедушка!” – шептал он мне при виде все новых и новых появлявшихся ораторов – родственников юбиляра. – Скоро ли кончится эта комедия? Терпения нет – уедем поскорее домой...» Но и дома, в семинарии, Парфению не давали покоя юбиляры: всякому преподавателю, прослужившему 25 лет, непременно устраивался юбилей, причем, конечно, произносились были похвальные речи как сотоварищами юбиляра по службе, так и учениками, и делались подношения, большею частью состоявшие из икон. Прославление юбиляров, однако, этим не заканчивалось, а выносилось из стен семинарии на страницы московского церковного пе-

чатного органа¹⁹, а после светских юбилеев – на страницы светских газет, главным образом газеты «Московский листок»²⁰.

Но эта черта – тщеславие не представляла собою ничего особенно компрометирующего московское общество в нравственном отношении. Были в некоторых слоях этого общества такие черты, которые показывали на низкий уровень нравственности этих слоев или многих из их представителей. Таково прежде всего было стремление к наживе недостаточно корректными средствами, проявлявшееся в среде наших адвокатов и ходатаев по делам. Я знал присяжных поверенных, которые «заламывали» бешеные деньги за ведение какого-нибудь пустяшного процесса, представляя его клиенту очень трудным и серьезным, требующим больших хлопот и расходов, чему неопытные клиенты часто и верили. «Одной старушечки, – рассказывал мне без всякого стеснения пр[исяжный] пов[еренный] В., – прислали из полиции повестку о том, что ее привлекают к суду за неуплату в срок каких-то денег по питейному промыслу, и та, страшно испугавшись, обратилась ко мне за советом. Дело было совсем плевое – нужно было только съездить в казначейство и внести деньги с маленькой пеней, а я взял за это с нее 300 целкачей: дур учить надо...» Он же выуживал мужиков, пострадавших на железной дороге (потерпевших увечье), и за эти так называвшиеся увечные премии, выхлопотать которые опять-таки ему стоило небольшого труда, брал себе половину премии. Были адвокаты, занимавшиеся специально отыскиванием наследников для так называемых выморочных наследств: эти «специалисты» также не клали охулки на руку и, в случае выигрыша дела, брали себе из наследства львиную долю. Некоторые же адвокаты-домовладельцы умели ловко обойти целые артели работавших у них каменщиков, штукатуров, маляров и т.д. и, придравшись к несоблюдению каких-либо пустых формальностей в договоре с рабочими, ужилить из их заработка процентов 20–30. Я слышал, как мой сосед пр[исяжный] пов[еренный] Б. даже хвалился таким подвигом пред своими приятелями...

Каких-либо изменений в нравственном уровне низших слоев населения Москвы по сравнению с предшествующим временем не было. По-прежнему в простом народе, среди низшего промышленно-торгового люда все совершалось по принятым обычаям, и нравственность этого класса стояла,

можно сказать, *status in quo*. Мне неоднократно приходилось бывать в уголовном суде присяжным заседателем, и я все годы данного периода имел таким образом возможность воспринимать «отзвуки жизни» низших классов, которые, главным образом, и поставляли на суд ответчиков по разным законопреступным деяниям: кражам, ограблениям, насилиям разного рода и даже убийствам. Из этих наблюдений я и вынес такое впечатление, что положение, устанавливаемое научной статистикой, о повторяемости преступлений из года в год, повторяемости, так сказать, необходимой, является совершенно правильным и что нравственность народа в общем нисколько не изменилась по сравнению с временами предшествующими. Это впечатление укрепились во мне еще более постоянно повторявшимися в московских листках – «Полицейских ведомостях»³, «Московском листке» и др. газетах – сообщениями о разных криминальных случаях, бывавших в Москве, так что, повторю, нравственность в низших слоях московского населения оставалась, по моему представлению, на одинаковом уровне. Но в то же время я не могу не отметить и две-три черты из жизни этих слоев, каких ранее не наблюдалось в данной сфере, и первое – это стремление низшего населения Москвы к получению какого бы то ни было образования. Уже в 70-х годах возникшие в Москве воскресные школы стали привлекать к себе внимание фабричных рабочих, мелких приказчиков и сидельцев²², мастерков и других низших слоев населения, и грамотность стала широко распространяться. Для детей школьного возраста открыто было большое количество школ как городских, так и церковно-приходских, где уже не как в воскресных школах проходилась настоящий систематический курс обучения. Конечно, образование во всех этих школах, в особенности в церковно-приходских, давалось неважное, но во всяком случае отсюда выходили люди, умевшие читать, писать и считать, а это уже много значило, если принять во внимание ту безграмотность, какую отличалось старое поколение москвичей низших слоев населения. Я помню, как в 70-х годах писали наши не бывшие в школе матери – письма их просто ужасали своею безграмотностью, и просто невозможно было даже разобрать их каракули. Или вот пример безграмотности дворника. На дачах моей свояченицы Тольской был дворник-татарин, уже давно живший в Москве. Понадобилось ему написать – он считал себя грамотным – мой адрес одному маляру, который предлагал произвести

работу по окраске крыш на дачах, и вот он взялся за карандаш и нацарапал на кусочке бумаги такие слова: «Коринни рет, чимири, чимири, Микола Петрову Тулскому», что должно было обозначать: «Каретный ряд, семинария, Щемиловка (улица, на которую выходил семинарский преподавательский дом), Николаю Петровичу Розанову» (Тулским же он меня назвал по фамилии моей свояченицы Тольской). Замечу, что маляр по такому адресу все же нашел меня...

Но в какую сторону обращалось внимание лиц, получивших низшее образование в городских и церковно-приходских школах? Укреплялось ли в них стремление к самообразованию и пользовались ли они приобретенною грамотностью для того, чтобы расширить свой умственный кругозор? На эти вопросы можно отвечать так: большинство довольствовалось теми скудными сведениями, какие давала низшая школа, а некоторые даже, за множеством занятий чисто практического характера, совсем забрасывали книжку и изредка только почитывали фельетоны «Московского листка» и «Новостей дня»²³ – до фельетонов Дорошевича²⁴ в «Русском слове»²⁵ им было очень далеко. Пристрастие к чтению разных приключенческих романов вроде «Разбойника Чуркина»²⁶ являлось характерной чертой грамотного населения г. Москвы – всех этих приказчиков, магазинных мальчиков, швей, мастеров и т.д., которые с нетерпением ожидали каждое утро «продолжения» интересовавшего их романа и вечером в свободное время передавали не успевшим прочитать того или другого номера газеты с этим романом содержание пропущенных их знакомым глав. Мне приходилось иногда заходить в некоторые мастерские, и я часто слышал, как здесь мастера «с засосом» рассказывали один другому о подвигах какого-нибудь важного преступника или же о приключениях какого-нибудь исторически известного лица, жизнь которого послужила сюжетом для романиста вроде Дмитриева²⁷, написавшего в «Московском листке» и «Новостях дня» десятки исторических романов. Наряду с этим отметить нужно и увлечение пинкерто[но]вщиной, проникшее не только в низшие слои московского населения, но даже и в сравнительно образованные части общества. Бывало, везде, куда ни придешь, – в парикмахерскую ли, в мастерскую какую, – везде положительно наткнешься на книжонки в желтенькой или синенькой обложке, где изображались приключения знаменитых сыщиков Пинкертона, Картера и др. Разные издательства на этих брошюрках

наживали большие деньги, а бедные читатели получали от такого чтения только нездоровый интерес ко всему, выходящему из рамок благопристойности и честности, потому что авторы названных брошюрок умели изображать разные преступные типы в чертах довольно симпатичных, так что они даже многих вызывали на подражание «подвигам» этих романтических героев.

Еще одна неприятная черта поражала меня в низшем классе московского населения – это какая-то жадность ко всему, что раздаваемо было на разных народных увеселениях по случаю разных торжеств. Из-за какой-то кружки и узелка с пряниками в коронацию 1896 г. простой народ устремился сотнями тысяч на Ходынку и стал напирать на места, где раздавались «подарки», с такою силою, что передавлено было более тысячи человек. Затем, стоило загореться где-нибудь винному складу, как на пожар собирались целые тысячи людей, и начиналось расхищение склада, причем тут же, на улице, из разбитых ведер и четвертей вино выпивалось любителями этого зелья даже тогда, когда оно текло по канавкам. Пьяные сваливались с ног, а более трезвые поднимали между собою ссоры и драку... Наконец, когда на каких-либо богатых купеческих похоронах раздавалась «милостыня» по двугривенному на человека, то в очереди становились сотнями и люди совсем не нищие, а только падкие на «даровщинку», да еще подходили к раздатчику по два, по три раза.

О низком нравственном уровне низшего класса московского населения можно было заключать и по той стихийной злобе, какая проявлялась этим населением в отношении к забастовщикам и демонстрантам – студентам университета. «Нужно их бить!» – со злобой кричали охотнорядцы-черносотенники, когда мимо них проходила процессия студентов к дому ген[ерал]-губернатора, и, действительно, последним неоднократно приходилось испытывать на своих спинах кулачные удары защитников «порядка». Но такую же несознательность обнаруживали низшие слои московского населения – разные низшие служащие, прислуга и пр., когда в годы первой революции (1905–1908) совершались хождения толпами по улицам с революционными знаменами. Простой народ шел за этими знаменами, не понимая, чего ему нужно требовать, и повторяя только доходившие до него лозунги, выкрикиваемые более сознательными участниками противоправительственной

демонстрации. Помню, как в один из этих мятежных дней я вечером приехал к своему товарищу Н.А.Любимову²⁸ и тут узнал, что семья сидит без вечернего чаю, так как обе служанки Любимова ушли на демонстрацию. Вскоре, впрочем, одна из них вернулась, усталая, растрепанная, и на вопрос хозяйки, что же она делала на демонстрации, сказала: «Да кричала — все кричат, и я кричу». — «А что же ты кричала?» — «А кричала я: давай монахию!» Так бедная демонстрантка поняла революционный лозунг «Долой монархию!»... Не говорю уже о самых грубых проявлениях в низшем классе чувства ненависти к евреям, — они были слишком обычны не только в низших слоях населения, но даже и в сравнительно культурных.

В театрах

Театр — какое это магическое слово! При одном только упоминании о театре у москвича как-то вдруг просветлялось лицо, поднималось какое-то повышенное настроение и сейчас же в уме появлялся ряд ассоциаций соответственного характера. Издавна я замечал у прирожденных москвичей, вкусивших прелести театральных зрелищ и, так сказать, нанюхавшихся запаха театральной залы, какое-то особенное вожделение слышать и узнавать все, касающееся сцены и ее деятелей, и неудержимое стремление самим внести свою лепту в сокровищницу воспоминаний о далеком и недалеком прошедшем московского театра в разных его видах. Тема о театре являлась в московском обществе всегда самой благодарной и давала хозяевам, у которых бывали гости, возможность поддерживать с последними интересную беседу. Для многих же театр был не только местом развлечения, но своего рода школой, в которой, по крайней мере молодежь, учились высоким мыслям и благородным чувствам. Помню, как А.А.Шанцев, учитель гимназии, на юбилейном чествовании Ермоловой в Лит[ературно]-художественном кружке заявил, что в его время настоящее, подлинное образование студенты находили не в университете, а в Малом театре, который являлся в их глазах великим учителем жизни. Поэтому я считаю необходимым в своих воспоминаниях войти в некоторые подробности относительно и своей «жизни в театре».

О Большом театре

В семидесятых годах, когда я учился в семинарии, в Москве процветала опера, и, главным образом, итальянская. Интеллигентные москвичи считали как бы своею обязанностью как можно чаще посещать театр в дни оперных спектаклей и даже абонироваться на представления итальянских опер. Мои родственники Певницкие⁴ прямо-таки бредили оперой, и в их доме я постоянно слышал разговоры о том, как спела та или другая *diva** свою арию и как хороши были итальянские тенора и баритоны. Под впечатлением таких разговоров и слушая воспроизводимые не без приятности старшим моим двоюродным братом П.П.Певницким итальянские арии, я и сам проникся любовью к опере и стал посещать Большой театр чуть ли не с первого года своего пребывания в семинарии, когда только в мои руки перепадало от доброй тетки, Л.Н.Певницкой, сколько-нибудь денег.

Помню, что первые посещения Большого театра сопровождались для меня значительными затруднениями. Трудно было уже добывание билета в театр, так как для того, чтобы застать место в очереди у кассы, приходилось вставать очень рано утром и часа по два простаивать на улице у подъезда театра в ожидании, когда, наконец, откроется тяжелая дверь в кассу. Затем приходилось испытывать сильное давление от скопившейся позади толпы, пришедшей так же, как и я, за билетами и напиравшей на стоявших впереди, в числе которых был и я. Давление это было настолько сильно, что я иногда прямо задышался и чуть не плакал, не имея даже возможности выскочить из того коридорчика, какой был образуем для водворения порядка в вестибюле посредством установки деревянных перил от самых дверей до окошечек кассы. Но как бы то ни было я обыкновенно доставал себе билет на галерею за 30 коп. и, счастливый, шел домой, чтобы в свое время явиться к 7 часам вечера в театр.

Первая опера, какую я слышал в Большом театре, была «Громобой» Верстовского. Взирая с высоты своего «райского» положения на огромную залу театра и чувствуя при этом какое-то замирание в сердце, я с затаенным дыханием слушал мощные голоса певцов, участвовавших в опере, и наслаждался волшебным видом декораций. Как

* Знаменитая певица (фр.).

наши предки, послы князя Владимира, очутившиеся на богослужении в Софийском соборе Царьграда, были поражены представившимся им зрелищем и не знали, на земле они стоят или находятся на небе, так и я был вне себя от того, что в первый раз услышал и увидел в Большом театре, и это первое представление навсегда запечатлелось в моей памяти. Запомнились мне также и певцы, участвовавшие в этой опере — сильный тенор Додонов и могучий бас Радонежский. Но при этом я все же чувствовал некоторое сердечное недомогание от смотрения с галерки в бездну, открывавшуюся предо мною, и потом несколько раз ночью, во сне, видел себя висящим на высоте этого огромного зала, под люстрой, и готовым упасть вниз. Когда я рассказывал об этом неприятном ощущении своему дяде, дьякону Успенского собора, он посмеялся надо мною и сказал: «Ну что же тут страшного? Вот я, когда был в семинарии, лазил еще выше — на самый потолок театра. Ты видел большое отверстие над театральной люстрой? Вот в это отверстие я, бывало, с товарищами и смотрел на представление: ламповщик, зажигавший люстру, пускал нас за пятак с человека на чердак, и мы, сидя там на скамеечке, отлично все видели и слышали».

Еще более сильное впечатление произвела на меня другая опера, какую я услышал вскоре после «Громобоя» в Большом театре. Это была опера Серова «Рогнеда». Тут меня поразили и главный сюжет оперы — борьба христианства с язычеством, и семейная волнующая драма между Владимиром и Рогнедой, и необыкновенно сильная и мелодичная музыка, и исполнители оперы — кристально чистый бас Демидов и тенор Орлов, из которых первый играл роль Странника, а второй — христианина-варяга Руальда. Только певица, исполнявшая роль Рогнеды, — не помню ее фамилии — несколько испортила впечатление от оперы: она так «переигрывала» в сцене, где Рогнеда покушается убить спящего Владимира, что один из моих соседей по «раю», очевидно, подвыпивший перед спектаклем, не вытерпел и крикнул на весь театр: «Браво, да не хорошо!», чем, конечно, уничтожен был весь эффект, на который рассчитывала помянутая артистка.

Постепенно, в течение [четырёх-пяти десятков] лет, я, часто в компании с некоторыми сослуживцами, пересмотрел почти все оперы, какие ставились на сцене Большого театра, не только русские, но и итальянские, и перевидал

в них почти всех более или менее выдающихся певцов и певиц. О некоторых из них у меня сохранились ясные воспоминания. Так, прежде всего, я помню Ф.И.Шаляпина начиная с самого первого его выступления в опере Мамонтова, которая помещалась в нынешнем филиале Большого театра, и представляю его себе во всей силе его феноменального голоса. Да, это, можно сказать, был колосс в искусстве пения, и я всегда после его выступлений на сцене или в концертах чувствовал какой-то особый подъем духа, граничащий с прямым восторгом, в чем со мною сходились и бывавшие со мною в театре товарищи мои. Впрочем, рассыпаться о нем в похвалах едва ли имеет смысл, раз Ф.И.-ч признан «мировым артистом». Замечу, что в театральном музее им. Бахрушина имеется целая огромная папка вырезок рецензий об игре Шаляпина, которую всякий может просмотреть с большим интересом. По моему мнению, а также по мнению моих знакомых, наиболее эффектно исполнялись Шаляпиным четыре роли: Сусанина в «Жизни за царя», Мельника в «Русалке», Бориса Годунова и Мефистофеля. Конечно, говоря это, я имею в виду прежнего Шаляпина 90–900-х годов, когда он сохранял всю мощь и красоту своего голоса, впоследствии же мы могли наслаждаться в его исполнении только мастерской передачей арий и романсов, силы же в его голосе уже не оставалось...*

Другого «столпа» русской оперы Л.В.Собинова я впервые имел удовольствие слышать на выпускном спектакле Филармонического училища, в котором он учился. Спектакль состоял из отдельных сцен разных опер и давался в Малом театре. Сцена из оперы «Ромео и Джульетта» была исполнена Собиновым до того хорошо, что вся публика просто онемела от восторга и по окончании сцены бесконечно долго его вызывала. Исполнение Собиновым первой роли его в Большом театре – небольшой партии Синодала в оп[ере] «Демон» – я не слышал, но зато присутствовал на первом выходе его в такой большой ответственной роли, как роль Фауста в оп[ере] Гуно «Фауст». Здесь Собинов положительно захватил всю публику театра своим необыкновенным искусством и красотой своего кристально чистого тенора, и весь партер, не говоря уже о верхах,

* Кроме концертов Ф.И.-ч иногда на Страстной неделе пел соло в храме Христа Спасителя, и пел, конечно, бесподобно. (Прим. Н.П.Розанова.)

поднялся с мест и стоя долго-долго аплодировал новоявленному вокальному таланту. В последующих своих выступлениях Собинов продолжал показывать красоту и мощь своего великолепного лирического тенора и сделался быстро любимцем посещавшей Большой театр публики. Точно так же он быстро завоевал себе почетное место в концертных выступлениях: я неоднократно слышал его в зале Литер[атурно]-худож[ественного] кружка, в котором он был одним из директоров и занимался устройством концертов для членов кружка, выступая при этом и сам в качестве исполнителя.

Еще ранее Шаляпина и Собинова я имел удовольствие слушать в Б[ольшом] театре великолепного баритона П.А.Хохлова, которого можно по справедливости также признать «столпом» Б[ольшого] театра. Равного ему по красоте, мощности и какой-то особой теплоте звука баритона мне слышать уже после не приходилось. Хохлов был и остался в истории оперы Б[ольшого] театра единственным Демоном и Онегиным – оперы, в которых он более всего был очарователен. Но в начале 90-х годов голос его стал ослабевать – не потому, как неверно замечает в своих «Воспоминаниях» б[ывший] директор императ[орских] театров Теляковский, что Хохлов позволял себе злоупотреблять спиртными напитками³⁰, а вследствие неоднократно повторявшегося у него воспаления дыхательных путей, которое в конце концов, в 1919 г., и свело его в могилу. Я имел случай несколько раз видиться с П.А.-чем и беседовать с ним о театре. Первый раз это было в Московском окружном суде, где мы оба с ним были присяжными заседателями. Хохлов тогда уже утратил силу голоса, но был еще очень хорош в «Онегине», что я и высказал ему в разговоре с ним, и он подтвердил правильность моего замечания, сказавши, что-де еще вчера только за исполнение ариозо «Увы! Сомненья нет...» он был вызван публикою 12 раз. При этом он порассказал мне кое-что о новой в то время опере «Паяцы», в которой он участвовал, и между прочим сказал, что вся эта опера спита из отдельных кусочков других известных опер, так что легко можно ее всю разметить так, что будет ясно видно, откуда что взято. После революции я видел Хохлова раза два-три и сначала совсем не узнал его – до того он изменился лицом и всем внешним видом. Прежде я знал его высоким, стройным, красивым, чисто выбритым, в хорошем изящном фраке, а

тут я увидел человека уже утомленного, с довольно большой светло-рыжеватой бородой, одетого в какую-то серую короткую поддевку и в высоких сапогах. Служил в это время П.А-ч в Комиссариате Государ[ственного] Контроля, получая незначительное жалование, и, видимо, нуждался в средствах*.

За блеском этих трех светил первой величины для многих оставалась в некоторой тени фигура еще одного из выдающихся артистов Б[ольшого] театра – лирико-драматического тенора Н.А.Преображенского, вступившего на сцену Б[ольшого] театра в 1888 году и оставившего ее во второй половине 90-х годов. С именем этого артиста у меня, как и у многих моих сверстников, связаны самые лучшие воспоминания. Слышал я немало разных известнейших итальянских теноров – Таманьо, Маркони, Сильву, Мазини (положим, в конце его карьеры), слышал и лучших русских теноров, но ни один из них не производил на меня такого чарующего действия, как Н.А-ч.

Внешность у Н.А-ча была довольно заурядная. Он был среднего роста, несколько худощав, волосы имел светлые – впрочем, у него была уже довольно большая лысина, почему он во время концертов в Сокольничьем павильоне в холодные вечера надевал парик, а сниматься в фотографии любил в шапке и шубе, так как в шапке он казался моложе своих сорока лет. У него не было той живости в игре, какую отличались более сильные по темпераменту артисты-тенора, как, напр[имер], Фигнер и Клементьев, не хватало ему и собиновской изящности и интеллигентности исполнения, но зато какое колоссальное богатство голосовых средств он обнаруживал! Его звучный тенор густого тембра, с чисто баритональными низами, одинаково ровный и никогда не тремолирующий**, легко и плавно поднимался до самых высоких нот тенорового регистра и наполнял всю огромную залу театра, хотя капельмейстер Альтани вовсе не заботился о том, чтобы «приглушать» оркестр во время исполнения Преображенским его партии. В особенности хорошо

* О том, как любили Хохлова в Москве, свидетельствуют многочисленные подношения, сделанные ему в его бенефисы и сохраняющиеся в музее Большого театра. (Прим. Н.П.Розанова.)

** От ит. *tremolo* – дрожащий.

исполняемы были Н.А-чем партии Рауля в оп[ере] «Гугеноты», пророка в опере того же наименования, Лоэнгрина и партия губернатора в оп[ере] «Бал-маскарад». Когда в «Пророке» он пел знаменитую молитву пред сражением или проводил объяснение с матерью, весь зрительный зал приходил в какое-то необычайное восхищение, которое и выражалось в нескончаемых аплодисментах по адресу Преображенского. Целые сотни его почитателей всегда с нетерпением ожидали выхода чередных афиш и устремлялись густою толпою в кассу, как скоро узнавалось, что в афише в числе участвующих в какой-либо опере значится и Преображенский.

И все же такой могучий чарующий голос довольно скоро, лет чрез 7–8 после вступления Преображенского в состав труппы Б[ольшого] театра, значительно ослабел и сдал, хотя красота тембра в нем оставалась. Н.А-ч страдал нервами и лечился душами, когда вдруг голос начинал ему изменять, но это лечение не помогло ему, и он должен был покинуть сцену Б[ольшого] театра. После нескольких выступлений на частных сценах в оперетке «Аквариума» и в театре Корша, содержавшего постом итальянскую оперу, Преображенский уехал из Москвы куда-то в глушь и для добывания средств к жизни вынужден был преподавать пение чуть ли не в сельской школе, а потом занимался даванием уроков пения где-то близ Риги и там умер далеко еще не старым человеком.

Успех Преображенского среди москвичей был очень велик, но чуть ли не большим успехом в Москве пользовался другой выдавшийся в свое время тенор – Н.Н.Фигнер. По силе и красоте звука он, конечно, не мог равняться с Преображенским, но он пленял москвичей, и, главным образом, московских дам, художественностью исполнения и своим высоким чистым голосом, а также изяществом манер и своим красивым лицом и стройной фигурой. В особенности он был эффектен в партиях Дон Хозе (в оп[ере] «Кармен») и Ромео (в оп[ере] «Ромео и Джульетта»). Исполнял романсы, преимущественно Чайковского и Кюи, Фигнер бесподобно, и концерты с его участием почти всегда делали полный сбор. Я помню, как на концерте, бывшем в Дворянском собрании (ныне Дом Союзов), Фигнер так выразительно произнес последние слова из романса Кюи «Ты помнишь вечер...» (слова эти: «мы в блаженстве потонули»), что одна дама, сидевшая затаив дыхание

поблизости к эстраде, не могла сдерживать своих чувств и громким вздохом на весь зал заключила последнюю ноту, взятую Фигнером, что привело всю публику в смешливое настроение... Но, к сожалению, и Фигнер довольно рано утратил свой голос и должен был оставить императорскую сцену, хотя удостоен был звания «солиста его величества». Ему бы следовало совсем покончить с выступлениями в театрах и заняться преподаванием пения, но он упорно продолжал искать ангажемента хотя бы на частных сценах, используя остатки своего когда-то красивого голоса. Я слышал его в этот период упадка голоса в Народном доме в Петербурге и поразился тою переменою, какая совершилась с певцом в сравнительно недолгий срок: он постоянно срывался, кричал как зарезанный и выпускал часто какие-то дикие, хриплые звуки, так что слушать его было чистое мученье...

Из других выдающихся теноров я очень любил Клементьева, Дыгаса и Смирнова. Последние двое находятся в живых и всем москвичам более или менее известны, но Клементьев уже довольно [давно] умер, и потому я хочу сказать о нем несколько слов. Систематического музыкального образования он, кажется, не получал (он был ранее поступления на сцену офицером), и первые опыты его деятельности как певца ограничивались пределами опереточной сцены. Ему даже говорили, что он должен оставаться именно на этой сцене, а не идти в Большой театр, где, конечно, ему будет трудно сравняться с настоящими оперными артистами, но Клементьев, забравши в голову переход на казенную оперную сцену, отвечал на это: «Я забью императорских теноров темпераментом» (я сам присутствовал при этом разговоре). И, действительно, темперамента у Клементьева было столько, что хоть отбавляй! Его игра в партии Германа («Пиковая дама»), Нерона (в опере) «Нерон») была поразительна по темпераментности. Притом и голос у него был большой, хотя и не такой красивый, как у Дыгаса или Смирнова, так что участие его в операх много содействовало хорошим сборам.

И сколько еще хороших теноров приходилось мне слышать на сцене Б[ольшого] театра! Донской, Закржевский, Алчевский, Усатов, Кошиц и др[угие] некоторые прошли предо мною в самых разнообразных ролях и доставляли большое удовольствие своим исполнением, хотя я ни разу

не «исхарчился» на подношение им венков, как многие другие посетители, а главным образом посетительницы, Б[ольшого] театра. Среди баритонов я должен отвести почетное место певцам с необычайной силой голоса — Бакланову и Орлову (это бывший дьякон Одесского собора), а также итальянцу Пиньялоза, певшему в русских операх сначала по-итальянски, а потом запевшему и на русском языке. Первые двое особенно хорошо исполняли роль Демона в опере Рубинштейна, а последний роль Тонио в «Паяцах». Из басов мне нравились особенно Власов, часто заменявший Шалапина, Петров (и теперь продолжающий выступать в Б[ольшом] театре) и могучий бас-октава Запорожец, пожинающий в настоящее время лавры за границей. Хороши также были басы Бутенко (великолепный Мефистофель), Гр.Пирогов (Сен-Бри в «Гугенотах») и нек[отрые] другие.

Женский персонал в опере Б[ольшого] театра был в общем слабее мужского, и таких восторгов, какие вызывались исполнением выдающихся певцов, певицы вызывать не были в состоянии, хотя среди них, несомненно, были артистки с хорошими голосами и с умением исполнять самые трудные партии оперного репертуара. Среди колоратурных сопран выделялись Альма Фострем, Нежданова и особенно некая Александрович, единственная раз выступившая в Б[ольшом] театре в роли Королевы Наваррской (оп[ера] «Гугеноты») и прямо поразившая всю публику необычайной силой, чистотой и красотой своего голоса. Из других сопран большим успехом пользовались Фелия Литвин, особа с необыкновенно крупной фигурой, Медея Мей (прекрасная Валентина в «Гугенотах» и Кармен), Павловская (недавно справившая шестидесятилетие своей деятельности как певицы и профессора пения), Дейша-Сионицкая, Салина, Климентова и Клямжинская, а из меццо-сопран и контральто я особенно ценил Лавровскую (которую я слышал еще в Твери в 1881 г., когда у нее был голос во всей силе), Крутикову (великолепную Фидес в «Пророке») и Збруеву, имевшую настоящее мощное и красивое контральто, которым она пленяла всех в партии Ратмира (оп[ера] «Руслан») и в Кармен.

Как-то я пробовал посчитать, скольких певцов и певиц я слышал в Б[ольшом] театре, но, сосчитавши несколько десятков, бросил это занятие, потому что чувствовал, что

решительно не в силах припомнить фамилии всех, кого я слушал здесь. Труппа в Б[ольшом] театре была огромная, и некоторые артисты и артистки выступали так редко, что иногда их фамилии быстро исчезали из памяти, и трудно было сказать с решительностью, слышал ли я такого-то или такую-то. Поэтому, не останавливаясь далее на перечислении отдельных оперных артистов и артисток, я скажу кое-что о всех них вообще, что удалось мне узнать из «дел» архива Б[ольшого] театра, с какими я имел возможность ознакомиться лет десять тому назад, когда писал для доклада в «Старой Москве»³¹ свои воспоминания о Б[ольшом] театре.

Меня очень интересовал вопрос: где учились своему искусству оперные артисты Б[ольшого] театра? Прежде из разговоров с знакомыми артистов я имел некоторые сведения об этом, но довольно неполные и недостаточно определенные. Но теперь из архивных документов я увидел ясно, что главным рассадником певцов и певиц была Московская консерватория, давшая в течение пятидесятилетнего своего существования (с 1866 по 1915 г.) Большому театру пятьдесят артистов и артисток. Несколько артистов обучались в Московском филармоническом училище, иные в Петербургской консерватории, и несколько на частных курсах пения или у частных преподавателей пения, причем благодаря последним Москва получила таких великих артистов, как Шаляпин, Собинов и Хохлов. Были, наконец, певцы, которые первоначальное музыкальное образование получили в школе Московского синодального хора* или в Петербургской придворной певческой капелле, хотя закончили его уже у специальных профессоров пения.

Обратило на себя мое внимание и социальное происхождение артистов: было немало лиц дворянского сословия, как, напр[имер], Хохлов, Святловская, Бутенко, Клямжинская, Антарова и нек[оторые] др[угие], затем шли дети духовных лиц — Александрова (отец которой протоиерей Кочетов³² был священником за границей при одном из посольств), Лавровская (дочь сельского причетника Тверской губернии, вышедшая замуж за князя Цертелева), Нежданова (дочь священника одного из крупных юж-

* Таковы, напр[имер], известный бас Петров, тенор Лабинский, баритон Гончаров. (Прим. Н.П.Розанова.)

ных городов), Владиславлев (сын священника церкви Евлпа на Мясницкой), Трезвинский, Кошиц (оба, кажется, обучавшиеся в Воронежской дух[овной] семинарии), Орловы – тенор и баритон, Преображенский, Радонежский, Мигай (сын витебского или полоцкого протоиерея) и нек[оторые] др[угие]. Смирнов и певица Будкевич принадлежали по происхождению к мещанскому сословию, Шаляпин и Усатов – к крестьянскому. Были также среди певцов и дети чиновников (напр[имер], временно певший в Москве бас Карякин), и даже театральных служащих (баритон Фигуров сначала служил в Б[ольшом] театре капельдинером). Что касается первоначальной профессии артистов и артисток, то и в этом отношении между ними было большое различие: одни совсем пред поступлением на сцену Б[ольшого] театра нигде не служили и попадали сюда прямо со школьной скамьи, из консерватории. Другие же ранее занимались профессией, не имевшей ничего общего с пением. Так, напр[имер], Клементьев и Вельяшев (тенора) были офицерами, а Фигнер, кажется, служил во флоте, Нежданова была «классной дамой» в гимназии, Донской – каким-то ремесленником и т.д. Условия происхождения или, собственно, воззрения на театр родителей певцов и певиц немало мешали последним при избрании ими артистической карьеры: некоторые родители были против поступления их детей на сцену театра, как, напр[имер], отец Карякина, долго не соглашавшийся отпустить сына в консерваторию*.

Что касается национальности артистов и артисток Б[ольшого] театра, то в 60-х годах на сцене этого театра царило, можно сказать, засилье немцев и чехов, как это показывает, напр[имер], одна афиша конца 60-х годов о представлении оперы «Русалка»: участвующими в этом спектакле являются сплошь одни немцы, хотя некоторые из них носят русские фамилии. С 70-х годов началось и затем продолжалось преобладание в Б[ольшом] театре русской национальности, хотя наряду с русскими артистами выступали по-прежнему немцы, чехи, итальянцы (Финокки и Пиньялоза), поляки (Клямжинская,

* Митроп[олит] Филарет³³ грозился сослать отца артиста Владиславлева, московского священника, «в село» за то, что тот не воспрепятствовал сыну пойти на сцену, но почему-то угрозы своей не выполнил... (Прим. Н.П. Розанова.)

Павловская, Дыгас), шведки (напр[имер], Фострем), француз Шевалье (гастролер)*. Было также несколько человек евреев (напр[имер], сильный баритон Борисов и тенора Чаров, Аренс и др.) и евреек (напр[имер], Будкевич, Фриде).

Вопрос о зарплате для артистов Б[ольшого] театра в общем разрешался очень благополучно: они и жалованье хорошее получали, причем уплата им производилась без задержки, от которой нередко страдали артисты частных сцен, и кроме того получали бенефисы, дававшие выдающимся певцам большой плюс к получаемому ими окладу. В 60-х годах певцы и певицы имели нормальный оклад в 1143 р. в год с прибавкой по 10 р. за каждый пропетый ими спектакль. Но этот оклад был только минимальным, а премьеры и премьерши, как, напр[имер], Александрова, в 70-х годах получали до 4000 р. в год, и чем далее шло время, тем оклады их все больше и больше повышались, и в 90-х годах даже такой неважный тенор, как Орешкевич, получал 17 т[ысяч] р[ублей] в год³⁴, а Собинов и Шаляпин закончили свою службу в Б[ольшом] театре – один с окладом в 30 т[ысяч] р[ублей], а другой в 40 т[ысяч], причем имели всегда бенефисы**. Но при этом нельзя упускать из виду, что за всякое нарушение артистом условий контракта, напр[имер] за выступление на каком-нибудь концерте без разрешения дирекции театра, на артиста налагался довольно чувствительный штраф – от 1/50 до 3/50 годового оклада. Нельзя не упомянуть также еще об одной довольно неприятной статье контракта: согласно этой статье, дирекция оставляла за собой право расторгнуть контракт с артистом, если она найдет, что тембр его голоса изменился к худшему. По крайней мере, так ясно сказано в контрактах с некоторыми артистами, и одна артистка – меццо-сопрано А-ва подавала в дирекцию заявление с указанием на несправедливость такого условия. Она писала, что иногда, под влиянием временного недомогания и усилившейся нервности, голос артиста может на самом деле потерять

* Я был однажды на опере «Вильгельм Телль», в которой трое мужчин-исполнителей в одной сцене пели на трех разных языках: Шевалье – по-французски, Пиньялоза – по-итальянски, а Трезвинский – по-русски. Выходило настоящее «смешение языков»... (Прим. Н.П.Розанова.)

** В деле о Собинове хранится его просьба в дирекцию о том, что[бы] его оклад был сравнен с окладом Шаляпина. (Прим. Н.П.Розанова.)

в тембре, хотя и на короткое сравнительно время, а между тем, согласно контракту, он может вовсе быть уволен со службы.

Каково было отношение публики, посещавшей Б[ольшой] театр, к артистам и артисткам – об этом я могу сказать на основании своих личных наблюдений. В конце 60-х и в 70-х годах большинство образованного общества к русской опере вообще относилось холодно, предпочитая ей итальянскую, но в 80-х и следующих годах интерес к русской опере несомненно повысился, а итальянцы стали занимать сцену Б[ольшого] театра только Великим постом, когда спектакли на русском языке были воспрещены. В русскую оперу в эти годы, совпавшие с появлением выдающихся русских певцов и певиц, публика стала ездить с большой охотой, и нередко пред спектаклями на кассе висел аншлаг: «Все билеты проданы». Люди, принадлежавшие к среднему классу московского общества, смотрели на посещение театра как на величайшее для них удовольствие и, не находя билетов в кассе, даже покупали таковые за дорогую цену у барышников. Отношение простых интеллигентов к русской опере, по-моему, довольно ясно характеризуется следующим случаем. Однажды, когда я занял свое место в купонах 3-го яруса³⁵ Б[ольшого] театра, почти рядом с крайней ложей левой стороны, в этой ложе появилась компания человек в пять, разодетая по-свадебному, причем одна дама была даже в большой белой вуали, а сопровождавшие ее молодые люди – с цветочками в петлицах сюртуков. Из их разговоров до начатия увертюры я понял, что это были действительно молодожены, прибывшие в театр со своими шаферами прямо из-под венца. Очевидно, что вместо традиционного обеда они нашли лучшим ознаменовать такой выдающийся для них день посещением оперы, чтобы совместно насладиться пением любимых артистов. Такой случай, повторяю, ясно показывает, какое значение придавала московская интеллигентная публика опере Б[ольшого] театра.

Могу привести и другой случай такого же показательного характера. Однажды на опере «Жизнь за царя» с Шаляпиным со мною рядом в 3-м ярусе оказался какой-то довольно полный, чистенько одетый не то приказчик, не то артельщик. Когда в 3-м акте оперы Шаляпин-Сусанин запел свое «прощанье» с детьми своими («Сыграйте вашу свадьбу без меня, желаю вам в супружестве любиться...»),

мой сосед, по-видимому человек здоровый и неспособный к излишней чувствительности, начал как-то жалостно всхлипывать, и по щекам его потекли слезы. Шаляпина, по окончании этой сцены, долго вызывали, и мой сосед также не жалел своих ладоней, выбивая аплодисменты, и, как бы в извинение своей чувствительности, сказал, обращаясь ко мне: «Эффектно! Прямо возможности нет...»

Чтобы сократить антракты, которые чрезвычайно затягивались слишком продолжительными вызовами Шаляпина, дирекция воспретила певцам в антрактах выходить на вызовы более трех раз, но публика игнорировала это распоряжение, и бесконечные вызовы Шаляпина после каждого акта все продолжались, мешая оркестру начинать исполнение следующего акта. Помню, как однажды сидевшая рядом со мною какая-то девица так громко кричала в антракте «Шаляпин! Шаляпин!», топя при этом ногами и аплодируя, что я не выдержал и заметил ей, что нельзя так затягивать антракт вызовами Шаляпина и что это противно постановлению дирекции. Какой, однако, взрыв негодования вызвало мое скромное замечание! Девица с какой-то ненавистью во взоре бросила мне в ответ: «Какие тут к черту постановления, когда пред нами гений!» – и по-прежнему продолжала кричать и стучать ногами, не обращая внимания на то, что оркестр уже начал играть.

Овации любимым певцам принимали иногда вид какой-то демонстрации или протеста, когда какой-нибудь слишком развязный газетный рецензент позволял себе не с достаточным благоговением коснуться игры «обожаемого» артиста. В коридорах райка, где находились наиболее восторженные ценители артистов, поднимались еще до начала спектакля горячие дебаты по поводу статейки, помещенной в последнем номере газеты, напр[имер] «Новостей дня», в которых рецензенты не признавали вообще никаких идолов и кумиров на сцене и умели «пустить стрелу» в самое чувствительное место по адресу того или другого исполнителя. Даже незнакомые между собою посетители театра вступали в разговоры по такому «вопросу дня». Там и здесь слышалось: «А читали, как Амфитеатров³⁶ обругал NN?» – «Да, как же! Конечно, читал и нахожу, что такой отзыв величайшая мерзость». – «Нужно нынче побольше похлопать нашему дорогому NN – мы покажем, что публика не сочувствует таким мерзостным

выпадам печати». — «Нужно, конечно, нужно! Хорошо бы собрать денег на венки — да уж теперь запоздано с этим делом. Ну, к следующему спектаклю это сделаем!» Помню, как однажды публика райка сделала в высшей степени сочувственную овацию Шаляпину, когда рецензент одной газеты написал о нем, что он, «собственно, не поет, а разговаривает». Какая буря поднялась в театре при первом выходе Шаляпина в этот вечер! Махали платками, стучали ногами, хлопали так, что в ушах прямо трещало, и долго-долго оркестр и певец не могли начать то, что им следовало исполнять. Подобную же демонстрацию посетители райка устроили однажды по адресу хорошего тенора Донского, о котором Амфитеатров в своей рецензии об исполнении им партии Леопольда в опере «Жидовка» сказал, что он был все время не принцем, а русским псаломщиком, скрывающимся под черным плащом в Испании... И потом участники таких оваций долго еще в дружеской компании где-либо в ресторане или пивной обсуждали, как хорошо удалась демонстрация и как они «показали» газетным писакам настоящее отношение публики к любимому артисту. При этом, конечно, поднимались разговоры и о том, кто лучше из артистов — итальянцы или русские, и вспоминались старые итальянские певцы: Ноден, Марио, Рубини, Джамет и др., причем некоторые стояли на стороне итальянцев, другие восхваляли своих, русских, певцов, которые-де не уступают итальянским. Были среди поклонников итальянцев, однако, и такие, которые, после выступлений какого-либо нового русского замечательного певца, становились на сторону приверженцев русских артистов, сознавая, что они ничего подобного исполнению той или другой арии русским певцом никогда и не слышали. Помню, когда Н.А.Преображенский выступил однажды в Сокольниках на симфоническом концерте с арией из «Фра-Диаволо» («Красавица Агнеса за темной занавесой»), то бывший со мною там итальяноман Левино положительно пришел в экстаз от голоса певца и, хлопая ему изо всех сил, все твердил: «Да, батюшка мой, — вот это исполнение! Я слышал эту арию в исполнении прославленного итальянского певца Нодена и думал, что лучше эту арию невозможно исполнить, а теперь всем скажу: “Ну что Ноден! Куда ему до Преображенского!”».

Но если постоянные посетители Большого театра так восторженно относились к любимым и особо ценным

ими артистам, то, с другой стороны, они же слишком строго критиковали исполнителей, уже утративших прежний красивый тембр голоса, старавшихся восполнить слабое впечатление, производимое их исполнением, какими-либо утрированными приемами драматической игры и принимавших кое-какие меры для подогревания к себе сочувствия в публике. Когда какому-нибудь уже потерявшему голос артисту делались попытки его личными друзьями поднести венок по какому-либо случаю, масса посетителей райка встречала начинавшиеся по его адресу робкие вызовы, заглушала громкими выражениями протеста, свистом, так что иногда уже принесенный в оркестр для поднесения артисту венок положительно оказывалось невозможным поднести все-таки выходявшему на сцену певцу, и венок так и оставался в оркестре. Подобный случай, как мне хорошо известно, был, напр[имер], с баритоном Корсовым, который в мое время уже совсем утратил голос и дослуживал только до пенсии...

В других театрах и в концертах

В Малом театре я бывал гораздо реже, чем в Большом, но все же видел там все, особенно заслуживавшее внимание как из отечественного репертуара, так и из иностранных пьес, преимущественно посещая этот театр в те дни, когда шли пьесы Шекспира и Островского. Из старых артистов Малого театра я видал Шумского, замечательно хорошо владевшего своим не особенно громким голосом, который даже в тех случаях, когда ему приходилось говорить чуть не шепотом, отлично слышен был даже в последних рядах галереи. Затем помню пресмешные фигуры старухи Акимовой и комика Живокини, которые одним своим появлением на сцене приводили всю публику в веселое настроение, старого Прова Садовского и сына его Михаила, замечательно игравшего в «Лесе» Островского роль Аркашки и племянника Мурзавецкой в «Волках и овцах», Самарина, Ленского, Горева, Южина – все это артисты незаменяемые, доставлявшие высокое художественное наслаждение, в каких бы ролях они ни выступали. Из артисток на меня наибольшее впечатление производила Федотова в пьесах Шекспира и Островского, а также артистки Медведева, Никулина и Садовская. Что касается знаменитой Ермоловой, то я не был в числе ее поклонников,

так как мне она представлялась недостаточно женственной и даже несколько грубоватой в некоторых ролях, чего, напр[имер], уже никак нельзя было сказать о Лешковской, которая пленяла всех именно необыкновенной мягкостью и женственностью. Видал я, конечно, и более молодых артистов, которые в настоящее время тоже уже приблизились к старости, но все это были уже, так сказать, *dii minores** по сравнению с теми колоссами сцены, каких я упоминал выше.

Замечу, что когда мне пришлось сделать сравнение между труппой Малого театра и труппой петербургского Александринского театра, которая приезжала на гастроли в Малый театр, то для меня с еще большею убедительностью выявилась мощь артистических сил московского Малого театра пред силами Александринки.

Чаще всего я бывал в Драматическом театре Корша начиная с самого его открытия: туда я, по знакомству, имел возможность попадать большею частью бесплатно на вторые, послепраздничные, представления новых пьес, впервые шедших обыкновенно по пятницам. На эти повторные спектакли собиралась «своя» публика, прикосновенная к театру и журналистике, так что в антрактах приходилось встречаться и беседовать с людьми знакомыми, главным образом, о новой пьесе и ее исполнении. Разговоры иногда завязывались очень «жаркие», и возникали пререкания, переносившиеся потом на страницы некоторых газет. А поговорить было о чем, потому что и пьесы, по большей части, у Корша давались интересные, и актеры были один другого лучше. Корш ставил так же, как и Малый театр, и Шекспира, и Шиллера, и Островского, и многое множество других авторов как современных иностранных, так и русских. Притом что ни пятница, так у Корша шла новая пьеса, так что репертуар его театра превышал числом пьес больше чем втрое репертуар Малого театра. Кроме того у Корша по праздникам давались и утренние спектакли, привлекавшие преимущественно учащуюся молодежь, чего в прежние времена в Малом театре не было. И каких только замечательностей не перевидал я у Корша на сцене! Помню замечательного *jeune premier*'а Рощина-Инсарова, пленявшего москвичей необыкновенною темпераментностью

* Младшие боги (лат.).

игры, Давыдова во всем расцвете его таланта, Свободина, Яковлева, Киселевского, Градова-Соколова, человека маленького роста, но большого комического таланта, Светлова, также отличного комического актера, а из артисток – великолепную инженерю и потом комическую старуху Мартынову, изящную Рыбчинскую и Потоцкую, веселую Кошеву, великолепную *grande-coquette* Гламу-Мещерскую и многое множество других актеров и актрис, из которых значительное число потом ушло на казенную сцену... Великим постом иногда у Корша играла итальянская оперная труппа, и тогда я слушал здесь Мазини, который, однако, в мое время уже утратил прежнюю чарующую прелесть голоса, так что у него были не только поклонники, но и недоброжелатели, которые иногда своим шипеньем заглушали аплодисменты, раздававшиеся по адресу великого артиста.

Часто также я посещал «Эрмитаж» Щукина, в Каретном ряду, где иногда целый сезон шли сногшибательные фарсы под антрепризой Сабурова, а иногда театр представлялся таким великим артистам, как Росси и Сальвини (младший – старшего я не видал). Игнали также на сцене «Эрмитажа» русские частные оперные труппы – Мамонтова, Церетелева, Южина, а потом и опереточные, причем в оперетках принимали участие самые выдающиеся французские опереточные певицы. Публики, однако, на всех этих щукинских спектаклях бывало немного, и я помню, что мне приходилось сидеть в театре в обществе всего десятков двух-трех зрителей. Щукин, впрочем, «выручался» на летнем сезоне, когда в саду у него бывали тысячи народа, а в Зеркальном театре пел Шаляпин и другие знаменитости. Шла также у Щукина иногда и итальянская опера, и я помню, как во время представления оперы «Риголетто» на сцене внезапно скончался знаменитый итальянский баритон Девойод, который давно уже страдал пороком сердца... Публика, и я в том числе, потребовали прекращения спектакля, и наше требование дирекцией было исполнено...

Итальянских певцов мне приходилось слышать и в других театрах (об итальянских спектаклях в Большом театре я уже упоминал выше), напр[имер] в театре Парадиза (ныне Историко-революционный на Б[ольшой] Никитской), в театре Незлобина (ныне 2-й МХАТ), в Солодовниковском (ныне филиал Большого театра) и, наконец, в

театре Мамонтова в доме Лианозова в Газетном переулке³⁷ (где ныне помещается 1-й МХАТ им. Горького)³⁸. Самым сильным голосом (тенор) обладал, по моему мнению, Таманьо, исполнявший в Москве, кажется, только две роли – Радамеса в «Аиде» и Отелло в опере того же названия. Это был высокого роста крепко сложенный мужчина, голос которого положительно покрывал весь оркестр, как бы последний ни был силен. Помню также тенора Сильву, певшего в Б[ольшом] театре партию Нерона в опере того же наименования и пленявшего москвичей своей изящной фразировкой и игрой, а также баритонов Котоньи, Броджи, басов Уэтама, Тонцани и др. Из женского персонала итальянской оперы мне особенно нравились Арнольдсон, Лукка: последняя в одном концерте так спела «Лесного царя», как после нее никто уже не пел.

Концерты в 70–90-х годах имели в Москве большой успех, в особенности те, которые устраивались Музыкальным обществом, затем возникшим позже его Филармоническим обществом³⁹. Тут я видал лучших дирижеров того времени, приехавших из-за границы – Никиша и Эрдмансдёрфера, которым наши русские значительно уступали в умении вести за собою оркестр. Кроме выдающихся певцов слышал я в означенных концертах и лучших музыкантов того времени – Антона Рубинштейна, поражавшего мощью исполнения, хотя он в то время уже значительно одряхлел, мальчика Гофмана, пленявшего своим чудным туше⁴⁰, скрипачей Смита, Ауэра и Гржимали, виолончелиста Давыдова и многих других выдающихся музыкантов. Из композиторов кроме упомянутого Антона Рубинштейна мне пришлось видеть П.И. Чайковского, когда он однажды в театре Незлобина дирижировал своей оперой «Евгений Онегин» и другой раз в Б[ольшом] театре своей симфонией «Ромео и Джульетта». В том и другом случае мне показалось, что наш великий композитор чувствовал себя как-то не на месте за дирижерским пультом и очень был рад, когда ему, наконец, [удалось] благополучно закончить свою работу с оркестром. Однажды в том же Незлобинском театре на представлении какой-то оперы мне пришлось сидеть в кресле возле ложи, в которой сидел со своими знакомыми Чайковский, и слышать его разговор. Он говорил о молодых композиторах, между прочим, что они не умеют «сводить концы с концами»: начинают они часто очень хорошо,

правильно, но затем не умеют развить взятую тему как следует, так что выходит что-то незаконченное. Сообщал он также, что к нему часто присылают певцов из народа, чтобы он оценил их способности к учению, и что недавно, напр[имер], к нему явились два извозчика, оба с прекрасными голосами, но с полным отсутствием музыкального слуха, так что он устранился от рекомендации их учителям пения. Голос у Чайковского был легкий баритон, очень приятный, говорил складно и остроумно. Другого нашего великого композитора, Н.А.Римского-Корсакова, я видел в Солодовниковском театре, когда он выходил на вызовы после исполнения первого акта его оперы «Садко». Здесь же видал я неоднократно и известного антрепренера оперной труппы С.И.Мамонтова, мужчину лет пятидесяти с лишком, довольно плотного и с большой лысиной, и другого антрепренера, преемника Мамонтова по Солодовниковскому театру, С.И.Зимины, поражавшего своей массивной фигурой. Оба эти купца были люди с исключительной и беззаветной любовью к оперному искусству, которые не жалели никаких средств для того, чтобы поставить оперу на возможную высоту. Поэтому-то Москва ценила их и поддерживала их предприятия, хотя это не помешало Мамонтову «прогореть». Замечу, что оба эти антрепренера умели находить выдающихся певцов для своих трупп. Так, Мамонтов дал возможность Москве получить Шаляпина, долгое время певшего в его опере, Забелу, Петрову-Званцеву, а Зимин нашел могучего драматического тенора Дамаева, несколько лет поражавшего москвичей своим артистическим исполнением таких ролей, как Радамес, Левко, Паяц.

Из оперных антрепренеров-некапиталистов я знавал известного в свое время артиста-баритона Прянишникова, который и сам иногда выступал как исполнитель на сцене театра Незлобина, маленького Южина, сладкогласного тенора, державшего один или [два] сезона оперу в театре «Эрмитаж», а из опереточных – знаменитого М.В.Лентовского, организовавшего в старом «Эрмитаже», на Божедомке, и оперетку, и драму, которые привлекали всю Москву, Блюменталь-Тамарина, державшего оперетку в театре Незлобина и в «Аквариуме», и, наконец, Потопчину, игравшую с своей опереточной труппой, от которой в настоящее время в Москве осталась, кажется, только одна Бах, в театре Парадиза (на Никитской). Всего шире дело

оперетки было поставлено у Лентовского в старом «Эрмитаже»: я слышал у него самых лучших опереточных певцов – А. Давыдова, Родона, Тартакова, Чернова, Зорину, Бельскую (которая умерла только недавно – в 1933 г., достигнув почти восьмидесятилетнего возраста), Волинскую и немало других известных в то время артистов и артисток. В саду при театре Лентовский устраивал великолепные гулянья с фейерверками на большом, потом уже засыпанном пруду, с прекрасным концертным оркестром и с лучшим в то время русским хором Ивановой. Все эти гулянья и две труппы – опереточная и драматическая – стоили, конечно, огромных денег, но Лентовский получал большой доход от сдачи буфета в саду и долгое время сводил концы с концами при помощи некоторых щедрых приятелей, дававших ему деньги взаймы. Только уже в 90-х годах Лентовскому оказалось не по силам бороться с страшно возросшими расходами по антрепризе, и под влиянием тоски, явившейся следствием предъявления к нему исков по многочисленным векселям, начал жестоко пить. Я видал неоднократно, как его вез из «Московской гостиницы» его alter ego*, Кондратьев, поддерживая грузное туловище своего хозяина, чтобы он не свалился с пролетки. Так сошел быстро «на нет» этот великий московский «маг и волшебник», как именовали его в Москве за его необычайно роскошные постановки разных феерий на разных сценах Москвы и, главное, в основанном им театре, перешедшем потом к Незлобину.

В оперетке Потопчиной не имелось хороших вокальных сил, но зато царствовало необыкновенное веселье. Сама директорша и ее сотрудница актриса Бах не только пели, но в то же время и танцевали, что являлось прямо экстраординарным явлением в оперетке, где обыкновенно примадонны были женщины очень корпулентные и неспособные оживлять свое исполнение хореографическими кунштюками. О Потопчиной даже говорили так: «Ну эта, пожалуй, и не допоеет (т.е. не возьмет предельной высокой ноты), зато дотанцует». Помню, что Потопчина ввела в исполнение оперетки новый прием: в наиболее мелодических ариях она сходила со сцены в партер и подсаживалась то к тому, то к другому зрителю на свободное кресло, повторяя при этом красивый рефрен своей

* Второе я (лат.).

арии прямо на ухо своего соседа, которому от этой близости поющей и улыбающейся ему артистки становилось как-то неловко, так как вся соседняя публика обращала внимание на это неожиданное для него tête-à-tête*. И других артистов Потопчина иногда сводила за собою со сцены в партер, внося этим веселое настроение в публику, которая могла близко видеть каждого артиста и артистку: сцена таким образом расширялась до крайних пределов зрительного зала.

Хорошо была поставлена оперетка и у Блюменталь-Тамарина, который и сам выступал в комических ролях с огромным успехом, и умел найти очень хороших артистов на чисто вокальные партии. Особенно же Блюменталь обращал внимание на роскошь постановки, превосходя в этом отношении иногда даже великого мага и волшебника оперетки М.В.Лентовского. Я помню, как однажды на первом представлении «Продавца птиц» антракт между вторым и первым действием затянулся у Блюменталья на час с четвертью и как публика, выражавшая в течение этого антракта свое неудовольствие на эту затяжку, поразилась открывшейся пред нею с поднятием занавеса картиной великолепного зала в шахте и долго-долго вызывала Блюменталья, награждая его громкими аплодисментами за изобретательность и искусство...

Из певцов и певиц, певших в разных опереточных предприятиях незадолго перед последней войной, я должен отметить некоторых, наиболее привлекавших симпатии слушателей. Это были: польская певица Кавецкая, особа очень полная, но с прекрасным голосом, которая не только умела хорошо петь, но также и свистать разные арии, почему после исполнения ею какой-либо арии ее соплеменники по преимуществу кричали ей: «Свистаць, свистаць!» (т.е. посвисти!), и она охотно исполняла такое требование, тенор Ксендзовский и баритон Вавич, имевшие оба удивительной красоты голоса и прекрасно исполнявшие свои роли, Бетти Стоян, певшая в приезжавшей в Москву немецкой оперетке и особенно прославившаяся исполнением роли Мимозы в оперетке «Гейша», известная Вяльцева и некоторые другие исполнители, подобных которым после мы уже не слышали... Замечу, что большинство интеллигентной публики, посещавшей оперетку,

* Свидание (фр.).

интересовалось именно и в оперетке прежде всего голосами исполнителей, а не теми клоунадами, какие позволяли себе опереточные артисты, или уже потерявшие свои голоса, или и ранее их не имевшие, и которые хотели «выехать» именно на различных, иногда не совсем пристойных, чисто скоморошеских выходках.

Из области экстравагантного в музыкальной жизни Москвы я должен упомянуть о некоторых явлениях, мне особенно памятных. Помню, напр[имер], большой концерт в Манеже, когда некоторые пьесы исполнялись сразу на 36 роялях, что производило оглушающий, в полном смысле этого слова, эффект, затем репетицию экстраординарного духовного концерта в актовом зале Московской семинарии, причем собраны все певческие хоры Москвы в составе 1000 человек, наконец, также необычайные концерты в пользу инвалидов, когда в Большом театре соединялись все военные оркестры Московского гарнизона... Оригинальны были также концерты старообрядческого хора, где пение шло «в унисон», со всеми древними нюансами, по крюкам, что, однако, не удовлетворяло нашего музыкального слуха, приученного к «партесному» пению. Концерты известного Агренева-Славянского с его хором, облаченным в древнерусские одеяния, нравились нам гораздо более...

Из необычайных драматических представлений меня особенно поразил спектакль, устроенный каким-то кружком в Сокольничьей роще, прямо на открытом воздухе, причем действие происходило на лесной полянке. Поставлен был «Потонувший колокол» Ибсена. Артисты, одетые соответственно ролям, прыгали и резвились прямо на траве, а не на подмостках (которых и не было), и мы смотрели на них, так сказать, вплотную, потому что сидели на скамьях очень близко к тому месту, где разыгрывалась пьеса. Рампы тоже никакой не было, а висели на деревьях только три большие электрические лампы, которые своим светом создавали какое[-то] необычайное волшебное зрелище. Народу, впрочем, на этот спектакль собралось очень мало, и он успеха не имел... Более успеха имело драматическое представление «История о трех отроках, брошенных в пещь Вавилонскую». Поставлен был этот спектакль в зале Епархиального дома, и участвовал в нем, помнится, хороший хор певчих, исполнявших все песнопения «действия» по старинным распевам.

Имели большой успех в Москве и так называемые «сказители» древних былин. Я слышал в семинарии известно в то время певца-олончанина Рябинина, исполнявшего былины о древнерусских богатырях, и еще какую-то древнюю старушку, которая, нимало не смущаясь, пела также старинные сказания, дошедшие до нее от ее отца и деда.

Я ничего не сказал о Художественном театре, но не потому чтобы не ценил его как должно, а в силу того, что почти все его артисты, каких видал в свое время я, продолжали свою работу там до самого последнего времени, а некоторые продолжают ее и теперь, так что мои воспоминания о них едва ли привнесут что-либо новое. Скажу только, что мне лично более нравились первые пьесы в этом театре пьесы Ибсена и Островского, которые пленяли уже одною новизною постановки, помимо довольно хорошего исполнения этих пьес некоторыми артистами. Из всех ролей, сыгранных Качаловым, наибольшее впечатление произвела на меня его роль в пьесе «Бранд», а у Москвина была наиболее удачной, по моему мнению, роль царя Феодора в пьесе А.К.Толстого и потом Луки в пьесе «На дне». Из других артистов Художественного театра я могу назвать разве только двух-трех человек, от игры которых у меня остались сильные впечатления, напр[имер] Станиславского, Кузнецова, Леонидова, а в общем состав артистический Художественного театра в мое время был не сильный, артистки же не возвышались над уровнем посредственности, так что успех Художественного театра всецело, можно сказать, основывался на художественности и оригинальности постановок пьес, а равно и на новостях тем последних, которые заинтриговали зрителей поставленными в них вопросами.

Совершенно особенное положение занимали так называемые народные театры, главным образом содержавшиеся Московским попечительством о народной трезвости. Это были действительно театры, предназначенные для народа, т.е. для рабочих заводских и фабричных и для служащих в разных торговых заведениях Москвы, «чистая» же публика, люди образованные и богатые сторонились этих театров и в большинстве случаев даже не знали об их существовании. Я бывал в трех из этих театров – Грузинском, Алексеевском и Сергиевском, во Введенском же, находившемся на самой окраине Москвы, мне не пришлось побывать ни разу. Хорошо было поставлено дело в Алексе-

евском (летнем) и Сергиевском (зимнем) театрах. Здесь имелась очень приличная оперная труппа и вполне достаточный оркестр, которым в последние годы пред революцией управлял проф[ессор] Сараджев. Певцы и певицы были все молодые, но очень музыкальные, так что от их исполнения получалось очень приятное впечатление. Я помню, что на сцене Алексеевского народного дома начали свою карьеру поющие в настоящее время в Большом театре певицы Держинская, Матова, певец Любченко и нек[оторые] другие, — все это были певцы с свежими сильными голосами, в настоящее время уже значительно потускневшими. Были среди артистов этого театра певцы, прямо поражавшие красотой своего голоса, как, напр[имер], рано умершие баритоны Смирнов и Кравченко; о последнем я сам слышал отзыв такого компетентного лица, как покойная певица Климентова (Муромцева), что это «второй Хохлов», — похвала, выше которой едва ли что могло быть высказано по адресу артиста-баритона. Изредка, кажется раза два летом, в Алексеевском театре выступал даже Ф.И.Шаляпин. В послепраздничные дни, когда оперная труппа отдыхала, театр сдавался под драматические спектакли, но публики на этих спектаклях бывало немного, потому что здесь состав драматических артистов был случайный, или, как говорится, с борку да с сосенки. Только в зимнем, Сергиевском, театре играла довольно приличная труппа Мелитинской, приглашавшей обыкновенно для исполнения главных ролей артистов Малого театра. Наблюдая за отношением публики народного дома к ставившимся пьесам, я поражался удивительной некультурностью этой публики, которая позволяла себе нередко нарушать ход спектакля довольно громкими разговорами и замечаниями по адресу действующих лиц. Так, помню, как сидевший около меня какой-то субъект крикнул по адресу Катерины (шла «Гроза» Островского): «Ну и сволочь! Бить таких надо...» Иногда в самых драматических сценах, которые в понимающем пьесу зрителе не могли возбудить ничего, кроме симпатии к страдающим персонажам, на скамьях зрителей поднимался смех, хотя исполнялись пьесы так, что не было повода к такому реагированию со стороны зрителей... Мешали также слушать пьесу и ходившие около театра парочки, громко беседовавшие между собой, вследствие чего Алексеевский театр, имевший сначала для зрительного зала только кры-

шу, без боковых стен, пришлось заделать с боков фанерой, что и не давало уже возможности проникать внешнему шуму в залу театра. В антрактах между действиями на особой площадке устраивались танцы под духовой оркестр, и эти танцы привлекали массу публики, даже больше, чем шедшие в театре пьесы.

Словарь имен театральных деятелей, артистов, композиторов, музыкантов, упоминаемых в воспоминаниях Н.П.Розанова.

Агрнев-Славянский Дмитрий Александрович (1836–1908) – камерный певец (тенор), дирижер, собиратель народных песен; в 1868 основал «Славянскую капеллу», выступавшую в стилизованных русских боярских костюмах.

Акимова Софья Павловна (1824–1889) – актриса; с 1846 в Малом театре.

Александрова-Кочетова (урожд. Соколова; по мужу – Кочетова; сцен. псевд. Александрова) Александра Дормидонтовна (1833–1902) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог; 1865–1877 солистка Большого театра.

Александрович Мария Витольдовна – артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано); в 1895–1896 солистка Большого театра.

Алчевский Иван Алексеевич (1876–1917) – артист оперы (лирико-драматический тенор); в 1910–1912 и в 1915–1917 – солист Большого и Мариинского театров.

Альтани Ипполит Карлович (1846–1919) – дирижер, хормейстер; в 1882–1906 – главный дирижер Большого театра.

Антарова Конкордия Евгеньевна (1886–1959) – артистка оперы (контральто), в 1908–1930 и 1932–1936 солистка Большого театра.

Аренс – см. Аренци Л.К.

Аренци (сцен. псевд., а также Чаров и Аренс; наст. фам. Аренсон) Людвиг Карлович (1864–?) – артист оперы (тенор); в 1890–1891 солист Большого театра (пел под фам. Чаров).

Арнольдсон Сигрид (1861–1943) – шведская певица (лирико-колоратурное сопрано); в 1886 гастролировала в Москве.

Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) – скрипач, педагог, дирижер; родился в Венгрии; в 1868–1917 жил в России.

Бакланов Георгий Андреевич (наст. фам., имя и отчество Баккис Альфонс-Георг Андреасович; 1880–1938) – артист оперы (баритон); в 1905–1909 и 1912 солист Большого театра.

Бах Татьяна Яковлевна (1895–1983) – артистка оперетты; в 1915–1920 в театре Е.В.Потопчиной.

Бельская Серафима Александровна (1846–1933) – артистка оперетты; с 1876 выступала в Москве в театрах М.В.Лентовского, А.Э.Блюменталь-Тамарина и др.

Бломенталь-Тамарин Александр Эдуардович (1859–1911) – актер и режиссер; был одним из первых русских опереточных режиссеров. С 1883 работал в Малом театре, оперетте М.В.Лентовского, в 1908–1911 возглавлял театр Буфф.

Борисов Павел Борисович (1851–1904) – артист оперы (баритон), педагог; в 1882–1893 и 1898–1899 солист Большого театра.

Броджи Август (ум. 1917) – итальянский певец (баритон).

Будкевич Мария Яковлевна (1869–1943) – артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано); в 1897–1898 солистка Большого театра.

Бутенко Иван Филиппович (1854–1891) – артист оперы (бас-профундо); в 1885–1891 солист Большого театра.

Вавич Михаил Иванович (1882–1930) – артист оперетты театра «Эрмитаж», Никитского театра.

Вельяшев Николай Георгиевич (ум. 1924) – артист оперы (тенор), оперетты и педагог; в 1891–1896 солист Большого театра.

Верстовский Алексей Николаевич (1799–1862) – композитор, театральный деятель. В 1825–1860 служил в Московских Императорских театрах. К лучшим русским операм доглинкинского периода принадлежит его «Аскольдова могила».

Владиславлев Михаил Петрович (1825–1909) – артист оперы (баритон, затем драматический тенор) и драмы; в 1848–1881 солист Большого театра.

Власов Степан Григорьевич (1854–1919) – артист оперы (бас-кантанта), педагог; в 1887–1907 солист Большого театра.

Воынская В. (ум. 1913) – артистка оперетты театра М.В.Лентовского.

Вяльцева Анастасия Дмитриевна (1871–1913) – артистка оперетты, оперы (меццо-сопрано) и эстрады.

Глама-Мещерская Александра Яковлевна (1859–1942) – актриса, педагог; в 1880-х в Театре Корша.

Гончаров Иван Константинович (1866–1910) – артист оперы (баритон); в 1898–1908 солист Большого театра.

Горев Федор Петрович (1850–1910) – актер; в 1882–1900 и 1905–1910 в Малом театре.

Гофман Иосиф (1876–1957) – польский пианист, педагог, композитор; с 1895 неоднократно гастролировал в России.

Градов-Соколов Леонид Иванович (1845–1890) – актер; в 1884, 1886 в Театре Корша.

Гржимали Иван Войцехович (1844–1915) – скрипач, педагог, дирижер; по национальности чех; с 1869 жил в Москве.

Давыдов Александр Давыдович (1850–1911) – артист оперы (тенор), оперетты и эстрады.

Давыдов Владимир Николаевич (1849–1925) – актер; в 1886–1888 в Театре Корша.

Давыдов Карл Юльевич (1838–1889) – виолончелист, композитор, дирижер, педагог.

Дамаев Василий Петрович (1878–1932) – артист оперы (лирико-драматический тенор); в 1906–1920 в труппе Оперы С.Зимины.

Девойод Жюль (1841–1901) – французский артист оперы (бас-баритон); с 1875 многократно гастролировал в России.

Дейша-Сионицкая Мария Адриановна (1859–1932) – артистка оперы (драматическое сопрано), педагог, музыкально-общественный деятель; в 1891–1907 солистка Большого театра.

Демидов Степан Васильевич (1822–1876) – артист оперы (бас-профундо); в 1863–1875 солист Большого театра.

Держинская Ксения Георгиевна (1889–1951) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог, музыкально-общественный деятель; в 1913–1914 пела в Сергиевском Народном доме; в 1914–1948 солистка Большого театра.

Джамет – итальянский певец.

Додонов Александр Михайлович (1837–1914) – артист оперы (лирико-драматический тенор), педагог; в 1869–1891 солист Большого театра.

Донской Лаврентий Дмитриевич (1857–1917) – артист оперы (лирико-драматический тенор), антрепренер, педагог; в 1883–1904 солист Большого театра.

Дыгас Игнацы (1881–1947) – артист оперы (драматический тенор); в 1913–1914 солист петербургского Народного дома, в 1914–1916 – московской Оперы С.Зимины, в 1916–1917 – Большого театра.

Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – актриса; с 1871 в Малом театре.

Евреишкин Василий Игнатьевич (1805–1874) – актер; с 1825 в Малом театре.

Забела-Врубель Надежда Ивановна (1868–1913) – артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано), педагог; в 1897–1904 в Частной русской опере С.Мамонтова.

Закржевский Юлиан Федорович (1852–1915) – артист оперы (драматический тенор), педагог; в 1882–1884 певец Большого театра.

Запорожец Капитон Денисович (1880–1937) – артист оперы (бас-профундо); в 1911–1914 солист Большого театра. В 1920–1930-х пел в составе Русской частной оперы в Париже, гастролировал по Европе.

Збруева Евгения Ивановна (1868–1936) – артистка оперы (контральто), педагог, музыкально-общественный деятель; в 1894–1904 солистка Большого театра.

Зимин Сергей Иванович (1876–1942) – меценат, антрепренер, театральный деятель.

Зорина Вера Васильевна (1853–1903) – артистка оперетты.

Иванова – создательница народного хора.

Кавецкая Виктория Викторовна – польская артистка оперетты.

Карякин (Корякин) Михаил Михайлович (1850–1897) – артист оперы (бас-профундо); в 1878 принят в труппу Большого театра, спустя месяц переведен в Мариинский театр.

Качалов Василий Иванович (1875–1948) – актер; с 1900 в Московском Художественном театре.

Киселевский Иван Платонович (1839–1898) – актер; в 1882–1888 и 1891–1894 в Театре Корша.

Клементьев Лев Михайлович (1868–1910) – артист оперы (лирико-драматический тенор) и оперетты; в 1892–1902 солист Большого театра.

Климентова Мария Николаевна (1857–1946) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог; в 1880–1889 солистка Большого театра.

Клямжинская Александра Сильвестровна (1859–1946) – артистка оперы (колоратурное сопрано); в 1887–1889 солистка Большого театра.

Корсов Богомир Богомирович (1843–1920) – артист оперы (драматический баритон), педагог; в 1878–1903 был одновременно солистом Императорских театров в Петербурге и Москве, затем до 1905 пел только в Большом театре.

Корш Федор Адамович (1852–1923) – антрепренер, театральный деятель.

Котоньи Антонио (1831–1918) – итальянский певец (баритон); в 1872–1894 пел в Итальянской опере в Петербурге; в 1894–1898 преподавал в Петербургской консерватории.

Кошева Бронислава Эдуардовна – актриса Театра Корша.

Кошиц Павел Алексеевич (1863–1904) – артист оперы (лирико-драматический тенор), педагог; в 1893–1903 солист Большого театра.

Кравченко – артист оперы (баритон); пел в Алексеевском Народном доме.

Крутикова Александра Павловна (1851–1919) – артистка оперы (контральто, меццо-сопрано); в 1880–1891 солистка Большого театра.

Ксендзовский Михаил Давыдович (1886–1963) – артист оперетты.

Кузнецов Степан Леонидович (1879–1932) – актер; в 1908–1910 в Московском Художественном театре, с 1925 в Малом театре.

Лабинский Андрей Маркович (1871–1941) – артист оперы (тенор), педагог; в 1912–1924 солист Большого театра.

Лавровская Елизавета Андреевна (1845–1919) – артистка оперы (контральто), педагог; в 1890–1891 солистка Большого театра.

Ленский Александр Павлович (1847–1908) – актер и режиссер, педагог; с 1876 в Малом театре.

Лентовский Михаил Валентинович (1843–1906) – антрепренер, актер, театральный деятель. Особенно значительны его заслуги в развитии русской оперетты. К 1894 Лентовский разорился. В 1898–1901 работал режиссером в Московской частной опере С.Мамонтова.

Леонидов Леонид Миронович (1873–1941) – актер, педагог; с 1903 в Московском Художественном театре.

Лешковская Елена Константиновна (1864–1925) – актриса, педагог; с 1885 в Малом театре.

Литвин Фелия Васильевна (1861–1936) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог; с 1883 пела во многих театрах мира, в 1890, 1891, 1902 выступала на сцене Большого театра.

Лукка Паолина (1841–1908) – австрийская певица (драматическое сопрано), по национальности итальянка; в 1868–1869 и 1877 гастролировала в России.

Любченко Владимир Федорович (1886–1955) – артист оперы (лирико-драматический баритон), педагог; в 1915–1919 пел в Алексеевском Народном доме; в 1929–1946 солист Большого Театра.

Мазини Анджело (1844–1926) – итальянский певец (лирико-драматический тенор); в 1877–1903 неоднократно гастролировал в России.

Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – театральный деятель, меценат. В 1885 основал Московскую частную русскую оперу. Шаляпин пел в Московской частной русской опере в 1896–1899, на ее сцене он исполнил большинство партий своего репертуара.

Марио Джованни (1810–1883) – итальянский певец (тенор); в 1849–1853, 1870 гастролировал в России.

Маркони Франческо (1855–1916) – итальянский артист оперы (тенор); неоднократно выступал в России до 1895.

Мартынова Глафира Ивановна (1860–1928) – актриса; в 1882–1896, 1902–1903, 1909–1925 в Театре Корша.

Матова Александра Константиновна (1889–1967) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог; в 1914–1916 выступала в московском Сергиевском Народном доме, в 1916–1941 солистка Большого театра.

Медведева Надежда Михайловна (1832–1899) – актриса; с 1849 в Малом театре.

Мей Медея – см. Фигнер М.И.

Мелитинская (Лопатина) Мелитина Александровна – актриса, руководитель драматической труппы Сергиевского Народного дома.

Мигай Сергей Иванович (1888–1959) – артист оперы (лирический баритон); в 1911–1924 и 1927–1930 солист Большого театра.

Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – актер; с 1898 в Московском Художественном театре.

Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) – артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано), педагог; в 1902–1934 солистка Большого театра.

Незлобин Константин Николаевич (1857–1930) – актер, режиссер, антрепренер. Театр Незлобина открыт в 1909, в 1917 был преобразован в Товарищество актеров, просуществовавшее до начала 1920-х, в 1922 слился с Театром РСФСР 1-м и стал называться Театром актера.

Немчинов – основатель и владелец любительского театра.

Никиш Артур (1855–1922) – венгерский дирижер; с 1899 неоднократно гастролировал в России.

Никулина Надежда Алексеевна (1845–1923) – актриса; с 1863 в Малом театре.

Ноден Эмилио (1823–1890) – итальянский певец (тенор); с 1851 неоднократно гастролировал в России.

Орешкевич Федор Гаврилович (1872–1932) – артист оперы (лирико-драматический тенор), режиссер, педагог; в 1913–1915 солист Большого театра.

Орлов (наст. фам. Калгин) Дмитрий Александрович (1842–1919) – артист оперы (драматический тенор); в 1867–1869 солист Большого театра.

Орлов (псевд.: Орлов и Долматов; наст. фам. Кульчинский или Кульчицкий) Поликарп Давыдович (1864–?) – артист оперы (бас-баритон); в 1894–1900 солист Большого театра.

Павловская Эмилия Карловна (1853–1935) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано), педагог; в 1883–1885 и 1888–1889 солистка Большого театра.

Парадиз Георг (1847–1901) – антрепренер и актер, основатель театра «Парадиз» (Никитский театр) на Большой Никитской, где выступали в основном гастролеры.

Петров Василий Родионович (1875–1937) – артист оперы (бас); в 1902–1936 солист Большого театра.

Петрова-Званцева Вера Николаевна (1876–1944) – артистка оперы (меццо-сопрано), педагог; в 1899–1903 в Московской частной русской опере С.Мамонтова.

Пиньялоза Людвиг Кирович – артист оперы (баритон); в 1893–1899 солист Большого театра.

Пирогов Григорий Степанович (1885–1931) – артист оперы (бас-кантанта); в 1910–1915 и 1917–1921 солист Большого театра.

Потопчина Евгения Владимировна (1882–1962) – артистка оперетты; в 1913–1920 играла со своей труппой в Никитском театре в Москве, называвшемся театром Потопчиной.

Потоцкая Мария Александровна (1861–1940) – актриса; в 1889–1892 в Театре Корша.

Преображенский Николай Алексеевич (1854–1910) – артист оперы (драматический тенор), оперетты и педагог; в 1888–1893 солист Большого театра. С 1893 выступал в Киеве, Харькове, Одессе, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове и других городах; в 1896 совершил концертное турне по Сибири и Японии, с 1898 преподавал в Казани; в 1901–1908 жил в Вятке, с 1908 – в Риге, где давал частные уроки пения.

Прянишников Ипполит Петрович (1847–1921) – артист оперы (драматический баритон), режиссер, антрепренер, педагог и музыкально-общественный деятель; в 1889 организовал Товарищество оперных артистов в Киеве (1889–1892), затем в Москве (1892–1893).

Радонежский Платон Анемподистович (1826 или 1829–1879) – артист оперы (бас); с 1865 солист Большого театра.

Родон Виктор Иванович (1846–1892) – артист оперетты; с 1877 в труппе М.В.Лентовского.

Росси Эрнесто (1827–1896) – итальянский актер; с 1877 неоднократно гастролировал в России.

Рощин-Инсаров Николай Петрович (1861–1899) – актер; в 1884–1889 в Театре Корша.

Рубини Джованни Баттиста (1794–1854) – итальянский певец (тенор); в 1843–1845 и 1847 гастролировал в России.

Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) – пианист, композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель.

Рыбчинская (Дмитревская) Наталия Дмитриевна (ум. 1920) – актриса; в 1888–1889 в Театре Корша.

Рябинин Иван Трофимович (1844–1909) – сказитель, сын известного исполнителя русских былин Т.Г.Рябинина; выступал с исполнением былин в России и за рубежом.

Сабуров Симон Федорович (1868–1929) – театральный деятель, актер и антрепренер; в 1890–1893 был актером и управляющим труппой театра «Эрмитаж»; с 1908 работал в «Эрмитаже» как антрепренер.

Садовская Ольга Осиповна (1849–1919) – актриса; с 1881 в Малом театре.

Садовский Михаил Провович (1847–1910) – актер; с 1870 в Малом театре.

Садовский Пров Михайлович (1818–1872) – актер; с 1839 в Малом театре.

Салина Надежда Васильевна (1864–1956) – артистка оперы (лирико-драматическое сопрано); в 1888–1908 солистка Большого театра.

Сальвини Джузеппе – итальянский актер, отец Т.Сальвини.

Сальвини Томмазо (1829–1915) – итальянский актер; с 1880 неоднократно гастролировал в России.

Самарин Иван Васильевич (1817–1885) – актер; с 1837 в Малом театре.

Сараджев Константин Соломонович (1877–1954) – дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель; дирижер Общедоступных симфонических концертов в Сокольниках в 1908–1918, оперы Сергиевско-Алексеевского Народного дома 1911–1912.

Сафонов Василий Ильич (1852–1918) – пианист, дирижер, педагог; в 1889–1906 директор Московской консерватории.

Сашин-Никольский Александр Иванович (1894–1967) – актер; в 1919–1955 в Малом театре.

Светлов Николай Владимирович (ум. 1909) – актер Театра Корша.

Свободин Павел Матвеевич (1850–1892) – актер; в 1877–1884 играл в провинции и в московских театрах – Пушкинском театре Бренко и Театре Корша.

Святловская Александра Владимировна (1855–1923) – артистка оперы (контральто); в 1875–1887 солистка Большого театра.

Серов Александр Николаевич (1820–1871) – композитор, музыкальный критик, музыкально-общественный деятель.

Сильву – итальянский певец.

Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882–1944) – артист оперы (лирико-драматический тенор); с 1904 солист Большого театра (с 1910 также Мариинского), с 1920 жил за рубежом; в 1926–1930 выступал в СССР.

Смирнов Николай Ефимович – артист оперы (баритон); пел в Алексеевском Народном доме.

Смит – скрипач.

Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – артист оперы (лирический тенор); с 1897 солист Большого театра.

Солодовников Гавриил Гаврилович (ум. 1901) – меценат, антрепренер, владелец Оперного театра.

Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) – актер, режиссер, педагог, теоретик театра; основатель Московского Художественного театра (1898).

Стоян Бетти – артистка венской опереточной труппы Франца фон Яунера.

Таманьо Франческо (1850–1905) – итальянский певец (тенор); в 1895–1896 гастролировал в России.

Тартаков Иоаким Викторович (1860–1923) – артист оперы (лирико-драматический баритон), режиссер; в 1882–1884, 1894–1923 солист, а в 1909–1923 также главный режиссер Мариинского театра. Многократно гастролировал в Москве.

Теляковский Владимир Аркадьевич (1860 или 1861–1924) – театральный деятель; в 1901–1917 – директор Императорских театров.

Тонцани – итальянский певец (бас).

Трезвинский Степан Евтропиевич (1860–1942) – артист оперы (бас), педагог, музыкально-общественный деятель; в 1889–1940 солист Большого театра.

Усатов Дмитрий Андреевич (1847–1913) – артист оперы (лирико-драматический тенор), педагог; в 1880–1889 солист Большого театра.

Уэтам – итальянский певец (бас); пел в Петербургской итальянской оперной труппе в конце 1870-х – начале 1880-х.

Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925) – актриса, педагог; в 1863–1905 в Малом театре.

Фигнер (урожд. Мей) Медея Ивановна (1859–1952) – артистка оперы (драматическое сопрано), педагог; в 1887–1912 солистка Мариинского театра (изредка выступала на оперной сцене и в концертах до 1923). Неоднократно гастролировала в Москве. Жена Н.Н.Фигнера.

Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – артист оперы (лирико-драматический тенор), педагог; в 1887–1904 выступал в Мариинском театре, а также в ряде оперных антреприз. В 1910–1915 солист, художественный руководитель и директор оперной труппы петербургского Народного дома.

Фигуров Петр Павлович (1859–1925) – артист оперы (баритон); в 1888–1893 и 1900–1916 солист Большого театра.

Финочки Людвиг Бернардович – итальянский артист оперы (бас); в 1855–1881 солист Большого театра.

Фострём Альма Августовна (1856–1936) – артистка оперы (колоратурное сопрано), педагог; в 1890–1899 солистка Большого театра.

Фриде Нина Александровна (1859–1942) – артистка оперы (меццо-сопрано), педагог, музыкально-общественный деятель; в 1884–1891 и 1895–1908 солистка Мариинского театра. Неоднократно гастролировала в Москве.

Хохлов Павел Акинфиевич (1854–1919) – артист оперы (баритон); в 1879–1900 солист Большого театра.

Церетелев (Церетели) Алексей А. – князь, антрепренер.

Чаров – см. Аренци Людвиг Карлович.

Чернов Аркадий Яковлевич (1858–1904) – артист оперы (тенор-баритон) и оперетты.

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – артист оперы (бас-кантанта); в 1895 пел в Мариинском театре, в 1896–1899 в Московской частной русской опере, с 1899 пел в Большом и одновременно в Мариинском театрах.

Шевалье – французский певец.

Шумский Сергей Васильевич (1820–1878) – актер; в 1841–1847 и 1850–1877 в Малом театре.

Щукин Яков Васильевич (ок. 1856–1926), антрепренер, владелец театра «Эрмитаж».

Эрдмансдёрфер Макс (1848–1905) – немецкий дирижер; в 1882–1889 дирижер симфонических концертов Русского музыкального общества в Москве; в 1880–1889 профессор Московской консерватории.

Южин Александр Иванович (1857–1927) – актер, драматург, театральный деятель; с 1882 в Малом театре.

Южин Давид Христофорович (1863–1923) – артист оперы (тенор), антрепренер; в 1901–1908 солист Большого театра.

Яковлев Кондрат Николаевич (1864–1928) – актер; в 1890–1895 в Театре Корша.

Примечания

¹ Имеется в виду Пасхальное богослужение.

² Творческая благотворительная общественная организация. Кружок открыт осенью 1899 г., просуществовал в течение двадцати лет.

³ Шестопсалмие – шесть псалмов (3, 37, 62, 87, 102 и 142-й), которые читаются в начале утрени.

⁴ Палимпсестов Иван Устинович (1818–1901) – агроном, публицист, действительный статский советник, секретарь «Общества сельского хозяйства южной России».

⁵ Романовский Василий Иванович (1820–1895) – протоиерей.

⁶ Кистяковские: Игорь Александрович (1876–1940) – юрист, приват-доцент Московского университета, присяжный поверенный, эмигрант.

рант; Владимир Александрович (1865–1952) – химик, профессор петербургского Политехнического института в 1903–1934 гг.

⁷ Надеждин Иван Николаевич (ум. 1914) – врач 1-й градской больницы.

⁸ Надеждин Николай Иванович (1813–1890) – протоиерей московского Покровского собора, магистр богословия, дядя мемуариста.

⁹ Фидлер Иван Иванович (1864–1934) – педагог, директор реального училища.

¹⁰ Фомина неделя – вторая неделя после Пасхи.

¹¹ Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) – предприниматель, владелец текстильных предприятий, потомственный почетный гражданин, коллекционер, меценат. Собрания П.М. и С.М.Третьяковых в 1892 г. переданы в дар Москве.

¹² Милорадович Сергей Дмитриевич (1851–1943) – художник, академик живописи; преподавал в Училище живописи, ваяния и зодчества и Московской духовной семинарии.

¹³ Муретов Митрофан Дмитриевич (1850–1917) – богослов, публицист, профессор Московской духовной академии.

¹⁴ Секретарев Петр Федорович (ум. 1878) – основатель и владелец любительского театра («Секретаревка»).

¹⁵ Здесь: в отсрочке по платежам.

¹⁶ Наиболее известный представитель знаменитых суконщиков Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929), театральный деятель, основатель театрального музея в Москве (1894).

¹⁷ Щукин Петр Иванович (1853–1912) – предприниматель, коллекционер и меценат; в 1905 г. передал Государственному историческому музею свою коллекцию памятников персидского, японского, китайского и древнерусского искусства. Щукин был хранителем собрания, продолжал его пополнение и систематическое описание.

¹⁸ Парфений (Левицкий; 1858–1921) – архимандрит, в 1897–1899 гг. ректор Московской духовной семинарии; с 1908 г. епископ Тульский, с 1911 г. архиепископ.

¹⁹ Вероятно, имеется в виду «Московские епархиальные (1869–1879, с 1880 – церковные) ведомости» – еженедельная газета.

²⁰ «Московский листок» – еженедельная газета, выходившая в 1881–1918 гг., один из первых органов бульварной прессы.

²¹ Имеются в виду «Ведомости Московской городской полиции» – ежедневная газета, издававшаяся в 1848–1917 гг. Московской городской полицией. На страницах «Ведомостей...» публиковались официальные документы городских властей и казенные объявления.

²² Лавочки, торгующие от хозяина и получающие за это жалование или часть прибыли.

²³ «Новости дня» – ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издававшаяся в Москве в 1883–1906 гг. Основное место в ней занимали объявления.

²⁴ Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922) – писатель, публицист, театральный критик; снискал славу «короля фельетона»; в 1902–1918 гг. редактировал газету «Русское слово».

²⁵ «Русское слово» – ежедневная политическая, общественная, экономическая и литературная газета, выходившая в 1895–1918 гг.

²⁶ «Разбойник Чуркин» – приключенческий роман, написанный основателем газеты «Московский листок» Н.И.Пастуховым.

²⁷ Дмитриев Дмитрий Савватиевич (1848–1915) – прозаик, драматург. С конца 1880-х гг. писал в основном исторические романы и повести, которые публиковались в газетах «Новости дня», «Русское слово», «Голос Москвы» и др. Позднее большинство из них выходило отдельными изданиями.

²⁸ Любимов Николай Александрович – протопресвитер, преподаватель словесности в Московской духовной семинарии, редактор журнала «В борьбе за трезвость».

²⁹ Певницкие: Петр Иванович (ум. 1873) – преподаватель 2-й мужской гимназии, дядя мемуариста; Петр Петрович (1848–1887) – преподаватель латинского языка в Катковском лицее, двоюродный брат мемуариста.

³⁰ В.А.Теляковский о П.А.Хохлове писал: «Это был замечательно симпатичный, добрый и скромный артист – образованный, изящный, обладавший необыкновенным, на редкость красивым голосом. Он отлично держался на сцене, был высокого роста и очень элегантен. Громадный когда-то успех совершенно его не избаловал, он всегда был скромен и прост, приветлив и доброжелателен. Потерял он голос рано, до выслуги еще пенсии, и потерял оттого, что был слабохарактерен и не умел отказаться от веселой компании купцов, носивших его на руках, и, конечно, не без вливания в его золотое горло изрядного количества вина» (*Теляковский В.А. Воспоминания. Л.–М., 1965. С. 118.*)

³¹ Этот доклад, озаглавленный «Русская оперная группа Большого театра в последнее пятидесятилетие перед революцией (1867–1917)», фигурирует в протоколах заседаний Общества изучения Московской губернии (области) (см.: *Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). М., 1989. С. 103.*) Общество «Старая Москва» существовало с 1909 г. После революции, претерпев ряд реорганизаций вошло в 1926 г. на правах секции в ОИМО, а с 1930 г. было упразднено.

³² Ошибка мемуариста: отец певицы А.Д.Александровой – Соколов Доримедонт Васильевич – протоиерей, магистр богословия; с 1834 по 1853 г. состоял при посольской церкви в Берлине.

³³ Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867) – митрополит Московский и Коломенский; причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

³⁴ Ошибка мемуариста: дебют Ф.Г.Орешкевича состоялся в 1900 г. в Тифлисе; на сцене Большого театра он выступал в 1913–1915 гг.

³⁵ Т.е. в ложах верхнего яруса, которые не абонировались целиком: туда билеты продавались по отдельности.

³⁶ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – писатель, журналист, литературный и театральный критик.

³⁷ Имеется в виду Камергерский переулок, который в XIX в. назывался также Старогазетным.

³⁸ В настоящее время в здании театра Парадиза располагается Московский театр им. Вл. Маяковского; театра Незлобина – Российский молодежный театр; Солодовниковского театра – Московский театр оперетты; театра Мамонтова – МХАТ им. А.П. Чехова.

³⁹ Московское Филармоническое общество было создано известным музыкантом и музыкально-общественным деятелем П.А. Шостаковским в 1883 г. на базе существовавшего ранее (с 1878 г.) Общества любителей музыкального и драматического искусства.

⁴⁰ Характер прикосновения к клавишам при игре на фортепьяно.

«MNEMOSYNE»
(из воспоминаний Е.К.Маковской)

Публикация И.Л.Решетниковой

О, как еще жива моя тоска по ней,
Еще вчера и близкой и державной,
И вот чужой, преступной и бесправной,
Бесславно тонущей в крови своей.

Эти стихи принадлежат перу Сергея Константиновича Маковского, художественного критика, поэта, мемуариста. Покинув Россию в 1920 г., он понимал, что не сможет вернуться. Почти все, что было написано им за границей, было связано с Родиной. Он работал в русских издательствах и газетах. В 20-е годы в Чехии вышли его книги «Силуэты русских художников», «Последние итоги живописи». В 1955 г. в Нью-Йорке он опубликовал книгу «Портреты современников», составленную из его публикаций в эмигрантских периодических изданиях 1920–1950-х гг. Она открывается воспоминаниями «Отец и мое детство», работу над которыми он начал после окончания Второй мировой войны.

«Детские воспоминания – самые неизгладимые. Можно сказать, дня не пройдет и часу, чтобы не померещилось какое-нибудь впечатление детства. Пусть отрывочны, туманны, стерты временем эти впечатления, они глубоко врезаны в сердце, всплывают над пучиной прошлого снова и снова и переживаются всего чаще, особенно к старости, как далекое блаженство...»¹

Чтобы избежать фактических ошибок, С.К.Маковский обратился за помощью к сестре Елене Константиновне. Он просит ее уточнить даты, вспомнить имена и фамилии знакомых и родственников, а главное – написать свои воспоминания о детстве, чтобы полнее восстановить картину жизни семьи.

Елена Константиновна Маковская родилась 1 ноября 1878 г. Ее родители – академик живописи Константин Егорович Маковский (1839–1915) и его вторая жена Юлия Павловна (1858–1954), урожденная Леткова. В семье уже был один ребенок – сын Сережа, родившийся 15 августа 1877 года.

Находясь под обаянием творчества отца, она с раннего детства решила стать художницей. Первым ее учителем был Константин Егорович. В Тенишевской студии ее преподавателем был И.Е.Репин. В 1896 г. Е.К.Маковская поступила вольнослушательницей в Академию художеств, занимаясь в его же мастерской. Весной 1897 г. уехала в популярный тогда среди художественной молодежи Мюнхен и поступила в школу А.Ашбе². Вернувшись в Петербург в 1899 г., исполнила вместе с С.Т.Коненковым барельеф «История будущей войны». В 1902 г. вышла замуж за австрийского скульптора Рихарда Лукша (1872–1936) и окончательно переселилась за границу. До 1907 г. жила в Вене, а после развода переехала в Гамбург, где и жила до конца жизни.

Художественные интересы Е.К.Маковской были разнообразны. Она писала натюрморты, жанровые сцены, занималась мелкой пластикой, керамикой, майоликой, делала эскизы для декоративных изделий из ковanej меди. Ее скульптурным фризом украшен Венский городской театр (1906), скульптурой «Женщина с ребенком» – гамбургский городской сад, триптихом «Гамбург в 1800 г.» – городской муниципалитет, различными барельефами и скульптурами – многие частные дома. Е.К.Маковская участвовала во многих выставках начиная с 1896 г., когда Репин организовал выставку «Опытов художественного творчества русских и иностранных художников и учеников», а также в выставках: «Мир искусства», «Венок», «Салоны», организованных С.К.Маковским. Ее произведения экспонировались в венском Сецессионе, в парижских салонах. Персональные выставки проходили в галереях Zak (1929) и Casper (1930–1931) в Париже. В 1945 г. работы Е.К.Маковской были показаны в Художественной школе, организованной архитектором А.Нератовым в гамбургском лагере беженцев. В 1954 г. в гамбургском Музее искусств и ремесел состоялась ее ретроспективная выставка.

В связи с тем, что творческая жизнь Елены Константиновны Маковской проходила в основном за границей, ее имя в России было мало известно, а после революции вообще забыто. Она надеялась, что написанные ею воспоминания смогут хотя бы частично восстановить его в истории русского искусства. Она не собиралась ограничивать их временные рамки только детскими годами. Хотя толчок, несомненно, был дан работой брата над своими мемуарами. Об этом ее письмо от 5 февраля 1949 года.

«Дорогой брат Сергей. Дополнительно посылаю тебе кратко желаемые даты. Но дело-то в том, что если ты хочешь что-либо написать обо мне, одно вытекает из другого, то я должна тебя снабдить более обширным материалом. Я только теперь поняла, что моя личная жизнь, такая интенсивная художественными переживаниями, и неусыпное, высокое горение с тех пор, как себя помню, осталось незамеченным и непризнанным именно близкими мне людьми. Конечно, виновато время, отсутствие долгое и далекое, смуты, войны, поглотившие много возможностей. Я знаю, что большое мое здание осталось недостроенным, мое место в отечественном искусстве осталось незаполненным, и я, собственно, всю жизнь очень мучилась этой мыслью. Исполняя попутно все задачи, кот[орые] встречались мне. На фоне созидания семьи и моих трех сыновей-“человеков”. Мое детское и юное отношение к искусству и своему будущему, очень сознательное, дало заряд на дальнейшую творческую линию зрелых лет.

Поэтому я тебе должна даты, возможно, краткий обзор себя с детства.

Вызывая меня на некое сотрудничество в деле воспоминаний семейных и именно так, как я это собираюсь делать, в связи с *творениями отца*, ты требуешь от меня предельной откровенности, я же *должна* ожидать настоящего признания, уста сами смыкаются при недоверчивых полуоценках и отрицания *a priori**.

Я не совсем согласна с тобой: как же это описывать свои детские воспоминания об отце, да еще *таким*, каким был наш отец, без личных переживаний? Из-за этих переживаний и осталось кое-что в памяти. Не очень много. Так *сильно жили* наши родители, оба были молоды и ярки, что мы отчасти жили их жизнью. Но на все эти темы

* Независимо от опыта (*лат.*).

сказать можно гораздо больше и интереснее. Только не сейчас. Сейчас я должна кончить и отослать то, что сделано»³.

С.К.Маковский, работая над своими воспоминаниями, попросил разрешения у сестры включить в них отрывки из ее работы. Такое разрешение было получено:

«Дорогой Сергей! Вкратце отвечаю: я *согласна* предоставить тебе процитировать часть моих воспоминаний в качестве “Неизданных записок сестры Елены”: “Цыган”, “В Каченовке”, “Балаган”, вербные и пасхальные дни в С.-Петербурге. Это, собственно, то, что хотел взять у меня журнал “Грани”. Всю же “Мнемозину” я хочу непременно напечатать когда-нибудь, со множеством иллюстраций, т.е. по ходу записок, получается богатая биография – моя иллюстрированная жизнь. Это стоит сделать»⁴.

Действительно, в мемуары «Отец и мое детство» С.К.Маковский включил несколько отрывков из воспоминаний сестры (о первых уроках рисования, о прогулке по зимнему Петербургу⁵): «В мемуарах сестры есть несколько страниц, очень душевно и точно передающих своеобразие этой “нашей” канувшей в Лету столицы на невских берегах – и неповторимой красоты ее, и всего строя тогдашней жизни. Сам я своими словами не мог бы сказать убедительнее»⁶.

Для публикации выбран наиболее полный из имеющихся в РГАЛИ вариант мемуаров Маковской. Существует еще несколько предварительных набросков, которые были написаны и посланы брату, хотя в его книгу вошли отрывки именно из окончательной редакции. В публикацию не вошла часть воспоминаний, озаглавленная автором «Иматра – Рауха. 1895», т.к. тематически и хронологически эта часть весьма удалена от первой. В тексте в основном сохранены авторские знаки пунктуации, не вполне соответствующие общепринятым нормам, но зато добавляющие эмоциональную окраску изложенным фактам. Отдельные неп прочитанные слова взяты в квадратные скобки.

* * *

Белый, дымный свет... Рамы окон... Простая важность предметов... Игра белых складок... А я, верно, еще очень маленькая, рыженькая, лежу с запрокинутой головой, и кто-то большой и добрый склонен надо мною – няня, что ли? И воркование голубей на подоконниках, наших север-

ных петербургских голубей в моей ребяческой дреме и смутном пробуждении моей души... синевато-серо-белые лапки, красный клюв – Святые Духи.

Почти темно в тихой детской, и опять кто-то большой и теплый держит меня, обвив добрыми руками, и ходит, ходит... чувствую мягкие шаги и что-то сама мурлычу, не то жалобное, не то утешительное под успокаивающий шепот... Как уютно лампадка-светик мигает – а там согревается молочко, особо вкусное ночью, сонной ночью...

У врат Невы, на набережной в доме Менглена⁷ родилась я в 1878 году 1 ноября. А крещена в Андреевском соборе. Едва отзвучали годы войны с Турцией за южных славян. Тогда отец мой, Константин Егорович Маковский, охваченный общим увлечением заступничества за братьев славян, ездил в Сербию [в] 1877 г. и создал свою картину «Болгарские мученицы» (турецкие баши-бузуки в разбитой православной церкви – надругание над святыней и христианскими женщинами)⁸; и еще одна акварель небольшая: женщина склонилась горестно над убитым младенцем – в поле за нею зарево горящих сел, небо в огне. Драматизм в искусстве был тогда неотъемлемым заданием серьезного *grand-art'a*^{*}. Эта плачущая женщина была моей матерью. Она потеряла одного ребенка, первую дочку⁹, и, может быть, в этой прелестной вещи играло роль это [...] воспоминание.

Помнится мне затейливость квартиры на набережной – ступеньки, ведущие в столовую, восточная комната (вос[поминание] о двух поездках отца на Восток – Каир 1873–1874 гг., – где отец потерял свою первую жену Елену Тимофеевну¹⁰), гостиная, диванчики, *causeuses*^{**} в бахромах – все хорошее, уютное, с окнами на Неву, гудками пароходов; красочность и тревожная праздничность творческого склада, – чувствовалась за всем яркая двигательная сила отцовской работы. Колыбельной моей песнью была – знаменитость отца и красота матери – на фоне многих друзей и посетителей, почитателей искусства и славящих талант и успехи отца.

Старшего своего большеглазого брата Сережу¹¹ я всегда ощущала около себя, дружны были очень, а я ему была предана самоотверженно. Затейники и проказники были

* Большого искусства (фр.).

** Диванчик для двоих (фр.).

большие оба. Мне было всего 4 года, когда родился мой младший брат Владимир¹². Крестинами его заканчивается моя память об этом жилище: взволнованное ожидание его крестин домашних, в серебряной купели вода рябит и колыхается. Ожидается великий князь Владимир Александрович¹³, брат Александра III, крестным отцом новорожденного нашего братца Владимира.

Смутно помнится мне, как отец писал семейный портрет – мать, брата Сергея и меня и портрет брата, который тянется к вазе с фруктами, – пышная вещь; кажется, тут же была написана и наша собака – St. Bernard*.

Еще свежо было воспоминание о поездке отца на Восток 1873–74 года, и об этом много говорилось. Египет, Каир, откуда отец привез множество превосходных этюдов [акварелью], излучавших магию экзотики. «Арабская школа», «Каирские похороны», «Дворик дервишей». Картину «Перенесение ковра» он дорабатывал в Париже в 1875 году¹⁴. Об этом первом времени своего брака с мамой тоже знаем – что супруги приглашаемы бывали в Париже в интересных кругах русских и французских. Так, у Carolus Durant¹⁵, у Тургенева и Viardot. Это первое пребывание за границей и в Париже омрачено было известием о кончине бабушки Анны Павловны Летковой (1834–1876 гг.) 42 лет и Павла Степановича Леткова (1823–1875 гг.). И тогда же мама потеряла еще свою первую дочку Марину.

В Вене отец с мамой навестили Макарта, [в] зените его славы¹⁶.

И отец и мать прекрасно пели, мать девушкой думала, было, готовиться в консерваторию и продолжала заниматься у знаменитых певцов своего времени. Родители певали и дуэты – отец же пел по свидетельству en grand artiste**. И тоже всегда продолжал заниматься пением со Спасским, Эверарди¹⁷.

В числе друзей дома бывали известные певцы и артисты, и музыкальные впечатления западали в наши детские души.

Смутно помнится поездка в приобретенное родителями имение в Волынской губернии. Неудачно окончилась она, т.к. мама испугалась запутанного состояния усадьбы и

* Сенбернар (фр.).

** Здесь: как настоящий певец (фр.).

вызвала немедленно друзей – спасти себя и нас всех и состояние от обмана, «еврейского засилия» и прочих страхов. Николай Николаевич Добровольский и адвокат Герард¹⁸ прибыли к ночи, опять напугав всех, блуждая по пустому темному дому, потом все разрешилось благополучно отъездом. На травке в саду сидела пышная мамка с младенцем – братом Володей по прозвищу «Сидорка голупуенький» – и иногда в шутку обрызгивала и нас своим молочным обилием. Ранние годы проходили под надзором няни, Дарьи Родионовны Климочкиной, с милым, спокойным, таким русским лицом, изученным до последних складочек. Помню ее еще в то время, как появился на свет братик Володя – когда взвешивали младенца на безмене в плетеной корзине и мы с братом Сережей лезли туда же, взвешивали и нас. Дети, старшая сестра Наташа¹⁹ (первая дочь К.Е.Маковского от какого-то студенческого романа, одних лет с нашей мамой), мамка во всем убранстве да нянька, гармоничное царство, но, кажется, чуть настроенное против очень молодой красавицы барыни, которая, естественно, выезжала много – по позднему опыту знаю, что всегда есть ревность к детям между приближенными слугами и матерью. Вообще родители жили своей полной жизнью, давая этим и нашему детству богатые возможности принимать в ней участие.

К няне приходили иногда два ее племянника, они уже ходили в школу и даже учились французскому языку, что вызывало нашу безжалостную насмешливость: «Ла сигаль – э – ла фурми – эйан шанте ту лете»²⁰, – бубнил мальчуган... Мы уже давно и незаметно научились по-французски.

Мелькают в памяти образы родственников – бабушки Любови Корнеевны Маковской²¹ (1820–1892 гг.), ласковой ко мне, – а на шее у нее точно такая же бородавка, как и у меня, – вообще я на нее похожа, говорили. И тетушка Саша²², Александра Егоровна, художница-пейзажистка, очень любившая маму, которую вся родня баловала и ею восхищалась; мама же со своей стороны, несмотря на свою молодость, проявила заботу действенную и о бабушке, и об Александре Егоровне и всегда следила, чтобы помощь отца сестре и матери вовремя доставлялась. И тетя Мария Егоровна Смирнова²³ с дочкой певицей Маней Смирновой, красивой девушкой, выступавшей в опере²⁴, а позднее у нее был еще и сын Андрей – красивый мальчик. А сестры матери –

все очень дружные, красивые – бывали много вместе, особенно тетя Катя, Екатерина Павловна Леткова-Султанова, жившая всегда в Петербурге – старшая²⁵; тетя Леля²⁶ (замужем за д[окто]р[ом] Спримомом, скончалась рано в родах) тоже смутно помнится мне, и я долго хранила ее подарок – лежачую собачку из крашеного гипса, а на гладкой обратной стороне надпись телеграфным загадочным шрифтом. Тетя Саша Леткова – Александра Павловна (очень милая, скромная, большая театралка – замуж не вышла) – жила постоянно в Москве вместе со своей старой воспитательницей Ольгой Михайловной и работала на небольшой телеграфной станции. Наконец, младшая, Евгения Павловна Пыжева (тетя Женя имела семерых детей – четыре сына и три дочери, рано вышла замуж), – свадьбу ее я помню, – жила в Люблине и Твери и наезжала лишь гостить. Рассказы о Вологде, деревянном, старинном городе, где жили дед и бабушка Летковы, не умолкали. Дед был действительным статским советником, чином полным генералом, директором почты и телеграфа в 9 округах (губерниях), и три красивые юные дочки (Леля, Катя, Саша) начали работу после гимназии со службы на телеграфной станции, четвертая – Юлия Павловна, готовившаяся в консерваторию, – вышла в 1874 г. 16 лет замуж за К.Е.Маковского, прославленного уже художника. И о прабабке нашей со стороны матери и бабушки Анны Павловны, Марии Федоровне Рахубовской-Храбровой, осталась память (она вышла замуж 13 лет за Павла Рахубовского, ему было 16 лет, она еще в куклы играла; 2-ой брак – за Павлом Храбровым) – она перенесла воспаление легких в преклонном возрасте и переплывала речку 82 лет, а скончалась тихо 86 лет от роду (1886 г.). Деда Егора Ивановича Маковского²⁷ (1802–1886 гг.) лишь на портрете видели, хотя он умер только в 1886 г. В Москве же жил и работал брат отца, многосемейный Владимир Егорович Маковский²⁸. Художник. В последние годы жизни он стал профессором Академии художеств в Петербурге. Из этой семьи мы знали только Александра Владимировича²⁹ (юношей он был очень хорош собой), который был отчасти учеником нашего отца К[онстантина] Е[горовича] в Париже, а потом тоже в академии в С.Петербурге]. Помню еще одного брата нашего отца – дядю Николая Егоровича³⁰.

Очень красивого, печального образа – талантливого архитектора и живописца. О нем отзывался отец, что он был самый способный из семьи Маковских. Он был болен, кажется чахоткой, и угасал медленно (при нем была ухаживавшая за ним прислуга). Мне кажется, мы его навестили перед смертью. Помню большую сумрачную комнату и свечи на столе... Он был одновременно с отцом на Востоке в 1873–74 гг. В общем у нас совсем не было (поблизости) родных сверстников, и, подтрунивая, мы говорили о себе: «не помнящие родства».

Визит. У бабушки

Александра Егоровна Маковская, тетя Саша, жила с бабушкой в С.Петербурге. Идем с визитом к Любви Корнеевне Маковской, которая встречает нас приветливо, добро, потирая слегка руки, тетя Саша, Александра Егоровна, суетливо, почти взволнованно распаковывает нас; жирно блестящая зелень на окнах – это чисто петербургский стиль: узорчато-зимние окна и лопастые доверху растения, а на столе чай, варенье, лимон, сухарики, бараночки – все, всего есть. Мгновенно вспоминается мне чудесная «семейная» картина отца «За утренним чайным столом»³¹ – его мать Любовь Корнеевна, его первая жена Елена Тимофеевна, урожденная Лебедева, а на ковре играют две девочки – дочь Марии Егоровны Маня Смирнова и первая дочь отца Наташа. Эта серьезная прекрасная вещь долго висела у нас в детской – хорошо, любовно написана, еще Парижем не искушен был отец. Устремляюсь смотреть работы Александры Егоровны, на стенах, на мольбертах. А там что? За дверью? Открывают... – а там вся комната за сеткой, сплошной птичник – летают, и свистят, и верещат пернатые! Какая прелесть! И сколько любви к «сотворившему вся... блажен иже и скоты милуяй...».

Те вещи, что я помню от руки Александры Егоровны, полны большой прелести и чувства, в закатах ее тревожная печаль, и какой она во всем настоящий художник, ценный мастер в общении с русской природой. Слишком скромно, затертая славой своих братьев, прожившая и все же, верно, глубоко счастливая и удовлетворенная в своей поэтической работе. Какие милые, задумчивые картины, небольшие, такие русские.

Пробуждение. Утро

Гораздо ярче помню годы, прожитые на великолепной новой квартире, на Адмиралтейской набережной Невы № 12, в доме Паулюччи (бывш[его] итальянского посла) – наверху.

Просыпаюсь, не свободная от страхов ночи и снов. Тяжелые бывали сны... повторные. Неясное стремление ввысь, напряжение веры и борьба, какая-то темная сила – не то неверие, не то черт потянули обратно, а я, было, совсем уже летела в узком пространстве-шахте, что видно из ванной ввысь, в квадрат неба. Или же я порхала по коридору – под самым потолком, и кто-то ловил меня снизу... было жутковато. Или же я без конца ехала, подымаясь в ascenseur'e*, а то – открываю дверь – горит лампа на столе, но... начинает фыркать, шуметь, затуманивается и взрывается... Нехорошо.

Прислушиваюсь к тихо-снежным шорохам рассвета, к гулкому говору из глубины двора; не сразу понятный падающий шум – скреб, скреб, скреб жести, над головой возятся, сталкивают снег с крыш, и гулко падение комьев во дворе, ныряю под одеяло – верно, много снега-то навалило! Притаившись, наблюдаю осторожно. Выясняются знакомые предметы: вот над дверью портрет дедушки Егора Ивановича³² (его писал 17-летний Константин Егорович Маковский, наш папа) – улыбается, щеки бритые, пушком борода вокруг всего овала – как бы лукаво заглядывает. А надо мной, на стене высоко – голова огромного лося с рогами; все ли цело, все ли на месте? Всматриваюсь, вон там мой угол с игрушками – ниша в стене с полками для книг, а там большущий старинный дубовый стол, боярский, а при нем скамья с откидной спинкой, и еще витрина, где под стеклом лежат чудные рисунки отца, все дети, крестьянские с белыми головками – такие родные в ямочках лица, – глаза сияют, сидят, стоят у забора, смеются – милые. Нам подарил сам отец – папочка. Шаги по коридору, мягкие, но тяжелые... верно, Герасим – лакей – мимо, а вот звонок, верно, мама тоже проснулась – торопится мимо Марья Ивановна, горничная, а вот бесшумно входит наша горничная Маша и возится на коленях у большой круглой печки; щепками, дровами,

* Лифт (фр.).

дымком запахло, и, легко потрескивая, разгорается и гудит огонь, кидая весело беглые узоры в еще не рассеявшуюся мглу комнаты.

Поверила наконец, что настало утро, крадусь из постели, перебегаю непременно огненные узоры, схватываю книжку или куклу – самую несчастную Таньку – и... шмыг обратно. Еще шаги: на цыпочках, но грузные в своих сапогах – проходят полотеры, их 3-ое – что так рано? Досадно, люблю смотреть, как они не без грузной грации ловко скользят и танцуют по паркету зала – вот уже слышно их мерное шарканье, наващивание и натирание. Мне они и их работа нравятся. Говорят, воры, что-то крадут – глупости, не верю! После долгой кутерьмы мытья, одевания, мучительного расчесывания волос, шалостей и перекликаний с братьями, которые жили в смежных комнатах, препирианий с бонной или гувернанткой, затем молитвы утренней – идем здороваться с матерью. На цыпочках, через ванную входим, напутствуемые шепотом «тише, не шуметь, барыня устали...» в полутемную спальню. Занавеси еще задернуты, много подушек, думок на широчайшей постели, и в них отдыхающая мама, – но у подножья уже стоит кухарка, ведутся переговоры, заказы мепи на день. На стене – Сикстинская Мадонна, большая гравюра, и еще портрет крупного голенького младенца – девочки – сестренки Марины, которую мама потеряла рано, – вся солнечная, в один присест мастерски написанная отцом вещь. Ковры, мягкие все кресла, диван, а в глубине зеркало, большое, в рост. На туалетном столе много всяких граненых флаконов с вензелями, щеток в серебре, пудры, духов, шпилек, запахов, снятых колец, брошенных белых перчаток, искусственные цветы, брошка наша любимая – топор в бриллиантах! Капот на стуле в кружевах – все робко подмечается, олицетворяет тот мир взрослых непонятный, пугающий, и манящий, и внушающий любопытство...

В комнатах

А комнаты наши полны такого света и гулких звуков со двора! Целая симфония выкриков продавцов-рыбников в фартуках с ярко-зелеными шайками с живой рыбой, которыми молодежато балансировали на голове: «Судаки, живые судаки!». «Халат! Халат!» – тянул татарин с узлом,

узорчатыми кожаными чувяками и шальями; чухонки с маслом; дичь разносимая, прекрасный товар; и долго шел тонкий выбор и покупка на кухне.

В этот мир нам запрещено было ходить, но мы, конечно, делали набеги в эту интересную область в глубине коридора. Там, из-за плотно обитой двери (с придыханием), доносились шумы: рубки котлет, постукивание, позвякивание пестика в медной ступе, восклицания, шум открытых кранов, — оттуда стремительно выносились горячие блюда, и вдруг звонче вырывались голоса. Заглянешь туда — светло, бело — звонко! На полках блеск медной, луженой посуды, раздувают самовар, который пыхтит у плиты, вздувается горячий пар, — дверь с колокольцем на черный ход распаивается, крепкий морозный пар врывается облачком. Топотание, перекличка, дворник дрова принес! И рушит их на место, у плиты, при громком говоре и шутках. Там, внизу глубоко — темные ворота, большой двор в снегу, высокие дровяницы стройно сложены, тоже под шапкой снега. Ну и снега-то навалило! Там дворник старший, строгий и полновластный, а «младшие» расторопные парни в тулупах, фартуках, в рукавицах, румяные, на все руки молодцы — все им рады. Столько в них силищи — и сколько свежести и задора вносят они вместе с дровами! А у нас часто помогал на кухне рыжий «кухонный мужик». Еще бывает тут же и постирушка — опять пары, легкая мыльная пена в корыте. Пелагея — прачка, вся в светлом, пестром, небольшая, блеклая, розовенькая, жалостливая, с подвязанной щекой от «зубов», заходила иной раз к нам, детям, украдкой. Я всегда брала ее за руки смотреть заморщившиеся от стирки бедные пальцы.

А в переходе перед столовой стоит целый ряд ламп для всех комнат; насупившись, чистит и приготавливает их Герасим — свечи вставляет в подсвечники, «отдельные» на карточные столы, стенные «бра» и свечи для винта — пахнет керосином, — и Герасима в его занятии тревожить не стоит — зол бывает!

Дальше по ступенькам в столовую... Приятно стол уставлен — тут и самовар, в серебряных корзинках булки, калачи, мои любимицы (с мучкой), варение, масло.

Утром все ново, и радостно найти все на месте. Громадный старинный стеклянный шкаф черного дерева во всю

стену с витыми колоннами полон развешанных и расставленных старинных боярских костюмов: парча, расцветочные сарафаны, жемчугом унизанные поручи, кокошники в мелких жемчужных кружевах. Чудно светятся, цветятся узорчато, роскошные уборы поблескивают матово-голубым, розово-золотым шелком и серебром. На угловой диван можно забраться с ногами – и любоваться; на карнизе камина старинная домашняя утварь – красота! Серебряные ковши, кубки, бадьи, енды³³, чарки, братины³⁴, костяные с финифтью кубки, раковинные рукомойники, опахала – все любимые предметы отца – боярских времен. Он их отыскивал, собирал, изображал на многих своих картинах, свою русскую настоящую преемственную старину. Отец, пышный, холеный, уже за чайным столом – не помню слов его, но негромкий, как бы притушенный голос – улыбку и смех «в бороду» – доброту взгляда – но иногда и строгость его, вернее, пристальность, которую я очень боялась возбудить. И мама выходит, такая точно, как знаем ее на портрете отца, – в красном бархатном капоте с голубой лентой в волосах. Голос ее звонкий – вот она берет несколько аккордов на рояли, раздаются ее *solfeggio*, такие знакомые нам упражнения, – ею нельзя не любоваться. Мы же еще возимся с Сережей, водим пальцами по шрифту «Нового времени» – так и научились читать и разбираться в письменах. Но вот звонок – пришла продавщица старины из Александровского рынка, еврейка, известная старьевщица, с помощницей; скупает со всех концов России сохранившиеся старинные уборы, а больше с севера, и для Константина Егоровича уж постарается. И ставятся ларцы, развязывается большой узел, и прямо на блестящий паркет зала, против света больших окон на Неву, падает с ее рук целый поток материй, ложатся ломаными складками старинные платья, парчовые «кусочки». Оживленно совещается папа с матерью, но увлекался и, жадный до каждой тряпицы, забирал зачастую все, – так ценил русскую древность, был знатоком и не скупился на такие покупки... Ну, тут и нас детей подзывали – развязывались кулечки, вытаскивались из обширных карманов, извлекались для нас ценные безделушки – ведь торг окончился блестяще! Запомнились филигранные пуговицы серебряные и еще – удивительные микроскопические замочки, серебряные с ключиком, как в сказке Лескова: гордо уносили мы на ладони каждый свое

чудо и говорили о механической английской блохе, подко-
ванной русским мастером-кузнецом... Знай наших!

Зимняя прогулка

В зимнюю пору сборы на прогулку бывали делом серьезным: справлялись о погоде, забегала «кухонная» прислуга дать свой совет, вероятно, вопрос решался высшей инстанцией, мамой, но все это было только церемониалом – по утрам выходили гулять всегда, – Петербург мне памятен во всякую погоду.

Морозно, узоры на окнах, начинается мучительное облачение. Теплые штаники, фуфайки, гетры, ботики, шубки, баблочки поверх шапок, плотно увязанные, и варежки, да еще муфту повесят, из-за которой торгуешься с няней, и стоишь, растопылив руки, ждешь, пока другие оденутся. Наконец, спуск и выход по лестнице, раскланивание со швейцаром – и сразу нас охватывала ясная и грандиозная картина зимнего «града Петрова». Идем по набережной – недвижна ледяная Нева, светлое северное солнце низко, и такие длинные косые тени – синие. Гранит набережной красновато-бурый в искрах, а поверх – снежок, на нем так хорошо варежкой рисовать, проходя, хоть линию. Веет с моря сорным снегом, как песком. Идем неспешно налево. Скоро и Сенатская площадь, уж видим Петра Великого, проходим мимо бокового павильона Адмиралтейства, желто-белый, на нем «Славы» летят, дуют в трубы, а там орлы двуглавые, флаги, якоря трезубец и эмблемы морского владычества. Просторы Сенатской площади – за нею живут Боря и Соня Басины, наши друзья. Непонятно назначение здания: у ворот – арки, в рамках за тусклым стеклом – жития святых, каких не бывает? Но в них верить хочется. Двигаемся медленно, а баблочком еще и рот закрываем, дальше по набережной. Хороши, но хмуры и замкнуты стройные дома и дворцы – вот подъезд, со львами, и на них шапка снежная, и их заносит, посвистывая, ветер с моря. Скоро поворачиваем обратно, к спуску на самую Неву! И тут львы, занесенные снегом! Да там и самоеды³⁵ прикочевали, расположились в юртах на льду! Все время пристаем к нянечке, молим пустить [и нас] посмотреть их; несколько зевак топчутся у входа в юрты, а там, в юрте, сумерки, кожи и шкуры, чуть горит костер, вылетая слабым дымком... «Давай копейку, давай!» А у нас нет. Но все же у

няни находится завернутый в угол платка пятак и другой, и мы нетерпеливо платим и входим. Меха – чудеса! Висят тут сухие [и] сырые рыбы, и густо набились самоеды в дымную юрту, а один лопочет и уплетает сырую рыбу «на показ» – под одобрительный гомон и смех зрителей. И сладостно, и жутко...

Едва вынырнули из юрты, вновь охватило широкое морское дуновение. Васильевский остров, дымы труб, дорожки, обсаженные елочками, с редкими санями – извозчиками, а там лед выкалывают, а там везет даму на санях-креслах конькобежец. Купола соборов, Биржа вдали, крепость Петра и Павла – все призрачно, низким зимним солнцем освещено, и тени голубы и длинные.

У юрты толпятся собаки, олени с поводьями, храбрые ребята в шапках усаживаются в сани. «И мы, и мы!» Вытянулись уже цугом в ряд олени, а за ними примостился самоед с длиннейшим шестом и одной вожжой, гикает, тычет оленей шестом, они несутся протоптанным кругом – только держись! Хорошо от всего этого: крепкой свежести лиц, отваги предприятия, запахов – и бедного сурового быта этих залетевших сюда гостей, таких все же своих, людей многоликой Родины. Так же заносило их сюда во времена императриц Елисаветы и Екатерины, и, казалось, было в них что-то вечное, прошлое...

Масленица

Она чувствовалась в воздухе, в разговорах, во вкусном запахе блинов, в ускоренной праздничной езде на снежных улицах. Шибче летели барские пары вороных и гнедых, покрытых сетками, прогуливались тройки, поджидая седоков: змеями гнули шеи пристяжные. Масленица тревожила своей народной буйностью. В чинный Петербург врывалась деревня, располагалась станом у самого Зимнего дворца. Чухны со своими мохнатыми вейками³⁶ звенели колокольцами-бубенчиками, бойко зазывали прокатить на «Балаганы» за «тридцать копеек», а на Дворцовую площадь за двугривенный... Сговаривались, садились и мы так смешно на сено, лихо неслись по набережной. Встречные извозчики добродушно переругивались с чухонскими конкурентами, заливались бубенчики и наши, и встречные, и звуком нарастающие издали, и удаляющиеся – целый милый перезвон...

Балаганы. Большие, круглые, коробкообразные с галереями и переходами и свежестругаными лестницами, всякие «театры», карусели, качели, панорамы в палатках причудливо обросли площадь, как грибы. Там, на фоне страшных изображений – зверей, птиц, вулканов и арапов – происходило что-то загадочное, двигались люди ряженые: вот что-то вроде арлекина с сильным голосом и повязанной шеей, рядом «казачка» с наигранными кокетливыми ужимками и пером на польской шапочке, а другой арлекин бьет в бубен. Все жмутся и приплясывают от холода, – на морозе легкий пар у рта, – и все громко говорят к народу, сыплют сверху дробные словечки, веселую чушь. Главная же фигура – масленичный дед, верхом на перилах, неподражаем в своем пафосе, мимике, остроумии, импровизации. В ответ то и дело раздаются взрывы хохота, толпа «гогочет»... И хоть мало, что можно расслышать и понять, а весело! От дедовских острот, говорили, «солдаты краснеют»... Из разных «театров» одновременно вырываются трубные звуки оркестров, бубна и барабана, уныло поют шарманки полечки-мазурочки и допотопные вальсы. С визгом взлетают на качелях в прицепных челнах, парами, девушки с кавалерами, вздуваются юбки, а чулки полосами, а сапоги прюнелевые³⁷ с ушками... Передвигается толпа, покупают турецкие сласти, орехи, маковочки, стручки, постный сахар розовый и белый, халву и пряники. Все это на холоде нелегко дается. Тут и там столики, у них горячий сбитень пьют – купец, рабочий, солдат, гимназист и барышни. Вот столпились под «галдареей», закинута голова: из недр дощатого «театра» вываливаются распаренные и счастливые люди с красными от крепкого спертого духа и удовольствия физиономиями. Закончилось представление, но уже опять бьют в колокол и заывают снова. Вечереет, замигали огоньки, дымится балаганный стан, хнычет усталый парнишка, а там и всерьез началась потасовка... Однажды попали мы на «Балаганах» на ристания на открытой арене «гипподрома». Посреди густо сидящих на скамьях зрителей, бурно выражавших свой восторг, шло ристание: большие деревянные барабаны, запряженные четверками, катились под щелканье бича, возницы, стоя, гикали, ох, куда опасно и лихо, русские азартные бега!! Дикая забава, что твой Колизей римский!! Но суть-то дела была в «человеке», замкнутом в барабане, и под конец, после страшной тряски и круже-

ния, освобождался этот человек, вылезал из барабана, как очумелый кланялся и получал награду. Вот эта опасность, тревога за «человека» произвела на меня самое сильное впечатление! Помню еще целую баталью дуровских кур – со стрельбой и осадой крепости «Очаковской» – да как силу мерили кулаком по «турке» – как обманывали народ, впуская поодиночке в Кунсткамеру показывать «Зимний дворец в натуральную величину»...

С самого детства избалованные лучшим искусством, бывавшие в Мариинской опере, мы все же с исключительным чутьем воспринимали увлекательное народное творчество, вопреки всяким заграницам, боннам и мадамам. Да еще по какому-то семейному праву шли мы на «Балаганы», увековеченные в картине нашим знаменитым отцом, Константином Егоровичем³⁸. Мы шли на наши «Балаганы». Да.

Предвесенняя прогулка

Все всполошились, говорят бодро, судят и волнуются – лед невский тронулся! Оттепель – утром, за чаем, читают об этом в «Новом времени»³⁹, и мы несемся смотреть из залы... Действительно! Давно уже проталые дороги через Неву, с покрывившимися елочками, стерлись теперь, исчезли. Нева вся в дробных льдинах, точно громадным кулаком разбитая; у берегов темна вода, на набережной люди толпятся, налегая грудью на гранит, смотрят, говорят, указывают всей рукой и спорят. Ветер с моря порывист и невесел. Волнение прогулки – событие! Нева пошла, двинулась: мимо мчатся бревна, мостки, на льдине сторожка с испуганным псом, и на мосту люди волнуются, желают спасти, машут руками сердобольно и нелепо и, когда громоздятся друг на друга льдины, охают, но не наглядятся на это поистине грозное зрелище. Обычно нельзя долго стоять на ветру, идем по Конногвардейскому бульвару за Адмиралтейство, к главному его входу. Всюду по пути водосточные трубы с длинными ледяными сосульками плюют стаивающей водой, и сосульки вдруг рушатся, разбиваются вдребезги со звоном – как хрусталь, – зеленые кадки не вмещают уже влаги, она плещет через край. На углах рвет ветер. Идем вдоль Адмиралтейства и зимнего Александровского сада – вот и главный вход: бледно-белые видения на желтом, двугла-

вые орлы, лепные «Славы» с трубами и флагами, [все] такое далекое от зимней действительности, смутно манящее, пугающее – мир классического искусства. А под аркой сразу тихо-тихо становится – и от пережитых волнений, и от замкнутости строений. Внутренний двор Адмиралтейства с прямыми дорожками вдоль зданий, с задворками всех домов Адмиралтейской набережной и остатками прежних каналов таил загадки, неразрешимые вопросы. Была тоска в этих тупиках, тихая скука, по-особенному булькала вода в кадках, было пустынно, холодно и непонятно.

Много позже я узнала: все это место прежде занимала верфь, шел стук и грохот и песня строительства еще с давних петровских времен. По каналам входили с моря и Невы прямо в Адмиралтейство баржи с лесом, бочками, канатами, дегтем, снастями – всем нужным для верфи. Потом, при Екатерине, всю площадь верфи засадили и бывало там даже до времен императора Александра II гуляние с чудесным видом на Неву, а со второй галереи Адмиралтейства неслась роговая музыка: какая прелестная красочная нота в жизни города! Позднее, из-за выгоды, не постеснялись застроить доходными домами всю набережную между двумя павильонами Адмиралтейства, загородив его невский фасад, исключительный по красоте, испортив и обесмыслив это творение Захарова⁴⁰, кусок подлинного старого Санкт-Петербурга. И, живя в одном из этих новых домов, мы чувствовали какую-то тень причастности к этой вине...

В музее же Адмиралтейства вспоминаю встречу с фигурой самого Петра Великого. Он все еще жил в нашем подсознании и воображении. Санкт-Петербург был полон им, связь с великим царем не утратилась, дух его чувствовался еще сильно – стоял он тогда еще крепко, весь царствующий дом – хозяева Санкт-Петербурга. И вот он, великий предок, в кресле сидит, а около конь его, взнузданный и разукрашенный, седла, знамена, модели кораблей, оружие. Нажималась малая кнопка, и, поскрипывая, царь Петр вставал с кресел, выпрямляясь во весь богатырский рост – да так неожиданно, что мы невольно отшатывались в испуге. Ходили мы и на ту сторону Невы, навещали домик Петра Великого (сгоревший позже).

Рано спускались сумерки, черные ночи в Санкт-Петербурге тянулись долго. Прильнув к стеклу, мы всматрива-

лись из залы или восточной комнаты, как загорались один за другим фонари вдоль Невы и огоньки в домах. Принеслась лампа в детскую, мы с братом устраивались за большим столом – рисовали, подкрашивали, вырезали целые самодельные баталии, рыцарей, королевские французские охоты – верховых и трубачей, – передвигая их по нашему дубовому старобоярскому столу. «J'aime le son du cor, aux fond des bois...»*

На диване за этим же столом собирались мы слушать маму, когда она читала нам лермонтовского «Демона», да так выразительно, что и я, и Сережа заливались слезами, растроганные, главным образом, ее голосом; точно так же волновали нас сказки Л.Толстого «Сколько земли нужно человеку». Читали нам «Принца и нищего», тут фантазия разыгрывалась – я видела себя в толпе, при свете факелов у ног закованных в доспехи рыцарей, на громадных грузных конях. А то раскрывалась большущая книга «Потерянный и возвращенный рай» Милтона⁴¹, с иллюстрациями Doré⁴², и созерцалась с самозабвением, над сборниками «Нивы»⁴³ я тоже просиживала часами.

А дядя Коля (Николай Владимирович Султанов, муж тети Кати, археолог, ученый, архитектор, директор Инст[итута] гражд[анских] инженеров⁴⁴) принес нам, в противовес «западничеству», альбом русских народных картинок с грубовато размалеванными Ерусланом и Бовою Королевичами и любопытнейшими листами из быта, песнями, военными героями. А самыми любимыми были плоские громадные тома – атласы Ровинского⁴⁵. Эти замечательные сборники древнерусской гравюры деревянной, портреты царей, «Мыши кота хоронят». «Аника-воин и Смерть», «Савоська, Еремка и Парамошка», «Трапеза благочестивых и нечестивых» и пр. ...

Все это врезалось в душу – неисчерпаемый клад народного юмора, традиции, быта, – повлияло и укрепило наше русское самосознание. Ровинский был нужен отцу для его работ – и тетя Катя, очень литературная, помогала ему иногда сведениями и пользовалась для этого богатейшей библиотекой мужа**.

* «Я люблю звук рога в глубине лесов...» (фр.).

** Екатерина Павловна Султанова-Леткова в преклонном возрасте написала биографический очерк об отце, Константине Егоровиче Маковском. (Прим. Е.К.Маковской.)

Теперь уже забывают, какие тени, какие страхи ложились на детские души в те времена, когда с вечером водворялась во всех углах тьма, и просыпалась вся запугивающая, но родная и творческая фантастика сказок и суеверий, когда змеились и дрожали тени от беспокойной свечи. Зато как уютно сидели, читали вместе, теснясь к источнику света. Зато как счастливо тепло сияли свечи в *bras* у стен. Свечи на столиках с абажурами и роскошный горячий блеск люстр в нередкие дни приемов с пением и музыкой – в зале. Как утешительно мигала лампадка перед образом, и как рассеивались ночные страхи с морозным рассветом, как благодарны были все краткому дневному свету, еще отраженному снегами! А из окон наших детских видно было, как лампы и свечи разных оттенков и силы постепенно освещали окна во дворе, выдавая своих жителей, и можно было следить и подсматривать, как под шапкой-невидимкой! Какая магия контрастов тьмы и света!

Мама едет на бал

Мама едет на бал... уже утром была примерка платья... Очень преданная маме портниха Франциска, полька, постоянно жившая и работавшая у нас, вечером, еще рот полон булавок, ползает на коленях вокруг матери, дошивая живой ниткой кружева, подкалывает матерчатые цветы...

Мать стоит перед зеркалом «*decolletée*», двойная, в отражении свечей, напряженная, ярко, победно красивая и в нетерпении. Пахнет духами, длинные белые перчатки, веер – они ждут. Целый обряд – и мы под его обаянием. Но всюду мешаем, и нас гонят, нас, меня и брата Сережу, а младший Володюшка уже спит. Начинаем возбужденную беготню по остальным темным комнатам, то в страхе крадемся, ощупывая мебель и пугая друг друга, то несемся и стукаемся о разные углы, то стремимся с сердцебием опять в мамину спальню, к свету... Но вот туалет закончен – прекрасна сияющая мама, действительно красавица, и сейчас будто чужая. Прощаемся, звонко переговариваясь, идет она, в мехах, выездной лакей в передней, лошади поданы. Стукают двери – пронеслось видение праздника, музыки и света, куда стремятся «большие» в санях и каретах, похрапывание лошадей, покри-

кивание кучеров, редко освещенная фонарями улица – ночная.

Наступило отсутствие матери. Побродили еще в спальне, задумчиво подбирая булавки с ковра перед зеркалом; задувают уже свечи, опять жутко стало – скорее в детскую!

Сажусь на ковер, воск в пальцах, мну его и стараюсь что-то вылепить, и я в горе. А няня все дальше рассказывает: «И повстречался мужику медведь, набрел на него у самого дупла с медом, куда бурый да огромный лапу засунул, медом полакомиться, да вытянуть не может... Ка-ак замахнется мужик топором – рр-аз! И отрубил медведюшке лапу»... – Ой! – вздыхаю я. «Да, а медведь-то наутек, бежит, лес ломает, рычит и воет. А мужик к бабе в хату пришел, лапу в котел положил, к обеду, значит. Разыгралась вьюга снежная, на печи котел стоит, в котле баба лапу варит, а в дверь-то стук да стук – медведь стучит. На костыле Потапыч идет за своею лапой... А на печи котел кипит... В окно, в дверь Михайло Топтыгин стучится, ворчит, бормочет и ломится: “Где моя лапа? Отдай, отдай мою лапу!” Мужик с бабой в хате на лавке сидят, прижались друг к другу, от страха трясутся», – я к мягкой няне придвигаюсь ближе. – «А стены хаты трещат, а двери скрипят, в оконце с мороза да вьюги дышит Топтыгин: “Отдай, отдай мою лапу!” Округ хаты ходит, под крылечком роет...»

Древней жутью веет от этой сказки. Мне часто снилось позже, что я среди холмов и леса какой-то далекой девственной земли натыкалась на берлоги, спугивая больших мохнатых зверей. Быть может, это память о прежних жизнях моих праотцов на просторах древних славянских земель и кочевий? Так мне всегда казалось...

Государь император Александр II любил моего отца, который писал, наряду со многими лицами императорского дома, портрет его, и при нем чудную собаку – сеттера⁴⁶; такого же точно сеттера получил отец царским подарком. И несколько детских лет связаны у нас с воспоминаниями об этом умном, добром друге – сеттере Милорде. Рассказы, песни о странствиях, долгих путях по обширной Родине, о погонях и разбойниках – наследие недавнего прошлого – побуждали нас городить, играя, уютные завешенные кибитки, куда складывались узелки и погребцы, и

куда залезали мы. Ямщик же впрягал тройку коней с настоящими ременными вожжами, и после разных выкриков, встряхивания бубенцов и «тпрр» и «но-но, милые» срывалась тройка, летела кибитка, открывались степные просторы, ветер дул, под копытами мосты стучали, по дороге пыль, в небесах птицы, за лесом разбойники и нападения, и все – воображение. Но все же это было отражением того еще цельного, гармоничного мира – природы, человека и зверя; в нем был и свой опыт близости к лошади, древнейшему спутнику и другу человека, мерилу быстроты, такой ощутимой силы, как перебора [ее] крепких ног, [ее] стремительного бега. Кони! Древнейшее олицетворение Бега Божества – Солнца! С каким блаженством держивала я вожжи, сидя на облучке подле кучера, чувствуя в руках движение коней, и позднее я не упускала случая «поправить», а с 16-ти лет ездила верхом, научившись сама, с настоящим бесстрашием, это были счастливейшие часы мои.

Мастерская отца – чем-то главный мир над нами, где творилось то чудное, очень важное, всеобъемлющее дело отца; попасть туда было трудно, разрешалось редко – свобода и покой отца в его творчестве строго оберегался, тоже по желанию мамы.

Но в мастерскую, куда мы подымались по черному ходу, мы все-таки забирались, увязавшись за Алексеичем, верным служителем папы Константина Егоровича и служившим еще Егору Ивановичу, дедушке в Москве. Осторожным открытиям не было конца. Мастерская ошеломляла высотой, большим окном под самым потолком и падающим оттуда большим светом. Сразу охватывала наполнявшая меня благоговением атмосфера «священнодействия». Запахи масляных красок, скипидара, папирос, ковры, ткани на сидениях, прелестный столик для красок с выдвигаемыми ящичками, целые букеты кистей в вазах и очередная, в работе, большая картина. Тут тоже утварь, ларцы резной слоновой кости, опушенные мехом боярские наряды.

Прилегало к мастерской еще помещение, отделенное занавесом, вроде алькова или сцены, ниже потолком, с необъятным диваном, а рядом спал Алексеич-старик. Неуютно было у него, из окна вид на стену и крышу двора, жутко слышалось там несмолкаемое бульканье воды в

водопроводе, а на стене, «отставленное», висело полотно над его постелью «Харон перевозит души через Стикс» в холодных серо-белильных тонах, академическая работа Константина Егоровича 1861 года (22-х лет), которая задана была на тему мифологии. Как радовался когда-то Алексеич⁴⁷ этому первому большому успеху своего молодого барина! Юная работа жизнерадостного отца!? И тогда уже картины были для меня реальностью, жили своей тайной. Жуткий Харон!

В мастерской с прилегающей «сценой» родители устраивали временами музыкальные вечера, ставились роскошные живые картины из боярского быта или 2-ой акт оперы «Marion de Lormes»⁴⁸ с пением. Петербургские красавицы добивались наперерыв своего участия в них, как и чести быть написанными «женской головкой» живописцем К.Е.Маковским. Тогда весь коридор из квартиры и лестница «черного хода» обвешивались гобеленами и освещались. Приглашенные на эти прославившиеся вечера подымались в мастерскую – театр. Тогда-то извлекались все боярские наряды, музейные вещи, кокошники в жемчугах, туфельки на высоких каблуках. Представители старых родов, потомки тех же бояр, ловко и красиво облачались в парчовые и бархатные одежды. Живые картины были тогда модой. Изображались, группировались картины отца – «Свадебный пир»⁴⁹, «Выбор невесты»⁵⁰. Отец так любил боярский быт, что было ему дорого еще и живым создать его. В этом не только понятный восторженный каприз, но и предугадывание увлекательной полезности для своего искусства. Высшее общество, принимавшее такое близкое участие в образах его творчества, было благодарным, ценило в нем своего крупного художника. Так было на приемах у родителей и на вечерах Художественного клуба⁵¹, где попеременно принимали художники устройство вечеров, где бывали все интереснейшие люди того времени, о чем повествует Вас.Немирович-Данченко⁵². Там бывали певцы, артисты театральные, и Достоевский, и Крамской⁵³, Верещагин⁵⁴, Горбун⁵⁵, и Анатолий Федорович Кони⁵⁶, и Рубинштейн⁵⁷, Костомаров⁵⁸, и путешественник Миклухо-Маклай⁵⁹, Савина⁶⁰ и много светских и родовитых людей. Особенно непринужденно веселы бывали вечера К.Е.Маковского. В.Немирович-Данченко описывает появление Константина Егоровича Маковского в сопровождении его жены

Юлии Павловны, говорит, что он много путешествовал и видел, но не видел женщины прекраснее Юлии Павловны Маковской. Он далее вспоминает К.Е.Маковского как интересного, живого и умного собеседника, яркой наружности и обаяния, и отмечает появление четы наших родителей: «К.Е. видит во всем мире прекрасные глаза своей жены». Несколькими словами передает В.Данченко беседу Достоевского и К.Е., очень характерную; против скучного замечания Достоевского о будничности и серости красок в России К.Е.Маковский своим немного притушенным голосом горячо протестует и восклицает: «Россия-то серая? А Украина? Крым? Кавказ? И повсюду леса, реки, живописнейшие места по всему обширному краю!!» Какое в этом сказалось жизнерадостное восприятие всей совокупности жизни. В доме его родителей, деда Егора Ивановича и Любви Корнеевны, прекрасно певшей в молодости, где царил художественная атмосфера и бывали современные художники, Брюллов, Пушкин, домашние концерты, и с юности привыкший к живому общению со многими людьми тогдашней литературно-художественной и музыкальной Москвы, отец полюбил навсегда общество. И его необыкновенно успешная карьера сталкивала его с большим количеством виднейших людей его века. А ранние поездки за границу – в Париж, Вену, Бельгию, Лондон, в Сербию, затем на Восток, позднее в Испанию, в Америку – дали его такому русскому, даже москвичу по существу, облику широко европейский культурный характер. Часть темного зимнего сезона он работал в парижской своей мастерской, и мне с детства помнятся отъезды и приезды его, его появление как метеора, всегда в неустанной художественной деятельности. Какой силой нужно было обладать, чтобы совладать с этой громадной работой, сколько энергии потратить во время сеансов портретов, бесед и личных отношений с заказчиками! Нашему измученному времени почти непостижимо! Ведь это уж действительно формат и мастерство мастеров Возрождения. И при этом отец бывал именно живою «душою общества». Так расточительно еще лично вносил своим живым темпераментом обаяние во всякое общество. Он пел охотно и много и очень музыкально посвистывал во время работы. Мама, намного моложе отца, безгранично любившая его и верившая в его дарование, прославившее ее красоту во многих обра-

зах, сразу сумела своим светским чутьем, интересом к людям, своею красотой, тактом и вкусом создать атмосферу, нужную успеху и отдохновению отца. Помимо семейных отношений и преданных завсегдатаев бывали приемные дни, музыкальные вечера и уже упомянутые большие музыкальные и художественные «постановки». Гостеприимство носило характер артистический, было чуждо чопорности: интимно-светский блеск на вечерах, когда освещалась «восточная комната», вся в коврах, с уютными сидениями, диванами, потолком, затянутым шатрообразными складками, с восточным оружием на стенах и другими отголосками поездок отца на Восток. С картиной «Цыганский табор» в глубине, над диваном.

В столовой нарядно убранный стол, серебро и цветы, конфеты, фрукты, стол закуточный, у которого суетились слуги. Из зала слышно пение, рояль, потом говор, и еще звонки – запоздалые гости. Между шубами, шинелями, ретондами, калошами и ботиками Герасим принимает гостей, всякому свой привет. Чуть позвякивают офицерские шпоры, особенно нарядно расправляя бакенбарды, вытирая заиндевелые усы, входят мужчины. А какие женщины бывали! Шуршащие шелками, воланами, кружевом; около этих загадочных красавиц суетилась, разматывая их из шуб и шалей, женская прислуга; по голосам, звонким приветствиям и духам узнавали мы кое-кого из знакомых. Наш отец действительно преклонялся перед красотой, он и видел, и творил «en beau»*, должно быть, поэтому и подбор посетительниц мог считаться цветом петербургских женщин света. Бывало, и волнуешься, и бегаешь, и подсматриваешь, скачешь вокруг разубранного стола, и выводят нас, приодетых с бантами и кушаками к гостям. У нас, у меня и Сережи, были свои «любви», влюбленности и антипатии к людям, и многое подвергалось нашей острой критике. Хотя мы и жили нашим детским миром, но переживали также со всею детской фантастикой близость загадочных взрослых, больших и «дам прекрасных».

Еще не изжитый романтизм того поколения, поддерживаемый эпохой оперных восторгов, мелодиями нашего петербургского романса, и отразился на нас, детях. Помню, в углу зала сидит толстый-претолстый поэт Апухтин,

* Прекрасное (фр.).

а у рояля – Татуся Панаева⁶¹, мы ее «обожали» за красоту и дивный низкий голос и успели изучить на портрете отца ее темно-синие глаза, платье – бархат, у продольного выреза у шеи – венецианские кружева и роза⁶². А наша родственница Маня Смирнова, роскошная девушка, лет 20-ти, готовилась выступать на сцене, кто-то ее преследовал, влюбившись, и стрелял в нее, гласила легенда. Разговоры о ревности, увлечениях, увозах из табора, «Ночи бессонные, ночи безумные...», «Средь шумного бала, случайно...».

Певал Девойод⁶³ (есть портрет его, писанный отцом), Люсьен Решке-Гитри⁶⁴, смутно помню знаменитого путешественника Миклухо-Маклая, Джиральдони-Баттистини, позднее – Н.Н.Фигнера⁶⁵ с Медеей Мей⁶⁶. Имена кн[язей] Дондуковых⁶⁷, Солдатенковых, Зиновьевых⁶⁸, Жедринских, Базилевских, Коншиных⁶⁹, Кушелевых, кн[язя] Барятинского⁷⁰, кн[язя] Дабижа, Демидова⁷¹ к[нязя] Сан-Дonato, гр[афа] Адлерберга, гр[афа] Уварова⁷², Стасова⁷³, Черткова⁷⁴, Сабурова⁷⁵, Басиных, В.Ф.Голубева⁷⁶, Герарда, Добровольского⁷⁷, Кауфмана⁷⁸, Плетнева⁷⁹ и многих других⁸⁰ мелькают, связанные с повторными впечатлениями. Мы, дети, конечно, скоро исчезали, но, засыпая, прислушивались к отдаленному пению, говору, смеху, и мимо наших детских проносилась прислуга. Еще просыпались на мгновение – вновь оживление разезда, двери на парадную стучают. Поздно разъезжался наш светский Петербург.

За интересными завтраками бывали друзья из общества, финансового мира, Виктор Федорович Голубев, мой крестный отец, адвокат Герард, Стасов, тетя Катя Султанова. Разговоры политические, последние правительственные слухи, новости из дворца, о министерских назначениях, о заговорах, «нигилистах» и «курсистках», о Толстом, о подводных лодках, о первых экспериментах синемаатографа. Шли, конечно, художественные разговоры, о выставках. Запомнились о Бисмарке и трагедии австрийского наследника и г[оспо]жи Вечера⁸¹. За столом отец выделял всегда какие-то фигурки из мягкого черного хлеба и из бумажных трубочек. Мы, вставая, крестились на образ в углу и целовали руку матери и отца.

Вся русская дворянская жизнь с продолжительными пребываниями за границей, с долгими летними месяцами в имении Тарновских около Киева и зимами в

Санкт-Петербурге охватила наше детство. Школы мы не посещали, но учились дома охотно и разнообразно. Гувернантка-француженка, заменившая няню, бонны с немецким языком и швейцарка и приходящий позднее студент-учитель пеклись о нашей учебе. Еще до шести лет я засела за высокий школьный pupitre* и стала легко выводить милый округлый русский алфавит, читать могла уже раньше по «Новому времени». Сестра Наташа, очень ласковая ко мне, много занималась и по-русски грамоте меня учила, храню ее в благодарной памяти. Вот лежит передо мною целый ряд карандашиков, собирала отовсюду эту коллекцию, «жалая» самые маленькие огрызки, уродцы. Меня помнили в детстве именно сосредоточенной и неразлучной с карандашом. Тут возникает в памяти стакан с цветочками, который я стараюсь изобразить. Рисование было у нас семейной традицией, point d'honneur** ом и вопросом большой важности. Рано, по указанию отца, следившего, чтобы проявить художественные способности детей, приносилось нам что-либо из аксессуаров, утвари отца для рисования. Так, принесли нам лебедя на блюде (из «Свадебного боярского пира»), и рисовала его я и брат в натуральную величину, угольком, а мягким хлебом вынимались блики, и мелком подштриховывались особые светики; преподавал нам, хоть и недолго, вольноопределяющийся Кремер, кажется единственный ученик отца. Я очень рано решила, что буду художницей, и верила в себя. Мой старший брат Сережа, баловень, особенно у мамы, имел хорошие способности и рисовал лучше меня; однажды он нарисовал, кажется к праздникам, и преподнес отцу целую картину акварелью на тему «Полтавский бой» и продекламировал его по Пушкину. Что было похвал! И действительно было хорошо. Другой раз, отец писал тогда rappeaux*** для дворца Дарвица⁸², он задал Сереже и мне задачу: помочь ему написать облака, вечернее небо. Я очень волновалась, я много наблюдала предметы, цветы, деревья, людей, но облака? Они дымны, им радуешься, любишься, за ними следишь, но изображать?? Я почувствовала свое «слишком рано». «Все равно, — заметила я спокойно Сереже, —

* Парта (фр.).

** Дело чести (фр.).

*** Панно (фр.).

художником буду я, а не ты». Оказалась права. Он стал большим художником слова.

«Барин прислал, Вас зовут, Юлия Ивановна (бонна) с Володей, скоро идите! Позировать для картины»... И подают косоворотку голубенькую шелковую с пояском, черные бархатные с напуском штанишки, мягкие сафьяновые чуваки; приглаживаются волосы, кружком подстриженные... Заволновалась добродушная балтийка, хочет прихорашиваться, но ей нечего, — сам барин в мастерской нарядит ее во все парчовое и кокошник-кичку нахлобучит, золотую, с золотой же бахромой, и выйдет мамка при детище на славу! Это для «Убора невесты». А дядя Ваня Пыжов, муж тети Жени⁸³, уже написан — он «дружка», смеющийся в курчавую бороду, который входит в двери, держа ларец с подарками. А меня туда не пускают. Я обижена. Тем более что там большая бадья «со сладостями»: это гостинец для подружек, что поют во время «убора» на заднем плане на лавке. Какие свистульки, петушки из малинового и белого сахара, подбоченившиеся ездоки из карамели! Сколько разных вяземских и мятных пряников, старинных, фигурчатых. А орехи! Конечно, в конце концов все эти прелести доходили, желанные, до детской.

Старший брат Сережа позировал раньше, лет пяти, для «Боярского пира», а тут же тетя Катя, с большими черными ревнивыми очами. Для невесты позировала мать, а еще называлось имя г-жи Офросимовой. Исключительный успех этой картины, молва о ней и репродукции в «Ниве» и других журналах способствовали широкому распространению славы нашего отца. О судьбах этого произведения упомяну позже подробно.

С первыми весенними днями выставлялись рамы окон, звонче раздавались голоса разносчиков, слышалось дребезжание колес, весна и улица врывались в комнаты, даже голуби влетали к нам! Обсуждались планы на лето. А пока дети посылались на прогулку в Летний сад. По набережной, вдоль дворца Зимнего, утыканного по краю крыши фигурами; хотелось бы их вблизи посмотреть, верно, их часто заново окрашивают, немой и зябкий хоровод, и всюду трупы на крыше. Старые свидетели судеб столицы, дворца, а может быть, провидцы? Вот мчится крупной рысью пара вороных, взлетает на мост и дальше по торцовой мостовой, у дворцового крыльца останавливается;

седок в шинели, в треуголке с plumage'ем, легко выскакивает. Министр? По делам во дворец? Посланник?

Мимо других дворцов, Мраморного, мимо Суворова и Марсового поля, любуемся движением на Неве и доходим оживленно до входа в Летний сад. Часовня в память Александра II, решетка знаменитая у входа.

Рассеянные по аллеям белые, сероватые статуи, еще более таинственные, чем картины, своею жизнью наполненные, точно гости издалека, – Флоры, Венусы, Ночь... Около середины сада сидит на цоколе дедушка Крылов, вокруг, у его подножья, детишки играют в песке... Вспоминаются его басни, мы уже многие знаем наизусть, как и французские La Fontaine'a.

Если дойти до конца большой аллеи, где громадная гранитная ваза у выхода, то справа открывается грандиозный вид на Марсово поле, окаймленное дворцовыми коюшнями. Стоишь как вкопанная перед очаровательной скульптурой, группой «Амура и Психеи» на фоне этого пространства. Виднеются сад и павильон, а за ними Михайловский дворец, и если попристальнее взглядеться – всюду затейливые чугунные решетки, узорчато-кружевно связывают все впечатления в одно целое. И тоже бульжником убитые мостовые дают интересный дробный рисунок площадям и улицам. А возвращаемся мы мимо Эрмитажа. Навстречу идут павловцы в медных шапках, на солнце поблескивают, в барабаны бьют, размашистым шагом! Овеяли нас волнующим угадыванием военной мощи, говорят, выбирают рослых да курносых солдат, чтобы на своего шефа, покойного императора Павла I походили... У Александровской колонны стоят часовые в громадных меховых шапках и мундирах императора Александра I Благословенного.

Примечания

¹ *Маковский С.К.* Портреты современников. М., 2000. С. 9.

² Ашбе (Ажбе) Антон (1862–1905) – словенский художник и педагог, учился и работал в Мюнхене. Среди его русских учеников был И. Грабарь, В. Кандинский, И. Билибин.

³ Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 30 и об.

⁴ Письмо от 15 марта 1951 г. – Там же. Л. 63.

⁵ См.: *Маковский С.К.* Портреты современников. С. 41–45.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ На Дворцовой набережной.

⁸ Картина написана в 1878 г.

⁹ Дочь Марина родилась в декабре 1875 г. в Париже, умерла в подмосковном Останкино в августе 1876 г. от менингита.

¹⁰ Маковская (Лебедева) Елена Тимофеевна – внебрачная дочь графа Владимира Федоровича Адлерберга, министра двора при Николае I, и его фаворитки Минны Ивановны. Получила образование в Швейцарии, хорошо рисовала, увлекалась музыкой, была актрисой Александринского театра. В 1867 г. вышла замуж за К.Е.Маковского. После рождения сына (умер нескольких месяцев от роду) у нее начался процесс в легких. Умерла в Каире в 1873 г., куда К.Е.Маковский отвез ее для лечения.

¹¹ Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – художественный критик, поэт, главный редактор журнала «Аполлон», мемуарист.

¹² Маковский Владимир Константинович (1883–?) – младший брат Е.К.Маковской.

¹³ Владимир Александрович (1847–1909) – великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, главнокомандующий войска гвардии Петербургского военного округа, член Государственного Совета, президент Академии художеств.

¹⁴ Сразу после свадьбы, состоявшейся в январе 1875 г., как только Юлии Павловне Летковой исполнилось 17 лет, супруги Маковские уехали в Париж.

¹⁵ Дюран (Dugant) Каролюс (наст. имя Шарль; 1837–1917) – французский художник-портретист.

¹⁶ Макарт Ганс (1840–1884) – знаменитый в 1870-е гг. австрийский художник.

¹⁷ Эверарди (Everardi) Камилло (наст. фам. и имя Эврар (Everard) Камилл Франсуа; 1825–1899) – бельгийский оперный артист (баритон-бас) и педагог, в 1870–1874 гг. выступал в Петербурге, обладал виртуозной колоратурной техникой.

¹⁸ Герард Владимир Николаевич – известный адвокат, друг семьи Маковских.

¹⁹ Речь идет о внебрачной дочери К.Е.Маковского – по словам С.К.Маковского, «наследии какого-то студенческого романа. Она жила в нашей семье до позднего своего замужества, мы звали ее Татинька» (Маковский С.К. Портреты современников. С. 23).

²⁰ «La sigal ayant chanté tous l'été...» – из басни Лафонтена «Стрекоза и муравей».

²¹ Правильно: Любовь Корнилиевна (урожд. Молленгауер). Ее отец, выходец из Померании, был фабрикантом музыкальных инструментов. Обладала прекрасным голосом, густым контральто. Существует ее карандашный портрет работы К.И.Брюллова.

²² Маковская Александра Егоровна (1837–1915).

²³ Речь идет о дочери Л.К. и Е.И.Маковских.

²⁴ Смирнова Мария Дмитриевна – оперная певица (меццо-сопрано). Училась пению в Петербургской консерватории, позднее брала уроки у К.Эверарди. Дебютировала в Мариинском театре в партии Кармен в 1889 году. Выступала на оперных сценах Харькова, Киева, Москвы, Казани.

²⁵ Леткова-Султанова Екатерина Павловна (1856–1937) – писательница, мемуаристка, переводчица, жена Н.В.Султанова.

²⁶ Имеется в виду Елена Павловна, урожденная Леткова.

²⁷ Е.И.Маковский служил бухгалтером экспедиции Кремлевских строений. Был одним из основателей Натурного (в дальнейшем Художественного) класса (1832), послужившего основой Училища живописи, ваяния и зодчества (1843). Страстный любитель искусства и коллекционер, он собрал одну из лучших коллекций гравюр и рисунков в России. В ней были первые оттиски гравюр Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, рисунки Брюллова, Кипренского. Он жил до самой смерти в Москве, а Л.К.Маковская с дочерью Александрой отдельно, в Петербурге.

²⁸ Маковский Владимир Егорович (1846–1920) – жанрист, член Товарищества передвижных художественных выставок.

²⁹ Маковский Александр Владимирович (1869–1924) – живописец, руководитель Художественного училища при Академии художеств.

³⁰ Маковский Николай Егорович (1842–1886) – пейзажист.

³¹ Картина написана в 1869(70) году; по словам С.К.Маковского, это «один из самых пленительных по серьезности и простоте живописной трактовки портрет, похожий на жанровую сцену, отражающую домашний быт эпохи, быт семьи, жившей уютно, просто, любовно» (Маковский С.К. Портреты современников. С. 28).

³² Портрет написан в 1856 г.

³³ Старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носком или рыльцем.

³⁴ Старинный большой сосуд, в котором подавались напитки для разливания по чашам или питья вкруговую; большая общая чаша для питья и еды.

³⁵ От самземне – земля саамов, старое русское название саамов и др. народов Севера.

³⁶ Кучер-эстонец, работавший в Петербурге только на Масленицу, от финского veikko – брат.

³⁷ Плотная шерстяная (иногда с шелком) ткань из тонкой гребенной пряжи, обычно черного цвета, шла, главным образом, на изготовление обуви, мебельной обивки, галстуков.

³⁸ Картина «Балаганы на Адмиралтейской площади (Масленица)» (1869) была приобретена императором Александром II для Русского отдела Эрмитажа. Хранится в Русском музее. Под ее влиянием И.Ф.Стравинский написал балет «Петрушка».

³⁹ Литературная и политическая газета, выходила в Петербурге в 1868–1894 гг.

⁴⁰ Захаров Андрей Дмитриевич (1761–1811) – архитектор, представитель ампира. Создатель здания Адмиралтейства в Петербурге (1806–1823), собора в Кронштадте (1806–1817), проектов «образцовых» (типовых) сооружений для русских городов.

⁴¹ Милтон Джон (1608–1674) – английский поэт и эссеист.

⁴² Доре Гюстав (1832–1883) – французский рисовальщик, гравер, художник и скульптор.

⁴³ Еженедельный иллюстрированный журнал. Издавался А.Ф.Марксом в Петербурге с 1870 по 1918 г. Пользовался популярностью (тираж свыше 200 тысяч экземпляров).

⁴⁴ Султанов Николай Владимирович (1850–1908) – архитектор, историк искусства, академик.

⁴⁵ Речь идет об издании «Русские народные картинки» в 9-ти томах, в которых содержалось 1780 картинок, собранных и опубликованных Дмитрием Александровичем Ровинским (1824–1895), государственным деятелем, юристом, историком искусства.

⁴⁶ К.Е.Маковский несколько раз писал портреты Александра II начиная с 1862 г., тот, о котором идет речь, был написан в 1880 г. в Ливадии, куда художник был приглашен писать портреты царя, княгини Юрьевской и их детей Георгия, Ольги, Екатерины. Портрет был несколько раз повторен для великой княгини Марии Павловны, для принца Уэльского, для графа А.В.Адлерберга, для императора Вильгельма I. К.Е.Маковский написал также портрет Александра II на смертном одре, до революции находившийся в Гатчинском дворце.

⁴⁷ К.Е.Маковский был создан портрет этого человека «Алексеич за самоваром» – единственная его работа, приобретенная П.М.Третьяковым для галереи.

⁴⁸ «Марион де Лорм (Делорм)» – опера итальянского композитора А.Понкьелли, созданная в 1885 г.

⁴⁹ Картина «Боярский свадебный пир XVII столетия» впервые выставлена в 1883 г., а в 1885 г. в Антверпене на Всемирной выставке удостоена Большой золотой медали и ордена короля Леопольда. Картина была куплена ювелиром из США Шуманом.

⁵⁰ Картина «Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем» (1887) написана по заказу Шумана.

⁵¹ Возможно, речь идет о Петербургском обществе художников – объединении, созданном группой художников академического направления в 1890 г. Начиная с 1891 г. оно устраивало ежегодные выставки в Петербурге, Москве и других крупных городах. Председателями общества в разное время были А.И.Мещерский, А.Д.Кившенко, К.Е.Маковский.

⁵² Воспоминания писателя Вас.И.Немировича-Данченко «Маковский, Крамской, Репин. Из прошлых встреч» были опубликованы в газете «Сегодня», 1931, № 197, 19 июля.

⁵³ Крамской Иван Николаевич (1837–1887) – художник, один из основателей Товарищества передвижных и художественных выставок.

⁵⁴ Верещагин Василий Васильевич (1842–1904) – художник-баталист.

⁵⁵ Горбунов Иван Федорович (1831–1895/96) – актер, прозаик, зачинатель литературно-сценического жанра устного рассказа.

⁵⁶ Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист, литератор, мемуарист, почетный член Академии наук по разряду изящной словесности.

⁵⁷ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) – пианист, композитор, дирижер.

⁵⁸ Костомаров Николай Иванович (1817–1885) – историк, писатель.

⁵⁹ Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846–1888) – этнограф, путешественник, общественный деятель.

⁶⁰ Савина Мария Гавриловна (1854–1915) – драматическая актриса, с 1869 г. на провинциальной сцене, с 1874 в Александринском театре.

⁶¹ Панаева Александра Валериановна (в замужестве Карцева) – певица, педагог, дочь Валериана Александровича Панаева (1824–1899), инженера путей сообщения, публициста, мемуариста, основателя Панаевского театра. А.В.Панаева познакомилась с Маковским в Париже в 1875 г. на вилле П.Виардо. Выступала в Панаевском и Мариинском театрах.

⁶² Портрет А.В.Панаевой был написан во Франции в 1876 г.

⁶³ Девойод Жюль (1841–1901) – французский певец (бас-баритон), начинал как драматический актер, в 1875 г. гастролировал в Петербурге, умер в Москве во время спектакля «Риголетто».

⁶⁴ Решке-Гитри Люсьен (1860–1925) – французский актер.

⁶⁵ Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – русский певец (лирико-драматический тенор), солист Мариинского театра в 1887–1904 гг.

⁶⁶ Мей Медея Ивановна (в замужестве Фигнер; 1859–1952) – итальянская певица (драматическое сопрано), солистка Мариинского театра в 1887–1912 гг.

⁶⁷ Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – генерал-адъютант, русский комиссар в Болгарии.

⁶⁸ Зиновьев Иван Алексеевич (1833–?) – дипломат, чрезвычайный и полномочный посол России при турецком султানে в Константинополе, с 1883 по 1891 – директор азиатского департамента Министерства иностранных дел.

⁶⁹ Коншины Николай Николаевич (1831–?), Александра Ивановна (1838–1914) – представители купеческого рода владельцев огромного хлопчатобумажного комбината в г. Серпухове.

⁷⁰ Барятинский Владимир Анатольевич (1843–?) – князь, генерал-майор, егермейстер и начальник императорской охоты.

⁷¹ Демидов Павел Павлович (1829–1885) – предствитель семьи русских промышленников, в 1872 г. принял пожалованный итальянским королем титул князя Сан-Дonato.

⁷² Уваров Алексей Сергеевич (1828–1884) – граф, археолог, основатель московского и петербургского археологических обществ.

⁷³ Стасов, скорее Дмитрий Васильевич (1828–1918) – адвокат, общественный деятель, один из учредителей Русского музыкального общества, а не его брат Владимир Васильевич (1824–1906), художественный и музыкальный критик, идеолог «Могучей кучки» и Товарищества передвижных художественных выставок, критически относившийся к живописи К.Е.Маковского.

⁷⁴ Чертков Михаил Иванович (1829–1905) – генерал от кавалерии, воронежский генерал-губернатор.

⁷⁵ Сабуров Андрей Александрович – вице-директор департамента Министерства юстиции, попечитель Дерптского учебного округа, управляющий Министерством народного просвещения (1880).

⁷⁶ Голубев Виктор Федорович (1842–1903) – инженер, предприниматель и меценат, ему принадлежал сенбернар, изображенный на картине К.Е.Маковского «Маленький вор».

⁷⁷ Добровольский, возможно Николай Флорианович (1831–?) – художник.

⁷⁸ Кауфман, фон Алексей Михайлович (1861–1934) – генерал-лейтенант, после окончания Пажеского корпуса служил в Кавалергардском полку.

⁷⁹ Плетнев Алексей Петрович (1854–1918) – прозаик, публицист.

⁸⁰ Все упомянутые гости К.Е.Маковского в то или иное время были им изображены на портретах.

⁸¹ Рудольф Франц-Карл-Иосиф (1858–1889) – австрийский эрцгерцог и крон-принц, единственный сын императора Франца-Иосифа. В 1881 г. женился на Стефании, дочери бельгийского короля Леопольда II. Незадолго до смерти он страстно влюбился в румынскую баронессу Марию Вечера, хотел развестись с женой, но под давлением отца обещал разорвать отношения с г-жой Вечерой. 30 января 1889 г. Рудольф был найден с прострелянной головой и разряженным пистолетом в руке в охотничьем замке Мейерлинг. На той же кровати лежала отравившаяся стрихнином баронесса Вечера. Официальные известия говорили о внезапной смерти от удара, но не смотря на старания правительства скрыть обстоятельства катастрофы, двойное самоубийство не подлежало сомнению.

⁸² Панно для дворца фон Дервизов (Английская набережная, 28) были написаны К.Е.Маковским в 1887 г.

⁸³ Имеется в виду Пыжова Евгения Павловна, урожд. Леткова.

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН В ЗАЛЕ КОНСЕРВАТОРИИ (из воспоминаний)

Публикация М.А.Рашковской

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) – писатель, искусствовед, этнограф, историк литературы и театра. Многосторонние творческие и духовные интересы позволили ему стать поистине универсальной фигурой в сфере гуманитарного знания и истории культуры. Своими университетами он называл Третьяковскую галерею, Малый и Художественный театры, Румянцевскую библиотеку. Именно усердные занятия в этих «университетах» сделали его многогранным исследователем истории русской культуры. Московскую консерваторию к числу своих университетов он не причислял. Но музыка, как и литература, живопись и театр, с юности была полноправным спутником его жизни. Недаром в воспоминаниях о консерватории он сравнивает радость от посещения симфонических собраний с тем «блаженством», которое получал от спектаклей Малого театра с участием прославленных его актеров М.Н.Ермоловой, О.О.Садовской, А.П.Ленского. К слову сказать, всем троим позднее он посвятил немало статей, публикаций, книг.

Дурылин не был специалистом-музыковедом. Однако размышления о музыке составляли неотъемлемую часть его творчества. В 1908–1909 гг. он собирал материалы для книги о Н.А.Римском-Корсакове. Книга не была написана, но, возможно, именно размышления о любимом композиторе пробудили интерес Дурылина к легенде о Китеже и ее бытованию в современном народном сознании. В результате появился один из самых интересных и поэтичных его очерков «Церковь невидимого града». В 1913 г. он издал брошюру «Рихард Вагнер и Россия». Разумеется,

это не специальный музыковедческий труд, а культурно-философское эссе, отразившее увлечение Вагнером, характерное для московской интеллигенции, близкой Религиозно-философскому обществу памяти Вл.Соловьева и издательству «Путь».

Дурылин поддерживал знакомство с братьями Метнерами – композитором Николаем Карловичем и его братом, философом, литератором и музыкальным критиком Эмилием Карловичем, с семьей музыкантов Гедике. О некоторых из них он вспомнит в своих записках о Москве. Близким другом Дурылина на многие годы стал ученик Николая Метнера композитор и пианист Пантелеймон Васильев.

В 1930-е – 1940-е гг. в Болшевском доме Сергея Николаевича бывают А.Ф.Гедике, Ю.С.Бирюков, К.Г.Держинская, П.М.Норцов, Н.А.Обухова.

Воспоминания о Московской консерватории были написаны в 1940 г. Они посвящены музыкальным впечатлениям, испытанным в молодости на галерее Большого зала консерватории, композиторам, исполнителям, знаменитым критикам и знаменитым или примечательным слушателям, которые прошли перед взором мемуариста. Первые исполнения «Божественной симфонии» и «Поэмы экстаза» Скрябина и реакция на них публики, Танеев и Рахманинов как пианисты, выразительные портреты замечательных скрипачей Э.Изаи, Л.Капэ и А.Бродского, педагоги-подвижники: от почтенного И.В.Гржимали до всеми забытых полуницких учителей музыки, выбиравшихся в Консерваторию послушать Девятую симфонию Бетховена, – проходят перед читателем воспоминаний. Интересны беглые зарисовки постоянных посетителей симфонических собраний: философа Льва Лопатина, писателя Петра Боборыкина, поэта Андрея Белого (а вот Валерия Брюсова никогда не встречали на симфонических концертах), Софьи Андреевны Толстой. Особенно теплые слова находит автор для посетителей стоячей галерки Большого зала, на месте которой расположен современный 2-й амфитеатр. Именно здесь больше всего было подлинных ценителей и самоотверженных слушателей, готовых выстоять длинные концерты и выпросить у скупых на бисирование музыкантов дополнительные пьесы, арии, номера. Одному из них, рано умершему другу юности Всеволоду Владимировичу Разевигу, и посвятил Дурылин эти воспоминания.

И еще об одном своем давнем друге вспомнил здесь Дурыйин – о Борисе Пастернаке. Дружба с Пастернаком, начавшаяся в 1908 г., всегда была важна для него. Неудивительно, что Пастернак появляется в эпизодах, связанных с именем Скрябина – в те времена кумира будущего поэта.

Конечно, записки о консерватории не претендуют на профессиональный разбор композиторского мастерства и исполнительской техники музыкантов, упоминающихся на ее страницах. Но зоркость и глубина историко-культурной интуиции, умение через многие годы донести до читателя свежесть впечатлений убеждают в достоверности нарисованных на этих страницах картин. Эти воспоминания – дань благодарной памяти мемуариста Московской консерватории и музыкантам, игравшим в ее зале.

При написании воспоминаний Сергей Николаевич опирался не только на свою память, но и на сохраненные в его архиве программы, афиши, пометки в записных книжках, которые вел на протяжении многих лет. Имена, даты, списки исполнителей, какие-то, пусть и мелкие, подробности биографий упоминаемых лиц придают дополнительный интерес и убедительность этому тексту.

Публикуемые воспоминания хранятся в фонде С.Н.Дурыйина (Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 235). Текст публикуется по авторизованной машинописи. При передаче текста сохранялось своеобразие пунктуации автора.

Памяти Всеволода Владимировича Разевига

1

Галерея Большого зала консерватории.

Она уже не существует в том виде, в каком существовала тридцать-сорок лет назад. *Тогда* – в те далекие годы – мы стояли в ней; в ней не было совсем сидячих мест, если не считать, что, настоявшись до усталости, мы могли сесть *на пол*. *Теперь* во 2-ом амфитеатре, вобравшем в себя галерею, – сплошь сидячие места. *Тогда* надо было приходиться на галерею как можно раньше, как только отопрут Большой зал, чтобы проникнуть на галерею одним из первых и занять место у барьера: прислонившись к нему, опершись руками, можно было удобнее слушать концерт; чуть опоздаешь, придется стоять позади счастливых, опершихся на барьер, а за тобой будут *стоять* еще большие несчастливцы в

третьем, четвертом ряду, — и все, по мере усталости или, наоборот, по мере увлечения концертом, [будут] напирать на тебя, чтобы хоть одним глазком взглянуть, как Изаи¹ водит смычком или как с умным спокойствием взмахивает дирижерской палочкой А.К.Глазунов, дирижируя своей новой симфонией. *Теперь* лица, взявшие билет на бывшую галерею, приходят на свои места, как все прочие слушатели: билет обеспечивает нумерованное место. Тогда вся галерея была без всяких мест и без всяких номеров. Все были равны — или, если угодно, всем было равно неудобно стоять на ногах часа три. В антрактах, когда сидячие слушатели партера и двух амфитеатров *прогуливались* в фойе, нас, галерейщиков, тянуло *посидеть* на очень гладком, но достаточно пыльном полу галереи. Но... мы все-таки не сидели, а спускались в фойе. Зачем? — о том речь впереди.

Итак, старая галерея была тесна, узка, неудобна.

Но с какой теплою благодарностью взираю я теперь, сидя в партере, на эту бывшую галерею! — с такой же благодарностью, как на еще более тесную галерку Малого театра. На галерее было тесно, — но это же и было хорошо для нас, тогдашней молодежи: мы проникали туда почти в неограниченном количестве и за самую ничтожную плату: абонемент на стоячие места в галерею стоил всего 5 рублей за десять симфонических собраний, — выходит, за полтинник в вечер, — мы могли слушать Танеева, Рахманинова, Скрябина, Изаи, Иосифа Гофмана², Шаляпина, Собинова³. Но не это главное: за этот полтинник мы внимали звукам 9-й симфонии, мы слушали «Фантастическую симфонию» Берлиоза под дирижерством лучшего ее исполнителя Эдуара Колонна⁴, мы отдавались власти Вагнера, знакомясь с целыми актами его «Тристана и Изольды» и «Парсифаля», никогда (это никогда продолжается и доселе) не исполнявшихся в Москве на оперной сцене. И все за этот же полтинник мы слушали *первые* исполнения *новых* симфонических сочинений Глазунова, Рахманинова, Гедике⁵ под управлением самих авторов. Не исчислить всех блаженств, которые получали мы там, на пыльной галерее консерваторского зала.

Повторяю: сравнить с ними можно было только театральные блаженства, получаемые на такой же галерее Малого театра (Ермолова в «Кориолане» или «Марии Стюарт», Садовская в комедиях Островского, А.П.Ленский в «Горе от ума»!).

Симфонические собрания начинались в 9 час. вечера. К этому часу к подъезду Консерватории подъезжали извозчики на резиновых шинах, из карет высаживались дамы в высоких вязаных капорах, тихо подкрадывались редкие тогда автомобили. Но галерея заполнена была уже за четверть часа до начала. Она почти в полном составе имела честь слушать каждый раз настраиванье инструментов симфонического оркестра.

Кого не бывало на галерее!

Я бы мог назвать много видных имен музыкантов, актеров, художников, поэтов, критиков, ученых, которые в былые дни теснились на галерее и тихо переговаривались между собою или изучали программу в ожидании, пока первый замах дирижерской палочки водворит тишину в зале.

Я помню лица, наружность многих из тех, кого я до сих пор не знаю и никогда, конечно, не узнаю по имени, но про которых я хорошо знал: вот этот старик, с белой острой бородой и усами наподобие Густава Адольфа⁶, закрывая рукой лицо, тихо и стыдливо плачет, когда исполняют Бетховена; как бы долго ни длился концерт, он никогда не позволит себе присесть на пол: он слушает музыку стоя; но однажды я с удивлением увидел, что он отошел от барьера и усталое, по-стариковски, сел на пол и, видимо, не слушал того, что исполнял оркестр, а исполняли какую-то фанфарно-шумливую вещь Рихарда Штрауса. Я стал наблюдать за стариком с бородой Густава Адольфа и заметил, что он *сидит*, когда играют новых немцев: Р.Штрауса, Регера⁷, Малера – и стройно стоит, когда исполняют Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта. После я узнал, что этот старик был учитель немецкого языка в какой-то частной гимназии или пансионе. Вот этот студент в сильно поношенной тужурке всегда просит взглянуть на программу; у него нет лишнего гривенника купить ее при входе (сбор за программы шел в пользу недостаточных учеников Консерватории), но, когда после окончания концерта он заметит брошенную на полу программу, он поднимает ее, бережно складывает и уносит с собой как реликвию; я так привык к этому студенту, что знаю, что он химик (от его тужурки веет кисловатым запахом лаборатории), я знаю, что в нескольких местах его серая тужурка прожжена какой-то ядовитой смесью, но я знаю также, что он страстный любитель Чайковского. Он слу-

шает «Франческу да Римини», весь подавшись вперед над барьером галереи, чтобы раньше всех уловить печально-сладкие звуки великой симфонической поэмы; однажды он, ни с того ни с сего, сказал мне: «Я слышал, что в следующем собрании симфонию Брамса хотят заменить “Зимними грезами”»⁸; я знал, хотя не знаком с ним, что это было бы для него счастьем, и я сочувственно отозвался: «Да, и я слышал это», хотя я ничего не слышал.

Я вспоминаю одного своего товарища по гимназии. Он теперь профессор физики. Он и в гимназии, и в университете был привержен к физике и ни к каким искусствам, ни к театру, ни к живописи, ни к поэзии не чувствовал ни малейшего влечения. Когда в гимназии ему приходилось отвечать что-нибудь о Пушкине, он говорил о нем с куда меньшим оживлением, чем о Торричеллиевой пустоте⁹. Но этот же человек неизменно в течение многих лет занимал «свое место» у барьера галереи и с полным молчанием отдавался музыке: час, два, три он мог стоять неподвижно, весь погруженный в нее. Когда замирал последний звук последнего *bis*'а, он молча пожимал мне руку и, не проронив ни слова, удалялся, унося с собою, — я это знал, — скорбь Чайковского или молитву Баха.

Я знал другого близкого мне человека, студента филологического факультета, который дома изучал Канта, Гегеля, Шопенгауэра, был оставлен в университете по кафедре философии, но лучшие свои философические раздумья почерпал там, на пыльной галерее, у Баха, Бетховена, Шуберта, Шумана; к ним присоединял он нашего Бородина, норвежского Грига, — но Р.Штрауса, Регера, Брукнера¹⁰ не выносил еще суровее, чем старик — Густав Адольф, и перед исполнением какой-нибудь «Смерти и просветления» Штрауса¹¹ ворчливо бормотал себе под нос: «Стыд и помрачение», — и стремительно исчезал с галереи.

Помню старушку в черном пенсне в клетчатой шотландской юбке, худую и томимую застарелым кашлем. Это был ее бич: он мешал ей слушать музыку, и у нее на кашельный случай были запасены какие-то пахучие леденцы табачного цвета; иногда она угощала ими своего соседа; мы, молодежь, предполагали, что она — устарелая учительница музыки, и всегда уступали ей лучшее место у барьера. Она учтиво произносила: «Благодарствуйте», — и, слушая музыку, заменяла пенсне лорнетом. Мы знали, на кого она смотрит: на барельеф Николая Рубинштей-

на¹², высящийся над эстрадой. Иногда она переводила лорнет на живописный портрет Антона Рубинштейна¹³, но тотчас вновь наводила на Николая. Иногда она что-то шептала про себя, то сочувственно, то возмущенно. Однажды ей сделалось дурно от галерейной тесноты и духоты и мне пришлось проводить ее в буфет, чтобы достать воды. Я предложил ей выпить чаю. И тут она мне рассказала, что она была ученицей Николая Рубинштейна и, когда слушает симфонии, которыми он некогда дирижировал, ей все кажется, что он уехал куда-то концерттировать и лишь временно заменен случайным дирижером.

Я бы мог так долго вспоминать лицо за лицом, старое за молодым, измученное жизнью и ею ласково обогретое, — и я, конечно, не перебрал бы и сотой доли тех, кто теснился тогда на душевной и тесной галерее.

Я помню, как однажды я пропустил одно из симфонических собраний, и постоянный мой сосед по барьеру, румяный старик, служивший в городской управе, участливо спросил меня, не был ли я болен, что пропустил такой прекрасный концерт: исполняли бетховенскую «Пасторальную» симфонию. Я признался, что был в театре. «Променять Бетховена на лицедеев!» — укоризненно покачал головой старик и отвернулся от меня. Он даже не заинтересовался узнать, в *каком* театре я был; для него преступлением было всякое предпочтение кого бы то ни было Бетховену.

Я перебираю в памяти давние встречи, горячие споры на галерее между «классиками» и «импрессионистами», между глубокими приверженцами Чайковского и страстными (хотя и малочисленными тогда) сторонниками Скрябина; я вспоминаю упорные дебаты о том, кто выше из дирижеров: Никиш¹⁴ или Вейнгартнер¹⁵, — я припоминаю горячие слова, радостные восклицания, летучие эпиграммы, зарождавшиеся на высоте галереи, — и мне кажется теперь, что на галерее была чудесная, молодая и старая публика, чуткая, восприимчивая, отзывчивая. Я даже склонен думать, что эта публика галереи была в основном своем составе лучше той публики, которая занимала партер. И у меня есть на это неоспоримое доказательство. Оно заключается в том, с чего я начал, — в самом устройстве галереи. Чтобы выдержать тесноту и духоту этого великого стояния на ногах в течение добрых трех часов, чтобы сохранить в это время всю свежесть слуха, всю

благодарную радость восприятия музыки, необходимо обладать большой любовью к ней и еще большей жадой — питать эту любовь новыми и новыми восторгами музыкальных радостей.

Я теперь думаю, что звуки Бетховена или Чайковского, медленнее всего достигавшие галереи, нигде так глубоко и благодарно не воспринимались, как там, где их все слушали стоя.

2

Программа симфонического собрания обычно состояла не меньше, чем из четырех-пяти номеров. Первой исполнялась всегда симфония, в редких случаях предшествуемая увертюрой или каким-нибудь другим небольшим симфоническим произведением. Затем следовал антракт. Во втором отделении исполнялось второе значительное симфоническое произведение (симфоническая поэма, фантазия, сюита), затем выступал солист, и собрание заканчивалось небольшим, более легким симфоническим произведением*.

Тогда еще в театрах не был оставлен старый обычай давать в начале спектакля маленькую пьеску «для съезда», а в конце — маленькую же пьеску «для разъезда». Этот барский обычай «съезжаться» на спектакли во время первой пьески и «разъезжаться» во время второй исчезал туго. Еще в 1896 году бенефис М.Н.Ермоловой начался пьесой для съезда «Елка», а кончился водевилем «Троеженец». В иных симфонических собраниях — в особенности, когда выступал знаменитый солист, — держались того же порядка: «для съезда» исполняли какую-нибудь увертюру (напр[имер], «Федру» Массне или «Рюи Блаз» Мендельсона), к которой опаздывала половина партера и четверть 1-го амфитеатра (но отнюдь не галерея), а для «разъезда» исполняли какой-нибудь марш или, увы, — «Арагонскую хоту» Глинки, во время которой партер начинал «разъезжаться», а галерея наслаждалась звуками Глинки.

* Вот типичная программа симфонического концерта, на этот раз сплошь состоявшего из новинок (1908 г.): 1. Ю.С.Сахновский. Симфония. 2. С.Н.Василенко. «Сад смерти». Симфоническая поэма. 3. Н.Н.Черепнин. Концерт для фортепиано с оркестром. 4. В.А.Золотарев. Увертюра-фантазия. (Прим. С.Н.Дурылина.)

В антракте галерея встречалась с партером.

Абонироваться на симфонические собрания в московском обществе считалось такой же неизбежностью, таким же признаком культурной благовоспитанности, как обладать абонементом в Большой театр, как посещать все премьеры Малого и Художественного театров. В симфонических собраниях бывала так называемая «вся Москва» — стародворянская, новобуржуазная, художественная, литературная, артистическая. В антракте эта «вся Москва» переполняла фойе, курилку и буфет. И было интересно следить за человеческой пестрядью «одежд и лиц, племен, наречий, состояний».

Вот член дирекции Московского отделения Императорского Русского музыкального общества, высокий, худой старик А.П.Чижов, к музыке имеющий такое же касательство, как к философии Конфуция, на правах «хозяина» что-то изъясняет даме-патронессе в бриллиантах; дама обмахивается веером и с наигранным «сентиментом» подает реплику одному из «хозяев» симфонического собрания: «Ах, чудесно! Это *allegro*¹⁶ божественно! Но Брамс — это ужасно, — простите меня. Я всегда сплю. То ли дело Обер¹⁷! Почему у нас не исполняют Обера?»

Вот целый цветник девиц, дам, *grandes dames* и старух в черных кружевах. Им все равно, кого исполняют: они умеют кушать шоколадные пастилки и дремать во время симфонии; но сегодня поет Собинов, и они тают в предварительном восторге, в сопроводительном восхищении и в заключительном обожании чудесного тенора.

Но и они — кто-то из них ловит того же Чиждова и жалуется: «Это вы заставили Леонида Витальевича петь этого ужасного Мейстерзингера?» Чиждов отмахивается обеими руками: он не виноват, что тонкий мастер пения, взыскательный художник, великолепно спел в собрании песню Вальтера из «Нюрнбергских мейстерзингеров»¹⁸. А дамы требуют каватину Фауста! «Думку» из «Гальки»¹⁹! Песенку из «Риголетто»! — все то, что Собинову набило оскоми-ну в опере.

Вот пара за парой проходят посетители собраний, говоря словами Гоголя — «несколько беззаботные насчет музыки». Таких множество! Они бывают всюду: на вернисажах, премьерах, бегах, скачках, велосипедных гонках, лекциях, ученых диспутах, волчьих садках, благотворительных базарах, — всюду, куда их загоняет мода,

праздность, скука и привычка все делать, «как все». Из их фланирующей толпы доносились иногда чудовищные курьезы.

Помню, однажды до нас, «галерейщиков», донеслось сочное замечание какого-то сильно нафабренного адъютанта, обращенное к его воздушной спутнице: «Римский-Корсаков оттого написал “Садко”, что был морской офицер!» Мой спутник, ученик Консерватории, заметил мне на ухо: «Этот господин верно был адъютантом морского царя». Если вспомнить, что морской царь в опере «Садко» изображается непроходимо глупым, то замечание моего спутника было дерзко и, дойди до слуха нафабренного знатока биографии Римского-Корсакова, оно могло бы привести к большим неприятностям. В те времена, случалось, господа офицеры без всякого предупреждения «рубил» таких, не угодивших им штатских.

В другой раз, помню, такое же авторитетное замечание господина в смокинге. Художественный театр собиравался ставить в то время драматическую поэму Ибсена «Пер Гюнт», прославленную музыкой Эдварда Грига. Господин в смокинге сообщил своей даме много театрально-музыкальных новостей – и между прочим сообщил, что Художественный театр *заказал* Григу музыку к «Пер Гюнту» и что отрывок из этой заказанной музыки уже исполнялся в симфоническом собрании; дама благосклонно кивала головой: «Я очень рада. Этот бедный Сац²⁰ умер, – его “Синяя птица” – прелесть, и музыку заказали Григу».

Я не выдержал и расхохотался. Господин строго посмотрел на меня.

Вспоминается еще один всплеск бессмертной пошлости людской.

Пожилая дама, «неприятная во всех отношениях», доказывала даме «неприятной еще не во всех отношениях»²¹, что Чайковский похож на лавро-вишневые капли: он успокаивает ее нервы, а Вагнер, наоборот, как две капли схож с нашатырным спиртом: им легко отравиться.

Все это было нам тогда смешно, но еще нисколько «не было так грустно»²². Грусть пришла позже.

Мы спускались в антракте в фойе не за этим сором праздных отзывов и нелепых мнений.

Мы искали настоящих суждений о музыке – а искать их было у кого.

На симфонических собраниях бывала, кроме мнимой «всей Москвы», настоящая Москва, музыкальная, художественная, артистическая, та, которая действительно любила музыку.

Вот Софья Андреевна Толстая – графиня, жена Льва Николаевича, в черном шелковом платье, живой, ищущей кого-то походкой выходит из партера, – она действительно игцет и находит Сергея Ивановича Танеева. Почему-то мне кажется, что ей очень хочется, чтобы он повел ее под руку, но он упрямо и почтительно идет с нею рядом, но не под руку. Она с оживлением говорит что-то Танееву – должно быть, о музыке, – а он, как мне опять кажется, холодно и почтительно отвечает ей. Мне хочется слышать, что он отвечает, ведь разговор идет о музыке! Мы с приятелем вмешиваемся в толпу и идем за ними. Но, увы, нам больше и лучше слышно Софью Андреевну, чем Танеева. Его ответы глуховаты и немногословны.

Помню, однажды уловил я две фразы ее и его. Она призналась, что любит больше классическую музыку, чем Чайковского. А он ей ответил: «Чайковский – это уже классическая музыка». Она не без удивления помолчала, а затем что-то быстро заговорила, должно быть, защищаясь от Танеева.

Вот другая пара: дама средних лет в кофейных шелках и с нею П.Д.Боборыкин, знаменитый романист. На его голем розовом черепе отражаются, как в рефлекторе, электрические огни. Всем известно, что как каждый год бывает «первое января», так каждый год бывает новый роман Боборыкина в первой книге «Вестника Европы»; всем известно, что Пьер Бобо (так все почему-то звали семидесятилетнего старика) пишет обо всем, в том числе и о музыке. Было удивительно смотреть на его голый череп, золотые очки, безукоризненный смокинг и думать: «Боже мой, да ведь этот человек хорошо знал Тургенева, печатал в своем журнале первый роман Лескова, пил кофе с Доде и Золя и ругал Островского за “Лес»!» Музыку Боборыкин слушал замечательно. Он жевал ее. Мне довелось однажды сидеть с ним рядом в партере на утреннем историческом концерте, посвященном Вагнеру. Обняв обеими руками коленку, не спуская глаз с дирижера (им был молодой тогда С.Н.Василенко²³), Боборыкин непрерывно жевал губами – и чем величественнее были звуки «Парсифаля» (исполнялась заключительная сцена 1-го акта), тем

оживленнее двигались небольшие колкие глазки Петра Дмитриевича, а главное, тем деятельнее жевал он губами. Так прожевал он всего Вагнера. Как истый европеец, он никогда не опаздывал к началу концерта. И не один задорный шутник с галереи, бывало, заметит: «Я сегодня опоздал. Вот уже светится Бобо». Голое темя Боборыкина одиноко светилось в партере розовым светом.

Полною противоположностью ему из постоянных посетителей концертов был Лев Михайлович Лопатин, известный философ, профессор Московского университета. Он всегда и всюду опаздывал. «Ну, симфония скоро кончится: Лопатин приехал», – это была верная примета. Чтобы удержать его от опозданий на лекции и диспуты, ему назначали вымышленные часы начала заседаний, на полчаса, на три четверти часа раньше, но он и тут ухитрялся опаздывать. Но раз усевшись в кресло, Лопатин удивительно умел отдаваться музыке и, случалось, засиживался долго по окончании программы. Его легко было слышать в антракте: он отдавался живо и непринужденно своим впечатлениям, беседуя с кем-нибудь из профессоров, актеров, музыкантов (все его знали) или студентов, которые его очень любили. Он был остроумен на свой страх и на особый лад.

Лопатин был человек добрейшей души. Однажды ему случилось присутствовать на экзамене по естественным наукам, которыми он мало интересовался. Какой-то студент, любитель музыки, экзаменуемый по зоологии, безнадежно проваливался. Чтобы выручить бедняка, Лопатин решил задать ему вопрос, на который бы ответить ему ничего не стоило. «Скажите, – обратился он к студенту, – как добывают шелк от шелковичных червей?» – «Их стригут!» – радостно ответил студент, представляя, вероятно, себе мохнатых бархатистых червячков в подмосковном саду. «Мудреное занятие!» – вздохнул Лопатин.

Вот таким же добряком был Лопатин и в своих суждениях о музыке, которую постигал глубоко. При нем негодовали, что заграничному дирижеру О.Недбалу²⁴ поручили исполнять ученическую, слабую симфонию В.Метцля²⁵, отец которого был владельцем «Конторы объявлений Метцль», монополизировавшей в России это дело. Кто-то спросил Льва Михайловича: «Слышали симфоническое объявление фирмы Метцль?» Лев Михайлович отвечал:

«Что же худого, если отец Метцль *объявлял* о пользе коньяка Шустова, а молодой человек Метцль *объявляет* о своей любви к музыке?»

Когда произведения Скрябина возбуждали яростное нападение со стороны большинства слушателей, Льва Михайловича очень хотели приобщить к числу этих противников. Лопатин отвечал с доброю улыбкой: «Шопенгауэр сказал, что художественное произведение подобно высочайшей особе: с нею не заговаривают первыми, а ждут, когда она соблаговолит заговорить с вами. Вот и я все жду, когда заговорит со мною эта особа – симфония этого талантливой человека. До сих пор, надо признаться, она еще со мною не заговорила».

Из поэтов – Брюсов никогда не бывал в симфонических собраниях; но Андрей Белый был их постоянным посетителем. Этот человек был вечное *odi et amo** – он любил и ненавидел многое и многих в искусстве. Он не только слушал музыку, он творил легенду о музыке и ее художниках тут же, в этом пышном освещенном зале, в толпе этих черных смокингов и дамских туалетов. Одни из музыкантов – Танеев, Скрябин, Рахманинов, Н.Метнер, Оленина д'Альгейм²⁶, Никиш, Вейнгартнер – превращались у него в светлых героев и богов музыкальной Валгаллы, другие – в темных гномов, злых троллей, карликов, похитителей волшебного музыкального перстня.

Он плакал, слушая Бетховена в исполнении старого чешского квартета и С.И.Танеева, – и он, взвизгивая от негодования, отзывался по поводу «*Simfonia domestica*»** Рихарда Штрауса – «Шумливая кухарка воюет с медными кастрюлями!» Он негодовал на то, что этот Штраус осмелился написать симфоническую поэму «*Also sprach Zarathustra*»²⁷. «Это – пародия на Ничше! Музыкальное общество не смеет давать нам вечер пародий!» Он, захлебываясь по-детски от восторга, повторял кем-то пущенные двустушие:

Жулики, действуйте быстро и шустро! –

У Штрауса так говорил Заратустра.

И как полный контраст этим негодованиям и эпиграммам в фойе слышались спокойные слова С.И.Танеева:

* Люблю и ненавижу (*лат.*).

** «Домашняя симфония» (*лат.*).

– Из *Рихардов* я предпочитаю Вагнера, а из *Штраусов* – Иоганна.

Это *mot** пошло по всей Москве, но, кажется, оно не было вполне оригинальным в устах Сергея Ивановича. Во всяком случае, оно в его устах казалось наиболее убедительным.

Неизменным, мало сказать – посетителем, а попечителем симфонических собраний был критик Н.Д.Кашкин²⁸, бывший профессор консерватории с самого ее основания, приятель Николая Рубинштейна, автор «Воспоминаний о П.И.Чайковском». Этот бодрый старик, с суховатым лицом и длинными седыми волосами, с пожелтелой от курева бородой, казался необходимой принадлежностью всех симфонических собраний, пожалуй, более необходимой, чем дирижерская палочка. Дирижировал же В.И.Сафонов²⁹ без всякой палочки, одним кулаком, – значит, симфоническое собрание может быть без дирижерской палочки, а без Кашкина – нет, не может! Казалось, этот старик в поношенном сюртуке по какому-то передоверию Николая Рубинштейна, а может быть, и самого Чайковского, покровительствует всему, в чем выражается жизнь на этой вот эстраде, на которую со стен глядят живописный Чайковский и барельефный Николай Рубинштейн, а из первого ряда партера зорко смотрит Николай Дмитриевич Кашкин.

К нему во время антракта беспрестанно подходили знакомые и незнакомые люди, интересуясь его мнением, а здоровались с ним, думается, все решительно. Он не страдал «откровенностью наповал». Он почти все и, главное, почти всех хвалил. Порицал редко. Еще реже что-либо доказывал и защищал. Но у него было *свое* и про *себя*. Он делал вид, что порицает Скрябина за новаторство, как многие из профессоров, музыкантов и критиков. Но однажды заметили, что этот седой старик, опустив руки между коленами, – так, чтобы не было заметно соседям, – оживленно хлопал в ладоши в столь неудобном положении: это он «по секрету» рукоплескал Скрябину**.

В своих статьях Кашкин бурно воевал с дирекцией императорских театров за безобразные постановки опер Глин-

* Острота (фр.).

** Этот же рассказ я слышал в применении к С.И.Танееву. (Прим. С.Н.Дурылина.)

ки, которого обожал, за беспощадные и бессмысленные купюры в «Руслане». И мы за это и за многое другое любили этого старика, и когда его не было в симфонических собраниях, казалось, и оркестр играет хуже, и Чайковский хмурится со стены, и Николай Рубинштейн, глядя с барельефа, ищет его в партуре.

Через Кашкина шло какое-то общение и с Н.Г.Рубинштейном, и с Чайковским. К нему мог всякий подойти в антракте и, приветствовав его, спросить: «Николай Дмитриевич, что, при Петре Ильиче, неужели первое *allegro* 2-й симфонии исполнялось в таком скоропалительном темпе, как сегодня?»

Старик приветливо и добросовестно отвечал: «Нет, Петр Ильич и Николай Григорьевич не так понимали это место», — и он изъяснял, *как* понимал это место Чайковский и *как* исполнял его Рубинштейн.

Вокруг Кашкина образовывался кружок молодежи, и не одной молодежи. Эти встречи с ним в антрактах остались навсегда памятны. Сколько чудесных преданий золотого века русской музыки, когда творили Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков, навсегда запечатлелось в наших сердцах и умах при встрече с этим летописцем московской музыкальной жизни! Он помнил всех пианистов, скрипачей, певцов, дирижеров, выступавших в Москве, и на его глазах рождалась, ширилась, росла музыкальная Москва. Кто бы ни подходил к нему с вопросом, давний знакомец или робкий юнец, боявшийся потревожить его своим вопросом, часто наивным, старый критик был неизменно внимателен, отвечал кратко, но содержательно, а когда, случалось, разговор затягивался до звонка, звавшего в зал, откланивался со старинной вежливостью: «Благодарствуйте за внимание. А о прочем — соблаговолите прочесть в моей статье».

Другой критик, считавшийся преемником Кашкина, Юлий Дмитриевич Энгель³⁰, писавший в «Русских ведомостях», был совсем другого характера. Он не любил высказывать своего мнения во время концерта, считая, что критик может говорить с публикой лишь печатным словом. Писал Энгель свои статьи от первого лица, от «я». Кашкин, наоборот, по-старинному — «мы с особым удовольствием прослушали эту превосходную пьесу» или «мы были в восторге от первой части симфонии...» И нам, молодежи, почему-то больше нравилось это стариковское

кашкинское «мы»: нам казалось, что это и мы, «галерея», «с особым удовольствием прослушали пиэсу...» Энгель же прослушал ее в одиночестве.

Затем появились другие критики – скрябинский сектант Л.Сабанеев³¹, благодушный Ю.Сахновский³², корректный О. фон Риземан³³, интересовавшийся старинной русской церковной музыкой и писавший в московской немецкой газете. Их читали, но гадали при этом: «Что бы сказал об этом же Николай Дмитриевич?»

Москва привыкла к нему, как к Василию Блаженному или Царю-колоколу. Какая же Москва без Царя-колокола – и какая же музыкальная Москва без Кашкина?!

Консерваторская молодежь – все эти будущие скрипачи, пианисты, виолончелисты, – переносили нам свои вести о том, как приняли того или иного солиста консерваторские профессора этой специальности, а мы сообщали им, что думают о них критики и знатоки. Из этих учеников многие стали теперь видными музыкантами, иные изменили музыке: «мрежи иные их ожидали, иные заботы»³⁴. Но связь консерватории с университетом, студенчества «музыкального» со студенчеством «литературным» была велика. «Консерваторы» студенты тайно проводили на лекции В.О.Ключевского в университете, а студентов-филологов «консерваторы» проводили на репетиции симфонических оркестров. И как «консерваторы» с изумлением и восторгом вслушивались в едкую иронию старика-изобличителя Ключевского, смеявшегося с кафедры над царями и царицами, так и филологи, затаив дыхание, следили за тем, как Рахманинов – высокий и властный – объединял музыкантов в одно существо, исходящее страстными взрывами и нежными томлениями его 2-й симфонии.

Эти милейшие «консерваторы» были нашими неразрывными спутниками в антрактах симфонических собраний. Они были «хозяевами» (увы, у этих «хозяев» тоже не было сидячих мест), мы – «гостями». И в антракте эти юные «хозяева» любезно приглашали нас, «галерею» перейти вниз в партер. Там, если не пела или не играла какая-нибудь чрезмерная знаменитость вроде Шаляпина или Изаи, если не исполнялось что-нибудь широко прославленное, чем «в обязательном порядке» принято восхищаться, – например, Патетическая симфония Чайковского или 9-я Бетховена, – там, в партере, были всегда незанятые места, – и вот на них-то нас любезно приглашали

«консерваторы», заранее и точно узнав, какие №№ свободны.

Обычно мы отказывались. Галерея есть галерея, место высокое, но почетное: какие знатоки там совершают великое стояние в честь Баха или Бетховена! Как изменить этому стоянию ради соседства в партере с какой-нибудь дамой, которая, соблаговоллив осчастливить вас улыбкой, иной раз спросит: «Pardon, я все путаю, это у Бетховена – Pathétique, а у Чайковского – Pastorale?» И вам придется с глубоким извинением ответить: «Pardon, madame, наоборот».

Но иной раз предложение радушных «хозяев» осиливало и мы переселялись в партер. Главная причина переселения была далека от себялюбия и искания удобств. Она была в том, что в партере легко было броситься к эстраде, смотреть в лицо любимому художнику звука, горячо ему рукоплескать и требовать повторений. «Особы», сидевшие в первом и ближайших рядах, рано начинали разъезд, часто в перерыве перед последним номером программы, а если ради знаменитости досиживали до конца, то с последним номером программы непременно покидали зал. Вот на смену их, этих анемичных особ, и устремлялись мы, молодежь, страдавшие чем угодно, только не анемией, – и упорно, звонко, самоотверженно вызывали, рукоплескали, требовали повторений. И если публика имела удовольствие слушать *bis*'ы скупого на них знаменитого скрипача Э.Изаи или не очень тороватого на них Шаляпина, то этим она была, право, обязана звонким ладоням и еще более звонким голосам галереи и 2 амфитеатра, низринувшимся в партер и поклявшимся, что Изаи или Шаляпин будут бисировать.

Я помню симфоническое собрание, в котором Э.Изаи, «король скрипачей», играл два скрипичных концерта, взаимно противоположных по автору, веку, стилю: в первом отделении Изаи играл с оркестром концерт сдержанного и строгого Брамса, во втором – изящнейший, светлый, как весенний ветер, концерт Вивальди с органом и оркестром.

В антракте «вся Москва» больше, чем концертом Брамса, интересовалась вопросом: верно ли, что Изаи – «незаконный сын» Антона Рубинштейна? «Сын, – решали дамы, – смотрите, Изаи – вылитый Тартаков³⁵, а кому же неизвестно, что баритон Тартаков – сын Рубинштейна?»

Великий скрипач, действительно, поразительно был похож на великого пианиста: тот же львиный оскал всего лица, та же властность во взгляде, в повороте головы, в походке, та же львиная грива волос и те же, — так говорили слышавшие Антона Рубинштейна, — львиные прыжки на скрипке, как у того на фортепиано, необычайные по силе и поразительные по легкости и непринужденности, будто это прыжки не льва, а газели. Концерт Брамса у Изаи преобразился: это был трагический монолог о чем-то неизбежном, как Рок, и неотвратимом, как Смерть. И вдруг во втором отделении из той же скрипки те же руки извлекли звуки нежные, как переплеск ленивой и теплой бирюзовой волны Генуэзского залива, извлекли какую-то песню сердца, навсегда счастливого молодостью и любовью. А в лице скрипача была все та же суровая и могучая львиность, знающее себе цену величие.

Носились слухи, что Изаи никогда ничего не играет на bis. Да, по правде сказать, он в этот вечер имел полное право ничего не бисировать, сыграв два больших концерта.

Но мы — «галерея» и «консерваторы» — знать ничего не хотели. Чтобы лучший скрипач мира да ничего не сыграл бы нам на bis — не бывать этому! После концерта Вивальди львиного скрипача встретила такая юная буря, что он — показалось нам — даже удивился немного, на его лице наметилось, но тотчас же исчезло что-то вроде улыбки, — и он... сыграл на bis. Буря превратилась в ураган: весь зал рукоплескал стоя. Он уже не улыбнулся, а нахмурился, но все-таки сыграл еще. Это было чудо, знатоки переглянулись: Изаи во второй раз бисировал! Кое-кто, уже эмигрировавший из зала на лестницу, ведущую в раздевальню, вернулся назад. Вернулись кое-кто и из раздевальни в пальто и шубах. А ураган ревел. Произошло чудо из чудес: Изаи, уже с нависшими бровями, сыграл в третий раз, но что-то коротенькое.

Ураган ревел, но никто не появлялся на эстраде. Прошла минута, другая, третья. Наконец на эстраде появился... А.П. Чижев, высокий, сутулый, во фраке, и запинаящимся голосом, чуть не плача, объявил: «Он больше не хочет играть», — и тотчас же поправился: «т.е., он хочет играть...», — взрыв рукоплесканий, — «...но только с оркестром!».

Изаи хочет опять играть с оркестром! — Что же может быть лучше! Какое блаженство!

А бедный Чижев машет руками и делает умоляющие гримасы:

– А оркестр уже ушел, и играть не с кем. Я предлагал *ему* (почти с таинственным страхом) играть solo с фортепиано... Он (с явным трепетом) не хочет! Только с оркестром.

Чижев умоляюще разводил сухими в синих жилках руками.

Мы были горды и несчастны одновременно: Изаи в ответ на наши вопли и мольбы хочет играть, а Чижеву остается только, как императору Августу, топнуть в бессилии о пол эстрады: «Вар, Вар, отдай мои легионы!» Но «легионы» – музыканты оркестра – разбрелись по домам. И мы стихли. Чижев безнадежно махнул рукой и поплелся ко лью в клетку «артистической».

О шпалейных bis'ах я скажу особо.

Bis'ы были не простое дело. Они не всегда, далеко не всегда означали, что слушателям хочется послушать еще раз такого-то исполнителя или такую-то вещь.

Мы, галерея, мы, 2-й амфитеатр, часто аплодировали и требовали bis'ов «в пику» партеру и нерешительному 1-му амфитеатру.

Когда исполнялась новая, свежая вещь молодого композитора и нам казалось, что партер нарочно хранит при этом осудительное молчание, мы подчеркнуто громко вызывали автора, а если вещь была небольшая, требовали бисирования.

Но был однажды на моей памяти аплодисмент и bis явно политически демонстративный.

Это было в 1905 году, в первую революцию. По Москве пронеслась весть, что Н.А.Римский-Корсаков, которого мы любили больше всего за «Садко», удален из Петербургской консерватории за то, что протестовал против исключения из консерватории тех учащихся, кто был причастен к освободительному движению.

По счастливой случайности появление этой вести в Москве совпало с симфоническим собранием, на котором должна была исполняться, сколько припоминаю, увертюра к «Псковитянке». Заправила консерватории не догадались снять с программы эту увертюру (или какое-то другое небольшое произведение Римского-Корсакова).

Задолго до начала концерта галерея была полным полно. «Зайцев», – а вернее «зайчат», – было видимо невидимо и во 2-м, и в 1-м амфитеатрах, и в самом партере.

Но никто не шумел прежде времени. Все было тихо и чинно. Но как только дирижер появился за пультом, чтобы начать увертюру к «Псковитянке», раздался взрыв рукоплесканий. Дирижер, несколько удивленный такой торжественной встречей, поклонился публике; взрыв повторился; дирижер опять поклонился и, начав, очевидно, подозревать что-то неладное, поспешил начать увертюру.

Увертюру прослушали в полнейшей тишине.

Но как только замолкли ее последние звуки, в зале точно что-то треснуло, лопнуло, обвалилось. «Зайцы» и «зайчата» обрушили лавину рукоплесканий, криков, воплей. К ней, к этой неудержимой лавине, присоединилась публика амфитеатров и задних рядов партера. Середина партера хранила осторожное молчание, а первые ряды не без тревоги переглядывались.

Из грохотававшей бури рукоплесканий выделялись звонкие, требовательные крики: «Автора! Автора! Автора!»

Кричавшие отлично знали, что Римского-Корсакова нет в Москве, — это была прямая демонстрация в честь знаменитого композитора, изгнанного из консерватории за прямоту действий и сочувствие освободительному движению. Еще не все это понимали: люди, беззаботные насчет политики, просто решили, что Римский-Корсаков находится в артистической и по скромности не выходит на вызовы, и, решив так, присоединились к крикам, вызывающим автора. Вот почему теперь вопил почти весь зал, за исключением первых рядов партера: «Автора! Автора! Автора!»

Засуетилась немногочисленная администрация консерватории. Видно было, как спешно выплыла из первых рядов Александра Ивановна Губерт³⁶, инспектор консерватории, и исчезла с воинственным видом валькирии, готовой к бою. Пробежал Чижов во фраке. На галерею попытались втиснуться в толпу студентов два капельдинера. Но все было напрасно.

— Автора! Автора! — вопил зал.

Тогда прибегли к другому средству: на эстраду высыпали музыканты, быстро уселись за пульта, взбежал дирижер и, не выжидая прекращения вызовов Римского-Корсакова, начал следующий номер программы.

Крики постепенно стихли. Музыка взяла свое: она заставила себя слушать. А те, кто приходил не для музыки, а для демонстрации и не имели билетов, благоразумно в

течение этого номера программы спустились в раздевалку – и исчезли из консерватории. Остались лишь те, у кого были абонементные билеты и кто имел законное право аплодировать и вызывать автора.

3

Большими праздниками, – ежегодными праздниками, – были исполнения в симфонических собраниях грандиозных музыкальных произведений великих композиторов. На моей памяти кроме 9-й симфонии Бетховена исполнялись «Страсти по Матфею» Баха и «Te deum» Берлиоза для двух хоров, солиста, органа и оркестра, исполнялись полностью второе действие из «Тристана и Изольды» Вагнера и второе же действие «Парсифаля», никогда не шедших в Москве. В «Страстях» Баха участвовал огромный хор, соединенный из нескольких хоров консерватории, Русского хорового общества, Общества Liedertafel и др.

Особое волнение всегда возбуждала 9-я симфония. В вокальном квартете последней части этой симфонии участвовали А.В.Нежданова³⁷, Е.И.Збруева³⁸, Л.В.Собинов, В.И.Касторский³⁹ (а также В.Р.Петров⁴⁰) – это было удивительное по тончайшей музыкальности, по неподражаемой артистичности исполнение труднейшей «Песни к Радости», – воистину, исполнение этих артистов вызывало радость, что у нас есть такие художники симфонического пения.

9-я симфония всегда привлекала особых слушателей. Появлялись какие-то старички с маленькими изданиями этой симфонии и, как с молитвенниками, усевшись с ними, благоговейно внимали звукам Бетховена. Это были престарелые, давно вышедшие на пенсию учителя музыки, пианисты, певцы. Они уже навсегда ушли из жизни и затерялись в своих домиках, где-нибудь на окраинах Замоскворечья или у Пресненских прудов, где сажали сирень и разводили породистых кур или канареек. Но весть, что предстоит исполнение 9-й симфонии, пробуждала их от мирного полусна, и они, встряхнув от нафталина старые сюртуки и фраки, появлялись как ожившие тени прошлого в зале консерватории, где их помнили только старые профессора, вроде Ивана Войцеховича Гржимали⁴¹, да знала по именам всезнающая А.И.Гурберт, недреманное око консерватории. И как ради «Стра-

стей» Баха являлись в консерваторию чинные и корректнейшие пасторы из двух лютеранских «кирок» и одной реформатской церкви, так ради 9-й симфонии показывались мало заботившиеся о корректности старые актеры «мочаловского помазания», с гривой седых волос, с темпераментом Отелло, ревнующего Мельпомену к более молодым и более счастливым соперникам. Появлялись художники, никому неведомые по картинам и даже по именам, но весьма приметные по поношенным бархатным блузам и по седым бородкам и усам *à la Van Dyc*⁴². Появлялся Тор Ланге⁴³ – необычайный человек, совмещавший в себе три, по-видимому, несовместимые должности: 1) датского консула в Москве, 2) преподавателя немецкого языка в 3-ей мужской гимназии и 3) знаменитого датского поэта, высоко ценимого на родине. Тор Ланге был скромнейший человек, хорошо говорил по-русски и дружил с поэтами из «Весов». А мальчишки в 3-ей гимназии его в грош не ставили и только те из них, кто, поступив на филологический факультет, узнавали, что учились у знаменитого датского поэта, начинали особенно вежливо здороваться при встречах с Ланге.

Самые тихие люди выходили из своих «затиший» – антресолей и кабинетов, – чтобы послушать «Девятую». Среди молодежи консерваторской и студенческой у 9-ой была особая слава: они воспринимали ее как призыв к братству во имя *свободы* и поэтому особенно горячо отзывались на нее.

Тогда в музыкальных кругах жило предание, шедшее чуть ли не с бетховенских времен: тот, кто напишет 9-ю симфонию, тот умрет. Предполагалось, что *лучше* бетховенской написать другую 9-ю симфонию невозможно, а тот, кто напишет свою 9-ю симфонию *хуже* бетховенской, тот понесет заслуженную кару – тот умрет.

Самым плодовитым из русских симфонистов в те годы был А.К.Глазунов. 8-ю свою симфонию он исполнил – с большим успехом – в юбилейном симфоническом собрании, посвященном 25-летию его деятельности (1908 г.). Все гадали, напишет ли Глазунов 9-ю симфонию? Бились об заклад – да или нет? Утверждали, что Глазунов, композиторская биография которого знала одно счастье, *боится* писать свою 9-ю, веря в предание.

Так или не так, но, написав множество сочинений после 8-ой симфонии, Глазунов 9-ой симфонии не написал.

Если в симфонических собраниях грандиозным созданиям Баха, Бетховена и др. уделялось ежегодно *одно* собрание, то было в Москве учреждение, действовавшее в том же зале консерватории, которое посвящало 5–6 концертов в год исключительно ораториальной музыке. Это была «Симфоническая капелла В.А.Булычова»⁴⁴. Булычов не был особенно одаренным музыкантом и не имел большой профессиональной выучки, но он обладал другим драгоценным качеством: страстной любовью к Баху, Генделю, Глюку, Моцарту, — и все свои силы и средства он отдал на исполнение их величавых созданий. С молодежью связь Булычова была очень велика: в его капелле пели ученики консерватории, студенты, курсистки, — можно смело утверждать, если б они там не пели, капелле бы не бывать. Нужна была вся самоотверженность учащейся молодежи, нужна была любовь ее к серьезной музыке, необходима была идейная малотребовательность молодежи на материальные условия работы в капелле (а сам Булычов располагал ограниченными средствами и нес постоянно убытки), чтобы Москва могла слышать ежегодно 5–6 исполнений великих произведений, которые, при других условиях, десятилетиями не появлялись на эстрадах. Благодаря капелле Булычова, мы в течение каких-нибудь 5 лет слышали произведения Палестрины⁴⁵ и Орландо Лассо⁴⁶, «Великую Мессу» Баха (исполнялась без сокращений 2 вечера подряд), «Самсона» Генделя, «Requiem» Моцарта, «Смерть Иисуса» Грауна⁴⁷, «Времена года» Гайдна, «Рай и Пери» Шумана, «Илию» Мендельсона и др. Никакие профессиональные хористы не согласились бы разучивать эти трудные произведения за те гроши, которые мог предложить им Булычов. Только отзывчивая молодежь консерватории, университета и других высших учебных заведений бралась радостно за этот труд и, отрывая время от лекций и уроков, уделяла его репетициям Баха или Генделя.

Не все ладно и складно было в исполнениях капеллы, это бывали часто лишь *эскизы* того, что написано как *картины* Глюком или Шуманом, но зато Москва имела возможность слушать оратории, от которых, как от неблагодарной задачи, отказывалось Филармоническое общество, да и Музыкальное общество уделяло им не более одного концерта в год. Без участия молодежи эта своеобразная

капелла не могла бы существовать – в сущности, это была ассоциация молодежи для исполнения классиков, – тем более что и подавляющее большинство слушателей тоже было из молодежи.

У «большой публики» эти исполнения ораториальной музыки не пользовались вниманием.

«Бах – это очень почтенно, но очень скучно. Это можно позволить себе только один раз в году», – сказала мне одна из любительниц музыки, не пропускавшая концертов новой музыки.

В консерваторском зале был (и есть) чудесный орган, но он звучал редко – тогда, когда солистами симфонических собраний выступали знаменитые органисты – Шарль Турнемир⁴⁸, Энрико Босси⁴⁹. Только в советские годы Александр Федорович Гедике дал настоящую жизнь консерваторскому органу, своим блестящим и вместе благоговейным исполнением Баха приучив публику к органу. Без всякого преувеличения можно сказать: органного Баха во всем его торжественном величии и трагической мощи открыл Москве Гедике, отдавшись с высоким рвением и талантом наследственному искусству: его отец⁵⁰ был органистом во французской церкви Людовика на Малой Лубянке. В наше молодое время органных вечеров не существовало в Москве. И «дар С.П. фон Дервиза»⁵¹, как гласила золотая надпись на органе Большого зала консерватории, казался нам мертвым даром: орган звучал редко-редко.

Другими большими праздниками в симфонических собраниях были выступления русских композиторов с их новыми произведениями.

Было в обычае, что своим новым крупным произведением, по преимуществу симфонией, в первый раз по рукописи дирижирует сам автор.

Хороший обычай!

Он давал возможность прямой творческой встречи с автором. Автор симфонии мог быть дирижером великолепным (Рахманинов), средним или только удовлетворительным, но в одном у него было преимущество перед *всяким* другим дирижером, даже гениальным: в отсутствии разрыва или даже трещины между *замыслом* автора, между его сокровенной *мыслью*, его творческой *волей* – и ее истолкованием за пультом. Автор не приписывал себе то, что может приписать и почти всегда приписывает ему, со-

чиния за него, любой дирижер. Автор – сочинитель симфонии – остается автором и тогда, когда превращается в ее исполнителя. Сколько бы дал каждый из нас за то, чтобы услышать Чайковского не «по-Коутсу»⁵², не «по-Мравинскому»⁵³ и т.д., а Чайковского «по-Чайковскому»! А мы слышали Рахманинова «по-Рахманинову», Глазунова «по-Глазунову» и т.д. Лишь немногие композиторы, как Скрябин, никогда не дирижировали своими вещами, никогда не появлялись за пультом.

Я живо помню пример разительной противоположности трактовки одной и той же симфонии – авторской и дирижерской.

Когда А.Ф.Гедике впервые дирижировал своей Второй симфонией на тему из «Фауста» Гете, он дал почувствовать широкую философскую атмосферу, в которой родилась его симфония, – мысль автора была представлена в мелосе симфонии также полно и волнительно, как и его чувство. Это было произведение русского композитора, но рожденное в творческом общении с трагическим вдохновением Гете.

Через год эту же симфонию исполнил С.Кусевицкий⁵⁴, – исполнил с внешним мастерством, – хочется сказать с шиком мастерства, – симфония превосходно звучала, но те мысли, те оттенки чувства, о которых выше шла речь, исчезли без следа. Автор уже отсутствовал в его симфонии, виден (или точнее слышен) был лишь превосходный музыкант.

Новые симфонии и симфонические поэмы Рахманинова, Ипполитова-Иванова, Гречанинова, Черепнина, Глиэра, Ю.Сахновского, С.Василенко и др. – все впервые исполнялись под управлением авторов.

Каждый год приезжал из Петербурга А.К.Глазунов и дирижировал своими новыми произведениями, – и лучшего их исполнения я не слышал, – нет, я должен выразиться точнее – лучшего их истолкования.

Дирижирование Глазунова было подобно авторскому чтению вслух нового, только что написанного романа. Актер, мастер чтения прочтет лучше: ярче, драматичней, выразительней, цветистей. Но автор, у которого еще не остыла особая нежность к новому детищу, у которого на пере еще не застыли чернила, прочтет ближе к сердцевине произведения, сумеет вернее найти пропорции и тона, безошибочней расставить ударения.

Глазунова обычно дирижеры драматизировали, боясь его эпичности и безоблачности. Сам себя Глазунов никогда не драматизировал. Да и как мог что-либо драматизировать этот толстый, почти тучный человек, медлительно и осторожно, как бы не опрокинуть пульт, как бы не задеть за виолончель, проходивший к дирижерскому возвышению, — и столь же медленно и радушно раскланивавшийся с приветствовавшей его публикой? Глазунова невозможно было бы нарисовать за дирижерским пультом, как нарисовал, например, Л.О.Пастернак Никиша, а еще раньше И.Е.Репин — Антона Рубинштейна. Рисовать тут было нечего: ни упрямой властности А.Рубинштейна, ни ритмического совершенства Артура Никиша тут не было в помине. Глазунов не дирижировал симфонией: он рассказывал о больших и важных событиях, свершавшихся в его душе, — рассказывал, уже пережив эти события, но дружески, сердечно, беспритязательно делясь этими событиями с друзьями, какими для него были все слушатели, весь зал, а, прежде всего — оркестр, к которому он был обращен лицом. Рассказ его был спокоен, — нет, это не то слово: он был ровен, невзрывчат, строен, как у человека, который уже пережил и преодолел свои печаль и горе, а о своих радостях стыдится говорить громко и шумливо. В основе своей те события, о которых повествовал Глазунов, были светлые события.

Не краски я стремлюсь подметить,
А то, что в этих красках светит,
Любовь и радость бытия —

так мог бы сказать о себе Глазунов, если б был живописец. Но он и был живописец звуков, — и таким же живописцем-рассказчиком, спокойным и мудрым, был он и за дирижерским пультом. Когда же на рукоплескания публики после той или другой части симфонии Глазунов обертывался, чтобы поблагодарить за них, его умные, добрые глаза на полном лице теплели ласкою этому бытию, этому безбурному солнечному дню, — среднерусскому солнечному дню, покой и радость которого разлиты в большинстве его сочинений, перемежаясь негустыми тучами и редкими освежительными грозами.

Глазунова любили за этот солнечный день и за эти недолгие, нужные грозы, — как бы они ни назывались в про-

грамме: «Времена года» или 6-я симфония, – и приветствовали с большой теплотой и благодарным чувством.

Рахманинов как автор-дирижер был полная противоположность Глазунову.

О, он не рассказывал за пультом! Он, казалось, заклинал, укрощал бурную трагическую стихию, восставшую в нем на него самого, и, укрощая, поднимал еще выше ее волны: так он дирижировал своей 2-ой симфонией в замечательном симфоническом собрании (начало 1909 года), программу которого помню в малейших деталях:

1. 2-я симфония Рахманинова.

2. Юлий Конюс⁵⁵. Концерт для скрипки. (Солист – К.К.Григорович⁵⁶).

3. Рахманинов. Два концерта для ф.-п. (Исполнитель – автор, дирижер – Э.Купер).

4. Р.Штраус. «Дон-Жуан».

Глядя на Рахманинова за пультом, не хотелось позвать художника, но хотелось... каким-то иным, еще неизвестным способом запечатлеть этот трагический поединок с самим собой. Хотелось крикнуть ему:

О, бурь уснувших не буди!
Под ними хаос шевелится!⁵⁷ –

и в то же время было ясно: он вызывал хаос не для того, чтоб дать ему волю к всеразрушению, а для того чтоб, вызвав, победить его – и восславить космос*.

Во втором отделении Рахманинов вел аккомпанемент к скрипичному концерту Ю.Конюса – милому произведению, без глубины замысла и без ширины захвата. И так аккомпанировал, что казалось, – партия скрипки написана Конюсом, а партия оркестра – Рахманиновым: столько тут было лирического волнения и драматического движения.

И наоборот, когда роли переменялись: Рахманинов, исполняя свой 2-ой концерт, сел за рояль, а Купер стал дирижировать, показалось, что партию рояля написал Рахманинов, а партию оркестра какой-то другой композитор, которому не достает той силы и вдохновенья, которыми преизбыточествует автор фортепианной партии.

Так дирижирование Рахманинова безмерно повышало богатство мелоса и драматическую мощь его собственных

* По-гречески «космос» – значит и «мир», и «красота». (Прим. С.Н.Дурылина.)

произведений, не говоря уже о произведениях композиторов второстепенных. Удивительное дело: «Дон Жуан» Р.Штрауса в том же концерте лишился у Рахманинова всей своей крикливости и шумливости и вместо нее обрел благородную силу и страсть.

Кто-то из музыкальных критиков, — кажется Вольфинг⁵⁸, — сказал в тот вечер, прослушав «Дон Жуана» в рахманиновском исполнении:

«Вот что *хотел* сказать Рихард Штраус и сказал бы, если бы был он Рихард, но Вагнер».

Мне случилось быть на репетиции отрывков из «Валькирии» под управлением Рахманинова — «Полет Валькирий» и «Заклятие Огня».

Полутемный зал, оркестранты в пиджаках, горсточка публики. Какие тут валькирии!

Но сны, ярые воительницы, промчались на своих буйно-вихревых конях с гривами, подобными седой морской пене, — каждый из нас готов был поклясться, что он видел их полет в неистовых звуках, извлекаемых Рахманиновым, — и когда они промчались, суровые и вольные, хотелось расхохотаться при воспоминании о тех толстых дамах не первой молодости, которые, тяжело дыша в корсетах и в нелепых бутафорских латах, пытаются уверить нас в Большом театре, что они — валькирии.

А в «Заклятии Огня» — Рахманинов зажег такой огонь, с такими острыми, как жало змей, языками торжествующего пламени, что казались детской забавой те потешные огни, которые знаменитый Вальц⁵⁹ зажигал в этой сцене в Большом театре.

Тот, кто не слышал, как Рахманинов передает Рахманинова, — тот знает меньше половины Рахманинова-композитора.

Я должен упомянуть еще об одном композиторе-дирижере, привлекшем общее внимание.

Это был финский композитор Ян Сибелиус. До своего появления в Москве (1907) он был известен только двумя отрывками из его музыки к «Калевале» («Вейнемейнен»⁶⁰ и «Туонельский лебедь»).

Сибелиус продирижировал целой программой сплошь из собственных произведений, при чем солиста не было: весь интерес концерта целиком сосредоточивался на композиторе.

Сибелиуса встретил очень теплый прием. В его программе были и чисто симфонические вещи, и поэмы на народные темы («Карелия»), и ставший сразу знаменитым «Valse triste»*. Его простую мелодию многие напевали сейчас же после концерта, выходя из зала.

Финский композитор произвел отличное впечатление народным складом своей музыки. Его слушали с особым вниманием, ему много рукоплескали. «Valse triste» стал любимым произведением в концертах и у музыкальных любителей.

4

Я уже сказал, что Скрябин никогда не являлся у пюльта. Но он был несравненным исполнителем собственных фортепианных произведений.

Появление Скрябина в Москве в 1909 году было большим событием.

Скрябин уехал из Москвы в 1904 году и жил за границей. Его сочинения не исполнялись в симфонических концертах и лишь изредка появлялись в программах немногих пианистов. Отъезд Скрябина за границу почти совпал с уходом из консерватории ее директора и дирижера симфонических собраний Василия Ильича Сафонова, который горячо любил творчество Скрябина, своего ученика по классу фортепиано, и неизменно продвигал его сочинения на концертные программы. Уход Сафонова, в свой черед, совпал с началом революции 1905 года и многими рассматривался чуть ли не как одна из побед революции на фронте искусства: у Сафонова была репутация неукротимого своевластника, музыкального самодура. Расхожая молва готова была и любовь Сафонова к Скрябину отнести к самодурству хозяина консерватории и симфонических собраний. Сафонова как дирижера справедливо признавали мастером классической музыки. Он превосходно дирижировал симфониями Моцарта и Бетховена. Скрябин же считался сверхдекадентом. Никакого не только пристрастия, но малейшего внимания Сафонов не проявлял к Клоду Дебюсси⁶¹, Габриэлю Форе⁶², Полю Дюка⁶³ и другим импрессионистам в музыке. Страсть Сафонова к Скрябину казалась лишь пристрастием — одним из многих пристрастий, свойственных

* «Грустный вальс» (фр.).

этому человеку с большим дарованием и крутым характером.

С исчезновением Сафонова из Москвы, даже из России, для многих казалось вполне естественным, что должен исчезнуть и предмет его музыкального «каприза» – декадент Скрябин.

Пять лет Скрябина не было в Москве. Я не помню ни одного исполнения его симфонических произведений за это время. Появление его в Москве в 1909 году было неожиданностью для большинства посетителей симфонических собраний. Те же, кто стоял поближе к консерватории и кое-что знал о текущей жизни Московского отделения Русского музыкального общества, склонны были рассматривать это внезапное появление Скрябина тоже как каприз – на этот раз каприз влиятельного члена отделения – М.К.Морозовой⁶⁴. Было известно, что Скрябин, проживавший за границей, пользуется материальной поддержкой Морозовой, высоко ценившей его музыкальный талант.

При вести о том, что Скрябину будет посвящено целое симфоническое собрание, враги музыкального новаторства поворчивали не без ехидства: «Морозовой давно хотелось стать второй фон Меккшей – покровительствовать композиторам: за неимением второго Чайковского она нашла себе Скрябина. Что же! Прекрасно! Но нас-то за что же потчевать этим музыкальным сумбуром?».

В сезон 1908–1909 года дирижером симфонических собраний был приглашен Э.А.Купер, капельмейстер оперы С.И.Зиминой⁶⁵. Как упорно говорили тогда, это приглашение молодого дирижера, известного только по выступлениям в опере, в руководители симфонических собраний тоже состоялось по настоянию той же М.К.Морозовой.

Остроумцы пустили крылатое слово: «Морозова на весь год закуперила симфонические собрания». Другие подхватили: «Зато теперь Морозова *откупорит* нам Скрябина». В ответ презрительно морщились: «Ну, уж увольте нас от такого шампанского вдовы Морозовой. Мы предпочитаем вдову Кликко!»

Так ворчал партер консерватории. Верхний ярус и галерея, наоборот, ждали Скрябина с тем нетерпением и надеждой, с какой ждут все новое в искусстве те, которые еще сами новы в жизни.

У Пастернаков я чуть ли не с первого дня знакомства слышал имя Скрябина. Оно там было в ореоле гения. Мать Бориса Пастернака Розалия Исидоровна⁶⁶, была хорошая пианистка; она преклонялась перед Скрябиным как пред замечательным художником фортепиано. Борис Пастернак, будущий поэт, мечтал о приезде Скрябина так, как юный немецкий поэт⁶⁷ когда-то мечтал о возвращении Гете из Италии. Скрябин немногим казался тогда таким же центральным художником в музыке, каким Блок был в поэзии. Каждое время ждет своих песен, — и вот нам казалось тогда, что эти песни привезет с собою Скрябин.

«Нам». Я вспоминаю Б.Пастернака, некоторых тогдашних учеников консерватории — Исаю Добровейна⁶⁸, впоследствии известного пианиста и дирижера, С.Фейнберга⁶⁹, теперь профессора консерватории, нескольких поэтов и просто любителей музыки.

Молва бывает жестокой не только тогда, когда она ничего не знает, но еще более жестокой бывает она тогда, когда *кое-что* знает.

Помню, кто-то из музыкантов, заглянувший в партитуру «Поэмы экстаза», извлек оттуда одно из необычных авторских указаний для исполнителей «Tres parfumé»^{*} и, переведя это с языка высокой поэзии на жаргон самой низкой пошлости, разглагольствовал в фойе:

«Tres parfumé! — Парикмахер какой-то! Музыкальные пачули! Его партитура точно куафюра: все надушено».

Общая атмосфера, предшествовавшая собранию из сочинений Скрябина, колебалась между любопытством и враждебностью. Уже при покупке программы слышались иронические возгласы и виделись подчеркнутые пожимания плечами.

В самом деле, программа была необычна.

Все три произведения исполнялись «в первый раз», а два — с пометкой «рукопись».

Первое из симфонических произведений носило название «Божественная поэма».

«Какая смелость! — слышалось в фойе. — Разве он не слышал, что не первый год существует “Божественная кс-медия”?»

«Вот потому-то он и назвал так свою пьесу, — язвили в ответ. — Дант номер второй явился».

^{*} «Очень ароматно» (фр.).

Третьи возмущались названием «Поэма экстаза»: «Какого экстаза? перед чем экстаза? чьего экстаза? плясуньи Саломеи? или наших хлыстов во время радения?»

Неодобрительно было встречено в курилке и новшество: автор исполнял не какое-нибудь фортепианное сочинение с оркестром, как было принято традицией, а играл свою 5-ую сонату для одного фортепиано.

«Помилуйте! Великий Антон никогда в симфонических собраниях не играл сонат, а всегда пьесу с оркестром! А у него ли не было права играть что хочет!»

«Очень основательное соображение у автора, – вставлял слово некто в сюртуке, пыхтя дымом от плохой сигары, – мы с вами не пойдем слушать его “Clavier Abend”*, но мы – абоненты-с – и поневоле прослушаем его сонату в какофоническом стиле».

До симфонического собрания 21 февраля 1909 года произведения Скрябина так долго были вне концертных программ, что друзей из молодежи у него было немного.

Мы с Борисом Пастернаком забрались на скрябинское собрание раным-рано.

Борис был в величайшем волнении. Это было так давно, – и так трудно поверить, что в те далекие времена был только один человек, который знал, что Борис пишет стихи: этот человек был я. Для всех же, в том числе и для родителей Бориса Пастернака, он был будущий композитор. Он брал уроки теории музыки у Р.М.Глиэра и у Ю.Д.Энгеля. Знаю от них самих, что они горячо верили в композиторскую будущность Бориса Пастернака. В это же верила его мать-пианистка. В это же, скрепя сердце, приходилось верить и отцу, академику живописи Леониду Осиповичу: он-то желал бы верить в другое, – в то, что Борис возьмет от него по наследству палитру живописца.

Борис весь горел музыкой Скрябина. Он переживал «поэму экстаза» от этой музыки. Обожание музыки усиливалось от славной юношеской влюбленности в самого композитора.

И вот теперь Борис ждал, чем ответит на музыку Скрябина этот партер, эти амфитеатры и эта галерея. Даже на галерею на *этот раз* нельзя было вполне положиться: там умели любить горячо и верно, но ведь Скрябину предстояло еще завоевать эту любовь.

* «Фортепьянный вечер» (нем.).

И на Купера не было большой надежды. Он хорошо дирижировал у Зимина операми Римского-Корсакова, – но ведь то опера Зимина! то Римский-Корсаков, которого все давно любят! – а тут труднейшие симфонические произведения со странными названиями, тут композитор, который, как чужестранец, явился в Москву после давнего отсутствия. Не встретит ли она его, как Чацкого, вернувшегося из чужих краев?

Зал наполнялся публикой как-то особенно медленно (может быть, это нам так казалось) – точно она дома и по дороге раздумывала, ехать ли в собрание или благоразумнее иначе провести вечер.

Первые звуки «Божественной поэмы».

Чувствовалось, что публика слушает внимательно, но настороженно.

Я бы сказал, что так слушали сочинения Брамса, впервые исполнявшиеся в собрании: холодно, равнодушно, с убеждением: «Да, бывает и такая музыка; приходится слушать и такую».

За вступлением у Скрябина следует Allegro с широкой увлекающей трагической темой.

«Чайковский!» – кто-то довольно громко произнес в амфитеатре, а другой тут же, с хрипотцой, сочувственно подсказал: «Франческа да Римини».

Это была неправда: ни Чайковского, ни «Франчески да Римини» нет в этой теме: это – подлинный трагический Скрябин.

Удивительное дело! В антракте этот «Чайковский» и небывалая «Франческа» много раз повторялись в суждении толпы.

2-ая часть «Божественной поэмы», и в особенности 3-я, с ее знаменитой «Jeu divine», «Божественной игрой», разделила зал надвое: одни стали уже подчиняться страстному и, главное, новому обаянию симфонической музыки Скрябина, другие уже успели возмутиться «воинствующей эротикой», как выразился в антракте один из профессоров университета, А.Б.Фохт⁷⁰.

Взлет свободного человеческого духа – так впоследствии толковали финал «Божественной поэмы». Не припомню тогда, в вечер 21 февраля, таких толкований.

Галерея почувствовала что-то новое, яркое, властительное в авторе «Божественной поэмы», горячо рукоплескала, – но не вся почувствовала и не вся рукоплескала.

Кто-то свистнул, но нерешительно. То же было всюду: в амфитеатрах, в партере. Рукоплескали и шипели (свистки были единичны), и сильнее спорили, чем рукоплескали.

В антракте по фойе текла пестрая и шумная река споров, возмущений, одобрений и порицаний, — но опять: больше всего споров.

«Если *это* — музыка, то Бах и Бетховен — не музыка!» — громко палил басом какой-то интеллигентный завсегда-тай собраний.

«Так говорили всегда, когда появлялось что-нибудь новое», — возражали ему, а он отдавал удар за ударом:

«Ну, уж извините, *то* новое был Шуман, а *это...*»

Гул толпы отнес, *что* было *это* новое — т.е. Скрябин.

Хвалителей было мало, но они были пылки и решительны как никогда.

Бориса Пастернака я не помню в антракте. Критики молчали.

Все ожидали 2-го отделения.

5-ую сонату не следовало играть в Большом зале. Она терялась в его массиве.

Как играл Скрябин, этого в двух словах не скажешь.

Но в одном слове можно сказать: он не играл, а как бы впервые сочинял за фортепиано.

Мне всегда казалось, что Скрябин за фортепиано переживает все муки и восторги творчества, что для него каждый аккорд является в первый раз, каждый звук рождается впервые.

Следить за такой игрой было больно и сладостно, а иногда, — быть может, это чувство было только у меня одного, — а иногда и совестно: как будто, незванный и незнаемый, ты присутствуешь при величайшем акте: творческого рождения.

Все это испытывалось мною (вероятно и другими) на камерных вечерах Скрябина. Здесь же, в огромном зале, при настроженной и изумленной толпе, только еще начинающей прислушиваться к необычному языку новой загадочной Музы, — здесь же Пятая соната звучала странно и отрывочно.

В этот самый вечер Сергей Иванович Танеев пустил свое знаменитое *mot*:

«Соната не оканчивается, она прекращается».

После мы узнали от самого композитора, что соната была написана им тотчас после завершения «Поэмы экс-

таза» и что он решил сыграть ее в Москве по ее прямой связи с «Поэмой экстаза», исполнявшейся в том же концерте.

Двадцать минут, в течение которых исполнялась «Поэма экстаза», принадлежат к числу самых памятных в моей жизни, но я меньше всего сумею их передать.

Пожалуй, вернее всего сказать, что это произведение не звучало, не призывало к чему-то, даже не волновало: оно заливало душу и сознание какой-то высокой-высокой, сладостной и вместе [с тем] страшной волной, — волной неведомого могучего прибоя, быть может дохлестывавшего до звезд, — и когда душа, наконец, обретала вновь свое «я», когда сознание возвращалось, оказывалось, что все кончено и оркестр молчит.

Если б Л.Н.Толстой слышал «Поэму экстаза», по крайней мере в тот удивительный вечер, мне сдается, он повторил бы свои слова о власти музыки, о том, как она берет человека в плен, гася его волю.

Должен оговориться, что эту власть «Поэмы экстаза» я почувствовал над собою не более двух раз (второй раз, когда ее исполнял Никиш), а затем я... убежал от этой власти! Я перестал слушать это произведение.

Мне думается, что нечто подобное, или близкое к описанному, испытали в тот вечер многие в зале консерватории.

Я мог бы назвать десяток-другой людей, которые после этого вечера стали навсегда страстными почитателями Скрябина. Я знаю людей, которые тут же, после первого исполнения «Поэмы экстаза», навсегда же, с живым возмущением, даже с негодованием, отвергли его власть над собою. Я знаю, наконец, людей, которые...

Но лучше я расскажу, чему был свидетель.

После «Поэмы экстаза» одни просто бежали из зала, отрясая прах от ног. Это была «самая большая» из «большой» публики, та, которая дружнее всего с «бессмертной пошлостью людской».

Но среди тех, кто остались, равнодушных или даже спокойных, не было, — было два лагеря: за Скрябина или против него: одни шипели и шикали, что-то выкрикивая, чему-то или кому-то грозя, другие яростно рукоплескали и вызывали того, кто потряс их своей музыкой.

Скрябин — глубоко взволнованный — выходил, не помню, раза два или три...

Я не дождался конца протестов и вызовов. Я бросился к артистической и там, в дверях, увидел прислонившегося к притолоке Ю.Д.Энгеля. Его лицо потеряло обычную любезную улыбочку. Оно было бледно.

«Это конец музыки», – сказал он с глубоким волнением.

«Это ее начало!» – воскликнул Борис Пастернак.

Я помню, как промелькнула мимо нас из артистической забкая фигурка Скрябина. Мы ему поклонились.

Была морозная крепкая ночь. Борис Пастернак жил на Мясницкой (улица Кирова), в Училище живописи, я – гораздо дальше, на «родине Пушкина», по-старомосковски «у Богоявления в Елохове». Борис пошел провожать меня, а затем... я пошел провожать его. Это значило пройти несколько верст по морозцу. И трудно мне самому поверить теперь: за эти несколько верст и часов (не менее двух) мы не сказали с Борисом ни одного слова не о музыке, а говоря два часа о музыке, не говорили ни о ком из композиторов, кроме Скрябина.

Это были восторженные речи, – и многое из них я, слово в слово и уж, во всяком случае, мысль в мысль, помню до сих пор.

Достоевский сказал: «Красота обновит мир». Нам тогда казалось: «Музыка обновит мир».

На другой день я послал Борису свои стихи, начинавшиеся строками:

Божественным восторгом пламеня,
Перед вселенной падаешь ты ниц.
Твой голос жжет меня. И внемлю, в небе рея,
То клекот слышен царственных орлиц.

Это были стихи о Скрябине.

На следующий день или позже один из «консерваторов», – это был И.Добровейн, которого товарищи почему-то звали Зайка, – с веселыми ужимками рассказывал, как Александра Ивановна Губерт нарочно заложила уши ватой, чтобы ничего не слышать скрябинского.

«И притом гигроскопической», – ехидничал Зайка.

В этот приезд Скрябин раза два был у Л.О.Пастернака.

Однажды он рассказал о том, как его девятилетним мальчиком спросили, играет ли он Баха.

Он отвечал:

«Нет, я играю только Скрябина».

Мальчик нисколько не солгал: Скрябин всю жизнь играл только Скрябина.

5

В памяти, в благодарной и потому живой памяти, — проходят многие солисты симфонических собраний.

Я уже писал о великолепном Эжене Изаи, этом Таманью⁷¹ скрипки, ее героическом теноре. Москва его страстно любила.

Полною его противоположностью был Люсьен Капе⁷², художник классической музыки, строго творящий волю Бетховена.

Капе, подобно Изаи, поражал своим внешним видом: это был единственный скрипач с бородой, — большой черной бородой.

Борода, необычная у скрипачей, порождала легенды.

В толпе в фойе повторял кое-кто всерьез, что в бороде у Капе заключено скрипичное электричество, передающееся смычку. И самый смычок у него был замечателен тем, что к его концу был привешен крупный бриллиант, дрожавший как слеза, вот-вот готовая упасть на землю.

Остроумцы с галереи утверждали: если Капе сбреет бороду, он потеряет всю виртуозную силу, как Самсон, лишившийся волос.

А сила эта у Капе была замечательна: он играл Бетховена так, будто возводил удивительно прекрасное, строгое здание классического стиля. Это был скрипач-зодчий, возводивший прекрасные воздушные здания.

А Изаи был скорее громовержцем, разрушающим здания и колеблющим землю, на которой они стоят.

Особый интерес вызвал у нас, галереи, скрипач Адольф Бродский⁷³. Мы знали, что это был тот самый смелый молодой человек, который взялся исполнить скрипичный концерт Чайковского, когда он был отвергнут Ауэром⁷⁴ за его «неудобоисполнимость». Как известно, Чайковский в благодарность Бродскому за первое исполнение концерта зачеркнул посвящение Ауэру и «перепосвятил» концерт Бродскому. Теперь Бродский был уже пожилой человек, даже немного грузный. За несколько дней перед симфоническим собранием концерт Чайковского исполнял в собственном вечере Ян Кубелик⁷⁵, совсем еще тогда юный. Он сверкал тогда на весь мир, как новонайденный алмаз, только что ограненный в бриллиант.

Он играл концерт Чайковского с чудесной легкостью, а Canzonetta у него точно самое себя пела с волшебной светлой грустью.

Неудивительно, что галерея встретила Бродского почтительно (помнили его историю с Чайковским), но не без глубокого сомнения (еще пела в душе Canzonetta Кубелика): где ему сравняться с Кубеликом!

Но тем внимательнее, сосредоточеннее слушали Бродского, — и, слушая, постепенно уходили от своего приговора.

Да, конечно, Бродский не сыграл концерта так, как Кубелик: он и не пытался угнаться за его весной, он не пел Чайковского, он вводил нас в мысль, в чувство композитора, как в далекий, нам не доступный храм.

И когда он кончил, ему сделал овацию весь зал, — не за чудесную песню молодости, как Кубелику, а за волнующее путеводство по высотам мысли и чувства Чайковского.

Вспоминаю замечательного Анри Казадесюса⁷⁶. Москва советская хорошо знает и любит его младшего брата — Марсея⁷⁷, пианиста.

Анри Казадесюс стоял во главе парижского «Общества игры на старинных инструментах». Этот квартет (виола д'амур, виола да гамба, кинтон, бас-виола) чудесно исполнял старую французскую музыку: Люлли⁷⁸, Рамо⁷⁹, Куперен⁸⁰, Монтеклер⁸¹. Большого музыкального очарования я не запомню: эти волшебники уносили нас в Версаль Людовика XIV, в «век суетных маркиз», увлекательных прогулок и тихой сладкой грусти. Сам Лев Толстой с удовольствием слушал этих чудесников, когда они приезжали к нему в Ясную Поляну.

Главный из этих очарователей, Анри Казадесюс, исполнил в симфоническом собрании «Концертную симфонию» Моцарта для виолы д'амур с оркестром.

Мне казалось, что Чайковский, великий почитатель Моцарта, с восхищением слушает эту обаятельную симфонию из своего медальона со стены Большого зала, ныне носящего его имя.

Удивительная нежность и чистота звука, какая-то бархатная глубина тона, — и необыкновенная светлая простота музыкальной речи поражала в исполнении Анри Казадесюса.

Такая же чистота звука и глубокая, нежная выразительность речи, — но с прибавлением покоряющей силы, — была у величайшего из виолончелистов испанца Пабло

Казальса⁸². Он играл заигранный концерт Сен-Санса, а с женой своей Геллерминой Суджиа-Казальс⁸³, исполнил концерт для двух виолончелей английского композитора Моора⁸⁴, произведение малозначительное, — но, когда Казальс играл, композиторы, большие и малые, переставали существовать. Был только он, вещий художник, извлекавший из своего инструмента и восторг, и ужас бытия, и бурную тьму, и побеждающие лучи солнца.

Казальс с особой лаской улыбался нашим восторгам — и бисированием прямо баловал приставучую молодежь.

У нас «у галереи» был отличный арбитр на игру художников струнных инструментов. Это — старый, всеми уважаемый профессор консерватории по классу скрипки Иван Войцехович Гржимали, родом чех.

Когда нам надо было узнать авторитетное мнение по «скрипичным или виолончельным вопросам», мы отправляли к нему одного из «консерваторов»-скрипачей, как греки к Дельфийскому оракулу, за решением.

Наш «оракул» не был пифией и ничего не изрекал, а приветливо (к нашей молодости) и снисходительно (к нашему неведению скрипичных тайн) высказывал свое мнение.

Так, он с восторгом отозвался о Кубелике — и мы, было, подумали: уж не чешский ли патриот заговорил в старике. Но тут же прибавил, что Бродский больше понимает Чайковского, чем Кубелик.

Один только раз Иван Войцехович был очень недоволен.

По случаю его юбилея (какого, не помню), на средства одного из его учеников, был устроен конкурс скрипачей — его учеников. Съехались знаменитости (вроде С.Барцевича⁸⁵), известности (вроде М.Пресса⁸⁶) и просто хорошие скрипачи. Конкурс продолжался дня три в Большом зале консерватории. Мы наслаждались три дня этим скрипичным пиром. В ближайшее симфоническое собрание мы разлетелись к Гржимали поздравлять его с успехом его учеников.

Но старик встретил нас кисло. Оказалось, он был недоволен тем, как жюри распределило премии. Сам он распределил бы их не так.

Тогда один из нас — ученик Гржимали, променявший впоследствии скрипку на портфель юриста, — осмелился ему заметить:

«Иван Войцехович, но ведь говорят – “Vox populi – vox Dei”^{*}». Гржимали сердито покачал головой:

«Но это смотря потому, какой populus!»

Своим populus'ом он был сильно недоволен и потому отрицал «божественность» его vox'a.

Из пианистов-солистов симфонических собраний память прежде всего и благодарнее всего приводит трех – С.И.Танеева, С.В.Рахманинова и Иосифа Гофмана.

С.И.Танеев в мое время уже редко выступал на эстраде и почти исключительно только в камерных собраниях, где он был незаменим никем. Его выступления со старым чешским квартетом, исполнившим *все* квартеты и квинтеты Бетховена в Большом зале Консерватории, останутся в памяти всех, кто был на этом торжестве камерного искусства.

Мне кажется, я до некоторой степени передам впечатление от этого незабвенного исполнителя Бетховена, если скажу, что в нем исчезали солисты, а возникал какой-то новый, неслышанный инструмент, на котором кто-то невидимый, но явно призванный Бетховеном, исполнял его гениальные создания.

В одном из симфонических собраний, посвященном памяти Чайковского (помнится, это было в 1913 году), С.И.Танеев исполнил «Концертную фантазию» (ор. 56). Эта пьеса, которую многие считают виртуозной, у Танеева была глубоким раздумьем над бытием, – и из строгой, быть может, намеренно сдержанной игры Танеева возникал образ Чайковского, бесконечно близкий, вызывающий преданную любовь – и одновременно теплую благодарность и грусть.

Многие плакали не оттого, что слушали Танеева, а оттого, что Чайковский невидимой скорбной тенью прошел по залу.

С.В.Рахманинов – пианист. Об этом писать надо много или совсем не писать.

Я избираю последнее. Не умолчу лишь о том потрясающем впечатлении, которое он произвел, исполняя свой 2-ой концерт на юбилейном собрании (по случаю 50-летия консерватории), когда исполнялись произведения лучших ее питомцев: «Иоанн Дамаскин» Танеева, «Божественная поэма» Скрябина и этот концерт Рахманинова.

Точно вихрь радости, печали и восторга пролетел тогда над безмолвным залом – и исчез без следа. Нет, со следа-

^{*} «Глас народа – глас Божий» (лат.).

ми, которые оставляет лишь исключительное явление искусства: со следом неиссякаемой благодарности к тому, кто вызвал этот обновляющий вихрь.

Иосиф Гофман, тогда еще совсем молодой человек, был любимцем Москвы, неизменным, раз навсегда отмеченным и раз навсегда прославленным. Москва раньше других столиц мировой музыки отметила своей исключительной любовью этого отрока – и не ошиблась: мир признал ее правоту.

Иосиф Гофман сказал однажды:

«Большинство пианистов стремятся сыграть *больше* того, что написано в нотах; я легко могу доказать, что они не доигрывают и того, что *есть* в нотах».

Сам Гофман относится, конечно, к меньшинству из этого меньшинства.

Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Так писал Фет Вл[адимиру] Соловьеву⁸⁷.

Мы могли бы повторить это Иосифу Гофману: Бетховен, Шопен, Шуман говорили нам его руками.

Когда я слушал потом многие из тех произведений, которые играл Гофман, мне почти постоянно казалось, что хорошо или плохо, но мне говорят за Бетховена, *вместо* Шопена, *взамен* Шумана, – и мне нужно сделать какое-то вычитание чужой (пусть и талантливой) речи из слышанного, чтобы услышать чистую речь Бетховена, Шопена, Шумана.

А Гофману все мы могли сказать:

Шопен нам наизусть
Твоими говорит *руками*.

Гофмана мы любили еще за одну его черту: он охотно и много играл в пользу разных обществ, поддерживавших учащуюся молодежь.

Вокалистов много прошло за те годы, но никто не пользовался таким успехом, как А.В.Нежданова, Л.В.Собинов и Ф.И.Шаляпин.

Искусство и мастерство А.В.Неждановой, к счастью, еще радует и современного слушателя, и о нем писать я не буду: оно – область действительности, а не воспоминаний.

К сожалению, этого нельзя сказать об искусстве и мастерстве постоянного оперного партнера Неждановой — Л.В.Собинова.

Собинов на эстраде возбуждал такие же восторги публики, как и на оперной сцене. Это общеизвестно. Но на *симфонической* эстраде Собинов еще усиливал те требования, которые предъявлял к себе как певцу и исполнителю. В противоположность большинству оперных певцов, спокойно и равнодушно переносящих на симфоническую эстраду то, что они поют в опере, репертуар Собинова всегда был свеж и нов.

Я никогда не слышал, чтобы он пел в симфоническом концерте арию Ленского или каватину князя из «Русалки».

Но зато я отлично помню, как удивил всех Собинов, когда спел в симфоническом собрании речитатив и арию Садко из первой картины оперы-былины Римского-Корсакова: «Поклон вам, гости именитые...»

Галерея, любившая Собинова особой благодарной любовью (сотни студентов освобождались от платы за учение благодаря его ежегодному концерту), даже испугалась за своего любимца. Большая ария Садко! Партия героического тенора! — и нежный лирический тенор Собинова! Как же не бояться?

Но Собинов не по-оперному, а именно по-симфоническому, не на гремящей силе звука, а выдержанно, стильно, былинно исполнил речитатив и арию Садко, показав, какое множество красот упускают оперные исполнители этой партии, думая только о силе звучания и не заботясь о поэтическом обаянии образа певца-гусляра.

В другой раз Собинов исполнил песню Вальтера из «Нюрнбергских мейстерзингеров» Вагнера — и опять поразил всех тонким пониманием стиля этой лирической песни из *комической* оперы певца Нибелунгов.

Исполняя эти отрывки из оперных партий, которые он не пел в Большом театре, Собинов делал попытки расширить свой оперный репертуар, слишком тесный для его дарования. Рассказ из «Лоэнгрина» он пел в концертах раньше, чем выступил в этой партии в опере, — и с таким же исключительным успехом. Но ни в «Садко», ни в «Мейстерзингерах» он в опере не выступал.

То же делал и *Шаляпин*.

Я помню, как он в симфоническом собрании под управлением Ипполитова-Иванова исполнил рассказ Пимена

(«В вечерний час пришел ко мне однажды») и песню Варлаама из «Бориса Годунова» и арию Шакловитого «Спит стрелецкое гнездо» из «Хованщины».

Высшего исполнения, чем то, которое давал Шаляпин на эстраде, я не знаю.

Он уничтожал им и эстраду, и зал, и оркестр, и все на свете, он вводил в душу слушателя безраздельно то праведную мудрость летописца Пимена, то буйный разгул бродяги Варлаама.

Нельзя сказать про Шаляпина, что он пел, исполнял, что голос у него звучал так-то, а держал он себя на эстраде этак-то: все это было бы ненужной неправдой. *Как* он пел, *как* у него звучал голос, *как* он держался на эстраде, этого нельзя было заметить, если слушатель мало-мальски обладал слухом и хоть чуть-чуть был способен внимать музыке. Шаляпин *поглощал* слушателя всего, без раздела, — и слушатель вовсе не имел дела с певцом и исполнителем, а только с Пименом, только с Варлаамом.

Я вспоминаю одно незабвенное симфоническое собрание в декабре 1908 года. Его программа (дирижировал Э.Купер) была такова:

1. 5-я симфония Чайковского. 2. Концерт Бетховена для скрипки (Л.Капэ). 3. а) Шуберт. «Двойник»; б) Ю.Сахновский. «Ходит смерть вокруг меня» (Шаляпин). 4. Т.Бубек⁸⁸. «Сестра Беатриса». Поэма для оркестра и органа (рукопись). 5. Рахманинов. «Судьба». К 5-ой симфонии Бетховена текст А.Апухтина (Шаляпин).

Из небольшой песни Шуберта Шаляпин создал скорбную трагедию неизмеримого одиночества и отчаяния и, — что доступно только великому артисту, — *продолжил* эту трагедию в романсе Сахновского, между которым и песней Шуберта лежит бездна.

Я не помню, как мы слушали «Сестру Беатрису» рано умершего Бубека, но отлично помню, как меня томил вопрос, каким образом Шаляпин в *третий* раз приблизится к той же музыкальной и философской теме — одиночества и рока, которою уже заполнил наши сердца, исполняя Шуберта и Сахновского.

И вот он появился во второй раз, спокойный, огромный, — и с новою властью, с новою безмерной силой в третий раз согнул нас под бременем Рока. Рахманинов — не Бетховен, но его «Судьба» звучала у Шаляпина как неслыханное, необъятное по силе и бездонной тоске создание Бетховена.

Шаляпин ушел с эстрады, а тот титан, который мог все это сделать с нами, еще не уходил: не шелохнулся оркестр, безмолвствовал огромный зал, до тесноты набитый публикой. Мы все еще были под бременем, наложенным на нас титаном.

Когда же мы, наконец, очнулись, взвился вихрь, звавший этого титана назад, к нам, чтобы еще томить и мучить нас «неизъяснимым наслаждением»⁸⁹.

Но явился не титан, а вышел Шаляпин, поклонился и хотел уйти. Его остановили рукоплесканиями. Он спел чудесно, увлекательно то, в чем не было ничего титанического, — «Персидскую песню» А.Рубинштейна — спел и удалился с явным нежеланием ничего более петь.

Но тут мы, галерея, низвергнувшаяся в партер, поклялась без клятвы, что вызовем титана. Вызовы, предводительствуемые галереями, были так могучи, непреклонны и страстны, что Шаляпин вышел. Глянул на нас, сделал какой-то знак пианисту, тряхнул головой.

«В двенадцать часов по ночам...»

«Ночной смотр» Глилки!

Это опять поднялся титан — и опять завладел нами, — и опять это была песня рока, на этот раз страшного исторического рока, свершающего свой суд над великим человеком, — но вдруг эту песню суда заглушила песня победы, и «Ночной смотр» внезапно зазвучал в устах титана хвалой человеку, торжествующему в своем поэтическом бессмертии над злобным приговором Рока.

Опять мы не заметили, как он ушел, — и опять вызвали его благодарным и требовательным призывом молодых голосов.

Он вышел, остановился у рояля, опять сделал знак, — и вдруг расхохотался в звуках едчайшим смехом Мефистофеля:

«Полюбил король блоху...»

Это было так неожиданно и так жутко, как будто тысяча бесенят высыпались откуда-то в полутемный зал и осыпали вас тысячами колючих искр, от которых стало и весело, и щекотно, и жутко, и безумно смешно.

И опять уже нет *его*, а мы опять зовем его.

Он вышел усталой походкой, еле волоча ноги, и мгновенно превратился в захолустнейшего семинариста, влюб-

ленного в розовощекую поповну, но – увы! – принужденного зубрить постылую латынь.

И когда он ушел, тут только мы вспомнили, что он исполнял «Семинариста» Мусоргского.

Опять его вызвали, и опять он пришел, но уже в последний раз.

Пришел, остановился, поднял кверху палец и *сказал*:

«Я петь больше не могу, а прочту вам письмо моего друга Сергея Васильевича Рахманинова к Константину Сергеевичу Станиславскому по случаю 10-летия его театра...

И *прочел письмо*, читанное им же на юбилее Художественного театра.

Т.е., конечно, он *пел речитативом*, но мы готовы были поклясться, что он *читает*: столько было здесь последней простоты, «письменного тона», каким вообще читают письма, – и столько свежего юмора, теплого привета и любви к этому «дорогому Константину Сергеевичу».

Письмо было «прочтено». Он поклонился – и ушел.

А мы, – а я во всяком случае, – остались при убеждении что большего совершенства в искусстве... чего? пения? нет! – в искусстве музыкального общения с симфонической эстрадой мы никогда не узнаем.

И – с тех пор прошло 38 лет – и не узнали.

На другой день говорила вся Москва: Шаляпин, – капризный, дерзкий Шаляпин, отказывавшийся пропеть на *bis* одну вещицу, – пел для мальчишек до поздней ночи.

Да, так и было: пел для мальчишек до поздней ночи, – и как же благодарили этих мальчишек те немногие «пожилые люди», которые остались с мальчишками ждать шаляпинских *bis*'ов!

Шаляпин был в этот вечер не только во всеоружии своего мастерства (это бывало всегда), не только во всей силе своего гения (это не всегда бывало), но и во всей доброте, благодати, ласке этого гения (это, к сожалению, бывало не так часто).

Я бы мог кончить на этом свои воспоминания слушателя с «галереи» консерваторского зала, но воспоминания мои не до конца выразили бы мою благодарность консерватории, если б я не упомянул об ученических вечерах, происходивших в Малом зале, и о консерваторских спектаклях.

На закрытые ученические вчера мы проникали как «родственники» поющих или играющих там «консерваторов»,

точно также, как и они, в виде наших «родственников» проникали на лекции и диспуты.

Вечера эти показывали *будущую* оперу, *будущую* симфоническую или камерную эстраду – и тем были особенно для нас привлекательны. Здесь был простор добрым, дружеским домыслам. Пели юные или молодые сопрано, альты, тенора, баритоны, басы, и можно было сколько угодно гадать, какие будущие Собиновы и Шаляпины кроются в этих безвестных пока певцах.

Ошибок тут было наделано нами множество. Пустоцветы мы часто принимали за бутоны чудесного розового куста.

Но и настоящую розу, случалось, распознавали по бутону.

Я помню тот юный восторг, который возбуждала А.В.Нежданова на этих вечерах, выступая с моцартовскими ариями, – и памятна мне та любящая доверенность, которую питали мы к таланту В.Р.Петрова уже в те ранние времена.

Ежегодно консерватория устраивала экзаменационный оперный спектакль. Это было большим событием в художественной жизни Москвы. На спектакли эти устремлялась «большая публика» в надежде услышать будущих Патти⁹⁰ (не меньше того!) или Таманьо (Собинова было мало!). Не найдя ни той, ни другого, на спектакли эти поворчивали и вздыхали: «Ах, сразу видно, что нет Николая Григорьевича⁹¹! При нем...» – и фантазировали, что было «при нем», забывая, что и «при нем» не появились ни Патти, ни Таманьо.

Но мы не так судили об этих спектаклях. Мы верили в будущность, – пусть не мировую, но хорошую, честную русскую будущность – молодых певиц и певцов, – и подносили им в складчину цветы. Спектакли эти имели и еще одно важное значение: в них исполнялись оперы, которые не шли ни в Большом театре, ни в Солодовниковском.

В ученических спектаклях консерватории я видел «Похищение из сераля» и «Свадьбу Фигаро» Моцарта, «Эврианту» Вебера, «У моря» («Флибустьер») Кюи и др.

Особенно памятно «Похищение из сераля». Это было весной 1902 года.

В этой чудесной моцартовской опере впервые вышли на сцену А.В.Нежданова в роли Констанцы и В.Р.Петров в роли Осмина. Чистейшее наслаждение было слушать серебряные трели Неждановой в этой трудной партии.

Она была прирожденная *моцартовская* певица — это было ясно молодежи, восторженно принимавшей ее в этой опере, — и это до конца осталось неясно, печальной памяти, дирекции императорских театров, которая только однажды выпустила Нежданову в моцартовской опере — в «Волшебной флейте» (царица ночи). А между тем, какие вокальные чудеса могла бы показать, — а главное, какую радостью моцартовской вечной весны могла бы наделить всех Нежданова в «Свадьбе Фигаро» и в «Дон Жуане»!

Но все это осталось несбывшейся мечтой. Тем памятной консерваторское «Похищение из сераля» с Неждановой и Петровым, которому в басовой партии Осмина приходилось также выделять труднейшие фиоритуры.

Когда весной же 1902 года, после консерваторского спектакля, Нежданова дебютировала в Большом театре в партии Антонида в «Иване Сусанине» (в те времена «Жизнь за царя») Глинки, ее огромный успех был неожиданностью для заправил и меломанов этого театра. Но этот огромный успех отнюдь не был неожиданностью для нас, слышавших Нежданову на ученических вечерах под строгой ферулой Александры Ивановны Губерт и восторженно рукоплескавших ей на спектакле «Похищение из сераля».

И уже не юноши, а взрослые люди, слушая Нежданову в «Фра-Дьяволо», в «Лакме», в «Богеме», в «Миньон», мы не могли скрыть своих сожалений: ах, зачем для этой несравненной певицы закрыт, волею казенных стражей, вход в чудесный, светлый чертог Моцарта.

Я кончил.

Старая галерея Большого зала консерватории не существует более. Но с теплой благодарностью вспоминаю ее и все те высокие радости, которые восприняты в долголетнем стоянии на ней. И глубоко верю: чудесный зал консерватории, ныне носящей имя Петра Ильича Чайковского, будет неиссякаемым источником музыкальных радостей для многих поколений нашей великой родины.

Писано в Болшеве и по пути из Воронежа в Москву 8–12. XII. 1940 г.

Написано по просьбе Моск[овской] Консерватории. Одобрено Гедике и Гольденвейзером.

Примечания

- ¹ Иззи Эжен (1858–1931) – бельгийский скрипач, композитор и дирижер, многократно концертировавший в России.
- ² Гофман Иосиф (1876–1957) – польский пианист, педагог и композитор.
- ³ Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – певец (лирический тенор).
- ⁴ Колонн Эдуар (1838–1910) – французский дирижер и скрипач.
- ⁵ Гедике Александр Федорович (1877–1957) – композитор, пианист, органист и педагог. В 1898 г. окончил Московскую консерваторию, с 1909 г. – профессор консерватории.
- ⁶ Густав Адольф IV (1778–1837) – шведский король.
- ⁷ Рерих Макс (1873–1916) – немецкий композитор, органист, пианист и дирижер.
- ⁸ «Зимние грезы» – 1-я симфония П.И. Чайковского.
- ⁹ Торричеллиева пустота – открытое итальянским ученым Эванджелиста Торричелли (1608–1647) существование вакуума – безвоздушного пространства над свободной поверхностью жидкости в закрытом сосуде.
- ¹⁰ Брукнер Антон (1824–1896) – австрийский композитор, преподаватель Венской консерватории. Среди его учеников – Г. Малер, А. Никиш. Подлинное признание творчество Брукнера получило только в XX в.
- ¹¹ «Смерть и просветление» – симфоническая поэма Р. Штрауса, написанная под влиянием философии А. Шопенгауэра.
- ¹² Рубинштейн Николай Григорьевич (1835–1881) – пианист, дирижер, педагог, основатель Московской консерватории и ее первый директор.
- ¹³ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894) – пианист, композитор и дирижер, основатель и первый директор Петербургской консерватории, брат Н.Г. Рубинштейна.
- ¹⁴ Никиш Артур (1855–1922) – венгерский дирижер, композитор и педагог.
- ¹⁵ Вейнгартнер Феликс фон (1863–1942) – немецкий дирижер и композитор.
- ¹⁶ Allegro – (итал., букв. – веселый, живой) – обозначение быстрого, живого темпа музыкального произведения, а также название произведения или части сонатного цикла, написанного в характере аллегро.
- ¹⁷ Обер Даниель Франсуа (1782–1871) – французский композитор, автор известной комической оперы «Фра-Дьяволо».
- ¹⁸ «Нюрнбергские мастерзингеры» – опера Р. Вагнера.
- ¹⁹ «Гальяка» – опера С. Монюшко.
- ²⁰ Сац Илья Александрович (1875–1912) – русский композитор, автор музыки к спектаклю Московского Художественного театра «Синяя птица».
- ²¹ Намек на персонажей «Мертвых душ» Н.В. Гоголя – «просто приятную даму» и «даму, приятную во всех отношениях».
- ²² Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «А.О. Смирновой»: Все это было бы смешно // Когда бы не было так грустно.
- ²³ Василенко Сергей Никифорович (1872–1956) – композитор, дирижер и педагог.

²⁴ Недбал Оскар (1874–1930) – чешский дирижер, композитор и альтист.

²⁵ Метцль Владимир Людвигович (1882–?) – композитор и пианист, ученик С.И.Танеева.

²⁶ Оленина д'Альгейм Мария Александровна (1869–1970) – камерная певица.

²⁷ Симфоническая поэма Р.Штрауса «Так говорил Заратустра» написана под влиянием идей одноименного сочинения Ф.Ницше.

²⁸ Кашкин Николай Дмитриевич (1839–1920) – музыкальный критик и педагог, профессор Московской консерватории с 1866 по 1906 г.

²⁹ Сафонов Василий Ильич (1852–1918) – пианист, педагог и дирижер, в 1889–1905 гг. директор Московской консерватории, в эти же годы постоянный дирижер симфонических концертов Московского отделения Русского музыкального общества.

³⁰ Энгель Юлий Дмитриевич (1868–1927) – музыкальный критик и композитор, окончил Московскую консерваторию в 1897 г., у него учился музыке Б.Л.Пастернак.

³¹ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) – музыкальный критик и композитор, автор работ об А.Н.Скрябине.

³² Сахновский Юрий Сергеевич (1866–1930) – композитор, музыкальный критик и дирижер.

³³ Риземан Оскар фон (1880–1934) – немецкий музыковед, жил в России.

³⁴ Измененный текст стихотворения А.С.Пушкина «Отрок». Правильно: Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы...

³⁵ Тартаков Иоаким Викторович (1860 – 1923) – певец (лирико-драматический баритон), с 1894 г. – солист Мариинского театра.

³⁶ Губерт Александра Ивановна (1850–1937) – пианистка и педагог.

³⁷ Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950) – певица (лирико-колоратурное сопрано), в 1902 г. окончила Московскую консерваторию. С.Н.Дурьлин посвятил А.В.Неждановой отдельные воспоминания, являющиеся как бы продолжением воспоминаний о Большом зале консерватории (Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 242).

³⁸ Збруева Евгения Ивановна (1867–1936) – певица (контральто). Окончила Московскую консерваторию в 1893 г.

³⁹ Касторский Владимир Иванович (1871–1948) – певец (бас).

⁴⁰ Петров Василий Родионович (1875–1937) – певец (бас), окончил Московскую консерваторию в 1902 г.

⁴¹ Гржимали Иван Войцехович (1844–1915) – скрипач и педагог, с 1869 г. преподаватель, а затем профессор Московской консерватории.

⁴² Имеются в виду усы и острая бородка на автопортрете фламандского живописца Антониса Ван-Дейка (1599–1641).

⁴³ Ланге Тор (1851–1915) – датский поэт. Жил в Москве с 1876 г., преподавал классические языки в Лазаревском институте восточных языков, переводил на датский язык произведения русских авторов, в том числе автор перевода «Слова о полку Игореве».

⁴⁴ Булычов Вячеслав Александрович (1872–1959) – хоровой дирижер, музыкально-общественный деятель и композитор.

⁴⁵ Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (ок. 1525–1594) – итальянский композитор, автор духовной хоровой музыки и светских мадригалов, глава римской полифонической школы.

⁴⁶ Лассо Орландо (ок. 1532–1594) – франко-фламандский композитор, мастер полифонии.

⁴⁷ Граун Карл Генрих (1703–1759) – композитор и певец, автор кантаты «Смерть Иисуса».

⁴⁸ Турнемир Шарль (1870–1939) – французский органист и композитор, выступал в Москве 26 и 28 ноября 1911 г.

⁴⁹ Босс Энрико Марко (1861–1925) – итальянский органист, композитор и педагог. В 1907 и 1912 г. концертировал в России.

⁵⁰ Гедике Федор Карлович (Фридрих-Александр-Пауль) (1839–1916) – органист и пианист. В 1880–1916 гг. преподавал в Московской консерватории.

⁵¹ Дервиз Сергей Павлович – железнодорожный концессионер, член дирекции Русского музыкального общества.

⁵² Коутс Алберт (1882–1953) – английский дирижер и композитор. В 1910–1911 гг. жил в России.

⁵³ Мравинский Евгений Александрович (1903–1988) – дирижер. Окончил Ленинградскую консерваторию в 1931 г., позднее стал ее профессором.

⁵⁴ Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – дирижер, виртуоз-контрабасист, музыкальный деятель, основатель Российского музыкального издательства (1907) и собственного симфонического оркестра (1909).

⁵⁵ Конюс Юлий Эдуардович (1869–1942) – скрипач, педагог и композитор. В 1893–1901 гг. преподаватель Московской консерватории, друг С.В.Рахманинова.

⁵⁶ Григорович Карл Карлович (1868–1921) – скрипач и педагог.

⁵⁷ Неточное цитирование последних строк из стихотворения Ф.И.Тютчева «О чем ты веешь, ветер ночной?». У Тютчева: О! бурь заснувших не буди – // Под ними хаос шевелится.

⁵⁸ Вольфинг – псевдоним Эмилия Карловича Метнера (1872–1936), философа, литератора и музыкального критика.

⁵⁹ Вальц Карл Федорович (1846–1929) – декоратор и театральный машинист-механик Большого театра.

⁶⁰ Вероятно, автор имеет в виду сюиту «Лемминкяйнен».

⁶¹ Дебюсси Клод Ашиль (1862–1918) – французский композитор и дирижер.

⁶² Форе Габриель Юрбен (1845–1924) – французский композитор, органист, дирижер.

⁶³ Дюка Поль (1865–1935) – французский композитор, музыкальный писатель и педагог.

⁶⁴ Морозова Маргарита Кирилловна (1872–1958) – известная меценатка, владелица издательства «Путь», одна из руководителей Московского религиозно-философского общества памяти Вл.Соловьева.

⁶⁵ Зимин Сергей Иванович (1875–1942) – театральный деятель, меценат. В 1904 г. создал в Москве частный оперный театр.

⁶⁶ Пастернак Розалия Исидоровна (урожд. Кауфман; 1867–1938) – пианист-виртуоз, жена художника Л.О.Пастернака. После рождения детей

оставила профессиональную деятельность и только изредка выступала перед публикой.

⁶⁷ Вероятно, имеется в виду Ф. Шиллер.

⁶⁸ Добровейн Исая Александрович (1891–1953) – дирижер, пианист и композитор, учился в Московской консерватории.

⁶⁹ Фейнберг Самуил Евгеньевич (1890–1962) – пианист, композитор.

⁷⁰ Фохт Александр Богданович (1848–1930) – медик-патолог, с 1880 г. профессор Московского университета.

⁷¹ Таманьо Франческо (1850–1905) – итальянский певец (тенор).

⁷² Капе Люсьен (1873–1928) – французский скрипач, педагог и композитор.

⁷³ Бродский Адольф Давидович (1851–1929) – скрипач и педагог. В 1874–1879 гг. преподавал в Московской консерватории.

⁷⁴ Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930) – скрипач, педагог и дирижер.

⁷⁵ Кубелик Ян (1880–1940) – чешский скрипач и композитор.

⁷⁶ Казадесюс Анри Густав (1879–1947) – альтист и исполнитель на виоля д’амур.

⁷⁷ Казадесюс Робер Марсель (1899–1972) – пианист, педагог и композитор.

⁷⁸ Люлли Жан Батист (1632–1687) – французский композитор.

⁷⁹ Рамо Жан Филипп (1683–1764) – французский композитор.

⁸⁰ Куперен Франсуа (1668–1733) – французский композитор.

⁸¹ Монтеклер Мишель Пиньоле (1667–1737) – французский композитор

⁸² Казальс (Касальс) Пабло (1876–1973) – испанский виолончелист, дирижер, композитор.

⁸³ Суджиа-Казальс Геллермина (1880–1950) – виолончелистка.

⁸⁴ Вероятно, имеется в виду венгерский композитор, пианист и дирижер Эманюэль Моор (1863–1931), автор концерта для двух виолончелей, жена которого пианистка Унифред Кристи (1882–1965) была англичанкой.

⁸⁵ Барцевич Станислав (1858–1929) – польский скрипач, педагог и дирижер.

⁸⁶ Пресс Михаил Исаакович (1871–1938) – скрипач.

⁸⁷ Первое четверостишие стихотворения А.А.Фета «В.С.Соловьеву».

⁸⁸ Бубек Теодор Христофор (1866–1909) – органист, композитор и педагог. В 1905–1909 гг. преподаватель Московской консерватории.

⁸⁹ См. гимн в честь чумы из трагедии А.С.Пушкина «Пир во время чумы»: Все, все, что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Неизъяснимы наслажденья – // Бессмертья, может быть, залог...

⁹⁰ Патти Аделина (1843–1919) – итальянская певица (колоратурное сопрано). Неоднократно гастролировала в России.

⁹¹ Имеется в виду Н.Г.Рубинштейн.

ПИСЬМА ФИЛОСОФУ (по материалам фонда Н.А.Бердяева)

Публикация Е.В.Бронниковой

Среди документов Николая Александровича Бердяева (1874–1948), хранящихся в РГАЛИ, большое место занимает переписка. В числе корреспондентов философа были его близкие (жена Лидия Юдифовна, свояченица – Евгения Юдифовна), философы, богословы (Лев Шестов, В.Н.Ильин, отец Сергей Булгаков, С.Л.Франк, Г.В.Флоровский, Л.П.Карсавин, Ж.Маритен, А.Бергсон, О.Шпенглер, Г.Марсель), служители Церкви (митрополит Евлогий, отец Иоанн Шаховской), писатели (Г.В.Адамович, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, М.А.Осоргин, Н.А.Тэффи, З.А.Шаховская), политические деятели, публицисты (П.Б.Струве, Е.Д.Кускова, А.Ф.Керенский), издатели, журналисты. К Бердяеву обращались также люди менее известные или неизвестные совсем, не только выходцы из России, но и иностранцы – немцы, французы, англичане, американцы, испанцы (священники, студенты, домохозяйки, преподаватели, любители философии), – мужчины и женщины, представители разных религиозных конфессий, атеисты... Их объединяли интерес к произведениям этого, одного из наиболее известных в мире русских мыслителей XX столетия, стремление разобраться в хитросплетениях мировой истории, постичь существующий миропорядок, а значит, и найти в нем свое место и предназначение.

В продолжение изучения материалов фонда Бердяева в РГАЛИ для публикации в сборнике «Встречи с прошлым» были выбраны несколько писем восьми корреспондентов (точнее – корреспонденток) Бердяева. Такой, в значительной мере весьма произвольный, выбор из нескольких тысяч писем, отложившихся в архиве Бердяева, позволяет

тем не менее заявить о важной теме «Судьба русской женщины в эмиграции». Публикуемые письма – это достоверное повествование о тех, кто волею неумолимого исторического процесса был выброшен за пределы своего Отечества и не потерял *своего* лица, не сломался в условиях жестокой Второй мировой войны, продолжая жить напряженной духовной жизнью, не зависящей от внешних условий.

Авторы писем – меценатка, переводчица княгиня И.П.Романова, публицистка Е.Д.Кускова, писательница и публицистка А.В.Тыркова-Вильямс, писательница Н.А.Тэффи, православная М.А.Каллаш, католичка Е.А.Извольская, антропософка М.В.Сабашникова, монахиня Бландина и, наконец, жена философа Л.Ю.Бердяева... Точкой пересечения судеб этих женщин, столь различных по происхождению, социальному статусу, религиозным и политическим взглядам и т.д., стало знакомство с Николаем Бердяевым. Все они шли собственным путем к Истине и на своих духовных путях-перепутьях и «жизненных остановках» они встретились с философом Бердяевым, в общении с ним искали поддержку и опору, которые так или иначе утратили, оторвавшись от России.

Письма А.В.Тырковой-Вильямс

Публикация открывается письмами Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (1869–1962), публицистки, мемуаристки, стоявшей у истоков Кадетской партии и считавшейся «единственным мужчиной в кадетском ЦК», одной из активисток феминистского движения в России. В 1906 г. она вышла замуж за английского журналиста, корреспондента «Таймс» Гарольда В.Вильямса (ум. 1928).

Будучи непримиримой противницей большевиков и установленного ими политического режима, в 1918 г. Тыркова-Вильямс выехала через Мурманск в Великобританию и, благодаря протекции мужа, встречалась с Д.Ллойд-Джорджем и другими политическими деятелями Великобритании, уговаривая их начать военную интервенцию против большевиков. Участвовала в создании в Лондоне в январе 1919 г. Комитета освобождения России. Затем ненадолго вернулась на родину, где Г.Виль-

ямс был аккредитован в качестве корреспондента «Таймс» и «Дейли кроникл» при отделе пропаганды правительства генерала А.И.Деникина. В начале 1920 г. вернулась в Великобританию. По словам сына А.А.Бормана, Ариадна Владимировна, окончательно покинув Россию на 51-м году жизни, постоянно мысленно возвращалась на родину: «Россию, территорию, государство она заменила в эмиграции русской средой и русской церковью. Куда бы ее не забрасывала судьба, она сразу окружала себя русскими людьми. К ней всегда поступали письма от русских со всех концов мира» (Борман А. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн-Вашингтон, 1964. С. 191). В Англии она основала Общество помощи русским беженцам. Позже жила во Франции и США.

Письма Бердяеву (Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 760) написаны ею в первые месяцы пребывания философа за границей, что совпало с окончанием Гражданской войны и отказом ведущих мировых держав от политики открытой интервенции против России. В этих условиях значительная часть русской эмиграции (в их числе и такой активный человек, как Тыркова-Вильямс) стремилась оказывать политическое влияние на правительства тех стран, где она нашли убежище.

1

9 Tite Street
London S.W.3

22.X.22

Дорогой Николай Александрович, как мне досадно, что мы были в Берлине до Вашего приезда¹. Так хотелось и мне, и мужу повидать Вас. Не знаю даже поздравлять ли Вас с прибытием в свободную Европу или нет?

Но я пишу Вам письмо не приветственное, а деловое. С падением Л[лойд] Дж[орджа]² у власти являются новые люди. Т.к. старый, хитрый премьер, искусник в секретах управления и политических интриг, свалился, главным образом, благодаря своей невежественной и бесцельной иностранной политике, которая ослабила Британскую империю, то в иностранной политике надо ждать перемен.

По-прежнему остро стоит Россия. Это загадка. И если было время, когда мы, русские патриоты, противопостав-

ляли двусмысленному заигрыванию Л[лойд] Дж[орджа] с большевиками борьбу непримиримую и вооруженную, то сейчас мы стоим голенькие. Непримиримость та же, стала даже горше и острее, п[отому] ч[то] борьбы-то нет, нет ни оружия, ни даже орудия борьбы. Что же теперь нам думать и делать, как ставить перед иностранцами русский вопрос? Сейчас в части англ[ийской] прессы будут особенно настойчиво требовать политического признания советского правительства. Аргументы: 1) это единственная власть, спасающая Россию от хаоса, 2) нам нет дела до внутреннего строя России, 3) без России нельзя устраивать мировые дела и нельзя ждать, пока она заведет более приличное правительство, 4) только путем политического и коммерческого проникновения можно оздоровить Россию, 5) экономически Россия нужна Европе, и кто первый побольше захватит, тот и наживется. Я излагаю, все это очень резко, конечно, обычно накидывается та или иная вуаль. Но я пишу так для краткости, чтобы Вы имели понятие о том, как ставится здесь русское дело иностранцами, главное — англичанами. Французы, до сих пор бывшие против политического сближения, как будто меняют позицию.

Вы, вероятно, знаете, что мой муж всегда был среди непримиримых. Теперь мы с ним оба в раздумье, что выгоднее для России: чтобы она подвергалась политическому бойкоту до тех пор, пока Советы не сменятся более человеческой властью, или, напротив, попытка сближения с русской государственностью, даже Советской? По чувству гораздо легче продолжать первое. Но выгодно ли это для русского народа? И можно ли это рекомендовать, когда нет ни одной активной антибольшевистской русской организации, которую можно было бы считать серьезным боевым фактором?

Очень прошу, Николай Александрович, ответить мне на эти вопросы как можно скорее и подробно. Мне хотелось бы, чтобы Вы, отвечая, имели в виду, что я могу перевести Ваше письмо и показывать его англ[ийским] политикам. Если хотите, разделите его на две части: одну для меня, другую для более широкого употребления. Но очень важно получить скорый ответ, т.к. хочется, чтобы муж знал мнение русского мыслителя, только что оторвавшегося от России. Вы, вероятно, слышали, что муж — редактор иностр[анного] отдела в «Times'e». Россию он

любит по-прежнему и тем более считает нужным проверять себя русскими голосами.

Сын³ писал, что Вы привезли с собой рукописи⁴. О чем? Нет ли чего-нибудь для английского журнала? Хорошо бы попытаться счастья.

Всего, всего хорошего.

Ваша А.Тыркова

Это письмо только для Вашего употребления. Да, еще вопрос. Если новое правительство будет за признание (это еще очень неясно), то надо ли ставить большевикам условия и какие?

Сама я думаю, что нужно усиление экономических сношений, но не политическое признание.

¹ Бердяев вместе с другими высылаемыми покинул Петроград 28–29 (по другим данным 26) сентября 1922 г. и в начале октября приплыл в Штеттин, откуда приехал в Берлин.

² Падение кабинета Дэвида Ллойд-Джорджа (1863–1945), премьер-министра Великобритании в 1916–1922 гг., лидера Либеральной партии, связано с рядом неудач во внешней политике Великобритании после завершения Первой мировой войны. Кабинет Ллойд-Джорджа не смог противостоять усилению международного авторитета США и вынужден был пойти на ряд уступок (установление паритета английского и американского линейных флотов, отказ от союзного договора с Японией, что было юридически закреплено в решениях Вашингтонской конференции), поддержал Грецию в неудачной войне против Турции в 1919–1922 гг. В отношении противоборствующих сторон в России Ллойд-Джордж занимал равноудаленную позицию, не желая окончательной победы ни красным, ни белым и поддерживая политику открытой интервенции, а также любые сепаратистские движения (Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия), направленные на распад бывшей Российской империи, что отвечало бы британским интересам.

³ Речь идет о ее сыне от первого брака – Аркадии Альфредовиче Бормане (1891–1974), журналисте, жившем в межвоенный период в Париже и сотрудничавшем в газетах «Возрождение», «Русская мысль», журнале «Часовой» и др.

⁴ В числе рукописей, взятых Бердяевым с собой в эмиграцию, были произведения, написанные в России за революционные годы, но неизданные: «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы», «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии», «Миросозерцание Достоевского», «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», «Духовные основы русской революции. Опыты 1917–18 гг.», но ни одна из них в английской печати в 1920-е гг. не появилась.

Kensington 763.
9, Tite Street,
Chelsea, S. W. 3.

11.XII.22

Дорогой Николай Александрович.

Когда Деникинская армия, в которой было немало подлинных рыцарей духа (о негодяях не стоит говорить), оказалась выброшенной из русской жизни, разбитой, бессильной и внутренне сломанной, я пережила в Новороссийске черные дни¹. Не только потому что кругом было море страданий и мерзости, что лучшие гибли, а худшие выплывали, что над всеми этими лохмотьями людскими всесильная царила вошь, но главное потому, что я поняла – самое больное для России еще впереди. Еще не изжит угар, а м[ожет] б[ыть], вернее сказать, еще не прошло дьявольское наваждение. Ясно было – напущена на Россию морака и началась она не только до большевистской революции, но и до мартовской. И все мы ее напускали. С тех пор так называемая политика, т.е. споры между милюковцами² и анти-милюковцами, эсерами и большевиками, желанье тех или других объявить себя Учредилкой (тоже своего рода живая церковь³), все это волнует меня отдаленно и тупо. Я хочу России свободной от большевиков, я их ненавижу всей душой, но я давно поняла, что они – следствие многолетнего искривления русских мозгов, главным образом интеллигентских. Для меня самый основной и страшный вопрос – может ли их дьявольская энергия пройти душу русскую всю насквозь, подменить ее интернациональной смердяковщиной. Что экономически, а значит когда-нибудь и политически Россия их сбросит, это мне представляется неизбежным. Но какова будет эта Россия?

Оттого я всей душой и радуюсь деятельности Вашей и Ваших единомышленников и огорчаюсь, что вы все не там.

Было там и голодно и холодно, и не мне, сытой, не знавшей этих лишений, казалось бы жалеть, что Вы не в голодной России. А все-таки жалею.

Простите, что раньше не писала. Письмо Ваше пришло, когда я была больна. Я ему порадовалась и как дружескому голосу, и потому что, переживая по-разному русскую смуту, мы как будто во многом сходимся. – Муж

Вам очень кланяется и жалеет, что в Берлине не удалось повидаться. Разве весной попадем.

Всего хорошего, и если могу быть чем-нибудь полезной, напишите.

Ваша А.Тыркова

¹ В Новороссийске А.В.Тыркова-Вильямс стала свидетельницей стремительного наступления советских войск Кавказского фронта в ходе Кубано-Новороссийской операции 1920 г. Тыркова-Вильямс уехала из Новороссийска в середине февраля вместе с мужем и невесткой через Константинополь в Лондон, ее сын покинул город вместе с П.Б.Струве в самом начале марта. Командование Донской армией Вооруженных сил Юга России (командующий генерал-лейтенант В.И.Сидорин) предприняло попытку удержать Новороссийск, чтобы под прикрытием стоявшей на рейде англо-французской эскадры и сил Черноморского флота организовано эвакуировать свои войска в Крым. С середины марта началась массовая эвакуация, удалось вывести в Крым Добровольческий корпус. Донская армия почти полностью осталась в Новороссийске. В последующие дни началась полная анархия и хаос, из города стремились выехать не только военные, но и мирное население. 27 марта советские войска совместно с партизанами овладели городом.

² Имеются в виду сторонники Павла Николаевича Милюкова (1859–1943), историка, политического деятеля, депутата 3-й и 4-й Государственной думы, один из лидеров кадетской партии, который, как и Тыркова-Вильямс, входил в Комитет освобождения России. С января 1921 г. жил в Париже, с марта того же года (вплоть до 1941 г.) был редактором одной из ведущих газет Русского зарубежья «Последние новости». Милюковская «новая тактика» борьбы с большевистской России строилась, главным образом, на признании главных последствий революции (установление республиканского строя, федеративное устройство государства, передел земли) и на исключении интервенции как средства освобождения России от большевизма «вопреки воле народа». В 1922 г. во время выступления Милюкова в Берлине на него было совершено покушение.

³ Речь идет об одной из обновленческих реформаторских групп, претендовавших на альтернативную роль по отношению к Русской Православной Церкви. «Живая церковь» была создана в мае 1922 г. в Москве при поддержке обновленческого Высшего церковного управления вокруг одноименного журнала, выходившего под редакцией С.Калиновского. На учредительном собрании «Живой церкви», состоявшемся 29 мая 1922 г., был провозглашен пересмотр и изменение всех сторон церковной жизни. В состав ЦК «Живой церкви» входили прототоиерей Владимир Красницкий, обновленческий священник Евгений Белков, епископ Подольский Иоанн Альбинский и др. «Живоцерковники» приветствовали созыв обновленческого лжесобора в мае 1923 г., главной задачей которого должны были стать демонстрация лояльности по отношению к Совет-

ской власти и дискредитация главы Русской Православной Церкви патриарха Тихона. Однако вскоре обновленческий Синод принял решение о роспуске «Живой церкви», после чего «живоцерковники» начали действовать самостоятельно.

Письмо М.В.Сабашниковой

Маргарита Васильевна Сабашникова (1882–1973) – художница, ученица И.Е.Репина, К.А.Коровина, В.А.Серова, была первой женой М.А.Волошина, долгое время жила за границей, а также училась в парижской академии Ф.Коларосси. Вернулась в 1917 г. в Москву, служила секретарем отдела живописи Пролеткульта и в Театральном отделе Наркомпроса, в это время часто бывала в гостеприимном доме Бердяевых. Последовательница учения Р.Штейнера, она участвовала в художественном оформлении здания антропософского центра Гётеанум, построенного в Дорнахе. Публикуем одно из двух писем М.В.Сабашниковой, имеющихся в фонде Бердяева (Ед. хр. 719. Л. 1 и об.).

29/VII 24
Einsingen bei Ulm
Bei Maier Smits
14 W Sabaschnikoff Wolochin

Дорогой Николай Александрович,

Наконец узнала Ваш адрес. Я давно хочу написать Вам, чтобы узнать, как Вам живется, что Вы делаете, что делается вокруг Вас.

Я живу оторванная и от России (мне дали знать, что я не могу вернуться, не объясняя причин), и от русских. Это очень тяжело. Живу уже год на пуговичной фабрике, в пустыре, обнесенном частоколом. (Помните встречу с пуговичником Пер Гинта¹?). Работать могу с утра до вечера. Говорить не с кем. Вокруг все люди дела. От Швейцарии тоже отрезана, благодаря паспорту своему².

И я сама, и моя работа кажутся мне каким-то «манускриптом в бутылке». Иногда представляется, что самый живой в мире язык причислен к мертвым? Правда ли, что все русские издательства позакрылись? Где Ильин³, Франк⁴ и другие. Отсутствие общения тяжело, особенно после России, где мы все-таки жили каким-то общим сознанием, чувствуя друг друга, неся друг друга. С какой благодарностью я вспоминаю Ваш «торт» на вторниках,

который во всех своих метаморфозах был символом неугасимости дух[овной] культуры⁵. Существует ли он? Кто вокруг него?

Эти 2 года были внутренне очень плодотворны для меня, хотя печальны внешне. Я часто вспоминаю наши беседы. Насколько с тех пор то, о чем мы говорили, стало конкретнее для меня.

От 9–24 августа я надеюсь быть на цикле д[окто]ра Штейнера⁶ в Torquay в Англии. (Теперь эти циклы открыты для всех интересующихся.) На обратном пути думаю быть в Париже. Где будете Вы в конце августа, в сентябре. Мне бы хотелось повидать Вас.

Напишите мне сюда! Буду очень ждать Вашего ответа. Напишите мне также, можно ли мне где-нибудь издать 1) ту вещь, о кот[орой] я, кажется, Вам говорила, кот[орая] написана в форме ряда снов и переписки (на тему Софии в смысле Новалиса⁷), 2) перевод книги Стеффена⁸ «Kleine Mythen»*, очень подлинные, убедительные, мистически пережитые короткие рассказы. Вообще, не могла ли бы я как-нибудь принять участие в культурной русской жизни. Какие существуют журналы?

Шлю Вам и Вашей жене сердечный привет.

Искренне преданная Вам

Сабашникова

Что Вы знаете о Евг[ени] Каз[имировне]⁹? О том, что Ал. Сер. Петровский¹⁰ в тюрьме Вы знаете?

¹ Речь идет о заключительных сценах философско-символической драматургической поэмы «Пер Гюнт» (1867) норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906).

² Имеется в виду так называемый «нансеновский» паспорт, введенный в 1922 г. Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена для беженцев, не имевших законных документов от своих стран.

³ Ильин Иван Александрович (1883–1954) – философ, теоретик и историк религии и культуры, как и Бердяев, был выслан из России, в 1923–1934 гг. – профессор Русского научного института в Берлине.

⁴ Франк Семен Людвигович (1877–1950) – философ, выслан из России в 1922 г., в 1923–1937 гг. жил в Германии, как и Ильин преподавал в Русском научном институте, где был деканом историко-филологического факультета, заместителем ректора и в 1931–1932 гг. – ректором института.

* «Маленькие мифы» (нем.).

⁵ Сабашникова позже писала в своих воспоминаниях о *четвергах* Бердяева, устраиваемых после революции в московской квартире философа: «На знаменитые бердяевские “четверги” с чтениями рефератов и дискуссиями люди продолжали собираться, несмотря на голод, холод и террор. Сидели в шубах, дышали дымом печурки, а к чаю, который уже вовсе не был чаем, подавался знаменитый “торт”, который постепенно все уменьшался и превратился теперь в некое изделие из картофельной шелухи. Но, по крайней мере традиция была соблюдена!» (Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая змея. История одной жизни / Пер. с нем. М.Н.Жемчужниковой. М., 1993. С. 207). Другие мемуаристы, например, А.Ф.Лосев, писал о вторниках в квартире Бердяева во Власьевском переулке в Москве. По словам свояченицы Бердяева Е.Ю.Рапп, после прихода большевиков к власти в их квартире было очень холодно, приглашенные на собеседования оставались в полушубках и валенках: «Весь ковер был покрыт лужами от таявшего снега. Чтобы немного согреть замерзших присутствующих, я разносила чашки с горячей настойкой из березовой коры, с маленькими пирожками из тертой морковки. Сахар отсутствовал». Бердяев также вспоминал о морковном чае и пирожках, «представлявших собой творчество из ничего», а Ф.А.Степун – о «чае брусничном, пироге, по размерам символическом, по субстанции ржаном» (См.: Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Окленд, 1993. С. 187–188).

⁶ Штейнер Рудольф (1861–1925) – немецкий философ-мистик, основатель антропософии; Бердяев был противником Штейнера и его учения.

⁷ Новалис (наст. имя – Фридрих фон Харденберг; 1772–1801) – немецкий писатель-романтик и философ.

⁸ Имеется в виду Альберт Штеффен (1884–1963), христианский поэт, последователь Р.Штейнера с 1907 г., главный редактор журнала «Гётеанум» с 1921 г., член Совета и второй председатель Всеобщего антропософского общества с 1923 г., после смерти Штейнера возглавил общество.

⁹ Речь идет о Евгении Казимировне Герцык (1878–1944), мемуаристке, доброй знакомой Сабашниковой и Бердяева, оставшейся в России. В годы Гражданской войны она с семьей жила в Крыму, в 1921 г. были арестованы три близких ей человека – брат Владимир, сестра – поэтесса Аделаида и ее муж Д.Е.Жуковский. После смерти Аделаиды Казимировны в 1925 г. Е.К.Герцык воспитывала ее детей; в 1920-е гг. Бердяев переписывался с ней, см. ее письма, хранящиеся в РГАЛИ: *Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 366–376.

¹⁰ Петровский Алексей Сергеевич (1881–1958) – переводчик, антропософ, участник строительства Гётеанума в Дорнахе, сотрудник Румянцевского музея (затем Государственной библиотеки им. В.И.Ленина), был одним из составителей описания литературного наследия Андрея Белого. В 1931 г. был арестован и провел два года в ссылке.

Письма М.А.Каллаш

Дружбу с Николаем Александровичем Бердяевым высоко ценила и Мария Александровна Каллаш (урожд. Но-

викова, псевдоним – М.Курдюмов; 1885–1954), литературовед, публицистка. В 1907 г. была принята в качестве вольнослушательницы в скульптурные классы художника Н.А.Андреева Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища.

Ее муж Владимир Владимирович Каллаш, историк литературы, публицист, сотрудник журнала «Русская мысль» умер в 1919 г. Ее добровольное изгнание началось, предположительно, с того, что в первой половине 1920-х гг. она выехала в научную командировку в Италию, а затем обосновалась в Париже. Занималась изучением богословских вопросов, преподавала в школе в Quinсу, о которой более подробно сказано далее; была постоянным автором и читательницей журнала «Путь», слушательницей в Религиозно-философской академии, активно участвовала в церковной жизни русской православной общины, оставалась в числе немногих сторонников Московской Патриархии. Публикуются четыре ее письма из семи сохранившихся в фонде Бердяева (Ед. хр. 500. Л. 1–5 об., 7–8).

1

6/22 мая [1925]

Пятница

Дорогой Николай Александрович!

Сердечно Вас поздравляю с днем Вашего Ангела, весь милый дом Ваш с замечательным именинником, единственным и ни с кем не сравнимым!

Больше всего хочу, чтобы, во-1-ых, Вы были совсем здоровы, во-2-х, выпустили полное собрание Ваших сочинений и, в-3-х, чтобы скорее настало то время, когда Вы будете читать курсы Ваших лекций в Москве.

По тем вестям, которые идут оттуда, мои пожелания последние не столь уже фантастичны.

Между прочим, на днях видела одну «очень эмигрантскую» даму, получившую от родственницы из Ковно письмо, где сообщается, что туда приехал недавно один поэт из Москвы (друг Блока будто бы, фамилия не написана), который говорил, что теперь в России настроение молодежи определяет даже не комсомол, а «христомол».

Сегодняшнее сообщение «Последних нов[остей]», вероятно, отклик совершающихся там перемен, *совершающих*

ся несмотря на Сталина¹, а эмигранты будут говорить, конечно, что это результат «соглашательства». Простите, что в день Ваших именин поминаю об эмиграции – Бог с ними, надоели!

Надеюсь Вас скоро увидеть, потому что Евгения Юдифовна обещала мне на будущей неделе написать, когда Вы все будете дома и «visibles»*.

Вчера вечером я была в церкви Vanves, рассчитывая Вас там встретить и лично поздравить. Шлю всем мой душевный привет.

С глубоким уважением искренно

Вас любящая

М.Каллаш

¹ Речь идет о редакционной статье «Мутная струя в крестьянском движении» с кратким изложением полученного из СССР издания «Крестьянская Украина» («орган Всеукраинского объединенного крестьянского совета»), в котором сообщалось о нарастании недовольства среди крестьян на Украине и зарождении там «зеленого движения», близкого «маховщине» и стремящегося к «национальной революции» против советской власти: «по некоторым выражениям газеты можно было бы заключить даже, что крестьянское восстание в России – и при том во *всей* России сразу – начинается не сегодня-завтра» (Последние новости. 1925. 22 мая. № 1557. С. 1).

2

20 июня 1925

3, rue Jacques Offenbach
Paris 16-ème

Многоуважаемый Николай Александрович!

Вчера вечером получила Ваше письмо и очень Вас благодарю за то, что Вы не забыли о моей просьбе и находите время со мной повидаться. Конечно, во вторник я буду дома и стану Вас ждать с большой радостью. Теперь обращаюсь к Вам с просьбой, которую я, ввиду спешности дела, не могу отложить до нашего свидания.

Маленькая группа лиц, случайно работавших в «Вечернем времени»¹ и не пожелавшая по одинаковым со мною мотивам переходить ни в «Возрождение»², ни в «Русское время»³, превратившееся совершенно в уличный листок, предпринимает издание, пока небольшого

* Здесь: «доступные для посетителей» (фр.).

по размерам, еженедельника «Русская неделя»⁴, в котором, помимо неизбежной хроники и политических обзоров, во главу угла будет положено освещение вопросов современной жизни с точек зрения Вам очень близких. Инициатива этого издания была, главным образом, моя, так как мне не хотелось идти ни в какую партийную газету и трудно было, вместе с тем, победить желание говорить о том, что в нашей жизни является наиболее важным. Эмиграция, за исключением сравнительно небольших групп, живущих своей жизнью, далекой от газет, настолько соблазнилась, как Вы знаете, «прикладным христианством», настолько самоуверенна и близорука исторически, что, мне кажется, надо в какой-то степени пытаться выводить ее из тупиков узкополитических устремлений. В этом задача нашего маленького издания, которому, конечно, придется до некоторой степени отдавать «кесарево — кесарю» в смысле невозможности обойти ту «злобу дня», которая имеется во всех газетах и полугазетах. Без этих добавлений нам нельзя рассчитывать на тираж и придется выходить «на правах рукописи». На это у нас нет денег, а, кроме того, наша цель — возможно широко поставить пропаганду христианского понимания жизни. Мне давно хотелось еще в газете познакомить читателей с основными положениями Ваших трех последних книг⁵, но «Вечер[нее] вр[емя] было уже очень несерьезно и через край залито всяческим «галлиполийством»⁶. Основная группа наша очень невелика — всего четыре человека, из которых Вы знаете только меня и, вероятно, старика Ладыженского Вл. Ник.⁷ Ведать всей административной стороной издания будет Алек. Ив. Грамматиков⁸, бывший директор-распорядитель «Нов[ого] вр[емени]» в Петербурге, большой Ваш почитатель. Редактора фактически у нас нет, а заведовать сдачей материала в печать будет некий Евг. Петр. Семенов⁹, который и достал небольшие деньги на издание. Моя просьба к Вам весьма «дерзкая»: не дадите ли Вы нам для первого номера этой «Русской недели» Вашу лекцию о Пушкине¹⁰ в виде статьи в 500—550 газетных строк? Понимаю вполне, что в неведомое и новое издание Вы затруднитесь, может быть, дать Вашу подпись, ибо у нас нет пока так называемых «имен», но мы их не хотим искать среди «известных общественных и политических деятелей», а стремимся к Вам, к о. С.Н.Булгакову¹¹ и Вашим единомышленникам.

Лицо, давшее нам деньги на начало издания, потребовало его неотложного выхода в ближайшие дни, и это, конечно, лишает нас возможности, не торопясь, предварительно переговоривши с теми, чье участие для нас столь желательно. Ввиду этой вынужденной скоропалительности я и пишу Вам о статье, не дожидаясь вторника. Чтобы у Вас все же было представление о будущем издании, могу сказать, что размер его для начала всего 32 стр., формат обычных французских еженедельников вроде «Lecture pour tous»*. По существу пока это понедельничная газета в виде книжки с серьезным отделом внутри. Политического флага никакого: мы, конечно, никак не демократы, но и не монархисты в смысле здесь распространенном, ибо основа у нас христианская. Если бы Вы пожелали ближе к нам подойти, то оказали бы нам огромную помощь и услугу. Я мечтаю установить связь этого издания с христианской молодежью¹².

Что касается гонорара, то мы очень небогаты и можем Вам предложить за статью не больше 150–200 фр[анков]. Возможно, что нам помогут денежно, и тогда, конечно, условия оплаты изменятся к лучшему.

Чтобы статья Ваша (я наудачу спросила о Пушкине) могла попасть в первый номер, мне необходимо ее получить и сдать не позднее вторника.

Если Вас не затруднит, я бы попросила Вас мне ответить открыткой в двух словах, что Вы думаете по поводу нашей к Вам просьбы.

Искренно Вам преданная

М.Каллаш

¹ «Вечернее время» – ежедневная газета, выходившая в Париже в 1924–1925 гг. под редакцией Б.А.Суворина.

² «Возрождение» – одна из наиболее популярных ежедневных (с 1936 г. – еженедельных) газет Русского зарубежья, выходившая в Париже с 1925 по 1940 г., создатели газеты – крупнейший нефтепромышленник А.О.Гукасов и литератор, экономист, философ П.Б.Струве. Имела монархическую направленность, стремясь объединить русских эмигрантов на основе идей Белого движения.

³ «Русское время» – ежедневная общественно-политическая газета, основанная на базе двух газет – «Русской газеты» и «Вечернего времени» в июне 1925 г. и просуществовавшая до начала 1929 г.

* «Чтение для всех» (фр.).

⁴ «Русская неделя» – журнал политики, литературы и искусства, выходящий в Париже в 1925 г. «при ближайшем участии А.И.Грамматикова, М.А.Курдюмова, В.Н.Ладыженского, П.А.Никашина, Е.П.Семенова». Всего вышло 7 номеров. Бердяев в этом издании не публиковался.

⁵ Имеются в виду книги «Смысл истории...» (Берлин, 1923), «Философия неравенства...» (Берлин, 1923), «Новое средневековье...» (Берлин, 1924).

⁶ «Галлиполийство» – монархическая идеология той части русской эмиграции, которую составили военные. После поражения Белой Армии в Крыму они эвакуировались в Турцию и попали в лагеря, располагавшиеся на Галлипольском полуострове, где находились до апреля 1922 г., когда они организованно переехали в Европу – Болгарию, Королевство СХС, затем часть из них поселилась во Франции, Германии, Чехословакии, США. Идейным центром стал Союз галлиполийцев во Франции и общества галлиполийцев в ряде стран.

⁷ Ладыженский Владимир Николаевич (1859–1932) – писатель, общественный деятель, педагог.

⁸ Грамматиков Александр Иванович (ум. 1963) – адвокат, общественный деятель; умер в Чили.

⁹ Семенов Евгений Петрович – литератор, историк, в 1920-е гг. читал лекции по русской истории XX в. и русской литературе в помещении кафе «Caméleon», в 1925 г. редактор журнала «Русская неделя».

¹⁰ Вероятно, речь идет об одной из лекций курса «Русские духовные течения», который читал Бердяев в 1925 г. в Религиозно-философской академии.

¹¹ Булгаков Сергей Николаевич (отец Сергей) (1871–1944) – философ, протоиерей, рукоположен во священника по благословению патриарха Тихона в 1918 г.; один из основателей и первый декан Богословской академии в Париже; друг семьи Бердяевых еще с периода их жизни в Киеве.

¹² Речь идет о Русском студенческом христианском движении – организации русской православной молодежи, возникшей в 1923 г. в Пшеарове (Чехословакия), первый съезд которого состоялся в Аржероне в 1924 г. при поддержке американского Христианского союза молодых людей (YMCA).

3

[До августа 1931]

Дорогой Николай Александрович!

Целую вечность Вас не видала, а так рвалась к Вам с Вами поговорить по целому ряду самых мучительных для меня вопросов. Теперь вот уже неделю взаперти – началось воспаление легких, сердце ослабело и прочие неприятности.

Меня буквально съедает тема для статьи в «Путь»¹, но без Вашей принципиальной санкции не хочу за нее

приниматься. Тема вот такая: в церковном отрыве эмиграции замыкается круг внутреннего ухода от России. Столкновение двух мирозозерцаний, явившееся неким экзаменом «старорежимному православию», приемлющему христианство лишь при известных условиях материально-государственных и искажающему смысл христианства, иначе говоря, требование «Божие» приспособить к «Кесареву» и соответственно его перекроить и урезать.

Само собою разумеется, никаких личностей я касаться не стану, оставляю в стороне всю фактическую сторону «распри», лишь попытаюсь уяснить ее внутренний смысл. Полемического характера статья не будет носить, да и не лежит к этому душа².

Н.А.Соболева³ мне сказала, что Вы уезжаете на днях. Куда? Надолго ли? Как Ваше здоровье теперь?

Чтобы не затруднять Вас письменным ответом, попрошу на словах через Над[ежду] Андр[еевну] мне сообщить о статье, допустима ли вообще такая тема, а там, конечно, Вы уже самую рукопись возьмете на Ваше рассмотрение.

Передала Над[ежде] Андр[еевне] дать Вам прочесть два интересных и остроумно-жестоких письма Архиепископа Сергия Японского⁴... Воображаю, что он напишет теперь, когда узнает финал всей этой мучительно-лживой путаницы с Москвой⁵. Он еще два года назад писал, что органически не приемлет самого понятия: «архиерей-беженец». Человек он независимый, духовно сильный, яркий как личность. Геройски спасал людей во время землетрясения в Токио. Японцы, даже не православные, его буквально обожают, в чем я убедилась еще в 1915 г., когда была в тех краях.

Шлю мой горячий привет Вам и всем Вашим.

Не болейте, берегите себя ради Бога...

С глубоким уважением, сердечно

Вам преданная

М.Каллаш

¹ «Путь» – журнал, издававшийся в Париже с сентября 1925 г. по март 1940 г., «орган русской религиозной мысли», издание Религиозно-философской академии. Его редактором и вдохновителем был Бердяев, соредактором – Б.П.Вышеславцев (См.: Аржаковский А. Журнал «Путь» (1925–1940). Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев, 2000).

² Речь идет о статье Каллаш «О христианском максимализме (пути) Русской Церкви», опубликованной Бердяевым в журнале «Путь» (1931. № 8(29). С. 49–67) со следующей редакционной заметкой: «Редакция «Пути» должна остаться нейтральной в церковной распре последнего времени и потому она дает возможность высказаться противоположным точкам зрения» (С. 49). В этом же номере был опубликован ответ Г.П.Федотова «Неудачная защита (Ответ М.Курдюмову)». Федотов не был согласен с той попыткой оправдания раскола в Русской Зарубежной Церкви, которую предприняла Каллаш. Федотов подчеркивал, что большая часть того, что написала Каллаш, является истиной, однако это – истина в неточном и расплывчатом изложении, поэтому она перестает быть истиной (С. 68–79).

³ Соболева Надежда Андреевна (ум. 1978) – позже монахиня Силуана, участвовала в основании Трехсвятительского подворья Московской Патриархии; вернулась в СССР, жила в Пюхтицком монастыре.

⁴ Архиепископ (позже митрополит) Сергей (Тихомиров; ум. 1945) – преемник св. Николая Японского, с 1912 г. предстоятель Японской автономной Православной Церкви, смещен с этого поста в 1939 г. в соответствии с «Законом о религиозных организациях», лишившим иностранцев права возглавлять религиозные организации; летом 1945 г. по обвинению в шпионаже был посажен в тюрьму, где и умер.

⁵ 10 июня 1930 г. митрополит Сергей (Страгородский) как заместитель Патриаршего Местоблюстителя отстранил митрополита Евлогия от управления Западно-европейской епархией и поручил ему передать полномочия по управлению епархией архиепископу Ниццскому Владимиру (Тихоницкому), который отказался принять это назначение. Митрополит Евлогий не подчинился этому решению и заручился поддержкой созданного им епархиального собрания. 24 декабря 1930 г. последовало постановление Московской Патриархии передать митрополита Евлогия суду архиереев и запретить ему священнослужение. 20 мая 1931 г. временным управляющим Русской Церковью в Западной Европе был уполномочен митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский). Митрополит Евлогий, со своей стороны, обратился к Константинопольскому Патриарху Фотию II с просьбой принять русские приходы в Западной Европе в юрисдикцию Константинопольской Патриархии. Митрополита Евлогия поддержало большинство приходов.

В 1931 г. была образована православная община во главе с епископом Вениамином (Федченко) и создан храм Трех Святителей (Трехсвятительское подворье), находившиеся в юрисдикции митрополита Елевферия. Прихожанами подворья были М.А.Калаш, В.Н.Лосский, Н.А.Соболева, Н.А.Бердяев, Е.Ю.Рапп и другие. В послушании Московской Патриархии оставался архиепископ Сергей (Тихомиров), возглавлявший Православную Церковь в Японии (См.: *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. М., 1997. С. 565–571).

26 июня [1931]
3, rue Jacques Offenbach
Paris 16-e

Дорогой Николай Александрович!

Получила Ваше письмо с опозданием, потому что пробыла три дня вне Парижа, в школе Quincy, где у меня идет подготовка моих учениц к экзаменам. Почти вся статья уже была мною написана, и я теперь решила ее Вам послать на тот случай, что Вы, быть может, мне укажете необходимые переделки, которые окончательно очистят ее от всякой полемической примеси.

Вашу точку зрения на действия Москвы и на воззрения Митр[ополита] Елевферия¹ я вполне понимаю, но не разделяю. С первого момента и при первом впечатлении Митр[ополит] Елевферий действительно производит впечатление «законника» и «формалиста», но когда подходишь к нему ближе (я переписываюсь с ним уже два года), то становится ясным, что его, кажущая жесткой, непреклонность в повиновении «закону», не есть служебное преклонение перед мертвой буквой, а лишь проявление огромной внутренней *цельности*. «Старорежимного» в нем нет, потому что он ни в какой мере не является слепо исполнительным церковным чиновником. Для него всякая «мертвая буква» есть живое слово, полное живого смысла, и если он каждую букву принимает без оговорок, то только потому, что он как-то сумел горячо и крепко уверовать во всю сумму всех православных законоположений. Он мне не раз говорил и писал о том, как трудно было ему в его годы оторваться от старой России и принять и усвоить мысль о возможности России совершенно новой, ни в чем не похожей на прежнюю. Церковь, зависящая от государства, ему служащая, всегда была чужда Митр[ополиту] Елевферию, и в этом отношении он никогда не был «синодальным архиереем». Его строгое подчинение канонической дисциплине – следствие его глубочайшего личного *смирения*, в силу которого он, например, отказался от предложенной ему Москвой всецелой автономии своей Литовской Епархии. Что касается любви, самой горячей и деятельной, самой внимательной, то у Митрополита она буквально не имеет границ, проявляясь, между прочим, в трогательных его заботах о католической бедноте в Ковно.

Мне рассказывали мои друзья, там живущие, что Митр[ополит], который ютится в одной убогой комнатухе, не имея келейника, сам себе варит какой-то суп, буквально все отдает и не только не делает различия между православными и католиками, но о последних особенно хлопочет, т.к. именно католической бедноты в Литве чрезвычайно много. У Митр[ополита] Евлогия² черты как раз обратные: безграничное *благодущие*, ошибочно принимаемое за доброту, за которым скрывается полнейшее безразличие к людям, даже ему близким и нужным, даже слепо ему преданным. Митр[ополит] Елевферий – мистик и строгий аскет, в противоположность Митр[ополиту] Евлогию, совершенно лишен того расплывчатого либерализма, который мы часто склонны принимать за религиозную широту и терпимость. Но богословские воззрения Митр[ополита] Елевферия иногда поражают своей смелостью. Я от него первого из архиереев услышала о том, что поминовение за литургией ни в коем случае нельзя ограничивать только православными, а можно и должно молиться и за евреев, и за мусульман, и за язычников, и за безбожников, ибо Христос пострадал за весь мир, и мы не можем ограничивать и литургической бескровной жертвы пределами только Православной Церкви. (Сам он на всякой литургии поминает папу и все католическое духовенство.) Он утверждает, что дело спасения человека продолжается в загробной жизни, что ни одна душа не может считаться погибшей до Страшного суда, потому что проповедь евангельской истины продолжается и в загробном мире, начавшись с момента воскресения Христа «во ад сошедшего» и, между прочим, на этом основании он верит в обращение евреев, ссылаясь на слова Ап. Павла о том, что «весь Израиль спасется»³. Вообще его понимание и толкование многих богословских вопросов интересно и содержательно в высшей степени. Но любопытно, что он ни в чем и никак не ограничивая идеи милосердия Божия, очень требователен к каждому члену Православной Церкви. Он считает, что недопустима мысль о Церкви «I-го и II-го сорта», и с этой точки зрения не допускает параллельного сосуществования подвига и любви к врагам в России и злобного политиканства в церковной жизни эмиграции. Запрещение с его точки зрения не есть акт мести, а эпитимия, призыв к подвигу. Если бы Митр[ополит] Сергей⁴ предоставил эмигрантам свободно «самооп-

ределаться», то он тем самым проявил бы полное к ним равнодушие и как бы частично их отлучил от Русской Церкви. В вопросе запрещения не один Митр[ополит] Елевферий так рассуждает: этой зимой проф. Глубоковский⁵ писал М.М.Осоргину⁶ буквально следующее: «Если из Москвы последует запрещение, то оно будет действительно и действенно».

Конечно, запрещением не аннулируется религиозный подвиг тех, которые подпали под него, сами того не ведая и не давая себе в этом отчета.

Я лично совсем не склонна к формализму, но точно так же и воспринимаю и мистически ощущаю запрещение. В нем, прежде всего, выражено качественное определение эмигрантского благочестия. И не только эмигрантского: Русская Церковь, восставая против послаблений Константинополя, прикрывающего Митр[ополита] Евлогия, восстает вообще против православного номинализма, вскрывает под внешним покровом догматического, формального единства глубокое качественное различие в восприятии и исполнении евангельских законов. На самом деле, припомните, что творила Константинопольская иерархия во все годы большевизма, какие авантюристы в роде Мелетия⁷ (свергнутого Патриарха вселенск[ого], ныне Александрийского) возглавляли Церковь! И не Русская ли Церковь заработала себе кровью и исповедничеством право их обличать! Ведь это и есть чисто евангельское обличение православных фарисеев, по-евангельски же неумолимое!

Если бы Митр[ополит] Елевферий был действительно «старорежимным архиереем», он бы благоговел перед «саном» и «званием» восточных патриархов. Но он благоговевает перед Митр[ополитом] Сергием не из-за внешнего его положения и не потому что тот возглавляет Русскую национальную Церковь, а за высоту его религиозного становления. Конечно, требование равняться по России более чем трудное, на 99% неисполнимое, но в такие эпохи, как наша, с «кратким курсом христианства для младшего возраста» далеко не уедешь.

Митр[ополит] Евлогий усыпляет и убаюкивает эмиграцию в приятной дремоте бытового благочестия, приправленного для «остроты» широкими перспективами зарубежных гражданских свобод. Почитайте, что писал И.П.Демидов⁸ в «Посл[едних] нов[остях]»⁹, что написал

Карташов¹⁰ в последнем номере «Борьбы за Россию»¹¹, и тогда станет ясно, что *нельзя было не запретить*. А съезд прошлогодний¹², на котором я была... Ведь это ужас! Какой-то комсомольский клуб с уличной демагогией протоиереев вроде Ломако¹³, а не епархиальное собрание! Какие потоки грязи лили на всю Русскую Церковь при беспомощно-ленивом молчании Митр[ополита] Евлогия... Вот для этих и действительно запрещение, а конечно, не для той няньки, которая пойдет с чистым сердцем говеть на rue Daru¹⁴. В Москве был еврей-часовщик, переодетый священником по желанию ГПУ и «служил» около года в Церкви Св. Духа на Арбатской площади. Те, кто по незнанию у него исповедывались и причащались, думаю, не лишены были Таинств в силу своей веры. Так и здесь.

Да и не за одно ослушание надо было наложить эпитимию, а хотя бы за это поминовение на литургии о здравии или упокоении «графини Ольги, баронессы Веры...» и т.д. Кошмар! Конечно, с Митр[ополитом] Елевферием много труднее, чем с Митр[ополитом] Евлогием, но, видимо, так нужнее и полезнее.

Во всех таких вопросах я мысленно всегда спрашиваю, что бы ответил покойный мой духовник о. Алексей Мечов¹⁵. И думаю, что одобрил бы и запрещение и строгую дисциплину, которой требует Митр[ополит] Елевферий от духовно разболтанной эмиграции.

Простите, что написала письмо в 10 метров длины, очень хочется повидать Вас, дорогой Николай Александрович!

Сердечно приветствую Вас и Ваших.

С глубоким уважением искренно Вам
преданная М.Каллаш

¹ Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич; 1870–1940) – митрополит Ковенский и Литовский, богослов. 21 августа 1911 г. хиротонисан во епископа Ковенского. С 1917 г. временно управляющий Литовской епархией. С июля 1921 г. архиепископ Литовский и Виленский. В 1923 г. переселен польским правительством в г. Ковно. С 1930 г. временно управляющий западно-европейскими приходами Русской Православной Церкви.

² Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868–1946) – митрополит Православной Церкви Западной Европы, ректор Богословской академии.

³ Послание к римлянам святого апостола Павла. 11: 26.

⁴ Сергей (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) – митрополит. С 1925 г. заместитель Местоблюстителя, с 1937 г. – Местоблюститель Патриаршего Престола, одновременно с 1934 г. митрополит Московский и Коломенский. С 1943 г. Патриарх Московский и Всея Руси.

⁵ Глубоковский Николай Николаевич (1863–1937) – богослов, бывший преподаватель Петербургской Духовной академии, покинул Россию в 1921 г. С 1923 г. преподавал богословие в Софийском университете. Сотрудничал в журнале «Путь», читал лекции по Священному Писанию Нового Завета в Богословской академии.

⁶ Осоргин Михаил Михайлович (1887–1950) – протоиерей, преподаватель Богословской академии.

⁷ Мелетий IV Метаксакис (1871–1935) – в 1918–1920 гг. Патриарх Афинский, в 1926–1935 гг. Патриарх Александрийский. В 1923 г. Патриарх Константинопольский, по его инициативе был созван Всеправославный конгресс (совещание), на котором присутствовали всего несколько архиереев, священников и мирян. На конгрессе была предпринята попытка пересмотреть многие запреты Церкви – женитьба архиереев, второбрачие клириков, соблюдение постов. При нем в юрисдикцию Константинопольской Патриархии отошли православные приходы в Финляндии и Эстонии.

⁸ Демидов Игорь Платонович (1973–1946) – общественный деятель, бывший депутат IV Государственной думы, земский и кадетский деятель, масон, помощник редактора «Последних новостей», внук В.И.Даля.

⁹ «Последние новости» – ежедневная газета, выходившая в Париже с 1920 по 1940 г. С 1921 г. главным редактором стал П.Н.Милюков. Наряду с «Возрождением», одна из наиболее авторитетных газет Русского Зарубежья. В семье Бердяева регулярно читали это издание.

Скорее всего, имеется в виду редакционная статья без подписи «Митрополит Елевферий надеется», написанная в связи с посланием митрополита Елевферия к мирянам 1 июня 1931 г. (Последние новости. 1931. 21 июня. № 3742. С. 1).

¹⁰ Карташов Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, политический деятель, масон, профессор Богословской академии.

¹¹ «Борьба за Россию» – общественно-политический еженедельник, выходивший в Париже с 1927 по 1931 г. под редакцией В.Л.Бурцева (до 1928 г.), затем А.В.Карташова, С.П.Мельгунова, М.М.Федотова и др. Девизы этого издания: «Близится утро, но еще ночь», «Ночь проходит, день приближается».

Имеется в виду статья Карташова «"Рука Москвы" в церкви» (Борьба за Россию. 1931. 15 июня. № 228/229. С. 2–5), посвященная проблемам управления Православной Церковью в Западной Европе. По мнению Карташова, церковь митрополита Евлогия – «самая главная в эмиграции, самая сильная, самая многочисленная, коренная, центральная церковь [...] она свободна от политических заданий» (С. 4) в отличие «тихоновской» церкви, которая «в тюремном советском государстве не в силах

отделаться от политических услуг III интернационалу» (С. 3). Митрополит Елевферий и епископ Вениамин вольно или невольно являются «оком и рукою Москвы» в Париже и Берлине. Их деятельность Карташов назвал «расколом крайне левого толка».

¹² Имеется в виду созданное митрополитом Евлогием 29 июня – 4 июля 1940 г. епархиальное собрание духовенства и мирян (см. прим. 4 к предыдущему письму).

¹³ Ломако Григорий (1881–1959) – протопресвитер, настоятель Александро-Невского собора.

¹⁴ На улице Дарю находится крупнейший в Париже православный Александро-Невский собор.

¹⁵ Отец Алексей (Мечев) (1860–1923) – протоиерей, настоятель церкви св. Николая в Кленниках на Маросейке, один из наиболее авторитетных московских священников, в 1922 г. благословил Бердяева перед его отъездом в Берлин.

Письма Е.Д.Кусковой

Для публикации также выбраны письма Екатерины Дмитриевны Кусковой (урожд. Есиповой, по первому мужу Ювеналиевой; 1869–1958), участницы революционного движения в России, публицистки, мемуаристки (Ед. хр. 549). В 1921 г. она и ее муж – экономист, общественный деятель Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) – участвовали в организации и руководстве Всероссийского комитета помощи голодающим. За попытки установления контактов с зарубежными странами деятельность комитета была прекращена, а ее руководителей арестовали и приговорили к смертной казни, но благодаря заступничеству руководителя Американской армии спасения, в будущем – президента США Г. Гувера и норвежского путешественника, верховного комиссара по делам военнопленных Лиги Наций Ф. Нансена смертная казнь была заменена ссылкой в г. Кашин Тверской обл. В июне 1922 г. Кускова и Прокопович одними из первых представителей русской интеллигенции были высланы за границу.

1

26/III
1926

Дорогой Николай Александрович!

Большое удовлетворение доставило мне Ваше письмо. Да, может быть, неосторожные выражения были. Но

если бы Вы видели всю эту рычащую, кричащую и свистящую толпу, – Вы бы поняли мое состояние: хотелось набросать им как можно больше самой жестокой правды¹... Авось души их воспрянут перед лицом неутолимой, неотвратимой действительности, а сами они перестанут повторять плоские, ужасные, бессодержательные фразы, кот[орым] их учат разные вожди. К тому же никуда не ведущие...

У нас в Праге начались самоубийства молодежи. «Нет цели». Восемь лет обнадеживали – идти с ножом на родину. Теперь – пустота. Надо эту пустоту чем-то заполнить. Ее можно заполнить или религией, или родиной. Религией – да. Но ведь религию нельзя «внушить». Ваша работа. Она ценна для людей религиозных. И вы подчеркиваете: мы – разные, между нами – пропасть. Не совсем, однако, глубокая. Я не могу жить *внешними* фактами и их механическим сцеплением. От такого «позитивизма» я давно отошла. Мне для жизни, для дела нужна какая-то внутренняя проверка, какой-то внутренний критерий, с фактами не связанный и в них не находящийся. Знаю, это – не религия. В религии меня всегда отталкивала необходимость категорического подчинения чему-то, *вне* меня лежащему. Мой критерий – *во мне*, и только его я слушаюсь и перед ним винюсь в ошибках и прегрешениях. В последнее время этот призыв к проверке особенно мучителен и настоятелен. Я чувствую, что мы не только в тупике, но и на ложном пути. Особенно сильный бунт вызывает во мне здешнее сознание какого-то превосходства над теми, кто там². А я их помню, я их знаю и никогда, ни на одну секунду не забываю... Знаю также, какое дело они творят, по вершкx возрождая родину... Я все время – с ними, ищу их, сношусь с ними и, кажется, дохожу до точки в отвращении к здешнему пустозвонству, политиканству и гордыне... Конечно, завидую Вам. Но вряд ли когда-нибудь смогу встать на этот путь. Мой «критерий» тоже ведь своего рода религия. Во всяком случае в нем есть элемент высших ценностей, которым подчинено ежедневное, фактическое, реальное. Но такой критерий постоянно беспокоит; он не знает той абсолютной уверенности и спокойствия, кот[орые] испытывают религиозные люди. Этого мне не дано. Не знаю, понимаете ли Вы меня. Подчиняясь своему критерию, я всегда была – и старалась быть –

бесстрашной в действиях и суждениях. Но сама-то все же не имела убежденности: так ли? прав ли мой внутренний судья? Это – тяжело, очень тяжело; но – непоправимо. Сейчас я знаю много друзей моих, вставших на путь религии. Но когда мне удастся заглянуть им в душу, – это не то... Это – обращенные, часто горем обращенные, а не рожденные – для духа, для религии. И это полувнешнее приятие – хуже моего «критерия», всегда, с юных лет со мной жившего и живущего. С евразийцами я имею дело в Праге. Здесь виделась и говорила с Сувчинским³. Они – очень близки к нам с С[ергеем] Н[иколаевичем]⁴ по пониманию процесса революции. Но они заскакивают в такие дебри, в которые мой реалистический все же ум отказывается за ними следовать. Во всяком случае, в эмиграции это – самая живая, самая ищущая публика. Вашу книгу «Новое средневековье» знаю, как и статьи (мне совершенно близкие) С.Л.Франка⁵ в «Рус[сской] мысли»⁶. Вашего журнала «Путь» еще не видела. Буду читать его в Праге. Если позволите, поделюсь своими мнениями и чувствами по поводу его. Но все же основное мое чувство и желание – попасть на родину в качестве хотя бы самой последней спицы. Только там можно «просветлять народ» и будить в нем национальные чувства. Поэтому я так и цепляюсь за Красную Армию, что по моим наблюдениям в ней раньше всего пробудилось и пробуждается национальное чувство, несмотря на принудительное пение «Интернационала». И когда в церкви Св. Николая в Праге наши г[оспо]да эмигранты не подали руки Брусилову⁷ (об этом я говорила на докладе), и шарахнулись в сторону от его протянутой руки⁸, я (сознаюсь Вам!) резко ощутила свою связь с ним и ненависть к ним. Вот откуда сыпались мои неосторожные слова. В церкви! И разве это – религия?!

Глубоко и искренне благодарю Вас за письмо. Вот почему-то чувствую, что оно мне было *нужно* именно сейчас, – в моем смятении не «позитивистическом» и не политическом. Спасибо!

Крепко жму Вашу руку. Будьте здоровы и как всегда бодры в работе Вашей. Сер[гей] Ник[олаевич] просит передать Вам его привет. Он все болеет, не выдерживает сердце.

Ваша глубоко Вас уважающая
Ек. Кускова-Прокопович

Адрес мой: M-me Procopovicz, rue Jacob 44, Hotel Jacob, Paris VI.

Tel.: Fleurus 19–94.

¹ Письмо написано в связи с собранием представителей русской эмиграции, состоявшемся 21 марта 1926 г. в помещении мэрии 6-го округа Парижа и посвященное приемам по докладу Е.Д.Кусковой на тему «Сдвиги в России и в эмиграции. (Психология и действительность)» (прочитан 16 марта). В числе выступающих были П.Н.Милюков («Непримиримость – категорический императив»), С.П.Мельгунов («Лига Непримиримых»), Л.И.Львов, В.И.Юкшинский, С.М.Соловейчик, Н.Д.Авксентьев, полковник Лисовский, А.М.Горовцев и др. Кускова открывала собрание и выступала с заключительным словом.

² Т.е. в России.

³ Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) – философ, музыковед, один из основателей и активных участников движения евразийства.

⁴ Имеется в виду муж Е.Д.Кусковой – Сергей Николаевич Прокопович.

⁵ Речь идет о статье С.Л.Франка «Из размышлений о русской революции» (Русская мысль.1923. № 6–8. С. 238–270).

⁶ «Русская мысль» – литературно-политический журнал, выходивший с перерывом с 1921 г. в Софии, с 1922 г. в Праге, затем Праге–Берлине (1922–1924), затем в Париже (1927) под редакцией П.Б.Струве в качестве продолжения издававшегося в 1880–1918 гг. в России одноименного журнала.

⁷ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – военный деятель, в мае–июне 1917 г. верховный главнокомандующий русской армии, с 1920 г. – в Красной Армии; в 1925 г. выехал при поддержке М.В.Фрунзе по приглашению правительства Масарика на лечение в Чехословакию в Карловы Вары.

⁸ Упомянутый инцидент с Брусиловым произошел, скорее всего, в апреле 1925 г. в Праге во время панихиды по патриарху Тихону. В своих воспоминаниях Брусилов писал: «В церкви было много народу. Но мне было еще тяжелей. Странное впечатление на меня произвело то, что в сущности это не православная церковь, а костел; во-вторых, все – и духовенство, и молящиеся русские люди – показались мне более чуждыми, чем иностранцы-чехи! Не знаю почему, но что-то неуловимое, какие-то флюиды невидимые, но сильные, стали барьером между нами. И как горячо я почувствовал, как близки мне все мои друзья-священники, все мои родные, знакомые и сослуживцы, оставшиеся там, мучающиеся, кипящие в революционном котле! [...] А эти, часто высокомерные, закорюченные в своих предрассудках, не желающие расставаться со своими прежними эгоистическими взглядами – люди чужие и ненужные России» (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 340).

Praha, 20/IV.1929.

Глубокоуважаемый
и дорогой Николай Александрович.

Собираюсь послушать Вас на Ваших лекциях в Праге¹, но случился сердечный припадок и доктор никуда не пускает еще некоторое время. А видеть Вас очень хотелось бы и мне, и С[ергею] Н[иколаевичу], и Вашей знакомой, с нами живущей, Евгении Ивановне Репьевой². Сообщаю Вам наш телефон и адрес. Скажите Беранкову, швейцару, чтобы он вызвал Pani Prokovicz по тел. 410-64; быть может, сговоримся, когда Вы посетите нас? Найти нас довольно запутанно. Но если б Вы сказали часы, когда можете посетить нас, за Вами заехала бы Ев[гения] Ив[ановна], или же Вы попросили бы привезти Вас кого-нибудь из молодежи. Мы живем на горе, но на гору ходит теперь *омнибус Н* почти от самого Hotel'я Beranek до нашего дома, очень удобно.

Адрес наш: Svedska ul. (на ней переулочек Nad Višinkoi) č. 1258, Villa Beneš, Praha – Košiče.

На омнибусе надо ехать до конечной станции, кот[орая] называется «*Hřebenky*».

Очень, очень жалею, что не могу послушать Вас!

Крепко жму Вашу руку. Привет от С[ергея] Н[иколаевича] и Ев[гении] Ив[ановны].

Душевно Вам предан[ная]

Ек. Кускова-Прокопович.

P.S. В вилле* фамилии «Кускова» – не знают. И еще сведение: на нашей калитке надпись: Турецкий консул. Сюда и надо входить: живем вместе (и очень дружно) с турками!

Еще: сегодня в 12 1/2 ч. дня из Кабинета³ к Вам пойдет Евгения Ивановна. Если в это время Вы будете дома, с ней и условитесь, как повидаться.

¹ В апреле 1929 г. Бердяев приезжал в Прагу и Брно для чтения лекций, в связи с чем он писал жене: «Очень устал, но доволен пребыванием в Праге, особенно лекциями чехам. Видел много знакомых. Я очень остро почувствовал несчастье русских, их бедность, выброшенность из жизни, потерю надежд» (Ед. хр. 270. Л. 22).

² Репьева Елена Ивановна (1862–1939) – преподавательница географии в учебных заведениях С.-Петербурга и Москвы. В 1918 г. была инструктором по внешкольному образованию при Культполитпросветотделе Всерос-

* Так у Е.Д.Кусковой.

сийского союза потребительских обществ, работала в книжной комиссии Вольного экономического общества, участвовала в работе Государственного комитета по народному образованию. С 1924 г. жила в Праге, преподавала в Русском педагогическом институте им. Яна Амоса Коменского, заведовала библиотекой Экономического кабинета С.Н.Прокоповича.

³ Речь идет об Экономическом кабинете С.Н.Прокоповича, основанном им в 1922 г. в Берлине, а в 1924 г. переведенном в Прагу. Кабинет занимался сбором, систематизацией и критическим осмыслением хозяйственной и общественно-политической жизни в России, а также анализом проблем крестьянского хозяйства и экономического положения Европы. Правительство Чехо-Словакии оказывало кабинету материальную поддержку. Кабинет прекратил существование в 1939 г. в связи с отъездом Прокоповича в Женеву.

3

22/II 1940

Глубокоуважаемый Николай Александрович!

Пишу Вам по поручению m-me Claparède (дочери философа Spir'a¹). Ей из Праги прислал огромную книгу (516 ст[раниц]) Б.Яковенко² на чешском языке «Dějiny ruské Filosofie»³. Множество ссылок на Вас. Издал эту книгу наш пражский Славянский институт (президент его – проф. Мурко⁴). Яковенко пишет m-me Claparède, что он хотел бы издать эту книгу на франц[узском] яз[ыке]. Здесь, в Швейцарии, даже при очень больших связях Claparède, это совершенно немыслимо. Мы с ней решили поэтому обратиться к Вам. Разумеется, Яковенко и его работы Вы знаете. Оказывается есть еще и сейчас сумасшедшие люди, кот[орые] думают, что человечеству нужны не только ружья и танки, но и идеи, и философия... Найдутся ли такие люди около Вас и можно ли ставить сейчас такие задания? Яковенко пишет, что в случае возможности издания, франц[узский] перевод он сделает сам.

Будьте так добры, обдумайте этот вопрос и ответьте поскорее мне или m-me Claparède (ей по-французски, русского яз[ыка] она не знает). Ее адрес: m-me Claparède, av. De Champel, 11, Genève, Suisse. Я между прочим вчера послала Вам (на Академию, rue de Crimée, 93) ее книгу. Получили ли? Меня затруднило название Академии. Как переведите «Богословская»?

Как Ваше здоровье и как переносите трагические дни⁵? Мы застряли в Швейцарии⁶ и совершенно не знаем, что

нам делать: к Вам визы не дают... а здесь дороговизна непомерная. Из письма Яковенко поняли, что он хотел бы оставить счастливую жизнь под эгидой наук. Но ведь сейчас оттуда выбраться неизмеримо труднее, чем тогда, когда выползали оттуда мы.

Всего лучшего. Привет от Сер[гея] Ник[олаевича].
Ваша Ек. Прокопович

Pension Tschiffeli
3, av. Marc Monnier
Genève, Suisse.

¹ Спир Африкан Александрович (1837–1890) – философ, с 1867 г. жил в Германии, с 1878 г. – в Швейцарии.

² Яковенко Борис Валентинович (1884–1949) – философ-неокантианец, учился в Сорбонне и Свободном русском университете (Франция), Московском университете, с 1924 г. жил в Праге.

³ Фундаментальный труд Яковенко «История русской философии» был издан в 1938 г. как 6-й том «Учебных пособий Славянского института в Праге» в переводе на чешский язык, выполненном Фердинандом Пеликаном. Яковенко работал над этой книгой около 25 лет. Местонахождение русской рукописи в настоящее время неизвестно. Издателя книги во Франции найти не удалось.

⁴ Мурко Матия (1861–1952) – чешский славист, профессор Карлова университета, член Чешской Академии наук и искусств, Русского исторического общества в Праге, почетный член Археологического института им. Н.П.Кондакова (с 1920 г.), директор Славянского института.

⁵ Речь идет о начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войне, Франция вступила в войну 3 сентября.

⁶ Е.Д.Кускова-Прокопович и С.Н.Прокопович выехали из Чехословакии после оккупации страны немецкими войсками в марте 1939 г.

Т.е. из Чехословакии, оккупированной немцами. С началом Второй мировой войны Швейцария закрыла границы для граждан воюющих государств. В другие европейские страны так или иначе вовлеченные во Вторую мировую войну переезжать не было смысла.

4

Pension Belmont, 26, Route de Chêne

Genève, le 12/XI
1946

Дорогой «г-н Бердяев»*

Означает ли эта прибавка «господин» сугубую немилость или же только простую холодную вежливость?

* Так у Е.Д.Кусковой.

Здесь не только мы, но и все другие с огромным нетерпением ждем Вашего ответа. Так как Вы уже много раз высказывались о свободе духа, то хотели бы послушать Ваш ответ на другой газетный «Сов[етского] граж[данина]»¹ вопрос: о воспитании народа «нами», т.е. партией. Не велика ли претензия воспитывать 170 млн народ партией, закованной в цепи узкой доктрины? С безрелигиозным воспитанием ничего не вышло: сами пишут, что народ устремился в церкви, как только они были открыты.

Как доехали² и как здоровье? Мои и Сер[гея] Ник[олаевича] друзья-швейцарцы одолели нас вопросами, когда Вы приедете сюда читать им публичную лекцию. Об этом же запрашивает нас и Базельское философское общество.

Очень жалею, что видели Вас так мало.

Оба шлем Вам сердечные приветы и лучшие пожелания.

Ваша Ек. Прокопович

¹ Имеется в виду газета «Советский патриот», выходившая в Париже в 1945–1948 гг. как орган Союза советских патриотов. Редактор – Д.М.Одинец.

² В сентябре–октябре 1946 г. Бердяев читал лекции в нескольких городах Швейцарии, в частности прочел 12 лекций в Экуменическом институте в Боссеи.

Письма Л.Ю.Бердяевой

Следующий корреспондент Бердяева – его жена Лидия Юдифовна Бердяева (урожд. Трушева, по первому мужу Рапп; 1874 или 1871–1945). В сборнике «Встречи с прошлым» (Вып. 8. М., 1996. С. 322–366) была опубликована часть дневника Л.Ю.Бердяевой. Около сорока лет прожила она вместе с Николаем Александровичем. Жена Бердяева была человеком творческим, писала всю жизнь стихи (оцененные современниками, но скрытые от публики), в поисках своего Пути перешла в католичество. В 1922 г. разделила судьбу мужа и вместе с ним покинула Россию. Она, как никто другой, знала Николая Александровича. Письма помогали им поддерживать духовную связь в разлуке: во время летнего отдыха, поездок философа с чтением лекций, на различные съезды, конгрессы, конференции. Они писали друг другу очень часто, иногда каждый

день. В РГАЛИ сохранилось 130 писем Л.Ю.Бердяевой мужу за 1923–1938 гг. (Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 338, 339). Из этих писем, наполненных любовью и пониманием друг друга, нами для публикации выбраны пять (Ед. хр. 338. Л. 25–26 об., 53–55 об.; Ед. хр. 339. Л. 3–4 об., 34 и об., 68–69 об.).

1

1927 г.
2 апреля¹

Малютка! Только что первое твое письмо. Воображаю тебя в роли «знаменитости», с фотографиями и интервью!! Бедный мой мальчик! Как это тебе не идет и как все жаждут такой чепухи. Вся история с ее ужасами и преступлениями сокрыта в этой погоне во что бы то ни стало за «фотографиями». Христу, одному Ему этого не нужно было... Итак, ты почувствовал себя немножко на родине; все твое письмо проникнуто запахом России. Пиши, дитя мое, разборчивее... Даже я многих слов не разобрала и очень сердилась, читая твои каракули. Сделай для меня исключенье... Спешу сообщить сенсацию: Ильин² влюбился (его слова) в Жака (Маритэна)³. Сообщил он мне об этом, как своему другу, в письме, очень возвышенном. Жака сравнивает с ангелом и т.п. Он читает там скоро доклад о Серафиме Саровском и вообще уже внедрился... Вчера был у нас почти весь день, читал статью... Людмила Пав[ловна]⁴ сегодня переезжает на место... Устроилась сравнительно недурно: за комнату заниматься с мальчиком у русских... Обо мне, дитя, не беспокойся... Эти дни мне лучше... Был массаж уже два раза и действует на меня прекрасно... Я сегодня даже в садике работал, копал и цветы сажал. Погода сейчас чудная, солнце, и я даже загорела, щеки горят... Завтра для меня начинаются дни уединения и молчания. Всем объявлено, что до Пасхи мы все говеем и никого не приглашаем. У меня большая потребность в полном уединении в эти дни... Да, на Интерконф[ессиональном] собрании⁵ я не была... Поехала смотреть квартиру и опоздала. Женья⁶ была. Народу было меньше, чем раньше, но все же довольно много. Председательст[вовал] Маритэн. Много говорили о соединении Церквей, и хуже, резче всех Флоровский⁷. Женья им возмущена, а Ильин собирается уже его бить. В общем, все

прошло хорошо. Вот тебе, малик мой, все новости нашей жизни. В доме полное благополучие, все здоровы. Я хочу, чтоб эти дни поста были отдыхом для Жени, без суеты и гостей. Она, бедная, очень замоталась эту зиму... Итак, прошу тебя, не волнуйся и не беспокойся обо мне. Обещаю быть умным и спокойным. Целую моего родного друга и малютку, много крещу и каждый вечер о нем молюсь...

Твой баловушка и любимчик.

Все домочадцы и гости шлют поцелуи и приветы.

¹ В 1927 г Бердяев совершил свою первую после высылки из РСФСР поездку на территорию бывшей Российской империи – в страны Прибалтики и Польшу, получившие независимость.

² Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) – философ, богослов, литературный и музыкальный критик, который в 1920-е – 1930-е годы был постоянным гостем в доме Бердяевых.

³ Маритен Жак (1882–1973) – французский религиозный философ-неотомист, протестант, в 1906 г. принявший католичество; был женат на Раисе Уманцевой, русской по происхождению; Бердяевы считали его «самым русским среди французов» и называли Яков Павлович.

⁴ Людмила Павловна – лицо неустановленное.

⁵ В 1926–1928 гг. Бердяев организовал Круг религиозных интерконфессиональных исследований, на основе которого затем стали происходить интерконфессиональные собрания. В них принимали участие о. Сергей Булгаков, В.Н.Ильин, Г.В.Флоровский (православные), о. Жиле, о. Лабертоньер, Ж.Маритен (католики), В.Моно, пастор Бегнер, проф. Лесерер (протестанты). Собрания происходили в Русском доме на бульваре Монпарнас (д. 10).

⁶ Евгения Юдифовна Рапп (урожд. Трушева; 1875 или 1874–1960) – сестра Л.Ю.Бердяевой.

⁷ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – богослов, философ, историк, с 1932 г. – православный священник; профессор патрологии (с 1926 г.) Богословского института, участвовал как представитель православия в организации Всемирного совета Церквей.

2

Четверг 17 июля [1930]

Родной мой мальчик! Отвечаю на твое большое письмо. Начну с того, что в нем ты смешал две совершенно разные темы. Первая это – ты, а вторая – все мы вместе. Для большей ясности нужно их отделить. Я буду писать прежде о том, что касается лично тебя. Я всегда болезненно чувствовала твое отчуждение от людей, не-

уменьше подойти к душе человеческой... Причина этого коренится, думаю, в том, что ты закрываешь себя, как бы оберегая от других, и боишься и другого касаться... Это создает какую-то напряженность в твоём общении с другими и кажется со стороны равнодушием, отсутствием интереса к душам. У меня, наоборот, есть большой дар общения, потому что я не боюсь *открывать себя* другим... Я знаю, что ты страдаешь от своей замкнутости, но как ее преодолеть? Даже мне трудно вывести тебя из этой замкнутости, даже мне ты так мало говоришь о своем внутреннем... Я не обо всем могу говорить тебе, так как подчинена известной духовной дисциплине, но я стараюсь все же по мере возможности держать тебя в курсе духовного пути моего. Ты же очень скуп делишься со мной *своим*, и когда говорим, больше слушаешь меня и задаешь вопросы. Я инстинктивно чувствую в тебе большую неудовлетворенность твоим путем, большое беспокойство... Откровенно скажу сейчас, как я объясняю себе состояние, в кот[ором] ты теперь находишься... Ты – на перепутье между философией и религией... Чистая философия тебя не удовлетворяет, ты хочешь быть религиозным философом, а о религии нельзя философствовать, а нужно ею *жить*. Что же значит жить религией? Это значит жить жизнью Церкви, ее уставами, ее ритмом, ее таинствами, молитвами и пр. Религия питает философию. Церковь питает дух наш и тела наши. Ты не живешь жизнью Церкви, не питаешься ею, ты черпаешь все из самого себя... Ты слишком веришь в Человека, а человек сам по себе – ничто и может быть *всем*, если питается не собой, а Церковью. Вот в чем вижу я главную причину твоей неудовлетворенности. Перехожу теперь к *нам*, т.е. общей жизни нашей. Ты настаиваешь на братском общении во Христе. Но, друг мой, не забывай, что Христос воспринимается каждым в меру духовного возраста. Христос один для одного, другой для другого. Есть разные возрасты Его, и любовь Христова имеет разные ступени. Христиане разного духовного возраста, живущие вместе, никогда не будут в одном ритме духовном, а ритм духовный создается лишь людьми одного духовного возраста, одних достижений. Ты пишешь: «Мы все христиане» [...]*

* Часть письма не сохранилась.

Огорчают меня твои слова: «Скучаю, тоскую». Вот даром и пропадет поездка! Не беспокойся обо мне. Я все это время чувствую себя очень бодро. Погода установилась прекрасная... Духовные дела мои определяются так, как я и не ожидала... Да будет благословенна рука Господня, призвавшая меня сюда! Все, что можно сообщу тебе, когда выяснится окончательно дальнейший путь мой. Беседа с о. Вл[адимиром]¹ повергла меня в уныние. Он – полумертвый человек, и я не знаю, что сделать, чтоб его оживить, подбодрить. В это воскресенье он опять будет у меня и, кажется, вместе с о. Грум-Гржимайло², кот[орого] я рада буду увидеть. Знаменитейший старик. А малютка, кот[орого] ты прислал, великого вкуса и стоит у меня на столе. Привези мне такого точно. Я хочу тебе поручить купить мне в Лурде³ небольшую статуэтку Божьей Матери в 1/4 выш[ины] (светящуюся – lumineuse) франков за 10–15, всю белую. И еще не забудь воды побольше. А главное, малютка мой, помолись у грота⁴ во время обедни о своем здоровье, о нервах своих бедных и обо мне, мальчике твоём... Кончаю. Пора сопать*. Крещу тебя много раз и целую. Да хранит тебя, моего малютку, наша Мать Небесная.

Твой любимчик-баловушка.

P.S. Вчера была у меня Крестовская⁵. Мы с ней во многом сходимся и подружились.

В доме все благополучно и мирно.

Спрячь это письмо. Я его позже проверю, верно ли выразила, что хотела.

¹ Отец Владимир (Абрикосов Владимир Владимирович; 1880–1966) – выпускник историко-филологического факультета Московского университета, в 1909 г. принял католичество, летом 1917 г. стал католическим священником, а на его квартире возникла и активно действовала община монахинь-доминиканок, настоятельницей которой была бывшая жена отца Владимира – мать Екатерина (Анна Ивановна). Отец Владимир был духовником Лидии Юдифовны. В 1922 г. его арестовали, приговорили к расстрелу, который заменили высылкой за пределы России.

² Отец Сергей (Грум-Гржимайло; ум. 1945) – юрист, правовед, защищал толстовцев, после чего был вынужден выехать за границу. Учился в Гейдельбергском и Инсбрукском католическом университетах. С 1914 г. – католический священник; вернулся в Петербург и стал домашним капелланом великой герцогини Люксембургской. В 1920-е гг. служил в католическом приходе под Берлином, затем жил под Веной.

* Так у Л.Ю.Бердяевой.

³ Бердяев отдыхал в Котерэ, небольшом курортном городке в Пиренеях, недалеко от Лурда – известного места паломничества католиков всей Европы.

⁴ В 1858 г. в гроте де Массабийель, расположенном в скалах на берегу реки Гав-де-По, неграмотной 14-летней французской девочке по имени Бернадетта Субиру, по ее словам, несколько раз являлась Богородица, которая велела построить на этом месте храм, что и было сделано в 1885–1889 гг.

⁵ Крестовская Лидия Александровна (1889–?) – писательница, историк, слушательница лекций в РФА.

3

[лето 1930]

Вторник

Дорогой друг и малютка мой! Твое сегодняшнее письмо навело меня на размышления о «мировой скорби», и я увидела как бы два образа, два жеста духа нашего: один – к земле, другой – к небу. Эти жесты перемежаются в нас. Первый – глаза, опущенные вниз и как бы прикованные к страданию и муке людей, руки, тянущиеся к земле, чтобы облегчить эти страдания. И другой жест: глаза, устремленные вверх с непоколебимой верой в конечное торжество добра, и руки, воздетые к небу с молитвой о торжестве добра, о победе Бога и верой, что Он победит, что мир проходит лишь путь испытания и Его победа будет – *всеобщим спасением*.

Эти два жеста определяют нашу духовную пластику, но, к сожалению, первый жест преобладает и делает более скорбной нашу жизнь. Будем же, малютка, в тяжелые минуты, помнить о втором жесте и не забывать его. Лично я ведь очень склонна к меланхолии и пессимизму больше, чем ты, и мне очень важно не задерживаться в позе первого.

Что касается одиночества, то я ценю его постольку, поскольку внешняя обстановка с ее лишней суетой и люди с их болтовней и пересудами раздражают меня и выводят из равновесия. Я люблю души, но большинство из них так засорено, завалено хламом, что трудно до них добраться... Вот почему лишь более интимные встречи и беседы дают мне удовлетворение, а «гости» – терзают. Ты же отдыхаешь среди них так же, как в кинематографе, только потому, что твое призвание – в творчестве, в области мысли, и духовное напряжение так велико, что необходима реакция...

Неприятна трата 300 fr. и дурная погода... А у нас – чудные дни, солнечно, но не жарко... Сегодня была, конечно, Флоренс¹ и Каспрович². Читали Jèrèmie³, беседовали. А в воскресенье и субботу была Рахиль⁴. Она уезжает в июле на 2 месяца в Палестину к матери. В доме все в порядке. Мама⁵ здорова и тиха. Малютка, я злюсь, что у тебя такой стол! Ведь ты ручку себе искалечишь, мой бедный! Неужели не могут дать побольше? Ты боишься попросить, конечно? Я по тебе, малютка, уже соскучился и так хотел бы к тебе побежать и поцеловать в головку! Ну, будь умненький, мальчик мой, поправляйся и вернись ко мне хорошенький, хорошенький! Я вполне здоров и бодр. Храни тебя Господь! Крещу и прижимаюсь к моему малютке. Тот самый Д[усык].

Я непременно буду у Маритэн⁶. Напишу ей и узнаю, когда она дома. Я не разобрала ни слова о нем в письме Du Boss'a⁷! Пиши, малютка не по-куриному.

¹ Вест Флоранс (ум. 1934) – англичанка по происхождению, подруга Лидии Юдифовны, завещавшая семье Бердяевых свой дом в Кламаре.

² Каспрович Мария – жена польского поэта, переводчика Яна Каспровича (1866–1926).

³ Имеется в виду «Книга пророка Иеремии».

⁴ Осоргина Рахиль (Рахель, Роза) Григорьевна (урожд. Гринцберг; 1885–1957) – училась в Неаполитанском и Римском университетах; дочь А.-Г. Гринцберга, видного деятеля еврейского национального движения; вторая жена писателя М.А. Осоргина (фактически с 1908 по 1923 г., юридически с 1912 по 1932 г.), была дружна с семьей Бердяевых еще в Москве. В первой половине 1930-х гг. уехала в Палестину и поселилась в Тель-Авиве, стала одной из первых женщин-юристов Израиля.

⁵ Вместе с Бердяевыми жила мать Лидии Юдифовны – Ирина Васильевна Трушева (1858–1934).

⁶ Речь идет о Раисе Маритен, жене Ж. Маритена.

⁷ Дю Бо (Бос) Шарль (1882–1939) – французский эссеист.

30 июня 1933

Обнимаю твою умную головку и поздравляю с премией¹, мальчик мой! Дело, конечно, не в 1500 fr., а в той оценке, кот[орую] иностранцы делают тебе так беспристрастно. Большая честь, что французы так умеют [замечать] все значительное, не только «свое», но и «чужое». В этом главное преодоление «национализма». У русских

этого, увы, нет! Все хорошо, что «наше» (это теперь, после утраты этого «нашего», а раньше все было хорошо, что «не наше»!)... Советую тебе, маленький мой, обратиться к Флоранс и попросить ее составить благодарственный ответ в Академию. Скажи, что не умеешь писать *официальных* писем. Если она откажется, отложи до Ирины Павловны² и ее попроси, иначе выйдет опять неловкость. За эти дни у меня было две радости: от тебя (премия) и от знаменитого Лени³: кончил институт!.. Вчера весь день провели с Владимиром. Он мыл у нас все окна, а вечером читал нам «Вия». Он очень мил бывает среди нас, но в обществе других – невыносим. Да, упросил меня читать мои стихи и очень хвалил... Да, мальчик, у меня все это время очень ровное и здоровое настроение. Я люблю в себе этот взгляд на все «сверху»... Вполне согласна с тобой о Флоранс. Я получила от нее несколько бесцветных строк, но отвечу ей ласково, не касаясь ничего, что ей может причинить боль... Радуюсь, что скоро будешь дома, у своего стола... Погода у нас эти дни хорошая, теплая. Обнимаю с любовью. Крещу головку. Твой баланвун

¹ В 1933 г. Бердяев получил премию Французской академии.

² Речь идет о княгине Ирине Павловне Романовой.

³ Леня (Алексей) Чурилин-Киселев, химик, молодой друг семьи Бердяевых, которого Лидия Юдифовна считала своим приемным сыном. В дальнейшем работал до начала Второй мировой войны в Пастеровском институте.

5

29 сент[ября 1937]

Сегодня я почему-то очень соскучился по моему мальчику. Так хочется на пожалийку и вообще... Пригорнуться, а мальчика нет... В такие минуты я особенно остро чувствую нашу дружбу, несмотря на многие разногласия и прежде всего, конечно, религиозные. И сегодня же меня очень огорчает, что я никак *не могу* чувствовать себя близкой, дружной с м[амой] и Ж[еней]. Обе они хорошие, но почему мне такие чужие? Это какая-то тайна для меня необъяснимая и очень болезненно ранящая все мое существо. Мне всегда был чужд и даже ненавистен всякий быт, а особенно семейственный... Я всегда чувствовала себя как бы вне его, над ним. И атмосфера семьи,

связывающая, контролирующая, опекающая, хотя бы и любовно – мне неприятна. Я – какой-то *духовный пролетарий*. Нет у меня потребности в родине, в семье, в быте... Я очень люблю и ценю души человеческие, отдельные, самые противоположные. Но все коллективное – не мое. Ты скажешь, а Церковь? В Церкви все преображается в Христе. Но вне Христа всякий коллектив есть рабство в большей или меньшей степени. Рабство личности, давление на личность. Трудно и мучительно отстаивать себя в коллективе. Люди принимают это за нелюбовь, за эгоизм. А когда уступаешь и погружаешься в вату коллектива, чувствуешь, как обезличиваешься, теряешь *свое*. Ты часто говоришь о разрыве моем с миром... Это неверно. Монастырь для меня *теперь* является тоже одной из форм коллектива и потому – не для меня. В мир меня влечет все больше и больше. Я остро, небывало остро чувствую, жажду работать *в миру*, но *индивидуально*, не связывая себя ни каким обществом, коллективом, подчиняясь только руководству Церкви... В этом отношении моя жизнь очень меня не удовлетворяет, и я духовно мучусь, не находя пока выхода. Но верю, что-нибудь найду для себя... Теперь у меня больше сил, чем в прошлом году, и когда мы переедем в Париж, я буду вести более активную жизнь. Молитва и созерцание – это средства, а целью для меня является работа в миру. Меня всегда прельщал тип воина Христова, и поскольку я далека от этого образа, жизнь моя кажется мне тепличной, безвкусной, пресной. Вот, друг дорогой, что хотела сказать тебе и просить помочь твоему другу в его пути сколько и чем можешь... А теперь обниму тебя и пожелаю успеха в выступлениях и, главное, скорее приехать к твоему мальчику. Рада, что полюбил Францию вместе со мной. Я знаю ее пороки, но мне кажется, что и эти пороки как-то выше пороков других (не так мелки и изменны). Верно? Целую нежно и на пожалейку взбираюсь...

Твой балавунчик-баловушка

Письма княгини А.В.Оболенской (монахини Бландины)

Публикуем также письма монахини Бландины (княгини Оболенской Александры Владимировны; 1897–1974), дочери князя Владимира Андреевича Оболенского,

известного земского деятеля, члена Кадетской партии, видного масона. Ася Оболенская приняла постриг в лоне Покровской общины в 1937 г. Не будучи ни богословом, ни философом, ни писательницей, в своих письмах-эссе, адресованных единственному читателю – философу Бердяеву, она, тем не менее, поднимает важнейшие «вечные» темы – соотношение духа и стихии, времени и вечности и т.п. (Ед. хр. 649. Л. 12–18 об.).

1

Пожалуйста, не удивляйтесь, Николай Александрович, что я Вам пишу. У меня сейчас масса времени, я и пользуюсь им.

15 июля [до 1937]
Пароход «Belgia».

Дорогой Николай Александрович.

Я сижу на палубе парохода и пишу письма. Я еду в Швецию, к моей кузине, которая пригласила меня на лето. Писала письма, а сейчас захотелось написать Вам п[отому] ч[то] сделалось философское настроение. Правда, оно какое-то беспредметное, п[отому] ч[то] мысли сейчас похожи на облака, появляющиеся и тающие в небе. Здесь необыкновенно блаженно. Впрочем, даже нельзя сказать «здесь», п[отому] ч[то] совсем неизвестно, где сейчас я, в какой точке земли, и даже не земли, а моря. Но со словом «здесь» связывается масса разной степени реальности и осязаемости явлений: палуба с несколькими людьми, как и я, сидящими в chaises longues и как-то недвижно дремлющими или грезящими, покачивающаяся мачта и вьющиеся над ней чайки. Они иногда страшно кричат, как будто стонут. Следишь глазами то за одной, то за другой, а потом теряешь их среди других. Смотрю на все это, на висящую лодку, на канаты и блоки, на людей – и не знаю меры реальности этого: может быть, реальность, может быть – нет. И только одна тут, все время как-то растущая реальность: это присутствие двух стихий – воды и воздуха, моря и неба. Так осязательно-живо это присутствие, что кажется: неужели же так проплывешь мимо и ничего не поймешь? И действительно, ведь пароход и вся комбинация людей на нем плывущих – только какая-то маленькая случайность, а море пребывает из веков в века. И вот думаю: *чем* оно пребывает, т.е. чем живет? Ведь в нем нет

такого фокуса, средоточия и центра жизни, как в человеке дух? И вместе с тем есть такое ясное чувство, что оно имеет какую-то могучую интенсивную жизнь. Может ли быть безликая жизнь? Безликая или бессознательная, не сознающая себя, не имеющая «я» жизнь? Кажется, для жизни всякой нужно иметь средоточие этой жизни, хотя бы бессознательное самосознание. Чтобы был какой-то носитель содержания. У моря нет носителя такого, но есть безграничное содержание. Во что оно влито и чье оно? И почему так реально его присутствие как живого существа? М[ожет] б[ыть], можно сказать, что в человеке дух (вместе с душой) есть носитель жизни, а в море дух заменен стихией? Хотя стихия и безлична и у нее нет «я», но бытие ее реально, хотя совсем по-иному, чем бытие духа. А реальность это есть объективное бытие. И, конечно, про море как-то гораздо нагляднее, чем про человека, можно сказать, что его бы не было, если бы не было Бога. Потому что человеческое бытие укоренено в его духе, а бытие моря держится только пребыванием в Божественной объективности, без этого стихия растворилась бы в себе самой и потонула бы в ничто, не имея бытия. Не словами, а своим живым присутствием стихия *свидетельствует* о Боге. Это свидетельство совсем иное, чем человеческое, но оно имеет в себе какую-то особую непререкаемость.

Кажется, будет дождь. Море стало стальным, как бы нарисованным тушью.

Дождь не пошел, а позвонил гонг и был обед. Шведы чопорны и молчаливы. Друг с другом считаются знакомы, если представит их друг другу капитан. Других иностранцев почти здесь нет. Обед не способствует философскому настроению. Сейчас я сижу в таком месте парохода, где, как странные грибы, растут сирены. Они все вместе покачиваются. Чайки же улетели.

16 июля

Если бы у меня были хоть какие-нибудь философские возможности, т.е. хоть какая-то философская вооруженность, то я бы написала исследование на тему: дух и стихия. Правда, это интересная тема? И у нее очень много всяких аспектов. И естественнонаучный, и социальный. Но мне бы хотелось думать только в как можно более отвлеченном смысле и из неотвлеченного брать только иллюстрации. Сегодня море волнуется немного, все в белых

барашках. Видны берега Дании. Я все утро сижу на палубе и довольно бессильно думаю на свою тему. Надо сказать, что стихия своей безликостью действует на дух неблагоприятно, и потому мысли тают и плывут в какой-то бесформенности и уже нельзя их отвлечь от ощущений.

19 июля
Villa Sohlman
Bedarö. Nynashamn/
Sverige

Мое путешествие кончилось, и теперь уже мое письмо мне кажется каким-то глупым, но все же посылаю его Вам. Сейчас живу на острове среди массы других островов на Балтийском море. Франция кажется очень далекой, но домом. Bedarö – это название острова и в то же время имения, в котором я живу. Nynashamn – городок по ту сторону пролива. Вся Швеция представляет собой страну какого-то бесконечного спокойствия, которое разлито в воздухе. Шлю Вам привет и Лидии Юдифовне и Евгении Юдифовне.

А. Оболенская

2

10 апреля 1937

Дорогой Николай Александрович, я Вас очень люблю и чту и потому хочу, чтобы Вы от меня прежде узнали, что я собираюсь в монашество. Я думаю, это Вас огорчит, но что мне делать, если это *моя* судьба, христианская судьба моего духа.

Я еще не читала Вашей книги¹, но открыла на каком-то месте фразу о том, что дух нельзя рационально определить – это «безнадежное предприятие для разума». Я очень радовалась этой фразе, слава Богу, что ее говорит философ. Я пишу Вам о себе, п[отому] ч[то], хотя Вы и не доверяете монашеству, хотела бы доверия себе. Хотела бы вашего «благословения». Но на это рассчитывать, пожалуй, «безнадежное предприятие».

Ваша А.Оболенская

Я, конечно, думаю, что делаю безумие, но христианство – безумие.

¹ Речь идет о книге Бердяева «Судьба человека в современном мире» (1936).

Maison des Sœurs
Bussy-en-Othe (Jonne)

20/I 1948

Дорогой Николай Александрович.

Позвольте написать Вам письмо без содержания. Я просто даю волю своему желанию высказать какие-то не совсем определенные мысли. Бывают минуты – остановки жизни. Это бывает в поезде, когда отрываешься от одного места жизни, а другого места еще нет, и тогда как будто даже и время делается другим и как-то стоит, несмотря на быстроту движения. А бывает, что живешь целые годы и никак не можешь остановиться. Но все-таки приходит такая минута освобождения от течения времени. Так случилось со мной, и эта минута длится уже некоторое время, т.е. какой-то период времени, как будто я еду в поезде... Но почему говорить об остановке жизни в поезде, когда есть совсем другой образ, совсем другой опыт – отложение житейского попечения?

Все это одно и то же, это *настоящий день*. Вот к чему я пришла: чтоб спастись от потока времени, чтобы не утонуть в нем, чтобы избавиться от одержания прошлым и беспокойства о будущем, надо жить настоящим днем, т.е. вечностью. Что в нашей жизни вечно? – Настоящая минута. Это совсем ничего, что настоящее уходит в прошлое, п[отому] ч[то] вопрос вовсе не во времени, а в реальности вечности, в опыте вечности. Прошлое не ушло. Мне кажется, в *настоящем дне* оно включено, жизнь в настоящем – это все время синтез. Вот я чувствую: *годы* прошли, как будто бы жизнь уходит, люди уходят. Это так и не так: в каждой настоящей минуте это все присутствует. И это присутствие прошлого в настоящем и есть, мне кажется, опыт вечности. Так будет и в минуту смерти еще с большей силой, т.к. в эту минуту остановится поток времени, захлестывающий вечность. Так же люди, встречи с людьми – как будто это все уходит, сменяется. Но все то, что прошло через настоящую минуту, остается в каком-то синтезе жизни. Потом Господь силой всемогущества сожжет, т.е. уничтожит «плевелы» (т.е. все-таки какую-то часть жизни, дел человеческих?), но для «пока» ничто не уничтожено из того, что имеет на себе печать настоящего дня. (Часть бы мы хотели уничтожить, да не можем, увы.)

И когда живешь вдали от своих «бывших» друзей, как я, то вдруг понимаешь, что все *есть*, ничего нет бывшего, есть о каждом человеке какой-то его образ, в его сущности, открытой для себя, есть то, что не сгорит в наших встречах, п[отому] ч[то] наша жизнь *уже* вечная.

М[ожет] б[ыть], это все не очень ясные мысли, но мне захотелось их сказать Вам как «специалисту» мысли. (Философы, я думаю, живут как бы в поезде. Помните, в России люди философствовали в поездах?)

Пишу Вам очень по форме неосмысленно, т.к. я как раз не специалист, чтоб выражать мысли, которые сами по себе гораздо содержательнее, чем их выражение в этом письме, написанном в *настоящую минуту*, в чем только и есть его ценность.

А вообще я живу «растительной» жизнью. Не читаю, не думаю. Только недавно случилась эта «остановка жизни», и я заново ищу смысла жизни, конечно, с большой беспомощностью. К счастью, смысл жизни есть вещь объективная и, кроме того, открывающаяся только отчасти.

Прошу передать привет Евгении Юдифовне, чтоб она вспомнила тоже, что я где-то существую.

За это время я не прочла ни одной Вашей книги, ни одной статьи, вообще не знаю ничего о современной мысли. Но я всегда ужасно любила *мысль*, потому и людей мысли, и Вас.

Любящая Вас
монахиня Бландина

Письма княгини И.П.Романовой

Большое значение для Бердяева имело знакомство с княгиней Ириной Павловной Романовой (урожд. де Гогенфельзен, княжной Палей; 1903–1990), переводчицей на французский язык с русского и английского, дочерью великого князя Павла Александровича (1860–1919) и графини Ольги Валериановны де Гогенфельзен княгини Палей (1865–1929).

Ирина Павловна родилась в Париже, училась в Швейцарии. После революции она вместе с матерью и сестрой Натальей поселилась в городе своего детства. Ее считали одной из красивейших девушек Русского Парижа. В 1923 г. она вышла замуж за великого князя Федора Александровича (1898–1968), сына великого князя Александр-

ра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, сестры Николая II.

В 1925 г. Ирина Павловна открыла в Кэнси-су-Сенар (Quincy-sous-Senart) под Парижем школу для русских девочек в память отца, расстрелянного 17 января 1919 г. в Петрограде вместе с великими князьями Николаем Михайловичем, Георгием Михайловичем и Дмитрием Константиновичем. Обучение в школе велось по программе русских женских высших учебных заведений. Занималась благотворительной деятельностью, устраивала вечера русского искусства, была членом организации «Быстрая помощь», совета Российского музыкального общества за границей и т.д. Ее знакомство с Бердяевым состоялось в 1930 г. и вскоре переросло в подлинную дружбу. Ирина Павловна переводила на французский язык вместе с Юбером Монбризоном многие произведения Бердяева. После кончины Николая Александровича Ирина Павловна помогала Е.Ю.Рапп разбирать его архив.

В РГАЛИ хранятся тридцать четыре письма Ирины Павловны, из которых нами выбраны для публикации шесть (Ед. хр. 712. Л. 13–14 об., 18 и об., 8–9 об., 27–28 об., 42 и об., 50–51 об.). В семье потомков Ирины Павловны во Франции сохранились сто тридцать семь писем Бердяева, часть из которых была опубликована В.Аллоем и А.Добкиным в историческом альманахе «Минувшее» (М.–СПб., 1994. Вып. 16. С. 209–264).

1

Guilharria
Le Pilat
Par le Moulleau
Gironde.

20-го июля [1936]

Милый и дорогой друг,

Только что прочла в «Пути» Ваши ответы Лосскому¹ и о. Четверикову² и почувствовала неудержимое желание написать Вам – эти ответы произвели на меня очень сильное и радостное впечатление³.

Я не знаю, принадлежите ли Вы к православной церкви или нет, но знаю, что Вы принадлежите к той единственной Церкви, к котор[ой] я хотела бы всем существом принадлежать и к котор[ой] я хотела бы, чтобы принад-

лежали все дорогие и близкие мне люди. В ней одной дышится свободно, она одна отвечает запросам моей души. Каждое слово Вашей статьи нашло отклик во мне и мне отрадно было от сознания внутреннего с Вами родства, того родства, котор[ое] я так часто не ощущаю в близких мне по крови людях.

Я тоже не дорожу званиями «протестанта», «католика», «православного» к[а]к не выражающих сущность нашей общей веры. К тому же эти наименования разделяют, тогда как звание христианина объединяет нас. Действительно, когда я на Вас смотрю к[а]к на православного, а на себя к[а]к на протестантку, я невольно нахожу между нами множество разделяющих элементов: догматы, таинства, обряды и т.д. Тогда как если я смотрю на Вас, прежде всего, как на христианина, все эти преграды рушатся или вообще не возникают. Мы говорим одним языком, стремимся к одной цели, служим одному идеалу.

Кто из нас не встречал людей, считающихся ортодоксальными последователями своей конфессии, но в котор[ых] не чувствовалось настоящей христианской любви? И обратное – меня всегда поражает, что люди больше дорожат «исторической индивидуализацией» христианства, чем самим христианством!

Вот 10 дней, что я с детьми в Аркашоне. Мы пробудем здесь, вероятно, до будущего понедельника, а затем поедем в Биарриц. К сожалению, погода была необыкновенно свежая для июля месяца, много было серых, пасмурных дней, но я ужасно люблю это место, сосны, спокойное море, и очень наслаждаюсь. Миша уже умудрился загореть, девочка, котор[ая] в городе была очень бледна, порозовела⁴. Она всему радуется, начинает говорить и очень забавна. Монбризон⁵ привез нас всех на моторе, а завтра он едет за своими детьми в Таге, где они находятся у старого дяди.

Были ли Вы в Англии⁶? Как сошел конгресс? Когда едете в Vichy?

Шлю Вам, дорогой Друг, самый сердечный привет.

И.П.

¹ Лосский Владимир Николаевич (1903–1958) – богослов, преподаватель Института св. Дионисия в Париже.

² Четвериков Сергей Иванович (1867–1947) – богослов, протоиерей, активно сотрудничал с журналом «Путь».

³ В журнале «Путь» (1936. № 50. Март–апрель. С. 3–49) были опубликованы: статья Бердяева «Проблема человека (к построению христианской антропологии)», «Открытые письма к Н.А.Бердяеву»:

1) письмо Лосского – ответ на частное письмо Бердяева к Лосскому с отказом напечатать в «Пути» документ Фотиевского братства, осуждающий отца Сергия Булгакова;

2) письмо Четверикова по поводу статьи Бердяева «Дух Великого Инквизитора» (Путь. № 49).

А также ответ Бердяева на письма Лосского и Четверикова, озаглавленный «Об авторитете, свободе и человечности».

⁴ Романовы Михаил Федорович (род. 1924) и Ирина Федоровна (род. 1934) – дети Ирины Павловны и вел. кн. Федора Александровича, брак с которым был расторгнут в 1936 г.

⁵ Монбризон Юбер Конкере де (1892–1981) – граф, французский издатель, меценат, переводчик, художник, с 1950 г. – муж Ирины Павловны.

⁶ В конце июня 1936 г. в Лондоне Бердяев принимал участие в Международном конгрессе религий.

2

5-го марта 1938 г.

Милый и дорогой друг,

Получила вчера Ваше письмо, в котор[ом] Вы пишете, что опять чувствуете себя неважно, и очень о Вас волнуюсь и беспокоюсь. Ради Бога, берегите себя и не переутомляйтесь. Надеюсь, что Ваш доктор строг. Мечтаю как-нибудь навестить Вас, попрошу у Monbrison машину или попрошу его самого довести меня до Clamart.

Я ему передала вчера же письмо, котор[ое] Вы мне пересылали. И он обещал мне *qu'il semettra en rapport avec la dame en question**. Он говорил, что может получить книги «*Je sers*»¹ с большой скидкой.

Перечитывала на днях Ваши письма. На первом стоит дата 24-го фев[раля] 1930 г. Я даже не отдавала себе отчета, что мы друг друга знаем уже 8 лет! Хотя, с другой стороны, мне кажется, что наша дружба всегда существовала. У меня было много грустных переживаний последнее время. Одна из моих маленьких учениц Quinsu схватила дифтерит и скончалась в госпитале 8 дней после того, что ее туда перевезли. Одновременно с этим умирал в госпитале мой человек Василий, муж нашей милой няни. Я

* Что он свяжется с дамой, которая имеется в виду (фр.).

очень тяжело все это перенесла. Так ужасно видеть страдание и не быть в состоянии помочь. Так трудно тоже найти объяснение этих, кажущихся нам преждевременных, разлук... Человечески они не объяснимы, конечно, как ни стараешься их осмыслить. С ужасом открываю ежедневно газеты. Подавляюще действует новый московский процесс – не знаешь, кому и чему верить². Мне кажется, что события России являются отчасти причиной нового течения английской политики. Но неужели нам не суждено больше жить без гнетущей угрозы всемирной катастрофы!

Должна кончать. Всей душой желаю Вам скоро поправиться, дорогой и близкий друг, да хранит Вас Господь!

Ваша
И.П.

¹ «Я служу» (фр.) – издательство религиозно-этической литературы, основанное Монбризоном.

² Имеется в виду широко освещавшийся в прессе судебный процесс по делу «Антисоветского правотроцкистского блока», проходивший 2–13 марта 1938 г. В числе обвиняемых были Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Н.Крестинский, Г.Г.Ягода и др. – всего 21 человек. Большинство подсудимых были приговорены к расстрелу.

3

20-го марта [1939]

Дорогой друг мой,

Только что получила Ваше письмо, на которое спешу ответить.

Во-первых, прошу меня извинить за то, что до сих пор не послала Вам французского перевода «Христианство и антисемитизм»¹. Я его давно послала в «Christianisme social»*, и уже был ответ от главного редактора, Elie Gounelle, который – в полном восторге от статьи и собирается напечатать ее без всяких сокращений. Он думал, что она появится в апрельском номере. И Monbrison предполагает, что брошюрка могла бы быть издана 2 недели спустя, но надо иметь в виду, что «Christianisme social» не всегда появляется к 1-му числу, как ему полагалось бы, и может выйти с некоторым опозданием. При-

* «Социальное христианство» (фр.).

нимая это во внимание, может быть, лучше предложить УМСА выпустить брошюрку в начале мая. Во всяком случае я им сейчас же вышлю перевод или отнесу его сама на St. Didier². По этому поводу у меня к Вам маленькая просьба. Можете ли Вы попросить УМСА напечатать на первой странице мою фамилию полностью как переводчицы. Вы знаете, что я всегда от этого отказывалась, но в данном случае я об этом прошу по идеологическим соображениям. Это своего рода «утверждение» с моей стороны некоторых принципов и взглядов.

Перевод у меня лежал готовый в конверте для Вас давно. Я Вам его не посылала, т.к. мечтала сама его к Вам занести, чтоб иметь случай лишний раз Вас повидать. Но так это мне и не удалось. Каждый день было что-то спешное и неотложное.

Я уже работаю над книгой «Дух и реальность» и почти окончила первую главу³. Были кой-какие затруднения, и мне очень хотелось бы с Вами как-нибудь встретиться, чтоб получить от Вас некоторые разъяснения. Беда в том, что у Вас нет телефона! Иногда, вдруг случайно, у меня бывают 2 часа свободных, когда я могла бы слетать в Clamart, но я никогда не уверена, что смогу Вас застать и не решаюсь на это дальнейшее путешествие!

События в Европе и меня приводят в полное уныние, котор[ое] отражается на нервную систему. Даже в Quinçy я не нахожу успокоения, слишком эта работа сейчас связана с тем, что происходит кругом. Мы только что наняли и устроили новый домик, в 5-ти минутах от главного здания, в котор[ом] собираемся принять 40 мальчиков-евреев из Берлина, родители котор[ых] в большинстве случаев находятся в концентрационных лагерях. Работы сейчас закончены, мебель уже на месте. Прошения в министерство и префектуру Seine-et-Oise уже отосланы, и мы ожидаем этих детей со дня на день. Совсем недавно поступили две девочки-австрийки. Для родителей одной из них хлопочем, чтоб им разрешили остаться во Франции, т.к. им грозила высылка, а куда? Неизвестно... Испанская группа (их 28 человек) страшно переживала исход войны. У одной девочки на днях отец был убит, и у нее сделался нервный припадок, когда она об этом узнала. Так страдаешь за этих детей, так принимаешь к сердцу ту драму, котор[ую] они переживают, что поневоле расстраиваешься.

Поэтому отдыхаю только за переводом, т.к. в эти минуты стараюсь забывать все остальное, погружаясь в «сферу духа», хотя и тут подчас бывает трудно сосредоточиться.

Конечно, русские мне не могут простить этого принятия новых беженцев. Многие из них вне себя, что Quinçy не остался исключительно русским учреждением, и снова распространяют про школу самые фантастические слухи. В их глазах я отрекаюсь от всего, даже от памяти отца! Обыкновенно эти нападки меня мало трогают, но когда я очень устаю физически и нравственно, как это было последнее время, меня приводит в отчаяние тупоумие и озлобленность наших соотечественников! Простите это длинное послание, но хотелось немного побеседовать с Вами. Не теряю все же надежды скоро с Вами встретиться, а пока шлю Вам сердечный привет

Ваша И.П.

¹ Имеется в виду статья «Христианство и антисемитизм (Религиозная судьба еврейского народа)», которая была опубликована в 1938 г. сначала в журнале «Путь» (№ 56. Май/июнь. С. 3–18) а затем появилась как отдельное издание РФА. Перевод на французский язык, выполненный И.П.Романовой, был опубликован в 1939 г. в парижском журнале «Le christianisme social» (журнале, посвященном вопросам практической теологии и гомилетики).

² На улице Сен-Дидье (д. 29) в Париже находилось книгоиздательство YMCA-Press. Французский перевод И.П.Романовой в качестве отдельной брошюры издан не был.

³ Имеется в виду книга Бердяева «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» (1937), опубликованная на французском языке в 1943 г. Автор перевода в издании не указан.

«Многоуважаемый Николай Александрович»,

Через несколько дней Вы встретите Великий Праздник¹, и я хочу Вам сказать, что я мысленно с Вами и в особенности в эти дни – Вы, наверно, этому удивитесь, ибо сомневаетесь в моих чувствах, что ясно было выявлено в Вашем последнем письме. В нем были определенно 2 провокационные фразы: 1. Что я называю Вас «дорогой друг», но гораздо к Вам холоднее отношусь, чем когда величала Вас более официально. 2. Что Вы подозреваете,

что я могу приехать в Париж, не дав Вам об этом знать. Не знаю, правда, чем я могла заслужить подобные заявления? Тем, что мы уже почти целый год не виделись? Но ведь я не виновата, что обстоятельства принудили меня к жизни в Биаррице, т.е. в 800 км от Вас! Тем, что я редко пишу? Но, во-первых, Вы не раз сознавались, что переписка плохой способ общения, всего не скажешь при помощи пера, а при нынешних условиях тем паче. Во-2-рых, Вы должны признать, что сами пишете мне раз в 6 месяцев, и то только тогда, когда, волей-неволей, приходится отвечать на мои послания! И несмотря на это, я не обвиняю Вас в равнодушии и, наоборот, верю в Вашу дружбу и хочу ей верить, ибо очень ею дорожу. Поэтому я решила, что Вы желаете на меня взвалить то, в чем Вы сами чувствуете себя виноватым. Вы, вероятно, в своей дружбе ко мне охладели и хотите мне внушить, что я испытываю это чувство? Но это Вам не удастся, ибо Ваши намеки я считаю несправедливыми и не соответствующими действительности.

Я очень была рада иметь о Вас сведения через Monbrison, котор[ый] описал мне поездку к Вам. Но он вообще очень мало сообщает после встречи с людьми и без подробностей. И мне хотелось узнать о Вас гораздо больше, нежели он мне передал. Но кажется он сидел у Вас во время чая, и Вы не были наедине. Я знаю, что Вы обо мне жаловались, но может ли Ваша жалоба быть обоснована, когда Ваше последнее письмо от 18-го января?..

Здесь жизнь течет по-прежнему. С продовольствием с каждым днем сложнее, поэтому приходится много бегать и часто без результатов. Крестьяне отказываются продавать продукты по назначенной цене, якобы не покрывающей их расходов, а оккупационные власти этим пользуются и забирают все с ферм. Положение поэтому безвыходное, и ежедневно новые продукты исчезают с рынка. После 2-х месяцев тщетных исканий мне удалось, по протекции, получить 25 к[илограммов] картошки, котор[ую] мы посадили, превратив наш садик в огород, что более разумно при нынешних условиях. С куроводством нашим тоже нелегко, ибо нечем кормить птиц. Вчера ездила за 40 км, дабы раздобыть кой-какую провизию — поездка оказалась менее удачной, чем я предполагала, но все же я привезла 3 дюжины яиц, сыр,

немного муки и мяса и т.д. Для этого я встала в 5 1/2 утра, взяла трамвай до Вауппе при абсолютной тьме, там пересела в перегруженный саг* и приехала к 9-ти по назначению. Там пробыла до 5-ти дня и вернулась обратно лишь в 8 вечера! Конечно, это – все новые опыты, и, если рассматривать их с философской точки зрения, они не лишены интереса. Жизнь настолько изменилась, что надо забыть прошлое благополучие и приспособляться к новому строю². Это не всегда легко, но при желании все возможно.

Дети здоровы и хорошо перенесли зиму и холода. У нас, к счастью, они не были такими суровыми, как у Вас, но все же дома было очень неуютно. Сейчас оба наслаждаются каникулами. Михаил очень возмужал, теперь всем увлекается и интересуется. Он очень много читает и делится своими впечатлениями. Сейчас он более серьезно относится к своим занятиям, ибо bachot** предстоит через 2 месяца. Не думаю, чтоб он выдержал его с 1-го раза, но мы все же усиленно готовимся. Ирина страшно выросла. Это уже не младенец, а девочка с своеобразным характером. Как-то не верится даже, что ей через 3 недели исполнится 7 лет! Жизнь невероятно быстро проходит, не успеваешь оглянуться, как уже все кажется далеко, далеко позади.

Знакомых у меня здесь мало. Вижу одну русскую семью, девочка у нас раньше воспитывалась, довольно часто заходит Алекс. Никол. Комаров (сын дипломата). Он иногда читает мне вслух. Так, на прошлой недели мы перечитывали «Thaïs» Anatole France³, котор[ого] я абсолютно забыла. Вижу изредка доброго Алекс. Юльян. Розенберг⁴, котор[ый] был еще знаком с моей матерью, большой любитель искусства и знаменитый коллекционер – он посвящает меня в тайны своего любимого дела. Недавно познакомилась с Никол. Милиоти⁵, котор[ый] большой друг Генр[иетты] Леопольд[овны]⁶, нахожу его очень симпатичным, т.к. он «живет», остро все воспринимает, и в нем чувствуется искренность чисто русская. У меня были с ним интересные беседы, и я очень преклоняюсь перед его искусством. Сейчас у меня гостит M-elle Leoward, котор[ая] работала со мной в Quinçy. Часто навещает нас из

* Автобус (фр.).

** Экзамен (фр.).

Pilat⁷ Monbrison. Он теперь целиком ушел в живопись и целыми днями работает, находя в этом отраду и отвлекающее средство. Я бы с радостью сама этому отдалась, но нет времени при постоянной беготне. Часто в конце дня я ужасаюсь материальности моих забот и неумением брать пример с птиц небесных. Но очень трудно это совместить с ответственностями главы семьи... Для себя одной я бы, конечно, себя не утруждала, но детям хочется дать максимум того, что можно. Благодаря этому, если Марфа действует, Мария во мне страдает и мало удовлетворена⁸. Вообще трудно отделаться от гнета грустной реальности. Все каждую минуту об этом напоминает, и мысленно переношиться туда, где люди сражаются и гибнут. В определенные часы тянет к радио, и при каждой встрече это – обычная тема разговора. Вам, с этой точки зрения, должно быть легче, ибо Вы можете погружаться в свою работу, отдаваться своему творчеству и хотя бы несколько часов в день отрешиться от всего окружающего и забыть тьму, котор[ая] окутывает нас как паутина. Последние дни известия мало утешительны, но я все же не теряю надежды. А Вы, дорогой друг, что делаете? Начали ли новую книгу, котор[ая] должна была объяснить основы Вашей философии? Надеюсь поехать в Париж на несколько дней в мае, и так была бы счастлива Вас повидать.

А пока шлю Вам, несмотря на Ваши несправедливые нападки, сердечный и искренний привет

Ваша

И.П.

¹ Имеется в виду праздник Воскресения Христова.

² Имеется в виду профашистский режим «Виши», установленный на части территории Франции в 1940 г. в результате немецкой и итальянской оккупации. К концу 1944 г. Франция была освобождена войсками антигитлеровской коалиции.

³ Речь идет о романе «Таис» (1888–1889) французского писателя Анатоля Франса (Тибо Анатоля Франсуа; 1844–1924), лауреата Нобелевской премии 1921 г.

⁴ А.Ю.Розенберг обладал известной коллекцией русского антиквариата, в 1929 г. подарил свою коллекцию русского фарфора Музею керамики в г. Севре, в 1937 г. участвовал в выставке «Отечественная война 1812 г.», организованной Институтом истории современной эмиграции.

⁵ Милиоти Николай Дмитриевич (1874–1950) – художник, член «Мира искусства», в 1940–1942 гг. жил в Биаррице, где создал серию рисунков «Разрушения и бедствия войны».

⁶ Гиршман Генриетта Леопольдовна (1875–1970) – художница, меценатка, жена антиквара В.О.Гиршмана; преподавала в школе Кэнси.

⁷ Пила – небольшой город под Аркашоном на юге Франции, где в 1939–1940 гг. после оккупации Парижа немецкими войсками жил также Бердьяев вместе с семьей.

⁸ Имеются в виду практичная Марфа и восторженно-созерцательная Мария, сестры Лазаря, упоминаемые в Новом Завете в рассказе о посещении Христом Вифании (См.: Евангелие от Луки. 10: 38–42).

5

19.IV.42

Дорогой друг,

Благодарю Вас от всей души за Ваше последнее письмо и замечательные конфеты, котор[ые] я нашла в жестяной коробке. Зачем такое баловство? Сейчас ведь так мало сладостей, что Вам следовало их себе оставить.

Меня очень огорчает известие, что вы все болеете в этом году. Я думаю, что в этом виноват холод, от которого вам пришлось страдать зимой, и принужденная диета. Я лично ничем не болею, но чувствую постоянную слабость и усталость и приписываю это недостатку жиров и мяса. Но конечно, помимо этого, играет роль и нервное напряжение, в котором мы живем 2 1/2 года. Все это даром не проходит и, поздно или рано, отражается на организме. Последние дни были опять волнующие для нас, живущих во Франции, ибо совершившиеся события¹ могут иметь всевозможные последствия! Отчего нам суждено было жить в такую беспросветную эпоху, которую так трудно осмыслить? Все, что стараешься сделать, кажется сейчас таким тщетным и ненужным! И не видно конца тому кошмару, в котор[ый] мы погружены!

Мы с детьми тихо провели пасхальные каникулы. Сейчас у обоих возобновились занятия, и мы опять с Михаилом много работаем. Хотелось бы с ним вслух почитать, но на это, увы, нет времени, ибо все время приходится сидеть над какими-то учебниками.

У Монбризонов в Pilat все благополучно. К ним приезжал на каникулы старший сын из Montpellier, они страшно были рады его повидать. Монбризон продолжает заниматься живописью и сделал значительные успехи. Он собирается в Париж в конце этого месяца, для ликвидации

одной из квартир на Charcot. Его жена тоже хотела бы туда поехать, но не может теперь без разрешения двигаться и очень сомневается в том, что ей это дадут. Он, наверное, съездит к Вам в Clamart, т.к. предполагает пробыть в Париже около 2-х недель*.

У нас стоит довольно дождливая погода. Но кругом, в деревне, все в цвету, и это такая красота! Любуясь ею, я минутами забываю весь окружающий нас ужас и вспоминаю стихи моего брата²:

«О, больше, чем любовь и больше, чем страданье
Загадок вековых содержит красота!
Кто людям объяснит ее очарованье,
То благовонное дыханье,
Где скорбь с отрадою слита?»

Часто думаю о Вас, милый друг, и еще раз благодарю Вас за конфеты. Сердечно Ваша

И.П.

¹ Имеются в виду события, происходившие на Восточном фронте – оборона Москвы (с 30 сентября 1941 г.) и контрнаступление советских войск, начавшееся 5 декабря и продолжавшееся до 20 апреля 1942 г., в результате которого впервые в ходе Второй мировой войны немецкие войска отступили на 100–250 км от занятых прежде рубежей; кроме того, 8 декабря 1941 г. японская авиация внезапно нанесла удар по американской военно-морской базе Пёрл-Харбор, США и Великобритания объявили войну Японии.

² Князь Палей (де Гогенфельзен) Владимир Павлович (1896 (по нов. ст. 1897)–1918) – поэт. Расстрелян 5/18 июля 1918 г. в Алапаевске вместе с великой княгиней Елизаветой Федоровной, их останки были вывезены из России и захоронены на кладбище Русской православной миссии в Пекине.

6

8 av. De Londres
Biarritz (B. P.)

7 дек[абря] 45 г.

Дорогой мой друг,

Получила на днях письмо, в котор[ом] меня спрашивают, какие из Ваших книг не переведены еще на португальский язык и какие были бы условия уступки авторских прав. (Письмо, между прочим, послано моей бывшей ученицей Quinçu, Марией Шебеко). Я Вам его посылаю с ко-

* Так у И.П.Романовой.

пией моего ответа, предполагая, что этот вопрос Вас может интересовать.

Радуюсь этому случаю возобновить связь с Вами. Ведь я тысячу лет ничего о Вас не знаю и сама Вам, к стыду своему, не писала. Как Вы себя чувствуете? Как настроение? Как здоровье Вашей жены¹? Что Вы сейчас едите? Чем заняты? Несмотря на то, что я редко пишу, я часто Вас вспоминаю и грущу, что мы все еще разлучены.

Здесь у нас все благополучно. Михаил, котор[ый] до сих пор служил в Германии, подал прошение о том, чтобы его отпустили в Биарриц и дали ему разрешение пройти кратковременный курс американского университета, который отвел 50 стипендий французским юношам, отбывающим военную службу. Но бумаги так долго шли из министерства в корпус, что он приехал лишь вчера, т.е. за 2 недели до окончания 2-го триместра! И он сильно сомневается в том, что ему разрешат остаться после января. Ужасно это обидно! Но Ирина и я рады его иметь хоть на короткий срок. Ведь мы почти не видались за последние 2 года! Физически он очень изменился, морально тоже возмужал, но заботлив и нежен по-прежнему, и я бесконечно счастлива, что длительная разлука не прервала нашей духовной связи.

Я постоянно встречаюсь с американскими профессорами и со многими очень подружилась. Они приходят обедать, и мы обсуждаем самые разнообразные вопросы. Обмениваемся книгами. Я хожу с ними в кинематограф, в студенческий театр, — котор[ый] превосходно ставит американские и английские пьесы, — на лекции, на концерты. Наш Биарриц, обыкновенно лишенный, в этом сезоне, каких бы то ни было интеллектуальных и артистических интересов, нынешней зимой ожил и преобразился. И я от души радуюсь, что университет не закрывают в декабре, к[а]к это было в начале постановлено. Эта обстановка настолько изменила жизнь, что я забываю о материальных невзгодах: о скверном продовольствии, о холоде в доме и даже о том, что мы постоянно лишены электричества и рискуем оказаться без воды, ибо насосы с трудом работают. Погода до сих пор была весенняя, было от 12 до 15°. Вот 2 дня только что стало свежее. Все теперь мечтают о дожде, но его до сих пор было чрезвычайно мало.

Monbrison – в Париже, где он только что обвенчал своего второго сына Arnaud. Он завален был работой и всевозможными заботами. К тому же он простудился и чувствовал себя неважно, благодаря чему он остался там дольше, чем предполагал. Ждем его к будущей неделе, ибо он должен прочесть доклад американским студентам о «Résistance»*.

Я сама все эти дни занята была переводом доклада одного из моих профессоров (он завтра его читает au Comité France-Amérique**) на тему «L'angoisse dans la littérature américaine contemporaine»*** – он, главным образом, разбирает William Faulkner, Thomas Wolfe, Henry Miller и Ernest Hemingway². К сожалению, он принес мне доклад лишь в прошлую субботу, и мне несколько дней пришлось работать с утра до вечера, и даже до поздней ночи, чтобы сдать ему перевод к назначенному сроку. Тема – интересна, но слишком обширна для такого рода «causerie»****. И многие проблемы, требующие разъяснений, затронуты были лишь вскользь. Я боюсь, что публике трудно будет уследить за мыслью докладчика. Но в связи с этой работой у меня был целый курс американской литературы. Мне это так напомнило работу с Вами и чудные часы, проведенные в Clamart.

На днях здесь был маленький протестантский конгресс, и меня просили приютить на 2 ночи одного из делегатов. Он оказался очень интересным человеком. Он – датчанин, проживший в Англии многие годы, но дела котор[ого] в Голландии. Он к[а]к раз перед приездом ко мне читал «Esprit et Liberté»³ и страшно был увлечен книгой. Так что мы целый вечер говорили о Вас и Вашей философии. Я никак этого не ожидала.

Что готовит нам будущее? Какие у Вас предположения? Чтение газет производит на меня ежедневно удручающее впечатление. И я возмущаюсь статьями, котор[ые], к[а]к будто нарочно, стараются усугубить недоразумения между странами – мало чему научилось человечество даже после этой 2-ой мировой войны!

* «Сопrotивлении» (фр.).

** Франко-американский комитет (фр.).

*** «Тоска в современной американской литературе» (фр.).

**** «Собеседования» (фр.).

Надеюсь, что Вы, в свою очередь, черкнете мне несколько слов и расскажите мне подробно о себе.

Шлю Вам, дорогой друг, мой самый дружественный привет,

искренно любящая Вас

И.П.

¹ Л.Ю.Бердяева умерла в конце сентября 1945 г.

² Американские писатели: Уильям Фолкнер (1897–1962), Томас Клейтон Вулф (1900–1938), Генри Миллер (1891–1980), Эрнест Миллер Хемингуэй (1899–1961).

³ Имеется в виду книга Бердяева «Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства» (1927–1928), переведенная на французский язык И.П.Романовой и Г. де Монбризоном. На французском языке книга вышла в свет в издательстве «Je sers» под названием «Esprit et liberté. Essai de philosophie chrétienne» («Дух и свобода. Философско-христианские эссе»).

Письма Е.А.Извольской

Частым гостем в доме Бердяевых и другом их семьи была Елена Александровна Извольская (1896 или 1895–1975), дочь Александра Петровича Извольского, известного дипломата, в 1906–1910 гг. министра иностранных дел, в 1910–1917 гг. посла России во Франции. Детство Е.А.Извольской прошло в Ватикане, где ее отец был министром-резидентом. Елена Александровна была католичкой, испытала влияние французских писателя и мыслителя Леона Блуа и поэта Шарля Пегги. В 1930-е гг. жила в Мёдоне, была дружна с семьей Маритен и М.И.Цветаевой. В годы Второй мировой войны переехала в США, работала на радио, участвовала в издании сборника «Третий час», помогала по мере сил и возможностей своим друзьям, жившим в разоренной войной Франции, занималась преподавательской деятельностью, несколько лет прожила на ферме «Католик Уоркер» («Католический рабочий»). Последние два года провела в Колд-Спрингсе в бенедиктинском монастыре и готовилась стать монахиней. В «Новом журнале» были опубликованы письма Бердяева Извольской. Из имеющихся в РГАЛИ девяти писем Елены Александровны Бердяеву нами выбраны четыре письма, причем одно из них публикуется в переводе с французского языка (Ед. хр. 489. Л. 4, 12 и об., 1, 9–10 об.).

2 июня [1939]

Милый Николай Александрович!

Пишу Вам эти несколько слов, чтобы выразить Вам свое *восхищение* перед Вашей статьей в «Пути», перепечатанной в «Новой России»¹. «Это язык Толстого», – сказал Зензинов², и мне кажется, более восторженной оценки не мог бы выразить «неверующий». Мы же, верующие, еще глубже и целостнее ощущаем Ваши слова, столь нужные и, наконец, сказанные с таким ударением и с такой полнотой.

Позвольте крепко пожать Вашу руку от всей души

Елена Извольская

P.S. Мы уезжаем 15-го июня. Можно ли Вас навестить 11-го?

¹ Речь идет о статье «Существует ли в православии свобода мысли и совести?» (Путь. 1939. № 59. С. 46–54; Новая Россия. 1939. 30 мая. № 68), написание которой было связано с обвинениями в ереси, выдвинутыми против отца Сергия Булгакова.

² Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) – писатель, общественный деятель, член партии эсеров, в годы Второй мировой войны переехал в США, где принял активное участие в создании «Нового журнала».

2

120 East 76 N[ew] Y[ork] C[ity]

1/ 29/ 44

Милый Николай Александрович!

От души благодарю Вас за Ваше письмо, и Вы знаете, с какой глубокой привязанностью Ваши друзья думают о Вас здесь. Мы вместе с Вами переживаем все трудности, о которых Вы говорите, и, думается, у нас и теперь с Вами, как и всегда было, один духовный путь, одна любовь и одна вера: вера в Россию, в русский народ, в русскую религиозную культуру. Евгения Юдифовна как-то писала, что путь этот мучительный, что это крестный путь, и это верно для нас всех.

Мы продолжаем жить тут в тесном кружке, который объединен «III-м часом»¹, несмотря на весьма медленное продвижение практической реализации этих выпусков. Но теперь мы скоро отправим английский выпуск в

печать. Кроме того, весной мы устраиваем нечто вроде съезда «III-го часа» в домике в деревне, который мы с Лурье² нашли летом и стали кое-как оборудовать для этой цели. Нас мало, но все же есть сочувствующие, их круг растет; я думаю, что мы пустили корни и тут, и в Париже, благодаря энергии Ирмы Владимировны³. Но есть и враги: Вы, м[ожет] б[ыть], видели, как Федотов⁴ на нас обрушился!

Я Вам выслала 6 фунтов каши, а также чай и кофий. Пошлю еще и надеюсь, что посылка благополучно дойдет. Пишите нам, когда можете.

Очень ценны для нас Ваши письма.

Душевный привет обоим

Елена Извольская

¹ «Третий час» – объединение, возникшее в Нью-Йорке вокруг одноименного религиозно-философского сборника. 1-й выпуск сборника вышел в 1946 г.

² Лурье Артур Сергеевич (Наум Израилевич) (1891–1966) – композитор, жил в Париже, в 1940 г. переехал в США.

³ Манциарли Ирма Владимировна – публицистка, член теософского общества, меценатка, в межвоенный период финансировала издание журнала «Числа», в 1945 г. вернулась в Париж, где и скончалась.

⁴ Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – историк, публицист, друг семьи Бердяевых, в годы Второй мировой войны переехал в США. Принципиальные расхождения с Бердяевым связаны с оценкой роли Советского Союза во Второй мировой войне, а также несбывшимися ожиданиями скорых перемен во внутренней политике СССР.

3

120 East 76 str. N[ew] Y[ork] C[ity]

15 мая [1945]

Дорогой Николай Александрович, вы угадываете радость, которую мне доставило ваше письмо и даже сам Ваш почерк. Да, радость была большой, но также велика была озабоченность болезнью Лидии Юдифовны и вашими бесконечными лишениями, о которых я беспрестанно думаю, также как и о муках Матери Марии¹ и Ильи Исидоровича². Здесь ходят слухи, что последний был освобожден русскими, но это не имеет подтверждения. Я надеюсь, что вы получили мои посылки. Я знаю, что другие друзья вам также их посылают, хотя возможно немного. Я от-

правила и буду отправлять посылки Мочульскому³. Я прочитала с живой взволнованностью вашу статью о превращениях национализма и интернационализма⁴. Я подписываюсь под ней от всего сердца, я всецело согласна с вами, но, конечно, не с Георгием Петровичем. Тем не менее, я продолжаю слушать его исторические лекции, которые превосходны, но мыслителем он сделался жалким, совершенно лживым. Что касается меня, то я работаю 8 часов в день в бюро, но у меня есть по вечерам время, чтобы писать для себя, и я читаю много лекций о России в вашем всегдашнем духе. Но в данный момент я обдумываю больше, чем пишу, поскольку у меня только чувство, а нужно найти новые слова. Вы их нашли. Меня также неотступно преследует мысль об ужасном страдании людей. Я не намерена возвращаться так скоро, впрочем это меня не оставит, но я надеюсь, что Бог позволит нам обрести вас всех троих однажды. От всего сердца я всегда с вами и вашими друзьями.

У нас, И.В.Манциарли, Казем-Бек⁵ и у меня, есть дерзкий проект опубликовать по-русски сборник, посвященный философским и религиозным (разных конфессий) проблемам. Проект дерзкий, потому что у нас нет еще денег, но мы надеемся к осени их найти для тиража в тысячу экземпляров. Но даже если мы найдем деньги на издание, мы не сможем выплатить гонораров. Несмотря на это, я решаюсь вас просить, или, скорее, мы вас умоляем прислать нам что-нибудь, чтобы «благословить наш дебют». Так как мы чувствуем, что это должно быть главным и здесь на эту тему еще ничего не появилось. Десяток машинописных страниц сделают нас счастливыми. Сборник будет составлен полностью в духе вашей статьи. Если Мочульский, Оболенский⁶, Вильчковский⁷ захотели бы содействовать этой неблагодарной задаче со «скудными средствами», мы были бы очень рады. Здесь и количество, и качество участников ограничено, но рассчитываем, главным образом, на вас. И я осмеливаюсь даже заранее вас поблагодарить. Во всяком случае, я должна Вас письменно уведомить, что вы являетесь и будете всегда нашим духовным наставником⁸. И существует столько проблем для обсуждения, столько важных тем, которые не могут быть подняты здесь. Я так надеюсь, что вы нам поможете, это все, что я, а равно и двое других друзей,

могу сказать. Так как Бог вас хранит, я надеюсь, что Лидии Юдифовне будет лучше. Где отец Абрикосов? Если у меня были бы новости, я отправила бы ему посылки. Это наша объединяющая идея здесь – делать столько, сколько возможно.

Нежно преданная Вам
Елена Извольская

У этой американской пишущей машинки нет аксанов.
(Пер. с фр.)

¹ Мать Мария (Скобцова Елизавета Юрьевна; 1891–1945) – писательница, основательница благотворительной организации помощи русским эмигрантам «Православного дела»; была очень близка семье Бердяевых; погибла в концентрационном лагере Равенсбрюк.

² Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880–1942) – публицист, общественный деятель, один из единомышленников матери Марии и Бердяева, погиб в концентрационном лагере в Германии.

³ Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – историк литературы, один из друзей дома Бердяева.

⁴ Речь идет о статье «Превращения “национализма” и “интернационализма”» (Русский патриот. 1945. 10 февр. № 16.), помещенная также в «Новом русском слове».

⁵ Казем-Бек Светлана Александровна (1899 – до 1995) – выпускница Смольного института в Петрограде; жена А.Л.Казем-Бека (1902–1977), вождя движения «младороссов», который в годы Второй мировой войны вместе с семьей жил в США, занимался преподаванием русского языка, в 1956 г. вернулся в СССР. Его жена осталась в США и преподавала в Коннектикут-колледже, Иельском и Индианском университетах.

⁶ Вероятно, речь идет о князе Владимире Андреевиче Оболенском (1869–1950) – общественном деятеле, отце матери Бландины.

⁷ Величковский Кирилл Сергеевич (ум. 1960) – критик, издатель газеты «Бодрость» (1934–1940).

⁸ В 1-м выпуске сборника «III час» была опубликована статья Бердяева «О раздоре в мире и возможном единстве христиан».

4

120 East 76 N[ew] Y[ork]
2 февр[аля] 1947]

Дорогой Николай Александрович! Очень, очень давно мне не писали ни Вы, ни Е[вгения] Ю[дифовна], и я рада была бы получить от Вас весточку. Знаю от [Morenchin?], что Вы им дали статью, и очень этому рады. Это еще единственный порядочный редактор

русского журнала тут¹. О «Нов[ом] журнале»² и его редакторе мне трудно это сказать! Вчера вечером на собрании я напала жестко на М.М.Карповича³ за его *невежественную* статью-рецензию о Вашей «Русской идее»⁴. Он очень обиделся, и меня никто не поддержал, а Федотов промолчал, боясь, по-видимому, и меня – т.е. своей совести по отношению к Вам! – и Карповича. Вы об этом, разумеется, с Еленой Николаевной⁵ не говорите. Все это люди, омраченные и потерявшие любовь. Очень это грустно. Но мы ничего не можем – они жертвы, и наш грех в их глазах, что мы живы.

Теперь о другом: один «русский американец», адвокат, Георгий Аркадьевич Небольсин был в Швейцарии и видел Вас издали на конгрессе⁶. Вы и писания Ваши произвели на него глубочайшее впечатление, и он сейчас, вернувшись сюда, читает все, что только может найти за Вашей подписью. Он отправил Вам посылку, и будет продолжать, и вот как только Вы получите первую посылку, напишите ему, пожалуйста, что получили. Его адрес:

George Nebolsine

430 East 86 str. New York City.

И мне, пожалуйста, черкните и сообщите, что Вам более всего нужно в смысле продуктов, и я ему передам. Он очень, очень увлекся, хотя не очень интересовался до сих пор духовными вопросами и мало что о них знает. Но «жаждет постигнуть» и понял, что без этого жить нельзя. Он приходит на наши собрания «III-го часа», и нами также заинтересовался. Собрания наши происходят раз в месяц и приняли серьезный характер. Наш английский выпуск расходится, у нас группа друзей и подписчиков, которые относятся к нам по-настоящему. Мы готовим новый выпуск. И опять, конечно, *в первую очередь* обращаемся к Вам, милый Николай Александрович, с просьбой прислать что-нибудь. Ваши статьи в «III часе» произвели тут очень сильное впечатление (как ни странно больше всего среди представителей католической интеллигенции и даже среди монахинь), протестанты же вообще относятся к нам тут *вяло*, и лидеры их, как Niebuhr⁷, встречаются в Union Th[eological] Seminary больше всего с группой Федотова. Возвращаясь к Вашей статье для нас, мне хотелось бы подчеркнуть как *важно* это для нас, и как важно к тому же, чтобы Ваша мысль была бы тут представлена.

Мы все по-прежнему очень бедны, собираем средства доллар за долларом, но мы ответим Вам посылкой. *Непременно* дайте нам что-нибудь, если только это возможно, без Вас мы не сдвинемся с места, и все же у меня глубокое убеждение, что «III-й час» пустил корни, где-то в глубинах. А они все же существуют! Мы решили посвятить номера отчасти идее действия, action* (конечно, это необязательно) и, конечно, речь идет о духовном действии. Но Вы, дорогой Николай Александрович, ни в коем случае не связаны темой. Про себя напишу Вам в другой раз. Кратко скажу лишь, что много работаю. В Радио** больше, однако, не служу, п[отому] ч[то] мне материально стало труднее. Но зато вернулась к религиозно-культурной работе. И читаю курс о Достоевском в большом College (Vassar). Ваша книга о Дост[оевском]⁸ у них записана в списке обязательного чтения. Жду письма. Душевный привет. Елена Извольская

¹ Не вполне ясно о какой статье и о редакторе какого русскоязычного издания идет речь. В 1947 г. Бердяев печатался в журнале «Новоселье», выходившем до 1948 г. в Нью-Йорке под редакцией С.Ю.Прегель.

² «Новый журнал» – литературно-политический журнал, выходящий в Нью-Йорке с 1942 г. Его основателями были М.А.Алданов и М.О.Цетлин.

³ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – дипломат, профессор Гарвардского университета, с 1945 г. редактор «Нового журнала».

⁴ Речь идет о рецензии М.М.Карповича (Новый журнал. 1947. № 17. С. 340–343) на книгу Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (Париж, 1946). Карпович счел невыполненной основную задачу книги: «[...] ключа к “русской идее” она не дает и к пониманию “русского национального типа” нас не приближает» (С. 343).

⁵ Елена Николаевна – жена Г.П.Федотова.

⁶ В сентябре 1947 г. Бердяев принимал участие в Международных встречах в Женеве, где он выступил с докладом «Человек в технической цивилизации».

⁷ Нибург Карл Пауль Рейнхольд (1892–?) – американский теолог, пастор, с 1928 г. профессор практической теологии в Union Theological Seminary (Нью-Йорк).

⁸ Имеется в виду книга Бердяева «Миросозерцание Достоевского» (1923), опубликованная на английском языке в Лондоне в 1934 г., в Нью-Йорке была переиздана в 1957 г.

* Действию (фр.).

** Так у Е.А.Извольской.

Письмо Н.А.Тэффи

В числе корреспонденток Бердяева (Ед. хр. 761) была одна из наиболее популярных писательниц Русского Зарубежья Надежда Александровна Тэффи (урожд. Лохвицкая, по мужу Бучинская; 1872–1952).

N.Teffi. 59 r. Boissière. Paris. 16.

12 марта [1946–1948]¹

Многоуважаемый
Николай Александрович.

Я получила из Америки письмо, в котором пишется, что один американский доктор философии (имени мне не сообщили) просит доставить ему перечень всех Ваших книг, русских и переведенных, а также вообще всех Ваших трудов.

Если Вас не затруднит, пошлите этот список по адресу:

Mrs. Rosen. International Book Service. 410 Riverside Drive. New York 25. New York.

Этот философ заплатит за это 10 долларов. Больше не может. Но когда Америка нами интересуется – это всегда к добру.

Послать надо *par avion*^{*}, иначе они начнут бомбардировать письмами. Терпения у американцев мало.

Шлю сердечный привет.

Ваша Тэффи

P.S. Пожалуйста, известите меня – пошлете ли Вы то, что просят.

¹ Письмо датируется по сорту бумаги, которым Тэффи пользовалась во второй половине 40-х – начале 50-х годов.

* Авиапочтой (фр.).

НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(глава из неопубликованных воспоминаний
«Горестные тени» Н.А.Еленева)

Публикация Н.В.Снытко, С.В.Шумихина

Публикуемая глава из воспоминаний под общим заголовком «Горестные тени» (Ф. 2275. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–16) принадлежит перу писателя, историка искусств и мемуариста Николая Артемьевича Еленева (1894–1967). Создавались эти воспоминания в конце 1930-х годов.

Литературная и научная деятельность Еленева проходила в эмиграции, и на родине его имя все еще малоизвестно. Гимназические годы Еленева прошли в Ялте, куда вскоре после его рождения семья переселилась из Екатеринославской губернии. В 1913 г. Еленев поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Начало Первой мировой войны застало его путешествующим за границей, на территории воюющей с Россией Австро-Венгрии – при переезде из Граца в Вену. В Черновцах он был, как русский подданный, арестован и помещен в тюрьму, но ему удалось освободиться и через Румынию пробраться в Одессу. В 1915 г. Еленев ушел из университета добровольцем на фронт, служил на флоте. Осенью 1917 г. в Симферополе он перешел в пехотный полк, где командовал ротой. С начала 1919 г. Еленев воевал в Добровольческой армии; в конце ноября 1920 г. на корабле «Князь Георгий» был эвакуирован в Константинополь. Там в 1920–1921 гг. Еленев работал секретарем комиссии по организации бесплатных столовых для русских беженцев. Его мать все это время оставалась в Советской России, где и скончалась в 1931 году.

Из Турции Еленев осенью 1921 г. переехал в Чехословакию. Путешествие в Прагу он совершил в одном вагоне с

мужем Марины Цветаевой, С.Я.Эфроном, который потом стал его соседом в общежитии русских студентов «Свободарня». Еленев поступил на Русский юридический факультет в Праге, который окончил в 1925 г. Эмигрантом он был весьма активным: стал членом пражского Союза русских писателей, принимал участие во всех общественных начинаниях русской эмиграции, входил в правление руководимого графиней С.В.Паниной «Русского очага».

Творческие интересы Еленева лежали преимущественно в области изучения истории изобразительных искусств, скульптуры, архитектуры. В 1933 г. его избрали действительным членом Русского исторического общества. Еленев организовал в Праге две выставки замечательного художника Бориса Григорьева (в 1926 и в 1932 гг.), с которым подружился и состоял в переписке (см.: «Россия была мне мачехой...» Из писем Бориса Григорьева к Николаю Еленеву 1926–1932 гг. / Публикация С.Шумихина // Независимая газета. 1996. 13 сент.).

В 1931–1935 гг. Еленев жил во Франции, затем вернулся в Чехословакию. Некоторые его произведения опубликованы только по-чешски (сказка для детей «Белая башня», исторический рассказ «Мнение возницы Коначека» (о Моцарте в Праге); их русские авторизованные машинописные оригиналы хранятся в РГАЛИ). Из исторических исследований Еленева можно выделить монографию «Путешествие великой княгини Екатерины Павловны в Богемию в 1813 г.» (Прага, 1936).

Особое место в литературном наследии Еленева занимают его воспоминания о Марине Цветаевой (Кем была Марина Цветаева? // Грани. 1958. № 39). При участии В.Ф.Булгакова и С.В.Жуковского Еленев работал над составлением «Словаря русских художников» (это издание не осуществилось). Подробная библиография работ Еленева за 1922–1932 гг., составленная им самим, хранится в его фонде в РГАЛИ (Ф. 2275. Оп. 1. Ед. хр. 79).

Из воспоминаний Еленева «Горестные тени» в сборнике публикуется глава «Несчастный человек» о Николае II. В рукописи остались еще две главы – «Проклятые дни», где рассказывается о том, как автор скрывался в Симферополе в январе 1918 г. после победы большевистского восстания, и «Лихолетье» – о Гражданской войне в Крыму. Были ли завершены воспоминания «Горестные тени» – публикаторам неизвестно.

Несчастный человек

Историческое предание утверждает, что Екатерина II, посетив покоренный Крым, назвала его драгоценнейшей и лучшей жемчужиной в российской короне. Проницательный ум этой выдающейся Государыни ничего не преувеличил. Крым – излучение божеской благодати и красоты. Особенно прекрасен его южный берег – край греческих колоний, начиная с VI столетия до Р.Х., позже – замков и монастырей византийцев и торговых стоянок предприимчивых генуэзцев. Развалины крепостей последних сохранились до нашего времени. Одной из факторий (fattorie) итальянских мореплавателей была нынешняя Ялта, в бывшем и забытом написании – Джалита.

С раннего детства имя Ялта ассоциируется у меня с ароматом магнолий и задумчивым шелестом легкой, мирной волны. А вспомнив тающее кружево ее пены на серебристой гальке берега, мой взор сейчас же встречает прибрежные холмы, покрытые виноградниками.

Держали ли вы когда-нибудь на ладони тяжелую гроздь душистого, еще теплого от солнца, зрелого винограда? Наполнялась ли ваша душа тогда легкой и блаженной радостью, влюбленностью в премудрость Творца, давшего нам эти плоды земные? Их живительная сила манила в Ялту не только бедных студентов наших столиц, часто наживавших за книгами чахотку, но и хозяина всей земли русской – императора Николая II. Неподалеку от города у русского царя было богатое имение Ливадия, где осенние букеты виноградников, разбросанные по склонам берега, горели на солнце золотом и пурпуром листы. Я хорошо помню одну такую дивную осень пору в ранней юности... Природа в этот год была как-то особенна и роскошна. Но город волновался уже в течение нескольких дней. На набережной все дома были украшены гирляндами из плюща и национальными флагами. Не обошлось и без триумфальных арок, увы, из дерева, – этих жалких подобий тому, что некогда создал могучий Рим, чествуя своих героев и императоров.

Нас, гимназистов как младших, так и старших классов, выстраивали во дворе гимназии, а толстый директор в мундире неуклюже взлезал на скамейку, заросшую кустами лавра, и кричал: «Гимназисты! Представь-

те себе, что я – Государы!.. Когда я скажу вам: “Здравствуйте, дети”, отвечайте: “Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!..”».

Эти репетиции веселили и отвлекали от занятий. Но вот и ожидаемый день. Мы на каменном просторном молу, в рядах, поджидая царский приезд. Здесь же войска, духовенство, городские власти, дворянство, делегации от инородцев и наряженные дамы. На солнце вдали горит ослепительная медь трубачей. Все суда, находящиеся в порту, украшены национальными флагами, унижавшими такелажу.

После двух часов томительного ожидания, топтания на месте, в толпе проносится нестройный гул. Волнение растет и переходит во всеобщее напряжение, когда из-за скалистого мыса показывается эскадра военных кораблей, а посреди нее великолепная яхта Государя «Штандарт».

Колокола всех городских церквей начинают свой частый и веселый перезвон. После – могуче и долго гремят пушки. Медленно и величественно в гавань входит «Штандарт». На его высокой мачте лениво колышется императорский желтый стяг с черным двуглавым орлом. Толпа и войско застывают. Слышны лишь свистки команд на «Штандарте». Все исполняется проворно, четко. Сходни, украшенные красным бархатом, соединяют раздвинувшуюся часть борта яхты с пристанию. Легкий ветерок доносит команды. Наш директор и учителя заметно волнуются. Но вот на сходнях появляется группа: это – Государь в морской форме, Государыня в светлом платье и большой шляпе и их дети. Их встречают молитвенно-торжественные звуки национального гимна. Царская семья задерживается на некоторое время в особом павильоне. Здесь по старому русскому обычаю им подносят хлеб-соль и происходит представление официальных лиц. После, в открытой коляске, окруженная блестящей свитой, царская семья проезжает мимо учащихся. Наша гимназия впереди, так как она носит имя отца Государя – императора Александра III. Мы дружно приветствуем царя, которого видим впервые. Я пытливо вглядываюсь в его лицо. На секунду встречаю взор Николая II. Его большие глаза кажутся мне грустными, почти растерянными. В той же коляске успеваю заметить наследника престола, мальчика миловидной, но хрупкой наружности, и горделивую осанку Государыни.

Порывы несмолкаемого, бушующего «ура» сталкиваются и смешиваются с медным ревом церковных колоколов. Ликующая толпа устремляется вглубь улицы за царским поездом.

Мы начинаем расходиться. В ушах еще волнующе звучат, словно далекое эхо, величавые звуки народного гимна. Тихий, нежащий день клонится к вечеру. Высоко вздымающаяся твердыня крутых ялтинских гор, затянутых пепельно-золотистой дымкой заката, чудится мне фантастическим замком, оберегающим прибывшего высокого гостя.

За вечерним чаем каждый хочет поделиться своими впечатлениями. Красавица женщина, моя тетка, фанатическая монархистка, сияет от счастья и гордости: она была в павильоне на молу среди избранных, встречавших Государя. Мать, всю жизнь панически боявшаяся всякой толпы, оставалась дома. С нежной улыбкой следит она за беседой. Дядя, отставной полковник-кавалерист, вспоминает коронацию, на которой присутствовал, и уверяет, что красоту Государыни заметно изменили недавние тревожные годы подавленной революции. Доходит очередь и до нас, детей. Младшего моего брата поразили больше эполеты и орденские ленты генералов. Вопрос о том, что почувствовал я, увидя впервые императора, повергает меня в смущение. Я не хочу лгать, да это было бы и безнадежно в нашей семье, но стесняюсь сказать, что я как-то не воспринял общего радостного волнения. И, сбиваясь, отвечаю:

— Я все видел... но у Государя глаза какие-то грустные... Все кричат, пушки стреляют, а он будто несчастный...

Тетка секунду смотрит на меня в изумлении, а затем, громко рассмеявшись, почти кричит мне в лицо:

— Да чему же, наконец, вас учат в этих ваших гимназиях!? Знаешь ли ты, что наш Государь самый могущественный человек в мире!?

Позже я много раз видел царя, хотя мне и не пришлось никогда с ним говорить. Юношеское впечатление, однако, оставалось у меня на всю жизнь. Николай II с трудом и скрываеваемой неволей нес свое бремя, бремя монарха необъятной и разноязычной своей державы. Кто знает, если

инстинктивно он не чуял своего трагического жребия? Только лишь после его гибели, мученической смерти со всей горячо любимой им семьей, мы узнали, что он не раз отмечал, что он родился в день почитания св. Иова много-страдального.

Во время войны царь посетил древнюю Москву, этот истинный источник естественных сил и чувствований русского народа. Большевики это быстро поняли. Перенеся сюда столицу, они снова уходили подальше от Запада и пытались исправить историческую ошибку императорской бюрократии.

В этот день я находился вечером на улице. Мне нужно было перейти Тверскую, но я застрял в толпе, не будучи в состоянии пробраться ни вперед, ни назад. Пристроившись на помосте рядом с незаконченным зданием, стиснутый со всех сторон, я был вынужден ждать, когда мимо проедет Государь, следуя из Кремля на Александровский вокзал. На мостовой впереди стояла пехота в две шеренги. Был сильный мороз, и солдаты, молодой все народ последних досрочных призывов, топтались на месте, согревая озябшие ноги. Толпа ждала царя с любопытством, но без энтузиазма. Россия была уже утомлена войной и нашими неудачами. Чувствовалось глухое уныние и недоверие.

Со стороны Тверской площади по линии войск слышалась команда стать смирно. Как-то внезапно и неожиданно вблизи показался царский автомобиль, освещенный изнутри. В этот миг среди солдат, которыми командовал, наверно, какой-нибудь прапорщик ускоренного выпуска, произошло нечто, чего я никогда не смог затем уяснить себе. За несколько секунд до того, как с нами поравнялась царская машина, по какой-то нелепой команде (я ее не расслышал) шеренги потеряли равнение и почему-то выступили вперед шага на три, нарушая линию стройного фронта. Буквально хлынув на тихо едущую машину, солдаты оказались с нею рядом. Это было так неожиданно и невероятно, что у меня мелькнула мысль о покушении.

Я хорошо разглядел Государя. Усталый, бледный, в походной шинели, он сейчас же заметил неожиданный прорыв строя и инстинктивно подался вперед на сиденье, как бы готовясь к защите. Лицо царя не изменило своего выражения, но невольное телодвижение выдало его. Нико-

лай II ждал беды. Он ждал ее, очевидно, всю свою жизнь, угадывая свою обреченность. Еще мгновение, и царский автомобиль уже минул нас. Толпа, в которой я стоял, оставалась по-прежнему на подмостках. Она не могла вытеснить ненароком находившихся перед нею солдат. Быть может, эта сумятица произошла в передних взводах, занимавших площадь? Не знаю...

Бывший председатель российского императорского правительства граф В.Н.Коковцов несколько лет тому назад напечатал свои воспоминания, где он рассказал и о последнем своем свидании с Государем накануне революции*. Трудно читать эти строчки без волнения, и нельзя успокоить себя предположением, что их автор что-либо искажил. Незапятнанная честь и душевное благородство гр[афа] Коковцова служат тому порукой. Верный слуга своего монарха, Коковцов покинул его в тот раз в слезах, придя к страшному заключению, что Государь, измученный личными страданиями и бедствиями страны, потерял душевное равновесие, впад в состояние апатичной невменяемости.

Прочитав книгу графа, я вспомнил обстановку, в которой в последний раз в жизни и мне пришлось видеть императора. Будучи во флоте во время разгара войны, я попал на корабль, на котором плавал в Кронштадт. Учебные трехмачтовые шхуны Е[го] И[мператорского] Высочества наследника цесаревича Корпуса, после того как проделали летнюю кампанию, стали на якорь в виду острова. В тот же день на рейд пришли наши линейные корабли, выдержавшие неравный бой с немецкими силами. Они должны были стать в доки и чинить перегоревшие котлы. Государь прибыл для их смотра на своей небольшой изящной яхте «Александрия» и, посетив поврежденные суда, собирался произвести смотр и нам.

Парусные упражнения исполнены были превосходно. Упомяну только, что трехмачтовик «Пассат», на котором

* Коковцов (Kokovtsoff) В.Н. Из моего прошлого. Т. II. С. 402–403. Последнее свидание графа с Николаем II произошло в Царском Селе 19 января 1917 г. После аудиенции гр[аф] Коковцов обратился к гр[афу] Бенкендорфу и Боткину со следующим вопросом: «Неужели Вы не видите, в каком состоянии Государь? Ведь он накануне душевной болезни, если уже не в ее власти...» (Прим. Н.А.Еленева.)

я плавал, поднял все свои паруса в 58 секунд. Другой корабль, «Муссон», проделал то же самое на четыре секунды быстрее. Посетив более удачливый «Муссон» и обласкав добрым словом кое-кого из экипажа, Государь должен был проследовать мимо нас на моторном катере. Звонкая труба горниста заиграла в свежем воздухе сигнал «захождение». Экипаж «Пассата» в мгновение ока выстроился по левому борту. Наш командир, старший лейтенант Неелов, строгий и требовательный офицер, вытянулся во главе нас, отдавая честь Государю на проносившем его моторе. Легкие всплески рассекаемых им волн подчеркивали молчание на корабле.

Стоя в кокпите открытого моторного катера, в форме капитана первого ранга, на нас глядел последний русский царь. Перед войной я видел его много раз и поразился происшедшей в Николае II перемене. Его измученное, постаревшее лицо, с отеками под глазами, со взглядом каким-то потухшим, отсутствующим, меня глубоко поразило. Печать тайной печали и обреченности в лице Государя, давно знакомая мне по судьбе одного из моих братьев, погибшего совсем юным, приоткрылась мне еще раз. Это тянулось несколько секунд. Подняв руку к козырьку, Государь громко поздоровался с нами. Бодрые молодые голоса размеренно и стройно грянули: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!»

Катер Государя начал удаляться. Еще минута паузы, и командир подает короткую команду: «Исполнительный!»

Резко и высоко дважды звенит труба горниста. Экипаж «Пассата» врассыпную разбегается по своим местам.

Теперь, после того как минуло больше чем двадцать лет с тех пор, злосчастных, зияющих невозвратимыми потерями, все это кажется горестной тенью давнего сна. Но в тот осенний свежий день, пронизанный радостной хрустальной синевой безоблачного неба и моря, я все-таки понял, что «самый могущественный человек на свете», император Российской державы, был, быть может, несчастнее любого из отверженных жизнью.

Прага. Осень 1938 г.

ЖУРНАЛ «ВОЛЯ РОССИИ» В ПИСЬМАХ В.Б.СОСИНСКОГО Б.А.СЛУЦКОМУ

Публикация Л.А.Кручининой

Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986) – известный советский «фронтовой» лирик, член Союза писателей СССР, автор многих стихотворных сборников. Но существует и другая грань интересов писателя и его роли в отечественной культуре: Слуцкий – историк.

После смерти поэта в 1986 г., в РГАЛИ было передано его документальное наследие, содержащее рукописи, обширную переписку и собранные им исторические материалы. В архиве Слуцкого (Ф. 3101, 672 ед. хр.), наряду с документами, освещающими творческую жизнь советской интеллигенции, внимание привлекли: копия письма М.И.Цветаевой В.И.Меркурьевой от 31 августа 1940 г., фотография А.И.Солженицына 1960-х гг., статья А.В.Эйснера «Двойной подвиг Михаила Кольцова» с дарственной надписью автора Б.А.Слуцкому (1958 г.), письма бывшего в эмиграции писателя В.Б.Сосинского, рассказывающие об эсеровском, издававшемся сначала в Праге, а затем в Париже, журнале «Воля России», воспоминания Сосинского 1964 г. под названием «Голосок из ада» о феномене кладбища Сент-Женьев-де-Буа – некрополе русской эмиграции первой волны и оттиск его рассказа «Пан Станислав» 1930 г. с дарственной надписью Слуцкому. Здесь же мы находим ценный для историка подлинник дневника Б.А.Лазаревского с записями от 13 марта 1925 г. до 31 января 1926 г. с вклеенными в него вырезками из газет, афишами, письмами М.П.Арцыбашева, И.А.Булнина, А.И.Куприна и др. Наблюдения писателя написаны неразборчивым почерком, но содержание текста в полной мере оправдывает расшифровку. Сам Слуцкий обработал в 1968 г. лишь часть дневника, с 18 марта по 31 декабря 1925 г. Работа поэта-историка по-

звояет ознакомиться с письмами Арцыбашева и Куприна Лазаревскому от 1925 г., с записями автора дневника о Бунине и Чехове. В этих документах отражены различные тенденции в противостоянии русской и советской культур.

Интерес к феномену русской эмиграции и «иной России» проявился у Слуцкого достаточно рано. Все началось с 1920-х гг., с бурного послереволюционного Харькова, в то время столицы Украинской республики, крупного промышленного, научного, театрального, литературного центра; с харьковского литературного кружка Дворца пионеров, который посещал будущий поэт. Здесь безмерное увлечение поэзией свело Бориса Слуцкого с Михаилом Кульчицким, сыном Валентина Михайловича – русского гвардейского офицера, автора книг об офицерской и дворянской чести, и их тесная дружба продолжалась до самой гибели Кульчицкого. Приходя в гости к другу, Слуцкий подолгу и с увлечением беседовал с его отцом, бывшим русским офицером. С годами интерес к истории России, истории русской литературы не прошел.

В 1941 г. Слуцкий счел своим долгом пойти на войну добровольцем. В 1944 г. в ходе военных действий он попал на Балканы, где ему удалось ознакомиться с различными документальными свидетельствами о русской эмиграции. В поисках новых поэтических имен Слуцкий просмотрел многолетние подшивки эмигрантских журналов. Так, с его легкой руки, по Москве пошло знаменитое стихотворение Эйслера «...И поскакали кашевары в Булонский лес рубить дрова...». Оттуда же Слуцкий привез и дневник Лазаревского. Во время пребывания на Балканах он мог впервые ознакомиться и с номерами журнала «Воля России».

Как историка, или, вернее, как яркого летописца, Слуцкого характеризуют его «Записки о войне», в которых автор излагает свои размышления о военных событиях, очевидцем которых он был. В одной из глав под названием «Белогвардейцы» Слуцкий с объективной ясностью, что так важно для исторического исследования, отмечает характерные особенности сознания русских эмигрантов в Белграде. Осенью 1945 г. Слуцкий впервые познакомил с «Записками о войне» своих близких друзей. Через некоторое время «Записки», что называ-

ется, зажили своей жизнью. Рукопись Слуцкого стала одним из первых «самиздатов».

Прошло десять лет. В Москву стали возвращаться некоторые эмигранты первой волны. В 1955 г. впервые посетил СССР и В.Б.Сосинский. Он встречался с Б.Л.Пастернаком, А.А.Ахматовой, В.Г.Лидиным и др. 10 мая 1960 г. Сосинский окончательно вернулся на родину.

Владимир Брониславович Сосинский (наст. имя Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат; 1900–1987) принадлежит к третьему поколению безземельных дворян, лютеранин по вероисповеданию. Родился он в Луганске в семье инженера Гартманских заводов. Учился в 1-ом реальном училище Петрограда. После революции Сосинский участвовал в Гражданской войне на стороне белых. В 1920 г. эмигрировал – отплыл на пароходе, в ужасающих условиях вместе со многими другими участниками Белого движения в Константинополь, где остался на некоторое время. В Константинопольском лицее он познакомился с В.Л.Андреевым, сыном писателя Л.Н.Андреева, дружбу с которым сохранил на долгие годы. В Шумине (Болгария) Сосинский закончил русскую гимназию. Потом он переехал в Германию и, наконец, в 1924 г. обосновался в Париже. Сосинский учился на историко-филологических факультетах Софийского и Берлинского университетов и в Парижской Сорбонне. Работать ему приходилось и портовым грузчиком, и шахтером, и землекопом, и слесарем-прокатчиком на автомобильном заводе «Рено», и картографом, и фотографом у П.И.Шумова. В 1926 г. служил в издательстве отделения Торгпредства СССР, 10 лет проработал в типографии (сначала наборщиком и печатником, потом директором).

В Берлине Сосинский вошел в литературную группу «4 + 1» (вместе с А.С.Присмановой и В.Л.Андреевым), в 1924 г. написал большое предисловие «Улыбка на затылке» к сборнику стихотворений берлинских поэтов «Мост на ветру. 4 + 1». А в 1925 г. за рассказ «Алаид», присланный на литературный конкурс еженедельника «Звено», получил первую премию. Сосинский писал рассказы, очерки, повести, воспоминания, рецензии на книги русских эмигрантских и советских авторов. Много печатался в журналах «Воля России», «Благонамеренный», «Числа», «Своими путями», «Вестник». В 1926 г. Сосинский стал сначала коррек-

тором, а затем секретарем журнала «Воля России», о деятельности которого повествует в публикуемых нами письмах.

Он был близким и преданным другом М.И.Цветаевой, жил с ней в одной квартире в Париже в 1925–1926 гг. В 1926 г. познакомился со своей будущей женой Ариадной Викторовной Черновой, дочерью эсера В.М.Чернова. В 1939 г., до начала Второй мировой войны, Сосинский пошел добровольцем во Французскую армию. В сражении при Арденнах был ранен, попал в плен, оказался в концлагере, откуда ему удалось бежать. С ноября 1943 по январь 1945 г. принимал активное участие во французском движении Сопротивления. Сосинский был награжден Военным крестом и еще четырьмя иностранными и двумя советскими орденами, медалью «За боевые заслуги». Указом Президиума Верховного Совета СССР в июне 1946 г. получил советское гражданство. С 1947 по март 1960 г. работал в ООН редактором стенографических отчетов Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и Комитета по разоружению и заведовал Стенографическим отделением ООН – по протекции В.Л.Андреева. Вернувшись в Россию, Сосинский хотел стать советским писателем в полном смысле этого слова. Он писал антиамериканские статьи для «Литературной газеты», писал для журналов «Вокруг света», «Родина», «Военно-исторический журнал» и др.; в 1960 г. работал над книгой воспоминаний. В 1965 г., в соавторстве с В.Л.Андреевым и Л.Я.Прокшей, опубликовал книгу «Герои Олерона».

Именно в эти годы Слуцкий встретился с Сосинским. Трудно сказать, кто был инициатором их знакомства. В одном из писем, также из фонда Слуцкого, Сосинский писал поэту: «В начале нашего знакомства Вы проявили ко мне интерес...».

Без сомнения, писателей объединяли участие во Второй мировой войне, приверженность к литературной деятельности, интерес к истории страны. Оба, и Слуцкий, и Сосинский, абсолютно по-разному воспринимали людей воевавших и тех, кто на фронте не был. Для них этот критерий был одним из важнейших.

Можно сказать, что Слуцкий так же, как и Сосинский, пребывал в эмиграции, только во «внутренней эмиграции», будучи советским поэтом, осознающим ис-

тинное положение вещей. Многие стихи поэта были написаны «в стол».

Государство уверено в том, что оно
До копейки народу долги заплатило [...].
Заплатили, конечно, но не расплатились.
Расплетаться не хочет старинная сеть.
Только петли кой-где прохудились, сместились.

(Ф. 3101. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 89. [1966]–1977 гг.)

Темы Пушкина – мысли Пушкина.
Чувства Пушкина. [...]
В общем, Пушкин жил, как и мы,
Думал он примерно про то же,
Был нормальный, а не святоша,
Точно так же тюрьмы и сумы опасался.
Не хватало ему чего?
Денег, времени, и свободы.

(Ф. 3101. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 162. [1972] г.)

Общение этих неординарных людей отражено в письмах Сосинского, хранящихся в фонде Слуцкого (Ед. хр. 423). Первое письмо от 5 апреля 1965 г. содержит просьбу опубликовать несколько страниц, написанных женой Сосинского, в сборнике «День поэзии 1965 г.». Во втором – от 14 января 1967 г. – Сосинский рассказывает о своей работе над книгой «Битва за Францию», советуется с поэтом о возможности ее публикации и поздравляет с Новым годом. И вот два развернутых письма о «Воле России» – подробнейшее документальное описание самого начала деятельности ежемесячника (Л. 5–15, 28–37). В этих двух письмах не уместилась вся история журнала. Сосинский собирался продолжить свое повествование, о чем он не раз упоминал в последующих письмах от 25 ноября 1973 г. и 27 февраля 1977 г., но по каким-то причинам ему не удалось выполнить свое обещание. Он лишь прислал Слуцкому выписку из статьи М.Слонима «Воля России», опубликованной в сборнике «Русская литература в эмиграции» (Питтсбург, 1972), указав, что это примечания к первому письму о журнале; «Хронику культурной жизни русской эмиграции Франции» (составитель – М.Бейссак) и копии писем М.И.Цветаевой Сосинскому.

Мы публикуем только рассказ Сосинского о журнале «Воля России», изложенный в двух письмах, и примечания к первому письму. Эти письма написаны по просьбе Слуцкого, стремившегося получить как можно больше сведений о жизни русской эмиграции, что было довольно сложно в 70-е годы: «перестройка» тогда еще не началась.

Насколько серьезно поэт относился к поискам источников об эмиграции первой волны видно и из замечания, сделанного Слуцким автору писем по поводу изложения материала (с которым Сосинский согласился).

На наш взгляд, весьма удачный образ поэта-историка Слуцкого нашел Евг. Евтушенко:

Мне хорошо, что свет горит у Слуцкого,
Завален грудой рукописей, книг,
Свои стихи он переводит с русского
На слцкий, крупно рубленный язык.

Письмо первое о зарубежном журнале «Воля России»

[Апрель 1972]

Б.А.Слуцкому – Москва

Дорогой Борис Абрамович!

Я Вам очень благодарен за «Годовую стрелку»¹! Прочтя в этом сборнике первые стихи, я вернулся к началу, чтобы отметить те из них, которые прочту вслух Ариадне Викторовне². И что же из этой моей затеи получилось? Галками покрылись стихи один за другим, и я перестал их отмечать. Может быть, я ошибаюсь, может, я был в тот день в Вашей стихии, в Вашем настроении, или это чувство к Вам у меня складывалось давно – теперь уже можно без преувеличения сказать: годами, но закрывая книгу, (а она у меня закрывается не как у Вас, на «Линии железных дорог», а на «Ленке с Дунькой»³, которых я присоединил к «Годовой стрелке»), я сказал почти вслух: «Это лучшая, самая зрелая книга Слуцкого!». Как Вас за это поблагодарить? И вспомнил давний наказ Ваш: написать воспоминания о «Воле России», секретарем редакции которой мне довелось быть несколько лет (парижских, в Праге я не принимал в ней участия, и этот период ее, – т.е. возникновения ежемесячника, вовсе опускаю; впрочем, до конца своего существования на заглавном его листе всегда значилась «Прага»⁴ – вот почему следует обратить внимание на адрес типографии, если Вы хотите выяснить, где издан номер).

Итак, я, наконец, выполняю свое обещание.

Есть такая улица в Париже – рю де Менильмонтан, родина знаменитого шансонье Мориса Шевалье⁵ и ряда апашей и хулиганов (второе такое место в Париже Вы найдете на плас д'Итали, на Итальянской площади, как в дооктябрьской Москве славились Марьино роща и Измайловский парк); Вы и сегодня можете по этой улице разыскать дом № 32, войти в узкий проход, который приведет в длинный двор, где помещается Сосьете нувель д'Импримери э д'Эдитьон* (в середине двадцатых годов, когда печатание «Воли России» было перенесено из Праги в Париж, для чего была создана специальная типография, название у нее было другим: Импримери Франко-Слав**).

Если Вы будете идти по этому длинному двору, пройдя узкий коридор с улицы Менильмонтан, то обратите внимание на первую дверь слева: здесь была брошюровочная, оснащенная резальными машинами, различными прессами (в том числе и прессом для оттисков чуть ли не времен Гутенберга), огромными столами, и здесь же был склад бумаги. Следующая дверь налево вводила в большое ателье со стеклянной крышей: это, собственно, и была типография: два линотипа, кассы с ручным набором, большая печатная машина, которая сразу могла печатать 16 стр. «Воли России», и две-три небольших печатных машины размером [с] обложки этого журнала, и были поменьше – для визитных карточек: Франко-славянская типография не отказывалась и от заказов с улицы на любые типографские работы. Последняя дверь налево в этом дворе принадлежала конторе и редакции «Воли России» из двух комнат. Напротив конторы жил полицейский, который по субботам возвращался в штатском с очередной пьянки и под визг семилетнего мальчугана жестоко избивал свою жену. Мне не раз приходилось спасать ее вместе с мальчиком от побоев в нашей конторе, за что каждый понедельник смущенный «ажан» приходил к нам извиняться и благодарить. Как видите, жизнь с соседями-французами у «вольроссцев» была вполне мирной.

Этот путь по двору, только что описанный мною, хорошо знали многие парижане – русские и французы: в дни

* Societe Nouvelle d'Imprimerie d'Edition (SNIE), 32, rue Menilmontant, Paris XX. (Здесь и далее прим. В.В.Сосинского.)

** Imprimeri Franco-Slave.

Народного фронта⁶ здесь часто бывали, особенно в ночные часы, Луи Арагон⁷ и Поль Вайян-Кутюрье⁸; Пьер Навиль, шеф IV Интернационала⁹; Сергей Лифарь¹⁰, А.Куприн, М.Цветаева, Е.Замятин¹¹ («Воля России» впервые опубликовала его роман «Мы»¹² и отдельной книгой «Бич Божий» (Аттила)¹³, Б.Поплавский¹⁴, Ник.Оцуп¹⁵, Георгий Иванов, И.Одоевцева, Н.Берберова, худ[ожники] Сутин¹⁶, Терешкович¹⁷, Манэ-Катц¹⁸ (мы печатали альманах «Числа»¹⁹, кстати, обложка его моей работы) и вообще очень много профсоюзных, политических, музыкальных, театральных деятелей России и Франции.

«Голос минувшего на чужой стороне»*

В описываемое время периодические издания на русском языке в Париже можно было бы расположить в виде политического веера в таком виде. Правое крыло состояло исключительно из монархистов разных оттенков: приверженцы «императора Кирилла»²¹; окружение Кутепова²²; «Союз галлиполийцев»²³; просто военные специалисты, издававшие три журнала: «Часовой»²⁴, «Артиллерийский журнал»²⁵ и «Вестник Офицерского союза»²⁶; и самая большая сила монархистов группировалась вокруг ежедневной газеты «Возрождение»²⁷, основанной Петром Струве²⁸, но вскоре позорно изгнанным из нее промышленником Гукасовым²⁹, известным своей борьбой с Москвой за 5% отчисления в пользу б[ывших] собственников нефтяных приисков. Это же самое «Возрождение» Гукасова предоставляло свои страницы деятелям «Национального центра» во главе с Карташевым³⁰ и «Общевойскаго союза», который возглавлялся сначала бар. Врангелем³¹, потом вел. князем Николаем Николаевичем³², и, наконец, ген. Кутеповым, и, после его похищения, ген. Миллером³³. Влево от «Возрождения» стояло «Общее дело» — Вл.Бурцева³⁴, а еще левее: «Последние новости»³⁵ под ред[акцией] П.Н.Милюкова³⁶ — самая крупная газета в русской эмиграции, жившая не на субсидии иностранцев, а на все расширявшемся круге постоянных подписчиков, на бойкой продаже в киосках, на коммерческой рекламе; издавалась она в традициях дооктябрьской «Речи»³⁷ и по

* Два журнала «Голос минувшего» и «На чужой стороне» из-за денежных затруднений объединились в один и назвали себя именем, которое я здесь беру девизом всей эмигрантской прессы в целом²⁰.

типу больших европейских газет, считалась «кадетской» (Республиканско-демократическое объединение – РДО), но читали ее все: от белых офицеров до с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Это примерно середина «политического веера», с которого я начал перечисление зарубежных русских изданий 1925–1935 гг. – самое живое десятилетие культурной жизни русских³⁸, если не считать короткий период *берлинской* «бури и натиска» (М.Горький, А.Толстой, И.Эренбург, А.Белый, Б.Пастернак, М.Цветаева, А.Ремизов, В.Ходасевич, В.Лидин и мн. др.)³⁹.

Налево от ежедневной газеты Милюкова можно поставить толстый журнал «Современные записки»⁴⁰ под ред[акцией] правых эсеров Н.Д.Авксентьева⁴¹, И.И.Бунакова-Фондаминского⁴², М.В.Вишняка⁴³ и В.В.Руднева⁴⁴. А рядом с ними: ежедневная газета «Дни»⁴⁵ под ред[акцией] А.Ф.Керенского⁴⁶ – отсюда начиная завоевывает свои права *новая орфография*. Самое левое крыло занимают «Революционная Россия»⁴⁷ В.Чернова⁴⁸ и ежемесячник «Воля России»⁴⁹. Издавался еще в Париже в те годы журнал анархистов под ред[акцией]... батъки Н.Махно⁵⁰ и Аршинова⁵¹; первый сборник «Чисел», который из кожи лез, чтоб походить на классический «Аполлон»⁵², вышел только в 1930 г.; были еще «Крестьянское слово»⁵³ и «Борьба»⁵⁴ (издававшаяся Г.Беседовским, б[ывшим] советским дипломатом, бежавшим из местного полпредства)⁵⁵. Но эти издания вне нашего веера.

На обложке желтоватого оттенка буквы *коричневого цвета* были такими, конечно, по новой орфографии: ВОЛЯ РОССИИ. Журнал политики и культуры под редакцией В.И.Лебедева⁵⁶, М.Л.Слонима⁵⁷, Е.А.Сталинского⁵⁸ и В.В.Сухомлина⁵⁹. Прага. Из этой четверки⁶⁰ самым значительным как личность и публицист был Василий Васильевич Сухомлин, сын известного политкаторжанина Василия Ивановича*, родившийся в то время, как его отец

* В.И.Сухомлин, пострадавший и в наше время из-за того, что отказался принять в О[бщество] политкаторжан И.В.Сталина, был членом Исполнит[ельного] к[омитета] «Народной воли». Его сын, о котором идет речь, был представителем, как и В.М.Чернов и Л.Мартов, февральской России во 2-м Интернационале (Социалистическом рабочем, в 1921–1923 гг. носившем название Двух-с-половинного Интернационала). Любопытно, как кие видные социалисты входили в этот Интернационал: Жан Жорес (до 1914 г.), Э.Вандервельде, Ф.Адлер, Ж.Лонге, А.Тома, К.Каутский, Л.Блюм, Р.Макдональд и др.⁶⁰

был в казематах Трубецкого бастиона по «делу 21-го», и проведший свое детство на... карийской каторге и в Чите. Последние годы В.В. прожил в Москве и был здесь постоянным представителем французской газеты «Либерасьон»: упоминанием об этом представителе кончается книга А.Солженицына «В круге первом». Мне думается, дорогой Борис Абрамович, что Вы лично его хорошо знали⁶¹. О других трех редакторах «Воли России» я расскажу... по ходу действия моей «повести о журнале «Воля России» и о Франко-славянской типографии».

«Воля России» стала печататься в Париже с 1926 г. Но еще в 1925 г. стала организовываться на Рю Менильмонтан Франко-славянская типография под руководством Леонида Росселя⁶², эсера, давно покинувшего Россию и сражавшегося в особом батальоне иностранцев, входившем во Французскую армию во время первой мировой войны. На какие же средства строилась эта типография? Я только что Вам говорил, что «Последние новости» окупались целиком и ни в каких субсидиях не нуждались. Но такое издание в русской эмиграции послеоктябрьского периода было *единственным*, поэтому того же о «Воле России» сказать — увы — нельзя. Деньги к «вольроссцам» шли из двух источников.

Когда в Болгарии в мае 1920 г. пришел к власти А.Стамболийский⁶³, получивший на выборах сокрушительное большинство и пытавшийся осуществить утопическую идею установления в стране самостоятельной крестьянской власти, в качестве своего главного консультанта по аграрному вопросу он пригласил видного эсера Владимира Ивановича Лебедева, недавно входившего во Временное правительство в качестве управляющего Военным министерством. Вот тут впервые зарубежные эсеры стали получать субсидии из Болгарии. Так шло до июня 1923 г., когда в Болгарии был совершен фашистский переворот и сам Стамболийский был убит. В эти дни я жил в Софии и в первый раз узнал о существовании Лебедева с большой афиши, расклеенной по всем заборам города. На ней была фотография, изображавшая Стамболийского в объятиях с Лебедевым в обществе нескольких дам... в купальных костюмах на берегу Черного моря, кажется, на Бургасском пляже. Это было сделано людьми, пришедшими к власти, чтоб скомпрометировать свергнутую власть, обвинив ее в... разврате.

Во второй раз в моей жизни появилось имя В.И.Лебедева в 1926 г. У меня сохранилась такая открытка с французской маркой «23.III.1926. Уважаемый В.Б.! Я хотел бы поговорить с Вами относительно Вашей "Ita vita"⁶⁴. Не могли бы Вы приехать ко мне в четверг, часам к 8 вечера, захватив с собою также портфель Ваших ненапечатанных вещей. С приветом уважающий Вас Вл.Лебедев». Речь шла о моей повести из гражданской войны «Ита вита» (Такова жизнь). Есть у меня еще несколько «карт пневматик» от него на ту же тему: «Я приехал в Париж и хотел бы знать, есть ли у Вас что-нибудь, что могло бы пойти в "Воле России"». Дело в том, что за всю свою долгую жизнь, Борис Абрамович, я был в моде лишь однажды и удержался в «ней» ненадолго: 1925 и 1926 годы – это, конечно, относится к классическому. «Приятно вспомнить!» «Милюковские» «Последние новости» организовывали литературный конкурс, где голосовали читатели: мне была присуждена премия в 500 фр. (тогда это были большие деньги!) за лучший рассказ под назв[анием] «Алайд». Отсюда и пошел мой коротенький «Штурм унд Дранг»: для того, чтоб получить рассказик мой для журнала «Благонамеренный»⁶⁵ кн. Д.Шаховской (ныне архиепископ Иоанн Сан-Францисский) написал мне целых шесть трогательных писем: «Позвольте одному из голосовавших за Ваш рассказ...».

Вот каким образом я попал в «Волю России», сначала в качестве корректора, а вскоре стал секретарем редакции и директором типографии.

Вторым источником денег для печатания «Воли России» и организации новой в Париже типографии была Прага. Тоже любопытная и мало кому известная история. В 1918 г. в Самаре образовался с помощью белочехов КОМУЧ (Комитет членов Учредительного собрания), т[ак] н[азываемая] «Самарская учредилка», у которой была своя Народная армия. Так вот в один из боев с Красной Армией эта армия захватила поезд, в котором находилась большая часть золотого запаса царской России. КОМУЧ передал это золото «на хранение» чехам (Чехословацкому корпусу), которые и довели его до своей родины⁶⁶. Вот почему Масарик⁶⁷, президент Чехословацкой Республики с 1918 по 1934 гг., считал своим долгом не только учредить несколько тысяч студенческих стипендий для эмигрантской молодежи из России, но и субсидировать эсеровские

издания⁶⁸, особенно такие, как «Воля России» и «Революционная Россия».

Я хорошо помню, когда уже была создана Франко-славянская типография, наняты рабочие и стали выполняться заказы, в частности, даже одна ежедневная газета, первый директор ее Л.Россель в критические моменты, когда подходили сроки векселей Общест[ва] линотипов или фабрикантов бумаги, посылал трагические телеграммы именно в Прагу, и чаще всего в последнюю минуту деньги привозил все тот же В.И.Лебедев, который в свое время принимал участие в захвате золотого запаса около Самары.

На днях мне попался старый номер «Нового журнала» (№ 88 за 1967 г.), издающегося в Нью-Йорке⁶⁹. На заглавном листе этого номера я прочел такое сообщение: «От редакции». Отмечая в этом году 25-летний юбилей «Нового журнала», редакция не может не выразить свою большую благодарность давнему другу журнала Израилю Григорьевичу Раузену, под техническим руководством которого «Новый журнал» выходил все эти годы, сначала в типографии братьев Раузен [...] вместе с покойным Лазарем Григорьевичем, а потом у Н.О.Bullard, где Израиль Григорьевич состоит директором иностранного отдела – Rausen Language Division.

Старшим мастером (по-французски: контримэтр) на рю Менильмонтан со дня основания типографии в Париже в 1925 г. был старший из братьев Раузенов – Лазарь Григорьевич, эсер, бывший еще в царской России наборщиком в подпольной типографии. Его брат Израиль был линотипистом (но он им работал не только в нашей типографии). Постоянным линотипистом был Юдковский, погибший в начале сороковых годов в немецком лагере смерти. Третий линотипист Чапник (в настоящее время единоличный хозяин этой типографии, в которой печатается русская прогрессивная газета «Русские новости»⁷⁰) набирал по-французски и по-польски. В разное время работали линотипистами у нас, чаще всего по ночам: В.Л.Андреев⁷¹ и Д.Г.Резников (напоминаю Вам, дорогой Борис Абрамович, что Андреев, Резников и я, три закадычных друга и школьных товарища, женились на трех сестрах Черновых; Даниил Георгиевич, в свое время получивший премию «Последних новостей» за лучшее стихотворение, как я за рассказ, и на этом поставивший точку на своей литературной карьере, мы его звали «поэтом одного стихотворения» – умер 10 июля 1970 г. на посту директора типографии субтитров для советских, англий-

ских, американских и итальянских фильмов. Оттиски с набора и всю черную работу в типографии выполнял общий любимец и герой всех шуток старик Орловский, тоже погибший у немцев. Если ко всем перечисленным именам прибавить двух печатников, чьи имена я забыл, несколько сменявшихся довольно часто учеников ручного набора, а также наших брошюровщиков Лейбовичей (отца с двумя взрослыми сыновьями) – то производственные кадры Франко-славянской типографии этим полностью исчерпываются.

Я попал на мою новую службу – после работы на автомобильном заводе Рено, кукольной фабрике, где я рисовал глаза и губы куколкам, и еще где-то в промежутке между Сорбонной и картографическим отделом из-за Hachette в ателье знаменитого в то время в Париже фотопортретиста П.И.Шумова⁷² – когда Франко-славянская типография была на полном ходу и для очередного номера журнала «Воля России» на новых линотипах набиралась моя повесть «Такова жизнь» (№ 4 за 1926 г.). Вот с этой даты и следует читать мое десятилетнее пребывание в «Воле России». Только что перечисленные мною имена типографских моих коллег Вы встретите не раз в моем дальнейшем рассказе. Расскажу я и о двух других редакторах журнала: Марке Львовиче Слониме и Евсее Александровиче Сталинском. Первого в своих письмах к нам Марина Цветаева называла: дорогим или «дорогим» (в кавычках), но всегда со строчной, а второго: «Невинным» (с большой буквы)⁷³ – для полноты их характеристик я прибегну к некоторым еще не изданным письмам Марины Ивановны, которые хранятся в ЦГАЛИ. Но с этого уже начнется мое второе письмо, и я сейчас еще не знаю, не напишу ли я Вам и третье.

Эти странички являются черновиком, потому что я не могу писать писем иначе: многие факты, конечно, корявы и требуют редактирования.

Любящий Вас и готовый к услугам Влад.Сосинский.

Примечания к первому письму о «Воле России»

Из статьи Марка Слонима «Воля России» в сборнике «Русская Литература в Эмиграции» под ред[акцией] Н.П.Полторацкого, Питтсбургский университет, 1972, С. 291:

«После закрытия в конце 1921 г. ежедневной газеты «Воля России», издававшейся в Праге членами эсеровской партии В.М.Зензиновым⁷⁴, В.И.Лебедевым и О.С.Мино-

ром⁷⁵, при ближайшем участии А.Ф.Керенского (пишущий эти строки был секретарем редакции), произошло некое “разделение наследства”. В Париже продолжалось издание “Современных записок”, затем превратившихся в трехмесячник под фактической редакцией эсеров т[ак] н[азываемого] правого крыла В.Руднева, М.Вишняка и А.Гуковско-го (после его смерти в 1925 г. в редакцию вступили, но в ней почти не работали, Н.Авксентьев и И.Бунаков-Фонда-минский)...

...Эсеры, группировавшиеся вокруг Керенского, сперва утвердились в берлинском ежедневном “Голосе России”, а затем в газете “Дни”, которая вскоре была переведена в Париж. В.Лебедев, М.Слоним и В.Сухомлин (к ним впоследствии присоединился Е.А.Сталинский) остались в Праге и начали издавать с 1922 года еженедельник “Воля России”. Он затем превратился в двухнедельник, а с 1924 г. в ежемесячник.

Как и все эмигрантские начинания в Чехословакии – от стипендий студентам и писателям, до издательства “Пламя”⁷⁶, от Земгора до санатория, от просветительных до профессиональных учреждений и научных обществ, “Воля России” получала определенные суммы по утвержденному правительством бюджету т[ак] н[азываемой] “русской акции”. Эта финансовая поддержка с каждым годом сокращалась, но она – вместе с поступлениями от подписчиков и продажи – обеспечивала скромную смету журнала. Предвидя, что рано или поздно “русская акция” придет к концу, редакция в 1927 г. решила перенести печатание “Воли России” в Париж и даже приобрела типографию, названную Франко-Славянской. Однако надежды, что доход от типографии сделает возможным дальнейший выпуск журнала, не осуществились, и в 1932 г. выпуск журнала прекратился, а типография была передана кооперативу ее работников во главе с Л.Г.Раузенем».

Второе письмо о «Воле России»

Москва, 25 октября 1972 г.

Б.А.Слущкому – Москва

Дорогой Борис Абрамович!

Незаметно и к ужасу моему прошло целых полгода с моего первого письма о зарубежном журнале «Воля Рос-сии». Не только летние каникулы и бегство от московской

жары помешали моей работе, но и еще одно весьма важное обстоятельство. Помните: при получении моих первых десяти страничек Вы позвонили мне и рекомендовали изучить книгу Веры Степановны *Нечаевой* «Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских “Время” (1861–1863)», только что тогда вышедшую в свет*. Я считаю это исследование в высшей степени интересным и во многом пойду в дальнейшем путем этого выдающегося историка и литературоведа: буду руководствоваться и такими принципами, которые можно формулировать, взяв названия глав из этой книги, как, например, «Журнальная полемика во “Времени”», «Русская история в журнале “Время”», «Литературная критика во “Времени”», «Художественная литература во “Времени”» и т.д. Я Вам, дорогой Борис Абрамович, очень благодарен за добрый совет. Пусть мы и задержались, но зато работа моя в целом будет серьезнее.

После длительного изучения книги В.С.Нечаевой я пришел к выводу, что если уж следовать Вашему и Веры Степановны указанию, первым делом надо будет мне просмотреть комплект журнала «Воля России» за все годы его существования, как это сделала В.С.Нечаева с журналом «Время» за 1861–1863 годы. «Литературное наследство» в лице Ильи Самойловича Зильберштейна⁷⁷ дало мне письмо, адресованное в спецхран Библиотеки им. Ленина, с просьбой предоставить ее постоянному сотруднику материалы, как сказано в письме, «для мемуарных свидетельств о русских писателях начала XX столетия».

Вот чем и объясняется такой большой перерыв между моим первым и вторым из писем, посвященных «Воле России»: несмотря на то, что я как будто наизусть должен знать содержание издания, которое не только редактировал, но и для которого, большей частью среди литературной молодой братии Парижа (Прагой занимался Слоним), – я говорю «большой частью» молодой, потому что на меня была возложена обязанность вести дела с некоторыми писателями и более старшего поколения, как А.М.Ремизов, Евг.Замятин и Марина Цветаева. Кстати вспомнилось, как мой школьный товарищ Гайто Газданов,⁷⁸ литературным крестным отцом которого мне повезло стать в феврале 1927 г., перед этим обра-

* Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М.Горького. Издательство «Наука». Москва, 1972. – 320 стр.

тился к одному из редакторов другого толстого журнала «Современные записки» В.В.Рудневу, предлагая свою рукопись чудесной «Повести о трех неудачах» (ведь фактически в то время самыми талантливыми молодыми прозаиками в эмиграции были он и Вл.Сирин, в будущем всемирно известный Вл.Набоков)⁷⁹, и тот ответил Газданову текстуально: «Из молодых мы печатаем только... Марка Алданова»⁸⁰, которому тогда было лет 40⁸¹. Так вот, несмотря на то, что я как будто бы все должен был знать наизусть, пришлось еще потратить месяца два в Ленинке, чтоб ознакомиться с... «Волей России». После чего я убедился, что я не уложусь, как предполагал раньше, в два-три письма Вам и что придется растянуть свои воспоминания на значительно большее количество страниц, чем 30–40. И что мой рассказ пойдет дальше не в том порядке, который я обещал Вам в конце первого письма: во всяком случае, не с Марины Цветаевой и ее взаимоотношений с редакторами журналов.

Совершенно не коснусь того времени, когда в Праге появились первые номера газеты «ВОЛЯ РОССИИ», вскоре перешедшие на еженедельник, потому что этой «Воли России» я не знал и никогда не видел, знаю только, что все это начиналось в 1921 г. Еженедельник же «Воля России», номер первый под редакцией В.И.Лебедева, М.Л.Слонима и В.В.Сухомлина (Е.А.Сталинский вошел в редакцию значительно позже – в апреле 1924 г.) и при ближайшем участии Виктора Чернова, Н.Русанова⁸², В.Зензинова, А.Петрищева⁸³ и др. появился в свет 9 января 1922 года. Издателем значился Е.Е.Лазарев⁸⁴, б[ывший] народоволец, мальчиком был крепостным. Исполнено «Славянским издательством» в типографии «Грюнхут», Прага-Смихов, Пжемыслова, 16, ответ[ственный] ред[актор] И.Давид. Самым интересным в 28 номерах еженедельника можно отметить прекрасные воспоминания Н.Русанова о В.Г.Короленко⁸⁵, серию публицистических статей В.М.Чернова под общим заголовком «Параллели и контрасты»⁸⁶, первые стихи в эмиграции Марины Цветаевой* и первая рецензия о ее

* Первые стихи эмиграции с ведома Марины Ивановны, поскольку до этого, примерно за год, в «Современных записках», 7-ой книге за 1921 г. К.Бальмонт напечатал «Тебе – через сто лет» и др. московские стихи, «не зная, как он говорит, где сейчас МЦ и жива ли она».

сборнике стихов «Разлука», вышедшем тогда в берлинском издательстве «Геликон». О стихах М.Цветаевой было сказано в «Воле России», что они «весьма туманные и очень трудные»⁸⁷. Любопытен материал об убийстве В.Д.Набокова⁸⁸ и гибели Николая Гумилева, из переводов – блестящий – эссе Томаса Манна «Гете и Толстой» – впервые на русском языке⁸⁹.

15 сентября 1922 года у «Воли России» появилась твердая обложка, новый подзаголовок «Журнал политики и культуры», размером он стал в наш «Огонек» и с 29-го номера стал выходить два раза в месяц. Появление этого номера в Праге совпало с появлением в Париже одиннадцатой книги «Современных записок». Текст печатался уже без букв «Ъ» и «Яти» и вскоре перешел *полностью* на новую, московскую орфографию. «Современные записки», как и многие другие издания в эмиграции, продолжали до последних своих номеров придерживаться старой, царских времен, орфографии: я в 1972 году все еще получаю из Парижа и Нью-Йорка письма с таким правописанием! Совершенным анекдотом звучит коротенькое, из одной фразы состоящее предисловие И.Бунина к «Темным аллеям», вышедшим в Нью-Йорке уже после победы Советского Союза над фашизмом: «Прошу считать эту книгу, напечатанной по старой орфографии», поскольку давно уже во всех типографиях мира линотипные матрицы русских старых букв были сданы на переплавку.

Два раза в месяц «Воля России» стала выходить с конца 1922 г. по конец 1924-го, правда, с некоторыми перебоями, когда редакция, пользуясь тем, что бывали один-два дополнительных печатных листа, называла выпуск двойным, особенно в летнее время⁹⁰ (кстати, и сегодня многие ежемесячники по литературе и искусству в США в год дают не 12 номеров, а десять). Формат «Воли России» с этого времени стал обычным для ежемесячников: 17х25. За эти два года и три с половиной месяца вышло 46 номеров, пока с января 1925 г. журнал не стал *ежемесячником* с аккуратными датами выхода. Период с 1922 по 1925 характерен для «Воли России» тем, что этот журнал был единственным на русском языке, где печатались крупнейшие социалисты Западной Европы, но, к сожалению, с широковещательной рекламой, что их статьи написаны на русские темы «специально для «Воли Рос-

сии"» или взяты из других журналов с «разрешения автора» с тем, чтоб показать близость эсеровской редакции ко всем этим почтенным авторам. Вот некоторые из этих имен: Э.Вандервельде, К.Каутский, Р.Макдональд, Т.Масарик, Э.Бернштейн⁹¹, П.Ренодель⁹², Ф.Турати⁹³, П.Бонкур⁹⁴, Отто Бауэр⁹⁵, Фридрих Адлер, Андре Пьер⁹⁶, Поль Фор⁹⁷, Сидней Вебб⁹⁸, Э.Бенеш⁹⁹ и др. Удавалось же у них раздобывать свежий материал В.Чернову и В.Сухомлину¹⁰⁰, которые после Гамбурга, где были объединены Венский¹⁰¹ и Лондонский интернационалы и восстановлен единый II Интернационал¹⁰², представляли там... февральскую Россию. С годами все эти авторы исчезли со страниц «Воли России», дольше всех продержались итальянцы, как Турати или Модильяни¹⁰³, к тому времени сами оказавшиеся в эмиграции, как и болгарские министры, соратники Стамболийского – Коста Тодоров¹⁰⁴ и А.Оббов¹⁰⁵. Любопытно, что все рекламные «шапо» к их выступлениям в журнале были написаны рукою В.И.Лебедева, и к этому обстоятельству я еще вернусь, когда буду рассказывать о самом за все годы сенсационном эпизоде из жизни «Воли России».

Что касается художественной литературы в разбираемый период времени (1922–1924 гг.) – между прочим, в мае 1923 г. «Воля России» перешла в другую типографию: «Легиография», Револючни, 6, Прага II – то уже с самого начала в издании наметились две основных тенденции, на которых оно и поддерживалось много лет до конца своего существования. Об одной из двух тенденций впоследствии один из лучших в эмиграции литературоведов, чьи книги «История русской литературы» и «Современная русская литература» до сих пор переиздаются в Англии и США и служат уже 50 лет учебным пособием во всех университетах англосаксонского мира, Д.П.Святополк-Мирский¹⁰⁶, вернувшийся на родину еще в 1932 г., подводя некоторые итоги в сравнительной деятельности двух главных ежемесячников в зарубежной России «Современных записок» и «Воли России» и отдавая предпочтение второму, высказался так: «"Воля России" совершила воистину подвиг перед русской литературой, предоставляя постоянное и широкое место в прозе – Ремизову, а в поэзии – Цветаевой». Здесь будет весьма кстати привести ответ Марины Цветаевой в анкете пражского журнала «Своими путями»¹⁰⁷ 1925 года на вопрос,

кого она считает в эмиграции самым значительным писателем: «Здесь, за границами державы Российской, не только самым живым из русских писателей, но и живой сокровищницей русской души и речи считаю – за явностью и договаривать стыдно – Алексея Михайловича Ремизова, без которого, за исключением Бориса Пастернака, не обошелся ни один из современных молодых русских прозаиков. Ремизову я, будь я какой угодно властью российской, немедленно присудила бы звание русского народного писателя, как уже дано (в 1921 г.) звание русской народной актрисы – Ермоловой¹⁰⁸. Для сохранения России, в вечном ее смысле, им сделано более, чем всеми политиками вместе. Равен труду Ремизова только подвиг солдата на посту»¹⁰⁹.

За два первых года, когда «Воля России» выходила дважды в месяц, в ней появились роман Алексея Ремизова «С огненной пастью», шесть «Русских повестей», по стилю изложения приближающиеся к сказу, и два отдельных рассказа: «Цепь золотая» и «Ростань» (из временника 17-го года). Что касается Марины Цветаевой, кроме уже упомянутых мною «первых стихов в эмиграции», за это же время в «Воле России» появились две ее пьесы в стихах о Казанове: «Феникс» (в трех картинах) и «Приключение» (в пяти), о которых много лет спустя так хорошо сказал Борис Пастернак: «Кроме немного известного, она написала большое количество неизвестных у нас вещей, огромные, бурные произведения, одни в стиле русских народных сказок, другие на мотивы и общеизвестных исторических преданий и мифов. Их опубликование будет большим торжеством и открытием для родной поэзии и сразу *в один прием* обогатит ее этим *запоздалым и единовременным даром*. [...] Кроме «Приключения» и «Феникса» еще до знаменитого «Крысолова» (1925 в семи номерах!) были в «Воле России» опубликованы следующие поэмы и циклы стихотворений Марины Цветаевой: «Заводские стихи», «Поэмы заставы», «Полотерская» и из книги «Земные приметы». И такое щедрое предоставление своих страниц Цветаевой происходило одновременно в «Воле России» с печатанием таких откликов на один из лучших ее сборников «Ремесло»: «...Впечатление довольно смутное, и, пожалуй, немного найдется читателей, которые терпеливо прочтут все 150 страниц! Нет живых картин, нет ярких образов...»¹¹⁰ Рецензия на «Ремесло»

подписана известным искусствоведом, шахматистом и литературоведом – Евг.Зноско-Боровским¹¹¹. Он же бранил и Б.Пастернака: «Несомненный хаос, в котором разобраться довольно нелегко»... скорее всего он не «разовьет свое дарованье»... а «утонет в пряной угловатости своего стихосложения».

Кроме подвига перед русской литературой, о котором говорил Святополк-Мирский, мы должны быть благодарны «Воле России» еще и за то, что это был единственный в эмиграции журнал, который чуть ли не половину своего объема отдал молодым писателям зарубежья. Об этом стоит поговорить отдельно, и я вернусь к этой теме, очень мне лично дорогой, поскольку я сам принадлежал к этим «молодым», когда дело дойдет до следующего периода существования журнала: 1925–1928 годы.

Кстати, раз я заговорил о периодах существования «Воли России». У меня их три: предполагается еще период с 1929 по 1932 г., когда журнал прекратился. Может быть, было бы более целесообразно будущему историку периодической печати «Зарубежной России», как любили называть себя эмигранты, разбить издание «Воли России» («единственного за рубежом ежемесячного журнала политики и культуры» – так именовались мы в объявлениях об открытии подписки на новый год, потому что наш главный конкурент «Современные записки» выходили от 3 до 5 номеров за год, и «ежемесячными» их назвать нельзя было) не на три периода, а на два: пражский и парижский, хотя для непосвященных «Воля России» до конца своего существования оставалась «пражским» журналом, потому что на обложке «Париж» ни разу не появился. Если от понятия «место» перейти к понятию «время», то получится так: пражский период длился от января 1922 г. до июня 1926 г., а в июле 1926 «Воля России» переехала из пражской типографии «Легиография» в парижскую известного в те времена типографа Ореста Зелюка¹¹², носившую забавное заглавие: «Художественная типография Вольтера»*. Впрочем, это было временное убежище «Воли России» в Париже: на то время, пока не закончится оборудование новой в эмиграции русской типографии, принадлежавшей редакции эсеровского журнала и носившей весьма длинное название: «Типография нового общества

* Imprimerie d'Art Voltaire, 4, Passage Alexandrine, Paris.

франко-славянских изданий»*. Именно с этой типографии, если Вы помните, я начал свой рассказ о «Воле России» в первом письме и не раз еще вернусь в нее в последующих письмах.

В исторических и литературоведческих трудах весьма слабо отражена удивительная для русского издательского дела эпоха: Берлин 1920–1924. Как известно, после лондонской типографии А.И.Герцена самое крупное издательство на русском языке возникло в Берлине, а именно: И.П.Ладыжникова¹¹³. Это оно издало в 1900 г. «Воскресенье» Толстого без 500 цензурных искажений и пропусков¹¹⁴ (вместе с изданием В.Г.Черткова¹¹⁵ в Лондоне¹¹⁶), «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне» в 1909 г. и многие другие запрещенные или уничтоженные царской цензурой книги. Но это не идет в сравнение с бурными годами издательского расцвета в Берлине после Октябрьской революции. «Счастливый случай» – катастрофическое падение послевоенной немецкой марки, вскоре исчислявшейся в миллиардах и биллионах – позволил самому крупному после Сытина¹¹⁷ и Маркса¹¹⁸ русскому издателю Зиновию Исаевичу Гржебину¹¹⁹ выпустить в свет сотни книг по художественной литературе и почти по всем научным дисциплинам! За Гржебиным потянулись десятки предприимчивых печатников: «Геликон» (А.Вишняк^{**})¹²⁰, «Петрополис»¹²¹, «Аргонавты», «Скифы»¹²², «Слово»¹²³, «Мысль»¹²⁴, «Медный всадник», «Эпоха»¹²⁵, – словом, когда альманах «Благонамеренный» Д.А.Шаховского^{***} решил украсить свои два номера в виде концовок издательскими марками зарубежных печатников, то их оказалось не менее полусотни! На обложках большинства из этих книг гордо значилось: «Берлин–Петербург–Москва». Но стоило лишь немецкой марке *окрепнуть*, и все эти издательства лопнули, как мыльные пузыри, одно за другим: дольше всех продержались А.Вишняк («Геликон») и «Петрополис».

* Imprimerie de la Société Nouvelle d'éditions Franco-Slaves, 32, rue de Menilmontan, Paris.

** Это имя не следует путать с Марком Вишняком, генеральным секретарем Учредительного Собрания и одним из редакторов «Совр[еменных] записок».

*** Ныне Д.А.Шаховской – Иоанн Сан-Францисский, а его сестра З.А.Шаховская – редактор антисоветской газеты в Париже «Русская мысль».

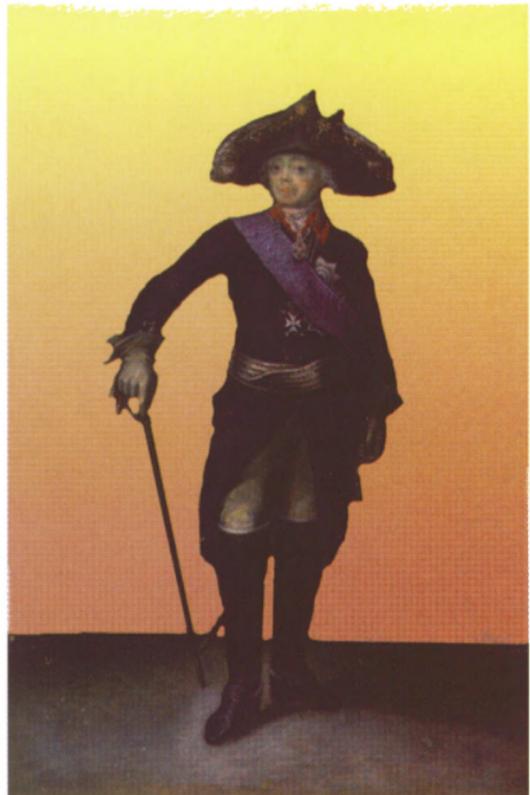
Виктор Шкловский в одной из своих лучших книг «Зоо, или Письма не о любви» («Геликон», Берлин, 1923) отозвался о бурной деятельности З.И.Гржебина, может быть, и слишком рискованно, но абсолютно точно: этот человек заболел в Берлине... бешенством матки! Болезнь оказалась заразительной: берлинская эпидемия от издателей перенеслась на поэтов, прозаиков, литературоведов и особенно на мемуаристов. Я лично тоже был вовлечен в этот «Штурм унд Дранг» («Буря и натиск») — сочинил большое предисловие под влиянием Шкловского к сборнику стихов берлинских поэтов под авангардным заглавием «Улыбка на затылке». Сам же сборник назывался «4+1», причем никто не мог понять кто «4», а кто «1». Настолько в тогдашних изданиях царила путаница можно судить по первому отзыву о моей «Улыбке» в газете Керенского «Дни». Заметка начиналась со стихотворной цитаты «талантливого пролетарского писателя» Герасимова, а потом шла такая фраза: «Другой тоже “талантливый” и тоже “*пролетарский*” писатель Сосинский пишет прозой статью с многозначительным заглавием “Улыбка на затылке” (следует цитата)... У одного фонарем качается голова, у другого перекрученная голова и улыбка на затылке! Однако, *до чего доводит “пролетарских талантливых писателей” самогон и коммунистический режим!*» («Дни» в номере от 19 апреля 1925 г.)

Десятки новых периодических изданий, которые имели привычку расти, как грибы, и сгнивать на 2-ом или максимум 3-ьем номере, зазывали к себе обезумевших поэтов, прозаиков, литературоведов и мемуаристов, совершенно не интересуясь их политической окраской, их недавним участием на той или другой стороне в гражданской войне и зачастую не зная, где автор: в Москве, Берлине, Петербурге, Париже или Праге, лишь бы держать в руках еще нигде неопубликованную рукопись — любую! Из этих изданий самыми крепкими и способными к многолетнему существованию оказались: из ежедневных газет — «Последние новости» Милюкова и «Возрождение» нефтяника Гукасова, из еженедельников — «Иллюстрированная Россия»¹²⁶, а из ежемесячников — «Современные записки» и «Воля России» (любопытно, что редакция обоих журналов состояла из эсеров!).

Вот почему за описываемый период времени на страницах «Воли России» появлялись то Виктор Шкловский

А.А.Баратынский.
Портрет работы не-
известного художника.
1797-1798 гг.

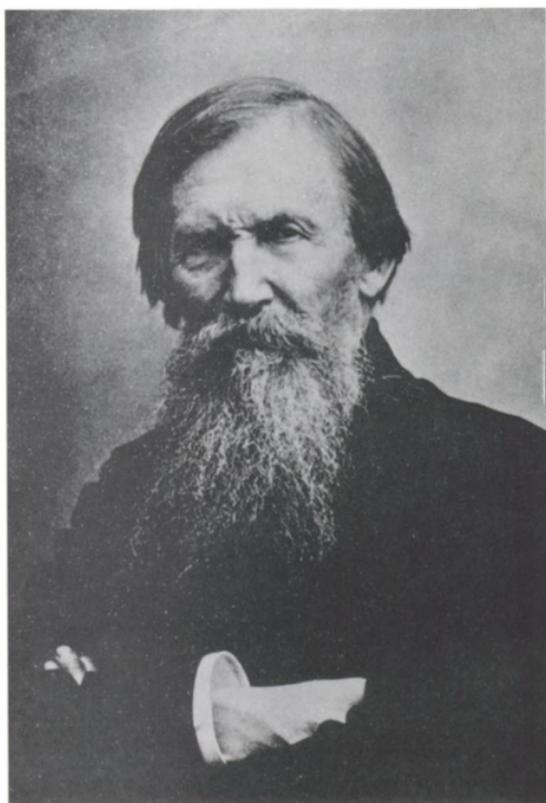
Император Павел I.
Портрет работы неиз-
вестного художника
на кости. Ок. 1880 г.

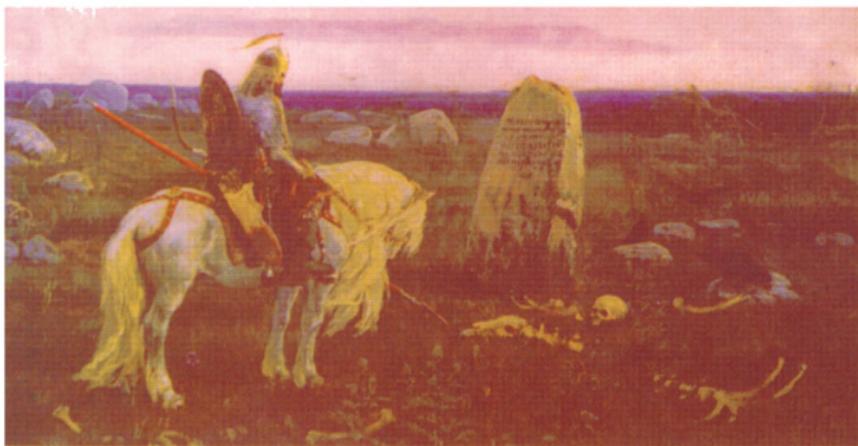
Парад на плацу Гатчинского дворца. Акварель Г.Сергеева. Конец XVIII в.

Ап.М.Васнецов. *Конец 1910-х гг.*

В.М.Васнецов. *1891 г.*

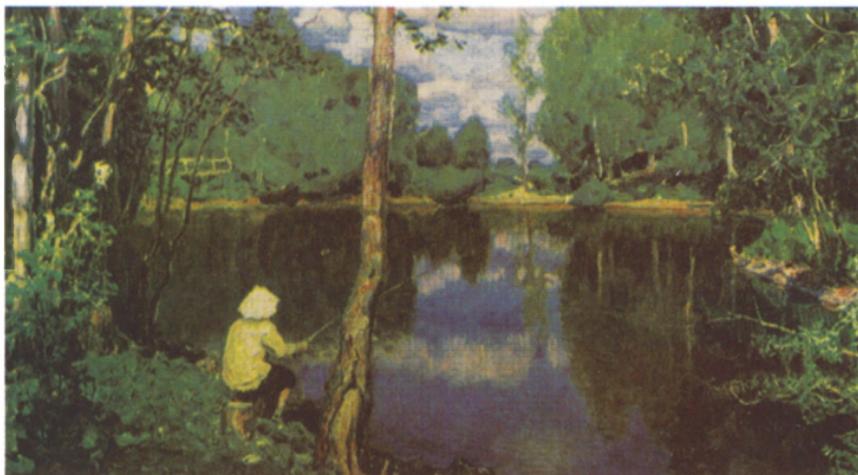

Витязь на распутье.
Картина В.М.Васнецова. 1882 г.

Буфет, изготовленный
Арк.М.Васнецовым
по рисунку В.М.Васнецова

Царский пруд. Демьяново.
Картина Ап.М.Васнецова. 1915 г.

На выставке Союза русских художников. 1908 г.

В саду у В.М.Васнецова
в 3-м Троицком переулке
в Москве. Стоит В.М. Васнецов.

Слева направо сидят:
Ап.М.Васнецов, А.М.Васнецов,
Арк.М.Васнецов.

1890-е гг.

Ап.М.Васнецов
со студентами московского
Училища живописи, ваяния
и зодчества.

1911 г.

П.А.Хохлов
в роли Демона
(опера «Демон»
А.Г.Рубинштейна).
1890 г.

Н.А.Преображенский.
1890-е гг.

Иллюстрации А.Н.Бенуа к повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка». 1945 г.

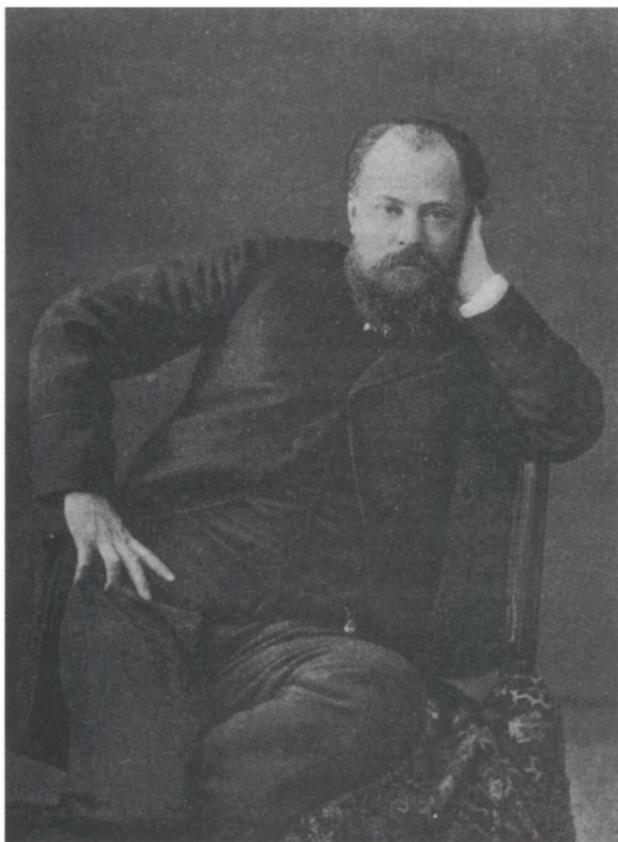
М.В.Лентовский. 1890-е гг.

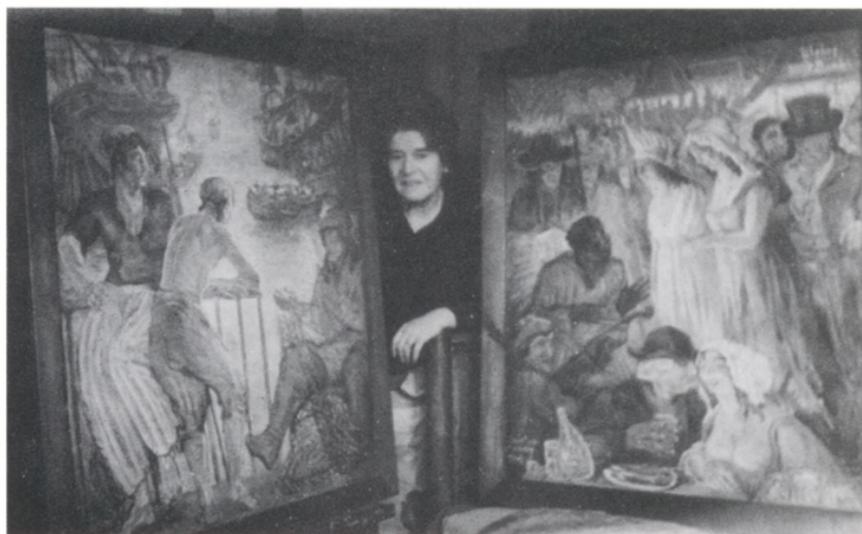
Ф.А.Корш. Ок. 1917—1918 гг.

Е.В.Потопчина. 1910-е гг.

К.Е.Маковский. 1870-е гг.

Е.К.Маковская. 1948 г.

Алексеич.
Картина К.Е.Маковского.
1882 г.

Семейный портрет.
Картина
К.Е.Маковского.
Ок. 1883 г.

Портрет Императора
Александра II.
Картина
К.Е.Маковского.
1881 г.

Народное гулянье во время Масленицы на Адмиралтейской площади.
Картина К.Е.Маковского. 1869 г.

С.И.Танеев и В.И.Сафонов.
1890-е гг.

54

ИМПЕРАТОРСКОЕ
РУССКОЕ ИМЕНИННОЕ ОБЩЕСТВО
 МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

Въ Субботу, 21-го Февраля,
 1908—1909. 602 собраніе.

ДЕВЯТОЕ СИМФОНИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ
 ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ
Э. А. КУШЕРА.
 СЪ УЧАСТІЕМЪ **А. Н. СКРЯБИНА.**

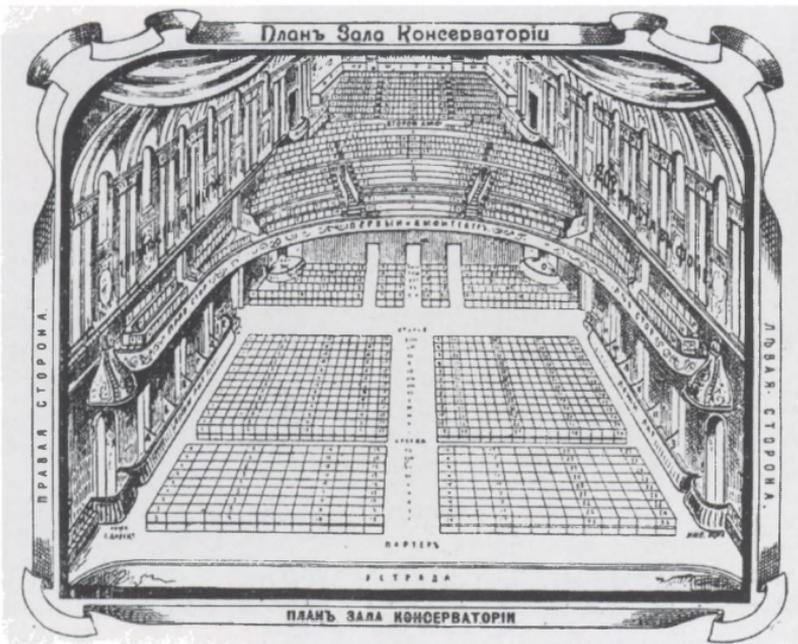
ПРОГРАММА.
 изъ произведеній **А. Н. Скрябина.**

1. "Le Divin Poème" — "Божественная поэма". 3-я симфонія,
 4-й акт. (изъ 1-8 актовъ).
 Альберт.—Андрей.—Алиса.

Возвращенная поэма представляетъ сложную драму.—Душа, освобожденная отъ узъ земныхъ, отъ много своего времени, впадаетъ таинственно въ образъ и форму, которые ей предстоитъ и реализовать, чтобы наконецъ достигнуть узаконенія развитіемъ своего Божественнаго "Я".

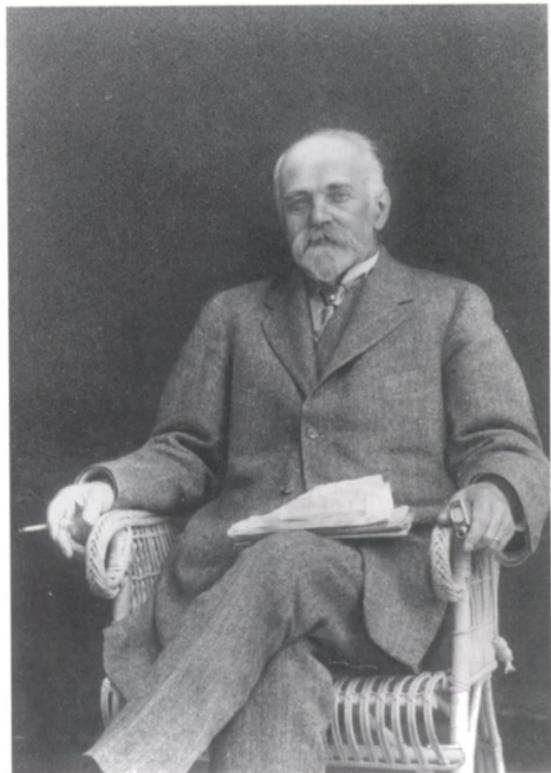
Интродукція.

Программа концерта
 9-го Симфонического собрания
 с участием А.И.Скрябина
 и исполнением его произведений.
 1909 г.

План зала Московской консерватории. 1902—1906 гг.

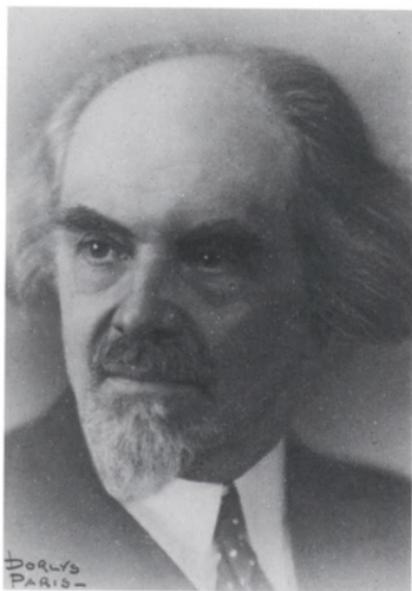
А.И.Губерт. 1920-е гг.

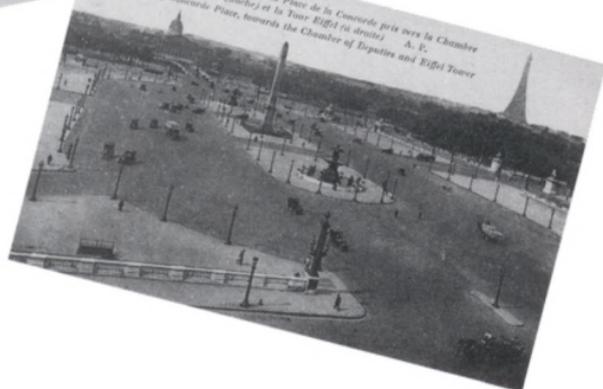
Н.Д.Кашкин. 1900-е гг.

Л.Ю.Бердяева.
2-я половина 1920-х гг.

Н.А.Бердяев. 1930-е гг.

Почтовые открытки с видами Парижа.
На оборотах — письма Л.Ю.Бердяевой к Н.А.Бердяеву. 1927 г.

А.А.Евреинова
и Е.А.Извольская.
1930 г.

Княгиня И.П.Романова

А.В.Тыркова-Вильямс

М.В.Сабашникова.
1900-е гг.

В библиотеке «Русского очага» в Праге (слева Н.А.Еленев). 1926 г.

Император Николай II с великим князем Николаем Николаевичем и свитой. Июль 1914 — август 1915 г.

Б.А.Слуцкий

В.Б.Сосинский.
*Нью-Йорк, ООН,
1954 г.*

Д.Г.Резников, В.Б.Сосинский и В.Л.Андреев. *Париж, 1926 г.*

М.А.Чехов и Ж.Бонер. *Париж, зима 1931—1932 гг.*

М.А.Чехов в роли Хлестакова
(«Ревизор»;
рижский Театр русской драмы).
1932 г.

М.А.Чехов в роли Мальволио
(«Двенадцатая ночь,
или Как вам угодно»;
рижский Театр русской драмы).
1932 г.

М.А.Чехов.
Париж, 1931 г.

В.Т.Шаламов. Фотография из следственного дела.
25 декабря 1936 — 2 июня 1937 г.

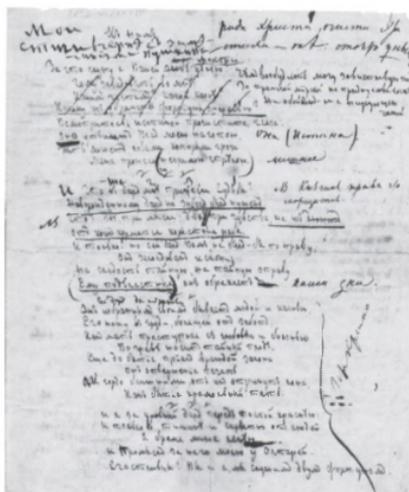

Л.Г.Енгибаров. 1950 —1960-е гг.

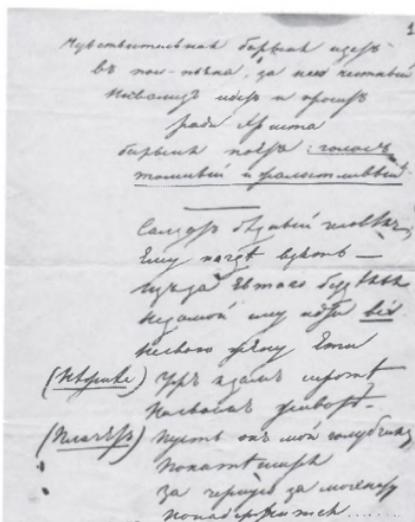

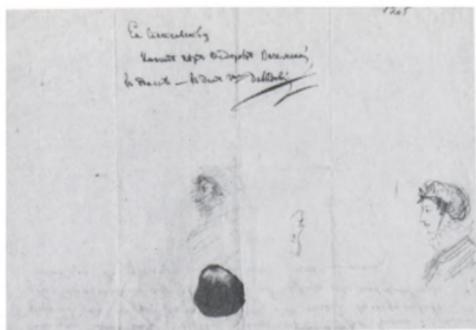
П.А.Вяземский

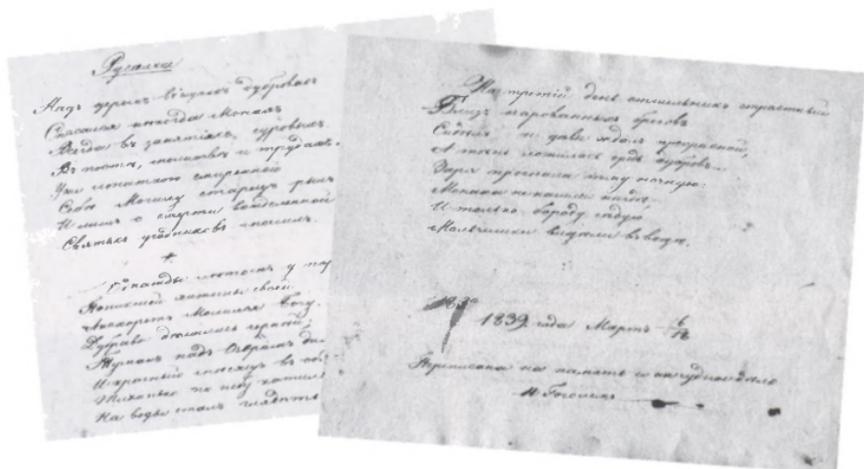
Автограф стихотворения П.А.Вяземского с пометами А.С.Пушкина

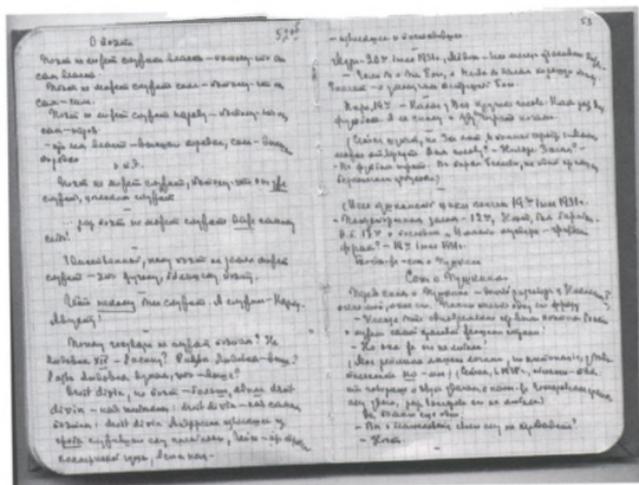
Автограф А.С.Пушкина. Запись солдатской песни

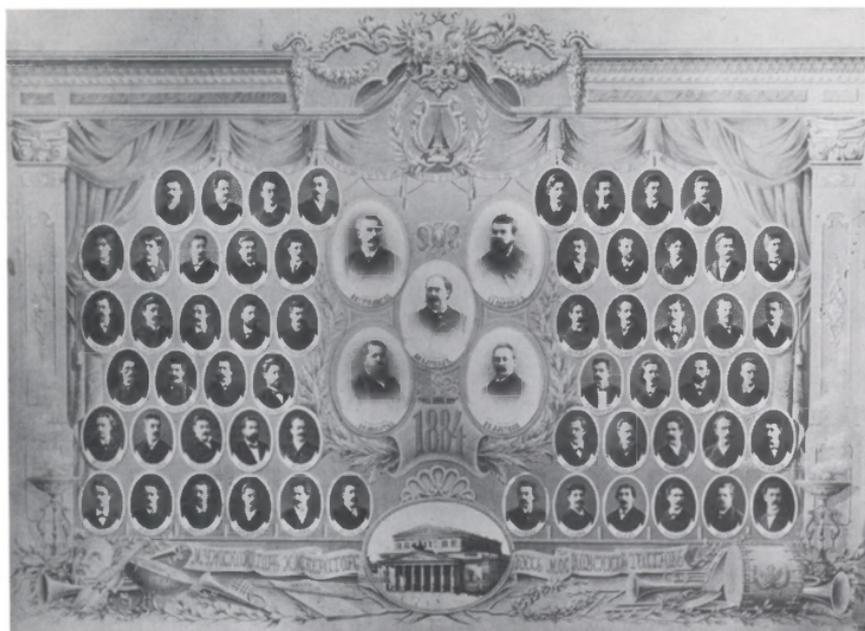
Рисунки А.С.Пушкина на письме П.А.Вяземского жене от 26 июня 1826 г.

Стихотворение А.С.Пушкина «Русалка», переписанное Н.В.Гоголем. Под стихотворением приписка Н.В.Гоголя: «Переписано на память и на чудное дело Н.Гоголем». 1839 г.

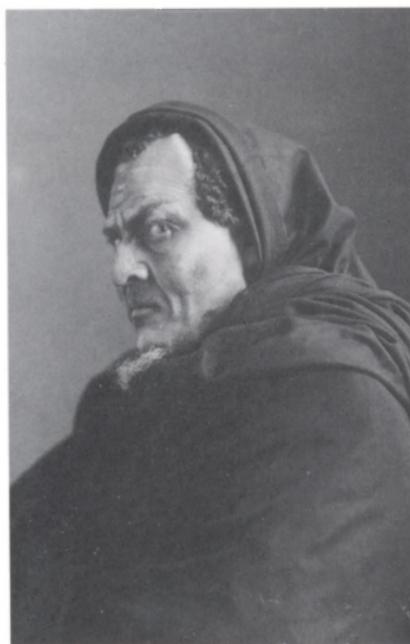
Запись М.И.Цветаевой об А.С.Пушкине. 1931 г.

Мужской хор Большого театра. 1884 г.

Л.В.Собинов в роли Синодала
(опера «Демон» А.Г.Рубинштейна).
1897 г.

Ф.И.Шаляпин
в роли Мефистофеля
(опера «Фауст» Ш.Гуно).
1899 г.

И.И.Мозжухин
в роли Германна
и Е.И.Шебуева
в роли графини
(«Пиковая дама»
Я.А.Протазанова).
1916 г.

А.Г.Коонен в роли Клеопатры
(«Египетские ночи», сценическая
постановка по Б.Шоу,
А.С.Пушкину, У.Шекспиру;
Камерный театр). 1934 г.

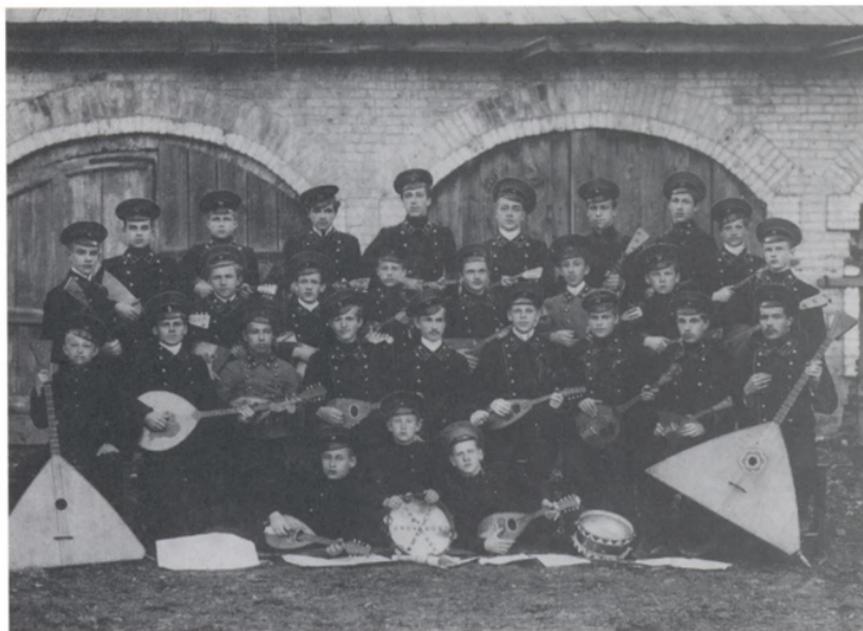

С.Я.Лемешев
в роли Ленского
(«Евгений Онегин»;
Большой театр)

М.П.Максакова
в роли Марины Мнишек
(«Борис Годунов»;
Большой театр).
1949 г.

Согласно Пушкину и Мусоргскому
звук голоса Султан-кушайра, воспевавшего
царя на своем отроке Марину, и горюхи. Это
и слышно со ст. Борис Годунов, и доисторическая
Султанская прелесть, и горюхи. Султанская
прелесть Марине, и горюхи. Это по М. Мусоргскому
1989 г.

Оркестр народных инструментов Брянского технического училища
(пятый во втором ряду — Н.А.Медведев). 1911 г.

Н.А.Медведев.
1940-е гг.

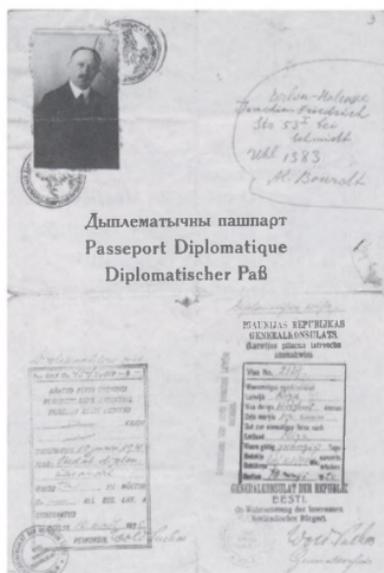
Репетиция в Маррис-клубе. Лондон, 1933 г.

Выступление оркестра под управлением Н.А.Медведева
в лондонском парке (после объявления Германией войны СССР).
Июнь 1941 г.

А.П.Буров.
Шевенинген (Голландия), 1937 г.

Дипломатический паспорт
Белорусской народной республики
А.П.Бурова с литовской и эстонской
визами. 1920 г.

А.П.Буров со своими английскими
внуками-близнецами.
Рядом няня-ирландка.
Лондон, 1937 г.

П.П.Балакшин.
Сан-Франциско, 1935 г.

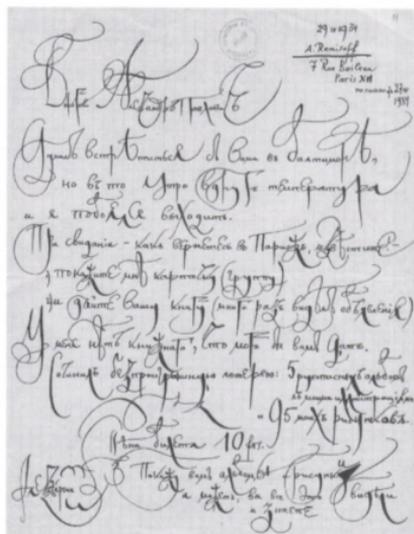
А.Ф.Даманская.
На обороте снимка надпись:
«А.П.Бурд-Восходову, земляку
и собрату по оружию.
А.Даманская. 1930»

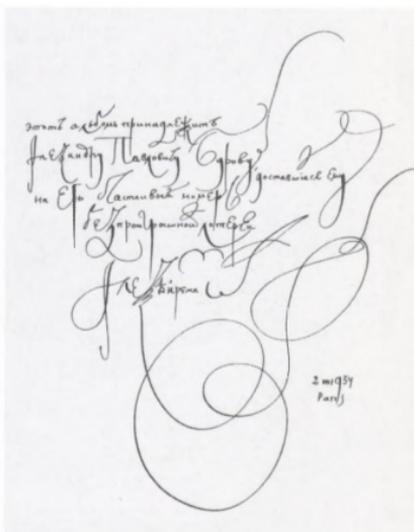
С сердечным
приветом
Осип Дымов
7/VIII 1930
Berlin

О.И.Дымов.
На фотографии надпись:
«С сердечным приветом.
Осип Дымов. 7/VIII 1930.
Berlin»

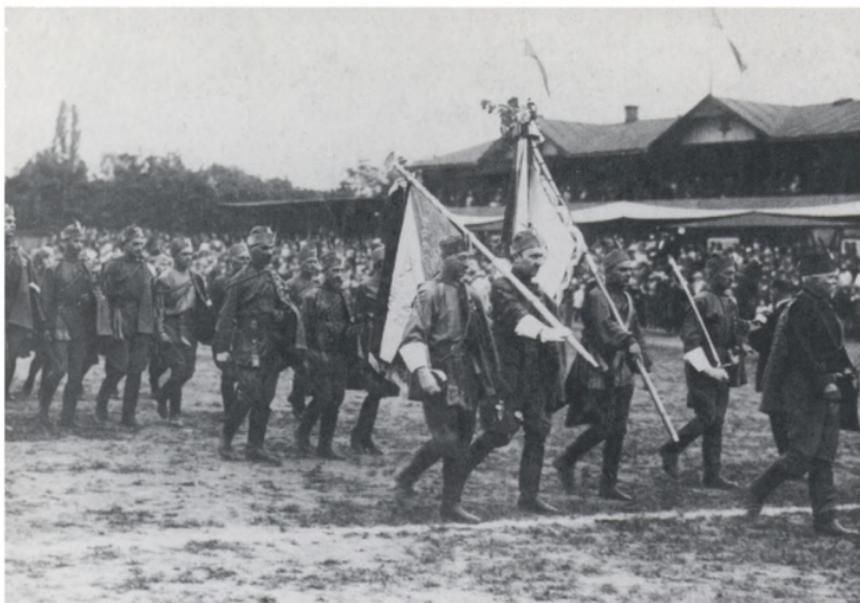
А.М.Ремизов.
На фотографии
дарственная надпись
Н.В.Кодрянской.
1923 г.

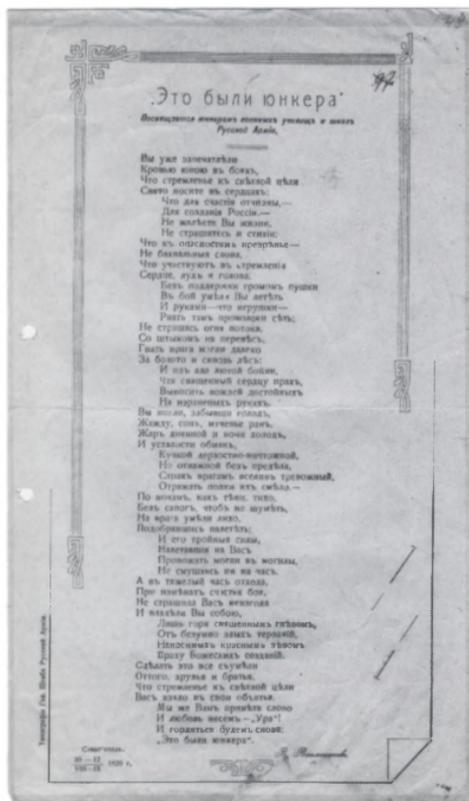
Письмо А.М.Ремизова
к А.П.Бурову от 29 апреля 1934 г.
с приглашением
на «беспригрешную» лотерею

Инскрипт А.М.Ремизова
А.П.Бурову на выигранном им
в лотерею альбоме «Корочун».
1934 г.

Передача знамени Обществом Славянских Женщин
Союзу Русского Сокольства за границей.
Прага, 1929 г.

Стихотворение В.Е.Вязми-
тинова «Это были юнкера»,
напечатанное в типографии
Генерального Штаба Русской
Армии. Севастополь, 1920 г.

(«Белый Киев», глава из «Сентиментального путешествия» и блестящий эссе об Евгении Онегине «Пушкин и Стерн»), то стихи или отдельные главы из книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» В.Ходасевича (начавшего свою жизнь в эмиграции соредктором М.Горького по «Беседе»¹²⁷ и кончившего ее в редакции гукасовского «Возрождения»)¹²⁸; бурный африканский «Кайруан» Андрея Белого мирно соседствовал с акварельным «Дон-Жуаном» Бориса Зайцева. «Письма из Италии» Мих.Осоргина – со стихами Саши Черного или Максимилиана Волошина; «Петушихинский пролом» Леонида Леонова – с «Божьим зевком» Евгения Замятина (отрывком из повести «На Куличках», конфискованным в 1913 г. царской цензурой). И т.д. Бывало и так, то писатель уже покинул Берлин, чтобы вернуться на родину, а его произведения продолжали выходить в эмигрантских журналах.

Как видите, дорогой Борис Абрамович, тон моего второго письма сильно отличается от первого, и объясняется это, конечно, тем, что я, по Вашему совету, прочел книгу В.С.Нечаевой «Журнал М.М. и Ф.М.Достоевских “Время”». Но я обещаю Вам в заключительном моем письме соединить в одно все бесчисленные сюжетные линии таким образом, чтобы перед Вами предстала полная и верная картина жизни «Воли России» за десять лет.

Несмотря на то, что мы на два месяца с Ариадной Викторовной уезжаем в Париж примерно 10 декабря – перерыв между 2 и 3 письмом не будет долгим, каким был между 1 и 2-м.

Весь Ваш
Владимир Сосинский

Примечания

¹ См.: *Слуцкий Б.А.* Годовая стрелка. Стихи. М.: Сов. писатель, 1971.

² Сосинская Ариадна Викторовна (урожд. Чернова; 1908–1974).

³ «Ленка с Дунькой» – стихотворение из сб. Слуцкого «Доброта дня» (1973 г.).

⁴ В 1926 г. журнал готовился и набирался уже в Париже, хотя на обложке по-прежнему стояло «Прага» (См.: *Кудрова И.* Версты, дали... М.Цветаева. 1922–1939. М., 1991. С. 222).

⁵ Шевалье Морис (1888–1972) – французский шансонье.

⁶ Народный фронт создан после попытки фашистского переворота в Париже в феврале 1934 г.

⁷ Арагон Луи (1897–1982) – французский писатель и общественный деятель, член ФКП.

⁸ Вайян-Кутюрье Поль (1892–1937) – французский писатель, один из основателей ФКП.

⁹ IV Интернационал возник в 1938 г.

¹⁰ Лифарь Серж (Сергей Михайлович) (1905–1986) – танцовщик, балет-мейстер, педагог. Он был премьером балета Парижской оперы (1929–1956 гг.).

¹¹ Замятин Евгений Иванович (1884–1937) – прозаик, драматург, теоретик литературы. С 1932 г. жил в Париже, сохранил советское гражданство.

¹² С 1927 г. журнал «Воля России» начал печатать без согласия автора главы романа «Мы».

¹³ Главная работа, которой был занят Замятин в 1930-е гг. – роман «Бич Божий» (Париж, 1938; предисл. М.Слонима) – посвящен владыке Великой Скифии Аттиле. Роман остался незаконченным: написана 1-я часть.

¹⁴ Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) – поэт, прозаик, критик. С 1920 г. в эмиграции. С 1928 г. публиковался в журнале «Воля России». В 1930–1934 гг. один из ведущих сотрудников журнала «Числа».

¹⁵ Оцуп Николай Авдиевич (1894–1958) – поэт, критик, мемуарист. Редактор журнала «Числа». В начале Второй мировой войны Оцуп записался добровольцем во Французскую армию.

¹⁶ Сутин Хаим (1893/94–1944) – живописец. С 1913 г. жил во Франции. Сыграл заметную роль в истории экспрессионизма.

¹⁷ Терешкович Константин Андреевич (1902–1978) – живописец. С 1920 г. жил во Франции. В Париже познакомился с М.Ларионовым и Х.Сутиним. Во время Второй мировой войны участвовал в Движении Сопротивления. В 1942 г. принял французское гражданство.

¹⁸ Мане-Кац Мане Лазаревич (наст. фам. Кац; 1894–1962) – живописец. Учился у М.В.Добужинского. С 1922 г. жил в Париже, в 1928 г. принял французское гражданство.

¹⁹ «Числа» (Париж, 1930–1934; кн. 1–10) – литературный журнал. Издатель и редактор Н.А.Оцуп (кн. 1–4 – совместно с И.В. де Манциарли). Многие представители молодого поколения русской эмиграции, выступавшие впервые в «Числах», добились литературного признания.

²⁰ «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж, 1926–1928) – «журнал истории и истории литературы» под редакцией С.П.Мельгунова при участии В.А.Мякотина, Е.А.Ляцкого; этот журнал, как и сборники «На чужой стороне» (Берлин–Прага, 1923–1925), – непосредственное продолжение исторического журнала «Голос минувшего» (Москва, 1913–1923), редакторы С.П.Мельгунов и В.И.Семевский.

²¹ Кирилл Владимирович (1876–1938) – великий князь, двоюродный брат Николая II. В манифесте от 31 августа 1924 г. самозванно провозгласил себя главой Императорского Дома Романовых.

²² Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – генерал от инфантерии. В 1924 г. в Париже поступил в распоряжение вел. кн. Николая Николаевича. 29 апр. 1928 г. стал председателем Русского общевойскового союза. 26 янв. 1930 г. генерал Кутепов был похищен в Париже агентами советской разведки и скончался «от сердечного приступа» на советском корабле по пути в Новороссийск.

²³ Союз галлиполийцев во Франции – был образован в 1921 г. Он входил в состав Русского общевоинского союза. В июне 1927 г. приказом генерала П.Н.Врангеля местопребывание Совета и Главного правления общества было перенесено во Францию. Председатель – генерал-лейтенант М.И.Репьев, секретарь – генерал-полковник Бурнаков.

²⁴ «Часовой» (Париж–Брюссель, 1929–[1988]) – военный журнал под редакцией В.В.Орехова, Е.Тарусского, С.И.Терещенко.

²⁵ «Артиллерийский журнал» (Париж, 1927–1929) – орган правления Общества русских офицеров – артиллеристов во Франции.

²⁶ «Вестник Союза офицеров – участников войны» – издание, выходившее в Париже в 1928–1933 гг.

²⁷ «Возрождение» (Париж, 1925–1940) – ежедневная, с 1936 г. – еженедельная газета. Издание было задумано как умеренно-консервативный, монархический орган, объединяющий на основе идей Белого движения все силы Русского зарубежья.

²⁸ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, публицист, историк, кадет, редактор газеты «Возрождение» (1925–1927). Основал и возглавил еженедельные газеты «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1934).

²⁹ Гукасов Абрам Осипович (наст. фам. Гукасянц; 1872–1969) – крупный нефтепромышленник, потомственный почетный гражданин.

В 1927 г. А.О.Гукасова стала явно не устраивать политическая ориентация Струве. Гукасов обвинил Струве в том, что из-за его редакционной политики в газете восторжествовали снобизм и кружковщина, ее высокомерный тон и стиль отпугивают простого читателя эмигранта. Оскорбленный Струве подал в отставку. Вместе со Струве из газеты «Возрождение» вышла редколлегия газеты. После выхода большого числа сотрудников из состава редакции последовало ее значительное обновление и расширение.

³⁰ Каргышев Антон Владимирович (1875–1960) – министр религий во Временном правительстве (1917). С 1920 г. в Париже, с 1925 г. был профессором Богословского института.

³¹ Врангель Петр Николаевич (1887–1928) – барон, генерал-лейтенант. Стремясь сохранить кадры Русской армии за границей в новых, эмигрантских, условиях, Врангель в сентябре 1924 г. создал Русский общевоинский союз (РОВС).

³² Николай Николаевич (1856–1929) – великий князь, сын вел. кн. Николая Николаевича и Александры Петровны.

³³ Миллер Евгений Карлович (1867–1937) – генерал-лейтенант, с 1930 г. председатель Русского общевоинского союза. 28 сентября 1937 г. французские и эмигрантские газеты сообщили об исчезновении из Парижа генерала Миллера.

³⁴ Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – публицист, историк. В 1900 г. основал серию исторических сборников «Былое». В 1907–1914 гг. жил в Париже, в 1914–1918 гг. – в России. В 1918 г. вернулся в Париж. В том же году стал выпускать газету «Общее дело» (Париж, 1918–1922, 1928–1931, 1933–1934).

³⁵ «Последние новости» (Париж, 1920–1940) – ежедневная газета. С 1 марта 1921 г. начала выходить под редакцией П.Н.Миллюкова (главный

редактор), М.М.Винавера, А.И.Коновалова, В.А.Харламова. Сумев привлечь крупнейшие литературные и журналистские силы, «Последние новости» быстро стали не только самой читаемой русской газетой во Франции, но и завоевали себе подписчиков и читателей в др. странах Европы и даже в Новом Свете и на Дальнем Востоке – везде, где были русские эмигранты.

³⁶ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель, историк, публицист; член партии кадетов. В 1921 г. вместе с единомышленниками образовал «Парижскую демократическую группу партии народной свободы», в 1924 г. преобразованную в «Республиканско-демократическое объединение».

³⁷ «Речь» (С.-Петербург, 1906–1917) – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, центральный орган печати кадетов. Издатель – И.И.Петрункевич. Редактор – И.И.Иванов.

³⁸ Г.П.Струве считал парижское десятилетие 1925–1935 гг. для книгоиздательской деятельности «золотым».

³⁹ В 1920-е гг. Берлин стал одним из крупнейших центров издательской деятельности русской эмиграции. «Особенно много альманахов выходило в Берлине («Грани», «Кубок», «Медный всадник», «Веретено», «Струги» и др.). В этих альманахах участвовали почти все известные писатели и некоторые начинающие, и в них печатался порой ценный литературный материал, позднее не воспроизводившийся» (Струве Г.П. Журналы русского зарубежья // Русская литература. 1990. № 1. С. 125).

⁴⁰ «Современные записки» (Париж, 1920–1940) – общественно-политический и литературный журнал. Вышло 70 книг. Ред.-изд. – Н.Д.Авксентьев, М.В.Вишняк, А.И.Гуковский, В.В.Руднев, И.И.Фондаминский. Решение об издании журнала принято в начале июня 1920 г. на совещании эмигрантов, главным образом эсеров, организованном А.Ф.Керенским. Проект программы заявления написан Рудневым. В заявлении подчеркивалось, что, будучи непартийным изданием, «Современные записки» будут проводить идеи и принципы Февральской революции 1917 г.

⁴¹ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – политический деятель, член ЦК партии эсеров. Член редколлегии журнала «Современные записки».

⁴² Фондаминский Илья Исидорович (псевд. Бунаков; 1880–1942) – общественный деятель, публицист, издатель, один из лидеров партии эсеров. Соредактор журнала «Современные записки».

⁴³ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1977) – политический и общественный деятель, член партии эсеров, публицист, соредактор «Современных записок».

⁴⁴ Руднев Вадим Викторович (псевд. Бабкин-Ролецин; 1879–1940) – общественный деятель, журналист. В 1905 г. в Москве возглавил эсеровскую организацию. С 1936 г. единый администратор журнала «Современные записки», а затем фактически единоличный редактор.

⁴⁵ «Дни» (Берлин, Париж; 1922–1933) – ежедневная газета. Редактор А.Ф.Керенский. С 1928 г. – еженедельник, с 1931 г. – «двухнедельный журнал». До 1922 г. газета называлась «Голос России» и была общедемократического направления, не являясь органом какой-либо партии.

⁴⁶ Керенский Александр Федорович (1881 – 1970) – юрист, эсер, министр юстиции во Временном правительстве Г.Е.Львова, затем глава Временного правительства 2-го состава. С 1918 г. – в эмиграции.

⁴⁷ «Революционная Россия» (Ревель, 1920–1921; Берлин, 1922–1923; Прага, 1924–1929, 1931) – журнал, центральный орган партии эсеров; основан В.М.Черновым.

⁴⁸ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – лидер партии эсеров. Министр Временного правительства.

⁴⁹ Отзыв Сосинского совпадает и с мнениями других современников. Так, Д.А.Лутохин вспоминал: «В первые годы пребывания [Чернова] в Праге “Воля России” была наиболее левым журналом эмиграции. Здесь работали не только Чернов, Шрейдер, Русанов, но сюда позвали и Пешехонова, которого вряд ли стал бы печатать какой-либо эмигрантский орган» (Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри // Минувшее. 22: Исторический альманах. С. 67).

⁵⁰ Махно (Михно, Михиенко) Нестор Иванович (1888–1934) – политический деятель, анархист, глава вооруженных анархистских формирований на Украине в 1918–1921 гг. С 1925 г. жил во Франции в пригороде Парижа Версале. В последние годы бедствовал, работал разнорабочим. Скорее всего, Сосинский имел в виду журнал «Дело труда» (Париж, 1925–1963) – «орган рабочих безвластников». Махно не был редактором этого журнала, он лишь публиковал в нем отдельные статьи.

⁵¹ Аршинов Петр Андреевич (псевд. Аршинов-Марин; 1887–1937?) – ближайший сподвижник Махно во время крестьянского повстанческого движения 1919 г. После разгрома махновщины (1921 г.) эмигрировал. Сотрудничал в различных анархических издательствах (в журнале «Дело труда»), занимался разработкой вопросов теории анархизма.

⁵² «Аполлон» (С.-Петербург, 1909–1917) – литературно-художественный ежемесячный журнал символистов и акмеистов. Редактор С.К.Маковский. В рецензии на 1-й номер «Чисел» оформление этого нового журнала сравнивали с дореволюционными журналами: «Самая внешность “Чисел”, издававшихся с необычайным для эмигрантской книги изяществом, с цветными репродукциями произведений русских художников, напоминает скорее “Аполлон” или “Золотое Руно”, а не “толстый журнал” с его установившимся тоном» (Новый эмигрантский журнал (Числа). № 1. Париж. 1937 // Воля России. № 3. 1930. С. 299).

⁵³ «Крестьянское слово» («Krestianskoe slovo» – «La Parole des paysans») (Париж, 1930–1933) – орган крестьянского объединения в Париже. Редактор М.А.Надточий.

⁵⁴ «Борьба» (Париж, 1929–1932) – журнал, редактор Г.З.Беседовский. Выходил 2 раза в месяц.

⁵⁵ Беседовский Григорий Захарович – бывший советский дипломат, автор книги «На путях термидора».

⁵⁶ Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) – общественный деятель, публицист, прозаик, эсер. С 1908 г. в эмиграции, участник Первой мировой войны, доброволец Иностранного легиона. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. Затем – участник Белого движения, с 1919 г. – вновь в эмиграции. В 1920–1932 гг. – со-редактор газеты и журнала «Воля России». Жил в Праге, Белграде, Париже. Один из руководителей Земгора в Белграде. В 1929 г. нелегально посетил СССР. В 1936 г. переехал в США, где работал в газете «Русское слово».

⁵⁷ Слоним Марк Львович (1894–1976) – общественно-политический деятель, эсер, литературовед, публицист, журналист, мемуарист. В эмиграции с 1918 г. жил в Италии, в конце 1920 г. переехал в Прагу: редактор журнала «Новости литературы» (1922), соредактор газеты и журнала «Воля России» (1922–1932). С 1927 г. подолгу жил в Париже, куда окончательно переселился в 1932 г., в 1928 г. – организатор, затем председатель литературной группы «Кочевье». В 1941 г. уехал в США, впоследствии проживал в Швейцарии и Франции. После войны – лидер просоветской группы «утвержденных».

⁵⁸ Сталинский Евсей Александрович (1880–1953) – публицист, критик, политический деятель, член партии эсеров. В 1908–1917 гг. – в эмиграции во Франции. С 1919 г. – вновь в эмиграции. В 1920-е гг. подолгу жил в Праге. В 1924–1932 гг. – соредактор «Воли России». В начале Второй мировой войны переехал в США.

⁵⁹ Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963) – общественно-политический деятель, публицист, переводчик, член ЦК партии эсеров, депутат Учредительного собрания. В эмиграции – с марта 1918 г. (Финляндия – Стокгольм – Париж). В 1922 г. – соредактор «Воли России», сотрудник французских, итальянских, бельгийских социалистических изданий. С июня 1941 г. – в США. В августе 1941 г. обратился к эмигрантам с призывом поддержать Советское правительство и Красную Армию в борьбе против немецких агрессоров; осенью 1941 г. следственная комиссия нью-йоркской группы партии эсеров начала следствие по делу Сухомлина, обвинявшегося в связях с большевиками. Комиссия пришла к выводу, что Сухомлин и Слоним «вели себя в ряде случаев неправильно, но слухи о том, что они якобы советские агенты, неверны». В начале 1942 г. Сухомлин вышел из нью-йоркской группы партии эсеров; после Второй мировой войны вернулся во Францию, в 1947 г. принял советское гражданство. Летом 1951 г. выслан из Франции как коммунистический агент, в 1954 г. возвратился в СССР; не прекращал сотрудничества во французской периодике (под псевд. Victor Samaret). С 1962 г. – член Союза писателей СССР.

⁶⁰ Жорес Жан (1859–1914) – руководитель Французской социалистической партии; Вандервельде Эмиль (1866–1936) – бельгийский социалист, один из лидеров II Интернационала; Адлер Фридрих (1879–1960) – один из лидеров Австрийской социал-демократической партии, один из организаторов 2 1/2-го и Социалистического рабочего интернационалов; Лонге Жени (1844–1883) – деятель рабочего движения, публицист, дочь К.Маркса; Тома Альберт (1878–1932) – французский политический деятель, социал-реформист; Каутский Карл (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала; Блюм Леон (1872–1950) – лидер и теоретик Французской социалистической партии; Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) – английский политический деятель, один из основателей Лейбористской партии, в 1924–1931 гг. – премьер-министр.

⁶¹ В 1957 г. Слуцкого приняли в Союз писателей СССР, Сухомлина – в 1962 г.

⁶² Россель Леонид Владимирович (1896–1943) – помощник администратора журнала «Воля России» в Праге. После 1932 г. работал в русской секции Всеобщей конфедерации труда во Франции. Участник Движения Со-

противления. После оккупации Германией Юга Франции был арестован. Погиб в одном из концлагерей.

⁶³ Стамболийский Александр Стоименов (1879–1923) – болгарский политический деятель. В октябре 1919 – мае 1920 г. – глава коалиционного правительства, в мае 1920 – июне 1923 г. – однопартийного правительства Болгарии. Правительство Стамболийского провело в 1920–1922 гг. некоторые, в том числе аграрные, реформы. 9 июня 1923 г. в результате фашистского переворота правительство было свергнуто. Стамболийский был схвачен и зверски убит.

⁶⁴ См.: *Сосинский В.Б. Ita vita // Воля России. 1926. № 4.*

⁶⁵ «Благонамеренный» (Брюссель, 1926, № 1, 2 – январь, апрель) – журнал русской литературной культуры, издавался кн. Д.А.Шаховским (1902–1989). Название повторило заглавие журнала, издававшегося в 1818–1826 гг. поэтом-баснописцем А.Е.Измайловым. Издание финансировал одноклассник Шаховского по Лувенскому университету Г.Соколов, который на обложке обозначен «руководителем». Большую помощь в издании Шаховскому оказали И.А.Бунин, В.Ф.Ходасевич, А.М.Ремизов, Д.П.Святополк-Мирский и М.И.Цветаева. Журнал имел заметный успех у читателей. Тем не менее, после 2-й книги его издание прекратилось в связи с внутренним духовным кризисом Шаховского. В 1926 г. князь уехал в Грецию, на Афон, где был пострижен в иночество. С 1950 г. – архиепископ.

⁶⁶ История захвата «казанского клада» и его срочной переправки из Казани в Самару обстоятельно отражена как в мемуарах непосредственных свидетелей этого события («комучевца» В.И.Лебедева, участников событий П.Д.Климушкина, С.Н.Николаева, ген. П.П.Петрова и др.), так и в работах отечественных исследователей, например, А.П.Ефимкина и В.К.Сироткина.

⁶⁷ Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) – чехословацкий государственный и политический деятель. Масарик приветствовал Февральскую буржуазно-демократическую революцию в России телеграммами на имя кн. Львова и Родзянко. В марте 1917–1918 гг. был в России и стремился сблизиться с партией кадетов. Масарик вместе с Бенешем являлся ведущим представителем либерально-буржуазной группировки «Град» – руководящей партии в 1918–1938 гг.

⁶⁸ Т.Масарик очень много сделал для помощи русской эмиграции. Прага чуть ли не наполовину была заселена русскими – русский университет, гимназии, кадетские корпуса. Выходило много газет и книг на русском языке. Были сильны традиции панславянизма и иллюзии, что большевистская власть ненадолго и потребуются образованные кадры. Бесплатно давали жилье, одежду, еду. На деньги «Легио-банка» построили Русский Дом в Праге, где жили все русские профессора.

⁶⁹ «Новый журнал» («The new review») – литературно-политический журнал. Выходит в Нью-Йорке с 1942 г. Основатели – М.Алданов и М.О.Цетлин.

⁷⁰ «Русские новости» (Париж, 1945–1970) – еженедельная газета. Редактор А.Ф.Ступницкий.

⁷¹ Андреев Вадим Леонидович (1902–1976) – поэт, прозаик, критик.

⁷² Шумов Петр Иванович – фотопортретист. Известен своими художественными фотографиями (фотограф-художник). На Всемирной выставке в Париже 1925 г. получил золотую медаль.

⁷³ Со Слонимом Цветаеву познакомил Андрей Белый. Слоним долгие годы был одним из самых верных и постоянных ее друзей. В 1922 г. он представил Цветаеву членам редакции «Воли России».

⁷⁴ Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) – общественно-политический деятель-публицист, прозаик, мемуарист; член ЦК партии эсеров. С 1919 г. жил в Париже. Сотрудничал в различных эмигрантских эсеровских изданиях: газете «Дни», журнале «Pour la Russe» и др. Соредактор «Воли России». В 1939 г. уехал в США. С 1942 г. – член редакции «Нового журнала».

⁷⁵ Минор Осип Соломонович (1861–1934) – деятель «Народной воли», член партии эсеров с момента ее возникновения, в 1905 г. – член ЦК партии.

⁷⁶ «Пламя» – издательство в Праге, организованное Е.А.Ляцким (профессором Карлова университета) в 1923 г. и просуществовавшее до 1926 г.

⁷⁷ Зильберштейн Илья Самойлович (1905–1988) – искусствовед, литературовед, один из редакторов «Литературного наследства» (с 1931 г.).

⁷⁸ Газданов Гайто (наст. имя Георгий Иванович; 1903–1971) – прозаик, критик. Воевал в рядах Белой армии, в 1920 г. эмигрировал. Учился в Сорбонне, сотрудничал в «Воле России», «Современных записках», «Числах» и др. В 1930 г. опубликовал свой первый роман «Вечер у Клэр».

⁷⁹ Набоков Владимир Владимирович (псевд. Сирин; 1899–1977) – поэт, прозаик, критик. В эмиграции с 1919 г. Окончил Оксфордский университет, затем жил в Берлине, в 1940 г. переехал в США.

⁸⁰ Алданов Марк (наст. фам. и имя Ландау Марк Александрович; 1886–1957) – исторический романист, критик, эссеист. В 1919 г. эмигрировал в Париж, в 1920 г. – член редакции литературного журнала «Грядущая Россия», затем постоянный сотрудник «Современных записок», «Русских записок». В годы войны переехал в США.

⁸¹ Г.П.Струве следующим образом разграничивал понятия «старший писатель» и «молодой писатель»: «Понятие “молодой писатель”, как оно применялось в те годы, было очень условно: речь собственно шла о тех, кто не успел начать своей литературной деятельности до эмиграции; большая часть их принадлежала к родившимся в самом конце XIX или в самом начале XX века, но были среди них люди и постарше, в нормальный ход жизни которых вторглась война и революция. Словом разделение на “молодых” и “старших” было разделением на писателей с каким-то именем или какой-то известностью, в литературной среде до эмиграции и писателей совсем без имени. Поэтому, например, М.Цветаева относилась к “старшим”, а ее ровесники – “молодым”» (Струве Г.П. Журналы Русского зарубежья // Русская литература. 1990. № 1. С. 120).

⁸² Русанов Николай Сергеевич (1859–1939) – общественный деятель, журналист. Входил в состав партии эсеров на международной социалистической конференции в Люцерне (авг. 1919) и конгресса II Интернационала в Женеве. Член редакции журнала «Революционная Россия».

⁸³ Петрищев Афанасий Борисович (1872 – после 1942 г.) – общественный деятель, публицист. В 1922 г. выслан из Советской России, сотруд-

ничал, затем входил в редакцию еженедельника «Дни». Резко выступал против А.В.Пешехонова, проповедовавшего идею необходимости возвращения на родину эмигрантской интеллигенции. Публиковался и в эмигрантской газете «Новое русское слово».

⁸⁴ Лазарев Егор Егорович (1855–1937) – политический деятель. После Февральской революции вернулся в Россию из изгнания с 1910 г. Жил в Самаре, примыкал к правым эсерам, поддержал Временное правительство. С образованием в Самаре правительства Учредительного собрания (КомУч) стал министром народного просвещения этого правительства. В эмиграции жил в Праге, один из редакторов и издателей журнала «Воля России», сотрудничал в газете «Дни», журнале «Последние новости», «Руль» и др.

⁸⁵ См.: Воля России. 1922. № 1. С. 8.

⁸⁶ См.: Воля России. 1922. № 1. С. 9–12.

⁸⁷ Имеется в виду рецензия Марка Слонима (см.: Воля России. 1922. 1 апреля. № 13. С. 23).

⁸⁸ См.: Воля России. 1922. 8 апреля. № 19. С. 9.

⁸⁹ Имеется в виду текст доклада, впервые прочитанного Т.Манном в сентябре 1921 г. в Любеке и многократно повторенного затем и в других городах Германии (см.: Воля России. 1922. 8 апреля. № 18. С. 13; 1922. 19 мая. № 19. С. 8; 1922. 27 мая. № 20. С. 9).

⁹⁰ В 1930 г. вышло 6 сдвоенных номеров; в 1931 г. – 2 сдвоенных номера; в 1932 г. – 2 строенных и 4 сдвоенных номера.

⁹¹ Бернштейн Эдуард (1850–1932) – идеолог ревизионизма, один из лидеров германских социал-демократов и II Интернационала.

⁹² Рендель Пьер Э. (1871–1935) – французский политический деятель. Вместе с Л.Блюмом был одним из инициаторов раскола ФСП на Турском съезде в 1920 г.

⁹³ Турати Филиппе (1857–1932) – итальянский политический деятель, публицист и идеолог итальянского реформизма.

⁹⁴ Поль-Бонкур Жозеф (1873–1972) – французский политический деятель, министр иностранных дел.

⁹⁵ Бауэр Отто (1882–1938) – один из лидеров австрийских социал-демократов и II Интернационала, идеолог австромарксизма. Был одним из основателей Венского 2 1/2-го Интернационала. В 1923 г. принимал активное участие в объединении II и 2 1/2-го интернационалов и создании Социалистического рабочего Интернационала.

⁹⁶ Андре Пьер – французский журналист.

⁹⁷ Фор Поль (1872–1960) – французский поэт. Во время Первой мировой войны входил в пацифистское меньшинство в ФСП (СФИО). С 1920 по 1940 гг. – генеральный секретарь СФИО и главный редактор ее газеты «La populaire» (до 1928 г.).

⁹⁸ Вебб Сидней (1859–1947) – английский социалист, экономист и общественный деятель. Теоретик тред-юнионизма.

⁹⁹ Бенеш Эдуард (1884–1948) – министр иностранных дел в Чехословакии с 1918 по 1935 гг. С 1921 по 1922 гг. – премьер-министр. В 1935–1938 гг. – президент страны.

¹⁰⁰ Сухомлин представлял партию эсеров в комиссии по восстановлению II Интернационала (апрель 1919 г., Амстердам), участвовал в работе делегации партии эсеров в комиссии по восстановлению 2 1/2 Интернационала (июль–август 1920 г., Женева), в качестве представителя партии эсеров входил в исполком Социалистического рабочего Интернационала, образованного в 1923 г.

¹⁰¹ Венский или 2 1/2 Интернационал – название международного рабочего объединения социалистических партий, существовавшего в 1921–1923 гг. и объединившего центристские социалистические партии и группы Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Польши, Румынии, США, Франции, Швейцарии и некоторых других стран, а также русское меньшинство эсеров. Был создан на проходящей 22–27 февраля 1921 г. в Вене конференции центральных партий и групп, которые порвали с Бернским Интернационалом.

¹⁰² II Интернационал – международное объединение рабочих партий, основан в 1889 г. В мае 1923 г. на конференции в Гамбурге произошло объединение Бернского Интернационала и 2 1/2 Интернационала, образовавших Социалистический рабочий Интернационал, в котором господствующее положение заняли правые социалисты.

¹⁰³ Модильяни Джузеппе Эмануэле (1872–1947) – итальянский социалист, публицист, брат художника Амедео Модильяни.

¹⁰⁴ Тодоров Коста – болгарский социалист.

¹⁰⁵ Оббов А. – бывший министр земледелия в кабинете Стамболийского.

¹⁰⁶ Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939) – князь, русский критик и литературовед; с 1922 г. преподавал в Лондонском университете. Один из теоретиков движения «евразийцев», соредатор журнала «Версты» (1926–1928). За рубежом опубликовано 10 его книг и 40 статей. Свой труд по истории русской литературы выпустил на английском языке в двух книгах: «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoevsky» (London, 1927); «Contemporary Russian Literature» 1881–1925 (London, 1926).

¹⁰⁷ «Своими путями» (Прага, 1924–1926) – литературно-художественный и общественно-политический иллюстративный журнал. Под редакцией Н.А.Антикова, А.А.Воеводина, А.К.Рудина, С.Я.Эфрона. Отв. редактор – Ю.Пан. 5 номеров журнала вышли с грифом «Издания Русского демократического студенческого союза в Чехословакии».

¹⁰⁸ Мария Николаевна Ермолова (1853–1928) получила звание народной артистки Республики в 1920 г.

¹⁰⁹ См.: Русские писатели о современной литературе и о себе // Своими путями. 1925. № 8–9.

¹¹⁰ См.: Зноско-Боровский Евг. Заметки о русской поэзии. (М.Цветаева. Ремесло. Книга стихов. Изд. Геликон. М.–Берлин, 1923) // Воля России. 1924. № 3. С. 95.

¹¹¹ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) – сотрудник «Аполлона», известный главным образом как историк театра (в эмиграции им была написана книга о русском театре XX в.) и как шахматист; в первые годы существования журнала «Воля России» напечатал в ней несколько критических статей.

¹¹² Зелюк Орест (Оскар) Григорьевич (1888–1951) – журналист и издатель. В эмиграции с 1919 г. Директор типографий «Франко-славянская печать» и d'Art Voltaire.

¹¹³ Ладыжников Иван Павлович (1869–1945) – издатель, друг М.Горького. Издательство Ладыжникова основано им в 1900 г. в Женеве по поручению ЦК РСДРП. В том же году деятельность книгоиздательства была перенесена в Берлин. Специализировались на выпуске марксистской литературы. После 1918 г. издательство приобрел Б.Н.Рубинштейн. Он сохранил его прежнее название, но изменил цели и задачи. Деятельность издательства была подчинена защите прав русских писателей за пределами России.

¹¹⁴ Впервые «Воскресенье» Л.Н.Толстого было опубликовано в журнале «Нива» со значительными цензурными пропусками и искажениями, большинство которых устранено в дальнейших изданиях.

¹¹⁵ Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) – издатель, публицист, ближайший сотрудник Л.Н.Толстого и пропагандист его учения. До последних дней редактировал собрание сочинений Л.Н.Толстого.

¹¹⁶ Имеется в виду издание: Воскресенье. Роман. Purleigh-Maldon=Essex, изд. В.Чертокча, [тип. «Свободного слова»], 1899–1900. Перед загл. авт.: Л.Н.Толстой.

¹¹⁷ Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – издатель.

¹¹⁸ Маркс Адольф Федорович (1838–1904) – владелец издательства в Петербурге.

¹¹⁹ Издательство З.И.Гржебина – частное издательство, организованное в 1919 г. художником-графиком и издательским деятелем Зиновием Исаевичем Гржебиным (1877–1929) в Петрограде, с филиалами в Москве. В 1920 г. было перенесено в Берлин, выпускало сокращенные собрания сочинений русских классиков, произведения современных писателей, детские книги.

¹²⁰ Издательство «Геликон» образовано в Москве в 1916 г. В 1920 г. владелец издательства А.Г.Вишняк перенес деятельность своего издательства в Берлин. В 1927 г. издательство переехало в Париж.

¹²¹ Издательство «Петрополис» возникло в Петрограде летом 1920 г. Его учредителями были Л.П.Карсавин, Д.К.Петров, Я.Н.Блох, А.С.Каган, Г.Л.Лозинский, А.М.Розенер. Почти все они оказались в 1922 г. в Берлине. Благодаря стараниям Блоха и Кагана берлинский «Петрополис» стал функционировать как филиал петроградского издательства. В 1924 г. связь с Россией оборвалась. В 1933 г. издательство переехало в Брюссель, в конце 1930-х гг. прекратило свою деятельность.

¹²² Основатели книгоиздательства «Скифы» И.Штейнберг, А.Шрейдер, Е.Лундберг поставили своей задачей знакомить читателя с Россией переходной эпохи в области поэзии, литературной критики, политики. В 1921 г. издавали журнал «Знамя», а в 1922 г. – журнал «Вещь».

¹²³ Издательство «Слово» возникло весной 1920 г. по инициативе И.В.Гессена, выпускало в Берлине левоцентристскую газету «Руль» (1920–1931).

¹²⁴ Книгоиздательство «Мысль» основано С.Кучеровым и И.Гольдбергом. Оно выпускало серию «Библиотеки для всех». За период 1921–1924 гг. было выпущено 99 сборников, в которые вошли произведения русских классиков и современных авторов.

¹²⁵ В конце 1921 г. в Петрограде было основано книгоиздательство «Эпоха». Его редакторами являлись Е.И.Замятин и К.И.Чуковский. В начале 1922 г. в Берлине открылось отделение книгоиздательства, во главе которого встал С.Г.Каплун-Сумский.

¹²⁶ «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939) – еженедельный литературно-иллюстрированный журнал. Основатель и первый редактор – Мирон Петрович Миронов (1890–1935). С июля 1931 г. по июль 1932 г. главный редактор – А.И.Куприн. В 1936 г. в состав редакторского комитета вошли И.С.Шмелев, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский и Б.К.Зайцев. Журнал отличался богатым иллюстративным рядом.

¹²⁷ «Беседа» (Берлин, 1923–1925) – журнал литературы и науки. Был задуман М.Горьким в конце 1921 г. как издание, ориентированное на читателя в России.

¹²⁸ Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, прозаик, критик, мемуарист. С журналом «Беседа» сотрудничал в 1923–1925 гг., в 1927–1939 гг. вел отдел критики в «Возрождении».

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ МИХАИЛА ЧЕХОВА (воспоминания Жоржет Бонер)

Публикация И.И.Аброскиной

Михаил Александрович Чехов (1891–1955), великий русский актер, режиссер, педагог, начал свой творческий путь в 1907 г. в Санкт-Петербурге в Театральной школе А.С.Суворина, одновременно играя на сцене Суворинского театра. И уже с самых первых ролей Чехов был высоко оценен артистами-партнерами, зрителями и критиками.

В 1912 г. он был принят в Московский Художественный театр. По воспоминаниям М.О.Кнебель, на ее вопрос К.С.Станиславскому, что осталось у него в памяти от первой встречи с Чеховым, тот ответил: «Мне стало его жалко. Что-то в его глазах было доброе и беспомощное». А встретив Вл.И.Немировича-Данченко, Станиславский сказал: «Племянник Антона Павловича, Миша – гений».

В этом же году при Художественном театре была открыта студия под руководством Л.А.Сулержицкого. В ее составе были Чехов, Е.Б.Вахтангов, Л.И.Дейкун, С.В.Гиацинтова, Б.М.Сушкевич, М.О.Кнебель, Н.Н.Бромлей, А.А.Гейрот и др. В 1924 г. студия была преобразована в МХАТ 2-й. Но в театре начался раскол. В прессе появились статьи, критиковавшие порядки театра, его репертуар и направление.

К конфликту были привлечены ЦК работников искусств, НК просвещения, Управление государственными академическими театрами. Главное возражение ряда актеров театра – А.Д.Дикого, Л.Л.Волкова, В.П.Ключарева, О.И.Пыжовой и др. – было связано с репертуаром, который определял Чехов: он хотел ставить классику, а современные пьесы для него были неприемлемы. На одном из заседаний директоров театров в Нар-

компросе был составлен список запрещенных авторов, среди них — Шекспир и Гете. Чехов выразил бурное возмущение и на том же заседании получил безымянную записку: «А ясно ли вы помните, товарищ, что делали с непокорными директорами театров во время Французской революции?»

Кроме того, от Чехова требовали прекратить с труппой МХАТ 2-го антропософские занятия по системе Рудольфа Штейнера.

Атмосфера сгущалась, и в 1928 г. Чехов получил предупреждение от Екатерины Владимировны Артеменко, секретаря Председателя Совнаркома А.И. Рыкова, о том, что в ГПУ вынесено постановление о его аресте.

В июле Чехов вместе с женой уезжает в Германию на лечение и больше уже в Советский Союз не возвращается, о чем сообщает коллективу театра в открытом письме.

Гневные статьи, обрушившиеся на Чехова в нашей печати, получают все-таки некоторый отпор. Так, 10 сентября 1928 г. «Вечерняя Москва» опубликовала беседу с Луначарским, в которой он заявил: «Причины переживаемого кризиса театра имеют более глубокий характер. Одна из них — это переживаемое нами слишком большое увлечение революционно-бытовыми пьесами. Это довлеет над театрами. Почти с осуждением встречаются попытки некоторых театров отойти от свежeweпеченных злободневных тем. Для некоторых режиссеров и артистов это требование является невыполнимым. И такие требования не могли не обескрылить Чехова».

А.Я. Таиров, выступая в Москве, в Доме печати, сказал: «Швыряться Чеховым, как это иногда делается, преступление. Наша страна стоит слишком крепко, чтобы бояться, что у Чехова могут быть мистические настроения» (24 сент. 1928 г.).

15 сентября 1928 г. в «Вечерней Москве» была опубликована статья Луначарского, в которой он писал: «Чехов хочет очень углубленного, трепетного, проникновенного, возвышенного театра... А сохранить [Чехова] очень было бы надо даже ценою серьезных уступок от той немножко слишком правоверной линии, которую склонны проводить наши “строгие” критики».

За границей Чехов сначала играет в Вене у Макса Рейнхардта. В 1929–1930 гг. он — в Берлине, Праге, снимается

в фильмах, пытается создать свой театр. В это же время происходит знакомство с Георгием Семеновичем Ждановым (1905–1998) – театральным режиссером, актером, педагогом, драматургом. С этого момента они большую часть творческой жизни вместе. Жданов был сорежиссером Чехова, педагогом в его театральных коллективах в Англии и Америке. В своих воспоминаниях Жданов написал: «Чехов – комик, Чехов – трагик, Чехов – режиссер, педагог и философ театра – какое богатство! Какая огромная область для изучения и исследования! Мне посчастливилось в жизни. Судьба подарила мне в течение целого ряда лет возможность интенсивной, творческой работы, сыгравшей решающую роль в моей жизни, с гениальным артистом и исключительным человеком» (РГАЛИ. Ф. 2316. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 13).

В апреле 1931 г. Чехов уезжает в Ригу на гастроли, а оттуда – во Францию. 17 мая 1931 г. в Париже состоялось знакомство Чехова с Жоржет Бонер (1903–1998), французским лингвистом, режиссером, продюсером, философом, которая становится другом Чехова на долгие годы. В своих воспоминаниях «Жизнь и встречи» Чехов писал: «Это была особенная девушка... Во-первых, она была доктором философии и автором аналитического труда о творчестве Шницлера. Во-вторых, несмотря на свою ученость, она была талантлива, остроумна и обладала богатой, живой фантазией. В-третьих, Жоржет была так же проста и сговорчива в жизни, как сложна и упряма в своих философских трудах и беседах. Ей, этой милой и красивой Жоржет, я и рассказывал мою сложную теорию ритма и композиции в применении к театру. Но для нее мои мысли не были сложными! Напротив, своими вопросами, советами и рассуждениями она возносила меня на такие философские высоты или загоняла в такие тупики новейшей психологии, что я уже начинал побаиваться: уж не слишком ли простоваты мои измышления?

Когда я уставал говорить, Жоржет читала мне вслух биографию Песталоцци. Она мечтала видеть этот неподражаемый по своему обаянию и трагическому комизму образ на экране. Она готова была субсидировать фильм, если бы я был в состоянии играть самого Песталоцци. Несмотря на мои уговоры, она не соглашалась на другого исполнителя этой роли. (Между прочем, Жоржет и была тем

ангелом-покровителем, с которым познакомили меня в Париже... Это она дала мне возможность осуществить постановку пантомимы [“Дворец пробуждается”], так печально окончившуюся для нас обоих)».

Ж.Бонер сопровождала Чехова в его поездках по Прибалтике, в Париж, Италию, Англию, Америку.

В 1938 г. в связи с напряженной предвоенной обстановкой Чехов из Англии вместе со своим театром переезжает в Америку, где остается до конца жизни. Он ставит спектакли, снимается в кино, но из-за болезни сердца постепенно ограничивает свою деятельность преподавательской работой.

* * *

До 1960-х – 1970-х годов значительная часть архива М.А.Чехова была рассредоточена по разным фондам государственных хранилищ и частным собраниям в нашей стране и за рубежом. И только благодаря усилиям вдовы Чехова, Ксении Карловны, ее сестры Елены Карловны Зиллер-Беловицкой и Г.С.Жданова, архив великого актера и режиссера стал поступать из Америки в Москву, в ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ). После смерти Ксении Карловны всю работу по сбору материалов взял на себя Жданов. Он же настойчиво обращался к друзьям и ученикам Чехова с просьбой написать о нем воспоминания. Публикуемые ниже воспоминания Жоржет Бонер написаны ею, как мы видим из ее письма к Жданову, тоже по его настоятельной инициативе.

РГАЛИ получил публикуемые нами воспоминания от Ж.Бонер из Швейцарии, где она жила последние годы. Написаны они на немецком языке, перевод осуществлен Людмилой Григорьевной Григорьевой. Ею же сделаны подстрочные примечания (см.: Ф. 2316. Оп. 3. Ед. хр. 61). Отрывок из пьесы «Гамлет» – в переводе М.Л.Лозинского.

При подготовке публикуемых нами воспоминаний использовано 2-томное Литературное наследие М.А.Чехова, второе издание, 1995 г. (подготовка текста и комментарии И.И.Аброскиной и М.С.Ивановой; ею же составлена летопись жизни и творчества М.А.Чехова). При комментировании упоминаемых в воспоминаниях спектаклей указываются даты только премьер в конкретных театрах. Последующие спектакли не оговариваются.

Дорогой Джордж Жданов.

В своем письме от 30 октября 1975 года ты спрашиваешь меня: «Как играл Чехов?»

И ты спрашиваешь с полным правом, потому что я работала с Михаилом Чеховым с 1931 по 1937 год в Париже, Риге, Каунасе, Нью-Йорке и Дартингтоне.

Я спрашиваю себя, не нужно ли было мне уже давно ответить на этот вопрос, даже если он и не был задан? Собственно говоря, это обязательство накладывает на меня наша совместная работа. И действительно, я часто пыталась ответить на этот вопрос, но проходили годы и даже десятки лет. Напрасно. Как описать словом жест, взгляд, интонацию, окраску звука? Как можно передать словами хотя бы частицу воспринятых впечатлений?

Но теперь ты спросил, и это побуждает меня ответить тебе. Ведь ты много работал с Чеховым в Америке, ты знал его, его характер и волшебство его искусства в то время, когда я не могла покинуть Европу.

Ты спрашиваешь, и я хочу попытаться записать для тебя мои воспоминания. Ты их поймешь и дополнишь, даже если они будут фрагментарными.

Весна 1976

Жоржета Бонер

Если я попытаюсь описать Чехова как актера для тех, кто никогда не видел его на сцене, то наверняка выражение лица слушателя будет: конечно, он хороший актер, но этого мало, потому что то же можно сказать и о многих других. Все описания ограничиваются рамками рассказываемого. Но игра Чехова взрывает эти рамки рассказываемого. Ибо это была не только игра, не только его умение, не только искусство — это было нечто большее, нечто совсем иное.

Когда Макс Рейнхардт¹ однажды перечислял актеров своей труппы, то имя Михаила Чехова он дополнил следующими словами: «Звезда, близкая сердцу».

Это его высказывание связывает свет из далекого прошлого с внутренним восприятием, оно соединяет потустороннее с биением сердца. Этим он отметил то неизмеримое, что содержалось в чеховской игре. Актерское искусство, внушившее великому специалисту Рейнхардту такое сравнение, предполагает, что оно воспринимается трансцендентально и снова излучает его.

Когда я впервые встретила Чехова у наших знакомых 17 мая 1931 года в Париже, то я еще ни разу не видела его на сцене. После продолжительного разговора об искусстве он предложил мне сопровождать его на репетицию пьесы Стриндберга «Эрик XIV»². И вот Михаил Чехов – шведский король – репетирует на сцене. Правая рука опущена книзу. Вытянутая в сторону левая как бы продолжает линию плеча. Правая рука показывает вниз. Направленный во внутрь себя взгляд. Почему его поза так врезалась мне в память, что я так отчетливо себе ее представляю почти через 45 лет?

Сегодня я знаю, что она выражала скрытые порывы Эрика. Рука, в которой он должен был держать королевский скипетр, безвольно опущена книзу, а другая, вытянута горизонтально, как будто для защиты. Однако рука свешивается бессильно, как парализованная, указывает на землю. И это значит, что нерешительный, неспособный действовать король все же остается в плену у земного.

Эта незабываемая поза была воплощением не только душевного состояния короля, но одновременно сконцентрировала в себе всю роль в одной единственной позиции. В ней, как в зажигательном стекле, сфокусировались все лучи.

В 5 главе своей книги «Актеру» («To The Actor». P. 63–84), вышедшей в 1953 году³, Чехов называет такую ключевую позицию «а Psychological Gesture» (психологический жест), сокращенно P.G. Эти психологические жесты были вехами его творчества.

Когда я познакомилась с Чеховым, у меня уже был некоторый театральный опыт. Я изучала литературу в Цюрихском университете и поставила со студентами «Сон в летнюю ночь» Шекспира и «Леонс и Лена» Бюхнера⁴. В Вене – «Комедию снов» Шницлера⁵.

Премьера «Болезни молодости» состоялась 6 февраля 1931 года, «Комедии снов» – 12 июня того же года.

В том же июне Чехов со своей труппой давал в театре «Ателье» на Монмартре (Théâtre Monmartre «Atelier») следующие спектакли: «Эрик XIV» Стриндберга, «Потоп» Бергера⁶, «Гамлет»⁷ и «Двенадцатая ночь, или Как вам угодно» Шекспира⁸, а также одноактные пьесы по рассказам Антона Чехова⁹.

Позднее, в 1932–1935 годах, в Риге, Каунасе, Париже, Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне я видела Чехова в роли Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя, в роли Иоанна IV в трагедии Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного» и в роли Фомы Фомича в инсценировке «Села Степанчикова и его обитателей» Достоевского¹⁰.

Наша беседа 17 мая 1931 года, впечатления от последовавшей за ней репетиции «Эрика XIV», а также русских спектаклей в театре «Ателье», побудили меня переоценить мое собственное творчество. Подвести черту? Должна ли была моя работа у Питоева¹¹ в студии на Елисейских полях смениться чем-то новым?

Мне нужно было оглянуться назад и посмотреть вперед.

Оглядываясь назад, я подвергла пристальному рассмотрению мою деятельность.

Я уже обладала достаточным опытом, чтобы видеть проблемы актерского искусства.

Театральное творчество есть поиск воплощения и, наверно, пребудет таковым всегда. В этом поиске заключены отвага и величие сцены. Наиболее предпочтительным инструментом актерского искусства является человеческое тело. Но в этом и заключается особенная трудность.

Инструмент актера – это его собственное тело. Нужно уметь приносить себя в жертву поиску и выразить своим телом найденное.

В комедии дель арте актеру позволялось в рамках заданной темы свободно изображать отдельные сцены согласно его желанию. Возможность импровизации побуждала к поискам нового. Пока еще на сцене под открытым небом на возбужденного реакцией зрителей актера снисходило вдохновение, он ощущал внезапный творческий импульс. Но всякие изобразительные поиски плодотворны лишь тогда, когда творческие натуры осознают границы своей свободы и придерживаются свойственного им стиля. Это так и происходило, пока комедия дель арте черпала свою жизненность из слова и жеста, формируя из них единство. Это относится также и к литературному театру, до тех пор пока его деятели – актеры и режиссеры – придерживаются изначальных соответствий пространства и времени, жеста и слова, формы и языка и сознательно следуют им. Но

творчество должно быть внутренне осозанным, а не простым копированием.

Однако что происходит, когда такая живая, вдохновляющая театр традиция, как комедия дель арте, медленно угасает и постепенно сходит на нет?

Перед моими глазами проходят спектакли театра «Ателье». Я как бы предугадывала значение чеховской игры и чувствовала, что он нашел верный, ведущий в будущее путь. Созданный им образ был порожден внутренней необходимостью, он убеждал. Одним единственным жестом Чехов выявлял квинтэссенцию образа, охватывал прошлое, настоящее и будущее. Когда он стоял на сцене, говорил, играл, то происходило нечто более значительное, чем просто воплощение поэтического образа. Его изображение выходило за рамки изображенного. Открывая новые перспективы, его игра потрясала театральные нормы. Его артистическая метаморфоза рождала в зрителе удивительный мир.

Она и отталкивала, и восхищала.

Чехов учился в театральной школе в Петербурге, где он и дебютировал. Уже довольно скоро одаренность и необыкновенные способности молодого актера открыл пролагавший новые пути новатор сцены Станиславский и пригласил его в Москву, в свой театр.

Здесь и произошло посвящение Чехова в «метод», разработанный Станиславским и его великими сподвижниками Сулержицким¹² и Вахтанговым. Чехов изучил этот метод досконально. В 1924 году Чехов становится руководителем Московского Художественного академического театра 2-го¹³. Уже здесь он самозабвенно отдается совершенствованию молодых талантов. При этом он расширял строгий «метод» Станиславского и закладывал основу своей собственной направляющей педагогики.

Его интерпретация Гамлета уже тогда стала легендой¹⁴.

Чехов знал тайну меры и формы, соразмерности и образа. Актер является посредником между этими двумя до этого незнакомыми величинами. Соразмерность не задана изначально, ее нужно искать, за нее нужно бороться.

Нужно было развивать также и актерскую технику, долженствующую отображать внутреннее состояние. Как внутренний образ, так и внешнее отображение – все должно достигаться посредством непрерывной, интенсивной

работы. От представления о том, как это должно быть, и до соответствующего исполнения предстоит еще долгий путь со многими препятствиями.

Чехов постиг искусство проникновения в образ и совершенного владения мерой и формой. Оно было фиксированным и одновременно прозрачным. Оно отражало внутреннюю соразмерность. Вершиной искусства было осуществление его видений.

Михаил Чехов был источником свежей мысли в сценическом искусстве. Он черпал свое вдохновение не в прошлом, а прежде всего в осознанном стремлении к получившей свое внешнее выражение внутренней форме. Актер не должен сопровождать слова роли случайным жестом, но воссоздавать идущий из самых глубин соответствующий жест, созвучный с пространством и временем.

Разве это не был путь, устремленный в будущее? Разве актеры не должны были учиться слушать внутренний голос и прислушиваться к нему? Разве не должны были они черпать из этого внутреннего богатства? Но тогда они должны были уметь освобождать движение тела и звук голоса от шлаков тщеславия, стремления нравиться и подражательства.

И внезапно передо мной встал вопрос, не пытаюсь ли я сама в моих собственных режиссерских устремлениях, ощупью и спотыкаясь, двигаться в этом направлении? Не была ли у нас одна и та же цель?

После окончания моей совместной работы с Чеховым во время 2-й мировой войны я возвратилась в Швейцарию. С тех пор я посвятила себя прежде всего живописи, хотя театр по-прежнему приковывал мое внимание и я продолжала ставить спектакли со студентами.

Так как я имела счастье работать с Чеховым и учиться у него, то, наверное, мне пришлось бы не по душе постановка дела в профессиональном театре, где время репетиции нового спектакля зачастую непозволительно сокращается, потому что нужно заполнять пустую кассу.

К тому же нужно сказать, что дилетанта, который непредубежденно, без трюков и рутины, однако с восторгом и доброй волей берется за дело, можно направлять легче. При этом ответственность режиссера никак не меньше, чем на профессиональной сцене, потому что

он должен в буквальном смысле слова формировать дилетанта. [...]

Сознавая общность наших устремлений, мы с Чеховым решили поставить вместе пьесу, он – как обучающий, я – как учащийся партнер. Для этого мы выбрали русскую сказку об Иване Царевиче. Ее премьера состоялась в парижском театре «Авеню» («L'Avenue») под названием «Замок просыпается» («Le Château s'éveille»).

Однако прежде чем поднимется занавес нашей парижской постановки, я хочу рассказать еще о нескольких других ролях, интерпретированных Михаилом Чеховым.

Трагедия Августа Стриндберга «Эрик XIV»

Сын Густава Васы шведский король Эрик XIV (1533–1577) мог бы стать осмотрительным, великодушным правителем, если бы подозрительность и вспыльчивость не приводили бы его к необдуманным поступкам и насилию. Уже в начале трагедии он близок к безумию. Он во всем послушен своему фавориту Ерану Персону, человеку из народа. Эрика терзает постоянный страх быть преданным дворянством. Его изнуряет раздор между братьями и борьба с влиятельным родом Стуре. Его преследуют несчастья, болезненные удары судьбы, он мечется между отчаянием и безнадежностью.

Творит ли он добро или зло – все оборачивается против него. Все кажется ему сомнительным, карикатурным, ирреальным. Везде одна несправедливость.

Бежит из плена соперник Эрика, герцог Юхан. Рушатся планы помолвки Эрика с Елизаветой Английской. Его возлюбленная, солдатская дочь Карин Мансдоттер, поддается уговорам покинуть с обоими детьми замок, якобы для того, чтобы обеспечить им безопасность, и становится заложницей в руках врагов короля. Им удастся вернуться назад, и Эрик женится на матери своих детей. Возмущенное дворянство не является на свадьбу, и король приглашает к себе простой народ. Но вражеские силы под водительством претендента Юхана уже окружили замок. Эрика ожидает плен.

Чехов в роли Эрика производил впечатление человека рано состарившегося, уставшего от жизни, терзаемого разъедающей душу тоской, которого уже коснулась тень душевного разлада. Его бледное, изборожденное морщи-

нами лицо с высоко поднятыми бровями как будто застыло. Болезненное благородство светится в его недоверчивых глазах.

Любовь к детям – это особенно трогательный момент в трагедии снедаемого тоской властелина. Эта привязанность – светлый луч примирения, осветивший глубины несчастной, истерзанной души Эрика.

После того как Карин с детьми покидает замок, начинается самая потрясающая сцена трагедии. Эрик смотрит на разбросанные в спешке игрушки. Он боится потерять детей навсегда. Он протягивает руки и поднимает куклу.

Эрик – Ерану Персону:

– Посмотри на них! Это кукла Сигрид, ее зовут Слепая Бескровная. Я знаю имена ее кукол, слышишь! – Знаешь, сейчас я больше всего на свете боюсь, что мои меня могут навсегда покинуть! Но действительность не соответствует нашему представлению о ней, я совсем ничего не чувствую, я спокоен как никогда, и о чем я хотел бы сказать в этот счастливый час! Если бы только не эта ночь на Ивана Купала! Она будит так много воспоминаний, особенно воспоминаний о детях. Лучшее, что дарит мне эта жалкая жизнь – в прошлом году мы гребли на лодке в озере Меларен – на Сигрид и Густаве была новая одежда, а мать сплела венки из незабудок и надела на их белые головки.

(Конец 3 акта)

Чехов играл эту сцену, сидя в укромном, потаенном уголке сцены. Он хватается кукол своих детей одну за другой и внимательно рассматривает их как что-то незнакомое. Он долго ничего не говорит, долго играет с куклами, и эта игра выразительнее всяких слов. Все, до чего он дотрагивается – оживает. И куклы вступают с ним в эту игру: он то меняет их местами, то дотрагивается до них, обнимает. Реквизит также включается в игру и отвечает его жестам. Его мимика охватывает всю сцену. Сцена становится только отзвуком того, что выражает его облик, а поза – только отзвуком его жестов. И внезапно понимаешь, что он – покинутый, одинокий король, играющий куклами своих детей.

Описанный вначале жест, который я видела на первой репетиции, предвосхищал этот трогательный молчаливый

диалог с куклами. Безвольно свисающая правая рука выражает неспособность к действию. А в поднятой левой еще есть сила, в то время как она устало указывает на последнее земное прибежище — любовь к детям, которой, как ему кажется, он лишился.

«Гамлет, принц Датский». Трагедия Шекспира

После того, как я долгое время работала с Михаилом Чеховым, я решила наблюдать и запечатлеть самую сущность его игры вплоть до самых маленьких, самых тонких нюансов. Так, как это делает ученик, воспринимая интонации своего учителя пения.

И что произошло? Вскоре я заметила, что мое внимание было не в состоянии охватить скрытый план его искусства. Всегда что-то оставалось до конца не признанным, и именно эта тайна и не давала мне покоя.

Примером может служить шекспировский «Гамлет».

Скончался король Дании. Его сын Гамлет возвращается из Виттенбергского университета в замок Эльсинор и находит свою мать снова замужем за братом умершего супруга. В первой сцене трагедии призрак умершего отца Гамлета является страже и его другу Горацио. На следующую ночь Гамлет отправляется на площадку перед замком. Напряжение нарастает. Снова появляется тень. Гамлет обращается к ней со словами:

Да охраняют нас ангелы Господни!
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом или геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен, —
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне!

(1 акт, 4 сцена)

Чехов играет эту сцену, не показывая лица. Он делает то быстрые, то торопливые, стремительные шаги, то вновь нерешительные. Руки двигаются в такт шагам. Иногда он останавливается. В правой руке он держит меч, как бы защищаясь от грозящей ему опасности. Чехов двигается с благородной гибкостью пантеры. Он весь настороже, он — сама готовность, он целиком владеет собой и готов к нападению извне.

А дальше происходит неслыханное превращение. Что-то случилось. Но что? Невозможно понять. Что же изменилось? Движения, поза, голос, взгляд — все и ничего? Смотрящий сам становится предметом рассматривания.

Гамлет уже не один. Это он и уже не он, теперь их двое — он и призрак. Он и Я и Ты, спрашиваемый и отвечающий. Это он сам и одновременно человек, потрясенный виденным. Как это могло произойти?

И вот начинается совсем уж неслыханное. После того как Гамлет узнает от призрака об убийстве отца — братоубийстве, совершенном вторым мужем его матери, он вдруг успокаивается, как бы застывает на месте. Затем, после некоторой паузы, дух разрывает единство с сыном и медленно удаляется. Этот медленный уход наглядно проявляется в неподвижной позе сына. Что произошло? Ничего. Но это «ничего» вмещает все.

С этого момента в измученной душе Гамлета ослабевает требование призрака отомстить за убитого короля. Но каким образом принц, натура скорее созерцательная, чем активная, сможет выполнить его требования? Гамлет добивается определенности, становится энергичным.

Мыслитель медленно превращается в человека действия. Его оружием становятся осмотрительность и осторожность. Чтобы выиграть время и лучше спрятать свое истинное я, он симулирует безумие. Неприветливо встречает он Офелию, которую когда-то любил. Так он освобождается от всяких земных привязанностей. Он должен создать себе дистанцию и пространство для действий, ибо уже предугадывает свою судьбу, что ему — не быть.

От прибывших ко двору актеров он требует, чтобы они сыграли пантомиму о трагической гибели его отца. Король в возбуждении покидает представление, и это окончательно убеждает все еще сомневавшегося принца.

Он еще раз пытается разбудить совесть у своей матери. Он становится опасным, и его удаляют от двора под видом некоего поручения. Но Гамлет возвращается. Сознание Офелии помрачено, она тонет в реке.

Наступает последняя фаза трагедии. Гамлет готов исполнить задуманное, от размышлений он переходит к действию. Лаэрт, брат Офелии, вызывает его на поеди-

нок. После ужаса всеобщей кончины Гамлет прикладывает кубок с ядом к своим губам. В этом мире для него больше нет места.

Таков внешний рисунок происходящего, и это внешнее отражается в душе Гамлета, как пейзаж в озере. Но когда по поверхности воды идут круги, то отражение трудно различимо. Так и Гамлет, когда он притворяется, для того чтобы выяснить все и достигнуть цели. Дважды получает Гамлет задание от призрака отомстить за убийство – на площадке перед замком и в комнате матери. Однако зло, за которое нужно отомстить, уже пустило корни и буйно разрослось. Убийство короля становится символом зла как такового, и теперь задачей Гамлета становится искоренить всю гниль и зло в мире, расчистить место для здоровой жизни.

Выразить все это и стало великой заслугой актера Михаила Чехова. Ведь Гамлет – это лишь слуга, только посредник между высшей волей и земными событиями. Его непонятное окружающим поведение и его поступки, каждый его жест, каждая поза, каждое слово показывают, что он здесь не по своей воле, не как наследный принц, но как инструмент высшей воли. Он только глаз, только ухо, только рупор. Он воспринимает и действует соответственно задаче. Его зрение подчинено идее сведения счетов. Он подчиняется приказу духа вплоть до своей собственной, трагической гибели. Он подчиняется и становится исполнителем высшей воли:

даже если его направленный вовнутрь взгляд пронзает Офелию,

если его упорное наблюдение во время изображающей убийство пантомимы принуждает короля удалиться и тем признать свою вину,

если вырвавшийся за сценой его крик «Мама, мама»! предвосхищает его упреки королеве,

если он, приняв величественную позу, со словами «в готовности есть все», выполняя свою задачу, идет на смерть.

Набирающие силу потоки света освещают трагический конец – так было задумано в режиссуре Чехова. Они свидетельствуют, что жертвенный конец несет в себе надежду на новый день:

Post tenebras lux*.

* После мрака свет (лат.).

«Двенадцатая ночь, или Как вам угодно» («Twelfth night or What you will»). Комедия Шекспира

В пьесе «Двенадцатая ночь, или Как вам угодно» одна любовная путаница следует за другой. Мальволио, дворецкий графини Оливии, сгорает от любви к своей госпоже. Он почти потерял рассудок. А коварные домохозяева подкидывают ему письмо, в котором убеждают о тайной взаимности его госпожи, и если он отвечает на ее любовь, то должен при следующей встрече показать это.

Мальволио у Чехова так превосходен, что трудно поддается описанию. В его книге «Актеру» содержится наставление к выходу Мальволио [...].

Однако сначала одно замечание: в этой книге Чехов пишет о принципах своего искусства и рассказывает о том, как изучить и выработать требуемую артистическую технику. Он также дает указания на безграничные возможности сценического творчества. Тот, кто его внимательно читает и старается снова и снова делать предложенные упражнения, получает ключ к совершенствованию достигнутого, к лучшему пониманию и все более глубокому проникновению в то поистине чудесное явление, каким был Михаил Чехов [...].

Задержимся на минутку, чтобы еще раз посмотреть на способность Чехова вживаться в психологию образа, на педантичную проработку деталей. Ничто не укрылось от него. Он все продумал. Он играл даже то, что не было написано, но читалось сквозь строчки. Он играл все: внутренние процессы, размышления, мысли образа. Он так глубоко вживался в каждую роль и так уверенно владел актерскими выразительными средствами, что поднимался до творческой свободы. Он мог варьировать и импровизировать. Того же Мальволио он мог изображать самыми различными способами [...].

Чехову нравилось с течением времени изменять характер роли. Персонажи были для него живыми существами, способными изменяться и развиваться. И сколько бы вариантов он ни предлагал, он наверняка все их исполнил.

У меня есть фотография Чехова в роли Мальволио, на обороте которой он собственноручно написал: «Вот так теперь выглядит Мальволио».

«Ведьма» («La Sorcière»).
По рассказу Антона Чехова

В этом инсценированном рассказе Михаил Чехов играл дьячка Савелия Гыкина.

На дворе воеет ужасная метель. Старый дьячок съехался на громадной кровати, ему не спится. Он одержим мыслью, что его молодая жена наколдовала непогоду, чтобы заблудившиеся путники искали у нее прибежища.

«А то знаю, — говорит он жене, — что все это твои дела, чертиха! Твои дела, чтоб ты пропала! И метель эта и почту кружит... все это ты наделала. Ты!»

Вдали слышится звук колокольчика, приближаются чьи-то сани. Колокольчик все громче и громче. Стук в дверь. Затем тишина. Стучат. Дьячок поднимается и ворчит: «Ведьма и есть ведьма». Жена отворяет двери. Входят двое измученных мужчин. Отряхивают с себя снег и лед. Ямщик бросает мешки с почтой на сухое место и уходит к лошадям. Насквозь промерзшему и усталому почтальону хочется немного отдохнуть в тепле. Он ложится на тюки с почтой. Женщина приносит еду и питье, садится рядом с ним и смотрит на него с нежностью. Человек засыпает. Дьячок на постели натягивает на себя одеяло. Кажется, ему так и не уснуть. Под одеялом что-то ворочается. Что это — плечи или локти, может быть, колени? Одеяло поднимается и опускается, как будто ветер взбаламучивает водную гладь.

Слышится ворчание и кашель. Затем снова тишина. Но одеяло снова шевелится. Закругление головы образует новый холм. На короткое время появляется рыжий вихор. Затем выглядывает глаз. Одеяло вздувается, а затем вновь опадает. Как будто там дышит большое животное. И нам становятся понятными муки, вызываемые этой игрой волн, — глухие страдания старого, ревнивого человека. Мы понимаем беду дьячка еще до того, как он сбрасывает с себя одеяло и выходит на свет.

Нет покоя Савелию Гыкину. Он слезает с лежанки и выгоняет почтальона снова в метель, напомнив ему о его долге — своевременно доставить почту к поезду. Жена плачет.

Чехов передает нам душевное состояние дьячка при помощи одеяла. Как мог он донести до нас через эту игру под одеялом всю глубину душевных мук – ревность и ярость? Было ли это движение как таковое, ритм, торопливость жестов? Трудно сказать. Вероятно, все вместе. Но все это так и останется тайной Михаила Чехова.

Не только «Ведьма», но и другие одноактные пьесы, инсценированные по рассказам Чехова, пользовались особенной любовью парижской публики. Билеты были всегда распроданы. Большое удовольствие доставляло наблюдать во время этих представлений за публикой, целиком предававшейся удовольствию сопереживания.

В отмеченные глубоким знанием людей и всепокоряющей мудростью произведения Антона Чехова его племянник вплетал собственные изысканные находки. Их совместное творчество создавало отмеченную совершенством ткань спектакля.

Как Антон Чехов, так и Михаил Чехов – оба они проникали в сущность явлений. За веселостью они видели скрытый трагизм человеческого существования. Происходит встреча комедии и трагедии, их взаимопроникновение. Текст развлекает и одновременно отбрасывает мрачную тень. Смех персонажей часто является оболочкой скрытого страдания. В смехе проглядывают слезы, в слезах – улыбка. В комическом угадывается мрачное, сквозь мрачное проникает свет.

Искусство Михаила Чехова делало образ прозрачным. То, что он излучал, было лишь частью того, чем он был на самом деле, что в нем скрывалось. Однако и это невидимое, скрытое постоянно присутствовало в его игре. Такое взаимодействие различных напряженностей, неожиданных причин и следствий едва ли возможно передать словами. Нужно было довольствоваться указанием на ход драматических событий.

«Утопленник» («Le Noyé»). **По рассказу Антона Чехова**

На берегу реки сидит чиновник, он углубился в чтение и курит. К нему приближается опустившийся, явно пьяный индивидуум в поношенном костюме. Жесткая, круглая шляпа, называемая «дыней» или «кочосом» криво надвинута на опухшее лицо. Он разыгрывает необыкновенную комедию – человек утонул.

Человек — это он. Представление стоит три рубля. По дружбе.

Чиновник не соглашается. Долгое препирательство. Чехов так и вьется вокруг чиновника, пытаясь движениями рук подвести к своему носу немножко дыма от дорогих папирос. На лице его разлито блаженство. Дискуссия продолжается. Два рубля. Но цена все еще слишком высока, и игра неинтересная. Снова и снова подгоняет к себе дым из чужого рта человек, не оставляющий надежды насладиться им. Цена опускается. Один рубль. Они соглашаются на тридцати копейках. Ведь ему нужно заработать. Утопленник готовится к прыжку в реку. Занавес падает, скрывая облаченную в комический наряд трагедию.

«Цилиндр» («Le Chapeu haut de forme») ¹⁶.

По рассказу Антона Чехова

Летний полдень. Обыватель гуляет по ярмарке в маленьком городке. Он с гордостью носит свой цилиндр, который вызывает раздражение у прохожих, потому что закрывает обзор. Они просят его снять мешающий им головной убор. Но он отказывается. Его красивая шляпа недешево ему обошлась. Это его воскресная шляпа. И он имеет право носить ее сегодня, в воскресенье. Завязывается перепалка, которая становится все громче. Играющий человека в цилиндре Михаил Чехов вытягивается и как будто растет. Он защищается против нападков на его внешность и настаивает на своем праве носить дорогой головной убор. Со всех сторон летят оскорбления. А хилая личность в красивой шляпе делается все выше и выше. Возбуждение достигает точки кипения. Цилиндр превосходит все и вся.

Появляется полицейский. Перед облаченным в форму начальством человек в цилиндре как-то съеживается. Рука одетого в форму опускается на плечо носящего цилиндр, и его забирают в участок.

Между самосознанием и головным убором здесь явно существует тесная взаимосвязь. Красивая, высокая и, вероятно, также и новая шляпа может помочь меланхолику преодолеть депрессию.

Требовалось искусство Михаила Чехова для того, чтобы в эпизоде, в котором ограниченность видит лишь только смешное, воплотить трагедию человека.

«Жених и папенька» («Le Fiancé et le père»).
По рассказу Антона Чехова

Наконец-то друг становится женихом, наконец-то он должен объясниться и сделать предложение поблекшей старой деве. Отец надеется на это. Он больше не хочет принимать и кормить такого нерешительного. Но теперь-то он женится! Появляется жених. Чехов-папаша, в коричневом в белую крапинку халате, с длинной седой бородой, на покрасневшем кончике носа в стальной оправе очки, потихоньку потирает руки и ждет. Жених уже здесь. Однако он пришел, чтобы окончательно распрощаться. Нет, этого папаша не допустит. Он горячо протестует, борется за счастье дочери. Но жених жестко обороняется. Они нападают друг на друга. Дочь с башнеобразной прической грозит упасть в обморок. Жениху ничего больше не остается, как сказать, что он сумасшедший. Он надеется, что это поможет ему выбраться из неприятной ситуации.

Однако действительно ли он освободился? Можно предположить, иногда мимическое искусное воодушевление Чехова преодолевало также и это отчаянное последнее прибежище жертвы.

«Свидание состоялось, но...» («Le Rendez-vous a eu lieu, mais...»). По рассказу Антона Чехова

Молодой студент-медик счастливо сдал свой первый экзамен. Это событие нужно отпраздновать. Его хозяйка поставила на стол шесть бутылок пива. Блаженно улыбаясь, он открывает их. С наслаждением опустошает он бутылки одну за другой. Его движения становятся зримо все более развязными и неуверенными, его глаза блещут. Его студенческая фуражка все дальше и дальше сползает на затылок. Он возбужденно разговаривает сам с собой.

Затем он идет на улицу подышать свежим воздухом. Он весел и доволен собой. На условленной скамейке сидит пришедшая на свидание молодая девушка. Это его подруга, которая ждет его уже три часа. Но он, шатаясь, проходит мимо, так и не заметив ее. Она думает, что он шутит, чтобы подразнить и развеселить ее. Наконец он ее замечает и хочет приблизиться. Только теперь замечает она, что он пьян, и плача уходит. Он

удивленно смотрит ей вслед и философствует о сложностях капризного женского пола: «Смешные же эти женщины!».

«Забыл!!» («L'Oubli!!»). По рассказу Антона Чехова

Пожилой человек приезжает из деревни в город, чтобы сделать покупки для всей семьи. Он нагружен пакетами. Сияющее лицо с маленькими поблескивающими из старомодного пенсне глазками обрамляет соломенная шляпа. Светлая борода и торчащие кончики усов вокруг слегка приоткрытого рта, он возбужден.

Войдя в музыкальный магазин, он внезапно забыл, что должен купить. Он начинает долгий разговор с продавцом, осложненный тем, что тот – немец и с трудом понимает покупателя. Продавец хочет помочь ему вспомнить то, что человек забыл, и предлагает ему все подряд: ноты? струны? инструмент? билет на концерт? Кроме того, он предлагает положить многочисленные тяжелые пакеты. Напряженно размышляя, Михаил Чехов пытается напасть на след того, что ему поручили купить. Он начинает описывать свой дом. Но внезапно его отвлекает кошка на прилавке, и он осведомляется, это кот или кошка. Ах – кот! Тогда он снова делает попытку вспомнить. И вдруг его память проясняется – он должен купить ноты для фортепиано. И он рассказывает, что когда вернется домой в деревню, то ему навстречу выбежит дочь, и если он из-за забывчивости не принесет заказанное, то она отвернется и заплачет. Как живую он видит ее перед собой – всю ее хрупкую, с поникшими плечами худенькую фигурку. Он показывает, как она играет на пианино, как нажимает на клавиши растопыренными пальчиками, как переносит руки одну над другой, то левую, то правую. Захваченный этими жестами, продавец предлагает ему самому сесть за инструмент, чтобы, может быть, таким образом вспомнить забытое название. Идея понравилась. Продавец подвигает ему стул. Однако, намереваясь сесть к пианино, человек из деревни сообщает, что не умеет играть. Его снова отвлекает кот. Мысли его мечутся, он отчаянно пытается расшевелить свою память и начинает неосознанно отбивать такт рукой. Продавец наблюдает его и настраивается на ритм, сначала движениями головы, а затем рук. Со своей стороны, Чехов вни-

мательно следит за движениями продавца. Оба отбивают такт и начинают мычать мелодию. И наконец, спасенные, счастливые, они догадываются: ну конечно — «Венгерская рапсодия» Листа.

«Забыл!» — что это такое? Игра? Озарение? Сценка? Бурлеск? Определенно. Но Михаил Чехов вдохнул в это прелестное забытое незабываемую жизнь.

«Торжество победителя» («Le Triomphe du vainqueur»).

По рассказу Антона Чехова

Уже простое появление Михаила Чехова в этой одноактной пьесе вызывало бурю аплодисментов. Выходил он на сцену один. Казалось, он немного смущается. Он был углублен в себя и сконцентрирован. Обращенный вовнутрь взгляд, усы трогательно топорщатся над губой. Чехов был потрясающ, казалось, что это реальная жизнь, а не сцена. Как будто он пришел прямо с улицы.

Он рассказывает об обеде, на который удостоился быть приглашенным. Во время обильной вкусной еды хозяин, всесильный председатель, встал, чтобы начать речь. «Я хорошо помню то время, — заявил начальник, — когда я был еще маленьким чиновником, а должен был прислуживать моему тогдашнему начальнику Курицыну. Ему я обязан бесчисленными страданиями. Я должен был выгуливать его собаку, сопровождать его тещу в театр и ждать ее на холоде на улице, чтобы отвезти домой. Все самые унижительные услуги были возложены на меня. Я был просто мальчиком для битья. Моя мать так испугалась сурового отзыва начальника об ее сыне, что из-за этого заболела и безвременно скончалась. Теперь пришло время расплаты... Теперь моя власть. Теперь я над ним и могу крикнуть: «Курицын, ешь перец», и польщенный Курицын ест перец. Теперь я начальник и приказываю: «Курицын, бегай вокруг стола и кукарекай!» И Курицын бегает вокруг стола и кричит «кукареку». И непонятно, является ли краска на его лице признаком унижения или признаком удовольствия от того, что он услужил своему начальству.

Чеховский крик «кукареку» пробирал до мозга костей. Он весь был Курицыным. Подпрыгивая с поднятыми руками, то и дело выкрикивая «кукареку», он кружился вокруг воображаемого стола.

Трагизм, заключенный в смешном, был таким потрясающим, что хотелось плакать и смеяться одновременно.

Трудно, почти невозможно описать достижения Михаила Чехова. Как ни хотелось бы передать всю силу впечатлений, адекватное выражение этому найти невозможно. Поэтому мне ничего другого не остается, как только дополнить стоящее у меня перед глазами.

В то время как Михаил Чехов играл в Париже сценки по рассказам Антона Чехова, в парижском цирке выступал великий знаток человеческой психологии, мастер перевоплощения, швейцарец, клоун Грок¹⁷. Не будучи лично знакомыми, они восхищались друг другом на сцене. Однажды случая было угодно, чтобы они встретились на улице. Они узнали друг друга. И что произошло? Они были не в состоянии говорить. Они обнялись и заплакали. Они понимали друг друга без слов.

«Потоп» («Le Déluge»). Пьеса Хеннинга Бергера

Пестрая толпа гостей ищет бар на берегу Миссисипи. Они обмениваются отрывочными репликами, и вдруг разразилась ужасная гроза. Сверкает молния, гремит гром. С неба низвергаются потоки дождя. Буря нарастает. Слышится треск ломающейся плотины. Мощные потоки грозят все смыть. В баре поднимается паника. Железные шторы спущены.

Охваченные страхом смерти, люди объединяются. Они братаются. Примиряются. Проповедуют дружбу и любовь к ближнему, пьют, болтают и поют. А вода все прибывает. Свет гаснет.

Телефон и телеграф молчат. Люди теряют последнюю надежду на спасение.

Однако на смену ужасной ночи приходит новый день. Одна хорошая весть следует за другой. Все возвращается – свет, телефон, телеграф, открываются окна и двери. Опасность миновала, и люди стали эгоистами, как и прежде.

В этой сатире Чехов играл обанкротившегося биржевика Фрэзера. Когда он входил, то бар был еще совсем пустой. На Фрэзере элегантно перстяной костюм в пеструю клетку, яркий в крапинку галстук. Руки в перстнях. Он пытается скрыть лысину, зачесывая набок редкие пряди волос. Он оглядывается в поисках места. Где сесть? Он

может выбирать, но все никак не может решиться. Он опускается на стул у окна. Нет, здесь сквозит. И он переходит к другому столику. Но и там ему не нравится. Он оглядывается и качает головой. Некоторое время стоит в нерешительности. Затем испытующе смотрит в зал, оглядывается и, наконец, находит подходящее место. Черты его лица, ранее выражавшие напряжение, разглаживаются, теперь они излучают тихое удовольствие.

Затаив дыхание, следила я за мельчайшими деталями чеховского выхода. Смотришь, смотришь и, наконец, понимаешь, что дело здесь не в поисках места незначительным биржевиком, нет, это само растерявшееся человечество, которое ищет и не может найти места. Игра Чехова превращает маленького человека Фрэзера в мировой символ.

«Ревизор». Комедия Н.В.Гоголя

Хлестаков из гоголевского «Ревизора» в исполнении Михаила Чехова был легок, как перышко. Казалось, у него нет, совсем нет веса. Он порхал, он лишь касался земли, чтобы, плавно взлетев, штурмовать новые приключения в своей жизни.

Кто такой Хлестаков? Чужой в провинциальном городке. Местные власти приняли оставшегося без средств, задолжавшего всем молодого человека за важного чиновника из Петербурга, о приезде которого их предупреждали. Они предполагали, что он прибыл инкогнито, чтобы проследить за их поведением. Они окружили Хлестакова почтительной лестью и знаками внимания, они соревнуются в приглашениях и подкупе. Поняв, откуда ветер дует, Хлестаков поднимает паруса и исчезает.

Такова роль, которую Чехов играл с такой легкостью. Его первый выход в доме полицмейстера из-за кулис прямо на зрителя подобен вспышке молнии. Встреченный поклонами и реверансами, он переходит к прекрасному полу. Дамы в восхищении от идущего им навстречу энергичного молодого человека. Они любят его кудрями, его галстуком в крапинку, элегантным коротким пиджаком с кружевными манжетами, клетчатым жилетом и туго натянутыми брюками со штрипками. Велико их желание завоевать такого красавца.

Хлестаков у Чехова плавает в воздухе, как мыльный пузырь, отражающий все краски окружающего мира. И так

же легко, как мыльный пузырь, он перелетает от одного праздника к другому, легко, как мыльный пузырь пока не лопнет. И когда приезжает настоящий ревизор — он лопается. Но Хлестакова уже там нет, он уехал со всеми взятками в кармане на самых резвых лошадях почтмейстера.

Генрих фон Клейст¹⁸ в своем сочинении «О театре марионеток»^{*} считает марионеток образцом для мимов и танцоров. Марионетки совершенны, грациозны и легки, потому что подвешены на нитях, которыми двигает кукловод. Это он со своего места управляет их жизнями. Импульс исходит извне. Качающиеся подобно маятнику члены марионеток автоматически и безошибочно следуют за точкой приложения рук кукловода. У марионеток нет собственного сознания, которое могло бы сбить их. Сознание — у кукловода, а марионетки лишь слушаются его. Согласно Клейсту, весь шарм как раз и состоит в том, что их ведут. Они же сами пассивны и могут лишь следовать. Это позволяет избежать беспорядка, который может привести сознание в естественную грацию человека.

Состоящий из плоти и крови актер также не свободен от недостатков. Его может смутить вмешательство сознания. Какая-то помеха или неуверенность при выходе на сцену, волнение или тщеславие заставляет задуматься: а что я делаю, как хожу, как держусь, где мои локти, мои колени, какое произвожу впечатление, не потерял ли контакт с публикой, и вообще, что я делаю не так? Подобные размышления именно тогда, когда нужно целиком погрузиться в роль, приходят совсем не ко времени и выводят актера из равновесия. Прерывается вся разработанная заранее схема игры.

Сдвигается центр тяжести в движениях, оказываясь в любом месте, только не в том, где должен находиться. Это путает и расстраивает всю игру. Равновесие нарушается.

Чехов владел игрой своих жестов изнутри, именно из того центра тяжести, который Клейст называет движущей силой — «vis motrix», и совершенное владение ею он признает только за сверхмарионеткой. Мастерство Чехова было действительно таким. Его как бы направляла некая высшая сила, и ошибок быть просто не могло. Со своими сверхъестественными возможностями он мог слить все артистические элементы в единое целое.

^{*} Heinrich von Kleist «Über das Marionettentheater».

Его удивительное, возвышающееся надо всеми трудностями, подвластное волшебству прекрасного мгновения изображение Хлестакова дарило людям счастье.

«Смерть Иоанна Грозного». Трагедия Алексея Толстого

Было ли это случайностью или предначертанием, что оба они — шведский король Эрик XIV и русский царь Иван IV родились в один и тот же день, год и сватались к Елизавете Английской?

Действие трагедии Алексея Толстого происходит в последние годы жизни Ивана IV (1533–1584). Занавес поднимается. Но перед тем как царю Ивану выйти на сцену, в зрительный зал доносятся возгласы и причитания. А может, это глубокий вздох, молитва? Голос словно доносится из ямы. Слово становится звуком, язык музыки, выражение заключается в скользящем падении и подъеме тона, в проникающем до самых глубин крещендо и диминуэндо* звуков.

Царь как бы уже присутствует здесь, хотя и не появляется на сцене. Словно отбрасываемая им тень идет впереди него. Жалобные звуки, подобно герольдам, возвещают его выход. А когда он оказывается на сцене, то сразу же понимаешь, да, вот он — человек, чей голос только что слышали. Некогда всесильный государь, теперь он в черном монашеском одеянии. Он хочет отойти от дел и передать власть преемнику.

Царь Иоанн:

Не надо пища телу,
Когда душа упитана тоской,
Отныне мне раскаяние пища!
Боярская дума вновь выбирает Ивана.

Царь Иоанн:

Свидетельствуюсь Богом — я не мнил,
Я не хотел опять надеть постылый
Венец мой на усталую главу!
Меня влекли другие помышленья,
Моя душа иных искала благ!
Но вы не так решили.

(Действие первое. Царская опочивальня.)

* Диминуэндо — ослабление звука.

Вынужденно, но внутренне довольный, он вновь меняет монашескую рясу на царское облачение и шапку Мономаха. Отобразившая борьбу двух начал в душе Иоанна: монах-властелин и властелин-монах, чеховская игра захватывала. Но этот властелин пока носит рясу. Стараясь держаться прямо, царь опирается на посох, но все же двигается согнувшись. И хотя на его голове сверкает шапка Мономаха, хотя у него в руке держава, эти знаки власти лишь отягощают и давят его. Он сожалеет о жестокости своего правления и хочет покаяться, хочет удалиться от мира в монастырь, однако душой и телом остается правителем. Он и хотел бы устраниваться от дел и предоставить другим принимать решения, но при этом до последнего вздоха не выпускает из рук власть.

У него уже нет сил править, но он цепляется за власть. Живущий за счет своей двойственной природы и умирающий от двойственности своей природы – так понял его и таким убедительно изобразил его Михаил Чехов.

Когда мы однажды беседовали об этой роли, то я возражала Чехову. Грозный представлялся мне могучим орлом, которому подрезали крылья. Мое замечание обрадовало его. И сегодня я знаю, что тогда я коснулась того, что было им позднее названо «psychological gesture» – вмещающий все жест.

«Село Степанчиково». По роману Ф.М.Достоевского

С большим волнением я ожидала в Риге премьеры «Села Степанчикова».

Повествование Достоевского содержит так много живых, страстных диалогов, что они так и просятся в инсценировку. Драматургу остается лишь выбирать и вычеркивать – пьеса готова.

Не удивительно, что Московский Художественный театр довольно рано поставил ее и гастролировал с ней¹⁹.

Главным героем книги является Фома Фомич Опискин, вообразивший себе, что у него высокое призвание. Однако до сих пор ему не везло. После многих блужданий он должен есть свой горький хлеб в доме деспотичного, больного генерала Крахоткина. После его смерти Фома переменил тактику и стал тираном всей семьи. Нелепое почитание со стороны генеральской вдовы с ее приживалками, безграничная доброта ее сына, полковника в отставке

Егора Ильича Ростанева, лишь увеличивают его непомерную заносчивость.

Михаил Чехов начал работать над образом Фомы Фомича задолго до того, как начались репетиции в театре.

Он решал задачу, как вывести на сцену этого странного человека, который после смерти своего господина в корне изменяет ситуацию и становится семейным тираном. Чехов пытался подобраться к нему поближе, набросав карандашом весь его образ, его позу и жесты, его физиономию в фас и в профиль. Он пытался воссоздать его походку и апробировать ее. Его Фома то метался, то буквально ползал, иногда застывая, как хамелеон. А иногда разгуливал важно, как павлин. Он мог маршировать, откинувшись назад, чтобы показать свое превосходство. Мог пятиться как рак, поворачиваясь из стороны в сторону, что означало непроницаемость его характера. Не обошлось и без разработки одежды. Так появился знаменитый халат Фомы.

Большое внимание Чехов уделял ватной маске, полоскам клея, краскам и пудре. Получилось изборожденное морщинами, желтое, как сыр, лицо с бесформенным носом, выдающейся вперед нижней губой и напыщенными, свисающими бакенбардами. Рыжеватые, зачесанные назад и собранные в косицу жидкие волосы венчали этот гротескный образ.

Чехов сам подготавливал эту маску к каждому представлению, и эта работа занимала не менее трех часов.

Когда начались репетиции, то у него уже было полное представление об образе. Абсолютная достоверность его образа была поразительна. Его поза и движения были неподражаемы в своей гротескности. Фома просто не мог выглядеть иначе. Только одно никак не давалось — голос Фомы. Чехов мучился. Хотя он педантично, с граничащим с безумием упорством, работал над ритмами, паузами и акцентами, он все время спрашивал себя: А как Фома разговаривает? Как звучит его голос? Нет, голос этого деспота выражал не только затаенную обиду, дело было не только в высоких или низких тонах, не в нозальных, не в визгливых звуках и даже не в варьировании интонации. Нет.

Как известно, труднее всего приспособить голос к мимике. Большинство актеров довольствуются лишь легкой модуляцией. Для простых, менее знаменитых ролей, это, пожалуй, правильно.

Но не для Фомы. Здесь простой модуляцией не обойдешься. Как может говорить человек, все время чувствующий себя оскорбленным, с неопикуемыми замапками, глупо заносчивый и по-лисы хитрый?

Но чудо все же произошло. В день премьеры, в последний момент Чехов все же нашел нужный голос. Он появился внезапно. И никуда не исчез, а остался на протяжении всего спектакля. Теперь метаморфоза была полная.

Но как мне описать этот долго разыскиваемый и наконец найденный голос, какими словами? Он был, вероятно, немного более высоким, чем обычный чеховский голос, иногда неестественный, иногда даже приглушенный. Иногда в нем слышались даже визгливые нотки, пронзительные или даже фальцетные, а затем вновь таинственное бормотание, словно плеск струящейся воды.

Уже первый выход в этом полном фантазмагории превращении стал театральной сенсацией.

И никто из зрителей не мог избежать чудовищного, подавляющего воздействия этого образа.

«Замок просыпается» («Le château s'éveille»).

Русская сказка

Музыка Владимира Бюцова²⁰, инсценировка Жоржет Бонер, Михаила Чехова и Виктора Громова²¹.

Премьера состоялась в Париже, в театре «Авеню» 9 ноября 1931 года.

В программе было напечатано предисловие Михаила Чехова. В нем говорилось:

«Театр, как я его вижу.

Часто драматическое произведение может быть раскрыто лишь там, где говорят на его языке. Меня всегда заботило это. Певец, к примеру, находится в совсем другой ситуации: в один и тот же вечер он поет Дебюсси по-французски, Шуберта по-немецки и Верди по-итальянски. Его пример навел меня на мысль перейти границы родного языка, ограничивая при этом употребление слов и сберегая их для кульминации драмы. Это означает, что слово применяется там, где к другим выразительным средствам должно быть добавлено что-то еще. Для такой кульминации актер должен выучить слова на каждом языке.

Таким образом примененное, ставшее поэзией слово подчиняется особым законам. Телесное выражение чув-

ства нигде не должно быть предоставлено случаю. Артист должен уметь умерять свою фантазию. Поэтому я привлек музыку в качестве нового элемента и как источник ритмического построения. Посредством этого ритмизирования пьесы я надеюсь найти путь от движения, имитирующего внешнюю жизнь, к движению, показывающему жизнь изнутри. Из этого не должно получиться ни пантомимы, ни танца, ни чего-то оперного, это должно быть исключительно ритмизацией данного драматического спектакля.

В театральном искусстве эти требования вполне выполнимы, и неудивительно, что для первого раза была выбрана сказка. Символика сказки является общей для всех народов, где сокровища древней мудрости странствуют из страны в страну. И они прекрасно подходят для воплощения идеи везде и в любом доступном искусстве. «Le château s'éveille» является попыткой в этом направлении».

Критик Мориенваль приветствовал инсценировку следующими словами:

«Этот спектакль требует полной самоотдачи. Его большая заслуга состоит в том, что он уводит нас в дальние дали. Этот возвышенный спектакль, обрамляющий народные легенды при помощи высокого искусства, избегающий болтовни. Темная душа народа поет здесь о том, что зарождается в неведомых глубинах, когда после долгих усилий, утомительного труда и страданий, обретаешь мечту и избавляешься от нужды. И какой художник не считал бы себя счастливым, если бы представилась возможность начать утомительную охоту за прекрасным, которое остается недостижимым даже для самого утонченного артиста. Никогда еще символ художественного творчества не был воплощен столь мощно, как это было сделано в спектакле «Замок просыпается».

Спектакль составляет одно целое, он – само совершенство. Постановка столь высокого уровня и красоты – это удивительное достижение, за которое нужно благодарить».

Текст короткий. В поэтической форме он разъясняет действие. Разговоры, отдельные слова, диалоги, замечания и возгласы ужаса и восхищения, страх и решимость призваны акцентировать главные моменты происходящего.

Выдержанные в простом стиле декорации дают лишь намеки на замок и лес.

От реквизита мы почти совсем отказались, потому что сцена с ее плоскостями, косыми поверхностями, подиумами и ступенями предоставляла достаточно возможностей для развития игры. Одна из поднимающихся плоскостей служила, например, диваном, и на ней лежала корона.

Музыка Владимира Бюцова написана для 8 инструментов, но исполнялась только 6 музыкантами. [...]

Исполняемая маленьким оркестром музыка создает фон действия и сопровождает его. Действие и музыка идут параллельно и проникают друг в друга. Между ними существует взаимодействие. Оба создают и оба воспринимают импульсы, оба направляют, и обоих ведут. Музыка авторитетна. Действие следует закономерности своих ритмов и звуков. Развитие действия связано с последовательностью звуков, и последовательность звуков с развитием действия.

Неразрывное соответствие всех выразительных форм, слова, жеста и музыки придавала инсценировке неповторимое своеобразие.

Следует напомнить, что «Замок просыпается» – это не опера, не балет, не пантомима. Он есть и остается пьесой, точнее сказать, сказочным действием, и в этой связи особенно важно подчеркнуть: пьеса была поставлена в Париже в 1931 году.

Репетиции шли без сопровождения оркестра, а под фортепьяно в соответствующем переложении.

После совместной репетиции всего ансамбля Чехов имел обыкновение задерживать пианиста, чтобы прорепетировать свою роль без партнеров только в сопровождении фортепьяно. Помосты были уже готовы и установлены, что позволяло проводить репетиции на всех уровнях.

Но сама сцена была еще пуста, без декораций и реквизита.

Каждый сотрудник, которому удавалось посмотреть такую сольную репетицию, укрывшись где-нибудь в уголке зрительного зала, на всю жизнь сохранил эти радостные, удивительные воспоминания.

Чехов добивался абсолютного ритмического совершенства в нюансах каждого движения. В его игре содержа-

лась игра всех. Его мимическое выражение, точность его жестов и обдуманность, с которой он измерял расстояние до отсутствующего партнера, позволяли воспроизводить обстановку и способствовали усовершенствованию спектакля. То, что мы наблюдали из темноты зрительного зала, было движением души самой сказки.

Роль Чехова

Первое появление Михаила Чехова в роли принца Ивана происходит в парке на верхней площадке. Его наряд по покрою похож на костюм Пьеро с картины Ватто. Однако костюм Ивана не белый, а цвета охры – рубашка с золотыми отворотами, широкие штаны из затканного золотыми нитями материала. После боя с Кощеем у него такой же костюм, но разорванный. Волосы растрепаны.

Он мечется туда и сюда, как будто гоняется за мотыльком, легко, порхающе, как на крыльях, в такт музыке. Иногда он останавливается. Что же приковывает его взгляд? Он приближается и вновь удаляется. И тут происходит нечто необыкновенное, то, что удавалось лишь Чехову, способному воспринять предмет своего внимания издали. Невозможно сказать, как происходило это овладение. Со своей находкой и музыкой он был единым целым. Он двигался согласно ее ритму. Поворот головы, взмахи рук, едва уловимая остановка, наклон тела, выравнивание, шаг вперед, отступление. Он то целиком погружается в действие, то вновь возвращается. Затем он наклоняется, и его руки с нежной заботливостью принимают находку. Он выпрямляется и несет дитя на руках через зал, слегка смущаясь и одновременно прокладывая себе путь. Он поднимает спеленутое дитя, поворачивает и рассматривает его и приближается к спящему Королю. Все это подчинено выражению интимности между смотрящим и рассматриваемым, между Иваном и ребенком. И это выражение сплавлено со звуком и ритмом. В радостном возбуждении кладет он драгоценную находку на колени Королю.

Король и придворные медленно пробуждаются, и в то время как они восхищаются прекрасным ребенком, дитя растет и становится девушкой со звездой мудрости во лбу.

Однако в атмосферу всеобщего восхищения вторгаются угрожающие звуки, предшествующие появлению Кощея.

Драма приходит в действие. Широкими жестами Иван подтверждает свою решимость сразиться с Кощеем. Но он еще слишком слаб, и Кощей ранит его. Кощей похищает девушку. Однако решение Ивана непоколебимо. Он хочет отправиться в далекое странствие. Он выбирает самую трудную дорогу. Он хочет покинуть погруженный в сон и запустение замок. Следуя своему героическому решению, он не остается в тепле и безопасности, а отправляется далеко, чтобы, несмотря на лишения, испытания и опасности, спасти Красу Ненаглядную.

Каждый его жест указывает на эту готовность. Он должен искать и спасти похищенную волшебником красавицу со светлой звездой мудрости и правды во лбу. Он должен ее найти, даже если это будет стоить ему жизни, и он покидает запущенный отцовский замок, чтобы выдержать все предстоящие ему на этом пути испытания.

Он – Памино²², Парсифаль²³, «чистый безумец», вечно ищущий рыцарь. Готовность подвергнуть себя опасностям становится залогом его спасения. [...]

Спасение красавицы придает Ивану силы сказать, что произошло и чего он достиг. В песне он осознает, как можно преодолеть свое обреченное на угасание существование в прошлом.

В своей песне он воспевает перенесенные испытания и освобождение Красы Ненаглядной. Как будто он сам прошел очищение или инициацию*. Обретение новых сил помогает разрушить чары и разбудить спящих. Круг замыкается, и «замок просыпается».

Маленький эпилог

Чехов выступал в роли Гамлета еще в двадцатых годах в Москве. Его слава как интерпретатора перешагнула границы. Летом 1931 года он играл Гамлета с собственной труппой в Париже. Годом позже он поставил шекспировскую трагедию в латвийском театре в Риге. В то время как он произносил свою заглавную роль по-русски, ему отвечали остальные актеры – по-латышски. Зрители понимали оба языка. Премьера состоялась 21 октября 1931 года.

* Инициация – совершение таинств, посвятельные обряды, связанные с переводом юношей и девушек в возрастную класс взрослых мужчин и женщин (*от лат. initiatio*).

По какой-то причине Чехов попросил меня найти его во время антракта за кулисами. Я вошла в сопровождении его жены Ксении Карловны. Он вышел к нам как будто во сне. Его взгляд с трудом воспринимал окружающее. Смущение окутывало его словно облако. Наконец, словно очнувшись, он сказал: «У меня такое чувство, как будто я сегодня в первый раз на сцене». Постепенно сквозь маску Гамлета начинало проступать его собственное лицо. Он пытался скрыть за улыбкой впечатление от своих слов. Однако мы чувствовали, что его высказывание не было просто шуткой. Но что же тогда оно означало?

Чехову было знакомо актерское расщепление сознания — оставаться самим собой и одновременно осуществлять явление другого своим собственным телом. Он также мог своими душевными органами осязания почувствовать партнера или публику. Роль Гамлета была особенно близка Чехову, он работал над ней годами, совершенствуя ее.

Его замечание должно было относиться к чему-то особенному. Был ли он захвачен чудом только что увиденного, созданного, свершившегося?

Казалось, он исполнен благоговейного ужаса перед непознаваемым. Открылись ли ему сокровенные тайны художественной метаморфозы? Хотя он и сказал: «У меня такое чувство, как будто я сегодня первый раз на сцене», но это было так, как будто он хотел сказать: во время сегодняшнего спектакля я был вовлечен в собственную иллюзию, и мне удалось неизведанные соотношения между жизнью и смертью, между творцом и творением.

Обсуждая постановку «Гамлета», я сказала, что корни, нюансы чеховского искусства не так легко осмыслить. Казалось, что его игру никогда нельзя понять до конца на одном спектакле, что лишь месяцы спустя происходит полное усвоение, полный отклик в душе вспоминающего.

Также и средства его творчества остались скрытыми и таинственными. Его игра захватывала, даже если и не было понимания и осознания их взаимодействия.

Нечто — дуновение, внезапно вспыхнувший взгляд, разрастание и сжатие фигуры — это нечто могло выразить все. Прикосновением руки, поворотом головы,

взмахом ресниц, вращением глазного яблока брал он зрителя за сердце.

И в каждом жесте, в каждом взгляде, в каждом слове был вопрос: почему эта игра так преходяща? Каждое новое потрясение наталкивалось на болезненную невозможность: почему все это невозможно запечатлеть для людей, не видевших Чехова на сцене?

Его жесты сжимали и уплотняли прошлое, настоящее и будущее. Полное подчинение его, превращенного в инструмент тела поставленной ролью задаче обнажало ее сущность.

Как это делалось?

Чехов понимал таинство соотношения массы и формы, ритма, пространства и времени. Жизненность его игры основывалась на проникновении в эту тайну. Он давал ей воплощение.

В пьесе «Замок просыпается» музыка служит проводником, дающим актерам возможность перешагнуть земное и достигнуть высших сфер. На более высоком уровне раскрывается символическое значение. Все происходящее становится здесь уравнением.

Появление Чехова, его мимика и речь подчиняются глубокой духовной соразмерности. Его образы были прозрачными и производили впечатление более высокой реальности.

Когда он стоял на сцене, то происходило нечто большее, чем просто интерпретация данного персонажа, больше чем изображение человеческой судьбы, но нечто всеобщее, мощное. Зритель сопереживал нечто возвышенное, сравнимое со звуками прекрасной симфонии.

Игра Чехова была не только искусством, это было послание, откровение. Через образ человека она передавала воздействие космоса.

Наблюдая его игру и осмысляя ее, мы стоим на пороге мистерии.

В японской традиции театра Но²⁴ существует определение, которое я хотела бы употребить и для чеховского искусства.

Сеами Мотокийо (1363–1444), великий актер и теоретик театра Но, употребляет выражение «юген». Оно означает то, что лежит под поверхностью, деликатное, в противоположность вызывающему, бросающемуся в

глаза, намек в противоположность утверждению. Выражение применяется для обозначения благородной сдержанности благородного человека. Если звуки сладки и ласкают ухо — это «юген» в музыке. Символ «юген» — белая птица с цветком в клюве.

Созерцать солнце, заходящее за покрытый цветами холм, все дальше и дальше уходить в бесконечный лес, не помышляя об обратной дороге, стоять на берегу и смотреть на лодку, исчезающую за далекими островами, следить за полетом диких гусей, скрывающихся в облаках, — это и есть врата «юген» («The No plays of Japan» by Arthur Waley*. [1921]. P. 21–22).

«Юген» — это корни, это то, что скрыто под землей, тайное, непознаваемое. У него нет собственного выражения. Оно преосуществляется через актера, который высвобождает его, и передается зрителю, который воспринимает его. «Юген» живет в постоянно меняющейся среде.

«Юген» — это тайна, скрытая в совершенстве.

«Юген» — это искусство Михаила Чехова в сказочной пьесе «Замок просыпается».

Примечания

¹ Рейнхардт Макс (1878–1943) — немецкий режиссер и актер. На сцене с 1894 г. В 1905–1933 гг. возглавлял Немецкий театр в Берлине. Ставил главным образом античную и немецкую классику. В возглавляемых им театральных студиях в Берлине и Вене экспериментировал в области театральной формы. В 1933 г. эмигрировал из Германии в США. Чехов, приехав из России, начал играть в Вене на сцене театра Рейнхардта.

² Ж.Бонер и меценат М.Моргенштерн субсидируют Театр Чехова в Париже. 19 мая 1931 г. начались репетиции труппы Чехова на сцене театра «Ателье». А 1 июня 1931 г. состоялся первый спектакль «Эрик XIV» Й.-А.Стриндберга. Чехов играет Эрика. На спектакле присутствует С.В.Рахманинов. В.Ф.Ходасевич писал: «Его исполнение с начала и до конца наполнено сценическим содержанием, каждая фраза интонационно свежа и продумана глубоко, каждый жест не только сопровождает речь, но ее дополняет, а иногда говорит больше, нежели она сама» (Возрождение. 1931. 3 июня).

³ В 1953 г. вышло второе издание книги Чехова «О технике актера» на английском языке. Первое издание вышло в 1945 г. с посвящением Г.С.Жданову: «Г.С.Жданову за его бескорыстную помощь я и посвящаю эту книгу».

* А.Валей «Спектакли театра Но в Японии».

⁴ Бюхнер Георг (1813–1837) – немецкий писатель, автор драм «Смерть Дантона», «Войцек», новеллы «Ленц».

⁵ Щницлер Артур (1862–1931) – австрийский писатель, автор пьесы «Анатоль», повести и новеллы импрессионистического характера «Фрэнсис Беата и ее сын» и «Лейтенант Густль», социально-критической драмы «Профессор Бернгарди».

⁶ 3 июня 1931 г. в том же театре «Ателье» состоялся спектакль «Потоп» Ю.-Х.Бергера, в котором Чехов играл Фрэнсера. По оценке В.Ф.Ходасевича, «Чехов играет каждым словом и каждым жестом... И по мере того, как разматывается этот бесконечный клубок, который так хорошо разработан, что кажется импровизацией, все ближе становится нам этот Фрэнсер, наглый и трусливый, обозленный и нежный, хитрый и простодушный» (Возрождение. 1931. 5 июня).

⁷ 12 июня 1931 г. Чехов играет Гамлета. 14 июня 1931 г. в газете «Последние новости» автор одной из заметок писал: «Что Чехов осуществляет этот образ, который он по-своему задумал, образ живой, страстный, человеческий и трагический, было ясно не только по тому, что Чехов делал на сцене, но и по тому напряженному вниманию, с которым публика следила за каждым его словом, движением, жестом. Все чувствовали, что творимое Чеховым действие значительно и глубоко».

⁸ 5 июня 1931 г. Чехов играет Мальволио в спектакле «Двенадцатая ночь» Шекспира. 7 июня 1931 г. В.Ф.Ходасевич писал в газете «Возрождение»: «[Чехов открыл] какую-то скрытую грусть, вечную боль и ущемленность в комической персоне Мальволио».

⁹ 13 июня 1931 г. Чехов выступает в инсценировках рассказов А.П.Чехова «Утопленник», «Свидание», «Жених и папенька», «Торжество победителя».

¹⁰ Названные Ж.Бонер выступления Чехова 1932–1935 гг. следующие:

Хлестаков в «Ревизоре» 12 и 13 марта 1932 г. в рижском Театре русской драмы; 26 сентября 1933 г. – в Литовском государственном театре; 28 января 1935 г. в Париже, в театре «Марэ»; 16, 18, 19, 20 и 23 февраля 1935 г. в нью-йоркском театре «Мажестик»; апрель 1935 г. в Филадельфии и Бостоне.

Литовский актер, режиссер, педагог Р.Юкнявичус записывает в дневнике: «“Ревизор” – острый гротеск. Декорации М.Добужинского – старая запущенная комната с битыми стеклами, сохнувшим бельем и перекосившейся дверью... Над всем этим нависли огромный ободранный фрак и латаное тряпье. Режущее сочетание зеленых и красных тонов» (Государственный художественный музей Литвы. Ф. 351. Ед. хр. 10946. № 2196). В рижской газете «Сегодня» (1933. 16 окт.) Добужинский писал: «Чеховская постановка “Ревизора”... построена на внимательном внутреннем подходе к образам Гоголя и к существу самой комедии».

Из Нью-Йорка Е.И.Сомов пишет С.В.Рахманинову: «Спектакли Чехова продолжают делать хорошие сборы, и, что примечательно, на этих спектаклях каждый раз встречаешь довольно много американцев. Видимо, искусство Чехова выше барьера чужого языка» (4 марта 1935 г. – *Рахманинов С.В.* Литературное наследие: В 3 т. М., 1980. Т. 3. С. 265).

Иоанн IV в трагедии А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» 23 апреля 1932 г. в рижском Национальном театре. «Иоанн, созданный изумительной фантазией Чехова, незабываем... Пороки и страсти, тревога ума и сердца, болезни тела и духа подточили его силы, и он живет, как двигался бы живой труп... – жалкая тень Грозного. Замечателен грим Грозного... какое-то тусклое, омертвелое выражение в нем соединяется с отблеском дикой воли. Иоанн похож порой на жестокого мечтателя, заблудившегося в неограниченных возможностях и в произволе власти» (Сегодня. 1932. 25 апреля).

Фома Фомич в «Селе Степанчикове» Ф.М.Достоевского 25 ноября 1932 г. в рижском Театре русской драмы. «Когда Чехов – Фома... появляется в первом акте в своем халате и с притворным равнодушием скрипучим голосом тихо произносит свои первые слова – пред вами совершенный облик Тартюфа» (Сегодня. 1932. 27 ноября).

В инсценировках рассказов А.П.Чехова «Ведьма», «Жених и папенька», «Забыл» 30 и 31 мая 1932 г. в Литовском театре в Каунасе; апрель 1935 г. – в Филадельфии и Бостоне.

Спектакль «Гамлет» в постановке Чехова, в роли Гамлета А.М.Жилинский, состоялся 11 октября 1932 г. в Литовском театре в Каунасе.

Фрэнк в «Потопе» Ю.-Х.Бергера, апрель 1935 г. – в Филадельфии и Бостоне.

¹¹ Питоев Жорж (Георгий Иванович) (1884–1939) – режиссер, актер. Руководил театральными труппами в Швейцарии (1915–1922), затем во Франции. Ставил произведения А.П.Чехова, Л.Н.Толстого, М.Горького, У.Шекспира, Б.Шоу.

¹² Сулержицкий Леопольд Антонович (1872–1916) – режиссер, театральный деятель, литератор, художник. С 1912 г. вместе с Е.Б.Вахтанговым руководил 1-й студией МХТ.

¹³ 22 сентября 1922 г. Чехов становится директором 1-й студии МХАТ. 13 августа 1924 г. 1-я студия получает статус Московского Художественного академического театра 2-го и Чехов автоматически становится его директором.

¹⁴ Идея постановки «Гамлета» владела Чеховым давно, и после продолжительных переговоров с Вл.И.Немировичем-Данченко 18 апреля 1923 г. состоялась первая встреча постановочного коллектива «Гамлета» – Чехова, В.С.Смышляева, В.Н.Татарина, А.И.Чебана – с Немировичем-Данченко. Основные исполнители ролей: Гамлет – Чехов, Клавдий – Чебан, Гертруда – В.В.Соловьева, Полоний – А.Э.Шахалов, Офелия – М.А.Дурасова, Лаэрт – И.Н.Берсенев и др.

М.О.Кнебель вспоминала: «В «Гамлете», как, впрочем, и в любом спектакле, где играл Чехов, он затмевал всех других исполнителей... В спектакле было много интереснейших режиссерских находок, как, например, сцена с Призраком. Явление Тени отца Гамлета... Он один видел своего отца, а зрители, как загнипнотизированные, видели и слышали то, что воспринимал Чехов» (Чехов М. Литературное наследие. Т. 1. С. 17).

¹⁵ 17 ноября 1924 г. – первая публичная репетиция «Гамлета». Присутствует К.С.Станиславский: «Настоящий трагический актер –

это большая редкость, не всякий обладает теми качествами, которые необходимы. И Миша не обладает ими. Вот Хлестаков – это его дело, в этой роли он действительно бесподобен» (Там же. Т. 2. С. 488). Но были и другие, очень высокие отзывы о спектакле. А.В.Луначарский по окончании представления передал Чехову грамоту о присуждении ему звания заслуженного артиста государственных академических театров. В ответ Чехов сказал: «Я принимаю эту незаслуженную честь как ответ на любовь, которую я всегда искренне стремился передать со сцены в зрительный зал». Публика долго горячий овацией приветствовала самого молодого любимого заслуженного артиста и всех руководителей и артистов спектакля (Известия. 1924. 19 нояб.).

¹⁶ Премьера спектакля «Замок просыпается» (инсценировка Ж.Бонер, М.Чехова и В.А.Громова) состоялась 9 ноября 1931 г.

Еще в Москве Чехов решил поставить музыкальную пантомиму «Краса Ненаглядная» (или «Дворец пробуждается»), и 22 сентября 1927 г. обратился с письмом в Главрепертком: «...От обычной пантомимы спектакль будет отличаться тем, что в некоторых кульминационных моментах исполнители будут произносить необходимые разъяснительные фразы. Материал, имеющийся в сценарии, дает широкую возможность выявить глубину и подлинную красоту народного творчества... Образность, яркая и богатая русская фантастика, сочетание лирических моментов с мелодраматической действительностью положения, здоровый русский юмор и почти трагическая насыщенность – вот элементы, заключающиеся в предлагаемой сказке. Все это ставит перед театром новые задачи по раскрытию народного творчества...». 17 октября 1927 г. Главрепертком ответил: «Попытку сценария “Краса Ненаглядная” раскрыть глубину и подлинную красоту народного творчества следует признать неудавшейся...» (Чехов М. Литературное наследие. Т. 2. С. 512, 513).

В Париже этот спектакль был поставлен под названием «Замок просыпается». Успеха спектакль не имел. «Едва ли не впервые приходится видеть русские сказки в столь мрачном, можно сказать, кошмарном обрамлении, и как далеки вопли и стоны персонажей отчетного спектакля от золотых петушков и песен поселян заповедного Берендеева царства!...» (Иллюстрированная Россия. 1931. 14 нояб.).

И.К.Алексеев (сын Станиславского) писал родителям: «...Провалилась эта затея даже без треску. Русская пресса обложила, французская умеренно похвалила и подпустила иронию: упомянула о славянском изобразительном гении, о первобытной прелести спектакля... пожалев, что все усилия и краски были приложены не к какой-нибудь шекспировской или еврепидовской трагедии» (Музей МХАТ. Оп. 397).

¹⁷ С инсценировкой рассказа «Цилиндр» наряду с другими рассказами А.П.Чехова Чехов выступал 6–15 ноября 1931 г.

¹⁸ Грок (наст. имя и фам. Адриен Веттах; 1880–1959) – музыкальный клоун-эксцентрик.

¹⁹ Клейст Генрих фон (1777–1811) – немецкий писатель-романтик.

²⁰ 5 января 1916 г. Станиславский писал А.Н.Бенуа: «Теперь увлеклись “Селом Степанчиковым” Достоевского... Чехов играет Фому» (*Станиславский К.С. Собр. соч. М., 1960. Т. 7. С. 620*). При окончательном распределении ролей на роль Фомы был утвержден И.М.Москвин; Чехов – на роль Ежевикаина. В 1919 г. Чехов продолжает играть Ежевикаина.

²¹ Бюзов Владимир Евгеньевич – композитор.

²² Громов Виктор Алексеевич (1899–1975) – режиссер, актер.

²³ Памино – герой оперы В.-А.Моцарта «Волшебная флейта».

²⁴ Парсифаль – герой одноименной оперы Р.Вагнера.

²⁵ Театр Но сложился в XIV–XV вв.; первоначально был одним из видов народного японского театра, затем постепенно профессионализировался. Театр Но в настоящее время является изысканной формой, доступной узкому кругу интеллигенции, хранящей любовь к национальному традиционному искусству.

«ЛАГЕРЬ МИРОПОДОБЕН...»

Публикация И.П.Сиротинской

Барлам Тихонович Шаламов писал автобиографическую повесть «Вишера» («Вишерский антироман», вариант) в 1970–1973 гг. Она состояла в характерной для Шаламова манере из отдельных рассказов и очерков. Это повествование о первом лагерном сроке Шаламова, начавшемся арестом 19 февраля 1929 г. за распространение «Завещания» Ленина и закончившемся освобождением в конце 1931 г. Повесть опубликована впервые в 1989 г. (М., изд-во «Книга»). Далее цитаты приводятся по этому изданию. В нем же содержатся некоторые сведения по истории текста, указано наличие вариантов, оставшихся в архиве писателя. Один из небольших рассказов предлагается вниманию читателя в этом сборнике (Ф. 2596. Оп. 2. Ед. хр. 71. Л. 96–97).

Первый лагерный срок отбывал Шаламов на Северном Урале, в Вишерских лагерях. Это было «детство» лагерной системы, там отрабатывались, если так можно сказать, ее «принципы», в том числе и «резинка», упоминаемая в тексте рассказа, – сокращение или увеличение срока, которое обуславливалось не строгой буквой закона, а различными внесудебными обстоятельствами – шумом, поднятым прессой во время суда, а в лагере срок мог быть сокращен ударным трудом и благоволением начальства. Тогда же начиналась апробация пресловутой «перековки» угольсвников в стахановцев, выливавшаяся в потоки лжи и крови, поскольку свои «проценты» выработки угольсвники выбивали из заключенных.

Многое понял тогда Шаламов в лагере, в жизни и советской власти.

Полный иллюзий о Свободе, Равенстве и Братстве, вошел он в Бутырскую тюрьму юношей двадцати одного года: «Я был представителем тех людей, которые высту-

пили против Сталина – никто и никогда не считал, что Сталии и советская власть – одно и то же [...].

Я установил для себя несколько обязательных правил поведения [...]. Я не должен никого и ничего бояться. Страх – позорное, растлевающее качество, унижающее человека» (С. 19).

Встретившись в лагере с людьми самыми разными – инженерами-«вредителями», казнокрадами, блатными и просто невинными, слабыми людьми, такими же людьми, что жили и на воле, в «большой командировке», Шаламов приходит к выводу: «Лагерь – не противопоставление ада раю, а слепок нашей жизни, и ничем иным быть не может.

Тюрьма – это часть мира, нижний или верхний этаж – все равно, с особыми нравами и правилами, особыми законами, особыми надеждами и разочарованиями. [...]

Лагерь же – мироподобен. В нем нет ничего, чего бы не было на воле, в его устройстве, социальном и духовном. [...]

При всех обстоятельствах кровь, смерть отнюдь не иллюзорны. Кровь-то и делает реальностью этот слепок» (С. 46).

О многих людях лагеря рассказал Шаламов в своей повести – о Миллере, вредителе, о Сукове, о Павловском... О Федоре Андрееве мы узнаем сейчас.

Федя Андреев

Мы мчались по льду, по последней дороге – вот-вот Висера вскроется и наш путь, наша нить жизни, прервется. Никаких троп, кроме пешеходных, в этих краях нет.

Впереди моей кошевы мчалась кошева Феди Андреева, нового главного бухгалтера района, бытовичка московского, хорошо известного Москве двадцатых годов по шумному судебному процессу. Рабочая газета тех лет печатала о шумном процессе, привлекавшем тогда внимание всех москвичей.

Серия статей о процессе Феди Андреева называлась вызывающе «Интеллигент с партбилетом». Федор Андреев, главный бухгалтер Моссовета, был членом партии, когда его настигла уголовная кара, предусмотренная новым уголовным кодексом, редчайшей статьей 141 УК РСФСР, гласящей... Вы замечали, конечно, что статья не содер-

жит, не шепчет, не угрожает, а обязательно «гласит». Само слово «гласит» вошло в условный лексикон юридического канцелярита, стала формой, определяющей содержание.

Федя Андреев не совершил никаких преступлений: ни растрат, ни краж, — напротив, как главный бухгалтер Моссовета он способствовал пресечению затопивших тогдашнюю Москву эпидемий растрат и взяточничества. Федя Андреев не совершил никаких преступлений, ни воинских, ни уголовных, ни политических, ни служебных. Тем не менее его судили по всей строгости; его «вся катушка» — в моднейшем тогда варианте «резинки» — была 4 года по его статье, тогдашний максимум по его тогдашней статье.

Что же это за статья и что она «гласила»?

«Доведение до самоубийства другого лица» — вот ее текст. За многолетнюю свою жизнь в лагерях я только один раз в живом виде и встретил живого носителя этой странной статьи.

Федя Андреев был белокурый синеглазый красавец, чуть шепелявящий, очень добрый и очень капризный человек. В лагере блатари его быстро запутали в какие-то аферы, но, кажется, все обошлось благополучно и Федя не «поймал» никакого дополнительного срока.

История Феди Андреева такова. Его жена — врач, которую Федя безумно любил, была видной общественницей тогдашней Москвы, как и сам Федя — членом партии, часто выступавшей на собраниях.

Жена Феди уехала на курорт по профсоюзной путевке — в Балаклаву, и Федя немедленно сошелся с младшей сестрой жены, Тамарой. Жена вернулась, узнала об измене и, хотя Федя был готов вернуться и забыть новую любовь, не стала ждать Фединогo решения. Она взяла пистолет (у него было разрешение на оружие) и застрелилась в рот, как стреляются все медики, желающие стопроцентной удачи.

Профсоюз привлек мужа к суду, и Федя, интеллигент с партбилетом, как насмешливо писали в газетах, получил четыре года лагерей. Там он работал, сначала в управлении, затем за погрешности по части выпивки и взяток Федя был переведен на север и ехал вместе со мной.

Федя вез заработную плату лесорубам — должок государства, который скопился давно и наконец двигался

к Северу в пачках белых «пятаковских» червонцев бумажных.

Андреев пил на каждой остановке. Угощал возчиков. Требовал каких-то женщин для развлечения.

Остановивались мы не вместе — Федя вез деньги, и с ним в кошеве сидел боец-охранник.

Вверх по реке, по последнему льду, якутским лошаденкам крошечным, тянуть тяжело. Как ни бешены были броски, как ни хитрили мы, выезжая ночью по подмерзшей, хрустящей дороге — все равно мы опаздывали, Вишера наполнялась полыньями, на объезд нужно было время.

Захваченный этим движением вверх, вверх и дальше — я и мой возчик бежали всю дорогу.

Выезжали мы вместе. И вот объезжая какую-то полынью, накренив и толкая сани вперед, я увидел, что в воде, в луже полыньи, плавают что-то белое, похожее на носовой платок, на кусок бинта.

Я остановил кошеву и, закидывая длинную палку в воду, выудил банковскую ассигнацию ценностью в один червонец. Я положил червонец в карман.

Сообразив, в чем дело, мы поехали дальше, уже медленно, приглядываясь к дорожным сюрпризам. И действительно, на первой же выбоине на дороге — плавали в соседстве несколько белых ассигнаций. Я положил и эти в карман.

Около большой полыньи я увидел завязшую посреди реки кошеву Феде Андреева, который пытался проехать не в объезд, а напролом, сквозь воду и кучу бумажек, плавающих в воде. Федя был совершенно пьян. Менее, чем Федя, был пьян боец-охранник. Он-то и организовал сбор размокших денег — Федя был пьян до бесчувствия — и дотащил Федю до очередной ночевки.

Всю ночь Федя сушил червонцы и сторублевки, пятерки и рубли на русской печке, прихлебывая огуречный рассол.

Я отдал Феде свою находку, а впоследствии интересовался — не потерял ли Федя в этой бешеной скачке что-либо еще.

— Нет, ни рубля тогда не пропало.

На пятый день к вечеру мы въехали в Усть-Улс — центр Северного района Вишерских лагерей.

НОВЕЛЛЫ ЛЕОНИДА ЕНГИБАРОВА

Публикация И.В.Упадышевой

Чаще всего Леонида Енгибарова называли «клоуном с осенью в сердце». Этот образ остался в памяти даже тех, кто не был увлечен искусством цирка и пантомимы, возможно, оттого, что его цирковые номера (а автором большинства своих реприз был сам Енгибаров) переходили в притчи, что возрожденное им искусство пантомимы так контрастировало с когда много, а когда и шумно говорящими эстрадными жанрами. Отчасти и потому, что по давней горькой традиции, как и пристало поэту, печальный клоун умер в тридцать семь лет. Помимо выступлений в цирке, на эстраде, в собственном театре пантомимы, в кино (в качестве актера и сценариста) Леонид Енгибаров состоялся и как автор прелестных поэтических новелл, вызывающих в памяти впечатления от первого знакомства с книгами Тэффи, Андерсена, Честертона, О'Генри – авторов лирическо-юмористических, если так можно выразиться. Его работы публиковались в журналах и газетах, как отечественных, так и зарубежных. И все же часть его наследия, безусловно, заслуживающая внимания как широкого, так и искушенного читателя, осталась в рукописях.

Леонид Енгибаров родился в Москве в 1935 г. Отец его был цоваром, мать – портнихой. От отца, Георгия Сергеевича, ему достался темперамент и чувство родственной близости и интереса к армянской культуре. Для мамы, Антонины Андриановны, единственный сын был главной радостью и гордостью, а она оставалась для него самым близким человеком на протяжении всей жизни. В юности Енгибаров серьезно занимался спортом – провел около сотни боев на ринге, учился в Физкультурном институте, но оставил его и поступил в ГУЦИ (Государственное училище циркового искусства; с 1961 г. – ГУЦЭИ – Госу-

дарственное училище циркового и эстрадного искусства). Закончив училище с красным дипломом, начинающий «коверный» попадает на стажировку в армянский цирковой коллектив «Ереван». Первые выступления были неудачны. Публика и коллеги не принимали молодого клоуна – пантомима была слишком непривычным языком для арены и «коверного». Помогло ему преодолеть неудачи и поверить в себя внимание выдающихся мастеров клоунады – Донато, Якобино, Танти, уже отошедших от дел, но заметивших Божью искру в начинающем. Созданный Енгибаровым герой – проказливый, любознательный, трогательный и неугомонный подросток Ляня, «озорник с нежной душой» – позволял ему выразить все чувства, которые может испытывать юный человек, узнающий мир. Он мечтал о будущем своего героя – клоуне с характером князя Мышкина, испытывающем боль за каждого человека, готовом откликнуться на любой зов, прийти на помощь к нуждающемуся в ней. «Главное для меня в жизни, – писал он в “Автобиографии”, – чувствовать ответственность за все, совершающееся вокруг нас» (Арена. 1991. 28 авг.).

С гастрольями клоун объехал множество городов: Новосибирск, Оренбург, Астрахань, Саратов, Харьков, Одесса. Ереван, Краков, Братислава, Москва, Ленинград... В 1964 г. в Праге на международном конкурсе клоунады завоевал первый приз – кубок имени Э.Басса. Тогда же появляются в печати его новеллы, начинается карьера Енгибарова-киноактера. Он снялся во множестве фильмов, среди которых эпизоды в картинах Параджанова, Шукшина, Быкова, Абуладзе и фильмы по его собственным сценариям – «2-Леонид-2», «Знакомьтесь, Леонид Енгибаров». Клоун становится сначала заслуженным, а потом и народным артистом Армянской ССР. Марсель Марсо называет его «великим поэтом движения». Но постепенно слишком явный талант и яркость, неординарность начинают раздражать чиновников Госцирка и тех, с кем ему приходилось работать. Артисту запрещают гастрольные поездки за границу, а коллеги почти вынуждают покинуть манеж. Цирковая программа, по их мнению, постепенно подчинялась Енгибарову – классическая роль «коверного», заполняющего паузы, была тесна ему. Он начинает работать на эстраде, где создает свой Эксцентрический театр; мечтает об Ав-

торском цирке, но эту идею уже не успеет воплотить – 25 июля 1972 г. он умирает.

Друживший с Енгибаровым Ролан Быков сказал о нем так: «Я часто думал: Леня не умер, а погиб. Дело все в том, что Енгибаров – очень распространенный тип характера среди одаренных людей. Он был добрый и нежный до слез, пылкий и вспыльчивый до кулаков, отходчивый, эмоциональный, умный и очень смешливый [...]. Как многие одаренные люди, Леня был легкораним, в нем жило трагическое ощущение жизни, на что имелись, конечно, основания» (Труд. 1989. 7 дек. В записи А.Милосердова). Все находило отражение в его творчестве – репризах, мимических сценах, новеллах: военное детство, жизнь в Марьиной Роще, занятия спортом, гастрольные поездки, конфликты с чиновниками, общение с близкими людьми... Сам он писал: «Я хочу говорить с людьми о том, что меня волнует, о самом значительном и важном – о Человеке. А это, не правда ли, серьезно?» (*Хачатурьян А. Еще раз о клоуне // Советская эстрада и цирк. 1985. № 10.*)

При жизни автора вышли отдельными изданиями сборник новелл «Первый раунд» (Ереван, 1971) и книга «Любимый цирк» с его предисловием (М., 1974), после смерти – книги «Последний раунд» (Ереван, 1984) и «В бою ничьих не бывает» (М., 1992). Подборка его новелл также была напечатана в книге Р.Славского «Леонид Енгибаров» (М., 1989). Однако большинство посмертных публикаций представляют собой перепечатку ранее опубликованного.

Новеллы Енгибарова печатались в журналах – «Литературная Армения», «Урал», «Дон», «Волга», «Сибирские огни», «Смена», «Москва», «Персона», «Физкультура и спорт», «Советская эстрада и цирк», «Mladý svět», «Svět socialismu», «Литературный месячник» (Прага); в газетах – «Арена» (Москва), «Вечерняя Москва», «Вечерняя Уфа», «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), «Комсомолец» (Ереван), «Молодежь Азербайджана» (Баку), «Неделя», «Советская культура», «Советский цирк», «Юность» (Ярославль), «Rovnost» (Чехословакия) и др. Прижизненные публикации, впрочем, как и посмертные, содержат разночтения: одна и та же новелла может публиковаться под разными названиями, а разные новеллы могут иметь одно и то же название (подобное встречается и в архивных материалах, но – в машинописи, а не в рукописях) и т.д.

Большая часть предлагаемых ниже новелл и записей публикуется впервые, кроме отдельных произведений, ранее напечатанных в газетах и журналах (дата и место первой публикации указываются). Несколько новелл появились в его книгах. Мы сочли возможным снова предложить их вниманию читателя.

Тексты печатаются с сохранением особенностей авторской стилистики по автографам, хранящимся в РГАЛИ в фонде Енгибарова (Ф. 2762); в случае, если автографа не сохранилось или он носит незавершенный характер – по машинописи, что особо оговаривается, так как трудно сказать, является ли эта машинопись авторской. Явные опечатки и описки исправлены. Новелла «Тополиный снег» приводится в двух вариантах: сначала вариант рукописи, а затем – машинописи. В квадратные скобки [] ключевые названия новелл и слова, отсутствующие в тексте, но необходимые по смыслу.

* * *

Сегодня премьера в Ленинградском цирке. Удивительно, современные актеры, хорошие, быстро старят цирк, [и] многое становится архаичным. От сегодняшнего дня останется в памяти этот громадный, очень красивый цирк, лошади, удивительно спокойные для лошадей. И клоун, удивительно нервный для человека.

А все представление как детская игра – все понарошку. Только клоун был умный, серьезный, взаврадашний и поэтому очень смешной и чуточку грустный.

Ф. 2762. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 174. Машинопись.

Парашют

Человек, как парашют, – главное вовремя раскрыться.

Раскрыться рано в общем-то неплохо. Висите высоко над всеми, и все удивляются: «Вон он какой маленький, а уже так высоко...», но к этому быстро привыкают и перестают даже смотреть в вашу сторону, а вы еще долго болтаетесь между небом и землей и страдаете: «Скорей – бы – уж – все – это – кончилось».

Если же вы раскрываетесь поздно, это опасно. Парашют может не сработать, и люди просто вас не заметят.

– Милый, – говорит какое-нибудь белокурое создание, – выгляни в окошко, вроде на лужайку что-то упало.

– Ну что ты, киска, – отвечает он, – тебе показалось.

Вот так, вы всю жизнь к этому моменту летели, а ему «показалось».

Нет, лучше всего раскрыться вовремя.

После стремительного, отчаянного, затяжного полета, когда уже кажется, что вы не летите, а земля опрокидывается на вас, вдруг вспыхнуть белым пламенем парашютного шелка и, покачиваясь, опуститься на мягкую землю.

Из-за ограды появляются люди.

Они кричат, размахивают руками и бегут к вам.

Вы отряхиваетесь, готовитесь к встрече, вскинув вверх раскрытые ладони усталых рук, и, наконец, разбираете первые слова:

– Что ж ты, распро-так, твою... мать, всю клубнику помял!

Как видите, помимо того чтобы вовремя раскрыться, очень важно кое-что знать и уметь:

вовремя дернуть за нужное кольцо и сгоряча не спутать его с обручальным...

приземляясь, не зацепиться за дерево, а то придется ждать осени, пока опадут листья и вас кто-нибудь заметит...

правильно складывать парашют перед прыжком, а то вместо красивого купола раскроется черт знает что, и это на виду у всех...

И еще много, много важных вещей нужно знать и уметь, потому что человек, как парашют, он всегда в ответе за чью-то жизнь.

[19]72 г.

Ед. хр. 7. Л. 11–13.

Диплом

Мать долгих двадцать лет мечтала, чтоб ее сын был «не как все». Сама она родилась и выросла в Марьиной Роще, и все у нее было в общем как у людей: трудное детство, 8 сестер и братьев, война и муж, погибший на фронте, и голодные послевоенные годы, – все, как у людей. Обычных людей в Марьиной Роще, и страстно она хотела, чтоб сын ее был «не – как – все».

Правда, фантазия матери в выборе профессии для сына дальше переводчика где-то в посольстве не шла. Да и трудно это, тренировать фантазию, когда, едва тебе исполнилось двадцать лет, ты уже шьешь по двадцать часов в

сутки варежки с одним пальцем на правой руке, такая уж мода была во время войны, и когда эта мода прошла и Марьяна Роща снова зацвела своими скверами, мать за те десять лет, пока не срубили ясени и не поставили серые кооперативные коробки, сумела вырастить сына, в маленьком, зеленом 10-м проезде, на последние гроши покупала книги, для которых у самой никогда не было времени. Надев очки, она шептала малознакомые прекрасные имена на обложках: Куприн, Стендаль, Андерсен и уж очень трудное, самое трудное: Ан-ту-ан-де-Сент-Экзюпери – господи, разве выговоришь.

А сын вырос, по старой традиции Марьиной Рощи прекрасно бил обеими руками, не только на ринге, был дерзок и смел на экзаменах в своем каком-то непонятном, то ли театральном, то ли еще каком «искусственном», институте. И когда старые профессора ставили в пример его скромность, талант и воспитанность, они не удивлялись, что его мать кончила всего четыре класса, они видели ее руки.

И для матери наступил счастливый день, сын, который и зарабатывал неплохо, и насмотреться соседи на него не могли, наконец, сделал для нее главное, принес то, что она долгие годы ждала, то, чего не имела она сама и ее подруги: диплом о высшем образовании.

Мать стояла во дворе у корыта, а соседка тетя Фрося сидела на скамье и лузгала семечки, когда сын, пританцовывая, шутливо бросил матери бордовую книжку: «Держи, Ма! Все!» – и убежал.

«Скоро буду-у-у-у!»

Она вытерла руки,

раскрыла диплом, и непрошенные слезы искривили двор и тетку Фросю на лавочке.

– Что и там такое? – поднялась тетка Фрося.

«Клоун», – прочла мать дрожащими губами,

а тетка Фрося, обнимая ее, сказала: «Ну чего ты расстраиваешься, небось это тоже профессия».

Ед. хр. 6. Л. 42–43. Машинопись. Оpubл.: Литературная Армения. 1983. № 3.

Лучик

Как одиноко

Фонарю ночью на улице.

Как далеко ему до другого такого же фонарика, на той же улочке,

Уже холодно и в городе ноябрь.

Подойди к желтому лучику, согрей его, прислонившись плечом, ему будет не так одиноко.

Помоги фонарю, на пустой улице, ночью.

Ты думаешь, это легко – всю ночь стоять одному, качать желтый блин по талому снегу и замирать от страха, как бы ветер не ободрал провода-нервы.

Не бойся,

Подойди к фонарю,

Вдвоем будет легче.

Ед. хр. 6. Л. 131. Машинопись. Опул.: Последний раунд. С. 65.

[Тополиный снег]

Июньский тополиный снег.

Теплый пушистый снег, падает на красные пионы и забивается между лепестками.

Тополиный снег – это только воспоминание о снеге.

Тополиный снег, на нем не остается следов. Он сгорает без остатка.

Вспоминания, они как тополиный снег.

Легкомысленная вьюга из теплых снежинок.

Возьми в ладони тополиный снег.

Не бойся, это не декабрь. Не плачь, это еще не зима. Бывает любовь, непонятная, как снег в июне.

Снег, который горит.

Я люблю июньский тополиный снег.

Ед. хр. 7. Л. 113.

Тополиный снег

Каждый год, в июне, наступают таинственные дни. Вдруг, уже в разгар лета, идет снег. Это цветут тополя. Кажется, над огромным городом кто-то иронически подшучивает, грустно улыбается, нарушая привычный ритм и логику.

Тополиный снег.

Я люблю тополиный снег, не настоящий снег, а дух снега, его образ.

Он дорог, гораздо дороже настоящего снега, как во много раз дороже нарисованные Ренуаром яблоки килограмма яблок на рынке.

В зеленой Москве метет шутовская пурга.

Снег, снег, снег. Тополиный снег выпадает по утрам, непонятный, нелогичный белый снег, осторожно, он горит!

Нам могут возразить, черт знает, что вы здесь наговорили, нелогичный, горит. Да просто цветут тополя, и это пух, правда белый, похожий, но очень надоедливый.

Не волнуйтесь, пройдет несколько дней, все встанет на место, лето будет как лето, потом осень, потом зима и вовремя настоящий снег.

А это, это каждый год испытание, проверка, которую нам устраивают лукавые тополя, умеем ли мы видеть, умеем ли ценить, ну, например, яблоки Ренуара?

Я люблю тополиный снег и каждый раз волнуюсь, когда приходит его пора, пора испытаний, и переживаю, только бы увидеть, не стать взрослым и логичным...

Тополиный снег бывает только раз в году.

Ед. хр. 7. Л. 112. Машинопись.

В небольшом городке Яссы есть пречудесный парк, он огромный, старый и добрый. Расположен он около университета, и в нем всегда можно [видеть] влюбленных.

И старый парк чуть улыбается, кивая листвою, слушая старые, знакомые, но никогда не надоедающие слова, как не надоедает все то, что дарит миру жизнь.

В парке есть прямоугольная площадка. Это лучшее место в этом платановом мире.

Здесь любил бывать поэт Михай Эминеску. Он был великий Поэт. Теперь во многих городах стоят ему памятники из камня, бронзы... а здесь остался стоять его друг, старый платан, у которого было много выпито и с кем было много переговорено. Люди напротив платана высекли из мрамора ту, из-за которой страдал Поэт.

Я видел их «Веронику, звезду, упавшую с неба», каменную и холодную, а напротив – живой, печальный, зеленый великан, которому, может, было во много раз труднее хранить память о друге, слышать о нем, а по ночам шелестеть его стихами.

Ед. хр. 13. Л. 166 об.-168.

Прага

Это город, город, город, город... это, как вам сказать, золотой, нежный, сказочный, печальный, добрый. Нет. Все это не те слова.

Это Прага.

Вслушайтесь, как звучит: Прага.

Не я один влюблен в этот город той любовью, от которой щемит сердце, и кажется, если не прикоснусь рукой к его старым стенам, сейчас, сию же минуту, то начну орать и реветь.

Я часто спрашиваю себя, почему я люблю этот город.

Почему я влюблен в Малостранскую площадь, почему от Влгавы у меня нет секретов, а «У Виолы» я как дома?

Наверное, потому, что меня там любят и понимают, потому что...

...а может быть, потому, что когда я вижу любой вокзал, в любом городе, я вспоминаю...

Пражский вокзал. Ты идешь по перрону вслед за уходящим поездом, твои огромные от горя глаза полны слез и ты шепчешь: «Ахой, клуку»*...

Ед. хр. 7. Л. 34–36. Опубл. другой вариант на чеш. яз.: Литературный месячник. Прага. 1972. № 3.

Признание

Ах, как модно стало называть свои статьи: столько-то слов о том-то. И все после талантливых «две тысячи».

А мне, мне, чужеземцу, хочется написать: «Миллиард слов Праге» – миллиард самых добрых слов и... Но я забыл, что для этого не хватит места даже в самой большой книжке.

Я вычеркнул почти все. И оставил тебе, Прага, одно слово: «ЛЮБЛЮ»!

Ед. хр. 7. Л. 46. Машинопись.

[Бухарест]

Цветет Бухарест. Март. Конец марта. И кажется, остановится сердце. Остановится сердце оттого, что это неповторимо.

Вы видели деревья в сплошных цветах, без листьев? От темно-темно оранжевых, нежно-розовых до грубо-фиолетовых, до буквально черных цветов. Прибавьте к этому нежную девичью белизну, нет, не белизну, а режущий глаз белый, белый снег... и все равно вы не поймете Бухарест в конце марта... как не понимают (я прошу проще-

* «Гока, мальчик» (чеш.).

ния) его те, которые в нем живут. А разве мы с вами видим все, что перед нашими глазами?

Ед. хр. 6. Л. 10.

На стадионе

Администрация Центрального стадиона была в панике. Утром в день открытия футбольного сезона штанга футбольных ворот зацвела! Пустила незаметно корни и зацвела! Цветочки! А что же будет осенью? Хорошо, если штанга – клен или тополь, а если она вишня или, того хуже, яблоня? «Килограмм антоновки в правом верхнем углу», – так, что ли, прикажете комментировать.

– Безобразия! – топал ногами самый главный администратор. – Мы ей покажем! Мы ее на дрова пустим!

– Дурак ты, самый главный, – сказал ему знаменитый вратарь, принес лопату, осторожно выкопал штангу и увез на грузовике к себе в сад. Теперь она спокойно цветет там.

А самому главному вратарю после матча еще сказал, ты что же это, забыл, сколько раз штанга выручала нашу команду? Вот теперь пусть отдохнет, когда-нибудь к каждому приходит весна, ты думаешь, мы что – металлические?

Ед. хр. 6. Л. 154. Машинопись. Опубл.: Физкультура и спорт. 1971. № 9.

[В Эребуни]

Я спросил у седого старика, который сидел на развалинах Эребуни:

«Что такое любовь?»

Ну, у кого же мне было спрашивать, как не у самого древнего самых древних.

«Если не знаешь, – ответил он, – то и не спрашивай. Тот, кто об этом спрашивает, тот сомневается, а значит, не любит. А любовь не знает сомнений».

Я долго бродил между священных камней. Хотел понять непостижимое... и не понял. Слава богу. Значит, я могу еще любить.

Ед. хр. 6. Л. 19 и об. Опубл.: Советская эстрада и цирк. 1974. № 10.

[Львов]

Я люблю этот старый южный город.

Я прилетел ночью и утром, выйдя на улицу, увидел, что идет снег.

Он не задерживался на покатых крышах готических костелов, поэтому так много его, мягкого, пушистого, скатилось вниз на тротуары, темно-зеленые парки, скверы...

Люди в этом городе не привыкли к снегу и наивно защищаются от него зонтиками – кружок желтого, красного, бордового, голубого шелка, натянутого на металлические спицы, – и важно носят над головой эти цветные велосипедные колеса, собирая на них большущие влажные снежинки.

На севере снег бывает чаще всего голубым или серым, а здесь он матово-белый, и дома, костелы, зелень деревьев кажутся еще темнее, чем обычно.

На мостовой белизна снега была нарушена двумя черными полосками. Это след от машины? Нет. Просто не хватило снега, он остался лежать белыми полосами на карнизах темно-серых домов.

Следы прохожих остаются черными пятнами на белом полотне. Я ищу снег, который должен их заполнить, и вижу, что его возложили белыми шапками себе на головы статуи полководцев и святых.

По черной колее на мостовой, вдумчиво вращая педали велосипеда, проезжает пожилой человек. Шея его закутана теплым клетчатым шарфом, концы которого аккуратно уложены под старенький пиджак.

На двух ободранных зонтах без ручек он едет, а третий, черный, с ручкой, держит над головой.

Наверное, он везет снег, который собрал на зонтике пуховой горкой, в подарок, далеко, на другой конец города, той, которую не забыл...

И я не забыл, это она давно все забыла.

И говорила, что забуду и я.

А я не забыл.

У меня в руках темно-красные капли гвоздик на матово-зеленых стеблях, и я иду к дому на самом краю парка.

Я долго стою у чугунной ограды, пока из дома не выходит женщина и [не] выплескивает на белый снег серое пятно мыльной воды и пены.

Я уйду на другой конец пустынного парка и там, на чистом нетронутым снегу веером раскладываю темно-красные капли гвоздик на матово-зеленых стеблях, чтобы хоть как-то уравновесить серое пятно.

Я по-прежнему люблю этот старый южный город, в котором бывает, что до полудня не тает запах снега.

Ед. хр. 6. Л. 132–133. Машинопись.

Квартира

Нет, вы не знаете, что такое чужая квартира. Для этого нужно родиться или вором-«домушником», или артистом цирка, только в этом случае вы поймете всю правоту народной мудрости: «Чужая квартира – потемки».

Представьте себе, вы приезжаете на гастроли с цирком в прекрасный южный город, на бульварах растут фикусы, море пахнет аптекой, а из каждой собачьей будки торчат загорелые ноги курортников. Вас встречает администратор, который заикается, косит правым глазом, жалуется на нехватку кормов для зверей, на ишиас, на погоду и на вас, что вы так рано приехали.

Вы все терпите.

На следующий день, утром, после того как вы переночевали в красном уголке цирка, укрывшись стихотворным плакатом:

«Крутившим сальто впредь
и будь,

Ты ь профсоюз платить не позабуди!» –

вас ведут на квартиру и знакомят с хозяйкой. Она видит ваши длинные волосы, костюм не здешнего покроя... – Да... – говорит она, поджимая губы и собираясь с мыслями. Вам сообщается, что вы не имеете права на – (примерно двадцать или тридцать пунктов), в зависимости от эрудиции хозяйки, в которые не входят: связь с африканской контрразведкой, сеансы спиритизма и операция коленного сустава, все остальное делать в квартире нежелательно. Разрешается ночевать, приходиться (не поздно), уходить (пораньше). Вы довольны. Вам, скрепя сердце, вручается связка ключей и отмычек, благодаря которым вы будете попадать после работы в свою комнату, и прочитывается сравнительно краткая, но содержательная инструкция о том, как это делается.

...подойдя к двери, вы должны обнаружить справа за решечное окошечко. Вооружившись небольшим полу-

метровым багром, который вам выдан, вы просовываете руку сквозь решетку и внизу цепляете ушко засова, запирающего дверь, затем простым движением от себя вправо и вверх под углом примерно 25–30°, конечно, вращая руку против часовой стрелки, вы отодвигаете засов и попадаете в прихожую. Запираете засовом дверь и идете прямо, налево соседи, и отпираете дверь на кухню. Ключ от вашей комнаты будет находиться в третьем нижнем ящике кухонного стола справа, ключ от ванны под цветочным горшком, это от ужасных! соседей, свет в ванной включается у вас в комнате (удобства), свет, пардон, в туалете включается в ванной, не перепутайте, ваш выключатель посредине (ох, эти соседи), как видите все очень просто.

Вы благодарите хозяйку. Главное крыша над головой есть, и спешите в цирк на премьеру. Премьера проходит всегда удачно, это не удивительно, ведь уже 10–15 лет вы ежедневно делаете один и тот же номер.

Отметив удачу в буфете 1–2 стаканами местного разлива и закусив прошлогодней сардинкой, вы по ночным улицам спешите домой. Вот эта улица, вот этот дом, номер такой-то, квартира такая-то. Теперь в силу вступают указания об отмыкании замков и засовов. Довольно успешно справившись с этой процедурой, вы попадаете в свою комнату через каких-нибудь 30–40 минут. Достав из чемодана походную аптечку, замазав и перевязав синяки и легкие раны, полученные в темноте на кухне и в прихожей от острых углов, вы отправляетесь, уже вооруженный опытом, в обратный путь, чтобы снова запереть все двери на ночь.

Под утро приходит желанный сон.

Вам снится успех на международном конкурсе клоунады, вы выигрываете Гран-при. Десятки репортеров и фотокорреспондентов, сотни поклонниц буквально разрывают вас на части, они хватают вас за руки, трясут за плечи, дергают за воротник, бьют по щекам...

...вы открываете глаза, видите участкового милиционера, а из-за его спины выглядывают полуодетые и сердитые люди. Все говорят одновременно, кричат, энергично подталкивают вас, помогая одеваться, и ведут в ближайшее отделение милиции.

Через полчаса приезжает на вырубку администратор со скорбным лицом, который жалуется на ишиас, на судьбу

и на вас за то, что вы хоть и правильно запомнили номер дома и квартиру, но перепутали улицу.

Ед. хр. 6. Л. 117–119. Машинопись. Оpubл. вариант с разночтениями: Последний раунд. С. 19–20.

Интервью

Вы хотите откровения? Оно приходит редко. Но оно необходимо.

Мне.

Что в моей жизни было самое страшное?

Когда жить немоготу.

Мать закрыла меня своим телом, когда взорвалась фугаска на Арбате, в 42 году.

Я окровавленный стоял на ринге и знал, что, если не выиграю, дома нечего есть. (Это был любительский спорт.)

Сорвался с 12 метров, с трапеции, в Ереванском цирке.

Но самое страшное, когда меня, проверяя Там, спросили:

– А вы книжки читаете?

Ед. хр. 6. Л. 109. Машинопись.

У памятника поэту

А все-таки больше всех я люблю Бенкендорфа.

Подумаешь, Пушкин! Когда ты талант, чего же здесь особенного, садись и пиши. А вот Бенкендорф!?

Вот это – Гений. Абсолютная бездарь и в Истории...

С талантом это каждый может попасть в скрижали, а как быть, если его нет. Тогда дави! Найди что-нибудь вроде Пушкина и дави.

Не знаю кто – как, а Бенкендорф прав. Искать надо, если хочешь выдвинуться. А потом души. Он-то, Пушкин, не сопротивляется, ему некогда, он пишет, а ты его, и уже ты хоть что-нибудь.

Но, конечно, есть и трудности. Я про то, что надо служить в Третьем отделении... а тогда дави Пушкина.

Ну скажите мне, кто из нас не помнит Бенкендорфа.

Ед. хр. 7. Л. 122. Машинопись.

[Подснежник]

Сегодня я собираю в осеннем лесу оранжевые, желтые, багряные листья.

Чудо, золото в моих руках и вокруг.

А я думаю о том, что скоро наступит долгая суровая зима,

И сколько Мужества и Веры нужно иметь крохотному подснежнику, когда он появится весной в опустевшем и голом лесу,

Сколько Мужества и Веры в прекрасное, силы должно быть заложено в крохотных живых лепестках, чтобы не дрогнуть и, в который раз, начать все сначала!

Мой друг, будь как Подснежник, я знаю, сейчас тебе трудно...

Мой друг, будь как Подснежник, я знаю, сейчас ты совсем один...

Мой друг, я верю в тебя, как в Подснежник, пока жива в тебе хоть одна веточка, хоть один лепесток!

Ед. хр. 7. Л. 25–26. Оpubл. с небольшим разночтением: Последний раунд. С. 52–53.

Никольское

Увешенный двумя ожерельями огней теплоход, развернувшись против течения, подходил к дебаркадеру с надписью «Никольское».

На темной Волге, больше похожей на море, чем на реку, дебаркадер был освещенным островом, за которым было это «Никольское», где светились всего три, четыре уличных фонаря.

Два острова, теплоход «Андрей Жданов» и дебаркадер «Никольское» медленно двигались бортами друг к другу.

У перил дебаркадера, как мотыльки, слетевшиеся на огонек, толпились девчонки от шестнадцати до девятнадцати лет. Это были не провинциальные хохотушки в ситцевых платьях. Телевизор и кино сделали свое «черное» дело, лишив их в какой-то мере простоты, но зато придали им столичную элегантность, сохранив обаяние молодости и провинциальности.

Таким был дебаркадер.

А прогулочный теплоход не мог похвастаться пассажирами, роскошный и праздничный, он привык обманывать чьи-то надежды, неясные ожидания. Только на нижнюю палубу высыпало [с] десяток молодых парней, которые служили на теплоходе, а на верхней стояли «не сезонные» пассажиры: несколько пенсионеров, какой-то заспанный,

нестарый бородач, небольшая компания элегантно одетых молодых людей. Может быть, артисты?

Девчонки будут болтать с ребятами на нижней палубе, изредка стреляя глазами наверх, с одной стороны грубоватые комплименты: «Ну, такую бы я хоть сейчас с собой!» А с другой колкие ответы: «Ты смотри, не много ли будет, а ну, кто смелый, оставайся!»

И так десять минут, пока стоят рядом теплоход и дебаркадер. А потом они разойдутся, и никто не возьмет с собой длинноногую девчонку к далекому Каспию, и никто не останется в простом и загадочном Никольском, о котором мы ничего не знаем.

Разойдутся дебаркадер и теплоход, погаснут огни одного и гирлянды другого, останутся только бортовые и лампочка в дежурке, которые скоро разделит Волга, как огромная ребристая крышка черного рояля, с затопленными рожицами деревьев где-то у горизонта.

Потом пройдут годы и, может быть, кто-то будет жалеть, что не остался, а кто-то, что не уехал... как все чаще теперь жалею я.

Ед. хр. 6. Л. 160–161. Машинопись.

Праздники

Я люблю праздники.

В праздники можно многое, чего нельзя себе позволить в другие дни. Ну, например, говорить, что думаешь, словами в общем обычными, но как необычно они начинают звучать в праздники.

Вспомните, наверное, с вами такое случалось. Вы приходите к дорогому человеку и говорите:

– С Новым годом! –

и она, конечно, понимает, что вы сказали:

– Я Вас люблю, Вы для меня дороже жизни!

Праздники многое облегчают.

Ну, скажем, приходите вы к своей родной бабушке и с порога:

– Бабушка, Христос воскрес! –

а бабушка смотрит на вашу праздничную физиономию и понимает, что вы это брякнули неспроста, а уже расписались с соседской Нинкой, не окончив еще института.

И бабушка, вздохнув, отвечает:

– Воистину воскрес, –

Мол, подождали бы, пока хоть, с детьми.

Праздники, конечно, бывают нечасто, но все-таки бывают, и если вы, как я, не очень смелый человек, приберегите для себя:

«С – новым – годом – я – без – Вас – не – могу».

«Да – здравствует – день – шахтера – жду – Вас – вечером».

«Троицын – день – мама – я – вернусь – утром».

И самое простое и мудрое:

«Добрый – день – всего – Вам – светлого!»

Ед. хр. 7. Л. 42–45. Опул. с разночтениями: Последний раунд. С. 81–82.

Профессия

Жил Человек, у него была профессия, но ему этого было мало, он хотел петь – запел.

Человек убедился, что петь он не умеет.

Он начинает учиться танцевать.

Терпит неудачу.

Не теряя присутствия духа, пишет картины, а когда и это... то начинает снимать кино. Тут уж никому никогда не везло. Потом резьба по дереву, диктор на радио, актер, суфлер, и везде проклятое невезение.

Последнее пристанище – многострадальная литература. Не печатают.

Тогда Человек вспомнил, что раньше он пел.

И теперь поет, и все выходит, если только поет тихо и только для Нее и для Себя.

Ед. хр. 7. Л. 58. Машинопись.

[Горы]

Выжженная солнцем долина в горах. Желто-серые скалы выше становятся фиолетовыми и переходят в искрящиеся на солнце драгоценные вершины.

Я один и Горы.

Только Горы и я.

Мудрые вечные горы. Окружающие меня со всех сторон. Закрывающие от остального мира. Оставившие только голубую льдинку неба и флейту-ручей. Мудрые горы. Дают человеку звенящее одиночество, чтоб он понял: один он никто.

Ед. хр. 15. Л. 53–54 об. Опул. с разночтениями: Последний раунд. С. 36.

Желто-зеленое

Стена из зеленых виноградных листьев
между заходящим солнцем и мной.

Витиевато узорчатая зелень.

От светлой, светлой, светлой постепенно до мягко-зеленой.

Цвет жизни!

Такого же цвета Твои глаза.

Пройдет месяц, полтора, и на этих тоненьких стеблях созреют зеленовато-желтые лозы. А потом будет вино, вино светло-зеленых грез.

Таких, как Твои глаза.

Ед. хр. 13. Л. 141 об.—142 об.

Машинистка

«Ой, ой, больно!»

«Потерпите», — сказала машинистка Любочка, заправляя мое сердце в пишущую машину.

«Начнем», — сказала она и застучала по сердцу. «Тук, тук, тук», — отозвалось мое бедное сердце. «Кошмар какой-то, — наморщила Любочка носик, — ни одного свободного места, строка на строке, негде печатать». И опять застучала по больным местам. «Все», — сказала она, отпаивая меня чаем и засовывая в рот таблетку валидола. «Пришлось все печатать заново, а старые подписи подчищать резинкой». Она дала мне два экземпляра моего сердца и ушла.

Прошло много времени, а я все ищу Любочку, потому что кому нужно сердце со словами любви, если это второй или третий экземпляр?

А первый она унесла с собой.

Ед. хр. 6. Л. 141. Машинопись.

Тональность

Эту правдивую историю мне рассказал слепой музыкант на краковском бульваре.

Ах, как часто наша быстротечная жизнь зависит от одного слова, взгляда...

Вам, мой дорогой читатель, я думаю, не надо объяснять, кто такая королева Ядвига? Я так и предполагал.

Ну а кто такой шут Алекс, блиставший при лучших дворах Европы?

Ладно, ладно, верю.

Случилось это в замке крулей Ягейло. Что бы вы сделали, будучи на месте Алекса, если бы вам после концерта, на котором вы блистали, самая неприступная красавица, королева Ядвига, сделала ресницами вот так.

Этот знак и доньше в моде, но первой, как утверждают историки, им овладела Ядвига (это ее придворные историки, без сомнения, самые объективные).

Алекс был молод и красив. Не верьте, что шуты были горбатыми и уродливыми. Ох уж эти мне историки.

Лучшие клоуны, а Алекс был лучшим из всех, всегда были гибкими и стройными, мимами и акробатами, острыми на язык и быстрыми на удар шпаги.

Далеко за полночь, кончился бал в старинном замке крулей Ягейло.

Разошлись по отведенным покоям гости, разъехались близкие соседи.

Алекс сделал то же самое, что сделали бы вы: придерживая у бедра кинжал, он тихо пробрался по анфиладам полутемных комнат в покои королевы.

Королева вся в белом, воздушном (волосы, плечи, свечи, зеркала – это постарайтесь представить себе сами), повернулась на тихие шаги Алекса и...

Нет, вы не угадали.

Она взволнованно выдохнула:

– Охрана!

Алекс вздрогнул и быстро исчез, как и появился.

На этом кончилась блистательная карьера клоуна и шута Алекса. Королева не могла простить, что он, с его тонким музыкальным слухом, не понял ее, она же сказала:

– Ах, рано!

Да, чуть было не кончилась карьера Алекса, но он был человек творческий и быстро осваивал любую тональность.

Это было давно, но ни одно слово в этой истории не выдумано, да и зачем?

Ед. хр. 7. Л. 110–111. Машинопись. Опул. с разночтениями: Последний раунд. С. 39–40.

Девочка и микрофон

Гитара, бас-гитара, саксофон, рояль и ударные

И с ними девчонка.

Она пела в микрофон о самом своем дорогом, сокровенном. О том, как она любит и ждет.

Глупая девочка забыла, что микрофон...

Как только он мог с ней так поступить, она пела, держа его бережно у самых губ, а он...

Он разнес ее слова на весь тысячный зал. Разве это честно?

Потом она кланялась и счастливо улыбалась, слава богу, она не узнала,

Что микрофон был предатель!

Ед. хр. 6. Л. 31. Машинопись.

Парень, который придумал колесо

В двадцать пятом веке, наконец, разыскали, воскресили и стали чествовать того, кто изобрел колесо.

А он ходил печальный, с одного молочного банкета на другой, и каждый раз, захмелев от парного, бил себя в грудь:

«Братцы, что вы меня хвалите, я-то что. Колесо, ведь оно как луна, как солнце, опять же круги по воде идут, если камень бросишь...

Не много ума надо, чтоб до колеса допереть...

А вот кто ось придумал – это да!»

Хороший был этот парень, который придумал колесо.

Ед. хр. 7. Л. 14. Машинопись. Опул.: Последний раунд. С. 45.

Ты, я и грусть

Кафе становится пустым.

Сдвигают стулья, гремят на кухне посудой.

Остаемся только ты, я и грусть.

Прости меня, я знаю, ты хотела, чтоб сегодня мы были только вдвоем, но со мной всегда моя грусть.

Ну вот, ты уже сердишься, тебе нужно позвонить. Я понимаю. Срочно.

Кафе становится пустым,

сдвигают стулья, гремят на кухне посудой.

И мы только вдвоем, я и ты,
моя грусть.

Ед. хр. 7. Л. 121. Опул.: Последний раунд. С. 56–57.

Дайте мне серую ленту асфальта, я осторожно посажу вдоль нее большие деревья, которые никто, никогда, слышите, никогда, не посмеет подстригать.

Ед. хр. 7. Л. 174. Машинопись.

Только один день

Популярность – это только один день.

Я увидел его, когда он ругался площадной бранью, но почему-то в это время был особенно беспомощным, совсем ребенком, хотя те, которых он ругал, стояли навтыяжку.

Они боялись его и плевали на него, но не вслух, он ведь мог так ударить слева, его в прошлом знаменитый удар они знали. И еще он был им все-таки нужен. Он делал сборы, деньги; конечно, не себе, ему плохо жилось, не только вообще, а на квартире; если б вы знали, что такое каждый раз чужая квартира. И он ругался, тратил себя.

Подошел униформист и спросил:

– Там хотят у Вас взять автограф, можно?

– Да (он думал два, три человека), – их ворвалось человек 30.

Он долго писал свою фамилию на дамских сумочках, на программах, на коробках сигарет. Кстати, у него не было сигарет, а просить у буфетчицы было противно, и так должен, она уже косо смотрит.

Он взял рубль у своего ассистента, купил сигарет, закурил, вышел на улицу. Он любил один побродить по городу, ему было всегда необходимо собраться, уйти в себя, чтобы накопить силы на вечер, когда тысячи глаз начнут его раздевать и на теле не останется ни единого сантиметра, который бы они не прощупали. Он любил побыть один, как каждый из...

– Мама, мама, смотри, вот он! –

закричала маленькая девочка, и мама повернулась и, мгновенно узнав его, стала смотреть, как смотрят в зоопарке на шимпанзе, удивляясь и ожидая чего-нибудь смешного.

Он шархнул на другую сторону улицы. Толпа студентов заверещала:

– Он.

– Нет-нет.

– Он же, – все девочки, – он – правда!

– Кто?

– Ты же видела?

- Ну он же.
- Ну да.
- Дура.
- Как.
- Нет правда!
- А будьте вы...

– Скажите, товарищ, вот мы, токаря с завода МЭФ, очень Вас любим, – начал какой-то полупьяный жлоб. Ну это придется минут пять слушать. Это народ. Попробуй иначе, будешь зазнайкой, «звездная болезнь»:

«Когда же этот гад отцепится, он же пьян».

Но – «Ты» –

«Это он ему, сволочь, смеет говорить “Ты”».

– Ты должен понять, мы, работяги, тебя, значит, любим...

Он вырвался.

А у его мамы где-то далеко-далеко крыша протекала, это очень печально, когда у твоей мамы на полу стоят тазы, в которые каплет дождевая вода. Сестра прислала телеграмму, просит 50 рублей. И нужно помочь этому чудному парню-жонглеру.

А от нее все нет и нет, третий день нет письма.

Любит ли она еще, помнит?

И новая роль – никак.

Кончился андаксин, значит, сегодня не уснуть.

Нет, скорее домой, две, три сигареты оставить на вечер, и грамм сто водки.

– Будьте добры, автог...

Бежать!

Куда?

Помоги мне.

Ед. хр. 7. Л. 107–109. Машинопись.

«Ни дня без строчки»

Ю.Олеша

Великолепный девиз и необычайно трудно выполнимый. Но если хочешь стать профессионал[ом], это необходимо.

Туфельки

В углу стоят три пары твоих туфелек.

Я смотрю на них, и они кажутся мне оружием крестоносца, который куда-то уехал и оставил свою алебарду в

углу. Их три пары, и все они разные, так как для разных целей они служат, хотя все они туфельки.

Вот в середине коричневые, они элегантны и у них высокий каблук, но все-таки они рабочие, они призваны сберечь твои ножки каждодневно, и все это для высокомерной пары белоснежных и аристократически узконосых туфель, которые позволили себе стоять рядом с ними.

Эти белоснежные неженки, от которых устают твои ножки гораздо больше, чем они сами, они твоё оружие, и, когда ты их надеваешь, тебе кажется, что не земля вращается, а это ты её поворачиваешь своими острыми каблучками. Но я больше всего люблю третьи, о которых ты ласково говоришь: «Мои одалиски».

Они почти что тапочки, в них ты бываешь сама собой, в них ты приходишь ко мне, и, когда ты засыпаешь в моих объятьях, они, как две верных собачонки, дожидаются тебя у постели на том самом месте, где ты их оставляешь.

Ед. хр. 7. Л. 118. Машинопись. Оpubл. с существенными разночтениями: Последний раунд. С. 49–50.

Весной

Я заблудился в Весне. Я долго бродил. Наткнулся на майскую грозу и вернулся в апрель. Ужасно продрог в марте и еле согрелся в праздничной первомайской толпе. Пошел против движения по левой стороне и опять оказался где-то в конце апреля.

Да, я пытался спросить: «Скажите, пожалуйста, как мне выбраться из Весны!» Но никто не отвечает, все ходят парами и заняты, наверное, очень важными разговорами. Я уже очень устал бродить по Весне. Замерз и хочу есть. Я понял, одному из Весны не выйти. Приходи, помоги мне. Я жду тебя здесь, в конце апреля.

Ед. хр. 6. Л. 24. Машинопись. Оpubл.: Волга. 1970. № 6.

Дорога

Я уезжаю.

Я завтра уеду.

Дорога длинная-предлинная.

И такой же длинный поезд.

Состав из десятков, а может быть, сотен тысяч вагонов.

Сто окон в каждом вагоне, потому что каждый вагон — это столетие.

Я войду в последний вагон, чтобы быть хоть немного ближе к тебе.

Ед. хр. 6. Л. 45. Машинопись. Опубл.: Вечерняя Москва. 1974. 5 окт.

[Из записной книжки]

23/VII 66 г.

Ужасно хочется верить, что еще не поздно совершить «настоящее».

Дать выход тому, что бурлит в голове и сердце.

Нет ничего прекраснее процесса «рождения», осмысливания замысла.

Контур, еле заметный, становится четким.

Это счастье.

*Воскресенье, 17 января [1966 г.]**. Нет. 21 июля, но от этого еще хуже.

А когда мне совсем плохо, когда я болен, всеми брошен и никому не нужен...

Тогда я слушаю ее гортанный голос: «Нет, я ни о чем не жалею». Я тоже!

Очень трудно совсем не отчаяться, легче перестать жить, терпеть, незаслуженно терпеть эту гнусную каторгу. Слова непослушны и неловки, и ручка вываливается из рук...

2.9.66

После самых жестоких неудач должно приходиться просветление.

Когда жить уже нет сил, откуда-то изнутри должна вскипать раскаленная лава желаний жить и работать.

Вернуть все потерянное, стоявшее рядом. Не просто вернуть. Вернуть вдвойне, втройне, вопреки логике и законам. По праву сердца. И Судьба, она обязательно рассмеется. Вперед, мой малыш.

Ед. хр. 13. Л. 110–112 об.

* Курсивом выделена зачеркнутая типографская разметка страниц в еженедельнике.

ОБЗОРЫ ФОНДОВ

А.С.ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ РГАЛИ

Обзор Н.Б.Волковой

Пушкин – родоначальник русской литературы, основоположник русского литературного языка. Огромна его роль в развитии отечественной культуры. Сейчас, когда исполнилось двести лет со дня его рождения, он по-прежнему остается нашим современником, нас волнует его судьба, для нас бесценна каждая его строчка. Отсюда такой интерес не только к Пушкинскому творческому наследию, но и к любому его документу.

Важным этапом собирания Пушкинского наследия стали 30-е годы. В 1937 г. в Москве была организована Всесоюзная выставка памяти А.С.Пушкина, на которую были переданы многие пушкинские материалы из ряда учреждений и организаций. Постановлением СНК СССР № 256 от 4 марта 1938 г. они были оставлены в составе выставки, реорганизованной в Государственный музей А.С.Пушкина. В числе его экспонатов остались и пушкинские автографы, предоставленные на выставку. В 1948 г. Всесоюзный государственный музей А.С.Пушкина был перемещен в г. Пушкин, бывшее Царское село, и размещен в залах Александровского дворца и Лицея, а рукописи Пушкина и библиотека поступили в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

Несмотря на сосредоточение пушкинских документов в ИРЛИ, РГАЛИ хранит некоторые собственноручные записи Пушкина, а также материалы, связанные с ним и его временем.

Цель данного обзора – дать представление о материалах поэта и его эпохи, находящихся в РГАЛИ.

В архиве был создан фонд «Пушкинское собрание» (Ф. 384; 348 ед. хр.), содержащий многочисленные тексты произведений Пушкина (в списках первой половины

XIX в. и в фотокопиях), копии писем Пушкина. В подлинниках имеются только письма к Пушкину П.А.Вяземского, О.С.Павлицевой, Д.Ф.Фикельмон, Е.М.Хитрово. Сохранилось несколько писем Н.Н.Пушкиной после 1838 г., а также письма его детей, внуков, родственников и друзей. Биографические документы связаны со службой Пушкина в Министерстве иностранных дел, с ведением секретного надзора за ним, следствием о дуэли и смерти поэта. Имущественно-хозяйственные материалы по имениям в Михайловском и Болдине, а также дела Опекы, свидетельствуют о тяжелом материальном положении поэта и его семьи. Имеются в фонде отдельные документы представителей родов и потомков Пушкиных и Гончаровых. Есть переписка Л.Геккерна и Ж.Дантеса с Министерством иностранных дел и Д.Н.Гончаровым о выделении наследства Е.Н.Гончаровой, ставшей женой Дантеса. Обширно представлены материалы по изданию собраний сочинений Пушкина разных лет, празднования юбилеев, записи воспоминаний о нем, статьи и исследования видных пушкинистов.

Еще более ценные документы содержат фонды современников Пушкина, в первую очередь его ближайшего окружения. Это неисчерпаемый фонд семьи Вяземских, так называемый «Остафьевский архив», а также фонды Е.А.Баратынского, В.А.Жуковского, Н.М.Карамзина, В.К.Кюхельбекера, А.А.Оленина, В.Л.Пушкина, А.О.Смирновой-Россет, К.Ф.Рылеева, А.И. и Н.И.Тургеневых, П.Я.Чаадаева и другие. Именно в этих фондах сохранились драгоценные автографы стихотворений и писем Пушкина. В 1937 г., как уже говорилось выше, значительная их часть поступила на Всесоюзную выставку памяти А.С.Пушкина, а потом была перемещена в Пушкинский Дом. Тем более дорожит архив теми, которые ему не без труда удалось сохранить в своих стенах. Среди этих автографов несколько стихотворений А.С.Пушкина.

Самое раннее из них относится еще к лицейскому периоду. Это список стихотворения «Наездники» (1815 г.), в котором только заголовок написан рукой Пушкина. Однако это обстоятельство сразу выводит текст из неизвестных списков на уровень авторизованных поэтом. Существенно и его местонахождение в фонде Вяземских, как дополнительное свидетельство той связи, которая поддерживалась между юным лицеистом и его старшим другом (Ф. 195.

Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 1; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 205–217; Т. [17]. С. 13*).

Еще один автограф 1817 г. Это стихотворение «Краев чужих неопытный любитель», адресованное поэтом княгине Е.И.Голицыной, прозванной современниками «Princesse Nocturne». В 1817 г. Пушкин был чрезвычайно увлечен ею, о чем свидетельствует и текст посвященного ей мадригала. Стихотворение было, по-видимому, написано после встречи поэта с Е.И.Голицыной в доме Н.М.Карамзина осенью 1817 г. В письме П.А.Вяземскому от 24 декабря 1817 г. Карамзин сообщал: «Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви» (Старина и новизна. 1897. Кн. 1. С. 43). В последнем, как видим, Карамзин ошибся, о чем свидетельствует названное стихотворение. Несмотря на разницу в возрасте (Голицына была почти на двадцать лет старше), их знакомство сохранялось и в последующие годы. В 1819 г. Пушкин посвятил ей стихотворение «Простой воспитанник природы» и послал оду «Вольность», а также упоминал о ней в письмах более позднего времени. По сохранившимся сведениям, названный автограф какое-то время находился в бумагах петербургского знакомого Пушкина Н.И.Кривцова. Затем перешел к зятю Кривцова П.Н.Батюшкову, войдя в состав альбома его жены С.Н.Батюшковой.

В 1944 г. наш архив познакомился с Иваном Ивановичем Косинским, в прошлом – полковником царской армии. Находясь в тяжелых материальных условиях, он предложил архиву приобрести альбом автографов, среди которых находился и автограф стихотворения Пушкина «Краев чужих неопытный любитель». По словам Косинского, в 1901 г. директор одной из варшавских гимназий А.А.Матвеев подарил музею Суворовского кадетского корпуса в Варшаве свою коллекцию автографов. Косинский, бывший тогда начальником корпуса, заказал для нее альбом и вклеил туда автографы, сопроводив их биографическими записями об авторах. После ликвидации и частичного разгрома корпуса в 1917 г. Косинскому

* Здесь и далее даются отсылки на юбилейное Полное собрание сочинений А.С.Пушкина в 16-ти томах плюс 17-й (без номера) справочный том (М., 1937–1959).

удалось покинуть Варшаву и сохранить альбом и некоторые другие реликвии музея.

Поступивший в архив альбом переплетен в черную шагреновую кожу с тиснением на корешке: «Музей Сувор[овского] К[адетского] К[орпуса]». На верхней крышке альбома вытиснено: «Подлинные автографы высочайших особ, знаменитых и именитых людей». В альбоме 19 листов, лист 15-й вырезан. На них наклеены автографы Пушкина и А.Н.Майкова, а также А.П.Бестужева-Рюмина, Б.-К.Миниха, Г.А.Потемкина, К.Г.Разумовского, П.С.Салтыкова, П.А.Румянцева-Задунайского и других именитых лиц – всего 23 автографа. Стихотворный автограф Пушкина и автографы трех стихотворений Майкова представлены текстами стихотворений. Остальные 19 – являются только подписями, варварски отрезанными от документов.

Автограф Пушкина представляет собою сильно обрванный лист писчей бумаги с филигранью «1816» и инициалами «А.О.» На одной его стороне расположены текст стихотворения «Краев чужих неопытный любитель», подпись автора и дата «30 ноября 1817 г.». От академического издания текст автографа отличается только орфографией и пунктуацией (Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 33; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 2(1). С. 43). Подлинность автографа была подтверждена известными пушкинистами М.А. и Т.Г.Цявловскими. На обороте автографа сохранилось начало записи (продолжение отрезано) по-французски следующего содержания: «Je me suis présenté chez Vous pour vous dire Adieu [...]»* au désespoir de n'avoir pas pu le faire verbalement. Je vous embrasse en vous priant de ne pas [...]»**. Было бы заманчиво отнести эту запись Пушкину, однако, по свидетельству Т.Г.Цявловской, она сделана не его рукой. По рекомендации М.А.Цявловского альбом бывшего Суворовского кадетского корпуса был приобретен и сейчас находится в собрании альбомов РГАЛИ.

Два следующих автографа стихотворений Пушкина относятся к периоду его жизни в Петербурге после выхода из Лицея. Они связаны с посещениями Пушкиным за-

* Часть текста обрезана.

** «Я прибыл к Вам, чтобы проститься с вами в отчаянии от невозможности сделать это устно. Я вас обнимаю и прошу вас не [...]» (фр.).

седаний кружка «Зеленая лампа», который собирался в доме камер-юнкера Н.С.Всеволожского, служившего вместе с Пушкиным в коллегии Министерства иностранных дел. Первое стихотворение «Я люблю вечерний пир» (1819) дает описание этих заседаний-пирушек и отношение к ним автора (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 2(1). С. 100*). Второе – «Щербинину» (9 июля 1819 г.) – является посланием к его приятелю и участнику этого кружка М.А.Щербинину (*Пушкин А.С. Полн. Собр. соч. Т. 3(1). С. 455*). Оба стихотворения вписаны в альбом, принадлежавший Щербинину, и являются хорошо сохранившимися беловыми автографами, на стихотворении «Я люблю вечерний пир» имеется собственноручная подпись Пушкина (Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 15, 17). Примечательна судьба и самого альбома. По словам последнего его владельца В.А.Кондратьева, альбом был найден в одном из имений под Петроградом в 1918 г. При ликвидации имения альбом был выброшен и подобран Кондратьевым. Ему помнится, что, по словам старожилов, Пушкин бывал в этом имении, которое, возможно, принадлежало графу Шереметеву. Более двадцати лет Кондратьев хранил этот уникальный альбом и только в 1939 г., находясь в нужде, решил его продать.

С появлением первых стихов на Пушкина обратили внимание и всячески старались поддержать на протяжении всего жизненного пути его старшие друзья – П.А.Вяземский и В.А.Жуковский. О непринужденном характере их отношений говорит любопытный документ – письмо Вяземского и Пушкина Жуковскому, составленное 26 марта 1833 г. при очередном посещении Пушкиным Вяземского (*Летопись. Т. 4. С. 36**). В архиве Вяземских сохранились только шуточные стихи из этого письма, представляющие перечень множества лиц, предваряемый словами «Надо помянуть, непременно помянуть надо». Стихи с 54 по 79 написаны рукой Пушкина, остальные принадлежат Вяземскому (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 113–114 об.; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3(1). С. 486–488*).

* Здесь и далее при отсылке к Летописи имеется в виду издание, приуроченное к 200-летию юбилею со дня рождения поэта: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / Сост. М.А.Цявловский, Н.А.Тархова. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999.*

В фонде Вяземских хранится и автограф стихотворения 1829–1830 гг. «Когда Потемкину в потемках...». В нем обыгрывается фамилия Е.П.Потемкиной, сестры декабриста князя С.П.Трубецкого. С напечатанным текстом разночтений нет (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5084. Л. 158; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3(1). С. 457*). На обороте листа с текстом четверостишия имеется пушкинский рисунок – набросок мужского лица в профиль, сделанный, вероятно, одновременно (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5084. Л. 158 об.).

Этот рисунок не единственный в РГАЛИ. Готовя публикацию писем Е.М.Хитрово к П.А.Вяземскому, сотрудница архива Н.В.Снытко обнаружила на одном из них вырезанный квадратик бумаги, а над ним, на обороте листа – рисунок Пушкина пером, погрудное изображение в профиль Н.Н.Гончаровой (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2986. Л. 7 об.). Из переписки известно, что 26 мая 1830 г. Вяземский, находящийся тогда в Петербурге, «для потехи» переслал одно из писем от Хитрово, целиком посвященное Пушкину, своей жене Вере Федоровне. Пушкин, занятый сватовством, находился тогда в Москве и писал в конце марта 1830 г. Вяземскому: «Жену твою вижу часто, то есть всякий день» (*Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 74*). Снытко предположила, что «[...] Вера Федоровна дала прочитать ему присланное мужем письмо Элизы Хитрово... А затем... быть может по просьбе Вяземской Пушкин нарисовал на обороте профиль своей невесты. 29 июля Пушкин уже из Петербурга писал Наталье Николаевне, что и Хитрово “заставила меня нарисовать ваш профиль”» (Встречи с прошлым. М., 1985. Вып. 2. 2-е изд. С. 26–27). Рисунок, вероятно, относится к периоду от 26 мая 1830 г., когда Вяземский послал письмо Хитрово Вере Федоровне, до 16 июля 1830 г. – выезда Пушкина из Москвы.

Безусловный интерес представляют и пометы Пушкина на произведениях других авторов. Некоторые из них сделаны на стихотворении П.А.Вяземского «К ним» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 875. Л. 1). Стихотворение написано рукой Вяземского. Наверху листа его же помета, по-видимому, более позднего времени: «Мои стихи вчерне с замечаниями Пушкина». Рядом – запись рукою Пушкина: «ради Христа, очисти эти стихи, они стоят *уныния*». «Уныние» – стихотворение Вяземского 1820 г., которое нравилось Пушкину. Далее идет первоначальный текст

стихотворения Вяземского и пометы к нему Пушкина. По словам М.А.Цявловского, стихотворение «К ним» было вызвано доносом Ф.В.Булгарина на Вяземского и, скорее всего, написано в ноябре 1829 г.: «Вяземский из Москвы послал стихотворение в Петербург Пушкину, который, сделав в тексте ряд изменений, послал рукопись [Е.А] Боратынскому. Последний, вероятно, в декабре 1829 г. писал Вяземскому в Остафьево: “Посылаю вам вашу пьесу “К ним”, перемеченную Пушкиным. Признаюсь, что и я согласен с его замечаниями. Ради бога, переправьте ее: она высокого лирического достоинства [...]”» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935. С. 114–115). Вяземский принял не все замечания Пушкина. Некоторые изменения были им внесены в текст, находящийся в РГАЛИ. Окончательная редакция была напечатана Пушкиным в 5-м номере «Литературной газеты» за 1830 год.

В фонде Вяземских сохраняется много исторических документов, которые во времена Пушкина не могли быть изданы. К ним относится и рукописная копия «Записок» княгини Е.Р.Дашковой (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1196), напечатанных А.И.Герценым в Лондоне только в 1859 г. Именно по этой копии Пушкин в 1835–1836 гг. знакомился с ее воспоминаниями, о чем свидетельствует его помета (Л. 88). Помета была впервые обнаружена исследователем М.И.Гиллельсоном, который истолковал ее как расхождение Пушкина с автором записок по поводу Дидро. Гиллельсон приводит в русском переводе описание посещения Дашковой театра в Лионе: «В первый же спектакль мы отправились в театр: леди Райдер, m-me Гамильтон, госпожа Каменская и я; но каково было наше удивление, когда в отведенной нам ложе я нашла четырех лионских дам, расположившихся в ней; на представление моего проводника, что эта ложа предназначена герцогом для знатных иностранных дам, они будто глухонемые не двигались с места и ничего не отвечали. Я попросила проводника более не беспокоиться, говоря, что спектакль не представляет для меня особенного интереса, и решила вернуться домой. Леди Райдер и госпожа Каменская остались стоять за этими наглыми женщинами, а мы с m-me Гамильтон вернулись к себе». Слова «наглыми женщинами» в подлиннике «*femmes impertinentes*» подчеркнуты Пушкиным, а на полях рукописи запись его рукой: «*Diderot, docteur et*

арête de l galit , qui l'auteur admire, n'aurait pas dit cela»*. (*Гиллельсон М.И. Пушкин и «Записки» Е.Р.Дашковой // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 143*).

В фонде Вяземских хранятся и подлинные письма Пушкина. Большинство из них адресовано П.А.Вяземскому и его жене. Пять из них находятся в одном из альбомов, в которых сын Вяземского, Павел Петрович, объединил и хранил наиболее ценные документы личного архива отца и собранной им коллекции рукописей разных лиц. Одно из наиболее ранних писем Пушкина, сохранившихся для потомков, адресовано П.А.Вяземскому. Оно написано 27 марта 1816 г. в Царском селе, в период учебы юного поэта в Лицее. Пушкин просит Вяземского прислать свои новые стихи, жалуется на лицейское уединение, жалеет, что до выпуска остается еще целый год, сообщает, что от скуки пишет скучные стихи (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 103–104 об.; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 2–3*).

Письмо от 1 сентября 1817 г. из Петербурга в Москву адресовано П.А.Вяземскому и В.Л.Пушкину, которых Пушкин именовал их шуточными «арзамасскими» прозвищами: «Их высокопреосвященства Василий Львович Вот и Петр Андреевич Асмодей». Пушкин писал о том, как он скучал в своем псковском уединеньи, т.е. в Михайловском, далее он сообщал: «Я очень недавно приехал в Петербург и желал бы как можно скорее его оставить для Москвы, то есть для Вяземского; не знаю, сбудется ли мое желание; покамест с нетерпением ожидаю твоих новых стихов и прошу у тебя твоего благословения» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 106–106 об.; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 8*).

В 1820 г. П.А.Вяземский находился в Варшаве. Не позднее 21 апреля Пушкин писал ему из Петербурга, отрывок из этого письма сохранился в фонде Вяземских. Пушкин просил прислать новые стихи: «[...] они пленительны и оживительны – “Первый снег” прелесть; “Уныние” – прелестнее». Он спрашивал мнение Вяземского о последних произведениях В.А.Жуковского, сообщал об окончании поэмы «Руслан и Людмила»: «И только последний, т.е. окончательный, стих ее принес мне истинное

* «Дидро, учитель и апостол равенства, которым автор восхищается, так бы не выразился» (*фр.*).

удовольствие». Намекал на события, связанные с его высылкой из Петербурга: «[...] я глупею и старею не неделями, а часами» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 108 и об.; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 113. С. 14–15*).

Следующее письмо отправлено Вяземскому 5 апреля 1823 г. уже из Кишинева. Пушкин надеялся, что за эти три года ему удастся если не вернуться, то хотя бы побывать в Петербурге или Москве. Но ему это не удалось. Он спрашивает, не завернет ли к нему Вяземский в Кишинев, когда поедет в Одессу, обещая познакомить его с греческими повстанцами и гречанкой Калипсо Полихрони, которая «цаловалась с Байроном»; жалуется, что он всеми забыт, и просит новых стихов (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 110–111 об.; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 61–62*).

Последнее, пятое, письмо из этого комплекса, написано Пушкиным 19 августа 1823 г. из Одессы. Обращаясь к Вяземскому, он просит его взять на себя второе издание поэмы «Руслан и Людмила», говорит о невыгодных условиях издания Н.И.Гнедичем его прежних поэм, призывает Вяземского стать поборником романтического направления, уже утвердившегося в немецкой и английской литературе: «Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику – стань за немцев и англичан – уничтожь этих маркизов классической поэзии...» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 116–117 об.; *Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 66*).

Эти письма Пушкина к Вяземскому вместе с другими с пояснениями самого П.А.Вяземского были впервые напечатаны в «Русском архиве» 1874 г. (Кн. 1). Они также были изданы факсимильно в связи с открытием памятника Пушкину в Москве П.П.Вяземским в фотолитографических снимках под заглавием «Семь автографов А.С.Пушкина. 1816–1837» (СПб., 1880).

Из других писем Пушкина к Вяземскому, находящихся в РГАЛИ, привлекает внимание письмо из Одессы от 5 июля 1824 г. Это черновик письма Пушкина, сделанный карандашом на письме Вяземского от 26 июня 1824 г. В.Ф.Вяземской, находившейся тогда в Одессе. По обыкновению, Вера Федоровна дала прочитать письмо Пушкину, который на нем набросал несколько строк о французской и английской литературах, о которых у них с Вяземским уже шла речь раньше, в частности, некоторые строки

являются повторением чернового письма к Вяземскому от 4 ноября 1824 г. (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3267. Л. 11–12 об.; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 102). Письмо Пушкина не только ценно по своему содержанию, но и дает возможность проследить последовательность его мысли. На обороте первого листа письма (Л. 11 об.) он делает карандашную запись о заслугах французов в области истории и ставит число «5 июля 1824 г.». Потом снова возвращается к волнующей его теме: век романтизма не настал еще для Франции, дает оценку поэзии Ламартина и Шенье и приходит к выводу, что «покамест поэзии во Франции менее, чем у нас» (Л. 11 об.–12). Одновременно на обороте 12-го листа, там же, где указан адрес Вяземской в Одессе, Пушкин нарисовал карандашом профили трех женских головок. Таким образом, фактически мы имеем здесь два документа Пушкина: письмо и 3 рисунка на одном листе.

В фонде Вяземских издавна хранился документ, считавшийся стихотворением французского поэта К.Делавиня. Только в начале 80-х годов XX в. исследователь И.Т.Трофимов установил, что список стихотворения сопровождается припиской Пушкина Вяземскому от июля – августа 1824 г. Текст начинается словами: «Вот несколько стихов [...]» и далее следует стихотворение Делавиня «К Наполеону» на французском языке (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 53166.).

Еще одна находка в этом же фонде была сделана в 1979 г. сотрудником архива А.В.Рычковым. Занимаясь выявлением материалов А.П.Сумарокова, он обнаружил на обороте списка письма Сумарокова Г.А.Потемкину письмо Пушкина, адресованное П.А.Вяземскому: «Вот тебе опять Сумароковщина, дело его с проказником Демидовым. Ив.Ив.Дм[итриев] полагает, что со стороны Демидова все это была шутка – очень любопытно и хорошо. Как идет мой Онегин?» Под этим текстом рукой П.П.Вяземского написано: «(Приписка Алек. Серг. Пушкина)» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 6137. Л. 5 об.; Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. 2-е изд. С. 26–27). Как установил Рычков, найденное письмо Пушкина является продолжением его известной переписки с Вяземским по поводу печатания в «Литературной газете» А.А.Дельвига аналогичных материалов по истории XVIII в. В упоминавшемся выше письме от второй половина марта 1830 г. из Москвы в

Петербург он писал: «Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив.Ив.Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, надорванный, вероятно, в присутствии и, вероятно, сохраненный Миллером как документ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай из этого статью и тисни в «Литературной газете»» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 74). Поскольку это письмо датируется не ранее 18 марта 1830 г., а статья Вяземского «О Сумарокове» с привлечением писем Сумарокова Потемкину появилась в «Литературной газете» 16 мая 1830 г., письмо Пушкина, обнаруженное Рычковым, было датировано второй половиной марта – апрелем 1830 г. (Летопись. Т. 3. С. 177).

В РГАЛИ сохранилось пять писем Пушкина к В.Ф.Вяземской. В отличие от пространных писем к Петру Андреевичу они очень коротки, некоторые являются приписками к письмам мужа, в основном на французском языке. Самое раннее из них было выявлено и атрибутировано Т.Г.Цявловской. Разбирая письма неустановленных лиц, она обнаружила записку Пушкина на французском языке: «Divine Princesse, je vous salue de tout mon cœur. De tout mon cœur, Pr[incesse] divine, je vous salue. Princesse, je vous salue, divine de mon cœur etc»* (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3422. Л. 3). Выше строк перечеркнутое слово: «Мужу». По мнению Цявловской, Пушкин перефразирует здесь строки из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», в которой учитель варьирует фразу героя комедии Журдена. Тщательно изучив особенности почерка Пушкина в разные годы его жизни и проанализировав характер его отношений с Верой Федоровной, Цявловская пришла к выводу, что записка могла быть написана в первые месяцы 1825 г., а передать ее мог только И.И.Пущин, который навестил Пушкина в Михайловском 11 января 1825 г. и привез Вяземскому отрывки из поэмы «Цыгане» и долг Вере Федоровне, которая одолжила деньги Пушкину, когда его выслали из Одессы. Это подтверждается письмом Пушкина Вяземскому от 28 января 1825 г.: «Пущин привезет тебе 600 рублей. Отдай их княгине Вере Федоровне и с моей благодарностью»

* «Божественная княгиня, кланяюсь вам от всего сердца. От всего сердца, княгиня, божественная, кланяюсь вам. Княгиня, кланяюсь вам, божество моего сердца и т.д.» (фр.).

(Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 137). Как считает Цявловская, письмо Вяземскому и деньги посылались одновременно. «Тогда понятно, — пишет Цявловская, — слово “Мужу” на обертке письма, на обертке денег стояло, очевидно, “Жене”. А потом, спохватившись, что Вера Федоровна будет искать записку от него, Пушкин набросал ей эти шуточные строки, зачеркнул слово “Мужу” и снял обертку с письма Петру Андреевичу» (Цявловская Т.Г. Записка к В.Ф.Вяземской // Прометей. Т. 10. С. 165).

Вяземские были дружными супругами, и когда кто-то из них уезжал, поддерживали постоянную переписку. В РГАЛИ сохранилось 334 письма В.Ф.Вяземской к мужу и 1310 писем от него к ней. О Пушкине в них упоминается неоднократно. Будучи в Петербурге, Вяземский постоянно общался с Пушкиным, в его письмах в Москву к жене имеются приписки поэта к ней. Так, в шуточном письме от 24 апреля 1828 г. он сообщает: «Его сиятельство, несмотря на свою ревность, позволил моему благородию написать вам несколько строф — (т.е. строк)». Пушкин благодарит за вышитую для него княгиней собачку — «символ моей к вам верности», спрашивает, что делает она и ее сын Павел в саратовской степи. Далее по-французски он благодарит княгиню «за прелестное письмо» и сохраняет за собой удовольствие «поболтать и совершить перед Вами полную и всестороннюю исповедь, которую Вы у меня требуете» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 32676. Л. 46; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 15).

Весной 1830 г. Вяземский приехал в Петербург. Вечером 1 марта у Карамзиных он встретился с Пушкиным, и тот сделал следующую приписку для Веры Федоровны на его письме: «Винovat я перед Вами, княгиня. Простите великодушно. На днях явлюсь к Вам с повинной. Целую Павлушу. А.П.» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3268. Л. 4 об.; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 68).

Аналогичное обращение Пушкина к Вяземской есть и в письме Вяземского к жене от 4 августа 1830 г.: «Здравствуйте, княгиня. Как досадно, что вы не застали меня в Москве; j'avais tant de choses à vous dire. J'avoue à ma honte que je m'amuse à Péterbourg et je ne sais trop comment et quand je serai de retour*, может быть, с кня-

* «Столько я имел Вам сказать. Признаюсь, к моему стыду, что в Петербурге я веселюсь и совсем не знаю, как и когда вернусь» (фр.).

зем, en tout cas au revoir. А.Р.*» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3268. Л. 135 об.-136; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 106).

Наиболее значительным по своему содержанию является письмо Пушкина В.Ф.Вяземской, посланное ей в последних числах августа 1830 г. Как письмо Н.Н.Гончаровой этого же времени и письмо П.А.Плетневу от 31 августа 1830 г., оно посвящено размолвке Пушкина с его будущей тещей Н.И.Гончаровой и возможному расторжению свадьбы. «Je pars brouillé avec M-de Gontcharof. Le lendemain du bal elle m'a fait la scène la plus ridicule que vous puissiez vous imaginer. Elle m'a dit des choses qu'en conscience je n'ai pu entendre. Je ne sais encore si mon mariage est rompu, mais l'occasion est là, et j'ai laissé la porte toute grande ouverte. Je n'ai pas voulu en parler au Prince, mais dites le lui, et gardez-moi tous deux le secret. Ha la maudite chose que le bonheur! Addio, chère Princesse. Écrivez-moi un mot à** Лукьянов в село Болдино». Текст письма написан на сложенном вдвое листке. На обороте второго листа имеется надпись «Княгине» и след от печати (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3422. Л. 1-2; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 110).

Кроме Вяземских, сохранились письма и записки Пушкина другим адресатам. Одним из них является приписка, сделанная на письме знакомого Пушкина В.И.Туманского из Одессы к В.К.Кюхельбекеру 11 декабря 1823 г. К фразе Туманского «Ты меня любишь не *от делать нечего*», Пушкин делает примечание: «Citation de mon nouveau poème. Ch[ac]un sesci-que. P.»***. (Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 81). Скорее всего, речь идет о поэме «Бахчисарайский фонтан» (Летопись. Т. 1. 1999. С. 356. Местонахождение письма в Пушкинском Доме в Летописи указано ошибочно).

* «Во всяком случае, до свиданья. А.П.» (фр.).

** «Я уезжаю, рассорившись с г-жею Гончаровой. На другой день после бала она устроила мне самую смешную сцену, какую только вы можете себе представить. Она наговорила мне таких вещей, которые по совести я не мог слушать. Я не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь раскрытою настежь. Я не хотел говорить об этом князю, — скажите ему сами и оба сохраните это втайне. Ах, что это за проклятая штука счастье! Прощайте, дорогая княгиня! Напишите мне словечко в» (фр.).

*** «Цитата из моей новой поэмы. Каждому свое. П.» (фр.).

Сергея Александровича Соболевского связывали с Пушкиным длительные дружеские отношения. В наиболее ценных бумагах его архива, собранных в папке, на корешке которой вытиснено «Souvenirs 1833–1836», хранятся две записки к нему Пушкина. Первая из них: «Пожалуй-ста, приезжай ко мне, к обеду: мне с тобою немедленно надо поговорить. А.Пушкин. Воскресение» (Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 222–223; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 186). Время ее написания до сих пор спорно: 23 июля – 13 августа 1833 г. или апрель – середина августа 1834 г., в Петербурге. Вероятнее более поздняя дата, когда Наталья Николаевна была в отъезде, и Пушкин очень часто встречался с Соболевским. Вторая записка датируется 9 сентября 1834 г. Ее должна была отвезти из Москвы в Петербург Н.Н.Пушкина. «Пожалуйста, любезный Сергей Александрович, объясни жене, где живет *notre ami l'usurier*. Надеюсь на твою медлительность и полагаю наверное, что ты еще в Париже – и что даже я, там тебя застаю по приезде моем в П[етер]б[ург]» (Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 220–221; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 189). Соболевский, проживавший тогда в Петербурге в гостинице «Париж», должен был сообщить Наталье Николаевне, где живет «наш друг ростовщик», в услугах которого нуждались Пушкины (Летопись. Т. 4. С. 231).

Одним из свидетельств крайне тяжелого положения Пушкина в последний год жизни поэта является его письмо от 8 января 1837 г. к тамбовскому помещику и игроку Федору Афанасьевичу Скобельцыну с просьбой «дать взаймы на три месяца или достать три тысячи рублей» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 120; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 216). Приезжая в Петербург, Скобельцын останавливался у П.А.Вяземского, что, по-видимому, объясняет местонахождение письма Пушкина в фонде Вяземских. Скобельцын не смог удовлетворить просьбу поэта, поскольку, как он сообщал в записке Вяземскому, «сам находится в стесненных обстоятельствах» (*Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. 2-е изд., доп. и перераб. С. 401).

Несомненный интерес представляют копии, сделанные Пушкиным с тех или иных произведений. Кроме автографической ценности, они дают возможность судить о его литературных пристрастиях, дополняют его высказывания об искусстве. Среди подобных автографов, имеющих в РГАЛИ, особенно примечательны те, кото-

рые относятся к М.В.Ломоносову и отражают длительный интерес Пушкина к русской сатире XVIII в. Эта рукопись находится в том же томе «Автографов, т. 2», составленном П.П.Вяземским. Ее напечатал и описал М.А.Цявловский (Рукою Пушкина. С. 563–579). Рукопись представляет собой 13 листов тонкой голубой бумаги с золотым, несколько пострадавшим от времени обрезаем. На первой странице написано рукой Пушкина: «Неизданные стихи Ломоносова и Дмитрия Сеченова». Под ними – рукой П.А.Вяземского: «Переписанные А.Пушкиным» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 89). Далее в следующем порядке идут полностью переписанные рукой Пушкина четыре стихотворения:

- «Гимн бороде (Ломоносова)» (Л. 90–92 об.);
- «Переодетая борода или гимн пьяной голове. Пасквиль Митрополита Дмитрия Сеченова на Ломоносова по поводу предыдущих стихов» (Л. 93–95 об.);
- «Возражение Ломоносова. Гимн II» (Л. 96–98 об.);
- «Ода Трисотину (Ломоносова)» (Л. 99–101 об.). Под «Трисотинным» подразумевается В.К.Тредьяковский.

Пушкин начал интересоваться Ломоносовым еще в 1830 г., о чем сказано выше. Видимо, поэтому он передал Вяземскому и новые копии. Бумагу, на которой они переписаны, Пушкин, как установил Цявловский, употреблял в 1835–1836 гг. «Во всяком случае ко времени написания главы “Ломоносов” в статье “Мысли на дороге”, датированной 1833–1835 гг., “Гимн бороде” и относящиеся к нему стихотворения были Пушкиным списаны, так как о них он упоминает в этой главе» (Цявловский М.А. Рукою Пушкина. С. 575). Таким образом, снятие Пушкиным копий с не известного пока нам источника могло с наибольшей вероятностью происходить в 1835 г. (Летопись. Т. 4. С. 373). Впервые «Гимн» был опубликован А.Н.Афанасьевым в 1859 г. по рукописному сборнику библиотеки Казанского университета в журнале «Библиографические записки» (Цявловский М.А. Рукою Пушкина. С. 576).

Пушкин много занимался собиранием русского фольклора, но в РГАЛИ сохранилась запись только одной народной песни. Это так называемая «Солдатская песня», озаглавленная М.А.Цявловским, сделавшим ее описание по первой строке «Чувствительная барыня идет...» (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5548 г. Л. 1). Запись сделана Пушкиным на листке в одну четвертую доли листа без водяных знаков.

По мнению М.А.Цявловского, принимая во внимание то, что этот листок оказался у П.А.Вяземского, текст едва ли был написан ранее второй половины сентября 1826 г., когда началось тесное общение Пушкина с Вяземским, поэтому время записи можно отнести к 1826–1836 гг. (Цявловский М.А. Рукою Пушкина. С. 597).

В РГАЛИ имеются документы служебной деятельности Пушкина в Министерстве иностранных дел. В основном они представлены копиями. Исключение составляют пять «Свидетельств» об его увольнении в отпуск в 1832–1835 гг. Это подлинники с подписями всех официальных лиц и приложенными оттисками печатей. К сожалению, ни на одном из этих документов нет расписки Пушкина в его получении. Сохранилось также письмо начальника III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии А.Х.Бенкендорфа от 9 августа 1835 г. управляющему Азиатским департаментом и члену совета МИД К.К.Родофиникину с изъявлением Высочайшего разрешения уволить в отпуск на четыре месяца Пушкина по его прошению (Ф. 384. Оп. 1. Ед. хр. 1).

Таким образом, на сегодняшний день РГАЛИ насчитывает 33 автографа Пушкина. Это тексты шести стихотворений, причем в одном из них автографом является лишь заглавие; три рисунка; две пометы на рукописях; семнадцать писем и приписок Пушкина; пять копийных списков стихотворных произведений других лиц. Кроме автографов стихотворений и подлинных писем в фондах РГАЛИ имеется много произведений и писем Пушкина в копиях.

Велико и количество писем с упоминанием о Пушкине. Только в процессе подготовки 58-го тома «Литературного наследства» (М., 1952) для работы «А.С.Пушкин в неизданной переписке современников» было привлечено 4000 писем из фондов архива. Приведенные ниже выдержки из них дают оценку произведений Пушкина близкими по духу ему людьми и содержат отклики на гибель поэта. Благодаря этим письмам мы лучше можем понять, как велико было значение поэта уже для своего времени.

В.А.Жуковский – П.А.Вяземскому

[Петербург]. 19 сентября 1815 г.

«[...] Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском селе. Милое живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей

словесности; боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. [...]»

Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1909. Л. 62.

В.Л.Пушкин – П.А.Вяземскому

Москва. 4 апреля 1829 г.

«[...] Новая поэма А.Пушкина показалась в свет, но под названием «*Полтавы*», а не «*Мазепы*». Я нахожу, что А.Пушкин напрасно переименовал ее название, но, как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение. Характер Мазепы, описание казни Кочубея, Полтавское сражение – все это написано мастерски. [...]»

Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2611. Л. 166 и об.

В.Л.Пушкин – П.А.Вяземскому

Москва. 27 апреля [1830]

«[...] Александр женится. Он околдован, очарован и *оганчарован*. Невеста его, говорят, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует, и должна утешить брата моего и невестку [...]»

Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2611. Л. 112.

В.К.Кюхельбекер – Б.Г. и Н.Г.Глинкам

[*Свеаборгская крепость*]. 18 октября 1834 г.

«[...] Успел я прочесть [...] «Гусара» Пушкина: что скажете? По моему мнению, журналисты с ума сошли, когда начали нас уверять, будто Пушкин остановился, даже подался назад. В этом «Гусаре» гётевская зрелость таланта. Если Полевые этого не чувствуют, тем хуже для них. [...]»

Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 2.

П.П.Каверин – П.А.Вяземскому

М. Почаев. 25 февраля 1837 г.

«[...] Смерть Пушкина поразила меня. Как рано он умер для своей славы! – И неужели он не достоин, чтоб об нем кто-нибудь сказал более, чем то, что мы, провинциалы, читали в «Пчеле» и «Петербургских ведомостях». –

Неужели вы не уделите несколько времени от ваших занятий – почтить память, смею сказать, бессмертного. – Вы знали его коротко и с дурной и хорошей стороны, а свет во многом порицает его. Мне кажется, что с славой Поэта неразлучны достоинства нравственные. Шалости – не пороки, – а Пушкин много в молодости шалил, – неужели современники и потомство только на них осунут свое мнение о нравственности нашего Поэта? [...]»

Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1977. Л. 3.

Д.В.Давыдов – П.А.Вяземскому

3 февраля [1837]

«[...] Какое ужасное происшествие! Какая потеря всей России! *C'est vraiment une calamité publique!** Более писать право нет духа. [...] Это Бог знает какое несчастье! [...]»

Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1801. Л. 63 и об.

П.В.Нащокин – С.А.Соболевскому

[1837]

«[...] Я не уведомил тебя о смерти Пушкина, я не мог писать и не к кому мне было писать. – Смерть Пушкина – для меня – уморила всех. – Я всех забыл – и тебя, и мои дела, и все [...]»

Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 333.

П.А.Вяземский – П.В.Нащокину

Петербург. 30 декабря 1841 г.

«[...] Н.Н.Пушкина сказала мне, что на днях писала к Вам. Она Вам сердечно предана, и часто с нею говорим об Вас. Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено Онегиным и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолудинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине. [...]»

Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1282. Л. 3–3 об.

Имеются и стихотворные отклики на смерть Пушкина, среди которых выделяется уникальный автограф М.Ю.Лер-

* «Какое общественное бедствие!» (фр.).

монтова «Смерть поэта». Любопытно сравнить его со стихотворением писателя-академика А.С.Норова «На смерть А.С.Пушкина», в котором автор явно следует Лермонтову, но обращается не к Божьему суду, а к земному владыке:

Таланта в полном блеске он
Поник увенчанной главою;
Свинцом летучим поражен
Братоубийственной рукою [...]
Кто усладил певца кончину,
Его детям успел помочь,
Устроив прочно их судьбину,
Тот знает, и не дремлет он –
Венчанный Россом Представитель!
И грянет в свой черед закон –
Невинных неподкупный мститель

Ф. 349. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 19а и об.

Значительную ценность представляют прижизненные списки произведений Пушкина. Некоторые из них в свою очередь являются автографами известных выдающихся писателей: К.С.Аксакова – стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...», Е.А.Баратынского – «Я верю, я любил...», З.А.Волконской – «Среди рассеяной Москвы...», Н.В.Гоголя – «Русалка», А.И.Тургенева – эпиграммы «Жив. Жив Курилка...» и «Литературное известие. (В Элизии Василий Тредьяковский...)». Другие свидетельствуют о популярности поэта, о среде, в которой распространялись его произведения. Часть из них содержится в альбомах Н.И.Второва, Н.А.Загряжской, А.Е.Ладыженской, А.И.Моркова, В.И.Ланской, В.Д.Олсуфьевой, С.Д.Пономаревой, Н.В.Путяты, Е.П.Ростопчиной и многих других. В этих же альбомах можно найти записи высказываний о Пушкине, переводы его произведений на другие языки, рисунки.

Уже в наши дни РГАЛИ получил, благодаря содействию И.С.Зильберштейна, альбом и дневник Анет Олениной с записями о Пушкине от ее потомка В.Н.Звягинцова, предисловие И.С.Тургенева к изданию «Путешествия в Арзрум» от С.М.Лифаря; от А.Н.Бенуа 44 рисунка – его иллюстрации к «Капитанской дочке».

С именем Пушкина и близких ему современников связаны и многие изобразительные материалы архива. Фотографии и литографии портретов Пушкина, Н.Н.Пуш-

киной, А.А.Бестужева-Марлинского, П.А.Вяземского, В.А.Жуковского, Н.И.Гнедича, В.К.Кюхельбекера, Е.П.Ростопчиной и др. Представляют интерес гравюра на меди портрета В.А.Жуковского кисти О.А.Кипренского и его же рисунок в альбоме С.Д.Пономаревой, акварель В.А.Тропинина в альбоме А.И.Моркова, шарж на Ф.В.Булгарина в альбоме А.Е.Измайлова, карикатура П.Л.Яковлева на А.А.Дельвига, шарж К.П.Брюлова на С.А.Соболевского, набросок неизвестного художника портрета В.К.Кюхельбекера, рисунок Н.В.Берга дома И.Н.Инзова в Кишиневе, в котором жил Пушкин, виды Михайловского, Тригорского, Снетогорского и Святогорского монастырей, Остафьева и других пушкинских мест.

Собирание и изучение материалов Пушкина, публикация его творческого наследия широко проводилась уже в XIX – начале XX в. Фонды собирателей и издателей наследия Пушкина П.В.Анненкова, П.И.Бартенева, Н.П. и А.П.Барсуковых, П.А.Ефремова, Н.О.Лернера, И.А.Шляпкина и другие содержат биографические документы Пушкина, списки и копии его произведений и писем (иногда со вставками не пропущенных в свое время цензурой мест), записи воспоминаний, материалы по подготовке собраний сочинений, статьи и исследования, обширную переписку.

Среди воспоминаний нельзя не отметить более ранние, написанные по свежим следам: «Последние сутки Пушкина» В.И.Даля, «Записи о Пушкине» А.О.Смирновой-Россет, «Записи о А.С.Пушкине» П.И.Бартенева, «Воспоминания» М.Н.Волконской.

Небольшую группу составляют документы тех лет, отразившие интерес к Пушкину за границей: это перевод статьи Пушкина о Дж.Мильтоне, сделанный П.А.Вяземским для Ф.Шатобриана и письмо последнего к Вяземскому от 8 марта 1839 г., где Шатобриан пишет о посланном ему труде Пушкина: «J'y ai cherché l'illustre poète que la France pleus avec la Russie»* (Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3029. Л. 1); письма П.Мериме к С.А.Соболевскому с отзывами о произведениях Пушкина и его перевод стихотворения «Золото и булат»; перевод эпиграммы Пушкина, выполненный А.Дюма, и некоторые другие.

* «Я искал там знаменитого поэта, которого Франция оплакивает вместе с Россией» (фр.).

В 1880 г. состоялось открытие памятника Пушкину в Москве. Оно имело большой общественный резонанс. Материалы по собиранию средств на сооружение памятника и торжеств, связанных с его открытием, хранятся в фонде Л.И.Поливанова, члена Комитета по празднованию открытия памятника Пушкину и устройства Пушкинской выставки, Я.К., К.Я, Н.Я.Гротов, А.С.Суворина, А.И.Южина, С.А.Юрьева и других. Сохранились план места постановки памятника, фотографии церемонии открытия и его участников, программа и приглашительные билеты на заседание Общества любителей российской словесности. Описание событий тех дней нашло широкое отражение как в переписке современников, так и в многочисленных воспоминаниях, часть из которых до сих пор не опубликована. Из писем участников торжеств наиболее примечательны письма Ф.М.Достоевского жене с изложением происходящего. По-иному восприняла празднование юная курсистка, будущая писательница Е.П.Леткова-Султанова, фрагмент из дневника которой сохранился в записи Н.С.Ашукина:

«1880 г.

7 июня. Какой день был вчера? Говорят, был утром дождь? Не заметила! Кажется, весь день светило солнце, а когда упал покров с памятника, оно так и рассыпалось на нас... Вся площадь была унижена плотно-плотно людьми... Мы забрались рано. У нас были прекрасные места: налево от памятника, у церкви, над забором. Все видели отлично. Пока шла обедня в Страстном, на площади у памятника, под колыхавшеюся на нем парусиною, шло невиданное еще торжество. Знамена депутатов, значки цехов и на первом месте "литература". Какая радость для нас (курсисток) видеть перед собою живыми таких близких, таких знакомых авторов. Что за прелесть эти длинные седые бороды, длинные волосы, оживленные лица, бодрые жесты. Они собрались все вместе налево у памятника: И.С.Аксаков, С.А.Юрьев, А.Н.Плещеев, А.А.Потехин, А.Н.Островский, Д.В.Григорович, П.И.Вейнберг, Н.Н.Страхов, С.В.Максимов и, наконец, И.С.Тургенев!! Вчера был их праздник: праздник русской мысли, русского слова, русского писателя!.. Все чувствовали это. Слились все возрасты, стерлись сословия... У всех одинаково блестели глаза, и у старых, и у молодых, все чувствовали какое-то счастье...

Когда спала завеса, скрывавшая памятник, у меня дух захватило; я уверена, у всех также... И, конечно, не от красоты его, а потому что тот, кем жила в ту минуту многотысячная толпа, появился над ней, среди нее. Кругом кричали, смеялись, плакали...

Тургеневу, когда он садился в коляску на площади, сделали настоящую овацию, точно вся эта толпа безмолвно сговорилась и нарекла его наследником Пушкина. И в университете, куда мы сейчас же отправились на торжественное заседание Общества любителей российской словесности, — Иван Сергеевич был центром внимания. Избрание его в почетные члены было встречено такими радостными кликами, что у меня от волнения чуть сердце не разорвалось...

Речь нашего Ключевского — лучше всех. Какое громадное значение придает он Пушкину как историку! И именно в художественных произведениях его! — “Капитанская дочка”!.. “История Пугачевского бунта” — только историческое примечание к ней... XVIII век в России!.. Русский чувствует себя рожденным не европейцем и обязанным сделаться европейцем...

Вечером — Благородное Собрание. До рассвета! И опять Пушкин сливается с Тургеневым! Мы забрались за колонны к эстраде, чтобы видеть поближе участников. Прошел, странно съжившись, Достоевский (днем я его не видел!); степенно проплыл Островский; прошел Писемский, переваливаясь с ноги на ногу; пролетел Григорович с длинными седыми “баками”, и все скрылись за эстрадой, в круглой комнате...

Николай Рубинштейн продирижировал оркестром (увертюра “Руслана”). Самарин — Скупой рыцарь (восхитительно!), и опять — “они”! Такие старенькие и такие бодрые, живые, трепетные!.. Достоевский как-то по особенному прочел монолог Пимена. Писемский бодро — “Гусара”, Островский — отрывок из “Русалки”, Григорович — “Кирджали» (немного долго!), Потехин — “Полтаву”, Тургенев — “Опять на родине”. Читал тихо, но было что-то завораживающее в его чтении, — несмотря на старческую шепелявость и слишком высокий голос... Выходил на вызовы семь раз и, наконец, согласился прочесть еще... “Последняя туча рассеянной бури”... И остановился! “Одна ты несешься по ясной лазури...” — подхватила вся зала. Тургенев улыбнулся, овладел собою и дочитал благополучно...

Когда мы, двенадцать человек, шли домой – уже светало. И не устали!.. Жалели только, что *такой* день прошел!.. Какое было счастье – весь день!.. И, идя по московским переулкам, повторяли: “Довольно! Сокройся! Пора миновалась, земля освежилась и буря промчалась!..”

8 июня. Вчера день был мучительно-хороший. Не знаю с чего и начать!.. Речь Достоевского!! Маня Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какою Д[остоевский] говорил об Алеко – мучила. “Мечта о всемирном счастье!.. Дешевле не возьмет русский скиталец!..” И прекрасно! Что же тут вышучивать?.. Апофеоз Татьяны тоже не нашел отклика в душе... Апофеоз рабства и покорности? И среди совершенно неслыханных рукоплесканий после речи – мне почему-то было тяжело... Не поняла я вероятно...»

Ф. 1890. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1–4.

Значительно меньше объем материалов, посвященных столетию со дня рождения Пушкина, отмечавшемуся в 1899 году.

Самыми многочисленными являются материалы РГАЛИ, отразившие обращение к Пушкину в российской литературе и искусстве. Это, главным образом, документы советской эпохи, но их много и в материалах XIX – начала XX в. Так, произведения, запечатлевшие образ Пушкина или обращение к его творчеству, можно найти у М.Ю.Лермонтова, Ф.М.Достоевского, Н.Г.Чернышевского, И.С.Тургенева, Д.В.Григорovichа, А.А.Фета, В.А.Соллогуба, В.Я.Брюсова и других.

Что же касается XX в., то здесь можно только назвать отдельные документы, которые или недавно вошли в научный оборот, или особенно примечательны. Мы знали об интересе к Пушкину поэтов Серебряного века Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Однако только сейчас, когда РГАЛИ были подготовлены к печати и изданы их дневниковые записи, можно понять, какое место занимал Пушкин в их творчестве. Так, работая над статьей «Слово о Пушкине», в 1961 г. Ахматова записывает: «Он победил и время и пространство. Говорят: Пушкинская эпоха, пушкинский Петербург – и это уже к литер[атуре] прямого отношения не имеет. Это что-то другое.

В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны отсюда навсегда.

Про их великолепные дворцы и особняки говорят: “Здесь бывал Пушкин” или “Здесь не бывал Пушкин”. Все остальное никому не интересно.

[...] И что для них самое страшное: они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать»

(Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 10 об.; Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва–Турин, 1996. С. 117).

Или звучащая глубоко лично ее запись 1963 г.: «Мне кажется, что мы еще в одном очень виноваты перед Пушкиным. Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах» (Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 41; Записные книжки Анны Ахматовой. С. 312).

Упоминаниями о Пушкине пестрят и тетради М.И.Цветаевой. Эти записи значительно дополняют ее прозу, посвященную Пушкину. Возьмите сравнение: «[...] Наталья Гончарова, напр[имер] [заполучила] Пушкина собой. Как Лиля Брик – Маяковского. Со собой, т.е. пустотой (красотой) [...]» (Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 35 об.; *Марина Цветаева*. Неизданное. Сводные тетради. М., Эллис-Лак, 1997. С. 39). Фигурирует Пушкин и в записях, обращенных к Б.Л.Пастернаку. «Ты думал о себе – эфиопе? арапе? О связи – через кровь – с Пушкиным – Ганнибалом – Петром. О преемственности. Об ответственности. М.б. после Пушкина – до тебя – и не было никого? Ведь Блок – Тютчев – и прочие – опять Пушкин (та же речь!), ведь Некрасов – народ, т.е. та же Арина Родионовна. Вот только твой “красивый, двадцатидвухлетний”... Думаю, что от Пушкина прямая расходится вилкой, двузубцем, один конец – ты, другой – Маяковский» (Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 47; *Марина Цветаева*. Неизданное. Сводные тетради. С. 442). Она записывает сон, в котором после долгого разговора с Николаем II видит умирающего Пушкина и прощается с

ним. Следующая за этим запись: «Не хотела бы быть ни Керн, ни Ризнич, ни даже Марией Раевской. Карамзиной. А еще лучше — няней. Ибо никому, никому, никогда, с такой щемящей нежностью:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!»

(Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 53 об.; *Марина Цветаева*. Неизданное. Сводные тетради. С. 451).

Произведения, связанные с Пушкиным или ему посвященные, можно встретить в фонде почти каждого писателя советского периода, особенно в годы пушкинских юбилеев. Это произведения Ю.Н.Тынянова, В.Б.Шкловского, стихи П.Г.Антокольского, В.М.Инбер, В.В.Казина, А.П.Каменского, В.И.Лебедева-Кумача, Н.С.Тихонова, И.П.Уткина и других.

Интересны и материалы однодневной газеты «Пушкин» Пушкинского кружка при обществе «Старый Петербург» (1924) и альбом Л.С.Гинзбурга со стихотворениями и высказываниями о Пушкине В.В.Вересаева, С.М.Городецкого, Л.П.Гроссмана, В.К.Звягинцевой, В.Ф.Наседкина, М.М.Пришвина, В.А.Пяста, В.Б.Шкловского (1922–1930).

И все же наиболее значительными остаются материалы российской пушкинианы. Она блестяще представлена в РГАЛИ фондами как московских, так и ленинградских писателей и ученых В.Я.Брюсова, Г.О.Винокура, Л.П.Гроссмана, Н.О.Лернера, П.О.Морозова, Ю.Г.Оксмана, П.Н.Сакулина, М.А. и Т.Г.Цявловских, Б.М.Эйхенбаума. В них встречаются и документы пушкинской эпохи. Так, в архиве А.Л.Слонимского, женатого на правнучке сестры Пушкина О.С.Павлищевой, сохранились письма родителей Пушкина к дочери, письма, фотографии и другие документы родственников и потомков поэта. Кроме того, в исследованиях крупнейших пушкинистов могут содержаться интересные предположения и гипотезы, которые в силу тогдашней советологии не могли быть напечатаны. К таковым могут быть отнесены темы — вера или атеизм Пушкина, отношение к самодержавию и членам царской семьи, трактовка им крестьянского движения в «Капитанской дочке» или польского вопроса в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Велико значение Пушкина в становлении русской литературы. Но его творчество нашло отражение и оказало влияние и на развитие других видов искусства: музыки, театра, изобразительного искусства, кинематографии. Это подтверждает и большое количество материалов РГАЛИ, особенно советской эпохи. И хотя эти темы широко освещались в пушкиноведении, все же их краткий обзор может представлять интерес, поскольку речь идет об архивных первоисточниках.

Самое раннее обращение к поэзии Пушкина мы встречаем в области музыки. Так, по свидетельству бывших лицейцев, его стихотворения «О, Делия драгая» и «Вчера мне Маша приказала» были положены на музыку лицеистом Н.А.Корсаковым. В дальнейшем многие стихотворения Пушкина, едва появившись, становились романсами. Они могли исполняться как на случайный мотив, так и перелажались на музыку известными композиторами. Этому способствовала звуковая выразительность и гармония пушкинского стиха, а также многообразие его литературных жанров. По подсчетам специалистов, уже в XIX в. «более трех с половиной сотен его произведений положены на музыку – и в большинстве по многу раз каждое» (Русская поэзия в отечественной музыке. Справочник. М., 1966. Вып. 1. С. 12). К сожалению, в материалах РГАЛИ нотных рукописей первой трети XIX в. сохранилось очень немного. Это романсы современников Пушкина А.А.Алябьева, М.Ю.Виельгорского, М.И.Глинки, А.Л.Гурилева, В.Ф.Одоевского и других, менее известных композиторов или дилетантов, чьи имена не сохранились. Вместе со списками стихотворений Пушкина, они заполняют альбомы и рукописные сборники того времени. Среди них романс Н.П.Огарева на стихотворение «Безумных лет угасшее веселье», романсы Полины Виардо на слова Пушкина.

Более полно сохранились музыкальные сочинения XIX в. на произведения Пушкина в фондах дореволюционных музыкальных издательств А.С.Гутхейля и П.И.Юргенсона. Кроме весьма многочисленных рукописей нот романсов, песен и хоровых произведений, в них также имеются партитуры и клавиры опер и балетов.

В несравненно большем объеме представлены музыкальные произведения на сюжеты Пушкина, созданные в XX в. С 1950-х гг. РГАЛИ широко комплектуется мате-

риалами личных архивов крупнейших композиторов, многие из которых начинали свой творческий путь еще в дореволюционный период. Большинство из них в той или иной степени обращалось к пушкинскому наследию, чему способствовали и юбилейные торжества поэта. Наиболее распространенным было переложение на музыку лирики Пушкина, как отдельных произведений, так и целых стихотворных циклов. Романсы на слова его стихотворений имеются в фондах А.Н.Александрова, Н.П.Аносова, Б.В.Асафьева, М.Р.Глиера, М.Ф.Гнесина, Е.К.Голубева, А.Б.Гольденвейзера, А.Т.Гречанинова, А.А.Крейна, Н.К.Метнера, В.И.Мурадели, А.А.Оленина, С.С.Прокофьева, И.Ф.Стравинского, С.А.Траилина, Ю.А.Шапорина, В.Я.Шебалина, Д.Д.Шостаковича и многих других. Наряду с вокальными произведениями, мы находим в них партитуры и клавиры опер и балетов, музыку к кинофильмам на сюжеты Пушкина, а также сочинения, посвященные его памяти (например, трио композитора Л.А.Половинкина).

Судя по сохранившимся материалам, более других обращался к творчеству Пушкина композитор Асафьев. Об этом свидетельствуют рукописи-ноты партитур и клавиров балетов «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Граф Нулин», «Каменный гость», «Барышня-крестьянка», опер «Медный всадник» и «Пир во время чумы». Кроме того, Асафьев оставил ряд работ, посвященных теме «Пушкин и музыка»: исследования и статьи «Стихотворения Пушкина в современной музыке. Метнер», «Почему надо исполнять “Бориса Годунова” Мусоргского в подлинном виде», «Две версии “Евгения Онегина” Чайковского», «“Евгений Онегин” – лирические сцены П.И.Чайковского. Опыт интонационного анализа стиля и музыкальной драматургии», «“Борис Годунов” Мусоргского как спектакль», «Пушкин в русской музыке» и др. Многое в них сохраняет свое значение и в наши дни.

В числе нотных рукописей Глиера есть партитуры балетов «Египетские ночи» и «Медный всадник». Среди материалов его фонда также привлекает внимание сохранившийся клавиры оперы «Евгений Онегин» Чайковского (1900-е гг.) с дарственной надписью Глиеру С.А.Кусевичкого.

Обращался к наследию Пушкина и Прокофьев. Его музыка к спектаклям «Борис Годунов» и «Евгений Онегин»

осталась не востребованной, но нотные рукописи сохранились. Дошли до нас также — музыкальная партитура к спектаклю Камерного театра «Египетские ночи» (1933), запись музыки к кинофильму «Пиковая дама» и нотная рукопись «Пушкинские вальсы».

Композитором Шебалиным было много сделано для ознакомления с творчеством Пушкина самых широких масс. Его архив содержит большое количество романсов и хоровых произведений на слова Пушкина. Там же записи музыки к радиопостановкам «Каменный гость», «Цыганы», «Русалка», «Сказка о мертвой царевне», «Полтава», а также к кинофильму «Пугачев» по «Капитанской дочке».

В РГАЛИ хранится значительная часть архива Шостаковича. Однако, пушкинская тематика в ней исчерпывается несколькими романсами и партитурой инструментовки оперы Мусоргского «Борис Годунов».

Кроме фондов композиторов и певцов-исполнителей, музыкальные произведения имеются в фонде Государственного музыкального издательства. Материалы по их обсуждению, а также рукописи-ноты отдельных произведений можно найти в фондах Комитетов по делам искусств СССР и РСФСР, Министерства культуры СССР, Союзов композиторов СССР и РСФСР.

Музыка тесно связана и с темой «Пушкин на театральной сцене». К ней могут быть отнесены: материалы театральных постановок по произведениям Пушкина на оперной и драматической сцене, а также пьесы, ему посвященные.

Местом их хранения в РГАЛИ являются фонды Московской конторы императорских театров, театров Москвы, личные фонды режиссеров, актеров, драматургов, а также фонды Главного управления по контролю за репертуаром при Комитете по делам искусств при СНК СССР (Главрепертком), Комитетов по делам искусств при Совете Министров СССР и РСФСР, Союзов писателей СССР и РСФСР, Московской писательской организации, в которых были секции драматургии, Министерства культуры СССР, Всероссийского театрального общества, Всесоюзного управления по охране авторских прав и др. В них можно найти тексты пьес и либретто, режиссерские разработки и сценические планы спектаклей, материалы их обсуждений, запрещения или выдвижения на различные

премии, рецензии. Объем этих материалов огромен. Фактически, почти во всех театрах, особенно к юбилейным датам, ставились спектакли на пушкинские сюжеты. Вот лишь некоторые примеры: «Борис Годунов» в Передвижном театре П.П.Гайдебурова и Н.Ф.Скарской и в постановке К.П.Хохлова в Малом театре; постановки «Маленьких трагедий», «Барышни-крестьянки», «Выстрела», «Метели», «Станционного зрителя» во многих московских театрах. На сценах Государственного Академического Большого театра и Московского музыкального театра им. К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко неоднократно ставились оперы и балеты «Борис Годунов» Мусоргского, «Золотой петушок» и «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Дубровский» Направника, «Бахчисарайский фонтан» Асафьева; в Центральном детском театре и Московском театре юного зрителя постоянно шли инсценировки «Дубровского», «Капитанской дочки» и, особенно, сказок Пушкина.

Большой интерес в этом плане представляют материалы Главреперткома. Это огромный фонд, № 656, насчитывающий более 20 000 единиц хранения за 1923–1953 гг. Поскольку Главрепертком осуществлял контроль за репертуаром театров всех республик и областей, входящих в состав СССР, в его фонде можно найти сведения не только о московских постановках, но и о спектаклях театров других городов. Это множество пьес, инсценировок, либретто на те же пушкинские сюжеты. Некоторые из них принадлежат выдающимся деятелям театра, другие известным писателям: литературный сценарий «Станционного зрителя» В.Б.Шкловского, инсценировка «Барышни-крестьянки» А.И.Сумбатова-Южина, режиссерская композиция «Выстрела» Н.И.Рыжова, режиссерский экземпляр пьесы «Борис Годунов» Б.Е.Захавы, литературный сценарий М.А.Светлова по «Евгению Онегину», инсценировка «Цыган» В.Т.Яна. Однако преобладает большое количество работ малоизвестных авторов. На один сюжет может приходиться пять-шесть и более разработок.

Среди театров, связанных с именем Пушкина, первое место принадлежит по праву Государственному академическому Большому театру. Сведения о первых обращениях к произведениям Пушкина мы находим уже в репертуаре Московского Большого Императорского театра.

В 1821 г. балетмейстер А.П.Глушковский инсценировал поэму «Руслан и Людмила». Музыка была написана капельмейстером Ф.Е.Шольцем. Его постановка имела огромное значение для развития национального искусства. Это был первый балет, основанный на русском, народном сюжете, на тему только что написанной поэмы писателя, находившегося в опале. В 1823 г., когда Пушкин еще был в ссылке, Глушковский, близкий московскому кругу друзей поэта, осуществил на той же сцене исполнение в форме кантаты стихотворения Пушкина «Черная шаль (Молдавская песня)» на музыку А.Н.Верстовского. В 1827 г. им же был поставлен на сцене Большого театра балет К.А.Кавоса на сюжет поэмы Пушкина «Кавказский пленник, или Тень невесты». Он по праву считается зарождением романтического балета на русской сцене, что уже отмечалось его современниками: «Сей романтический, во всей силе слова, балет... заимствован из сочинений Пушкина... Нельзя не порадоваться быстрому разливу славы нашего любимого поэта А.С.Пушкина. Его творения и читаются и поются и представляются на сцене наших театров» (Дамский журнал. 1827. № 20. Окт. С. 61–62). В 1831 г. появляется балет-пантомима Глушковского «Черная шаль, или Наказанная неверность». В 1832 г. была осуществлена на сцене Большого театра инсценировка поэмы Пушкина «Цыганы» – музыка Верстовского. Таким образом, еще при жизни Пушкина Большой театр осуществил несколько постановок по его произведениям.

В 1838 г. был показан спектакль «Русалка» – драматический отрывок, музыка А.А.Алябьева, игры и танцы в постановке балетмейстера Н.А.Пешкова. Наконец, в 1846 г. Большой театр осуществил встречу двух гениев – Пушкина и Глинки, чью оперу «Жизнь за царя» поэт еще успел приветствовать. Опера «Руслан и Людмила», созданная Глинкой, знаменовала собой утверждение русского начала на театральной сцене. После нее, на протяжении полутора столетий, величайшие русские композиторы отдавали дань пушкинской тематике. К сожалению, в огромном фонде Московской конторы императорских театров сохранилось немного документов первой половины XIX в. Так, сохранились дела о постановке опер: «Руслан и Людмила» Глинки (1846), «Русалка» Даргомыжского (1859), «Пиковая дама» Чайковского (1891–1892), «Сказка о царе Салтане» Римского-Корсакова (1913) и др.

Продолжением фонда Конторы императорских театров являются фонды Государственных академических Большого и Малого театров. По материалам Конторы и Большого театра можно проследить историю пушкинских спектаклей на протяжении полутора веков. Это документы о постановках балетов и опер: «Борис Годунов» Мусоргского, «Пиковая дама», «Мазепа», «Евгений Онегин» Чайковского, «Золотой петушок» Римского-Корсакова, «Русалка» Даргомыжского, «Дубровский» Направника, «Бахчисарайский фонтан» Асафьева. Архивные материалы дают возможность исследователям проследить, чем отличались эти постановки от предыдущих, что нового в них вносилось, а какие лишь отдавали дань очередным пушкинским юбилеям.

Тема «Пушкин на театральной сцене первой трети XIX в.» интересна в двух отношениях. Во-первых, восприятие самим поэтом этих постановок, участие в них или отклики на них людей, ему близких, может иметь продолжение в пушкиноведении. Во-вторых, синтез искусств в этих постановках, мастерство режиссеров и исполнителей делали многие из них выдающимися явлениями своего времени. Хорошо сохранившиеся материалы советской эпохи в фонде Большого театра, наличие в РГАЛИ фондов лиц, принимавших участие в этих спектаклях, создают обширную источниковедческую базу для изучения одной из интереснейших страниц истории театра. Ценным дополнением к его материалам может также служить «Собрание фотографий современных исполнителей оперной музыки на пушкинские темы» (Ф. 1927), которое было организовано архивом в 1949 г. из материалов, собранных для выставки РГАЛИ, посвященной 150-летию со дня рождения Пушкина, в том числе фотографии В.В.Барсовой, К.Т.Держинской, И.С.Козловского, С.Я.Лемешева, М.П.Максаковой, А.В.Неждановой, Г.М.Нэлеппа и др.

Если говорить о режиссерах, обращавшихся к творчеству Пушкина на протяжении всего жизненного пути, то следует, прежде всего, назвать В.Э.Мейерхольда. В его чудом сохранившемся огромном фонде (Ф. 998), насчитывающем 3756 единиц хранения, сохранилось много документов по инсценировке пушкинских произведений. Наиболее ранние из них относятся к постановке оперы «Борис Годунов» Мусоргского на сцене Мариинского театра в 1910–1911 гг. Сохранились либретто оперы со вставками

и пометами Мейерхольда, режиссерская разработка, планировка картин и монтировка оперы, замечания исполнителям, записи для художника, выписки из исторических документов. Представляют интерес рапорт Мейерхольда директору императорских театров о ходе репетиций оперы, афиша и рецензии на спектакль.

После Октябрьской революции Мейерхольд становится одним из руководителей строительства нового советского театра. Он обращается к Пушкину в целях совершенствования сценического мастерства. В 1918 г. для организованных им Курсов мастерства сценических постановок под редакцией самого Мейерхольда и К.Н.Державина издана брошюра «“Борис Годунов” А.С.Пушкина. Постановочные комментарии. 1919 г.». На занятиях комментирования пушкинского текста проводилось П.О.Морозовым и Державиным. В качестве постановочного материала были использованы студенческие работы. Приложены извлечения из заметок и переписки Пушкина, раскрывающие взгляды поэта на театр, построение драмы и, в частности, «Бориса Годунова».

Летом 1920 г. Мейерхольд по вызову А.В.Луначарского приезжает в Москву. В 1923 г. создается Театр им. Вс.Мейерхольда – ТИМ (с 1926 г. – ГосТИМ), просуществовавший до конца 1937 г. Однако первую попытку постановки пушкинской трагедии Мейерхольд хотел осуществить в Студии им. Евгения Вахтангова. В фонде сохранилось 9 крохотных листков режиссерских набросков к ней, сделанных его рукой в 1924 году.

Параллельно с работой в своем театре Мейерхольд осуществляет постановку «Пиковой дамы» в Ленинградском Малом оперном театре (Малегот). Спектакль был приурочен к 100-летию со дня смерти Пушкина. Основную задачу новой постановки Мейерхольд видел в сближении музыки Чайковского с драмой Пушкина. В связи с этим В.И.Стеничем по плану Мейерхольда было написано новое либретто. Спектакль пользовался огромным успехом у зрителя, но был снят в середине 1937 г. как формалистический. Чрезвычайно ценные материалы по его постановке сохранились в значительном объеме в фонде режиссера. Они позволяют проследить все этапы работы над спектаклем, начиная с замысла и кончая его обсуждением на диспуте, состоявшемся 30 января 1935 г. в Ленинградском институте искусствознания.

Кроме материалов работы самого Мейерхольда, в фонде имеются: запись графической режиссерской партитуры оперы, сделанной сотрудником Малегота Н.Г.Шульгиным, эскизы декораций, выполненных художником Л.Т.Чупятовым, фотографии (116) репетиций пьесы и др. В настоящее время эти материалы в основном опубликованы в книге «В.Мейерхольд. Пиковая дама» (СПб., 1994). В книгу также включены рецензии и отклики на оперу, воспоминания участников и зрителей.

В декабре 1935 г. был создан Всесоюзный Пушкинский комитет и объявлено о проведении официальных мероприятий в ознаменование 100-летия со дня смерти Пушкина. Отрицательно относясь к поднятой в связи с этим шумихе, Мейерхольд, теперь уже в последний раз, вернулся к попытке поставить «Бориса Годунова». Материалы этой постановки сохранились в фондах Мейерхольда, ГосТИМа, Прокофьева. В их числе режиссерские заметки, стенограммы занятий поэта В.А.Пяста с актерами по ритмике стиха, стенограммы репетиций, частично опубликованные в книге «В.Э.Мейерхольд. Статьи. Письма. Речи. Беседы» (М., 1968. Т. 2. С. 373–414). По ним можно проследить великолепную работу мастера, его трактовку действующих лиц, стремление максимально приблизиться к Пушкину, раскрыть те «уши», которые Пушкин прятал под колпак юродивого. Примечательна стенограмма встречи труппы с Прокофьевым, его предельно точный комментарий к исполненной музыке. В фонде композитора сохранились ее черновой клавиш и шумовая партитура к спектаклю, сделанная М.М.Коревым.

Изучая «Бориса Годунова» и другие драматические произведения Пушкина, Мейерхольд приходит к выводу, что Пушкин-драматург мог быть одновременно и режиссером, вернее, как пишет Мейерхольд, «организатором спектакля». И Мейерхольд это блестяще показывает в своих докладах «Пушкин-режиссер» и «Пушкин-драматург», явившихся итогом его работы над «Борисом Годуновым». Сама же постановка осталась неосуществленной, в конце 1937 г. ГосТИМ был закрыт.

К четырем пушкинским сюжетам обращался и другой режиссер трагической судьбы – А.Я.Таиров. Сведения о двух из них сохранились в фонде Московского государственного Камерного театра только в виде драматических

композиций «Капитанской дочки» и «Дубровского», принадлежащих театроведу Н.Д.Волкову.

Замысел постановки «Египетских ночей» возник у Таирова в 1933 г. В сценическую композицию Таиров включил пьесы «Антоний и Клеопатра» У.Шекспира, «Цезарь и Клеопатра» Б.Шоу и «Египетские ночи» Пушкина. Художественное оформление было выполнено В.Ф.Рындиным, музыка – Прокофьева. Новый перевод «Антония и Клеопатры» был сделан Вл.Луговским. Материалы постановки довольно полно представлены в фондах Таирова и Камерного театра, а также в фондах А.Г.Коонен и Прокофьева. Сохранились сценическая композиция и режиссерские заметки Таирова к постановке, музыкальное оформление спектакля, рецензии и отзывы о нем.

Чрезвычайный интерес для понимания замысла постановки спектакля «Египетские ночи» представляет выступление Таирова на радио 17 апреля 1936 г. по этому поводу, где он мотивирует объединение в сценической композиции трех произведений и дает свою трактовку действующих лиц, в первую очередь, Клеопатры. Весьма убедительно объясняет Таиров и закономерность введения в композицию пушкинского сюжета:

«Нет надобности говорить о том, что “Египетские ночи” являются замечательнейшим шедевром пушкинской поэзии, в котором образ Клеопатры раскрывается в особом плане, дополняющим образ, данный Шекспиром, и объясняющим с точки зрения психологической, почему для Клеопатры любовь к Антонию была тем большим, обретенным в страданиях чувством, гибель которого неизбежно должна была вызвать и гибель самой Клеопатры.

Таким образом, пушкинские «Египетские ночи» были для меня, с одной стороны, как бы мостом, соединяющим Клеопатру Шоу и Клеопатру Шекспира (следует иметь в виду, что Пушкин дает Клеопатру как раз в тот период, который является соединяющим между Шоу и Шекспиром), с другой стороны, неким творческим камертоном, который помогал найти основную тональность всего спектакля в целом.

Именно на Пушкине наш композитор Сергей Прокофьев нашел те основные лейтмотивы, на которых строилась вся музыкальная композиция спектакля» (Ф. 2328. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 1–2).

Замысел Таирова существенно дополняет высказывание Прокофьева о роли музыки в драматическом спектакле:

«В искусстве писать музыку для сцены в качестве критерия может служить следующий угол зрения: если присутствие музыки в данной сцене увеличивает силу ее драматизма или лиризма, то музыка здесь на месте, т.е. она такова, каковой должна быть. Если же данная сцена, освобожденная от музыки и разыгранная драматически, производит не менее сильное впечатление, то эта музыка или эта сцена вовсе не нуждается в музыке.

[...] Такие мысли пришли мне в голову, когда я ознакомился с текстом “Египетских ночей” в том виде, в каком они пойдут у Таирова в Камерном театре. Этот спектакль чрезвычайно заинтересовал меня с музыкальной точки зрения именно потому, что присутствие музыки может послужить усилению как лирического, так и драматического впечатления. Эта музыка прежде всего не должна быть назойливой и не должна врываться самостоятельным элементом в драматическое действие. В таком плане она может способствовать более полному восприятию образов спектакля, особенно Клеопатры и Антония, являющихся наиболее драматически увлекательными персонажами “Египетских ночей”» (Ф. 2030. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 7).

14 декабря 1934 г. состоялась премьера «Египетских ночей». Отзывы были противоречивые, но постановка пользовалась успехом.

Вторую попытку поставить Пушкина Камерный театр сделал, обратившись к «Евгению Онегину». Вот что говорил Таиров по поводу этого замысла в упомянутом выше выступлении на радио:

«Мной давно владеет мысль о сценической проекции “Евгения Онегина”».

Несомненно, Чайковский в своем плане дал гениальное воплощение пушкинской лирики в музыке, а частью и в музыкальной характеристике отдельных образов этого “романа в стихах”.

И тем не менее можно говорить о том, что образы Онегина, Татьяны, Ленского еще никогда не находили своего воплощения на сцене, несмотря на гениальную музыку Чайковского.

Я не думаю, чтобы в этом была вина оперных артистов.

Я думаю, что дать в плоти и крови эти замечательные образы можно только средствами драматического театра и драматического актера.

Эту задачу я ставлю перед собой в нашей работе.

Я отлично понимаю, что я иду по линии наибольшего сопротивления. Конечно, легче и проще было бы еще раз поставить “Бориса Годунова” или маленькие пушкинские трагедии, но мне кажется, что, несмотря на огромную силу и поэтическое богатство этих драматических произведений Пушкина, все же не в них заключается та непреодолимая и гениальная сила воздействия, которую имеет на нас Пушкин и которая не только не ослабела, а, пожалуй, даже усилилась через 100-летие.

Когда мы говорим и думаем о Пушкине, то в первую очередь встает “Евгений Онегин” и “Медный всадник”, и мне кажется, что сценическое воплощение “Евгения Онегина” хотя и необычайно трудно, но тем не менее, не только бесконечно увлекательно, но и вызывается почти абсолютной творческой необходимостью увидеть конкретизированными самые живые, самые любимые образы пушкинской поэзии в дни его юбилея» (Ф. 2328. Оп. 1. Ед. хр. 499. Л. 2–3).

В 1936 г. Таиров обратился к постановке «Евгения Онегина». Сценическая проекция (или монтаж) спектакля была выполнена С.Д.Кржижановским, писателем-философом, творчество которого только в наши дни нашло признание. Сохранились два варианта и четыре экземпляра монтажа: один с пометами Таирова в его фонде, два – у автора и четвертый – у Прокофьева, вместе с черновым клавиром музыки композитора к спектаклю. Художественное оформление было поручено художнику А.А.Осьмеркину. В фондах Таирова и Камерного театра сохранились документы по подготовке спектакля: разметка отдельных сцен, перечни действующих лиц и другие материалы, в том числе статья П.Н.Столпянского «Произведения Пушкина и их переделки на Петербургской сцене в Николаевскую эпоху. 1911 г.» и выписки из нее Кржижановского. Начавшиеся преследования Таирова и его театра не дали возможности осуществить спектакль в преддверии Пушкинского юбилея.

Материалов, отразивших попытки создать образ Пушкина в нашей драматургии, имеется немного. К ним можно отнести пьесы «Пушкин и Дантес» В.В.Каменского; «Пушкин в ссылке. (Михайловское)» и «Пушкин на юге» И.А.Новикова; «Пушкин» А.П.Глобы и материалы ее

постановок в театре им. М.Н.Ермоловой и Театре Революции; «Юность Пушкина» С.А.Ермолинского и ее многократные постановки в Центральном детском театре и Московском театре юного зрителя.

Но самой примечательной из них, как по истории своего создания, так и по ее воплощению на сцене, является пьеса М.А.Булгакова «Александр Пушкин», переименованная при первой постановке во МХАТе в «Последние дни». Булгаков начал работать над пьесой совместно с В.В.Вересаевым, бывшим уже тогда известным пушкинистом. Однако, образ Пушкина, созданный Булгаковым, и его трактовка гибели поэта, настолько разошлись с позициями Вересаева, что последний потребовал снять его имя как соавтора (см.: *Булгаков М., Вересаев В.* Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни») // Вопросы литературы. 1965. № 3. С. 151–171). Это свидетельствует о непонимании замысла Булгакова даже со стороны знающих и благожелательно относящихся к нему людей. Возможно, что талант автора и сходство положений – затравленность обстоятельствами, созданными властью – дали возможность Булгакову приблизиться к пониманию трагедии Пушкина.

РГАЛИ располагает четырьмя экземплярами пьесы Булгакова. Все они являются машинописью второй редакции пьесы, датированной 9 сентября 1935 г., ставшей окончательным текстом. Если они мало что добавляют к созданию пьесы, то весьма существенны в плане раскрытия ее сценической истории. Самый ранний в РГАЛИ экземпляр пьесы «Александр Пушкин» находится в фонде Главреперткома. Он имеет штамп разрешения пьесы к исполнению от 26 июня 1939 г. (Ф. 656. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 5). В протоколе № 345 Главреперткома от 22 июня 1939 г. отмечается: «Пьесу вернее было бы назвать “Гибель Пушкина”. Автор имел целью изобразить обстановку и обстоятельства гибели Пушкина. Широкой картины общественной жизни в пьесе нет. Автор хотел создать лирическую, “камерную пьесу”. Такой его замысел осуществлен неплохо» (Там же. Л. 3).

Второй экземпляр – корректура предполагавшегося в 1941 г. издания сборника пьес Булгакова, в том числе и пьесы «Александр Пушкин». На титульном листе имеются издательские замечания и предложения. Постепенно пьесы, включенные в сборник, одна за другой снимались, и издание не было осуществлено.

Премьера пьесы, поставленной МХАТом, состоялась 10 апреля 1943 г. Название пьесы было изменено в духе пожелания Главреперткома: «Последние дни. Пушкин».

Третий экземпляр пьесы еще озаглавлен «Александр Пушкин. Пьеса в 4-х действиях». На титульном листе штамп с решением Главреперткома от 13 декабря 1948 г.: «Оставить в репертуаре Моск[овского] Художественного театра им. Горького» (Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 1035. Л. 11). Здесь же указывалось и новое название пьесы: «Наименование произведения: “Последние дни. (Пушкин)”». Автор: М. Булгаков». Приложенный протокол Главреперткома № 659/48 от 2 декабря 1948 г. гласил: «Пьеса М.Булгакова “Последние дни” (“Пушкин”) была разрешена Главреперткомом 26 июня 1939 года (№ 345/39/т). В настоящее время дана на пересмотр. Ввиду сложности драматического материала считаю нецелесообразным пьесу разрешать широко.

Заключение политредактора: оставить в репертуаре Московского Художественного театра им. Горького» (Там же. Л. 1).

И последний экземпляр – та же машинопись 1953 г. из фонда Главреперткома. На титульном листе вписано имя автора, название пьесы, дата: «Подготовлено к выпуску 24 ноября 1953 г.». Рядом надпись: «Разрешена ГУРК'ом 659/48» (Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 1034. Л. 1). Текст предназначался для сборника «Булгаков М. Дни Турбиных. Последние дни (А.С.Пушкин)» (М., 1955).

Булгаков не увидел своей пьесы ни на сцене, ни в печати. Ее оригинальный замысел (отсутствие главного героя), по некоторым предположениям, был связан с пьесой «Царь Иудейский» К.Р. (великий князь Константин Константинович), где Христос не мог быть показан на сцене. Однако их сближает и тема одиночества героя и предательства.

Гораздо меньше имеется материалов по пушкинской тематике в области кинематографии. Произведения на сюжеты Пушкина появляются почти одновременно с зарождением кино в России. Так, в фонде одного из первых русских кинорежиссеров Я.А.Протазанова сохранились фотографии кадров и рабочих моментов съемок фильма «Пиковая дама» в 1916 г. Аналогичные фотографии имеются и в коллекции материалов по истории кино, собранной вдовой С.М.Эйзенштейна П.М.Аташевой. О работе

над фильмом «Пиковая дама» Протазанова содержатся сведения в воспоминаниях писателя, сценариста О.Л.Леонидова.

В фильмах Протазанова часто снимался известный актер немого кино И.И.Мозжухин, покинувший Россию после революции. В 1966 г. вдова его брата, певца и композитора А.И.Мозжухина, К.А.Мозжухина, по сцене Клео-Карини, вернувшаяся из эмиграции в Россию, передала в РГАЛИ архив братьев Мозжухиных. В числе рукописей И.И.Мозжухина имеется литературный сценарий «Цыганы. (Алеко)» и его фотографии в ролях в дореволюционных фильмах «Руслан и Людмила» кинорежиссера В.А.Старевича, а также «Пиковая дама» Протазанова.

«Пиковая дама», как ни одно другое произведение Пушкина, влекла к себе многих выдающихся деятелей театра и кино. Попытка сделать по ней фильм и М.И.Ромм, но его замысел остался незавершенным. В 1937 г. им был написан в соавторстве с Э.А.Пенцлиным сценарий по «Пиковой даме», находящийся сейчас в коллекции пушкиниста П.А.Попова. У самого Ромма сохранился перечень эпизодов неосуществленного фильма. Не удалось экранизировать «Пиковую даму» и кинорежиссерам Г.Н. и С.Д.Васильевым («братьям Васильевым»). В их фонде об этом свидетельствуют литературный сценарий в соавторстве с П.К.Вейсбремом по опере Чайковского, а также большое количество фотопроб и отснятых кадров. Неоднократно обращались в кино и к экранизации «Повестей Белкина». В коллекции кинокадров, собранной кинооператором А.П.Орловой, запечатлена работа Ю.А.Желябужского над фильмом «Метель» и А.В.Ивановского – над «Станционным смотрителем». Фотографии кадров и рабочих моментов съемок фильма «Коллежский регистратор» по повести «Станционный смотритель» имеются в личном фонде Желябужского.

С.М.Эйзенштейн, разрабатывая вопросы теории кино, неоднократно обращался к пушкинским образам. «Здесь для меня, вероятно, впервые прощупывалось связующее звено между живописью и литературой, увиденными одинаково пластически. [...] у Пушкина мы встречаемся с описанием самого события или явления, однако сделанным с такой абсолютной строгостью и точностью, что возможно почти целиком воссоздать зрительный образ, конкретно пронесившийся перед глазами нашего поэта. [...] И

вот почему движущаяся картина пушкинских построений могла так остро начать ощущаться только с приходом кинематографа» (*Эйзенштейн С.М.* Мемуары. М., 1997. Т. 2. С. 29).

Приводя в своих мемуарах ряд аналогий, Эйзенштейн приходит к мысли «сделать фильм о Пушкине» (Там же. С. 206). Привлекала Эйзенштейна и гипотеза Ю.Н.Тынянова о безымянной любви Пушкина: «Пленительная история тайной любви поэта к жене историка Карамзина...» (Там же. С. 214). Однако, судьба не оставила уже Эйзенштейну на это времени. Кроме записей о Пушкине, в мемуарах кинорежиссера, в его фонде находятся наброски сценариев «Любовь поэта» («Пушкин») и «Пушкин и Гоголь», рукопись которого лежала на столе Эйзенштейна в ночь его смерти с 10 на 11 февраля 1948 г. В числе материалов педагогической деятельности режиссера имеется разработка этюдов к лекции о «Медном всаднике».

Из других личных фондов, находящихся в РГАЛИ, нельзя не отметить материалы режиссерской и артистической деятельности Е.В.Червякова, где сохранились фото рабочих моментов и кадров его фильма «Поэт и царь» и статья «Пушкин и Петербург». Попыткой создания образа поэта является сценарий Л.С.Любашевского «Пушкин». Произведения Пушкина широко экранизировались для детей и юношества. Примером тому может служить литературно-режиссерский сценарий Г.Э.Гребнера «Сказка о царе Салтане» в соавторстве с А.А.Роу, фото кадров из фильма А.Л.Птушко «Руслан и Людмила» и многие другие.

Более многочисленные материалы сохранились в учреждениях и организациях, связанных с развитием кинематографа. В их числе Комитет по делам кинематографии при СНК СССР, Министерство кинематографии СССР, Главное управление по производству фильмов Министерства культуры СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии (Госкино СССР). Эти материалы находятся в протоколах и стенограммах заседаний художественных советов или коллегий по обсуждению фильмов, сценарных или сценарно-постановочных отделов, куда направлялись многочисленные литературные и режиссерские сценарии. В Союзах писателей СССР и РСФСР и Московской писательской организации были секции кинодраматургии, где обсуждались работы кино-

сценаристов. В Центральном Доме работников кино много материалов по обсуждению фильмов, в том числе выдвинутых на различного рода премии.

Наиболее разнообразный материал можно найти в фондах киностудий «Мосфильм», Московской киностудии по производству художественных фильмов им. М.Горького, Сценарной студии Министерства культуры СССР. Это, прежде всего, литературные и режиссерские сценарии и авторские заявки, в основном, по экранизации произведений Пушкина, реже по произведениям, посвященным ему самому. Интересны и материалы, связанные с постановкой фильмов, кинопробы актеров на те или иные роли, разработки мизансцен, журналы съемок. В протоколах и стенограммах художественных советов и зрительских конференций имеются материалы по обсуждению сценариев и поставленных фильмов, их выдвижению на премии, положительные или критические отзывы как о фильмах в целом, так и об игре отдельных актеров.

С творчеством Пушкина связаны и некоторые изобразительные материалы архива. Многие художники обращались к иллюстрированию его произведений. В их фондах и коллекциях можно найти рисунки А.Н.Бенуа к «Капитанской дочке», иллюстрации А.И.Кравченко и И.И.Нивинского к трагедии «Пир во время чумы», эскизы обложек, заставок и иллюстрации Е.Е.Лансере к повести «Дубровский», рисунки К.А.Трутовского к поэме «Бахчисарайский фонтан» и В.А.Фаворского к «Маленьким трагедиям». Сохранились также иллюстрации к сказкам Пушкина, выполненные Т.А.Мавриной, С.В.Малютиным, А.А.Радаковым. Художники В.С.Барт, В.Г.Бехтеев, И.С.Ефимов, С.В.Иванов, А.М.Каневский, К.В. и Н.Е.Кузнецовы, Н.В.Кузьмин, К.В.Лебедев, А.П.Могилевский, Г.К.Савицкий, М.М.Синякова и другие принимали участие в иллюстрировании собраний сочинений и издании отдельных произведений Пушкина.

Эскизы костюмов и театральных декораций спектаклей на пушкинские сюжеты имеются в фондах многих театров и театральных художников. В их числе: эскиз декорации К.А.Коровина к опере «Борис Годунов» Мусоргского для труппы С.И.Мамонтова; эскизы костюмов и декораций Н.П.Крылова к опере «Золотой петушок» Римского-Корсакова; эскизы декораций С.В.Малютина к опере «Евгений Онегин» Чайковского и К.С.Петро-

ва-Водкина к спектаклю «Борис Годунов». Много работал по оформлению пушкинских спектаклей художник П.В.Вильямс. В его фонде сохранились рисунки костюмов и декораций к спектаклям «Кавказский пленник» Асафьева, «Евгений Онегин» Чайковского, «Последние дни» Булгакова в МХАТе. Пытался Вильямс изобразить и самого Пушкина, сохранился портрет поэта его работы. В альбомах и тетрадях И.М.Рабиновича есть зарисовки к «Борису Годунову». Реже встречаются портреты Пушкина. Среди них могут быть выделены этюды и наброски к картине Петрова-Водкина «Пушкин в Болдине». Привлекают внимание эскизы и наброски к картинам художника Г.К.Савицкого «Встреча Пушкина с Дантесом» и «Пушкин в Михайловском», а также его рисунок «А.С.Пушкин на Неве». Среди портретных изображений Пушкина хочется отметить серию Н.П.Ульянова «Пушкин в жизни», рисунки-портреты В.А.Щуко и портрет, написанный художником-мультипликатором М.М.Цехановским. В числе рисунков М.С.Сарьяна имеется набросок к его известной картине «Встреча Пушкина с телом Грибоедова». Среди множества графических работ поэта-переводчика Г.А.Шенгели есть и портрет Пушкина. Писатель В.В.Вишневский в 1940 г., находясь в Бессарабии, сделал зарисовку «Домик Пушкина в Кишиневе». В РГАЛИ также много печатных изображений Пушкина: литографии, гравюры с его портретов, в том числе работы П.К.Константинова, Н.И.Писарева и др.

Материалы, связанные с воплощением образа Пушкина в скульптуре, преимущественно находятся в фондах Дирекции художественных выставок и панорам, где имелся специальный отдел проектирования памятников, и Московской организации Союза художников РСФСР (секция скульптуры). Наиболее значительными из них являются проекты памятников Пушкину М.К.Аникушина в Ленинграде и Е.Ф.Белашовой в Михайловском. Представляют интерес материалы по созданию памятников, их фотографии, решения жюри конкурсов, а также материалы выставки «Пушкин в произведениях народных мастеров» (1949).

Имя Пушкина объединяло все Русское зарубежье. Для эмигрантов оно сливалось с понятием России, Родины. Об этом свидетельствует обращение к творчеству Пушкина К.Д.Бальмонта, И.А.Бунина, З.Н.Гиппиус, Б.К.Зайцева,

А.И.Куприна, Д.С.Мережковского, И.С.Шмелева. Статьи и заметки, посвященные Пушкину, сохранились в фондах Ю.И.Айхенвальда, С.К.Маковского, А.А.Яблоновского и других. В материалах погибшего в Париже Ф.Ф.Раскольникова, переданных в Россию его вдовой, сохранились статьи «Пушкин и масонство», «Пушкин и французская революция».

В фонде Русского культурно-исторического музея в Праге имеются материалы о проведении пушкинских юбилеев за рубежом: афиши и программы лекций, концертов, спектаклей, повестки заседаний пушкинских комитетов в Бельгии, Чехословакии, Югославии; программы и пригласительные билеты на выставку «Пушкин и его время» в Праге 1932 г. Пушкинскому юбилею в 1924 г. в Берлине был посвящен специальный выпуск газеты «Дни», где были напечатаны стихи Бальмонта и Цветаевой. Во многих городах Европы действовали пушкинские комитеты, особенно активно – в Париже, Праге, Берлине. В Лондоне существовал Пушкинский клуб.

Статьи и заметки о Пушкине сохранились в материалах Союза ревнителей чистоты русского языка и Союза русских писателей и журналистов в Югославии. К сожалению эти фонды невелики по объему, но сохранившиеся в них документы чрезвычайно ценны.

Широко было обращение к Пушкину в эмигрантской музыкальной среде. В 1968 г. РГАЛИ удалось получить личный архив композитора С.А.Траилина – ученика Балакирева, с 1920 г. жившего за границей. В числе сохранившихся в его архиве произведений музыка к спектаклю «Пир во время чумы», романсы на слова Пушкина. Аналогичные материалы имеются также в фондах А.И.Лабинского и А.Т.Гречанинова.

Обращаясь к изучению пушкинского наследия, в том числе находящегося в РГАЛИ, можно поставить две самых общих задачи: расширение нашего представления о Пушкине и его эпохе на еще не введенных в пушкиноведение материалах, а также исследование обращения к творчеству поэта в литературе и искусстве XX века.

200-летие со дня рождения Пушкина отмечалось в России как всенародный праздник. Мы явились свидетелями нового взрыва интереса к нему в самых широких слоях российского общества, и 1999 г. стал поистине «пушкинским годом». И это не формально, т.к. по прекрасному

определению Д.С.Лихачева – «Пушкин – это лучшее, что есть в каждом из нас. Это доброта и талант, это смелость и простота, это демократичность и жизнелюбие, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и людям труда... и еще мы нежно любим и оплакиваем Пушкина потому, что он погиб за свои убеждения, за честь, за любовь. Погиб в бою с оружием в руках... Он наш, сегодняшний, современный. Это не столько можно объяснить, сколько понять душой, всем существом своим» (*Лихачев Д.С. В памяти народной // Солнце нашей поэзии. М., 1998. С. VI*).

И как Пушкин прожил с нами два века, так он останется с нами в третьем тысячелетии.

ДУМЫ ИЗГНАННИКА (об архиве В.Е.Вязьмитинова)

Обзор Н.К.Дрезгуновой

1920 год. Завершается Гражданская война на юге России. В штаб «белых» внедрен агент ЧК. Вскоре он становится доверенным лицом главнокомандующего Русской армией барона П.Н.Врангеля. Под натиском Красной Армии войска эвакуируются из Крыма. Агент ЧК становится дипломатическим курьером на переговорах с русскими посланниками в балканских странах о размещении частей бывшей Добровольческой армии в Болгарии, Сербии, Чехословакии. В Центр регулярно поступают донесения, раскрывающие планы врагов Республики Советов.

Этот сюжет, часто встречающийся в советской литературе, лежит и в основе романа-хроники Марка Еленина «Семь смертных грехов» (Кн. 1–2. Л., 1981–1983). Героями документированного повествования являются многие деятели Белого движения. В конце второй книги романа впервые встречается едва очерченная фигура военного представителя Врангеля в Болгарии генерала Вязьмитинова. И так, без имени и отчества, проходит он в ряду второстепенных персонажей. Между тем его деятельность, наряду с деятельностью русского посланника в Софии А.М.Петряева, чрезвычайно важна – они ведут переговоры с болгарским правительством и лично царем Борисом о размещении большого числа русских беженцев в стране, обеспечении их работой. Переговоры завершаются успешно, и в апреле 1922 г. после ужасов Галлиполийского лагеря русские воинские формирования начинают прибывать в Болгарию.

В то же время МИД Франции направляет ноту барону Врангелю с предложением о полном роспуске армии в связи с декретом Советского правительства об амнистии

солдатам, казакам и крестьянам, мобилизованным в Белую армию. Роман завершается заключением Раппальского договора, в результате которого югославы и болгары дали обещание распустить армию Врангеля на Балканах.

Следующий роман Еленина «Соль чужбины» (Л., 1989) продолжает и развивает данную тему. Большая часть организованных воинских частей оказывается в Болгарии под командованием генерала А.П.Кутепова, а барон Врангель со штабом армии, но без войск, находится в Сербии. Кутепов и его приближенные строят планы военного переворота. В качестве связного со штабом барона Врангеля вновь появляется фигура Вязьмитинова. Переворот не состоялся, большую группу русских военных высылают из Болгарии, в их числе Вязьмитинов. Его следы теряются где-то в Сербии...

Прототипом этого литературного героя был реальный человек. Сведения о Вязьмитинове можно найти в «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения)» Н.Рутыча (М., 1997. С. 74–75), а также в справочном издании «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997», составленном В.Н.Чуваковым (М., 1999. Т. 1. С. 658).

Василий Ефимович Вязьмитинов родился 22 февраля 1874 г., получил домашнее образование, выдержал офицерский экзамен в Одесском пехотном юнкерском училище, в 1904 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Из училища вышел в 21-й Муромский полк. Участвовал в русско-японской войне, служил в штабах Одесского военного округа и Заамурского отдельного корпуса пограничной стражи, преподавал в Чугуевском военном училище.

Вязьмитинов участвовал в Первой мировой войне, на фронте с декабря 1915 г. Был командиром 15-го Сибирского стрелкового полка, начальником штаба 20-й Сибирской стрелковой дивизии, начальником оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера 12-й армии. В июле 1917 г. командующий 12-й армией генерал Р.Д.Радко-Дмитриев назначил его начальником 136-й пехотной дивизии и поручил ему «оздоровить» эту разложившуюся и распропагандированную дивизию. Вязьмитинов смог воодушевить солдат своим мужеством и храбростью во вре-

мя прорыва немцев под Ригой 18–19 августа 1917 г. Неприятель был остановлен до выхода на рижское шоссе, что спасло от окружения 2-й и 6-й Сибирские корпуса и штаб 12-й армии. За участие в этой операции Вязьмитинов был награжден орденом Св. Георгия, произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 6-го Сибирского корпуса.

В Добровольческой армии с 1918 г., был начальником отдела Генерального штаба, затем помощником начальника Военного управления в штабе Вооруженных сил Юга России. В Русской армии генерала Врангеля – начальник Военного управления в правительстве Юга России, с 1921 г. – личный посланник Врангеля в Болгарии. В связи с этим находился постоянно в поле зрения Иностранного отдела ВЧК (затем – ГПУ). В мае 1922 г. вместе с генералами А.П.Кутеповым и П.Н.Шатиловым был выслан из Болгарии в связи с тем, что Врангель как главнокомандующий Русской армии был обвинен в том, что он якобы отдал приказ частям о вооруженном выступлении против Болгарского правительства А.Стамболийского (См. документы из Центрального архива ФСБ РФ, опубл. в сб.: Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы / Институт военной истории МО РФ, ФСБ РФ, СВР РФ. М., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 616–631).

После высылки из Болгарии обосновался в Белграде, где занял должность правителя дел учебного отдела Державной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС, входил в правление Общества русских офицеров Генштаба. Скончался 29 января 1929 г., похоронен на Старом кладбище в Белграде.

В РГАЛИ хранится небольшой личный архив Василия Ефимовича Вязьмитинова (Ф. 1843. Оп. 1. 24 ед. хр.). Материалы Вязьмитинова были получены Центральным государственным литературным архивом (ныне РГАЛИ) в 1947 г. из Югославии и до 1991 г. находились на закрытом хранении. В 1991 г. они прошли научное описание и были переданы на общее хранение.

Архивный фонд Вязьмитинова дает целостное представление о личности этого русского офицера. С юношеских лет он увлекался не только военными науками, но и поэзией, а в армейской среде считался признанным поэтом. До революции его стихотворения публиковались в газетах, военное ведомство издавало их в качестве

листовок в Первую мировую войну. В эмиграции он сотрудничал в издательстве «Русский культурный одбор*», в редакции «Военного сборника» в Белграде, был членом Союза ревнителей чистоты русского языка в Югославии, печатался в русских газетах Болгарии и Югославии.

Основной раздел фонда – рукописи стихотворений Вязьмитинова за 1909–1929 гг. Темы для них он черпал в политике, в военной истории. Сохранились также лирические стихи. Но, прежде всего, Вязьмитинов предстает перед нами как поэт-патриот. Так, в стихотворении «Отцовский завет» (Одесса, 25 декабря 1909 г.) он писал:

Знай – России ты сын, а она твоя мать, –
Помни свято отцовское слово, –
От врагов и обиды ее защищать
Твое сердце пусть будет готово

(Ф. 1843. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Опубл.: Русская речь (Одесса). 1909. 25 дек.).

Начало Первой мировой войны Вязьмитинов встретил с патриотическим восторгом. Такие стихотворения, как «Пожелания русским воинам» (1914), «Новогодняя молитва» (1915), распространялись в войсках как листовки. Его стихи были наполнены любовью к России и верой в «Бога, Царя и Отечество».

Пасха на Руси

Во дни Христова Воскресенья
Все храмы на Руси полны –
Россия молит о спасеньи
Своих сыновь средь бед войны.
И благовонные кадила,
И яркий блеск мольбы в очах,
И веры искренняя сила,
И слово Божье на устах!
В тиши церковей сияет слава!
Пред Правды Вечной алтарем
Непобедимая держава
Во храмах молится с Царем!

(Ед. хр. 1. Л. 35.)

* Комитет (серб.).

Во многих стихах он изображает батальные сцены. Так, в стихотворении 17 сентября 1916 г. «Схема дня на позиции» он бесхитростно и лирически описывает обычный день на фронте:

Проснулся утра шум приятный
И к небу поднялся туман,
А сверху немец аккуратный
Направил свой аэроплан.
Ему навстречу ряд шрапнели,
Летя в заоблачную даль,
Приветно песенку запели,
Неся нам радость, им – печаль.
В лесу, в окопах, на болоте
Закончен службы час ночной,
Но время отдыха в работе
Пройдет, без сна, в поре дневной.
И так с утра до поздней ночи,
Смотря то вниз, то в небеса
Творят солдаты, что есть мочи,
В борьбе с природой чудеса

(Ф. 1843. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22).

Неудачи на фронте, происшедшие в стране Февральская и Октябрьская революции привнесли в его стихи сатирические мотивы. В 1917 г. он написал стихотворения «Кошмар», «Равноправие», «Трахармсев», даже названия которых отражают позицию автора. Вот отрывок из стихотворения «Трахармсев»:

Система прежних управлений
«Единой волей и рукой»
Сменилась рядом словопрений
И нервных шарканий ногой.
Был Главковерх и Главкосев,
Штаверх, Штафронты, Штармы,
Но революция, засев,
Решила завести Правармы.
Явился в Ставке комитет
Под анонимом «Ревкомет»
И сразу выпустил на свет
Об «осолдаченьи» декрет. [...]
Трахарм рядом совещаний

Наметил длинный ряд реформ
И ожидает с упованием
Расцвета всяких новых форм.
Решили, что на фронте пушки
Разводят лишь излишний пыл
Пригодны только как игрушки
И подлежат отправке в тыл. [...]
Генкварм очень озабочен,
Куда и как убрать коней –
Весь тыл до Пскова заболочен
Овса все нет и нет саней. [...]
Совет единый соблюдая,
В словах изложенный учтивых:
«Блажен тот будет в куцах рая,
Кто не в совете нечестивых».

1917. Декабрь. Валк

(Ф. 1843. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 9 и об.).

Как правило, Вязьмитинов точно датировал свои стихотворения, указывая даже часы и место их написания. По этим данным можно проследить путь Добровольческой армии на юге России: Одесса, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Севастополь... 28 июня 1918 г. он писал в стихотворении «Прощание»:

Без сожалений и без слез
Тебя покину, край родной, –
Печаль мою я перенес
И скорюю ее с собой.

Немало радости и счастья,
Я здесь изжил в былые дни,
О них в дни горя и ненастья,
Я вспоминаю – где они?

Ушли они невозвратно,
В душе оставя жгучий след...
Но прочь от них... Летите мимо
Вспоминанья лучших лет...

Теперь все стало по-иному,
И места нет для прежней жизни.
И уж не мне, душой больному,
Здесь жить участником на тризне.

Да, да, на тризне. Страшной тризне,
Где кубок – гроб, а кровь – вино,
Где нет помина об Отчизне,
Где все святое сожжено.

Довольно пытки – смерть милей,
Но смерть на воле, за идею,
За славу Родины своей,
За вашу смерть, ее злодеи.

Пусть грудь моя тоской изныла,
Пусть сердце вдребезги разбито –
Еще в уме таятся силы,
От глаз еще не все сокрыто.

И вижу я в грядущем ясно:
Сияньем вновь озарена,
Ты вновь воскресшая, прекрасна,
Моя родимая страна –

Необозрима, величава,
В расцвете лучших новых дней,
Идешь ты в мир с сознанием права
На счастье будущих детей...

Для счастья их мы стерпим муки,
Забудем личную печаль,
Мы укрепим в работе руки,
Чтоб им очистить путь в ту даль,

Чтобы отцовского наследства
Не проклинали наши дети.
И наши жертвы – только средство
Для счастья будущего в свете...

Итак, теперь без сожаленья
Тебя я кину, край родной,
Нет без страдания – спасенья,
Без горя – радости земной

(Ед. хр. 3. Л. 26).

За 1919 г. с пометами «Екатеринодар», «Ростов» сохранились лирические стихи Вязьмитинова: «Богиня пылко нежной страсти...» (с посвящением Е.А.Бурсак), «Загадка», «Когда б я смог...», «Маска» (Ед. хр. 4. Л. 18, 22, 27).

Загадка

Если юная плутовка
Нежно шутит с Вами –
Знайте, это лишь уловка
И игра словами.

Если взгляд ее порою
Вам подарит ласку –
Вы не верьте – он игрою
Дополняет маску.

Будьте вечно на стороже
В плутовской затее,
Чтоб не стать совсем похожим
На рабов Цирцеи.

Инстинктивно, по природе,
Всех она чарует,
Пред одним, по старой моде,
Лишь всегда пасует.

Кто же будет тот счастливец
И сама не знает,
И нередко, что ленивец
Все и получает

(Ед. хр. 4. Л. 28).

Сохранились стихи 1920 г. с пометой «Севастополь», некоторые из них написаны на бланках «Начальника Отдела Генерального Штаба Военного Управления», «Генерал-лейтенанта Вязьмитинова Начальника Отдела Генерального Штаба Военного управления вооруженных сил на Юге России». Стихотворение «Это были юнкера» (30 августа/12 сентября 1920 г.) было напечатано типографией Генерального штаба Русской армии (Ед. хр. 5. Л. 49).

Вязьмитинов видел и трагикомические стороны жизни в Севастополе. В августе 1920 г. в стихотворении «Неовидеи метаморфозы» он с сожалением констатировал:

Все приняло отныне
Гигантские размеры
Бедны у нас святыни
А мы миллиардеры.

Рубли теперь у нас
В цене ужасно малой
Зато поднялся квас
До цифры небывалой.

За тысячу стакан,
Пожалуй, Вам нальют,
Но это не обман –
С презрением подадут.

Стал роскоши предметом
Обычный нам обед –
И все твердят об этом,
Как будто так и след.

Вседневные обеды
Лишь грузчик может есть,
Не даром правоведа
Таскают груз, где есть

(Ед. хр. 5. Л. 34).

Гражданская война на юге России закончилась. Часть Русской армии оказалась в Константинополе, а затем, по согласованию со странами Антанты, разместилась в Болгарии, Чехословакии, Королевстве СХС.

«Думы изгнанника» – так Вязьмитинов называл стихотворный цикл, созданный в 1921–1922 гг. в Болгарии. Эти стихи публиковались в русских газетах «Казачье слово» и «Набат» (София). В их числе стихотворение «На Шипке все спокойно», в котором он писал о роли России в освобождении Болгарии от турецкого владычества:

Да, так: «На Шипке все спокойно».
Царит спокойная свобода,
Живет Болгария достойно
В правах свободного народа.

Но что же с Русью? Как она?
Еще могучее? сильнее?
И счастья светлого полна?
И свет ее другим виднее?

Увы! Она страна печали:
Над Русью ужаса покров
И окровавлены все дали,
И льется кровь ее сынов,

Миллионы их в песках зарыты:
Спасая Запада покой,
В немецких землях пали в битвах
И вечный там нашли покой

(Ед. хр. 6. Л. 26).

Многие стихи Вязьмитинова середины 1920-х гг. полны грусти и тоски по родине.

Нет сна

Нет сна... Я у открытого окна
Вдыхаю ночи аромат...
Уснули шумы улицы... Луна
Сквозь облака смеется в сад...
Лишь звон цикад, ленивый и тягучий,
Да дальний шум, неясный и глухой,
Смущают тишину... По небу тучи
Плывут, играя меж собой...
Нет сна... Не то тоска, не то печаль
Мне давит грудь и гонит сон,
И мысли мчатся, мчатся вдаль,
Где Днестр, Днепр, Волга, Дон,
Где юных лет все радости и горе,
Где все, что в жизни я любил:
Поля родные, степь, леса и море,
И холмики родных могил...
Нет сна... Текут часы и думы...
Светлеет на востоке тень...
Слышны уже иные жизни шумы:
Встает над миром новый день.
Несет он вновь заботы, радость, горе,
И гонит тихой ночи тьму...
Но усмирят ли он моей печали море,
И рад ли буду я ему?

(Ед. хр. 8. Л. 41.)

Одно из последних стихотворений в фонде датировано 20 января 1929 г. (День Св. Евфимия Великого) с пометой

«Белград». Вязьмитинов написал «Молитву-гимн Русских Соколов», в котором напутствовал молодое поколение:

Боже Сильный, Боже правый –
Ты Всемиловит и благ:
Пусть над Русскою державой
Реет снова Русский флаг!
В теле – сила, в сердце – пламя,
В мыслях – Родина у нас,
И не сдаст родного знамя
Сокол даже в смертный час

(Ед. хр. 8. Л. 78).

Так поэт и патриот Вязьмитинов завершил свой более чем 20-летний творческий путь. Приняв наставление отца в стихотворении 1909 г. о чести и любви к родине, он передал этот завет через все войны и революции новому поколению русских патриотов.

Вторую часть архива составляют переводы стихотворения Э.Ростана «Полет Марсельезы», драмы Ф.Конне «Две скорби», произведений Омара Хайяма, Г.Гейне, А.Мюссе, С.Прюдома, Ж.-М.Эредиа и других французских и сербских поэтов, выполненные Вязьмитиновым в 1918–1920-х годах.

В фонде сохранились также машинописные копии писем Вязьмитинова писателям К.Д.Бальмонту, Б.К.Зайцеву, Д.С.Мережковскому, А.М.Ремизову, И.С.Шмелеву (1921 г.) с просьбами о содействии в распространении среди русской колонии во Франции изданий «Русского культурного одбора» (Белград) (Ед. хр. 16–19), приглашение Вязьмитинова и его супруги на новогоднюю елку 4 января 1929 г. в интернат Первой русско-сербской гимназии в Белграде, на обороте которого – набросок стихотворения (Ед. хр. 21).

Среди документов других лиц, отложившихся в фонде, стихотворение кн. Д.П.Голицына-Муравлина «Вы ждете нас. (Оставшимся в России)», изданное отдельной листовкой (Ед. хр. 23), подборка стихотворений, получивших премии на конкурсе поэзии, организованном Союзом русских писателей и журналистов в Югославии в мае 1928 г. (Ед. хр. 24).

В заключение обзора хочется привести строки из стихотворения неустановленного автора (за подписью «А.П.») с

посвящением «Глубокоуважаемому Василию Ефимовичу,
поэту-воину, в знак искреннего уважения и с пожеланием
здоровья, счастья и всякого успеха. 28 февр. 1917»
(Ед. хр. 22):

Поэт – певец любви, свободы,
Земной печали и тоски
И бури бранной непогоды...

**«ИЗ КРАЯ В КРАЙ. ПИСЬМА
СТРАНСТВУЮЩЕГО МУЗЫКАНТА»
(письма Н.А.Медведева Б.А.Воробьеву)**

Обзор Т.М.Коробовой

...Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю – там остался русский человек.

Русский он по сердцу, русский по уму,
Если я с ним встречу, я его пойму.

Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.

Георгий Иванов

Перед началом Второй мировой войны один музыкант в Англии начал писать сценарий фильма о балалайке. Для музыкального сопровождения фильма он разыскал пластинки с записями оркестра В.В.Андреева¹, отрепетировал со своим ансамблем составленную им самим программу. Работа была проделана большая. Но началась война, и фрагменты фильма остались лишь в памяти этого музыканта... «Начиналось русской зимой и гуляньями. Одному мужичку не хватало балалайки, и вот он в лесу, выстукивая деревья, подыскивает наилучшее из них по звуку, чтобы сделать себе инструмент. Нашел. Рубит дерево. По вечерам под песенку выстругивает себе подругу. Удовлетворившись своей работой и ее звучанием, он пошел с нею потешать народ, несмотря на запрещение попов. И т.д., с играми, плясками [...]. Но война вмешалась...» (письмо Н.А.Медведева Б.А.Воробьеву от 29 января 1960 г. – Ф. 2421. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 48).

А за четверть века до нее началась та, Первая мировая, на которую отправился поручик Медведев. Так зва-

ли автора фильма о балалайке. И кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы не этот замечательный народный инструмент, который наполнил до краев жизнь Николая Алексеевича Медведева. Его архив в 1964 г. передал в тогда еще ЦГАЛИ Борис Алексеевич Воробьев, занимавшийся историей русских народных инструментов. С ним Николай Алексеевич состоял в переписке с 1958 по 1963 гг. Среди бумаг музыканта вместе с его письмами хранятся программы и дневники его концертов, рецензии на них в английских газетах, нотные издания и партитуры для оркестра русских народных инструментов, народные песни и произведения классического репертуара в переложении Н.А.Медведева (Ф. 2421. Оп. 1).

Две войны вторглись в жизнь Николая Алексеевича. Первая лишила его родины, после второй он восстановил контакты с ней. Благодаря «оттепели» он в 1957 г. приехал в Москву, где после 33-летней разлуки встретился с сестрой. Тогда же произошло его знакомство с Борисом Алексеевичем Воробьевым, специалистом по русским народным инструментам. С 1958 г. началась переписка между ними. Первое письмо было отправлено в Москву 20 декабря 1958 г. Николай Алексеевич тепло вспоминает новых московских друзей. Он благодарен судьбе, что вернула ему забытое чувство общения с соотечественниками и единомышленниками, и очень переживает расставание с ними: «Перед моими глазами все еще как живая стоит Ваша квартирка, и мы втроем сидим за чаем, ведем нашу милую беседу о дорогом нам сюжете – балалайки и исполнители. Нет, здесь этого нет [...]. Хорошо, что я не возвращался морем. Шесть дней пути были бы очень и очень тяжелыми. Каждый день говорил бы мне, что я дальше и дальше от друзей» (письмо от 20 декабря 1958 г. – Ед. хр. 5. Л. 1 и об.). Завязавшаяся переписка сокращала расстояние между Москвой и Лондоном. Годы детства и юности, воскрешаемые в памяти, переносили Николая Алексеевича в места, так не похожие на те, что окружали его многие годы. 28 писем-воспоминаний (почти 800 страниц убористого почерка) вместили всю жизнь. В одном из писем Николай Алексеевич нарушает свой обычный повествовательный стиль: вспоминая очередной эпизод прошлого, он вдруг ловит себя на мысли, что его жизнеописание, попав в руки писателя, могло бы

стать канвой для приключенческого романа. Но поскольку материалы эти оказались волею судеб у архивиста, то настоящий обзор будет ограничен рамками жанра. В нем, прежде всего, найдут отражения темы, связанные с музыкальной деятельностью Н.А.Медведева в России и Англии, его дружеские и профессиональные связи с деятелями искусства эмиграции «первой волны». Достоин интереса его взгляд на роль народных инструментов в ансамблевом исполнительстве, и, в частности, его любимого инструмента балалайки. Факты биографии Николая Алексеевича послужат путеводной нитью в этом обзоре, но они будут даны фрагментарно, соотносясь с интересующими нас темами.

Родился Николай Алексеевич Медведев 18 мая 1891 г. в Привокзальной слободе, что в 2-х километрах от Брянска. Отец Николая Алексеевича прошел путь солдата в железнодорожном батальоне, где он начал службу кочегаром и дошел до машиниста. И грамоте отец научился на военной службе, но, видно, не хватало ему этих знаний. Николай Алексеевич вспоминает, что его мать, кончившая 4-классную приходскую школу, «подучила еще немного отца. Читала мать без конца и много рассказывала мне из прочитанного. Читать меня научила, но писать учить не бралась, чтобы не испортить мне почерк [...]. Мать любила историю и географию, что передалось и мне. С ранних лет я знал жизнь Суворова, и подражать ему сделалось моей целью жизни» (письмо от 20 сентября 1959 г. — Ед. хр. 7. Л. 1).

В семь лет Николай Алексеевич пошел в городскую школу и стал жить в Брянске у деда. Дед служил помощником старосты в брянском соборе. Николай Алексеевич вспоминает: «Хор был в соборе замечательный, и из-за этого я никогда не пропускал служб» (Там же. Л. 2 об.). Он просился петь в хоре, но возраст еще не позволял. И дядина гармошка, на которой ему очень хотелось играть, была еще тяжеловата для него.

Родная слобода, куда он ездил на каникулы, тем временем разрасталась. В ней образовались улицы, появилась церковь. Слободская пожарная команда «разбила себе парк для гуляний с эстрадой для музыкантов и летним театром. По воскресеньям играла музыка» (Там же). Детство в памяти тесно связано с праздничными днями. И шестьдесят лет спустя Николай Алексеевич в подроб-

ностях вспоминает Рождество и масленицу как самые веселые, песенные праздники: «[...] в конце 1902 г. – начале 1903 к нам постучались “ряженые”. Отец впустил их, и, к нашему удивлению, они начали комическое представление [...]. Они пели, танцевали, но меня поразил больше всего вожак медведя. Он играл на балалайке [...]. Я никогда не видел балалайку до сих пор [...]. Звук ее поразил меня [...]. Отец пригласил их всех закусить, и я в это время завладел балалайкой» (Там же. Л. 3 об.). Мальчику было 11 лет, когда балалайка завладела им на всю жизнь, но пока только в мыслях. Купить инструмент родители не могли: стоил дорого. А вот об учении сына, видя в нем хорошие задатки, они позаботились. В 1902 г. в Брянске открылось техническое училище, первое в городе среднее специальное учебное заведение с 4-классным сроком обучения. Туда нужно было держать экзамены по русскому языку, арифметике и чтению по-немецки. Николай Алексеевич сдал их успешно, выдержал конкурс и был принят в 1-й класс. В 1904 г. на свое 13-летие он получил в подарок заветную балалайку. Премудрости нотной грамоты он постигал на обязательных уроках музыки, которые продолжались с 1-го по 3-й класс и были совсем не формальными: ребята умели петь по нотам. А тут появились в Брянске и первые самоучители игры на балалайке. Мысль о создании оркестра из народных инструментов родилась у Василия Матвеева, старшего сына регента соборного хора, который преподавал в Техническом училище уроки музыки. Она появилась не случайно и имела под собой реальные основания. Дело в том, что деятельность первого Великорусского оркестра и его руководителя В.В.Андреева в эти годы носила не только концертный, но и просветительский характер. Андреев считал, что музыкальное воспитание народа должно начинаться с начальных ступеней обучения. Как страстный пропагандист народных оркестров и практикующий педагог, он стал проводить в жизнь свои просветительские идеи. По его инициативе стали создаваться балалаечные оркестры в железнодорожных училищах, сельских школах, воинских частях. Об одном таком оркестре свидетельствует интересный документ. Это доклад «преподавателя музыки на балалайке» в механико-дорожном училище станции «Раздельная» Александра Петровича Григорьева В.В.Андрееву (см.: Ф. 695.

Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 1–2). Этот музыкант, на первых порах безвозмездно начавший занятия музыкой, через несколько месяцев создал из учащихся оркестр, вскоре выступавший публично. В своем докладе Александр Петрович подчеркивает мысль, что дети служащих низших сословий, преимущественно поступавших в училище, учатся музыке «охотно и успешно». Цель же всего этого он видит в том, что «преподавание музыки в механико-дорожном училище плодотворно отражается на детях, отчасти отвлекая их от дурных наклонностей, делая их более мягкими и сердечными» (Там же. Л. 1). Учащиеся Брянского технического училища не были исключением. Они загорелись новым делом и успешно его осваивали. Репертуар оркестранты разучивали «с рук» и на слух. Энтузиазм молодых исполнителей был так велик, таким страстным было желание играть, что они довольно быстро достигли желаемого уровня. Вскоре ансамбль стал участником литературно-музыкальных вечеров, сопровождая инсценировки по стихотворениям Н.А. Некрасова, И.С. Никитина и др.

В 1905 г. разразилась революция, которая втянула в свой водоворот тихий, заштатный Брянск: «[...] наш Брянск, – вспоминает Николай Алексеевич, – оказался [...] далеко не отставшим, а, наоборот, одним из передовых. Учебный год начался забастовками, демонстрациями. Техники старших классов оказались в вихре движения, и очень многие из них пострадали (убитыми, арестованными), а с ними и двое преподавателей, руководивших этим. Училище было закрыто [...]» (письмо от 20 сентября 1959 г. – Ед. хр. 7. Л. 6). А оркестр продолжал играть. Его репертуар, правда, немного изменили веяния времени. В нем появились революционные песни. Но разрешались они исключительно в инструментальном исполнении. Инициатива слушателей подхватить их со словами пресекалась становым приставом. Произошли изменения и в училище. Уволили за либерализм директора. Новый же, чех по национальности, «дисциплину ввел, обещая всю нашу революцию перевернуть вверх тормашками» (Там же. Л. 8 об.). Попали под запрет и выступления оркестра в железнодорожном клубе. Но постепенно директорский пыл поостыл, и репетиции возобновились. К старому составу присоединился новый оркестр, который Николай

Алексеевич собрал из ремесленников, бесплатно обучавшихся при училище. Он разучивал с ними репертуар по слуху и учил их нотной грамоте в ходе работы, на репетициях. Сводный оркестр из 25 исполнителей вскоре участвовал в своем первом благотворительном концерте. Выступление открывал «Сводно-гренадерский марш» В.В.Андреева, потом звучали народные песни. Танцевальная пьеса с трогательным названием «Вальсик» и полька были пробой композиторского пера пятнадцатилетнего Николая Медведева. Через много лет в другой стране он будет вспоминать эти годы с чувством удивления. Учеба, работа в мастерских, руководство оркестром, расписывание партий, индивидуальные занятия на балалайке с включением в сольный репертуар произведений классической музыки. А еще в последнем классе он «прочел наибольшее количество книг. Ведя запись прочитанного, я заметил после, что я в тот год, кроме Достоевского и Писемского, прочел всех русских классиков. Отметки были тоже отличными» (Там же. Л. 11).

В городе появился духовой оркестр, ставший вскоре очень популярным. Негласное соревнование между музыкантами прибавило работы Николаю Алексеевичу. Для привлечения слушателей он предложил устраивать в училище музыкально-вокально-литературные вечера с участием учениц женской гимназии. Оркестр разрастался. В его состав входили теперь мандолины и домры. Индивидуальная работа с оркестрантами, подбор репертуара, создание партитур ставят новые задачи. Николай Алексеевич самостоятельно изучил ключи, навыки транспозиции, основы гармонии, овладел фортепьянной клавиатурой. Никогда не видя партитуры, он начал расписывать партии нескольких десятков пьес. Когда музыкант впервые встал за дирижерский пульт, он испытал незабываемое чувство. Он будто слышал свой первый оркестр, когда вспоминал, как «первый раз из-под палочки, сделанной у себя же в мастерских, я почувствовал то, что мне так хотелось передать и я не мог этого сделать, когда играл сам, заглушаемый более сильными 4-мя мандолинами. Никто мне и не показывал, как дирижировать, но я как-то натуральными взмахами давал понять, что я хочу» (Там же. Л. 13 и об.). А хотел он создать яркий музыкальный образ, довести до «сверхкрасоты» вальс «Амурские волны», чтобы в исполнении «слышать

все большие и мелкие волны, затишье и бурю Амура [...]» (Там же. Л. 14). Совсем юный дирижер-самоучка, вставая за пульт, уже знал в деталях продуманную драматургию произведения, услышав даже в самом незатейливом народном наигрыше его душу и неповторимую самобытность. Его любовь и преданность оркестру была отмечена: в день его рождения депутация от оркестра преподнесла ему «серебряный жетон в виде лиры с пометкой 1908–1911 г.» (Там же. Л. 14 об.).

Училище закончено. Детская мечта подражать Суворову обрела теперь реальные очертания. В 1911 г. Николай Алексеевич выдержал экзамены в Московское военное училище, которое находилось в Красных казармах, возле Яузы. Жизнь в военном заведении была регламентирована и строга, учеба занимала все время. Здесь, правда, тоже был свой народный оркестр, но дух казармы ощущался на его репетициях: все делалось по приказу, по обязанности. Николаю Алексеевичу запомнилось лишь одно выступление оркестра в 1912 г., когда праздновали 100-летие Бородинской битвы. В 1913 г. Николая Алексеевича произвели в офицеры. На несколько месяцев он уезжает в Брянск и там готовится к экзаменам в Военную академию.

1 августа 1914 г. объявили войну. Вот как она началась для Николая Алексеевича: «Мы были первыми ласточками. Собирались в 7 дней и уже 4-го августа, в день затмения, перешли границу в Восточной Пруссии. Тишина, даже птицы затихли, а человек стреляет [...]. Летели мы сломя голову спасать Париж, к которому уже подходили немцы в то время, а нам нужно было оттянуть их силы. Приказ был – не оглядываться, а ломить вперед. Ну, 16 августа и доломались. Оттянуть немцев удалось, но ценою двух армий, которые попали в окружение. Между нами и Варшавой почти в 250 километров ни одного солдата нашего не было. Начался плен» (письмо от 24 сентября 1959 г. – Ед. хр. 7. Л. 21 и об.). В немецких концлагерях Первой мировой войны соблюдались права заключенных, установленные Женевской Конвенцией Красного Креста. Пленным офицерам выдавалась даже половина их жалованья с вычетом за питание. Лагерь в Гютерсло, населенный русскими, англичанами, французами, бельгийцами, японцами не был привилегированным. Вот каким он остался в памяти Николая Алексееви-

ча: «...в самом лагере, занимавшем почти полтора километра в окружности и позволявшем иметь две футбольных площадки, одиннадцать теннисных кортов и много других свободных площадок для игр, было отведено место и для театра, который уже был оборудован обитателями лагеря до нашего приезда. По воскресеньям были концерты. Русский, французский и английский спектакли были по понедельникам, вторникам и средам, остальные вечера занимались или бурлесками (комическими шаржами на злобу дня), или выступлениями какого-либо артиста (из пленных, конечно) [...]. В лагере был салонный оркестр, духовой оркестр, русский хор в 65 человек с октавистом Миловидовым, сын[ом] архидиакона из Храма Христа Спасителя» (Там же. Л. 22 и об.). В новом лагере, куда переводят русских пленных после заключения Брест-Литовского мира, Николай Алексеевич изучал немецкий, английский и французский языки, математику. Весь его день был занят уроками: «Или я учил, или я учился. Один приятель-француз насел на меня, чтобы я в совершенстве знал французский язык, и ежедневно утром засаживал за грамматику, а вечером час, а то и полтора мы гуляли в лагере и вели разговор на самые различные темы: литература, география, история, происходящие события и т.д. Начал посещать уроки английского языка.

Здесь я впервые познакомился и с большими партитурами для народных инструментов, которые мы выписали от Циммермана в Лейпциге. Я опять взялся за контрабас. Разучивать мы стали «Руслана и Людмилу» [увертюру] и марш Черномора. Участников было 18. Были только домры и балалайки. Дальше разучивания этих двух вещей не пошло дело, так как революция, обрадовавшая всех, сулила нам скорое возвращение домой, и энтузиазм больше перешел на переживание событий на родине» (Там же. Л. 23 и об.). Лагерная идиллия продолжалась до дерзкого побега американцев. Смелые американские парни устроили побег в полном составе, никого не потеряв и бесследно растворившись на европейских просторах. Наказали русских, отделив их от иностранцев и поселив в местечке Крефельд. Начались скитания по лагерям Европы. В один из них стали наезжать неизвестные военные чины, предлагавшие вступить в армии под командованием «никогда неслыхан-

ных генералов» (Там же. Л. 25 об.). В другом русские пленные встретили людей, бежавших из России от ужасов Гражданской войны. Возвращаться туда они «ни в коем случае не советовали; говорили, что всех офицеров убивают. Переписка с домом оборвалась с 1918 г. Ниоткуда правды нельзя было узнать» (Там же. Л. 26).

Последним был лагерь в Берксене. Здесь немецкая коммандатура объявила об отправке русских пленных в Россию через Англию и выдала свидетельства о пребывании в плену. У Николая Алексеевича в нем стояли даты: 29 августа 1914 г. – 23 мая 1919 г. Он мечтал и верил в возвращение на родину. В одном из своих писем, подводя итог этому периоду, он пишет: «В нем было своеобразие и тоже часть жизни, известная только тем, кто ее прошел. Как видите, кроме балалайки в мою жизнь вошло много, много и другого [...]» (Там же. Л. 27). Северная Франция, опустошенная войной и увиденная из окна вагона, переправа через Ла-Манш, английские названия станций – все это Николаю Алексеевичу виделось уже через призму возвращения домой. Вот Кембридж, знакомое из географии название. Нью-Маркет... А вот эта станция запомнится на всю жизнь: лагерь, составленный из разбитых частей «белой армии». Это известие обдало «как ледяной водой [...]. Как? Затащили, чтобы отправить сражаться против своей родины?! Чего-чего, а уж этого никак не мог ожидать и согласиться с этим, но благоразумие и предупреждение шепотом же говорило, чтобы молчал, так как протестанты уже были под стражей, и их ждала неумолимая расправа» (Там же. Л. 27 об.). Николай Алексеевич быстро сходил с людьми, был добросердечен и вызывал к себе симпатию. Ему помогли английские друзья, которые устроили ему работу в мастерских. Так он избежал вербовки в армию. Была весна 1920 г., когда европейские правительства всерьез столкнулись с проблемой устройства русских эмигрантов, большинство которых оказалось в бедственном положении и нуждалось в помощи. Помощь пришла от Красного Креста. Английское отделение этого международного общества предложило организовать артели, в которых люди объединялись по способностям и умениям: группы переплетчиков, фермеров, механиков и пр. Красный Крест выдавал им ссуды на обзаведение материалами и помещениями. Когда Николай Алексеевич, проработав

какое-то время в механических мастерских, узнал о создании артели балалаечников, он, не раздумывая, вступил и в нее. 32 участника коллектива – мужчины и женщины, некоторые со своими инструментами: домрами, мандолинами, балалайками – пришли на первую репетицию. Недостающие инструменты купили у Пилевина. Он же снабдил ансамбль образцами боярских костюмов. Музыкальным руководителем оркестра стал капитан Вивьен Шатобриан, выдававший себя за ученика В.В.Андреева по классу дирижирования. В помощники он себе взял поручика Медведева. Костяк оркестра составила группа англичан, получивших образование в России и хорошо говоривших по-русски. До революции они жили там с семьями многие годы, работая в английских, по преимуществу торговых, компаниях. Не одно поколение этих бизнесменов хорошо владело русским языком и знало русскую культуру. В Петербурге культурным центром «английского землячества» был Английский клуб. Здесь и зародилась в голове у какого-то любителя экзотики создать оркестр из русских народных инструментов. Люди были не бедные и могли позволить себе приглашать на репетиции самого В.В.Андреева, а в качестве солиста Б.С.Трояновского². Еще один англичанин, адвокат Эрик Смирн³, он же последователь дела В.В.Андреева, создатель и дирижер оркестра русских народных инструментов в Англии, помог зарождающемуся коллективу. Вот как это было... В 1920 г. Николай Алексеевич узнал о существовании оркестра Смиса, который «давал один-два концерта в год и для этого бронировал один из концертных залов Лондона. Все, что получалось на концерте, он раздавал участникам оркестра. За репетиции он давал каждому присутствующему по половине фунта стерлингов. В то время, когда я узнал о нем, я был без нот и инструментов, но меня что-то удерживало обратиться к нему за содействием. Но когда я организовал группу и уже начал выступать, я решился пойти к нему попросить нот. Принял он меня очень сухо и даже с какой-то неприязнью, как мне показалось. С большим трудом он одолжил мне «Камаринскую» Глинки со всеми заклинаниями и предупреждениями, чтобы я ее не потерял. Мне понравилась его такая приверженность хранить вещи, которые мне казались драгоценными, а неприязнь я отнес к тому, что я был русский, а он, по-видимому, что-то против

этого имел. Из программ и нот я видел, что первую революцию времен Керенского они, кажется, приняли хорошо, так как у них я нашел “Гимн обновленной России”, но дальнейшее, по-видимому, не пришлось по вкусу» (письмо от 16 марта 1959 г. — Ед. хр. 5. Л. 3). Нотная библиотека Смиса для Николая Алексеевича представляла просто клад, так как включала практически все нотные издания того времени для русских народных инструментов. Была у Смиса и очень большая коллекция инструментов, среди которых и скрипки работы Страдивариуса. После смерти Смиса в 1935 г. нотная и инструментальная коллекции продавались с аукциона. Николаю Алексеевичу удалось приобрести для своего оркестра домры и балалайки, в том числе и с андреевским гербом. А со временем он стал владельцем смисовской коллекции нот для оркестра народных инструментов. Но это было через 15 лет после первой репетиции интернационального коллектива в 1920 г., на которой выяснилось, что среди оркестрантов есть и такие, которые никогда в руках инструментов не держали и прятались за спины других. Пришлось Николаю Алексеевичу по доброте душевной начать с ними с азов, как когда-то с ремесленниками в первом своем оркестре. На концертах же, где все музыканты обязаны были сидеть в оркестре, прибегали к хитрости: струны с балалаек снимали, а вместо них натягивали веревочки. В общей оркестровой массе такая буффория оставалась незаметной тем более, что этих «музыкантов» запрягивали в последний ряд. Денежное вознаграждение за выступление получали все. Играющие не возражали: не бросать же соотечественников на произвол судьбы!

Так вот начинался первый период жизни в Англии этого не поддающегося унынию человека, способного в трудных обстоятельствах принять взвешенное решение, выстоять под ударами судьбы, где надо — быть гибким, но всегда знающим себе цену, и старавшегося по мере сил помочь тем, кто был слабее его и нуждался в его поддержке. Не бросая механическую артель, которая кормила его, а вскоре и его жену-англичанку, Николай Алексеевич вновь становится за дирижерский пульт, расписывает партии, обучает начинающих, подбирает репертуар. И вот в конце ноября 1920 г. на афишах самого большого театра-варьете «Колизей» лондонцы чи-

тали: THE RUSSIAN BALALAIKA ORCHESTRA. CONDUCTOR: MONS. MEDVEDEFF. Вспоминая о том, оставшемся на всю жизнь в памяти, выступлении, Николай Алексеевич пишет, конечно, и об «удовлетворении» при виде своего имени на афишах и в программе. Но тщеславные помыслы никогда не владели душой этого человека: «Я был удовлетворен, но мне это не ударило в голову, наоборот, у меня мелькнуло опасение, чтобы быть достойным этого отличия и постараться удержать такое место. Я никогда не был наружно волнуемым, не терялся, и всегда у меня было достаточно спокойствия подбодрить людей и успокоить. Сцена огромная и вращающаяся, нам сказали, что это только одна в мире. Мы заняли свой сектор, в котором я поместил всех полукругом, став сам в центре, и только басы были сзади. Все одеты в цветные бархатные кафтаны, женщины в длинных сарафанах разного цвета с кокошниками на головах. Мне как дирижеру только одному был сделан белый бархатный кафтан с лиловыми штанами и рубашкой. Ноты перед каждым. Место в программе самое лучшее: перв[ое] после интервала. Мне поставили ящик, покрытый ковром, чтобы возвышаться над оркестром» (письмо от 24 сентября 1959 г. – Ед. хр. 7. Л. 33 об.–34). За этим выступлением последовали приглашения. Одно из них было от русских, живших в Лондоне и образовавших Англо-русский клуб. Они пригласили оркестр играть во время обеда. Меню этого вечера предлагало, кроме пожарских котлет, музыкальные пьесы из репертуара андреевского оркестра в исполнении русского балалаечного оркестра. В его состав входили и англичане, и русские эмигранты.

Но в 1921 г. оркестр неожиданно распался. Произошло это с приходом Кодлубовского. О нем говорили, «что он только что возвратился из Персии, где был служащим в дипломатическом корпусе царского правительства [...]. Когда-то был правой рукой Андреева в организации самых первых кружков балалаечников из студентов [...]. Слыша о его дирижерских способностях, я сразу же предложил ему взяться за это дело [...]. С концерта я и он пошли вместе, разговаривая об оркестре, его достоинствах и недостатках, и между прочим он спросил меня, не знаю ли я мест, где можно заложить некоторые вещи, так как ему нужны деньги заплатить

за квартиру» (Там же. Л. 36 и об). После нескольких репетиций Николай Алексеевич понял, что не сможет работать с дирижером, который, как оказалось, терпеть не мог соперников. С русской группой оркестра он отделяется от Кодлубовского. Но раскол повлек за собой изменения состава коллектива. Дело было в том, что «старик [Кодлубовский] увел большую часть состава на работу, которую он с агентом достал за моей спиной. Унесли инструменты, костюмы да репертуар [...]. Первый раз мне скрепя сердце пришлось обратиться к англичанам. Желаящие нашлись. Маленький коллектив в 4 человека: пиано, банджо, саксофон и барабаны играли временно в кофейном ресторанчике. Мне понравилась их спокойная игра, и они согласились по окончании их контракта присоединиться к оставшимся трем, нам. А пока банджист взял[ся] изучать домру приму, саксофонист – домру бас. У меня остались балалайка прима, секунда контрабас. Жена взялась за альт, а ее братишка, только что кончивший школу пятнадцатилетний малыш, взялся за другую приму. Барабанщик оказался комиком-мимиком. Пианист прислал за себя молодую пианистку. С альт домры мне пришлось пересесть за приму домру и вести коллектив уже самому, а не полагаться на чужих [...]. Русские вещи пришлось играть те, которые англичане могли схватить сразу, а к остальным я постепенно приучал их на репетициях. Так до 1926 г. я ездил по маленьким городкам, селениям на недельные выступления, а в Лондоне брали все, что предлагали. То на вечеринках, то в клубах, кинематографе, театрах, частных домах. Но везде с русской музыкой» (письмо от 16 марта 1959 г. – Ед. хр. 5. Л. 8 и об.). С приходом англичан, кроме русской музыки, в репертуар оркестра стала входить джазовая музыка: «Пианистка, барабанщик, банджо и саксофон играли самые новейшие номера джаза как будто с серьезным намерением, но барабанщик превращал все в шутку, выскакивая плясать или выкидывая всякие шутки с барабаном. Будучи в русских кафтанах, они еще больше возбуждали веселое настроение. К этим двум основным номерам тенор Халтычин (выступавший под именем Стрельский), с хорошим натуральным голосом и начавший серьезно учиться, давал свои русские номера и две-три английские баллады» (письмо от 9 октября 1959 г. – Ед. хр. 9. Л. 12 об.).

Дела в механических мастерских шли все хуже и «приходили к печальному концу» (письмо от 1 октября 1959 г. – Ед. хр. 7. Л. 39 и об.). Денежные операции Красного Креста, который финансировал артель, велись бесконтрольно. Растраты и огромные долги довели секретаря общества до самоубийства. Артель ликвидировали. Поэтому предложение Пилевина создать оркестр из профессионалов, сделанное Николаю Алексеевичу, было как нельзя кстати. Решили дополнить его певцами и танцорами. Вскоре вновь созданный ансамбль был приглашен Русским обществом представителей искусства на эстрадное представление театра «Любопытная сороконожка» под руководством Федора Комиссаржевского⁴. Музыканты играли в антрактах. В спектакле участвовала балерина Тамара Карсавина⁵, первый президент общества, знавшая нужды русских эмигрантов не понаслышке. В своем письме Н.А.Медведеву она благодарит музыкантов за «бесконечно плодотворную деятельность» и «надеется, что в самом недалеком будущем главные стремления его [ансамбля] к цели будут достигнуты, а именно появится возможность предоставить нашим безработным коллегам не случайный, а какой-либо постоянный трудовой заработок» (Там же. Л. 42).

Для оркестра началась плодотворная концертная жизнь. Появился представитель оркестра по фамилии Гринфельд. Он посоветовал изменить вид ансамбля, имидж, как сейчас сказали бы: не сидеть «истуканами», а улыбаться, добавить пианиста и барабанщика для большей силы звука, а «для картинности» – певицу и танцоров. Решили провести конкурс на лучшего плясуна. Из 200 человек, пришедших попытать счастья, выбрали одного танцора, да и тот оказался индусом, «откуда-то научивш[имся] плясать по-русски, да двух девчат с жизнью в движениях» (Там же. Л. 43 и об.).

Коллективу дали новое имя: «CORPS DE BALALAIKA».

В конце 1921 г. после выступления ансамбля в г. Диле, в театре морской пехоты под названием «Глоб», в местной газете «Mercure» появилась первая рецензия на концерт русских артистов:

«Одаренные русские музыканты в театре “Глоб”».

Одно из последствий войны выявилося в том, что из оказавшихся в Англии эмигрантов несколько из них появились в Диле и дали выдающуюся программу высо-

кокачественной инструментальной музыки в гарнизонном театре. Сразу же в понедельник музыканты завоевали успех у публики. Может, первое бурное приветствие было из симпатии, после прочитанного о них, но в течение всего представления публика бурно аплодировала, отдавая должное музыкантам, и какая же сердечность была в этих аплодисментах! От первых рядов до конца галереи был отмечен одинаковый энтузиазм, и компания, без сомнения, была довольна получить такой прием. Они дали сильную программу печальной и веселой музыки, и, одетые в цветастые национальные костюмы, они напоминали восемь счастливых детей. С горящими глазами и раскачивающимися корпусами они давали номер за номером, веселую и [полнокровную] музыку, вызывая театр притоптывать ногами. С особой отделкой и красотой звучания они артистически передавали более серьезную музыку. У них были также и русские танцы и пение. Здешняя публика, обогатившись превратностями войны, получила возможность услышать нечто особенное в музыке. От всего сердца надо рекомендовать все представление за оригинальность и высшую степень превосходства. Музыка в нем занимает самое лучшее место, а передача, с какой была выражена дорогая, старая мелодия "Home, sweet home", долго не будет забыта» (Там же. Л. 48 об.).

Жизнь странствующих музыкантов была одновременно и притягательна, и трудна. Но благодаря ей они скорее приспособивались к новым порядкам, отношениям между людьми, завязывали новые знакомства, одним словом, укоренялись на новой почве. Николай Алексеевич вспоминает это время с ностальгическим чувством: «Выезжать приходилось в маленькие провинциальные города и прибрежные. В общем, мы входили в самую английскую жизнь. Приезжали обыкновенно на неделю. Останавливались не в отелях, а у хозяек, имевших специальную комнату для одного-двух, а некоторые и больше странствующих артистов. Так что жили в английских семьях. Если это прибрежный город, то семья рыбацкая, а в городках — какого-нибудь рабочего. За неделю так сроднимся, что нередко приходилось видеть слезы у провожающих нас хозяев. Одно бывало тяжело — это выслушивать их горести, которые они почему-то рассказывали моей жене о своей жизни.

Англичане вообще мало кому высказывают свою жизнь и жалобы, а мы как-то являлись для них людьми, с которыми они хотели облегчить свою душу, поведать нам свои тяжести. Тяжеловато было потому, что мы еще были молодые, и сцена приносила нам удовольствие, видя, что мы нравимся публике. Звучание инструментов всегда захватывало их [слушателей] своей необыкновенностью, да плюс к тому, что мы все-таки вкладывали в игру и наше чувство, чего англичане никогда не делают, как бы боясь себя выдать [...]. Со мной согласились разъезжать четверо англичан, игравших в маленьком лондонском ресторанчике как независимая единица (пиано, банджо, саксофон и барабанщик) [...] я их выпускал в программе самостоятельным номером, игравшим джаз» (письмо от 17 июня 1959 г. – Ед. хр. 7. Л. 13 и об.).

Все складывалось наилучшим образом до тех пор, пока группа оркестрантов не заподозрила дирекцию театра, с которым был заключен контракт, в мошенничестве. Недовольные решили снарядить делегацию к директору, чтобы разобраться во всем без посредников. Гринфельд и Медведев отговаривали их. «Гринфельд был потрясен» безрассудством акции и предупреждал, что это неминуемо повлечет за собой расторжение контракта. Когда уговоры не подействовали, он расплакался. А директор, выслушав делегацию, подтвердил, что сумма, указанная в договоре, не нарушена, но он не имеет права показывать бухгалтерские книги. Делегация настаивала. Тогда директор согласился удовлетворить их любопытство, предупредив, что «цена этому будет огромная – коллектив больше никогда не будет принят в театрах-варьете» (письмо от 1 октября 1959 г. – Ед. хр. 7. Л. 50). Истолковав эти слова как запугивание, делегация продолжала настаивать на своем. Тогда директор показал книги. «Цифры были точными. Теперь он уже сухо сказал им не до свидания, а прощайте навсегда» (Там же. Л. 50 об.).

С этого момента наступил, как пишет Николай Алексеевич, 2-й период его жизни в эмиграции. Начался он с прихода в оркестр семьи Волковских.

Волковский-отец бежал еще из царской России, спасаясь от погромов, кочевал по Европе с разными театральными труппами в качестве тенора, позднее сделался антрепренером. Его младший сын профессионально

играл на домре, старшая дочь пела, а старший «сын, Жорж, пришел с домрой. Он не был разговорчив, но сыграл несколько вещей. Такого домриста я еще не встречал. Техника колоссальная. Домра в его руках преобразилась в какой-то журчащий ручеек [...]. Отец играл на контрабасе: как раз то, что нам было необходимо» (Там же. Л. 57 об.). Собрался профессиональный коллектив российских эмигрантов разных «волн». Он оказался настолько жизнеспособным и активным, что в аристократических салонах Лондона стало модным устраивать концерты с их участием. После очередного такого выступления Николай Алексеевич получает приглашение играть со своим ансамблем в доме миссис Гиннес в присутствии королевы. Концерт состоялся 19 марта 1923 г., а через пару дней маэстро Медведев получает письмо, в котором королева выражала благодарность музыкантам. В июле этого года ансамбль был приглашен в дом «знаменитой красавицы леди Дианы Купер» на музыкальный вечер, где выступал Ф.И.Шалапин. В памяти Николая Алексеевича этот концерт сохранился в подробностях: «Когда мы вошли в небольшой зал (было уже после 11 часов вечера), Федор Иванович стоял у рояля, держась за него. Он мне показался огромным по сравнению с гостями, сидящими против него – кто на полу, кто на стульях. Царила непринужденность. Мне показалось, что он вцепился в рояль, чтобы удерживать равновесие, чтобы не упасть. “Должно быть, пьян”, – мелькнуло у нас. Гости весело ему аплодировали и просили спеть еще что-нибудь. Подбор гостей в числе 25 был свой, интимный, из самых сливок великосветского общества. Видно было, что Шалапин куражился и по тому бормотанию вполголоса, что слышали мы, понимающие по-русски, он честил гостей, зная наверное, что из них никто ничего не понимает, а гости приветливо улыбались. “Ну, что я им, этим обалдуям, буду петь, ведь им в жизни никогда не понять русскую песню. А вы что, ребята, играть пришли, что ль? А где же ваши инструменты?” – сказал он, заметив нас, когда мы входили в боковую дверь возле аккомпаниатора. Я ему сказал, что нам отдано распоряжение играть в саду, когда гости сойдут туда. “Ну, ладно, хоть вы-то поймете русскую песню”, – сказал он и пожал мне руку. Рука была горячая. Я ожидал, по росту, ощутить

и большую руку, но она была удивительно меньше моего ожидания, и какая же она была приветливая.

К пианисту он обратился по-французски, который, не доставая нот, сыграл вступление "О, если б мог выразить в звуке...". Федор Иванович пел эту песню по-русски. Первый раз я слышал его так близко. Зная о его голосе так много, я думал, что эта комната слишком мала для него, но каково же было мое удивление, когда я услышал голос, немного превышающий обыкновенный разговор, но забирающийся так глубоко в тебя, что кажется, он все там перевернет своей чувствительностью. Аплодировали ему громко и продолжительно, но мне показалось, что делалось это как будто в шутку. Он только слегка кивнул головой на аплодисменты и почему-то улыбнулся нам, горячо хлопавшим ему. Он опять, повернувшись вполборота, что-то сказал пианисту. Тот улыбнулся, взял аккорд, и Шаляпин спел какую-то итальянскую песенку, во время которой кое-кто из слушателей смеялся. Хозяйка поднялась и повела всех в столовую, нам было предложено спуститься в сад и ожидать гостей.

Играть надо было без пианино, и наш Федоров взял бубен, чтоб не упустить случая повидать Шаляпина, да и получить деньги. Как только в дверях появились гости, мы заиграли марш. Какой-то из гостей с бутылкой шампанского стал во главе колонны и, размахивая в такт бутылкой, замаршировал в нашем направлении, обдавая наряды гостей вином. Один из лакеев быстро, но вежливо, выхватил у него бутылку. Но гостей этот душ, очевидно, мало беспокоил.

Федор Иванович подошел к нам после того, как мы сыграли еще две-три вещи, и спросил: "А что вы мне, ребятки, сыграете?" Мы ему назвали несколько вещей. "Хорошо бы «Ноченьку»", — смотря на эту приятную и редкую для Лондона ночь, — но не поймут, бес их возьми. Ну, давайте сначала «Стеньку Разина», пару куплетов, ковыляйте за мною, как сможете", — сказал он, будучи в очень благодушном настроении. Мы ему еще сыграли "Эй, ухнем", после чего он сказал: "Ну, хватит с них, теперь играйте сами. Спасибо за аккомпанемент, лучше и нельзя бы было. Молодцы, ребята!" Пожав всем нам руки, он присоединился к гостям. Гости опять потянулись в дом, так что нам после еще пары вещей можно было складываться и идти домой» (письмо от 9 октября

1959 г. – Ед. хр. 9. Л. 4 об.–6). Николай Алексеевич вспоминает еще одну историю с Ф.И.Шалапиным, рассказанную ему знакомым агентом. Миф ли это или достоверный случай – трудно теперь сказать: «Дело в том, что Шалапин всегда назначал сумму денег за концерт, и эта сумма должна была быть уплачена перед выступлением. И вот однажды приехал Шалапин дать концерт в этом “Альберт Холле” [Лондон], условившись на 4000 фунтов стерлингов, поверив агенту, что дела в этом “Холле” идут не очень блестяще, и посему сбавил тысячу фунтов. Время было уже выходить на платформу, но Шалапин, по обыкновению, заглянул в зал и увидел его переполненным. Обернувшись к ликующему агенту, он сказал: “А что ж ты говорил, что здесь дела плохие? Ну, так вот пиши чек на 6 с половиной тысяч или пой сам”, – и, не ожидая ответа, он направился к своей артистической уборной. Агенту только и оставалось поскорее вручить ему чек. Федор Иванович никогда на руки не брал, не давал себя проводить никакому агенту» (письмо от 11 ноября 1959 г. – Ед. хр. 11. Л. 13 об.).

Жизнь концертирующих музыкантов, не очень хорошо еще ориентирующихся в местных условиях, во многом зависела от агента или антрепренера. Для маленького оркестрового коллектива содержание своего агента было разорительно. Николай Алексеевич даже пробовал сам налаживать связи с директорами концертных залов, ресторанов и т.п. Но конкуренция здесь была весьма высока, да и опыта не хватало. Наделенный открытым и общительным характером, он имел много друзей в музыкальной среде. Среди них оказалась русская балерина Лидия Кякшт⁶. До революции в России она танцевала в Мариинском театре в Петербурге, перед войной выехала на гастроли в Англию и осталась в Лондоне, где открыла свою балетную школу. Ей нужен был оркестр народных инструментов для танцевального ансамбля, исполнявшего в театрах Великобритании спектакль «Русская свадьба». Посоветовавшись со своими коллегами, Николай Алексеевич согласился присоединиться к этому коллективу. И не прогадал. Объединение оказалось творчески плодотворным. Ансамбль получил очень выгодный годовой контракт на концерты в самых больших городах Англии. Совместная работа продолжалась четыре года. А потом случилось событие, которое перевернуло все вверх

ногами. В Англии в 1929 г. появился «говорящий фильм». Театры стали приспособлять для более доходного кинематографа. Николай Алексеевич даже называет цифру музыкантов и актеров, выброшенных на улицу: более 25 000 человек. Но технический прогресс не застал врасплох медведевский оркестр. Он и тут не остался на обочине. «На нашу долю, — вспоминает Николай Алексеевич, — опять-таки благодаря неповторимейшему звучанию балалайки, выпала возможность производства фильма на 15–20 минут с пением, танцами и балалаечным коллективом. Мы сделали три-четыре таких, пока были новинки. Конечно, звук с экрана был уже не тот» (письмо от 22 октября 1959 г. — Ед. хр. 11. Л. 2 об.). Музыканты стали сниматься в фильмах и как статисты, и как профессионалы. В Лондоне началось строительство больших кинозалов. В их фойе, приспособленных под концертные площадки, очень скоро зазвучала музыка. Оркестр русских народных инструментов часто получал приглашения играть между сеансами. Летние месяцы проходили в гастролях по приморским курортам.

1933 г. стал знаменательным в истории коллектива: он был приглашен на Би-Би-Си. Николаю Алексеевичу пришлось кардинально обновлять репертуар, насыщая его русской классикой и новой советской песней. Понимая, какие возможности открывает радио для популяризации русской музыки, он неделями просиживал в библиотеке Британского музея за клавирами русских опер. Самые любимые и популярные мелодии из них вошли в несколько попури, обработанных Николаем Алексеевичем для оркестра русских народных инструментов. Он вспоминает, «что этот период был самым творческим. Я первым стал передавать по радио советскую музыку [...]. Первые три года работы было так много для меня в смысле писания, что я сносил халаты и сохранил пиджачные пары. Весь пол был усеян нотами, и чуть свет я вскакивал, набрасывал халат и тут же на полу писал, только приподнимаясь взять балалайку или домру, чтобы придумать партию и тут же записать. Протер локти на халате. Не было времени выйти из дому, и я так, не одеваясь, оставался писать. Одевался, пожалуй, только на репетиции, да если бывал значительный перерыв между выступлениями. А сколько страниц надо было написать для певцов!» (Там же. Л. 9).

Одновременно с работой на радио перед самой войной Николай Алексеевич решает начать выступления на эстрадах в парках. Лондонцы 1930-х гг. так же, как и москвичи этих лет, любили отдыхать в парках, любили слушать музыку, звучащую на воздухе. Среди музыкальных коллективов проводились конкурсы за право выступать на открытых площадках. Оркестр Медведева, участвовавший в конкурсе Лондонского городского управления, получил призовое место. Новый круг слушателей требовал изменений в репертуаре. «Надо было играть Чайковского, Рим[ского]-Корсакова, Штрауса, Брамса и т.д., а для этого силенки у народн[ых] инстр[ументов] не хватало. Ввел деревянные духовые и скрипичные. Номера нужно было иметь не меньше пяти мин[ут] продолжительностью. Значит, то, что имелось, надо было соединить в одно, составлять из коротких длинное и писать для новых инструментов. И наоборот, писать Чайков[ского], Брамса, Листа для своих инструментов, приобретая оркестровки обычн[овенных] оркестров» (письмо от 17 июня 1959 г. – Ед. хр. 5. Л. 15 об.). Работа на радио, доставлявшая оркестрантам творческое удовлетворение и прилично оплачиваемая, оборвалась в 1939 г. Началась Вторая мировая война. Некоторые из музыкантов были призваны в армию. Жители Лондона бежали от бомбежек в провинцию. Город опустел. Чувство страха перед бомбежками подавляло волю горожан. И тогда Городское управление Лондона решило в это тяжелое время организовать выступления музыкантов в парках, которые в мирное время так притягивали лондонцев. В первом военном концерте участвовал оркестр Медведева. Это было 25 июля 1940 г. На этот раз состав его пополнился духовыми инструментами и скрипками.

«С июня 1941 года [...] Англия преобразилась», – пишет Николай Алексеевич (письмо от 22–25 октября 1959 г. – Ед. хр. 11. Л. 11). Везде требовались русские артисты, музыканты, танцоры. Вновь созданные благотворительные общества давали концерты в помощь России. В целях организации и координации концертной работы в Вооруженных Силах Великобритании была создана служба ENSA. Ансамбль, руководимый Николаем Алексеевичем, в составе 19 человек – балалаечников, танцоров, певцов – вступает в эту организацию. Концерты проходили на аэродромах, морских базах, в казармах,

госпиталях. Каждое выступление заканчивалось исполнением Гимна Советского Союза. «Гимн был прислан в общество “Музыка рабочих”, членом которого я состоял еще до войны, и они мне его переслали немедленно, как только получили сами, через специально присланный аэроплан. Я в ту же ночь его и расписал для всех, а утром мы уже его выучили, и даже со словами. Какая гордость это была» (письмо от 20–23 ноября 1959 г. – Ед. хр. 11. Л. 23). Оркестр русских народных инструментов под управлением Николая Алексеевича Медведева был первым в Англии исполнителем гимна. Услышали англичане и знаменитую «Священную войну», которую Николай Алексеевич включил в свой марш «Боец». Исполнен он был совместно с Гвардейским оркестром («Колдстрим») в день 25-летия революции в России. Дирижера «Колдстрима» смущал только трехдольный размер песни-марша. Николай Алексеевич не стал спорить, заменил вальсовый размер на четырехдольный. Совместная работа с Гвардейским оркестром и его дирижером была интересна и перспективна, но война безжалостна. Дирижер «был убит в числе многих других, собравшихся в придворной церкви для богослужения по поводу какого-то королевского дня. Налет был не очень значительный, середь бела дня, и одна бомба как раз угораздила в эту церквушку» (Там же. Л. 26 и об.). Все лето 1943 г. оркестр обслуживал восточное побережье Англии, напротив французского берега, занятого немцами. Здесь музыканты сполна ощутили весь ужас и бессмысленность войны. Дни были тихими. Солнце освещало руины, в которые ночью превращались дома, методично расстреливаемые немцами из дальнобойных орудий с французского побережья. Николай Алексеевич вспоминает: «По берегам виднелись дзоты, все было переплетено колючей проволокой, и, конечно, берега заминированы. На море никакой жизни не было видно. По ночам в затемнении были ясно видны сполохи дальнобойной артиллерии с того берега, слышался гул выстрела, а потом звук разрыва уже здесь где-либо, далеко или близко.

Самолеты мало посещали эти районы. В районы Норвича и Ипсвича прилетали одиночки как будто с целью поучиться сбрасывать бомбы. Были они быстроходные и бомбы привозили только небольшие, по одной, чтобы успеть потом улететь обратно без преследования.

Нередко приходилось продолжать выступления, когда зенитки и батареи открывали огонь по [эскадрильям] самолетов, пролетавшим через нас куда-нибудь вглубь страны. Военнослужащие, состоявшие в наряде, тихо покидали свои места, когда громкоговоритель вызывал части для обслуживания. Да, я забыл сказать, — за право смотреть спектакль взималась минимальная плата. Основывалось это на том, что заплативший за вход будет относиться серьезнее, а бесплатный, может, начнет еще и хулиганить» (Там же. Л. 26 об.—27).

Одно из выступлений на южном побережье в депо морской пехоты проходило после Сталинградской битвы, оказавшей решающее влияние на дальнейший ход войны. Победа в ней Советских войск была с восторгом встречена странами антигитлеровской коалиции. И вот английский король Георг VI преподнес защитникам Сталинграда меч, а в одном из приветствий английского правительства говорилось о глубокой симпатии к советскому народу и его великой и успешной борьбе с общим врагом. Чувства симпатии и уважения к России испытали на себе музыканты медведевского оркестра. После выступления, когда уже готовились играть гимны, «нас вдруг остановил поднявшийся из первых рядов офицер. Он оказался командиром лагеря и, взойдя на сцену, произнес речь, в которой он отдал огромную честь защитникам Сталинграда, и сказал, обращаясь к своим подчиненным, что и они должны так же храбро бороться, как сталинградцы. В лице нас он приветствовал нас как сынов такого храброго народа, и в конце, по данному знаку, ему принесли реплику шпаги, но сделанную из дерева, которую он вручил мне с извинением, что она не сделана из металла, который так нужен, чтобы бить фашистов, и, кроме того, они только днем узнали, что мы вечером будем у них. Меня это страшно тронуло, но поступить так, как это сделал Сталин, то есть поцеловать шпагу, я не осмелился [...]» (Там же. Л. 29 об.).

В первые послевоенные годы оркестр Медведева по заданию госпитальной секции ENSA выступает от частной группы «Не забытые», материально поддерживаемой английским Красным Крестом и военным ведомством. Концерты проходят в госпиталях. Об одном таком концерте вспоминает Николай Алексеевич. Состоялся он перед Рождеством 1946 г. в дворцовом манеже: «Уст-

раивается это по приглашению короля под распорядительством этого общества. В манеж свозят до 800 раненых из разных госпиталей. Это или уже выздоровевшие, или выздоравливающие, но, конечно, не те, которых надо приносить на носилках. Для них сервируют чай с закуской, во время которого играет небольшой оркестр и выступают артисты. Чай заканчивается раздачей огромной величины торта, который вывозится на середину, и пришедший к этому времени король или кто-либо из его семьи надрезает его. В этот год король был болен и пришла его дочь, теперешняя королева. После небольшой речи она обошла ряды раненых, удостоив кое-кого обращением, особенно если у кого какая медаль красуется» (письмо без даты [зима 1960 г.] – Ед. хр. 13. Л. 5 об.). Продолжались выступления в парках. Возобновились концерты на Би-Би-Си. Основной же заработок и успех – это игра в ресторанах. Николай Алексеевич не видел ничего унижительного в этой работе. Он не обслуживал жующую публику, а играл русскую музыку, и в этой работе видел еще одну возможность ее распространения. Он был горд тем, что люди, пришедшие «утолить свои желудки», забывали о еде, слушая русские песни. Стихали разговоры и звяканье посуды. Люди слушали музыку, виртуозно исполняемую оркестром. Удивляла красота русских напевов, завораживал ритм русской пляски. У оркестра появились завистники даже среди тех, которые раньше смотрели на работу в ресторане, как на нечто ниже их достоинства. Ресторан хорошо оплачивал труд музыкантов, и на фирму посыпались предложения от множества ансамблей. Появились письма и другого рода. Дирекцию ресторанов упрекали в том, что «в таком популярном месте для английского народа играют иностранцы; их музыка звучит той, которую играют за “железной занавесью”. – Она – красная [...]. Письма (анонимные) приходили и на наше имя, пытаясь перессорить нас между собой, оскорбляя нашу пианистку, которая была еврейского происхождения» (Там же. Л. 23–24 об.).

Летний сезон 1962 г. был, как всегда, насыщен выступлениями. В репертуар оркестра входило около 500 произведений. В нем появились произведения Н.П.Будашкина. Николай Алексеевич и сам пишет новые танцы для танцевальной группы «Балалайка»: «Все они

англичане, молодежь. Удивительно энергичны. Днем работают, а по вечерам практикуют. Есть такие “присядочники”, что и нашим придется подивиться на них. Вот только с певцами беда. По-русски не запоешь так легко» (письмо от 9 февраля 1963 г. – Ед. хр. 13. Л. 39). Это фраза из последнего письма Николая Алексеевича Медведева Б.А.Воробьеву. Оборвалась переписка со смертью Николая Алексеевича.

Письма из России много значили для Медведева. Благодаря им он чувствовал связь с родиной, а себя осознавал русским музыкантом. Ему важна была оценка его деятельности именно соотечественниками. Он видел в своих невидимых собеседниках и заинтересованность, и понимание его творческих замыслов, а иногда и искреннее удивление и восхищение его неиссякаемой энергией и фантазией. Они подкупают чувством самоотдачи, свойственной этому музыканту и в жизни, и в музыке. «Ваши письма, – пишет Николай Алексеевич Б.А.Воробьеву, – которые так отрадно читать, всегда поднимают массу переживаний. Хочется много, много говорить о каждой строчке, о каждом слове. Вы так же, как и я, переживаете все, относящееся к нашей родной балалайке [...]» (письмо от 28 января 1960 г. – Ед. хр. 11. Л. 41).

Вот эту-то родную для Николая Алексеевича тему хочется затронуть в конце обзора. В письмах послевоенного времени он часто касается вопросов организации и репертуара оркестров народных инструментов, совершенствования балалайки и исполнительского мастерства. Имея теперь возможность приезжать в СССР, он бывал на концертах народных оркестров и хоров. Их грандиозный состав превышал всяческое воображение западного человека. Ему, слышавшему «живьем» последний раз русский народный оркестр в 1914 г., многое в них кажется неприемлемым. Он чувствует потерю первоначальности и самобытности каждого отдельно взятого инструмента и особенно балалайки в созданных в 50-е годы невообразимо разросшихся коллективах. В одном из писем он высказывает свое отношение к этому увлечению массовостью, повлекшему потерю индивидуальности: «Я сроднился с балалайкой, я живу ею. Что я могу сказать о других народных инструментах? Что я знаю о них? Почему баян стал народным инструментом? Он инструмент рабочего. Рабочий в нашем смысле поя-

вился после, а раньше были только работники. Вот работники всего мира и находили себе утешение и веселились в Италии с мандолиной, в Испании с гитарой, в Англии с лютней, в Германии с цитрой, а у нас с балалайкой. Усилился шум в работе, и с ним работник перешел в рабочего. Ему понадобилось излить свою душу громче, разностороннее, и появились гармошки, гармоники, концертны, баяны. Они стали входить в народ. На них, пожалуй, не надо и столько трудов потратить, чтобы играть все, что ни захочешь. С бедной балалайкой надо повозиться. Она ограничена для слабого игрока. Андреев развил ее, усилил ее еще другим народным инструментом — домрой. Он попробовал гудки. И уж, наверное, его зоркий глаз и его музыкальность не прошли мимо гармошек, но он их не тронул. Он предпочел ввести плохо стрившиеся свирели, жалейки, рожки и брал их только для эффектов. И не потому он их не трогал, что они были неусовершенствованны, а просто не сливались у него чувства соединять балалайку с гармоникой. Вы можете понять мое чувство, когда я слышу из Москвы оповещение, что выступает оркестр народных инструментов. Я весь собираюсь, настораживаюсь и прямо-таки впиваюсь, чтобы послушать родную балалайку. Но как редко слышишь эту народницу в народных оркестрах. Ей не дается ее красота — баяны кроют все. Да и как ей выделиться, если вещь неподходяще для нее написана. Написать вещь или аранжировать, сидя за роялем, это одно дело, а совсем другое дело написать, имея в руках инструмент. Теория — это одно, а практическая возможность — другое. Много и много раз я сожалел, что название “балалаечный оркестр” заменили “народных инструментов оркестр”. Ведь существуют же струнные оркестры в отличие от симфонических, эстрадных и др., так почему бы и с балалайкой не сделать того же. Пускай композиторы изощряются и пишут все, что угодно для народных оркестров, и пробуют свои силы на этом, но балалайке нужно то, что она с честью может выполнить. Вот, кажется, Александр Иванович Алло это и отстаивает со своим коллективом. Балалайка была на высоте, и ее надо держать на высоте. Она дает свою самобытность, как дают уральцы, сибиряки в отличие от хора, руководимого Свешниковым⁷. Уральцы потеряют свою ценность, если они потянутся за Свешниковым. Пускай даже будет так, как люди, идущие слу-

пать оперу, редко ходят слушать оперетку, и наоборот. Многим по душе Свешников, и на уральцев пойдут только в виде снисхождения, но самобытность уральцев от этого не потеряет, и ими будут восторгаться и чувствовать не меньше людей. Оркестр народных инструментов легче организовать, имея теперь такой большой запас хорошо обученных игроков: не беда, если одна секция, а именно балалайки, окажется слабенькой, их [балалайки] всегда можно перекрыть другими инструментами. А вот в балалаечном оркестре каждый игрок отвечает за себя, являясь главным выразителем красоты инструмента и того, что он играет. Вы знаете, что на балалайке народные мелодии звучат выразительнее и чувствуются они ближе. Даже и балалайку можно испортить механизацией. Возьмите, например, балалайку и сыграйте без усилителя и с усилителем, разница заметная. Или наиграйте на ленту магнитофона и послушайте, что он Вам "наиграет". То, да не то. Какие тонкие должны быть механизмы, чтобы хорошо передать балалайку. Не надо стесняться того, что не все можно сыграть на балалайке, она обладает своим колоссальным репертуаром, но его надо сыграть, а не отбарабанить» (письмо от 19 октября 1959 г. – Ед. хр. 9. Л. 18–19 об.).

Николай Алексеевич Медведев, невольный российский эмигрант, всю свою жизнь вдохновенно и самоотверженно играл свою песню во славу русской народной музыки. В эту песню вплетались голоса украинских, еврейских, английских народных мелодий. Они приходили вместе с их исполнителями в русский народный оркестр под управлением Николая Алексеевича. Люди разных национальностей – музыканты, певцы, танцоры – придавали ансамблю полифоничность в прямом и переносном понимании этого музыкального термина. Как различные инструменты оркестра, каждый из них вносил в общее звучание своеобразие, индивидуальность. Это помогло им остаться профессионалами в условиях жесточайшей конкуренции и сохранить чувство собственного достоинства в изгнании.

Примечания

¹ Андреев Василий Васильевич (1861–1918) – музыкант, виртуоз-балалаечник. Организатор и руководитель первого в России оркестра народных инструментов.

² Трояновский Борис Сергеевич (1883–1951) – виртуоз-балалаечник, играл Л.Н.Толстому в Ясной Поляне.

³ Смирн Эрик (ум. 1935) – адвокат, руководитель Лондонского балалаечного оркестра, дирижер, антрепренер.

⁴ Комиссаржевский Федор Федорович (1882–1954) – драматург и оперный режиссер, брат В.Ф.Комиссаржевской. Эмигрировал в Лондон, где открыл театральную студию.

⁵ Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) – балерина, автор мемуаров «Театральная улица».

⁶ Кякшт Лидия Георгиевна (1885–1959) – балерина, педагог. С 1908 г. жила в Лондоне.

⁷ Свешников Александр Васильевич (1890–1980) – хоровой дирижер, профессор Московской консерватории.

«ЧУДАК, ДУРАК, “ПИСАТЕЛЬ”, БОГАТЕЙ...» (Александр Буров и его корреспонденты)

Обзор С.В.Шумихина

В декабре 1990 г. в РГАЛИ был переведен со спецхрана на общее хранение архивный фонд № 2274 писателя Александра Павловича Булова (1876–1957?), когда-то переданный владельцем в Русский культурно-исторический музей. В 1945 г. документы и экспонаты музея были переданы в дар СССР его создателем, высланным в 1923 г. из России последним секретарем Льва Толстого В.Ф.Булгаковым.

Собственно говоря, обзор фонда Булова требует сосредоточения на его эпистолярной части. 15 рукописей писателя не содержат неопубликованных произведений. Мало интереса представляют и фотокопия издательского договора с «Иллюстрированной Россией», и паспорт, выданный Булову в 1920 г. литовской дипломатической миссией. Среди собранных Буловым материалов, которых очень немного, следует выделить альбом А.М.Ремизова (впоследствии Булов сильно невзлюбил писателя-каллиграфа) под названием «Корочун». Это переписанный прихотливой ремизовской вязью текст из его книги «Посолонь» (Paris: Таир, 1930). На титульном листе такой же вязью, с преогромнейшей, на полстраницы, «парафой»: «Этот альбом принадлежит Александру Павловичу Булову, доставшийся ему на его счастливый номер беспроигрышной лотереи. А.Ремизов. 2 VII 1934. Paris».

Иллюстративный материал представлен очень скупо. Имеются два снимка самого Булова (1937 г.) и фото с дарственными надписями от А.Ф.Даманской и Осипа Дымова (оба – 1930 г.). Да еще Бунин в письмо из Канн вложил свое маленькое фото, сделанное на знаменитой набережной 21 июля 1933 года.

Совсем другое дело – переписка. Среди корреспондентов Бурова: Г.В.Адамович, М.А.Алданов, А.В.Амфитеатров, И.А.Бунин, Сергей Горный, Р.Б.Гуль, Дон-Аминадо (1 письмо), О.И.Дымов, Б.К.Зайцев, М.А.Осоргин, С.А.Сokolov (Кречетов), В.П.Крымов, Lolo (Л.Г.Мунштейн), Н.А.Оцуп, А.А.Плещеев, П.М.Пильский, А.М.Ремизов, Н.А.Тэффи и др.

Возникает вопрос, чем было вызвано такое внимание видных литераторов русского зарубежья к писателю, забытому наглухо, чье имя мало что говорит даже специалистам? Глеб Струве в свое время писал о Бурове не слишком комплиментарно: «В нем чувствовался “бытовик”, немного напоминающий Шмелева, но с большей дозой юмора. Им было издано несколько книг [...] о которых одобрительно отзывались и старшие писатели (Бунин), и критика (Адамович). После войны Буров стал выпускать в Голландии странные книги (одна из них называлась “Тяжко без Сталинградской России...”), в которых были и плохие стихи, и не менее плохая “патриотическая” публицистика, и злобные выпады против чуть ли не всех политических деятелей эмиграции, и самореклама. Книжки эти очень смахивали на графоманию. В 1955 году Буров выпустил большой роман “Бурелом” – о недавнем прошлом России. Роман этот тоже производит впечатление графоманства» (*Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 2-е изд. Париж, 1984. С. 307–308). Мнение о качестве произведений Бурова можно было сформулировать еще жестче¹ и вряд ли кто-нибудь из читателей одолеет этот библиографический груз, однако не становится понятней, отчего мэтры русского литературного зарубежья уделяли столько драгоценного времени и своего внимания такому ничтожному в литературном смысле коллеге. Ответ оказался достаточно прост, а причины такого отношения к Бурову лежащими вне литературы. Но об этом речь пойдет ниже, а вначале представим нашего героя.

Александр Павлович Буров (настоящая фамилия Бурд, литературный псевдоним в России – Бурд-Восходо-в, по фамилии жены, из семьи московских мануфактурщиков) родился в 1876 г. в черте оседлости в Подольской губернии, в бедной еврейской семье. О своем детстве он писал в автобиографии, посланной им в 1953 г.

С.К.Маковскому: «...Родился я, как привычно говорят, в честной, но очень бедной семье. Отец мой тоже владел двумя ногами, но одна была короче другой... и служил он в каком-то несчастном полумрачном магазинчике – галоши продавал, – и каждую пятницу радостно маятником “бежал”, подпрыгивая, на минутку домой, и все мы (9 человек) из окна, ожидая, видели его прыгающим и радостно помахивающим одной рукой, в которой солнечно развевались шесть рублей полученного им жалованья за неделю. И были мы “сыты” всю целую неделю до следующей пятницы. [...] А я, не достигая еще стола (из-за малой пищи), в возрасте 12 лет так же, как и мой дорогой несчастный отец, уже стал зарабатывать: первоначальной грамоте, три раза в неделю, обучал я дочку соседа, который торговал рыбой и молочными продуктами. И денег (3 рубля в месяц) получал я только рыбой и творогом. И никогда никто не ел таких вкусных пирогов, мамочкой моей, и поныне слезно любимой мамочкой, изготовленных! [...]

Мне, конечно, до Гоголя и Достоевского еще 15.000 километров осталось, но, за стол садясь, чувствовал я себя неизменно в родстве с ними, и – в неизменно большой ответственности. Что мог, то и дал. И был ко мне как к писателю Господь Бог Литературы Русской чрезвычайно милостив. А еще наилучшей моей наградой – письма (63 письма!) от читателей. [...]

Считают еще меня и человеком доброго сердца. Подумаешь, какая заслуга? [...]

Осталось мне жить, т.е. писать еще не больше нескольких лет: родился я, по старому стилю, “по документам” 14 января 1870 года, а значит в ближайшем январе мне, с Божьей милостью, 84 года. Но и в 84 года, в часы отдыха и спорта, мы с легкостью ломаем еще и лошадиные подковы... А питаюсь я давно уже: утром чай с сухарями, в 2 часа СОБСТВЕННОРУЧНО готовлю себе котлетки рубленные, два раза в неделю с чесноком. А там и итальянские макароны-спагетти в томате. Остальное время – яблоки и апельсины.

А 27 февраля 1917 года состоялось всероссийское великое торжество [венчания. – С.Ш.] свободы с чертом. И я в огромной толпе на Невском вместе с ней надрывался: “Долой лакейских чаевых!” Но вдруг меня стошнило и я укрывался в ресторане Палкина. Факт. А 25 октября – уже и

кровоизлияние с погребением этой свободы и трехсотлетней Великой Державы. Состоял я тогда еще одним из главных инженеров на заводе “Феникс” на Помостровской набережной, и все старики рабочие не только меня уважали, ценили, – бывали и в гостях у меня запросто дома. Но молодежь, распропагандированная, усадила меня на угольную тачку и вывезла меня, под улюлюкание пролетарское, на улицу...

И ушел я пешком домой, на Жуковскую улицу номер 31, в собственный семиэтажный, буржуазный дом, недалеко от дома газеты “Речь” Милюкова... Что ж, пора и отдохнуть. А Стеклов-Нахамкес, – помощник Ленина по лозунгам “Грабь награбленное” – обворовывать стал все сейфы и – мой с миллионным состоянием акций Владикавказских железных дорог...

И “отдыхал” я не больше четырех дней: плавка меди на заводе “Феникса” пролетарскими специалистами давала в эти дни браку в сотни тысяч рублей. Да и многое другое не ладилось на заводе. И вдруг – ко мне гости на дом!? Старик и молодежь, та же молодежь: “Не обижайся, отец, и прости... и вернись, отец родной!.. Ну, была беда... Революция! Вернись, отец!.. Во имя Ленина и Маркса!.. Не обижайся!..”

Долго я не “ломался”, но условием поставил: вернусь, но на той же угольной тачке в открытые ворота на заводской двор доставите! И торжественно ввезли, и было ура... ура! Но тихо готовился я уже к бегству» (Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 549. Л. 1–4).

О своей литературной деятельности Буров писал с большим: апломбом, нисколько не смущаясь довольно напряженными отношениями с русским языком:

«В ноябре 60 лет назад [написано в 1953 г. – С.Ш.] моя первая оригинальная драма поставлена была в Одесском городском театре известной актрисой ГОЛУБЕВОЙ (женой златоуста московского Малянтовича), а через год в другом известном театре, в Киеве, театре Соловцова та же пьеса (“ЧЕМ ЖИТЬ”) поставлена была известнейшим тогда артистом Евг. Яков. НЕДЕЛЬНЫМ в свой бенефис. Сегодня я бы ее... сжег.

А пятьдесят лет назад первая моя повесть “Гимн безумию” появилась не то в “Одесских новостях”, не то в известном журнале “Театр и искусство” в Петербурге – трудно мне в полностью припомнить.

Список же всех пьес, оригинальных и переводных и обобщенных ВСЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ РОССИЮ, и “Малый театр”, и Суворинский² – этих пьес найдете в одной из моих книг, о которых вспоминает мой давний петербургский друг Плещеев³. И все классические немецкие пьесы в моем переводе, Гауптмана, Зудермана и т.д.. – “Ган[н]еле”, “Ткачи”, “Потонувший колокол”, “Да здравствует жизнь”, “Честь” и т.д. по несколько десятков раз ставились и – КОРМИЛИ ВСЕ ТЕАТРЫ, – свидетельница живая еще Е.Н.Рощина-Инсарова⁴ и другие, полуживые еще, за рубежом.

А последней моей пьесой должно считать “В царстве теней”, а в работе еще – трагедия для стареющей Греты Гарбо!» (Там же. Л. 1).

Пьесы в переводах Бурова относились к разряду кассовых, ставились в десятках театров, столичных и провинциальных, по всей России, принося переводчику в совокупности даже больший доход, нежели его солидные инженерные должности.

Искать своего места в России советской Буров и не пытался. В эмиграции, куда он попал, перейдя 27 февраля 1919 г. польско-германскую границу пешком, «в одном брезентовом, до земли, пальто» (жена заболела и умерла, не вынеся путешествия на крестьянской подводе в 23-градусный мороз из Вильно до Ковно), Буров жил вначале в Берлине, затем в Париже, затем переехал в Голландию. Во время войны, с 1940 по 1945 г. – он снова в Германии. Как ему, еврею, удалось не только уцелеть при нацистах, но и успешно вести свой бизнес, – остается загадкой. Как бы то ни было, Буров нашел применение своим навыкам инженера-кораблестроителя, а также занялся коммерцией. Достаточно быстро ему удалось встать на ноги, а позднее и разбогатеть. Спустя почти два десятка лет, для Европы напряженных и кризисных, парижский корреспондент рижского журнала Мата д’Ор мог написать о Бурове, что тот «...после Крымова самый обеспеченный материально человек среди всей нашей литературной семьи Парижа» (Для Вас. Рига, 1937. № 7. 14 февр. С. 19; псевдоним принадлежит Н.Н.Брешко-Брешковскому).

Сравнение с Крымовым не случайно: Владимир Пименович Крымов (1878–1968) и в царской России был почти миллионером, но заграничный капитал бывшего

директора русско-французского общества «Проводник» и коммерческого директора суворинского «Нового времени», который вдобавок с 1913 г. выпускал небывалый раньше в России глянцевого «журнал красивой жизни» «Столица и усадьба», составили не гонорары (они шли исключительно за переводы, а по-русски все свои сочинения Крымов издавал за свой счет). Крымов сделал свой капитал на посредничестве в торговых операциях между СССР и разоренной репарациями Германией, когда после Рапалльского договора 1922 г. такая торговля началась⁵.

Весьма состоятельным человеком утвердился в эмиграции и Буров, чьи инженерные способности оказались в полной мере востребованными в странах Северной Европы. Инженером он был, судя по всему, первоклассным. Буров консультировал Королевскую верфь Амстердама, дирекция которой за 15 лет отличной работы преподнесла ему, как он писал в автобиографии, «булавку с цифрой 15, усыпанную бриллиантами. Вот вам и инженер... царской тирании» (Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 549. Л. 4).

В паузах деловой активности снова занявшись «для души» литературой, Буров перешел с переводов на оригинальное творчество. Своим произведениям он давал броские, рекламные заглавия: «Гимн безумию», «Жизнь окаянная... Жизнь зарубежная...», «Господи... Твоя Россия...», «Певец зарубежной печали. (Книга священного гнева)», «А Марианна тоже хохотала», «Его действительно последняя любовь», «Хризантемы и фильдекосовые чулки». В середине 1950-х появились даже французские переводы: «Vivre, aimer, croire» и «Sous les honts de Paris» (см. рецензии за подписями И.С. (Ильи Сургучева?) в «Возрождении», 1955, № 43 и Д.В. – там же, 1956, № 52). Всего же вышло «...беллетристических книг 18, в том числе трилогия “Бурелом”, роман-летопись поколений последних императоров. Автор дерзает полагать, что его “Бурелом” – продолжение “Войны и мира”», – заявлял Буров в цитируемой автобиографии. И дальше: «...мой большой роман только чуть ниже [...] “Войны и мира”. А знатоки-рецензенты найдут его, пожалуй, еще и “памфлетом”!? Что ж? Ничего я не имею против попасть в памфлетисты заодно с Достоевским (“Бесы”) и Писемским (“Взбаламученное море”). Бедный Лев Николаевич, Бог вселенского романа! Как и Тебя, Бога русско-

го романа, бранили после появления “Войны и мира”!» (Там же. Л. 3).

19 мая 1947 г. Буров написал из Амстердама в Париж старому знакомому Я.Н.Блоху, бывшему главному редактору и одному из совладельцев издательства «Петрополис»: «Дорогой друг Яков Ноевич, – только что вычитал я в № от 16 мая “Русские новости”⁶ – Вы живы!!! Господи, как хорошо, что сохранил Ты еще этого милого, хорошего человека!»

Откликнетесь немедленно, Яков Ноевич! Завяжем, быть может, новое дело – издательское, с Вашей помощью, Вашими знаниями!

А где наш милый Каган⁷? В Бельгии, или ?!!!... Behute Gott!..*

Адресуйте:

Monsieur Al. Bourow.

Что жена, что сестра и Горлин, – эти дивные, христианские [так! – С.Ш.], сверходаренные люди?⁸

Готовы, за последние 11 лет, с 1935 г. неск[олько] крупных рукописей. И одна скоро поступит в печать.

Ее главный титул:

ТЯЖКО МНЕ БЕЗ РОССИИ:

Баллада Русь.

Баллада Именитые современники.

Баллада На земле мир...

Настольная праведная книга для грядущих поколений.

С предисловием:

Литература. Критика. Политика. Вожди. Идеи. Времена.

Страниц 300.

То 9-ый том.

Откликнитесь! Вернулся я на днях из Лондона, где гостил я 5 недель у моей дочери (и 2-х внуков-близнецов, 10-летних) – в их отличной усадьбе,

1 1/2 часа [езды], под Лондоном.

Крепко жму руку.

Ваш Буров.

Откликнитесь!!!!» (Ф. 2853. Оп. 1. Ед. хр. 6).

На обложке письма разбиравший летом–осенью 1968 г. фонд «Петрополиса» в Женеве у вдовы Блоха Елены Исаковны Леон Адольфович Гринберг, благодаря доброй воле которого архив попал тогда в ЦГАЛИ, оставил лако-

* Упаси Бог! (нем.).

ничную характеристику Бурова: «Чудак, дурак, “писатель”, автор ряда книг, богатей».

До последних лет жизни Буров живо интересовался литературными событиями, хотя сам был бесповоротно вытеснен на литературную обочину. Об этом говорит его письмо от 18 октября 1955 г. к С.К.Маковскому: «Читали Вы книгу Адамовича “Одиночество и свобода”? Куда делась *литературная совесть* этого моего большого приятеля тридцатилетней давности?! Писать о... фельетонистке Тэффи, приписывать ей гоголевские слезы через смех (??) и ни единой строкой о нас?! Ни о Вас, ни слова о Крымове, ни звука о Г.Иванове, ничего об А.П.Б., – куда же еще переть?! Хотя немало рецензий (и лестных) писал о моих книгах, но – нас в книгу не включил». А в письме от 27 декабря встречаются такие оценки: «...в “Н[овом] р[усском] сл[ове]” появилась сочиненная, вымученная болтовня Кодрянской⁹ “Лето с Ремизовым” – можно было подумать, “Лето в Ясной Поляне”! Эдакая дурища!..

А он, этот Алексей Аввакумович Чемизев-Ноздрев, наверное и ее принимал нарочито, как меня и Ф.Степуна, в грязных кальсонах, женской куцавейке и – тряпкой-чалмой на волосах в перхоти!.. И как плакала, буквально слезами заливалась жена этого “клоуна и циркача” Серафима Павловна, провожая меня: “Это он, циркач и клоун, ожидая Вас, костюм сбросил и вырядился, негодай, клоуном циркачом... Если б только люди знали его, как я, несчастная!..” Утешал я ее и – обычно с приложением¹⁰ (Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 163. Л. 49, 50 и об.). В свое время, когда отношения между Буровым и Ремизовым еще не были нарушены, меценат прислал писателю индейку к рождеству. 21 декабря 1933 г. Ремизов писал «Очень растрогали меня вашим “лот[ерейным] билетом”. На меня напасти: одно за другим – в литературных делах – приготовился и к третьему. А вдруг ваше письмо – “индейское”. Очень благодарен вам», а Буров сделал на письме примечание: «Из моей литературной премии, – как-никак, лауреат я, по литер[атурному] конк[урсу] “Иллюс[трированной] России”, – отправил я этому милому каллиграфу – индюка на рождество!.. Для памяти... Для... потомства...» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 9)¹¹. Но уже два с половиной года спустя, передавая свой архив в музей В.Ф.Булгакову, Буров вспоминал о Ремизове в совсем другой тональности:

«Пришел он однажды ко мне в Hôtel “Majestic” – впервые с визитом, и – что скрывать, – в ужасном виде.

Все, что на нем было, все лохмотья с... Господи!.. Господи!.. писательскими “меблированными” блохами и клопами, – приказано было слуге – забрать, и доставить в ванную комнату, когда “барин будет в ванне”, – доставить туда свежее (мое белье, костюм, дождевой плащ и даже котелок, – конечно, полдюж[ины] платков), – и просить “его exelenz” – к обеду (это было около 5 час. дня).

И давал я (что мог) в течение 2–2 1/2 лет, и натурой, и наличными ему же лично, и домой приносил, – однако, до одного черного (для меня) дня! А именно. В одном паршивеньком “зеленом” журнальчике, летом 1936 (?) или 1935 (?) года, в Париже, этот Аввакум Мефодиевич *вслась выругал*... Чехова, за то, мол, что Чехов посмел возвращать ему, “Ретвизанову”, рукописи с отеческим советом – “попроще и не юродствовать”. С этого момента, после моего “сильного” письма к нему, – я... “потерял” Аввакума!.. но частенько, через Зеелера¹² (чтоб не знал, с-с!..) передавал я ему мелочи.

И этот “Ретвизанов” тоже красуется в моей “Книге Священного гнева»” (Ф. 2226. Оп. 1. Ед. хр. 532. Л. 14 об. Письмо от 18–19 июля 1938 г.).

Вернемся, однако, в 1930-е годы. Ненадолго Буровым завладела идея издавать свой собственный журнал. Он обратился ко многим известным писателям с предложениями о сотрудничестве. И.А.Бунин в письме от 27 февраля 1931 г. от сотрудничества в предполагаемом издании, впрочем, отказался сразу:

«Многоуважаемый Александр Павлович,

Очень благодарю Вас за любезное письмо и за все, что Вы прислали мне. Желаю успеха Вашему журналу, но боюсь, что ничем не смогу быть ему полезен, – занят большой вещью, а все небольшое, что пишу между делом, должен отдавать “Последним Новостям”.

С удовольствием прочел уже некоторые Ваши рассказы» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1. Последнюю фразу Буров подчеркнул красным карандашом).

Уже в начале марта того же года идея журнала была оставлена. Писательница Августа Даманская, жившая в Праге в полунищем состоянии и знавшая Бурова еще в детстве как приходившего к ней гимназиста-репетитора,

получив от него денежное вспомоществование (на ее письме помета Бурова красным карандашом «Послал ей 5 мар[та] 1800 фр.», — судя по скорости получения, очевидно, телеграфом), в письме от 6 марта 1931 г. упомянула о неосуществившемся журнале с облегчением:

«Дорогой Александр Павлович, спасибо сердечнейшее, спасибо многократное. Бог воздаст Вам сторицей. У меня не было не только чем уплатить за свой скромный пансион, — на марку сегодня утром не было. Страшно рада я также, что Вы исцелились, наконец, от желаний издавать журнал, нажить себе врагов и за это удовольствие поплатиться несколькими десятками тысяч франков. Много в письме не сказать, бумага далеко не все терпит. Но когда встретимся, я Вам многое любопытное и пикантное расскажу из “литературно-эмигрантского быта”. — Если Вам доставили удовольствие добрые обо мне отзывы, то меня это глубоко трогает. Я же лично давно, давно знаю им цену, и давно, давно накапливается во мне горечь, и дивиться надо лишь тому, что я еще не захлебнулась, не утонула в ней. И, скажу откровенно, я очень часто и страстно жалею о том, что уехала из России. Во-первых, Алекс[андр] Рафаил[ович]¹³ бы жил, я в этом не сомневаюсь, и мои бесчисленные огорчения и печали в эмиграции — быть может, посланы мне в искупление (но какое же искупление, когда мука осталась) — за этот себялюбивый отъезд, в котором был и вызов: а вот могу и совсем оторваться, могу собою одною наполнить свою жизнь. И, не говоря о том, что я провалилась позорно в этом испытании на “свободу” — мне кажется, мне во всех отношениях было бы в России лучше. Луначарский три года тому назад на конференции с французскими писателями говорил обо мне, что вот “чудачка Даманская уехала из России, где ее так ценят и где она была бы завалена работой”, — между прочим, Луначарский один из первых, он и покойный Айхенвальд, отметили мое появление в литературе очень сочувственно. На Кельнской выставке печати в 1928 г. — бывший заведующий госиздатом Ионов, с которым приходилось работать в 1919–20 гг., перед бегством из России, и с которым я всегда грызлась, хотя и считала, и считаю его теперь — порядочным человеком — убеждал меня вернуться в Россию: вы нам нужны, мы вас в обиду не дадим и т.д. —

Но после всего, что я писала десять лет, мне вернуться, конечно, теперь – значит прямо в петлю.

Моя жизнь в эмиграции состоит из двух с половиною лет покоя и успешной как будто работы, и из восьми лет непрерывных мук в подлинном, унижайшем смысле этого слова.

Я Вам писала о д-ре Сергее Михайловиче Пистраке, который издавал альманахи “Грани”, несколько отличных оригинальных и переводных книг, журнал – “Бюллетени иностранной литературы” и проч.

Я была членом редакционной коллегии, получала жалованье, была еще завалена переводной работой от изд-ва “Нева” – Эфрона¹⁴, “Мысль”, “Огоньки”. – Это были золотые годы издательской эмигрантской жизни. С инфляцией, с экономич[еским] кризисом все рухнуло и началось мое “хождение по мукам”. – Я была одно время на жалованьи в “Днях” – газета прекратилась. На субсидии я “пристроиться” не сумела. – Мне было бы неприятно, если бы Вы передавали это кому-либо с моих слов – но, за исключением Осоргина, Алданова и меня, субсидии получают *все без исключения* эмигрантские писатели. Одни из Сербии, другие из Чехии, третьи и из Сербии, и из Болгарии, и из Чехии, четвертые от жемчужного короля Розенталя¹⁵, пятые от меценатов, которых умеют находить, шестые из Америки и т.д. – Знающие меня хорошо, знающие, как я бьюсь, все же изумляются, как я живу, как я изворачиваюсь...

Скажу Вам чистосердечно, если бы не внезапное Ваше появление на моем горизонте, мне никакого выхода не было бы, как в воду или в петлю... С “Послед[ними] нов[остями]” – я в последнее время грызусь. С ними очень, очень трудно ладить, и недаром ушел Осоргин, ушел Талин¹⁶... Опять-таки, всего на бумаге не сказать. Восхитительно Ваше пожертвование – о котором сообщили “Послед[ние] нов[ости]” – я похвастала им здесь перед моими знакомыми. Вот, дорогой Александр Павлович, страничка из моей биографии. Посудите сами, много ли остается душевной свежести на восприятие похвал и комплиментов... У меня на целую книгу хвалебного материала: статьи обо мне и письма читателей и почитателей. На них пальто теплого не купить, а я, хваленая А.Ф.Даманская, всю зиму ходила в подбитом ветром пальто и закончила сезон плевритом.

Мне лучше теперь, за тревогу о моем здоровье благодарю Вас от всего, всего сердца. — Перед тем, как уехать из Сокольского отеля¹⁷, — надо было, понятно, расплатиться там. Денег не было. А по счету накопилось порядочно. Об этом знали здесь и сочувствовали мне люди, у которых денег нет. Один из здешних философов — фамилия его Вам очень хорошо известна, — у которого и семья, и у которого в те дни тоже на трамвай не было, встречает случайно давнего друга, друг этот предлагает ему денег взаймы, философ учитывает полученный чек и, пропуская очередную лекцию, несетя ко мне — вызволять меня из отеля. Деньги даны были сроком на пять-шесть дней. Срок истекал сегодня. Я всю ночь, клянусь, не сомкнула глаз: получу, не получу денег, смогу я вернуть нужные философу деньги... Деньги от Вас пришли в минуту, когда у меня от волнения мутилось в голове. Давай Вам Бог...

Были в Париже в “Послед[них] нов[остях]” — видели Словцова¹⁸? Он очень приятный и очень, очень неглупый человек, наблюдательный, остроумный.

Пишите мне. Заметку о Вашей книге я послала и в “Новое русское слово” в Нью-Йорке. Эта газета помещает (правда, перепечатывает) моих статей 60–70 в год, и раз в год посылает мне за это десять долларов!..

Будьте здоровы, милый Александр Павлович, и еще раз примите мою горячую, глубокую благодарность.

А. Даманская» (Там же. Ед. хр. 39. Л. 12–13).

Отказавшись от мысли о собственном издании, Буров решил вложить деньги в журнал Н.А.Оцупа «Числа». После того как теософка, графиня И.В. де Манциарли и в ее лице Теософское общество отошли от «спонсирования» этого журнала-сборника, редактор «Чисел» Николай Оцуп проявлял героические усилия в поисках средств на принципиально аполитичное, беспартийное, в меру эстетское и, вдобавок, вызывающе дорогое издание. Конечно, полностью покрыть расходы Бурову было не под силу. Полиграфическое оформление, дорогая бумага, цветные вклейки «Чисел» делали их сравнимыми с дореволюционными «Миром искусства» или «Весами». Строки объявления на последней странице журнала («Стоимость именного экземпляра на бумаге Hollande de Rives с литографией или гравюрой и автографом известного художника — 150 франков. [...] Стои-

мость именного экземпляра на бумаге Ярон с оригинальной работой в красках известного художника и автографами поэтов, воспроизведения и стихи которых напечатаны в сборнике – 1000 франков») – далеко не у всех могли найти понимание. А.В.Амфитеатов, некогда славный в России не только успехом у читателей, но и размерами своих гонораров, а теперь бедствовавший в Италии с большим семейством, писал Бурову 3 марта 1932 г. относительно «Чисел»:

«Странное издание! Каких, должно быть, огромных денег оно стоит, и как жаль, что этакие суммы в подобное тяжкое время уплывают на голый эстетический снобизм! Люди там работают неглупые и даровитые (сам Слоним, Сазонова¹⁹ и др.), а дело журнала оборачивается все-таки как-то не того. Как сообразишь, что за три месяца в Париже собрано на безработных всего 40.000 fr., т.е. меньше, чем стоит [изданием] одна книжка “Чисел”, то делается жутковато. Как пред окном шикарной кондитерской, в котором выставлены дорогие и замысловатые торты, когда в городе голод и население дохнет без хлеба.

Сын мой Владимир напечатал в “Числах” (по заказу Оцупа) статью о Пильском, но ему за нее по сие время не заплатили. Тоже курьезно. В особенности в тот блистательный литературный период, когда “писатель” и “голодающий” сделались синонимами» (Там же. Ед. хр. 20. Л. 4 об.).

А.Ф.Даманская в письме от 16 марта 1931 г., рассказывая о своей жизни, ответила также на вопрос Бурова, каково ее мнение о «Числах», – не зная, что им оплачивается это издание:

«Милый Александр Павлович, так как Вы, по-видимому, не только хороший “захороненно-добрый” человек, но и очень корректный, то я – очень, очень осторожная в своих высказываемых суждениях, поверю Вам – Вам, свое мнение о “Числах” – это “Альманахи” для дефективных подростков. Критика к ним сдержанно-благожелательна, оттого что печататься негде, и еще в пику разборчивым и требовательным “Соврем[енным] запискам”. Н.Оцуп, ведь, брат Алек. Ав. Горного – Вы это знаете²⁰? Очевидно, Манциарли, субсидирующая журнал, убедилась уже в том, что “заплачут ее денежки”. – Ну, ладно, поговорим при встрече – которой душевно радуюсь. Предупредите

хотя бы за два дня. Теперь, когда пошли солнечные дни, придется сделать несколько недалеких экскурсий – завтра подам заявление о выдаче мне железнодорож[ного] билета. – Вчера была на большом приеме в одном чешском салоне – политическо-литературном – и уже сегодня на мне отразилось возбуждение и возвращение домой туманным вечером».

Далее Даманская сообщает некоторые сведения о себе перед встречей с Буровым в пражском отеле «Амбассадор» 24 марта 1931 г.: «Я очень вымуштрованная – полувегетарианка года три – и совсем вегетарианкой была, острого не ем, конфет не ем, не пью ничего кроме крепкого черного кофе, которого мне пить нельзя, ничего острого не ем. – Это к тому сообщается Вам, чтобы Вы не вздумали меня баловать при свидании. Из цветов люблю *только* – душистый горошек и фиалки, маленький пучок за 40 пфеннингов. – Но вот если Вы привезете мне ленту для моей дрянной, старенькой машинки “Эрика” – с 1920-го года, с золотого века “Граней” стучу на ней, – ленту в 16-ть миллиметров, в *шестнадцать* – то буду Вам очень признательна, как признательна Вам за многое другое... Милую Вашу открытку из Гейдельберга получила – я знала, что Вы в этот день, 10-го марта были у дорогой Вам могилы. Много-много у меня больших и мелких неприятностей. У меня есть друзья, преданные, милые, но есть и враги, подкапывающиеся, вредящие мне – гнусно и непристойно: а я их даже в лицо не знаю...

Давай Вам Бог всего, всего, всего милого и радостного. С сердечным приветом

А. Даманская» (Там же. Ед. хр. 39. Л. 15).

Иллюстрацией к нюансам, возникавшим в отношениях между редактором-издателем Оцупом и «спонсором», может служить реплика Бурова, крупно написанная красным карандашом поверх текста публикуемого ниже письма: «Редакция явно с ума сошла!!!»

«Paris, 1 Nov. 1931

Дорогой Александр Павлович,

Я сделаю все и пойду на исключение из всех наших правил, чтобы поместить возможно большую часть Ваш-го материала в ближайшей книге “Чисел”. Но раньше, чем подписать соглашение с типографией, перед которой должен обязаться на 12 тыс. франков, я хочу спросить Вас, можем ли мы рассчитывать на Ваше содействие в

этих размерах. Остальные расходы, приблизительно на ту же сумму, я смогу покрыть из денег, добываемых с трудом здесь, в Париже.

12 тыс. с прибавкой еще одной-двух позволят нам “Числа” выпускать и хорошо издать отдельными выпусками Вашу книгу. Ответьте, прошу, безотлагательно. Сообщите также, когда тоже приедете в Париж.

Жму руку.

Сердечно Вам преданный

Ник.Оцуп» (Там же. Ед. хр. 63. Л. 16).

«Числа» в это время публиковали повесть Бурова «Была земля». Судя по тому, что повесть продолжалась в нескольких номерах и еще не закончилась в сдвоенном № 7–8, вышедшем в январе 1933 г. (хотя здесь же можно было прочесть рецензию Г.В.Адамовича на уже вышедшее отдельное берлинское издание), к какому-то соглашению редакция и Буров пришли. Даманская же, переехав в Париж, написала 1 августа 1931 г. в Прагу Е.Д.Кусковой: «Буров давал несколько раз “Числам” деньги небольшие – с тем, чтобы помещали его бездарные повести. Чего он хочет? – чтобы его хвалили и не спрашивали у него денег. Он мой земляк, когда-то давно, когда он был оборванный, вечно голодный гимназист, а я избалованная девочка, дочка состоятельных родителей, – он мне давал уроки алгебры и геометрии, и тогда трудно было предположить, что он разовьется в такого – хама» (ГАРФ. Ф. 5864. Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 6). Спустя несколько дней, в письме от 11 августа того же года, Даманская в письме к Бурову вновь вспомнила о детстве:

«Вы знали меня, в сущности, ведь мало – несколько месяцев или год, не помню точно... Отец мой долгие годы арендовал два больших имения в Могилевском уезде, Попелюху и Ольшадаевку. В Попелюхах я и родилась, как и младшие мои сестры, в доме, состоявшем из 24-х комнат, с залом в 9 окон, с огромным парком, какой описывают в романах. Попелюхи принадлежали приятелю моего отца, австрийскому подданному Йойльсону, и фактически отец мой владел им. Когда из-за каких-то законов, ограничивавших права евреев, пришлось это имение продать, отец мой купил огромный лес у бывшего морского министра Чихачева, и эксплуатировал этот лес, поставляя казне телеграфные столбы. Но и в Попелюхи мы ездили еще долго, так как и там, у

отца, был небольшой лес и при доме маленькая дача. Никогда, конечно, возвращаться к этим воспоминаниям не буду, а вспоминаю сегодня, оттого что до глупости растрогана и невольно сопоставляю свое детство, свою юность в богатстве, довольстве, баловстве, с тем, что пришлось потом пережить и что переживаю я теперь... – В Париже, где так много “бывших людей” – считается уже неловким вспоминать, и никогда об этом не говорят – но в иной миг, когда вспомнится, то очень горько...» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 27 и об.).

На десятом номере финансированию «Чисел» пришел конец. Свою позицию Буров изложил в письме к Н.А.Оцу-пу, которое приводим полностью:

«Париж, 6 февраля 1935 г.

Дорогой Николай Авдеевич!

...В ответ на многократные наши телефонные беседы касательно выпуска № 11 Ваших «Чисел», после, не впервые долгих моих колебаний, хочу здесь *festlegen*^{*}, что давно меня мучает, тревожит, и заодно уже и решение мое.

Через каких-нибудь 1313 лет правнуки Осоргина и Словцова пожелают, по теле-радио-микрофон-аппарату поделиться со вселенской аудиторией, по понедельникам, за отсутствием более острых тем, теми историческими материалами, которые способствовали зарождению «Чисел», а также мотивами, по которым один русский писатель, одинокий литературный Донкихот *увидел себя вынужденным приостановить*, после 5/6 лет, *дальнейший выпуск тысячных казначейских* (во франках, марках) *знаков* на поддержку, культивирование той линии, *той нерусской линии*, которая превращает, приближает “Числа” к тем печатным органам, которые одинаково интересны для... Парагвая и вселенной, *но не для России*. Если *теперь* и в советчине находятся *русские* писатели (Шолохов и друг[ие]), то во сто крат больше обязаны мы, – попутчики по предательству и удравшие, – писать о ней, помнить ее, биться и мучиться за нее, кровью (без фраз) исходить за нее. И не может быть у *русского писателя* иных тем, кроме России, кроме благородной и благодарной и *обязующей* нас памяти и сердца! У нас же (у Вас) в “Числах” не находил

* Зафиксировать (нем.).

я за ряд лет ни единой русской страницы, за исключением повести и рассказов небезызвестного мне литературного Донкихота (все о ней, да о ней) А.П.Бурова, блуждающего, с запекшимися от жажды губами, с расщепленным посохом, в зарубежной Сахаре... Все остальное в “Числах” весьма, быть может, оригинально, иногда даже талантливо, но и... *интернационально*, плетутся же все в хвосте европейских выдумщиков, литературных... коктейлей, и – ничего от идеи, *ничего от русской муки*, без горя, без трепетного социального нерва, не от избытка, не от сердца, – значит, полное отсутствие *действенной чести*, – и все в “Числах” из головы, *лишенной памяти!*..

И все вы мне, с вашими нерусскими писаниями, чужды. *Говорю с большой грустью.*

Но... с пеленок я настолько “богат”, что позволяю себе, во вред самому же, высказывать, без обиняков, что так мучает, болит, тревожит...

И претит еще душе моей тот особый, самодовольный, разудалый дух “Коллектива”, обычно свойственный разрумяненным деревенским парням на “вечерницах”...

И тягостно также наблюдать какую-то колхозную (с Монпарнасса?) штамповку писательских “репутаций”...

И, наряду с этим, создаются для некоторых... колхозных ударников искусственные, рождественски размалеванные, дутые, палками протыканные, тоже репутации, обладающие, однако, свойством, подобно снеговым бабкам, – рухнуть, рассыпаться, – стоит только *чистому*, бесхитроственному ребенку прикоснуться к ним...

Пробовал я, правда, раза два всего, “войти”, приобщиться, но каждый раз чувствовал я себя в положении... лакмусовой бумажки. Не по мне все эти литературно-человеческие, зарубежно-русские окисления... А посему одиннадцатая книга “Чисел” будет уже... блистать моим отсутствием, хотя и располагаю большой повестью, одним романом и одним рассказом, над которыми я работал около 27 месяцев! Но все это, увы, опять о ней, все о России... Потому что нет более глубоких, неисчерпаемых полезных ископаемых для русского писателя.

Ряд лет широко и абсолютно бескорыстно, ни во что не вмешиваясь, финансировал я “Числа” и – добросовестно заблуждался.

“Числа” же и без меня не умрут: вечера, балы, бридж, “меценатство”...

Вам же лично, Николай Авдеич, желаю я всяких благ и успехов.

Неизменно любящий и уважающий Вас...

P.S. Во избежание кривотолков, – событие же не Бог весть какое важное, – предложил бы Вам разъяснить кому следует мои принципиальные, чисто литературные, причины моего ухода» (Там же. Ед. хр. 13. Л. 1–2 об.).

Одиннадцатая книжка «Чисел» так и не появилась. Нового мецената найти не удалось. Н.А.Оцуп тяжело переживал закрытие журнала. Как пишет Ю.С.Терапиано «Конец журнала отразился на Н.Оцупе очень печально. Он сделался пессимистом, начал всех сторониться, уезжал и подолгу жил вне Парижа» (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж–Н.-Й., 1987. С. 172).

А.П.Буров не только финансировал «Числа» или, скажем, вносил деньги в премиальный фонд журнала «Иллюстрированная Россия» (на конкурсе которого рассказ Бурова «Сын гренадера» получил, как и следовало ожидать, 1-ю премию). Также он оказывал иногда «прямую помощь» бедствующим писателям – когда деньгами (например, Бунину, тогда еще не лауреату, в январе 1933 г., вместо благотворительного приобретения по подписке его сборника стихов с автографом автора, выслал заказным письмом 150 марок), а когда просто вещами. Жене Lolo-Мунштейна актрисе В.Н.Ильнарской Буров прислал швейную машинку, а берлинскому корреспонденту «Возрождения» В.М.Деспотули подарил свой костюм. Последний вспоминал об этом, получив от Бурова очередное денежное вспомоществование 24 сентября 1932 г.: «Спасибо большое, дорогой Александр Павлович! Куплены за 6 мар[ок] ботинки и внесено кварт[ирной] хозяйке 10 мар[ок] и осталось на пять дней жизни. [...]

Когда Вы будете очищать Ваш платяной шкаф – вспомните обо мне. Тот костюм, что достался мне 1 1/2 года назад – до сих пор еще считается в моем гардеробе – парадным» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 3).

Помощь была, впрочем, не бескорыстной. Буров настойчиво требовал «отзывов» на свои произведения, – ес-

тественно, хвалебных. В этом смысле характерно письмо Г.В.Адамовича от 21 августа 1938 г. На протяжении нескольких лет Адамович не мог вернуть Бурову некую, не слишком крупную сумму (в совокупности более 2500 франков), одолженную ему в несколько приемов на лечение сестры, но, как кажется, проигранную в казино. Когда же Буров, при посылке ведущему критику «Последних новостей» своей «Книги священного гнева», наполненной грубыми и скверно выполненными карикатурами на эмиграцию, завел речь о рецензии, Адамович ответил ему из Ниццы:

«После Вашего вопроса, собираюсь ли я дать о Вашей книге статью в “Посл[едних] нов[остях]”, я опять роман Ваш перечел. Остаюсь при первом впечатлении о нем, как о вещи горячей, сильной и искренней. (Кстати, я Вам цитировал из Апокалипсиса и “Бесов” Достоевского. Вы не разобрали мой почерк: “О, если бы ты был холоден или горяч, но поелику ты тёпел...” У Вас этого порока нет!) Но как Вы хотите, чтобы [я] о книге этой писал, не поговорив предварительно с П.Н.Милюковым и не показав ему ее?

Не уверен, имели ли Вы его в виду. Но *всякий*, читая Ваш роман, решит, что речь о нем. Как же я могу *в его газете* давать отзыв о книге, где он высмеивается? Ведь, будучи сотрудником “Посл[едних] нов[остей]”, я как бы приглашен им в его дом – и вот в доме этом буду передавать то, что о нем говорится отрицательного! Minimum вежливости и лояльности не допускает этого! Самое большее – я могу, по приезде в Париж, побеседовать с ним и, если он книги не видел, *показать ему те места, которые считаю к нему относящимися*: после этого об отзыве хоть может идти речь. До этого – ни в коем случае.

Поймите меня, Александр Павлович, дело вовсе не в том, что я у кого-то “в рабстве”, как Вы предполагаете. Поступи я так, как Вам в данном случае желательно, я сам потерял бы к себе всякое уважение. Я могу открыто сказать Милюкову: вот тут-то про Вас то-то написано... Но не могу исподтишка, в отсутствие из Парижа, пытаться что-то протиснуть. Кроме того, я совсем иного мнения о нем, чем Вы – и, так сказать, за него “обижен”. На этого человека вешают всех собак, а он едва ли не один верен тому, чему и стоит только быть верным: человеку и

свободе. [...] Вы сами сделали все, что было в Ваших силах, чтобы в “Посл[едних] нов[остях]” отзыв о Вас был бы невозможен*.

Если я писал Вам о той литературной судьбе, которую сами себе Вы уготовили, то вот новое этому подтверждение! [...] Вы меня благодарили за старые мои отзывы. Искренно ли, дорогой Александр Павлович? Для Вас нужен такой отзыв, чтобы “камни вопияли”, и земля рушилась, и неслись всякие стенания и рыдания, – а вовсе не корректно-сдержанная, уклончиво-осторожная, двусмысленно-похвальная рецензия, в том духе, как пишу я» (Там же. Ед. хр. 16. Л. 23–24 об.).

Вечно настороженный, в напряжении ожидающий – не смеются ли над ним у него за спиной, одновременно с фальшивой лестью выманивая деньги, Буров иногда срывался. Наглядней всего это проявилось в инциденте с Георгием Ивановым, вызвавшим в свое время большой шум в эмигрантской среде, но сейчас полностью забытом. Лишь в воспоминаниях В.С.Яновского среди ценного фактического материала о малоизвестных эмигрантских авторах монпарнасской богемы, есть глухое упоминание об этом столкновении, но суть эпизода остается неясна, да и подзабыта мемуаристом. Автор пишет: «В связи со скандалом Иванов–Буров я был вовлечен в грязную склоку. Я тогда встречал Бурова и знал, где он по утрам гуляет в одиночестве. Когда последний в ответ на требования денег разослал всем циркулярное письмо касательно коммерческих операций Г.Иванова, Георгий Владимирович решил встретиться с ним и наградить его оплеухой. Но я отказался выдать доверенный мне секрет, то есть место его ежедневных прогулок. Это очень удивило наших честных молодых писателей, только Адамович заявил, что я совершенно прав» (*Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти.* СПб., 1993. С. 121). Буров отпечатал на стеклографе 900 экз. «воззвания», разослав его по редакциям газет, общественным организациям и просто авторитетным членам русской колонии в Париже. Из его саркастического текста, впрочем, также трудно понять суть конфликта:

«Всем... Всем... Всем...

Циркулярно и – не секретно

* Адамович сов[ерженно] прав, – но *правдой* огненной – не поступлюсь. А.П.Б. (Прим. А.П.Бурова.)

25 февраля с.г., в 11 час. 55 минут утра, в отличной зале бюро путешествий “Кук’а”, что против Grande Opéra, один господин, именующий себя поэтом, Георгий Иванов, за неоднократно проявленное им трусливо-провокационное озорство (за спиной, мол, безопасно) и – за грубый тон в этот самый вышеозначенный день и час, получил от меня, волею Божьей, в присутствии живых еще свидетелей, два раза, слева направо и справа налево, два внушительных удара по лицу, отчего и шляпа его как-то боком и так жалостливо покатила по полу. А сам он, этот “муж”, только благодаря вмешательству шикарной публики и свидетелей, счастливо избежал еще и “кнокэутвоя”. Дама* одна подхватила его, несчастного, и потащила его вон из зала на улицу. Я оставался еще минут 20 ожидать... городского и – протокола.

Напрасны были эти ожидания, мои – и свидетелей. Это вполне жалкое и – исторически точное – происшествие, как сказано выше, имело место 25 февраля сего 1935 г.

Не получая “вызова”, я лишь 1-го марта отправился в дорогу и, завтракая в салон-вагоне, не без горечи размышлял:

“Боже, зачем меня поставил Ты царем”!..

Зачем именно меня, тишайшего, выбрал Ты в наставники к... Ивановым? И дальше думал я в моем купэ: буде он, ге Иванов, не струсит и секундантов своих все же пошлет, приму я вызов, но соглашусь я только на ВОЛЬНУЮ БОРЬБУ, и не “у опушки леса” (чести много), а только в центре Парижа, между Place de la Concorde и Etoile, – так как я, стыдно сознаться, ни пушки, ни берданки в руках моих еще не держал. Он же, ге Иванов, как природный трус, вообще всякого огня боится, – не боится он только храбро работать за спиной...

А потому только ВОЛЬНАЯ БОРЬБА для него и честь, и – реабилитация. Обо всем этом “историческом” позорище письменно, в тот же день, 25 февр. 1935 г., поставил я в известность знакомых писателей и журналистов, прося их побудить Иванова “постоять за себя”, не разгуливать с гордо поднятым челом и с горящими пощечинами на ланитах.

* Неопредел[енного] возраста, с волосиками-кудельками, «под блондинку». (Прим. А.П.Бурова.)

А дело, Мм. Гг., в том, что сей “муж” давно, уже месяцев 8, испытывал мое “непротivление злу”, мое ослиное терпение (на зарубежном наречии – “джентльменское”), а на “Чашке чаю” в редакции “Иллюстрированной России”, в присутствии Андрея Седых²¹, вновь продемонстрировал он одно из своих... поэтических похождения. И на сей раз сошло ему все гладко: не бить же по морде в чужом доме, да еще на торжестве 10-летия журнала?! Вообще, мы, зарубежные поселенцы, часто, увы, молча проходим мимо зла и – блага все же не творим...

И вот, волею Божьей, 25 февр., в 11 часов 55 минут, в зале «Кука», этот ге Иванов получил от меня давно заслуженные им, – а на этот раз просто за грубый тон, – горячие пощечины. А вызова – никакого?!

Вернулся я с дороги домой, в Париж, 11-го марта. Полагал, найду на своем столе “вызов” оскорбленного...

“Где уж... Что уж? ...”

Каково же было мое удивление и – превеселое настроение, когда я сегодня, 12 марта, случайно узнал, что этот ге Иванов, вероятно, по совету его дамы, рассказывает своим друзьям, что “и посчитался же я с ним”??

О, диво дивное!.. О, чудо чудное!.. Однако если ге Иванов считает этот свой “метод”, эту фантазию (забывая о живых еще свидетелях) достаточной для себя – реабилитацией – жалкий же он трус, Бог с ним, пусть утешает себя и своих домашних. Жалкий трусишка!

Вывод отсюда только один: таких озорников и трусов каждый может невозбранно бить, где угодно. А от себя говорю этому ге Иванову: где ни встречу его – “продолжение следует, – если... не исправится”.

Все это, тем не менее, очень грустно, мелко и жалко. И еще более жалок “Тот, кто получает пощечины”²², публично, давно заслуженные, и – опять за спиной – утешает себя и домашних, что и он “посчитался”, совершенно игнорируя место, время, свидетелей и – свое сомнительное человеческое достоинство...

А.П.Буров» (Там же. Ед. хр. 2. Л. 13 и об.).

22 марта 1935 г. в «Последних новостях» появилось письмо в редакцию Георгия Иванова «...ввиду появления в № 3577 газеты “Возрождение” заметки г-на Амандиса об инциденте между “мнящим себя литератором меценатом” и “неким русским поэтом”». Георгий Иванов подтвердил, что 25 февраля у него с Буровым про-

изошло столкновение, на что он, Иванов не счел себя оскорбленной стороной. Когда же через три дня он узнал, что Буров рассылает листки, «где изображает происшедшее в извращенном и оскорбительном для меня виде», то решил вызвать его на дуэль. Его секунданты, капитан Е.Е.Александров и поручик Д.К.Мозн должны были передать Бурову вызов 1 марта, но застать Бурова дома им удалось только 17-го числа. Буров принять вызов наотрез отказался. Позднее отношения с Ивановым по-видимому, нормализовались. Собрание рассказов Бурова «Русь бессмертная» (Париж, 1951) завершается разделом «Вместо венка», где перепечатаны хвалебные рецензии В.Сперанского, П.Ставрова и Г.Иванова; вне негативного контекста упомянут Г.Иванов и в цитированном выше письме к С.К.Маковскому от 18 октября 1955 года.

Скандалные эпизоды, связанные с буровскими дотациями, имели место и в дальнейшем. Один описан в цитировавшейся выше корреспонденции Мата д'Ора (Н.Н.Брешко-Брешковского) из Парижа, где, кроме Бурова, действуют писатель и художник А.А.Гефтер (1885–1956) и «некто в сером», «молодой человек с моноклем и физиономией утопленника», как охарактеризовал его Мата д'Ор. Этот ловкач попросил у Бурова денег, чтобы помочь якобы умирающему в Ницце Гефтеру и благополучно прокутил их в ресторане. «Некто в сером» был разоблачен перед Буровым самим приехавшим в Париж Гефтером, и, по закону возмездия, «в который, кстати, далеко не многие верят, – писал Мата д'Ор, – в том же самом ресторане “Воти”, где он прокучивал буровско-гефтеровские деньги, молодой вымогатель был изрядно побит... кем-то, за что-то...» (Для Вас. 1937. 14 февр. С. 19).

Точную дату смерти «чудака, “писателя”, богатея» установить пока не удалось. Упоминание о нем, как об умершем некоторое время назад в Амстердаме, появилось в нью-йоркском «Новом русском слове» 16 октября 1957 года.

В публикуемых ниже письмах литераторов к Бурову – множество фактических сведений, рисующих жизнь и быт русской эмиграции разных стран, причем не только литературной, но и кинематографической и театральной (в письмах Осипа Дымова). Некоторым из корреспонден-

тов Бурова повезло: кинокарьера маленького писателя Дымова сложилась просто сказочно. Правда, он жил за границей, в Америке и Европе еще с 1913 г., успел пообтёртаться и адаптироваться к западному театральному и кинематографическому мирам. Другие, как Августа Даманская или Иосиф Колышко, еле сводили концы с концами, не имели порой денег на почтовую марку. В письмах Ивана Бунина отразились, между прочим, его переживания по поводу Нобелевской премии – оказывается, писатель всерьез рассчитывал на нее еще в 1931 г. Много внимания уделял нобелевский лауреат попыткам устроить свои произведения в Голливуде: во время тотального общеевропейского кризиса такой успех равнялся главному выигрышу в жизненной лотерее. Однако «фильмовая мечта» Бунина, в отличие от вытаскившего счастливый билет Осипа Дымова, не осуществилась.

Обсуждаются в переписке и первые появившиеся в печати произведения молодого писателя Сирина-Набокова. Причем мнения высказываются зачастую противоположные: «...Человек, способный так тонко чувствовать, как Буров – для меня во сто крат дороже прилизанного стилиста Сирина... Что же толку, когда от него у меня на душе холодно... Сердцем я ему не верю. Он не знает страдания и копается в сортирных мелочах. Может быть, жизнь его со временем стукнет хорошо башкой о стену горя и страданий – тогда, вероятно, и он сможет затронуть душу», – писал из Берлина В.М.Деспотули 24 сентября 1932 г. (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 3). 11 марта 1934 г.: Деспотули снова вспомнил Набокова. «Прочитали ли Вы “Повесть о пустяках” Темирязева²³, – замечательная книга, – писал он Бурову. – Я прочитал ее тотчас же после Сиринской “Камеры”²⁴ – и все хождения по проволоке словесного искусства, все жонглерские ухищрения жеманного иностранца, очень четко говорящего по-русски, Сирина, показали подлинной ерундой по сравнению с пустяками Темирязева. [...]

Сирин презирает весь мир и, вероятно, потихоньку бегает к девочкам. За три марки и с хлыстом» (Там же. Л. 9 и об.).

«А Сирин все-таки писатель замечательный, хотя и автомат. Он мне несколько не интересен и не “нужен”, но не могу ему не удивляться», – так отозвался о Набокове Г.В.Адамович в письме от 23 февраля 1934 г. (Там же.

Ед. хр. 16. Л. 3). И в июле 1935 г. в своем письме из Ниццы он подтверждал талантливость небывалой в прежней русской литературе прозы Набокова: «Насчет Сирина – не могу с Вами согласиться. Соглашаюсь только, что он *отталкивающий* писатель – но с удивительным (и для меня еще не ясным) даром. Во всяком случае, уверяю Вас – он глубже и правдивее, при всех своих вывертах, чем Божья коровка Борис Зайцев, которого Вы причисляете к “подлинным”: читали ли Вы его несносный и весь какой-то мармеладно-паточный “Дом в Пасси”²⁵?» (Там же. Л. 16 об.).

Не прошел мимо внимания Бурова и его корреспондентов и яркий дебют автора «Романа с кокаином», загадочного М.Аггеева²⁶. Адамович писал 23 июня 1936 г.: «Насчет Аггеева – я с Вами не согласен. Я читал всю рукопись еще год тому назад. По-моему – это очень талантливо. Но он еще мальчик²⁷, – и со срывами, конечно. Во всяком случае, бранить его я не буду. Есть два типа людей: одни от брани вянут, другие расцветают, как бы подзадоренные, разозленные. Мне сдается, что он первого типа. Это, вероятно, тепличное растение, которое надо холить, а не сразу выносить на мороз, хотя бы и только критический»²⁸ (Там же. Ед. хр. 16. Л. 19).

Приятель Бурова Владимир Михайлович Деспотули (1895–20.08.1977; иногда пользовался псевдонимом Владимир Неллин), грек по рождению, сын директора Керченской классической гимназии, оказался довольно интересной личностью. Бывший адъютант генерала Н.Н.Баратова поручик Деспотули в Первую мировую служил в русском экспедиционном корпусе в Персии, на турецком фронте. Уже после революции в России, в 1918 г., он некоторое время исполнял обязанности военного коменданта Тегерана. Затем – эвакуация в Константинополь и типичная эмигрантская эпопея: сначала Прага, потом Берлин. Когда в германской столице в 1923 г. на Прагерплац открылся клуб писателей и журналистов, его заведующим был выбран Деспотули. Когда клуб закрылся, Деспотули пришлось подрабатывать случайной работой репортера, библиотекаря и т.п. После прихода Гитлера к власти Деспотули в 1934 г. занял пост главного редактора созданной в июле 1933 г. «русской национальной газеты», как гласил появившийся с приходом Деспотули подзаголовок, «Новое слово». Со своими знакомыми

евреями, такими, как Сергей Горный и Буров, Деспотули, несмотря на всемерно декларируемый газетой антисемитизм (ведь она издавалась на средства ведомства Альфреда Розенберга), сохранял личные дружеские отношения. С началом войны гитлеровской Германии против СССР, когда стало ясно, что Гитлер нисколько не сочувствует и тем более не собирается сотрудничать с «первой волной» русской эмиграции, Деспотули, сошедшийся с Народно-Трудовым союзом, пользуясь своими связями, устроил многим членам НТС нового поколения выезд на Восток для политической (возможно и диверсионной) работы в русском тылу. Однако эта деятельность была пресечена в самом разгаре заброски НТСовской «идейной молодежи» в советский тыл. Как писал в некрологе Деспотули его друг, известный власовец К.Г.Кромиади, в 1943 г. «...органы немецкой контрразведки заподозрили НТС в связи с английской Интеллидженс Сервис и арестовали не только всю верхушку организации, но и рядовых членов. Поскольку Деспотули и в редакции окружил себя членами этой организации, добрались и до него. Его отстранили от газеты, держали под домашним арестом и производили следствие. Допросы проводились по “передовым методам наших чекистов” и сопровождались не только рукоприкладством, но и приставляли дуло револьвера к виску и в рот допрашиваемого (я это пишу со слов самого Деспотули). Тогда у него была большая депрессия и он нуждался в моральной поддержке – тем более, что у него открылся туберкулез легких. Мы, его друзья, ничем помочь ему не могли, но один влиятельный немец выхлопотал ему поездку в санаторию в Кемптен (видимо, следствие по его делу кончилось). К тому же началось уже окружение Берлина Красной армией и нацистам было не до Деспотули. Воспользовавшись ослаблением режима, он на велосипеде поехал в Берлин, чтобы вывезти оттуда свою жену. К ней он добрался, но выехать они уже не успели, и Деспотули попал в руки советчиков. Одиннадцать лет просидел он в советских концлагерях, причем семь лет провел в Заполярье.

Выпустили его вместе с немецкими пленными, и он вернулся домой под Новый год ровно к 12-ти часам ночи, когда его жена, просидевшая столько же лет в тюрьме в Восточной Германии (женщина, которая никакой политикой не занималась) – вошла в дом и позвонила в свою

квартиру. После одиннадцати лет тюрьмы и каторги, после всего тяжелого, что им пришлось пережить, Владимир Михайлович и его супруга Эльфрида Эмильевна встретились как молодожены и благодарили Бога за каждый подаренный им светлый и радостный день. Эльфрида Эмильевна, по специальности физик, получила довольно высокий пост в системе образования и воспитания берлинской молодежи [имеется в виду Западный Берлин. – С.Ш.], а Владимир Михайлович занялся преподаванием русского языка» (Голос зарубежья. Мюнхен. 1977. № 6. С. 35)²⁹.

Содержательная статья А.В.Чанцева о другом корреспонденте Бурова – Иосифе Колышко в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» заканчивается словами «По сообщениям газет [...] в нач. 30-х гг. бедствовал в Ницце». Письма Колышко Бурову (как и дневниковые записи Бориса Лазаревского – см. в нашей публикации: Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж // Диаспора. Т. I. Новые материалы. Париж–СПб., 2001. По указателю) – уточняют и дополняют эти скудные сведения. Интересен очерк «И.И.Колышко – “Баян”» в книге Вл.Крымова «Портреты необычных людей» (Париж, 1971). Крымов писал: «Я не знал человека более ядовитого, чем Колышко. Он приехал в Берлин с некоторыми деньгами, стал играть на бирже, влез в какие-то дела, и деньги ушли. Потом уехал во Францию, я его потерял из виду и встретил опять в Ницце, уже совсем без денег. На последние свои деньги он умудрился купить в Ницце какую-то виллу, которую от него потом отобрали, потому что продавец продал ее незаконно. В этой вилле он похоронил свои последние деньги. Тут он нашел свою Тамарочку, девочку восемнадцати лет, которая видимо искренно его полюбила, и несколько лет он жил на ее скромный заработок – 600 франков в месяц – а сам не мог найти никакой работы; писал во все газеты, но его нигде не хотели печатать.

Одно время он уговорил местного книготорговца Вилькомирского издавать еженедельную газету, целиком писал все номера. Вышло номеров тридцать, и газета закрылась, так как сводить концы с концами не могли.

Газету он вел, понятно, так, что восстановил против себя буквально всех эмигрантов, сколько их было на Ривьере, и не было человека, который бы не говорил о Колышко иначе, как с озлоблением» (С. 154).

Переписка Бурова с Колышко началась менее чем за полгода до смерти последнего. Первое письмо, на бланке газеты «Вестник Ривьеры» (название газеты – надпечатка на старых бланках газеты-предшественника «Русско-французский вестник», еще 1910-х гг.), написано Колышко 16 декабря 1937 г. и, подобно множеству других писем к Бурову, содержит просьбу о помощи, на сей раз – в издании книги: «...Мой друг Сергей Горный (Ал. Авд. Отцуп [так! – С.Ш.]) сообщил мне, что Вы принадлежите к берлинскому издательству В.Г.В. в Берлине, и что это издательство может издать и русскую книгу. Я только что кончил мои мемуары о России эпохи гр. Витте, коего близким лицом и личным секретарем я был за всю его карьеру, т.е. приблизительно 12 лет. Я был ближайшим помощником Витте по проведению реформы 1905 г., и моему перу принадлежат главные документы той эпохи. Судьба поставила меня в самый центр правящей России с 1890 по 1917 г., т.е. приблизительно в течение 25-летия, предшествовавшего революции 1917 г.» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1 и об.). В следующем письме от 26 декабря Колышко писал о своем теперешнем незавидном положении: «Меня окончательно и вконец затерли. Каким-то чудом удалось создать здесь газету. Читают и хвалят. Есть еще порох в пороховницах. Баян еще не выдохся, а, если верить друзьям-коллегам, порой взлетает блестящими ракетами. Газету я составляю *единолично*. Я и Баян, и Рославлев, и Рогдай, и И.К., и моему перу принадлежат все передовые и все статьи без подписи, словом – всё, включительно до хроники и мелких заметок. Сам не думал, что окажусь столь плодовитым и что сил хватит. Но чему не научит служба! За всю эту писательскую и редакционную работу получаю... 150 фр. За №-р, сиречь – 25 мар., сиречь 12 1/2 руб. А в России я получал по 75 коп. за строчку... Словом, в материальном смысле я пал, как скотина на бойне. Горничная, судомойка, лакей, сторож и мой наборщик оплачиваются в 2–3 раза выше Баяна, писателя и редактора. Но если бы хоть это было прочно. На пути успеха моей газеты две колоды: скотское равнодушие и неслыханная озлобленность здешней русской колонии и жидовская скупость гарпагона, моего издателя (хозяин здешн[его] книжного магазина, дурак и лавочник). Меня заели здесь и братья русские (из зависти, глупости), и мой жид-издатель. Га-

зету все читают, плюются, но объявлений нет, и гарпагон решил ее прекратить. Если не случится чуда, мы больше выходить не будем. Я выпустил 36 №-ров [...] Я закончил в них мемуары о Витте и больше половины мемуаров под рубрикой “Думы о России. Двуликая”. И вот, в результате, я – на улице. Питаюсь картофелем, и двое детей в России мрут с голоду. Милюков не может простить мне статей против него в “Рус[ском] сл[ове]”³⁰, а в “Возрожд[ении]” захватили власть дилетанты и меня не пускают. Вот! Если бы мне удалось издать мои мемуары, может, на время, удержался бы. Поэтому и обращаюсь к Вам. Не знаю только, начать ли с Витте (будет на 8 листов) или издать вместе с “Думами о России” – тогда наберется листов 15–20? [...] Я Вас не тороплю, дорогой collega – я хватаюсь за Вас, как за соломинку. Обменяйтесь мнениями с Оцупом. И, если Бог благословит, – помогите! И буду я Ваш должник по гроб жизни... Физически я очень слаб, но духовно еще бодр, пока есть люди, как Вы, добрые и даровитые, не забывшие Баяна. Жму Вашу руку и остаюсь

Ваш И.Колышко» (Там же. Л. 2 и об.).

Последнее письмо от Колышко Бурову было отправлено в Амстердам 18 марта 1938 г. «Каким чудом Вас занесло под скипетр королевы Вильгельмины? [...] И что Вы, писатель, делаете в стране тюльпанов и бриллиантов?», – писал он. А месяц спустя, в понедельник, 17 апреля того же года, в «Последних новостях» появилась информация о его внезапной кончине в Ницце. В своем, ставшем предсмертным, письме, Колышко опять молил Бурова о помощи в издании его произведений. Упомянув свои публикации в сан-францисском альманахе П.Балакшина «Земля Колумба», он говорил: «...суть в том, что мыслящему и сердечному русскому человеку открылась отдушина в Земле Колумба. Почему бы не открыться ей в земле тюльпанов и королев? Не зная Ваших возможностей, могу лишь мечтать. Знаю лишь, что Вы талантливы, добры, честны, и кто-то говорил мне, что Вы со средствами. Не из женского любопытства хотелось бы знать, что Вы делаете в Амстердаме, почему переменили на него Париж, пишете ли, можете ли молчать? Нарисованная Вами картина русской мысли и совести на чужбине катастрофически верна. Но ни мысль, ни совесть старого Баяна с ней не мирятся. Ни против

Палестины, ни против гения иудейства ничего не имею. Но Амстердам ближе, ближе мне и гений арийства. Ну, и годы, болезни. Кормит меня труженица жена – ангел во плоти. Но сердце и мозг не успевают стареть за плоть. И все кажется, что надо еще что-то сказать. И все ожидается, что кто-то, какой-то председатель несозванного русско-национального совещания, скажет: “Слово за Вами, Баян”. Была надежда, что скажет это Солоневич³¹. И уже сказал. И раза 2 Баян отозвался в “Гол[осе] России”. Но потом все замолкло. Солоневич сыграл на “штабс-капитанах”. И в берлинском “Нов[ом] сл[ове]” Деспотули сыграл на “черносотенцах”, не прощающих Баяну “Рус[ского] слова”. И Баян – у разбитого корыта. И ноют в нем две раны – физической и духовной нужды. Вот причина моего приставания к Вам. Не осудите и не оставьте хоть через 3 месяца словечком. Ибо души наши, сдается, родственны. [В тексте письма красным карандашом Буров поставил «?!» – С.Ш.]. А из страны тюльпанов в страну солнца путь не так длинен» (Там же. Л. 5 и об.)

Годом раньше, 17 октября 1936 г., О.А.Волжанин писал Бурову из той же Ниццы:

«Вы пишете, что мне следовало бы дать продолжение “Истории”³² и высказываете предположение, что его мог бы выпустить бесплатно “Петрополис”³³. Я уже Вам писал, – “продолжение” “Истории” мною написано и составляет 3 тома самостоятельных, т.е. каждый том может выпускаться независимо от других (каждый носит свое название). Конечно, отдавать свой труд бесплатно мне нелегко, – других видов заработка у меня не имеется. Но ведь нужно считаться с обстоятельствами, – раз хочу выпустить свою книгу из темницы на Божий свет. Поэтому я отдал бы первый том (называется – “Молодые годы”) на условиях “бесплатности”, т.е. без моего материального участия в издании. Я имею некоторые основания надеяться, что после этого два другие тома легче найдут себе издателя.

Прочитав у Вас тут же, что Вы часто посещаете Берлин, у меня возникла невероятно дерзостная мысль... настолько дерзостная, что мне страшно ее вымолвить. Но нужно все-таки вымолвить, – иначе незачем было о ней писать. Это – просить Вас – в одну из ближайших поездок взять манускрипт с собой (он на машинке) и предста-

вить в “Петрополис”. Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным прежде с ней познакомиться, дабы, в случае одобрения ее, Вы могли бы замолвить о ней словечко, — не сомневаюсь, что Ваш голос должен иметь там вес. Но я должен Вам сообщить, что с год назад я этот том посылал в парижский “Дом Книги”, откуда мне ответили, что могут выпустить его при условии моего материального участия, что я принять не мог. Но, во-1-х, я не знаю, однозначущ ли “Дом Книги” с “Петрополисом”: не знаю, была ли моя рукопись там, а, во-2-х, что, я думаю, особенно существенно, — с того времени я свою книгу *переработал совершенно заново* (после чего она стала интереснее и значительнее). Итак, вот моя дерзостная мысль! Можете оставить ее без ответа, а можете даже выбрать меня, — воля Ваша! Если же, паче чаяния, Вы, скрепя сердце, найдете ее осуществимую, напишите мне, и я вышлю Вам в Париж рукопись своего романа “Молодые годы”» (Там же. Ед. хр. 32. Л. 6–7). Согласно справочнику А.Д.Алексеева «Литература русского зарубежья. Книги 1917–1940. Материалы к библиографии» (СПб., 1993) кроме «Истории одной жизни», другие сочинения Волжанина света не увидели.

В письме от 31 октября 1936 г. новая просьба О.Волжанина: «Прочел в объявлении “Ил[люстрированной] России”, что в числе приложений она даст и Ваши книги искренно порадовался за Вас и за читателей. [...] Но вот как ужасно устроен человек и как печальна наша эмигрантская судьба: неожиданно блеснула мысль, нельзя ли поэксплуатировать Ваши отношения с Б.А.Гордоном³⁴, которые, вероятно, хороши, близки и доверительны. Не замолвите ли словечко, чтобы они относились ко мне немножко сердечнее, внимательнее. Принимая мои статьи, они, — *это только между нами*, — стараются их обезценить, заплатить мне меньше, чем другим. Сейчас они приняли у меня большую (стр[ок] 750) статью о Последн[ей] Всерос[сийской] Выставке* (я ее провел в роли журналиста) и пишут, что могут заплатить 60 fr. (вместо просимых 120 fr.). Я ответил, что прошу хотя бы 100 fr. и деньги очень прошу выслать до напечатания, сейчас, т.к. они мне очень нужны, и — никакого ответа, а уже больше 2-х недель прошло.

* По поводу 40-летия в этом году. (Прим. О. А. Волжанина.)

Если увидите Б.А. (он, по-видимому, неплохой человек), замолвите словечко и попросите, чтобы мне прислали за принятую статью: *ужасно* нуждаюсь сейчас! Простите, ради Бога, за мое эксплуататорство Вашей доброты и Вашего доброго отношения ко мне [...]. За обещание побеседовать с Я.Н.Блохом обо мне и о моей книге сердечно благодарю» (Там же. Л. 9–10).

* * *

В рамках нашего обзора публикуются 42 избранных письма к Бурову (с обозначенными знаком купюры сокращениями, касающимися малозначительных и частных деталей) следующих авторов.

Писателя, публициста *Амфитеатрова* Александра Валентиновича (1862–1938).

Прозаика, критика, журналиста *Балакшина* Петра Петровича (1898–1990).

Прозаика, поэта, первого российского лауреата Нобелевской премии по литературе *Бунина* Ивана Алексеевича (1870–1953).

Писателя *Волжанина* Осипа Александровича (наст. фам. Израельсон; 1870–?).

Писательницы и переводчицы *Даманской* Августы Филипповны (1877–1959).

Журналиста, редактора *Деспотули* Владимира Михайловича (1895–1972).

Прозаика, драматурга, киносценариста *Дымова* Осипа (наст. фам. и имя Перельмана Иосифа Исидоровича; 1878–1959).

Писателя *Зайцева* Бориса Константиновича (1881–1972).

Прозаика, драматурга, публициста, журналиста и мемуариста *Кольшко* Иосифа Иосифовича (псевд. Баян, Серенький, Рославлев, Рогдай и др.; 1861–1938).

Поэта, критика, издателя *Кречетова* Сергея Александровича (наст. фам. Соколов; 1878–1936).

Жены И.А.Бунина *Муромцевой-Буниной* Веры Николаевны (1881–1961), автора книги воспоминаний «Жизнь Бунина. Беседы с памятью» (М., 1989) и совместных с Буниным дневниковых записей.

Писателя *Осоргина* Михаила Андреевича (наст. фам. Ильин; 1878–1942).

Писателя *Ремизова* Алексея Михайловича (1877–1957).

Письма, адресованные Бурову, охватывают период с 21 июня 1931 г. по 9 марта 1939 г. В нашей публикации они расположены по хронологии, а не сгруппированы по авторам. Такой порядок, на наш взгляд, наглядно отражает течение времени, ход событий и перемену исторических декораций за эти 8 лет так, как они виделись адресату.

Письма пронумерованы. Курсивом даны дата и место отправления, определенные публикатором. Авторские подчеркивания в тексте писем выделены курсивом; подчеркнутое дважды или трижды слово – полужирным курсивом. Многочисленные энергичные подчеркивания Букова, читавшего корреспонденцию с карандашом в руке, не выделяются. В конце – архивный шифр и наиболее значимые ремарки и маргиналии Букова, оставленные им на полях того или иного письма.

1

И.А.Бунин

Многоуважаемый

Александр Павлович,

Получил Вашу книгу, очень благодарю; лишен удовольствия прочесть ее, ибо ни слова не понимаю по-немецки, но с удовольствием приобщаю ее к книгам тех, которые оказывают мне свое доброе внимание присылкой их. Сердечно жму Вашу руку.

Ваш Ив.Бунин

21.VI.1931

Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 2.

2

А.Ф.Даманская

Paris (XVI-e). 23/VI-31. 4, B-d Exelmans

Милый Александр Павлович, очень огорчило меня Ваше письмо, прежде всего тем, что в нем все симптомы острой неврастении. Догадываюсь, что Вам сейчас очень тяжело, и никто, как я, Вам посочувствовать не сможет. Пройдет – волна печалей, будет еще много радостного в Вашей жизни, так же много, как было,

вероятно, если не больше. Был у меня старик Плещев — очень огорчился милый старик Вашим выговором. — Живется ему тяжело, — но мил, приветлив и приятен чрезвычайно. — Сегодня я обедала у моих соседей, у Зайцевых — очень кстати было приглашение — у меня нет *сейчас полтора франков* на отправку Вам этого письма. — И, узнав от Зайцевых, как благодарна Вам Рощина-Инсарова за помощь, какую Вы оказываете ей, я, со своей стороны, рассказала им, что последние три с половиною месяца существовала безбедно тоже благодаря Вам. Просили меня просить Вас оказать помощь погибающему от нужды Бальмонту, и я так рассчитывала, что в ближайшие дни увижу Вас и об этом поговорю. А.П.Б., пожертвовавший через «Послед[ние] нов[ости]» — Колышко (Баяну) 300 фран[ков], ведь тоже Вы...

Столько добра людям и, стало быть, этим самым и себе — можете делать людям, и отчего-то намерены от них спастись... А знаете, отчего? Но этого я писать не могу. Это я могу лишь сказать, и Вы согласитесь со мною.

От матери моей получила отчаянное письмо: пишет, что несколько недель тому назад получила деньги без обозначения отправителя, ей их не выдали, вызывали ее для каких-то объяснений, и пришлось ей уплатить штраф.

А знаете, в этом сейчас полученном мною письме — есть, пожалуй, даже что-то обидное, чуть-чуть жестокое, также, как в Вашем долголетнем молчании в Берлине, когда Вы не могли не знать, что я, о которой Вы, по письмам Вашим и словам, — так нежно вспоминали, живет в нужде, как и большинство живущих на литературный труд — людей... Но, всего вернее, то, что меня уязвило в Вашем письме, лишь — отражение Вашего тяжелого настроения, Вашего одиночества... А как тяжело одиночество — я знаю. Завтра я звана обедать к Полонской — к сестре Алданова. А вот послезавтра у меня пообедать не на что будет. Аванс, взятый в «Послед[них] новостях» — пошел на уплату за квартиру. И, все же, я — это Вам в пример — не перестаю любить и жизнь, и людей, и нелепый пустырь перед моим окном, и кусок Сены, который вижу, сидя за своим столиком. Быть может, оттого, что не очень баловала меня

жизнь, и я благодарна ей за каждое не очень тяжкое мгновение.

Ну, гоните от себя, как говорят французы, «черных бабочек», принимайте чаще бром, не презирайте людей, которым Вы оказываете помощь, и уважайте себя за то, что Вы оказываете им помощь. От всей души желаю Вам – воскресения душевного. С сердечнейшим приветом и подлинной к Вам симпатией

А.Д.

Если никакой нет надежды получить лекарство из Берлина, – ради Бога, верните рецепт, – быть может, я набреду здесь в конце концов на аптеку, где сумеют выполнить предписание проф. Фейра – я очень боюсь ослепнуть, и тогда ведь я стану тоже, как Баян и другие, объектом общественного милосердия. Всего Вам милого и радостного.

А.Даманская

Вот, выручила кассирша отеля – дала марку в долг. Эх, Вы, – избалованный судьбою человек, – и Вы не благодарите ее за то, что она Вас полюбила.

Там же. Ед. хр. 39. Л. 26 и об.

3

А.Ф.Даманская

[Дата получения – 11 ноября 1931, Париж]

Дорогой Александр Павлович, я писала Вам, что на Ривьере, только еще под Тулоном продаются недорого участки земли, и если даже не для того, чтобы строиться, имеет смысл купить с тем, чтобы позднее перепродать или, как я выразилась, для спекуляции, так как земля там дорожает с каждым днем. А Вы невнимательно, как всегда, прочли мое письмо, или как-то обернули мои слова, с тем, чтобы поддразнить меня, и вышло так, что я позволила себе писать какой-то некрасивый вздор о *глубоко мною чтимом и очень дорогом мне человеке*. И я очень огорчилась...

Несколько профессоров русских, и ученых, в том числе проф. Пастеровского института, известный бактериолог Метальников и П.Н.Милюков купили там крохотные участки земли, когда она продавалась по 5-ти франков за

квадратный метр, и построили себе там по домику, обещедшиеся по 6000 франков* каждый. Такой дешевый демократический уголок, который может удовлетворить мировой известности ученого, как Пав. Никол. Милюков, — очень немногих удовлетворит. Он жил в России в своих больших имениях, в отличных огромных квартирах, и это его так же мало тешило, как мало огорчает его хибарка, в которой он пишет свои замечательные книги. Только бы над головой не капало. У Осоргина — была наемная лачужка из одной комнаты с кухонькой, при полудесятине пустыря, в углу которого он развел огород. И лачужку, и выращенный им укроп, ему пришлось бросить, так как местность эта сырая, а он часто хворает. — Я Вам, кажется, рассказывала, что он в писательской лотерее вытянул большой номер. Благодаря какой-то счастливой, его самого и всех изумившей случайности, его роман «Сивцев Вражек» взяло одно американское изд-во, снабжающее своими изданиями все американские клубы. Он получил единовременно около 175-ти тысяч франков, стал раздавать налево, направо, на свой счет издал несколько молодых поэтов, и теперь проживает жалкие остатки этого — можно сказать — выигрыша. Живет Осоргин в Париже в крохотной квартирке, без прислуги, и работают оба — он и жена — как негры. [...]

С сердечным приветом

А.Д.

P.S. Был у меня сегодня один молодой берлинский немецкий писатель, знающий всю русскую литературную колонию — рассказывал, как невесело там.

Там же. Л. 34 и об.

4

И.А.Бунин

Благодарю Вас сердечно за книгу, за горячие и добрые строки, написанные на ней, за телеграмму... Я сейчас буквально с утра до вечера сижу за писанием и, как всегда в такое время, ровно ничего не читаю (даже из дому весь день не выхожу) и потому книгу Вашу только *просмотрел*, так что одно могу сказать о ней пока: не легко

* В 1000 марок. (Прим. А.Ф.Даманской.)

читается, но очень, очень много хорошего в ней. Дай Бог ей успеха!

Очень хорошо Вы сказали: «надо жить по-еврейски – 100 лет и бодро...» Так бы и жил с радостью – очень еще хочется жить и делать, делать... Да уж очень гнетет и обижает судьба! Задавило сиденье в глуши, в страхе за кусок хлеба на завтра, в мизере, а вот прославляют и обогащают и без того давно прославленных и богатых, главное – чаще всего *конченных*, старых, отживших! Желал бы я знать – что изменится в жизни г. Galsworthy от этой премии³⁵! А тут пропадаешь *преждевременно*...

Крепко жму Вашу руку

Ваш Ив. Бунин

11.XI.32

Villa Belvedere

Grasse, a.m.

Там же. Ед. хр. 29. Л. 3 и об.

5

А.В.Амфитеатров

[3 февраля 1932, Леванто]

[На почтовом бланке «ALESSANDRO AMFITEATROF. Levanto. Villa Della. Lagore»]

Многоуважаемый Александр Павлович,

Вы как-то раз писали мне, что могли бы и хотели бы мне помочь, в случае надобности. А затем однажды оказали услугу сыну моему Владимиру³⁶ при получении им денег от матери из России. Эти прецеденты внушают мне решимость обратиться к Вам с просьбою нижеследующего содержания.

Как Вам известно, я постоянно сотрудничаю в рижской газете «Сегодня»³⁷. Орган этот имеет то огромное достоинство, что – аккуратный плательщик. Таким он был все пять лет, что в нем работаю, таким остался и сейчас. Но в настоящее время в Латвии запрещен вывоз денег, каждый двухнедельный посыл мне стоит редакции хлопот, на к[ото]рые уходит много времени, и, в результате, гонорар приходит на десять-двенадцать дней и даже на две недели позже, чем следует, что создает для меня, по местным условиям, весьма неприятные затруднения.

Для срочного платежа понадобился мне аванс в тысячу итальянских лир. Мильруд³⁸ пишет, что, несмотря на не весьма блестящее состояние кассы, они охотно аванс послали бы, но не имеют никакой надежды на разрешение, так как и из-за каждого отдельного посылки им приходится чуть не бои вести с контролем, требующим оправдательных документов. Словом, *tout comme chez nous** в 1917, только мизернее и хуже. В таких обстоятельствах я и надумал попросить Вас оказать мне кредит на эту тысячу лир, с ежемесячным его погашением от 150 до 200 лир, в соответствии тому, сколько я буду получать из «Сегодня». Там я зарабатываю 28 долларов в месяц и, так как к 15 января выплатил остаток старого аванса, то ничего «Сегодня» не должен.

Если для Вас возможно оказать мне эту любезность, то будьте добры перевести мне сказанную сумму – тысячу лир – в скорейшем времени. Уплату же производить я начну с первой же февральской полочки. «Сегодня» всегда высылает деньги по 1 и 15 числам (вернее, по 2 и 16) месяца. Так что с нынешним опозданием из-за контроля надо считать, что февральский гонорар я получу 24–25–26 февраля, и, если раньше того получу от Вас ссуду, то немедленно пошлю должную часть уплаты, в сопровождении самой сердечной благодарности.

Плачевные времена переживаем. А сколько их еще осталось терпеть миру впереди! Мне-то, дожившему до 70-го года уже недолго созерцать и выносить творимое повсеместно безобразия, – ну, а всех, кто помоложе, не поздравляю. Собственно говоря, при всей материальной трудности жизни в Италии, это, благодаря Муссолини, теперь единственная страна в Европе, где можно жить более или менее спокойно. Только вот заработков-то в ней решительно никаких нет, в особенности для литератора из иностранцев, даже при условии, что он, как я, для Италии свой человек.

До свидания. Желаю Вам всего наилучшего.

Ваш Ал. Амфитеатров

Откликом на сие послание и, по возможности, исполнением просьбы, пожалуйста не замедлите. Посылать,

* Все, как у нас (фр.).

если не телеграфом, то лучше чеком в лирах или долларах. Марку в нашем захолустье плохо меняют.

Там же. Ед. хр. 20. Л. 3 и об.

6

И.А.Бунин

[27 июня 1933, Грас]

Дорогой Александр Павлович, снимки получил – очень хороши! Хотел написать Вам, поругать «Числа», да засел за работу – простите. Надеюсь, что Вы теперь совсем молодцом – после всех своих мучений в огне [и] грязи³⁹. Всего лучшего, доброго пути к Гитлеру! Но неужели теперь уже на все лето в Берлин? Обнимаю Вас.

Ваш Ив.Бунин

Там же. Ед. хр. 29. Л. 9.

7

О.Дымов

[15 июля 1933, Нью-Йорк]

Мой дорогой, милый друг. События идут усиленным темпом, прыгают галопом. Я не полагал, что Вы остались в Германии или что вернулись туда, – а вот Вы просите писать туда. Ну, ладно, коли так.

Лето мы проводим сейчас в окрестностях Нью-Йорка, в Manhattan Beach. Здесь чудесно, купаемся, наслаждаемся природой. Изочка⁴⁰ вблизи меня, но отдельно. Ей повезло: она получила хорошую службу с хорошей оплатой, и уж ей обещана прибавка. Должна рано вставать, работы вдосталь, но она счастлива. Очень благодарит Вас за привет и ласку, и просит непременно Вам возразить тем же.

Спасибо за «Числа» – до чего убого почти все и жалостливо. Хотел было написать в «Нов[ое] р[усское] слово» о Вашей интересной маленькой повести, но опередил Пильский. Посылаю Вам вырезку, если до сих пор не получили.

Когда увидимся?.. О, уж об этом совсем трудно говорить. Мечтаю будущей весной быть в Европе – в Германии – ой ли? Но в Париже буду. А то и в Лондоне. Я писал Вам о том, что получил прекрасное место глав[ного] режиссера «Second ave[nue] Theatre». Кроме того, работаю

сейчас в большой газете «The Day». А самое главное то, что я...

...что я написал пьесу на тему о событиях, касающихся *меньшинства* в некоей стране, нам обоим знакомой по моему недавнему пребыванию там⁴¹. Эта пьеса уже куплена для постановки на Broadway и, верно, пойдет в начале сентября. Возможно, что она пойдет и в Вене, и в Париже. Вы скоро об этом услышите подробнее. Играет глав[ную] роль известный актер Maurice Moscovitch, прославившийся в Лондоне исполнением Шейлока в присутствии англ[ийского] короля. Он в восторге от пьесы.

Работы много, а надежд еще больше. Не сетуйте, поэтому, что пишу немного на этот раз. Но буду рад-радешенек услышать от Вас как можно более и подробнее.

Крепко обнимаю Вас за себя и за Анну Никол[аевну]⁴².

Ваш всегда, неизменно, Осип.

Крымовым я напишу скоро.

Там же. Ед. хр. 43. Л. 41 и об.

8

А.М.Ремизов

6.IX.1933

Многоуважаемый г. Буров.

Простите, не знаю Вашего отчества. Знаю Вас, как писателя, и из Ваших строк вижу, что Вы чувствуете и беду, и боль, и сочувствуете. Кроме того, слышал о Вас как о добром человеке. И потому обращаюсь к Вам.

С 17-го июля без пристанища: должны были очистить квартиру. И вот с тех пор началось странствование. Все это, может и любопытно – жить на птичьем положении, но для этого надо и молодость, и здоровье. А к пущей беде я захворал: было воспаление легких и только теперь оправляюсь.

А непременно надо в Париж и там найти что-нибудь и продолжать прерванные работы. Но для этого надо деньги. А денег нету. И я решил обратиться к Вам: прошу вас поверить мне – прошу не совсем, а временно 2000 франков, эти деньги я понемногу верну вам. Лишь бы только устроиться, иначе никакое дело не сделается.

Буду Вам очень благодарен. Никогда ничего не забывал и не забываю.

Напишите мне: A.Remisoff
chez M-elle Séchaut
Bourbon-Lancy
(Saône et Loire)
Зовут меня Алексей Михайлович.

Алексей Ремизов

Там же. Ед. хр. 70. Л. 1.

9

И.А.Бунин

Дорогой Александр Павлович,

не писал потому, что Вы точно в воду канули, не знал, где Вы. Теперь знаю – письмо Ваше и деньги получил и за все очень благодарю – всем Вы меня очень тронули (равно как и рассказом о милейшем Соловейчике, который прочел с большим удовольствием, с грустью и умилением). Очень рад, что Вы опять скоро будете в своем «третьем отечестве» и «надолго» – все-таки, тут «теплей». Приедете ли на юг? Приедете – известите, все будем очень рады повидаться с Вами. А в Париже навряд [ли] увидимся – мало надежд, что удастся хоть на недельку съездить туда! Разве что Бог пошлет какую-нибудь удачу – вот просят из Америки продать для кинематографа «Господина из С[ан]-Фр[анциско]» – большое это было бы подспорье для меня! О Нобелевской премии есть уже, вероятно, или скоро будут в Берлине слухи более точные, чем те, что доходят сюда – будьте добры, милый, немедля написать мне тогда (сохранив в полной тайне эту мою просьбу). А пока до свидания и дай Вам Бог всего хорошего. Весь Belvedere Вам кланяется. Галю зовут Галиной Николаевной. Читали Вы рецензию Бицилли о ней в «Совр[еменных] записках»⁴³? Мы все очень счастливы за нее.

Сердечно обнимаю Вас!

Ваш Ив. Бунин

29.X.33

[В правом верхнем углу бунинского письма Буров приписал:]

Сейчас 12.10 пополуночи. Был у С.Горного... И вдруг по радио слышим: Нобел[евская] премия академику Ивану Алекс. Бунину! Подпрыгнули, перецеловались; совершилась величайшая справедливость, о чем и телеграфировали ночью же Бунину. 9 нояб. 1933 года.

Там же. Ед. хр. 29. Л. 12 и об.

10

И.А.Бунин

[13 ноября 1933, Грас]

Дорогие Александр Павлович и Александр Авдеевич, очень, очень благодарю за поздравления. Очень прошу вас обоих взять на себя всякие могущие быть со мной переговоры со стороны немецких издательств и журналов о переводах моих произведений.

Простите за краткость – меня сбивают с ног. Целую вас обоих.

Ваш Ив.Бунин.

Villa Belvedere, Grasse, a. m.

[На письме приписка Бурова:] Полномочие писателям А.П.Бурову и А.А.Горному от И.А.Бунина.

Там же. Л. 13.

11

С.А.Кречетов

1/ I/ 34

ДОРОГОЙ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ!

Получил Вашу открытку от 28/XII.

Нынче первый день Нового Года. Вам от нас обоих новогодний привет и лучшие пожелания⁴⁴.

Очень рад, что Вы согласны с моими «установками» насчет Вашей книги. В этих вопросах можете мне смело довериться: – и моему многолетнему редакторско-издательскому опыту, и моему искреннему желанию пользы для Вас же и для Вашей книги. Доверитесь – не раскастесь. [...]

Теперь насчет Бунинских дел, которые Вас интересуют.

Почему в заметке в «Возрождении» не было упомянуто мое имя в числе встречавших, поистине не знаю.

Деспотули уверяет, что в своем телефонном сообщении он помянул о «семье Сергея Горного» и об Сергее Кречетове, при записи же наспех на другом конце, в Париже из всего этого получился один не бывший по болезни Сергей Горный. Может и так. Я не углублял, ибо мне, по совести, это безразлично. Возможно, что и впрямь напутали, ибо вот из Боткина, официального представителя Русской колонии, в заметке получился какой-то Бобков. Кстати, тут же рядом из г-жи Рындиной, по точному смыслу фразы, получилась «начальница русской гимназии с двумя девочками». Этому тут много смеялись.

30 декабря в Шуберт-Зале состоялся Бунинский вечер, устроенный Союзом Литераторов. Народу было много, ибо разнеслась весть о приезде самого Бунина. Так оно и было, и он действительно был предъявлен публике, так сказать, «в натуральную величину».

Вечер сложился так: — Вступительное слово Гессена⁴⁵, блестящий доклад приехавшего из Праги проф. Степуна⁴⁶ (друг Буниных, у кого они там это время гостили), прочитавшего также бунинский рассказ «Ида», потом краткий доклад Сирина о поэзии Бунина, иллюстрированный чтением его нескольких стихов, потом мастерское чтение самого Бунина (его с большим трудом уломили!), который прочел свой рассказ «Об Емеле-Дурачке» и, наконец, заключительное слово Вашего покорного слуги. Закончил я его поздравлением Бунину с наступающим Новым Годом, и мы с ним троекратно облобызались на эстраде. На этом вечер и кончился. Говорят, вышел он удачный, прямо на славу.

Следующий день (вчера) Бунин оставался в Берлине (вместе со своей женой, Верой Николаевной, и бывшей с ними Галиной Кузнецовой) до вечера. С утра ухитрился ими всеми завладеть некий Фульда (наверно, Вы знаете, — богатый господин с хорошим автомобилем, сроду не читавший Бунина) и возил Бунина с его дамами и Степуна с его женою и сестрой осматривать Берлин. Потом, понятно, завез к себе и чествовал пышным завтраком, дабы после похвастаться этим случаем. Оттуда заехали Бунины и Степуны и к нашему милому Сергею Горному, который так много (хоть и лежа в постели, телефонным порядком) повозился с организацией той, первой встречи Бунина на вокзале.

К 5 часам собрались у Гессена на «Бунинский чай». Были здешние литераторы, Вам известные, в остальном же — личные знакомые Гессена. Я сидел с М-м Буниной и мы предавались милым московским воспоминаниям. Часов в семь Бунины уехали. Они должны были тронуться в тот же вечер прямо в Париж.

Вот Вам и все, милый. Как видите, отвечая Вашему желанию, описал подробно.

В.П.Крымова мне очень жалко. Его я очень люблю, ибо, вопреки общему представлению о его черствости, с его стороны за эти годы я видел много искреннего тепла и искренней дружбы, за что, при всем различии наших мировоззрений, платил ему тем же. Когда он перебирался в Париж⁴⁷ и думал, что там его окружают приветом и все объятия будут ему открыты, я знал наперед, чем это кончится: — налетят, набросятся, засыпят любезностями, потом быстро, развязно и жадно будут лезть в карман, а еще потом, получив отпор, отшатнутся и станут ругать на все корки. Парижскую среду и тамошние повадки я знаю отлично. Они много хуже здешних берлинских. Там смотрят «в корень»: — Давай и никаких! И давай, притом, без малейших оснований. Просто потому, что у тебя есть. Все это я предвидел. И все-таки берет омерзение, когда слышишь мельком упомянутый Вами случай, когда ЛИТЕРАТУРНЫЕ люди приехали, перепились, нахамили и нагло требовали денег⁴⁸.

Да, таковы тернии «богатого человека» в нашей эмиграции, — особенно такого, который иной раз неосторожно махнет насчет «непроживаемых % %». Ясно, что, будь такой человек даже Морганом либо Фордом, он в два счета превратился бы в нищего, если бы вздумал давать ВСЕМ, кто о том просит.

Теперь такая же участь ожидает и Бунина. К нему уже текут моря, — буквально МОРЯ! — не только просительных и умоляющих, но и требовательных, вымогающих и угрожающих писем. Раскрой он кошелек, получится рассказ Тэффи (Вы, наверно, его читали в «Возрождении»). Там гадали о том, как некий лауреат «теперь ДОЛЖЕН» туда-то и туда-то столько-то дать, распределив мысленно пожелания, увидели, что самому-то ему не останется ничего, и спокойно решили: — «Ну, что ж! Как-то раньше жил, проживет и дальше».

Я, конечно, не сомневаюсь, что кому-то Бунин и поможет. Но поможет не случайным людям, а тем, кто ему в эти годы был близок на его жизненном пути. [...]

Там же. Ед. хр. 49. Л. 3–4 об.

12

И.А.Бунин

Милый Александр Павлович, очень буду рад встретиться и познакомиться с теми, о которых Вы пишете. Только как это устроить? Это надо обсудить, и поэтому будьте добры позвонить мне по телефону *завтра*, т.е. в среду, часов в 11, в 12 утра.

Ваш Ив.Бунин

Еторник

(9/I 1934). Paris. Majestic

[*На письме приписка Бурова:*] Касательно предполаг[авшегося] визита к Ив[ану] Ал[ексеевичу]: Федина, Замятина, Гуля⁴⁰.

Там же. Ед. хр. 29. Л. 16.

13

В.М.Деспотули

[*Весна—лето 1934, Берлин*]

[*На бланке «Buchhandlung Alfons Rohde / Spezialgeblet: Fremdsprachen...» (гриф перечеркнут).*]

Дорогой Александр Павлович!

Не пугайтесь, пожалуйста. Альфонсом я еще не стал. Я замещаю несколько дней библиотекаря и потому пишу на бланке этой фирмы.

Выгод больших я не имею. Но зато наш общий «друг»* и тут умеет «ausnutzen»** – это же его специальность, в этой области он непревосходим – он почти ежедневно присылает списки книг, которые хотели бы прочитать его друзья...

Так он и распространяет о себе славу – «Ах, какой милый, обязательный этот Горный». А он все за чужой счет,

* Серг. Горный. (Прим. А.П.Бурова.)

** Использовать, утилизировать (нем.).

причем за счет маленьких людей, которым он таким образом демонстрирует свою высокую дружбу.

Сегодня он опять прислал фотографию Морокана⁵⁰ с дирижером оркестра в Мюнхене – «наци». Не могу ли я поместить? Вот ловкач!..

«Я так люблю Вас, милый Влад[имир] Мих [айлович]. Вы чуткий, деликатный, умница, способный.

Если когда-нибудь Вам понадобятся на дело деньги – я бы не задумываясь дал».

Вот теперь представилась мне возможность войти в книжное дело, существующее 15 лет. Торговля иностранцами – французск[ими], английскими, испанскими книгами. Нужно было 3–2 1/2 тысячи марок на 1 год, я входил компаньоном и имел бы 200 марок в месяц.

Я не просил у Горного денег – ему и Крымову цена одна... Я просто рассказал ему всю комбинацию. – «Знаете, – это, действительно, интересное дело. Как жаль, что я без денег!..»

Этакое фарисейство! Тут же сует мне свою книжонку «Петр и Пугачев»⁵¹, чтобы я всучил ее в М[инистерст]ве пропаганды (?!?)

«Какой, де, стопроцентный ариец этот Горный!..»

Вы не поймите меня ложно. Я не в претензии на него, что он отказался поддержать меня, вернее, помочь, наконец, стать на ноги.

Чужой карман – потемки. Но зачем же тогда эти постоянные слюнявые уверения в преданности, дружбе, готовности помочь... чужими руками. В «Иллюстр[ированной] жизни»⁵² увидел ту фотографию, которую я даже в Харбине поместил месяц тому назад. Горный умудрился, конечно, и туда вклеить свою физиономию. Отлично ее поместили... «и друг».

Отличная экспедиция в «Петрополисе», обещали прислать «Числа» в пятницу, сегодня – понедельник. Абоненты в библиотеке спрашивают уже.

Сирин подарил миру и еврейской общине нового члена⁵³, не думаю, чтобы удалось ему доказать чистоту происхождения.

Жаль, что Вы не в Берлин, а в Дах[ау] едете. А, может быть, и лучше. Что здесь делать?

Слушать «византийские рассказы», распеваемые Кречетовым, дремать под бормотанье Матусевича⁵⁴, в стотысячный раз восторгаться альбомами «Лютеранина»⁵⁵ ...

Что делать в Берлине, где русских стало меньше, чем немцев, где — о, дерзость — на Курфюрстендамм⁵⁶ громко раздаётся немецкая речь?

Спасибо, что Вы черкнули мне несколько строк.

«Посл[едние] нов[ости]» запрещены, и теперь навсегда⁵⁷. «Пусть неудачник плачет».

Сердечный привет.

Ваш Вл.Деспотули

Там же. Ед. хр. 41. Л. 25 и об.

14

И.А.Бунин

Дорогой Александр Павлович, я Вас не забывал — это Вы сами не давали ни слуху ни духу. Был в Париже на минутку — звонил к Вам раза три, но безуспешно. А написать не мог — забыл дома Ваш адрес. Насчет «фабриканта отзывов о себе» — разве я не писал Вам? Милый, да ведь это старо как мир — что же Вы возмущаетесь? А книгу вашу я долго не читал — верьте Богу, с утра до ночи сидел (и все еще сижу) над распределением (оч[ень] трудным!) и правкой материала для собрания своих сочинений в «Петрополисе»⁵⁸. А сколько еще всяких дел и делишек! А поиски себе хижины (оч[ень] хочу купить)! Все же за последнее время урывал минутки и почти все «Землю в алмазах» прочел. В общем — молодец Вы. Оригинально, напористо, смело — талантливо. И, несомненно — «делаете успехи». Не обижайтесь, дорогой, — *настоящие* успехи мы делаем вовсе не в молодости, а гораздо позднее.

Вы опять в Берлине были? Когда же Вы с ним кончите? Когда обретете себе прочное пристанище во Франции?

Обнимаю Вас — и, надеюсь, до скорого свидания: дела все больше требуют того, чтобы я опять на днях сбежал в Париж. Уж на этот-то раз, надеюсь, увидимся. О многом хотелось бы поговорить. А писать я не мастер, не люблю, а главное — очень нет времени.

Ваш Ив.Бунин

12.V.34

Там же. Ед. хр. 29. Л. 19 и об.

[11 июля 1934, Грас]

Дорогой и милый «Неугомонный»,

Паки и паки спасибо за любовь и ласку. Спасибо и за «Числа» (только что получил, прочел пока только о себе и о Вас, — дай Бог вам!). Поездка моя в Париж входит под сомнение [так! — С.Ш.] — жарко уж очень и дорого (меня все еще рвут, чуть не каждый день, понемногу разоряюсь). Если не приеду, поклонитесь Дымову и попросите его подумать обо мне — на счет [так! — С.Ш.] фильма из меня. Осенью прошлой у меня торговал «Господ[ина] из С[ан-]Фр[анциско]» г. Полянский из Холивуда⁵⁹. Я назначил пустяки — был оч[ень] беден — всего 3000 дол[ларов] за все про все — тогда он вдруг замолк. А ужели я никуда не го-жусь для экрана⁶⁰? Позаботиться же обо мне некому. Вот и прошу Вас: поговорите с Дымовым обо мне серьезно. [...]

И еще: посоветуйте твердо (и тоже поскорее): что же, покупать мне Belvedere? Последняя цена — 85 т.

И еще: старик Амфитеатров буквально гибнет с голоду. Я сделал и делаю все, что могу. Не поможете ли Вы? Хоть *сто* франков.

Если можете послать Амфитеатрову, то посылать надо так:

Madame Valentine Tillemont, hotel «Stella d'Italia», *Le-vanto*, Italia.

Известить же г-жу Tillemont, что эти деньги *для Амфи-театрова*, надо особой, закрытой записочкой (а то кредиторы узнают): «j'enovoie ---- francs pour mr Amfiteatrov». Впрочем, она, кажется, знает и по-русски.

Там же. Л. 21-22.

[16 июля 1934, Грас]

Villa Belvedere, Grasse, a. m.

Телефон: Grasse 3-68

Дорогой Александр Павлович,

Не знаю, как писать Осипу Исидоровичу в «Majestic»: на его настоящую фамилию или на литературную? Боюсь, что если напишу: «Mr. Dumoff», письмо ему не передадут.

Поэтому очень прошу Вас повидаться с ним и сказать ему, что я сердечно приветствую его, благодарю за доброе желание помочь мне насчет американских кино и буду очень рад, если он напишет мне сам, каковы его планы в этом смысле и надеется ли он более или менее серьезно устроить что-нибудь мое в этих кино. Я, конечно, приехал бы в Париж, если бы в этом оказалась практическая необходимость. Но что же ехать очертя голову? Лучше нам с Осипом Исидоровичем предварительно списаться. Кроме того, я прошу его принять Марка Львовича Слонима (13, rue Bonapart, Paris 6, телефон: Danton 54-62) – тоже для предварительного разговора: Марк Львович, как Вы знаете, мой литературный представитель в Париже и я уже просил его заняться мной и насчет кино, так что действовать без него мне теперь неудобно.

Обнимаю Вас.

Ваш Ив. Бунин

[На письме помета Бурова:] Касательно Америки – Дымов – и т.д.)

Там же. Л. 23 и об.

17

О. ДЫМОВ

[13 августа 1934, Лондон]

[На почтовой бумаге гостиницы «The May Star Hotel», Berkley Square, London, 88»]

Мой дорогой друг Доля, похоже на то, что я останусь в Лондоне гораздо дольше, чем это предполагал. Я получил новую работу в фильме, с очень хорошей оплатой, и вряд ли вернусь в Paris раньше двух месяцев. Есть даже возможность того, что я вообще переселюсь из Америки сюда, но это пока еще впереди. Я лично был бы счастлив, ежели бы это случилось.

Что у Вас доброго? Я уже привык по утрам слышать Ваш голос в телефонной трубке, а тут этого нет... Говорил кое с кем относительно Бунина. Все отвечают: нелегко. Полагают, что Алданова⁶¹ устроить в фильме легче. Пожалуйста, поймите его.

Очень прошу: дайте знать о себе. Писать можно мне по адресу, который в заголовке этого письма.

С крепким рукопожатием и приветом жене.

Ваш Осип

Там же. Ед. хр. 43. Л. 34 и об.

18

В. М. Деспотули

[14 сентября 1934, Берлин]

[На редакционном бланке газеты «Новое слово»]

Дорогой Александр Павлович.

Сегодня выпустил первый номер, под своей редакцией, «Нового слова». Первый номер из машины и первый мой привет Вам в Париж.

Почему от Вас давно нет известий? Вы собирались ехать в Америку, — может быть, Вы уже качаетесь на волнах океана? Или Вы заняты новым романом? Я подразумеваю роман без кавычек. Впрочем, только к одного рода романам у Вас неоспоримая способность.

Вашим друзьям, которым климат Германии оказался пагубным для их политического насморка, неудачным дельцам слева и справа — г.г. Крымовым и Кречетовым — в трогательном альянсе на берегах Сены обретшим новую родину — мой редакторский привет.

Через месяц газета начнет выходить еженедельно. Я позволю себе тогда подробнее поговорить с Вами о делах газеты.

Думаю, что Ваша трогательная нежность ко мне останется неизменной. Если Вас не смущали мои адъютантские аксельбанты, то да не смутит Вас мой редакторский карадаш — он двух цветов — синий и красный. Прибавить белый цвет — вот Вам цвета национального флага России, которой беззаветно и будет служить наша газета.

Сердечный привет. Искренно любящий Вас

Вл. Деспотули

Там же. Ед. хр. 41. Л. 14 и об.

19

О. Дымов

[25 сентября 1934, Лондон]

[На почтовой бумаге The Dorchester Hotel. Park Lane. London W.1]

[...] Насчет «Bounin'a» я говорил с англичанами: нелегко, хотя и Нобель. Получил письмо от Алданова, да переписка так и замерла. Я направил его к Вам, а он «не хочет Вас беспокоить». Как же быть. [...]

Там же. Ед. хр. 43. Л. 53 об.

20

В.Н.Муромцева-Бунина

[25 октября 1934, Грас]

Многоуважаемый и дорогой Александр Павлович, Простите меня за билет на вечер Марины Цветаевой. Я получила часть десятков с отчаянным письмом. Помочь ей необходимо, и я стараюсь издали пристроить билетов.

Положение ее действительно безвыходное. Работает она, как самая нищая женщина в эмиграции, — нужно видеть ее руки! Даже большую стирку она сама производит... Кроме того, у нее мальчик девяти лет много отнимает времени и забот, а она страстная мать!

Печатают ее мало. Реже, чем раз в 3 месяца! Этот заработок хватает лишь на «терм» — 300 фр.⁶² (квартира, значит, стоит 100 фр. в месяц! а ведь их четверо). Но нужен уголь, одеть, обуть мальчика, себя и что-нибудь «кушать»... заплатить в школу. Поэтому простите меня за беспокойство. Если Вы уже «ограблены», то, может быть, Вы кому-нибудь продадите этот билет. Цена их мне неизвестна. Вы лучше знаете, как теперь они котируются на бирже «нашей маленькой жизни»⁶³.

Деньги или передайте в кассу, в случае, если будете сами на этом вечере, или пришлите ей прямо, упомянув, что билет получили от меня.

Адрес Madame Zwetaieff-Efron, 33, rue

Jean-Baptiste Pofin

Vannes (Seine)

Третий раз прошу простить меня и заранее благодарю.

Ив[ан] Ал[ексеевич] и Зуров⁶⁴ шлют Вам привет.

Душевно Ваша

В.Бунина

Ив[ан] Ал[ексеевич] думает в ноябре быть в Париже.

Читать Марина Ивановна будет о своем «музыкальном детстве», это очень интересно. Я жалею, что не попаду.

Там же. Ед. хр. 30. Л. 2 и об.

[17 ноября 1934, Лондон]

[...] Читаю Бунина – опять и опять. «Елагин» – превосходный психологический этюд – глубокий и содержательный⁶⁵. Тип актрисы – изумительно взят: не с Рождиной ли это списано? Она такова была в молодости. Да она ли одна. Все эти «Веры Холодные», которые вдруг кончали самоубийством – как типично это было для эпохи!⁶⁶

Превосходно! Прекрасно! Но что с этим поделать для кино? Быть может, одна Бергнер⁶⁷ могла бы сыграть и – пречудесно! – такую фигуру. Да возьмется ли она? Уж очень это все мрачно, и «светло» где-то по ту сторону. Соединить два-три рассказа вместе? Пока не вижу этого...

Там же. Ед. хр. 43. Л. 57 и об.

[3 декабря 1934, Лондон]

[...] Поздравьте меня с удачей, и с немалой, дорогой друг. Похоже на сказку рождественскую, а, кстати, и Диккенсовское (сказочное) Рождество близко. А вот в чем дело. Здесь, в Париже, находится знаменитый film-star* Conrad Veight⁶⁸, мой старый друг. Я для него написал фильм «Распутин». Он играл с Bergner и Jannings⁶⁹ в моем фильме «Ню». Он здесь под контрактом (годовым) у Gaumont British – лучшая, самая богатая фирма Англии. И вот уже полгода не играет: нельзя ему найти манускрипта. Есть сюжет один – так не знают, как переделать. Я был у него к ужину (с шампанским); он предложил мне: «Подумай, Осип, потруди головку». Через три дня я звоню ему: «Есть!» – «Уверен в этом?» – «Вполне». Он созвал всех главных директоров «Gaumont British», глав[ого] режиссера, глав[ного] драматурга и т.д. Я изложил свой план, говорил около часу, принес иллюстрации, диаграммы, и когда окончил, получил всеобщее: *Wonderful**!*

Через 24 часа я получил заказ сделать эту работу!!! Не удивительно ли? Должен прибавить, что 12 exposés (про-

* Кинозвезда (англ.).

** Великолепно! (англ.).

ектов) было подано разными лицами на ту же тему, все они были плохи, не признаны.

Еще интереснее, что книгу (роман), которую надлежит переделать в фильм, я читал более 25 лет тому назад, едва помню, и не прочел вновь... Может, это и лучше: сочинил свое. [...]

Там же. Л. 64 об.—65 об.

23

П.П.Балакшин

[28 ноября 1934, Сан-Франциско]

[На бланке «Цеха русских журналистов в Калифорнии»]

Дорогой Александр Павлович!

[...] Я не предполагал, что моя скромная заметка⁷⁰ вызовет ко мне такое доброе и трогательное отношение; прежде всего я просто как читатель, должен быть признателен Вам за Вашу книгу, за Ваше волнение, искренность, местами исступленную горячность, с какими Вы пишете вообще о людях и о «потерянном, русском» в частности и которые не могли не поразить, не захватить меня. [...]

Рад, что идея «Фрагментов» нашла в Вас такой живой отклик. Они задуманы с целью охватить возможно всю зарубежную литературу, но материал, конечно, огромный и потребует некоторого времени, чтобы выполнить задание.

Я предполагаю разбить работу на (хотя бы!) две группы, во вторую группу отложить зарубежных «богов и про[но]минентов»⁷¹. Трудно что-нибудь сказать о Бунине после Айхенвальда и Б.Зайцева и, конечно (не менее важное соображение!) молодые писатели требуют большего внимания, и с них и следовало бы начать, что я и делаю.

Слово «молодой» не должно никого смущать, оно приводится, дабы оттенить значительное количество писателей от старых зубров, как Куприн, Осоргин, Алданов и т.д.

Но у меня большое сомнение относительно возможности пропустить в свет, выпустить такую книгу (примерно двенадцать писателей и три статьи, отмечающие от-

дельные писательские группировки, как Дальний Восток и т.п.). Думаете ли Вы, судя по моей заметке о Вас (и Вы писали о том, что видели мою заметку о Сирине), что в них «будет что-то»? Думаете ли Вы, что их можно издать?

Все это, конечно, для меня вопросы очень важные; в зависимости от решения второго – окунуться ли мне в эту работу целиком или (как я делаю теперь) писать эти очерки исподволь, не спеша, имея в виду какой-то благоприятный случай издать их когда-нибудь.

Я оторван от «центра» (хотя я сам не верю в то, что есть этот «центр»), Вы и сами знаете, как издаелека трудно сговариваться! [...]

Ваше внимание ко мне, надеюсь, позволит мне обратиться к Вам – в связи с работой – за советами, проверкой и т.д.

Так приятно было бы иметь друга в «центре», который и на письмо ответит, и волнение подхватит, и не скажет так высокомерно: «тэк-с, батенька!» Поэтому на Ваш быстрый, охотный отклик мне хочется сказать, как я буду ценить эту нашу, если я могу так сказать, неожиданную дружбу через океан.

Я бы хотел сказать несколько слов о себе, дабы Вы могли знать «данные». Писать стремился всю жизнь, готовился к писанию давно, жил с шестнадцати лет на Бунине, Гамсуне, Чехове, Метерлинке, Ибсене, Куприне, но начал писать недавно, года три назад. В 1916 г., держав на полгода раньше выпускные экзамены в реальном [училище], пошел на войну, «побаиваясь, что война закончится без моего участия». В Москве окончил военное училище (жил до этого на Дальнем Востоке, где и родился), потом окопы в Румынии, за ними гражданская война в армии Колчака, ранение, в 1920 году прощание с Россией, Нагасаки, Шанхай, где с другими открыл школу верховой езды (в Гражданской Войне служил в Приморском Драгунском полку), затем американская техническая компания, чертежи и расчеты по установке парового отопления, газа, водопроводных труб и т.д.

1923 г., Америка, поденщина, неудачная женитьба, десятки профессий, от матроса до *desinger*'а стальной конторской мебели, Калифорнийский Университет, в котором был сразу и на Архитектурном, и на Славян-

ском факультетах. Со второго семестра третьего года Архитек[турного] попал в туберкулезное отделение городского госпиталя. Последнее обстоятельство бросило к литературе – благодарю судьбу и богов, что «тут» – навеки, до самой смерти. На Архитектурном был успешен в художественной части, слаб в «позитивных» науках. На Славянском написал – в связи с курсом литературоведения – «Подход к Розанову». Надеюсь когда-нибудь, обработав больше, издать. В этом году рассказ в «Последних Новостях», ряд критических статей в «Новом Русском Слове» и всякая ерунда в других газетах, главным образом, Дальнего Востока. Надеюсь в 1935 году выпустить первую книгу рассказов⁷². Редактировал ежегодную студенческую газету при Калифорн[ийском] Ун[иверсите]те и «Калифорнийский Альманах», второй выпуск которого выйдет в свет в феврале 1935 г.

Первую книжку «Калифорнийского Альманаха» посылаю Вам для ознакомления, прошу отнестись к ней терпимо, в ней много «дамского рукоделия» и ужасно выполнена типографская сторона – это постарался несчастный Харбин (паршивый город!)

Там есть моя заметка об «Эмигрантской литературе», которая, кажется, вызвала гнев и неудовольствие «числовских парнасцев», т.к. я непочтительно отозвался о бакунинском «Теле»⁷³ и «гигантах современной мысли» – Поплавском⁷⁴. А в недавней заметке о десятой книге «Чисел» я привел, как ключ к парижской поэзии, непревзойденные слова Адамовича (Вашего «Виссарионовича»⁷⁵: «голубое ля-ля-ля»).

Я, как-то по наивности, в прошлом году послал в «Числа» рукопись рассказа, они, видимо, загубили его, т.к. не отослали обратно, хотя я приложил адресованный себе же конверт и почтовые купоны.

Посланное в сентябре письмо с вырезкой рецензии о «Числах» и с просьбой вернуть рассказ, если он еще имеется и не будет использован, до сих пор ни к чему не привело и даже не было отвечено. (Ах, эта ужасная черта – кажется, только русских – пугаться почтовой бумаги, конвертов и марок!) Если в Америке манускрипт, посланный с обратным конвертом и дополнительными марками на отправку, не вернулся автору в течение двух недель, и не пришло письмо с извещением, что рассказ

принят, автор — в чувстве справедливого гнева — пишет об этом особому журналу для писателей, в котором и помещается почти официальный запрос этого редактора к редактору халатного журнала о судьбе манускрипта. Но кто в эмиграции будет тревожить себя подобными заботами? Те же «Числа», обругав нещадно Бунина почти накануне присуждения Нобелевской премии, теперь хотели бы съездить депутацией в Грасс и как-нибудь замазать «стыд». Поплавский, в последней книге плюющий в «отцов», в Чехова (ведь и выберет же, наверное, из того же соображения, что «чем святее вещь, тем больше хамства в самом плевании, тем радостнее темной душе»). Это я все о том — возвращаясь к тому, о чем хотел сказать Вам еще в начале письма: об истинном, о вечном, поэтому всегда прекрасном и трогающем. Это имеет прямое отношение к Вам, к вашей «платформе», о которой я писал в рецензии, к установке на человека с его болью, страданиями, страстями, на истинного человека, а не на вырезанный из бумаги неживой, бескостный трафарет, по которому потом и кроят своего человека «Поплавские».

Что останется после десяти лет — вот что важно. Я знаю, что будут жить многие из «эмигрантских писателей» и после этих «десяти лет, но будут ли там Сирий (мое выражение «Сирий для сирых» привилось здесь), и Поплавские, и Бакунины? Я в этом сомневаюсь. Поэтому у них и отношение такое: на все плевать, я сегодня царствую, а другие, с их тревогами, муками, ожиданиями отклика (Вы замечательны в этом отношении, Александр Павлович!) — в болото их!* Я, я, я могу плевать, значит за мной что-то есть. В этом многое от «царства хама». А что может быть хуже литературного снобизма, этой «элиты», очертившей вокруг себя меловой круг, за который они сами (вот что ведь важно!) боятся переступить, дабы не быть оскверненными даже тенью низших, «недотрагиваемых каст»!

Это шелуха, у истинного человека она не бывает. Он избран силой своего таланта (Бунин), а не тем, что стал за призрачную черту «недостигаемости».

Что замечательно — разные по возрасту, положению, темпераменту люди сходятся положительно касаниями

* Похоже на пророчество. (Приписка на полях А.П.Бурова.)

душ, как братья одного знаменательного Ордена. Литература и есть один большой братский орден, и Вы об этом знаете тверже других.

Там же. Ед. хр. 24. Л. 2-5 об.

24

В.М.Деспотули

[8 декабря 1934, Берлин]

[На редакционном бланке газеты «Новое слово»]

Дорогой Александр Павлович.

Большое спасибо за письмо, хорошо, что Вы еще не гнушаетесь неожиданно объявленного вне эмигрантского закона редактора. Те, кто похитрее, продолжают «по секрету» поддерживать со мной связь по телефону. Кто его знает, ведь газета может и пригодиться для заметок о выступлениях вундеркиндов.

Письмо Ваше «Петрополису» я в свое время от доски до доски прочитал. Однако это отнюдь не означает, что они этим были проняты. Между прочим, я устроил у них новый роман молодой, безусловно талантливой писательницы Анны Таль⁷⁶. Представьте, они согласились его печатать без всякой «доплаты».

Шеи я не опускаю. Не опускал ее и при значительно худших условиях. Теперь же я получаю (не падайте в обморок и не просите займы) триста марок в месяц... Конечно, по эмигрантским исчислениям, все, что больше ста — тысяча. По их расчетам, я продался за десятки тысяч. Гнусавые Ирецкие и отдающие трупным ядом Гессены⁷⁷ меня плохо узнают на улицах. Но где были все они, когда мне было худо. Кто из них поддерживал меня? Забрасывали грязью, когда я пытался обличать подлинную роль гг. Овчаровых⁷⁸ и иже с ним при-
сных.

Дорогой Александр Павлович, я знаю, что Вы как человек умный и чуткий, отлично учитываете обстановку, в какой приходится делать газету и не ставите мне многого в вину.

Вы отлично ведь понимаете, что *другой* газеты сегодня в Германии быть не может. И не слава ли Богу, что мы избавились от расхлябанности и кружковщины интеллигентских диктаторов печати?

Я могу Вас заверить в том, что я действительно являюсь полноправным и совершенно самостоятельным редактором, решительно ни от кого не получающим указания, как нужно составлять очередной номер. Такой свободы я не знал ни в одной из «свободных» газет гессенского или гукасовского толка⁷⁹.

Вымер русско-еврейский Берлин. Тоска в нем. Затянуло паутиной. Но и в нее никто не попадает и пауки сидят тощими, голодными.

Благодаря газете, встречаюсь с очень интересными людьми, меня приглашают на всевозможные официальные приемы. Очень характерна та скромность, с какой проходят банкеты иностранной печати у, скажем, Розенберга или Геринга.

Жду не дождусь, когда смогу Вас угостить у Рубинштейна⁸⁰ нашим славным берлинским обедом. Приедете – увидите, как хорошо у нас...

Не сердитесь на меня, что выстукиваю Вам свои любовные строки на машинке, – так скорее выходит. Я просил контору послать Вам сегодня два последних номера. Вы мне ни разу не сказали своего мнения о газете. Не нравится, наверное?

Всего Вам хорошего. Я всегда помню хорошее. Особенно помню, как два года тому назад Вы скрасили мне святки. Я знаю, что Вы никогда не сомневаетесь в подлинности моей к Вам любви, да, да, самой настоящей любви. Вы – очень хороший человек, с живой душой, отличным знанием человека и умением увидеть там, где многие не видят.

Искренно Ваш

Вл.Деспотули

Там же. Ед. хр. 41. Л. 16 и об.

25

П.П.Балакшин

[13 февраля 1935, Сан-Франциско]

Дорогой Александр Павлович!

Прошу извинить, что задержал с ответом на Ваше доброе письмо, полученное почти месяц назад. Я от души смеялся и над анализом романтических развязок [...], и над описанием одного писательского кабинета – «крест 11x7 см, рядом

русский нац[иональный] флаг, а за занавеской портрет Гитлера в красках»^{*}.

Если даже это и немного зло, но все же очень остроумно, и картина сама по себе замечательна и, как говорится, достойна кисти большого художника. [...]

Очень интересно будет познакомиться с Вашими новыми работами, о которых Вы упоминаете в письме – о трех больших вещах и романе. Бог в помощь! Между прочим, когда у Вас будет свободное время, пожалуйста, познакомьте меня с той обстановкой, в которой Вы работаете (не – «как живут и работают наши за границей»), как выработываются сюжеты, как пишете, в общем, все, что имеет отношение к работе в писательской лаборатории. Это очень интересно, насколько, мне кажется, у каждого различно происходит внутренняя работа. Это было бы важно для «Фрагментов», они идут понемногу, главным образом собирается еще материал для них.

В Ваших вещах, на мой взгляд, очень интересны пыл и страстность, входящие временами до некоего неистовства. Про Вас нельзя сказать: «о, если б ты был холоден или горяч!»⁸¹. [...]

Золотушное дитя «Калифорнийский альманах», выпуск второй которого должен был бы выйти в начале 35 года, вряд ли оживет. Все зло его начинаний в том, что там были дамы-любительницы, у которых в хорошей пропорции имеется и некоторое количество тщеславия, и зависти, и бесталанности, и, поверх всего этого – неограниченное количество апломба, стирающего в порошок все: и «Слово о Полку», и несчастных Пушкина, и Лермонтова, и Достоевского (одна из дам на одном из рефератов (для этого ужасного «самообразования»), сообщила «внимательной аудитории» о новом течении в литературе – «Достоевский как развратник!»), и теперь не падающие и Бунина. Там же дама заговорила о Бунине (конечно, после Нобелевской премии, заняв у меня четыре тома Бунина в издании Маркса, которые я берегу, как чуть ни единственную ценность моего обихода, и познакомившись более или менее близко с ним только теперь); «Подумайте только, – провозгласила она, устремляя, как говорится, затуманенный взор поверх голов той же “внимательной аудитории”, – Бунин пишет рассказы на четырех языках! На

^{*} Это у С. Горного. (Прим. А.П. Бурова.)

четырёх языках! – потом перечисления, отгибание пальцев, – 1, общерусский, 2, народный, 3, украинский, 4, церковнославянский!»

Эта сторона жизни у нас представлена хорошо, я думаю, что и везде имеются и Коробочки, и Маниловы, а Собакевичей и Чичиковых хоть отбавляй! Эмиграция давно стала обывательщиной.

Одна из моих любимых грез, если так можно сказать и воспользоваться этим словом, это создание журнала – раза три в год. Да, пожалуй, типа «Чисел», только строже, без «родственников». Конечно, определено локального колорита – на американской почве, освещая здешний быт, с такими именами, как Рерих, проф. Ростовцев, Александра Толстая⁸²; несколько меньших имен из русского Холливода – я их всех хорошо знаю, они бы работали со мной. Часть журнала отведена американским писателям и поэтам, и английским (канадским и т.д.) Это прекрасная мечта, как бы я хотел осуществления ее! Главное – средства. Есть данные полагать, что это может наладиться, конечно, как всегда, с большим трудом. Но уже без всяких дам, без всяких душевных мятушений [так! – С.Ш.], ненужных, нудных разговоров и учительства – пропади оно пропадом! Такой чистый журнал, порядочный и веский! Вот жалко, все как-то недолговечно у Кантора⁸³ с его многими начинаниями у вас, в Париже. Конечно, беда – денег нет и нет приличного читателя! Теперь читатель норовит или еще раз Краснова⁸⁴ перечесть, или давай ему – «уголок женского мира», или что-нибудь из «научного» – из Крыжановской⁸⁵. Подумайте – Сирий – властитель дум, и Поплавский литературный эстет, законодатель литературных мод!

Это бы все выправилось, если бы было на своей земле: отмелись бы мелкие, ничтожные, остались бы стоящие. Но вот ведь беда – за самыми молодыми, как Зуров (считаю очень талантливым, мне он страшно нравится, у этого бесспорное будущее!) уже и никого! Молодняк, если и будет писать, будет писать на своем языке – французском или английском, русский не удержится. Это жаль. Поэтому такое раздолье литературному удалству, гульбе литературщиков. [...]

Завтра утром я выезжаю на рыбацьем баркасе в Сан-Пидро, это порт Лос-Анжелеса, со знакомым русским рыбаком, компаньоном небольшого рыбного промысла и

этого баркаса. Лос-Анжелес и, особенно, Холливуд, Пасадина, Санта-Моника – очаровательные места, и само путешествие – 30 часов вдоль берега Калифорнии – для меня представляется довольно заманчивым.

В Холливуде много русских статистов при кинематографических студиях; кой-кто выбился, но, в общем, беднота. Работа статиста мало кого может прельстить, правда, они всегда, как азартные игроки, в ожидании – авось подвезет [так! – С.Ш.] и дадут роль или, как там говорят, «биток». Для статистов два наименования – экстра и, еще более ужасное – «атмосфера», т.е. невидимое и неслышное, как воздух.

Когда-то у меня в Холливуде был книжный магазинчик, слава Богу, лопнул в свое время! Было своего рода благотворительное учреждение; но вот серьезно подумываю о журнале, да я уже писал Вам об этом.

Калифорния – чудный край; в прошлом году я ездил на автомобиле из Сан-Франциско в Лос-Анжелес и ниже, к Сан-Диего и мексиканской границе, чудное ощущение, 50–60 миль хода в час среди фруктовых садов, фарм, нефтяных вышек.

Дорогой Александр Павлович, простите за глупое письмо! Я совсем разболтался. Все помню фразу Бунина о Вас – «это ты, старик, накаркал!» Чудесно! Я знал, что рано или поздно Бунин был бы избран в нобелевские лауреаты, даже как-то писал об этом в Уни[верси]тет на Славянское отд[еление]. Если можно передать ему мой глубокий поклон, буду очень благодарен. Желаю успеха в Вашей работе.

Преданный Вам П. Балакшин

Там же. Ед. хр. 24. Л. 5–9.

26

П.П. Балакшин

[21 мая 1935, Сан-Франциско]

[...] У нас здесь событие – приезжает ваш (парижский) Вертинский, и баланс колонии нарушен совершенно, в особенном неистовстве женщины, потерявшие покой и вконец расходующие свои нервы. Он пока в Лос-Анжелесе, но на днях будет здесь⁸⁶.

Что нового в литературе теперь, как идет Ваша работа, скоро ли выйдет следующая книга? Кто из Ваших

знакомых готовит к выпуску книги? Что могли бы Вы мне сказать о Гайто Газданове и Юрии Фельзене⁸⁷ – они оба мне нравятся, особенно первый, он что-то свое дает на этой иностранной канве. Второй более механичен, но местами положительно силен и убедителен. [...]

Раскачиваются ли «Числа» для следующего выпуска? И как живут «гении беспутства» Бакунины и Поплавские – этот смешной человек, который силится быть неприличным, и силится во что бы то ни стало!

[...] Ваше письмо для «Нового русского слова» я переслал, хотя должен бы был сказать Вам, что у меня с ними временно почти нет контакта. [...]

Вы несколько ошибаетесь относительно этой газеты. К ней никогда «не вела народная тропа», в этом отношении ей никак нельзя гордиться, но зато слава газетных рвачей за ними крепка. Она-то вот очень крепка в еврейских руках, хотя я сам никогда не делаю из этого никакой «жидо-паники». Несчастливых писателей в Европе они используют как хотят, перепечатывают без зазрения совести, и только теперь приняли более или менее постоянный «беловатый» цвет. То, что она существует в Америке 25 лет, означает срок пребывания в Нью-Йорке русских евреев. И только!

Но, конечно, ни платформы, ни убеждений у них нет. В этом отношении, правда, она не одна, но среди других таких же газет она стоит на одном из первых мест. [...]

Там же. Ед. хр. 24. Л. 10 и об.

27

О.ДЫМОВ

[Лондон]

[Помета Бурова:] Получил 9 дек. 1935 г.

Дорогой мой Доля! Как? Где? Что? Почему? Отчего? Ну, конечно, Вы откликнитесь! Прошу очень, очень.

О себе – с того места, когда расстались в Париже, а Вы уехали, или должны были уехать в царство Hitler'a с другими разбойниками.

Я тоже уехал из Парижа (улетел) в Лондон, поссорившись с режиссером Otzer'ом и с фирмой. (NB. Сейчас Otzer тоже поссорился с фирмой и его заменил муж Anna Sten, Frenke⁸⁸). Вернулся в Лондон – и сразу удача: я написал экспозе моего будущего романа (тогда, в июле, он был «будущий»), и сутки спустя это экспозе было

продано: т.е. фильмовые права будущего романа были куплены у меня на корню, деньги на стол, контракт и пр. блага. Лето провел на юге Англии, где растут подлинные пальмы. Все время, по сей день, писал этот роман, на днях закончил, он одновременно переведен уже на английский. Теперь, значит, это уже не будущий роман. Вчера сдал. Одобрено и пр. Перевел сын художника Библина.

А вчера заключил уже новый контракт. На этот раз не на роман, а на пьесу. Опять деньги и пр. А, кроме того, я *участник в прибылях*, во всех: театральных, фильмовых и т.д. Это большое достижение для меня. Главная роль для одной из самых извест[ных] актрис Англии (английская star*, не приезжая).

Сейчас, значит: писание драмы (купленной на корню) и подготовка к фильмованию моего романа, что произойдет в марте.

А в конце декабря буду с женою в Париже встречать Новый год. [...]

Получил (через sabel) предложение из Hollywood: 40 недель гарантированного высокого жалования. Не еду.

Там же. Ед. хр. 43. Л. 66 и об.

28

Б.Н.Зайцев

27 апр.

1936

Многоуважаемый Александр Павлович, давно собираюсь Вам написать, да уж такой у меня медленный темп в жизни...

Насчет Любимова *толком* ничего даже сказать нельзя, дело это все мы откладываем и откладываем, но, во всяком случае, об *исключении* его не приходится говорить (хотя Милюков очень этого хотел бы)⁸⁹. М[ожет] б[ыть], сделают *замечание*, и, главное, пока что все это без движения.

В «И[ллюстрированной] Р[оссии]» понемногу работаем. Вы уж очень против М-х (обоих)⁹⁰ – я не такого мнения, хотя пылким к ним отношением никогда не отличался.

* Звезда (англ.).

В прошлую пятницу читали в пользу Бальмонта. Его положение ужасное – он в лечебнице для душевнобольных, видимо, безнадежен, а платить надо 1300–1400 кр[он?] в месяц. – Вечер прошел хорошо, с большим успехом, и моральным, и материальным. Но это, разумеется, капля в море, ибо есть еще полуполоумная Елена⁹¹.

Сердечный привет. Жму Вашу руку. Если бы надумали что-нибудь пожертвовать Бальмонту, направьте – 2, rue Claude Lorrain, Paris (16), Владимиру Феофиловичу Зеелеру – он секретарь Бальмонтовского к[омитета].

Ваш Бор.Зайцев

Там же. Ед. хр. 44. Л. 4–5.

29

О.А.Волжанин

[5 ноября 1936, Ницца]

[...] Только что не прочитал, а проглотил с жадностью Вашу книгу и горячо Вас приветствую. Имейте в виду: я далеко не очень милостивый судья. Это знают все, кто меня сколько-нибудь знает. По-настоящему, беззаветно я люблю только 4-х писателей: 2-х французов, – Мопассана и Флобера (последний мой Бог, а его «Госпожа Бовари» – литературное Евангелие) и 2-х русских – Толстого и Пушкина. У нашего эмигрантского чародея (Бунина) по-настоящему мне дороги только «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева» и «Суходол». Другие его вещи я очень ценю, но горячей любви у меня к ним нет. Когда-то, в молодости, моим кумиром был Чехов, но с годами к нему немного остыл. По-прежнему люблю только его «Дуэль», «Мужики» и «В овраге», – вещи несравненные. В других вижу некоторую спешность, недоделанность, сильный налет злободневности, текучести жизни.

И вот могу Вам сказать, что я давно не читал такой острой, ярко-талантливой книги, как Ваша. Многие страницы привели меня в восторг. Ваша книга литературное событие, и если она не будет отмечена заслуженно печатью и критикой, то это позор им. «Еще одна баррикада» первая пока художественная сатира на эмигрантскую жизнь, нравы, верхи. Немного злая? Да, пожалуй. Но это и хорошо, это придает ей большую ценность. Сал-

тыков сплошь злой писатель, сатира его сплошь злая*. Да и как не быть в наши дни злым, когда: «Соотечественники! Страшно!» Ваша книга полна «крылатыми словами», которые останутся так же, как такие же Гоголя, Салтыкова и др. «Университетские старушки», «жены с высшим образованием» и «жены без высшего образования», интеллигенты «с четырехмесячным тюремным стажем» и др., — все это остро, образно, запоминается. Вы блещете юмором, — горьковатым, но увлекательным. Рассказ «Первый возлюбленный» — шедевр. Изображение океанского парохода, путешествие на нем, — превосходно по мастерству, оно сделало бы честь самому Бунину. Вы — подлинный художник.

Но имеются в Вашей книге и недочеты, — особенно же в главной вещи ее, в «Еще одна баррикада». Она недоработана. Грех не в ее «недоброте» или недостаточной «мягкости», а в том, что автор не всегда выдерживает до конца свою роль художника, что он иногда вторгается со своими, быть может, глубокими, но очень субъективными мыслями, заставляет героев говорить своим языком. Грех еще в том, что автор поддается злободневности (не современности, что только обогащает произведение, и что у Вас имеется, но злободневности, что обедняет и умаляет его). Порой автор настолько увлекается своим воображением и фантазией, что отрывается от почвы. Допустить, что проф. Лаптев оставил на свидании свою вставную челюсть — невозможно. Использовать такой благодарный пассаж для автора, конечно, соблазнительно, но это неправдоподобно, это уводит к шаржу, водевилю, что едва ли уместно в очень горькой, по существу, сатире. У автора имеются кое-какие излюбленные словечки, обороты, которыми не следовало бы слишком злоупотреблять.

Все эти недочеты легко могли быть избегнуты при более тщательной обработке, при более строгом отношении, — и тогда Ваша «Еще одна баррикада» была бы замечательным произведением, шедевром. Вторгается автор с собственными мыслями и в чудесный рассказ «А

* Как-то я читал сравнение Сирина с Салтыковым. Что у них общего? Один талантливый пустоцвет, искусный кунсткатор [т.е. хранитель кунсткамеры. — С.Ш.], другой болеющий язвами жизни писатель. (Прим. О.А.Волжанина.)

Марианна тоже хохотала» (в конце, в речи Жоржа), и в менее значительный – «Бриллиантовое перо», – в рассуждение Шамеса (отличная фигура!) о гнусности «бокса». (В первой редакции рассказ был, как будто, выдержаннее.) Испорчен концом (водевильным воскресением «покойника») прекрасный рассказ «Грозы в декабре».

Кроме замеченных опечаток есть еще и «незамеченные», и их достаточно много. Не буду всех перечислять, укажу только, что на стр. 18 Евдокия Поликарповна перекрещена в Евгению Поликарповну. Все это, конечно, пустяки, неважно, но опять скажу: нужно с ними всемерно бороться, придают они книге неопрятный вид, как если бы человек вышел на улицу с крошками от еды в бороде и усах или с пухом от подушек в волосах. Хорошо вторую корректуру отдавать опытному, зоркому глазу на просмотр. О Вашей книге я написал искренно все, что думаю и чувствую, да иначе я не могу писать.

Искренно Вас уважающий
О.А.Волжанин [...]

Там же. Ед. хр. 32. Л. 11–12 об.

30

П.П.Балакшин

[26 декабря 1936, Сан-Франциско]

[На редакторском бланке сборника «Земля Колумба»]

Дорогой Александр Павлович!

Простите, что не ответил сразу на Ваше письмо: я был страшно занят и вот только теперь отвечаю на письма, накопившиеся за месяц. Мы выслали Вам вторую книгу «Земли Колумба», в которой имеется заметка о Вашей книге «Еще одна баррикада». По всем вероятностям, Вы не одобрите эту заметку, но мы придерживаемся принципа свободы высказываний, если даже это и «делает чуть больно». В данном случае не должно быть «больно» Вам, автору: правы американцы, которые говорят – пусть бранят, но отмечают, нежели молчат. Отчасти и я согласен с этой заметкой, хотя бы в том, что Вы заставляете своих героев говорить несвойственным им языком, кто бы они ни были – профессора, дельцы и т.д.⁹² [...] Вы – человек старшего поколения (а сколько грехов на старшем поко-

лени: русско-японская война, смазанная конституция, близорукость во время великой войны, равнодушие и попустительство – в гражданской!), но Ваши «виновные» где-то за Вашим кругом, какие-то призрачные, условные люди.

Но я лично хочу поздравить Вас с выпуском еще одной книги и желаю Вам и дальнейшей плодотворной работы. Относительно помещения Вашего рассказа «Марианна тоже хохотала» в нашем журнале: это была бы перепечатка, а мы ими не пользуемся, нам нужен свежий материал и материал в согласии с требованиями задач журнала. Если что-нибудь подойдет в этом духе, мы будем счастливы поместить это у нас в журнале. Мы будем выпускать около 3 книг в год, намечено 4, но это все будет зависеть от притока денег.

Вы спрашиваете, можно ли жить в Калифорнии на 100 долл[аров] в месяц. Можно жить вдвоем скромно. Цены примерно такие: квартира в три-пять комнат без мебели – 25–35 долл[аров]. Питание на двоих – долларов 25–30 в месяц. Костюмы, мужские от 25 долл[аров] [и] выше, ботинки – 5, 7 дол[ларов]. Место на симфоническом концерте – партер – 1 дол[лар]. Опера – от 2.50 до 1 дол[лара]. Трамвай – 5 центов любой конец с одной или двумя пересадками. Цены в Южной Калифорнии еще дешевле; коттедж в Холливуде около 25–30 дол[ларов]. Питание еще дешевле, нежели здесь. Климат замечательный в Калифорнии, особенно на юге. Автомобиль дешевый, подержанный – от 50 долларов до 450. Газолин – галлон – 15, 18 цент[ов], на Юге – 8, 12 центов: дороги замечательны. Вино, кларет калифорн[ийский] галлон – 50, 80 цент[ов], портвейн здешний – 50, 1.00 бутылка. Мы живем втроем, теперь даже вчетвером, все взрослые, в квартире из 5 комнат, ванны и кухни, и вся жизнь нам стоит (свет, газ, телефон, стол, гараж и т.д.) не больше 80 дол[ларов]. Правда, мы живем экономно. Вы спрашиваете, чем я живу? Работой, трудом. Предполагаю жить от журнала – в будущем. Летом (весну, лето, осень), работал на пароходах-паромах, перевозящих через бухту Сан-Франциско сотни тысяч автомобилей. Мой заработок был около 175–185 дол[ларов] в месяц. Теперь я не у дел, с постройкой Сан-Франциско-Оклендского моста работа на паромах сошла почти на нет. Но я не огорчен, хочу поработать, писать. Теперь готовится третья книга «Земли

Колумба», и я хочу всю свою энергию направить и на свое писание, и на работу в журнале. А журнал должен существовать, он совершенно на других началах и, бесспорно, имеет право на жизнь.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам от всей души успеха литературного и такой же плодотворной работы. [...]

Там же. Л. 14 и об.

31

П.П.Балакшин

[22 февраля 1937, Сан-Франциско]

Дорогой Александр Павлович!

Спасибо большое за Ваши два добрых письма. Горячо поздравляю Вас с двумя внуками, понимаю, как рады Вы и как счастлива Ваша дочь. Если возможно передать мое поздравление – буду Вам обязан. И спасибо большое за 50-ти франковый билет! Это было совсем неожиданно. Этот билет мы вписали в графу неожиданных статей – первый случай в нашей практике. Но, пожалуйста, не лишайте себя этих билетов, они Вам нужны самому.

Приятно знать, что Вы так хорошо относитесь к «Земле Колумба». Мы рады, что Вы так откровенны по поводу этих двух книг. С Вами нельзя не согласиться относительно Вашего взгляда и на журнал, и на участников. В большинстве случаев участники – «тридцатилетнего возраста», поэтому они более склонны к новым требованиям в литературе, т.е. технике и стилю; темы их не так влекут, особенно такие, как: старый треугольник, гражданская скорбь, народ, хождение в него и выхождение обратно, честность с собой⁹³ и т.д.: не влекут их и старые герои: ни «молодой человек с прыщеватым лицом, с томными глазами», ни излюбленный русской литературой тип неврастеника, ни боец за народ и правду, ни андреевский Савва⁹⁴ – «все уничтожить!»

Единственная еще тема, которая влечет к себе молодых из, т[ак] с[казать], коллекций тем – тема об отцах и детях. В ней дети могут сказать больше своих отцов, именно теперь, когда молодые (дети) думают (не без некоторого основания), что с «отцами» уходит русский феодализм.

Но тема эта – «зазорна». Не каждый решится атаковать ее. Ряд смешанных чувств мешают этому. Одно из них – кажется что «дети» сердобольнее и милосерднее своих отцов, – как парадоксально это ни звучит – для нашего – детей – умудренного века, практического, черствого, жестокого. Вот и остается другое для молодого писателя, где он чувствует себя самим собой. Воспоминаний у него нет (иначе он стал бы Шмелевым), нет и «пунктика»: вот, мы жили хорошо, в Бога верили, получали 20го жалование⁹⁵ – чего уж лучше! – а пришли большевики-сволочи, и вот какое безобразие получилось. Поэтому он (молодой писатель) и не пишет так, как, например, пишет его превосхо[дительств]во генерал Краснов.

Но я вижу и Вашу правоту: одной техники, лоска, литературной чистоты мало, слишком мало. Как всегда, идеалом является гармония нескольких составных частей. И в таком случае – старые, молодые ли – все прекрасно. Это все – теоретические рассуждения. Они скучны и нудны!

Как идет Ваша литературная работа? Что пишете теперь? Зуров писал мне, что он в Париже. Бунины, вероятно, живут на юге? Как Мережковские и их «радения»? Знаете, дорогой Александр Павлович, как я хотел бы побывать в Вашем Париже, не жить, а приехать только на время, повидать всех. Мы здесь в страшном одиночестве, без обмена мыслей, встреч, столь нужных в писательской работе. Правда, есть и преимущества в одиночестве. Но побывать в русском Париже хотелось бы!

Как Ваши планы относительно переезда в Калифорнию? Боюсь, что я не дал Вам исчерпывающих сведений на Ваш тот запрос.

Дорогой Александр Павлович! У меня есть к Вам просьба. Вы, бесспорно, читаете все парижские русские газеты. Если в них было что-нибудь по поводу «Земли Колумба», не откажите в любезности написать мне об этом. Дело в том, что эти газеты на своей олимпийской вершине не затрудняют себя такой маленькой любезностью, чтобы выслать номер с заметкой. Здесь не всегда удается просматривать парижские газеты. Вы можете случайно наткнуться на что-нибудь по поводу «Земли Колумба», вот тогда, дорогой друг, не забудьте, пожалуйста, о нас и черкните нам, указав № газеты и дату, а еще лучше – вырезку или самую газету. У нас много друзей в

Париже, но все они или заняты, или им не до этого. А на Вас мы прямо – уповаем! И спасибо за доброе отношение к «Земле Колумба»!

А два Ваши внука – еще раз Вам горячее мое поздравление. По Вашему письму – я представляю, как счастливы Вы!

Вам преданный Ваш

П. Балакшин

P.S. Не забывайте «Земли Колумба». Не говорил ли кто-нибудь из «больших» о наших книжках?

П.Б.

Там же. Л. 15 и об.

32

О. Дымов

[10 апреля 1937, Лондон]

Дорогой мой Доля!

[...] Ежели бы мне все время пришлось писать по-русски – верно, не выдержал бы: надоело бы брать в рот, «в перо» все те же слова, буквы, сочетания слов. Опять и опять, с малыми вариациями. Но за свою – подсчитано! – долгую литературную жизнь я писал:

- 1) по-русски,
 - 2) по-еврейски,
 - 3) по-немецки
- и сейчас:
- 4) по-английски.

Несовершенно – но все же достаточно полно, чтобы выразить и мысль, и оттенки ее. Вторую пьесу свою заканчиваю сейчас по-английски. Ежели ошибки в стиле или в выражении, переписчица уж исправит.

Дела здесь фильмовые совсем, совсем плохи. Просто – их нет; исчезли. «City» не дает денег на продукцию. Беда! Когда наладятся дела – сказать трудно, возможно, к осени, не раньше, во всяком случае. Пока же всё и все причастные к этой новой ис-индустрии (искусство + индустрия) страдают. Люди разбегаются, оставляют богатую Англию. Мечтают (и только мечтают) о Holliwood'e. А ведь там тоже переперепереполнено. [...]

Там же. Ед. хр. 43. Л. 75–76 об.

О.А.Волжанин

[19 декабря 1937, Ницца]

[...] В настоящем письме мне приходится обратиться к Вам с очень тяжелой для меня просьбой. Я очень долго не решался на это, но обстоятельства заставляют. Я очень сейчас нуждаюсь, болезнь требует лечения, а у меня нет полной возможности. Помогите, пожалуйста, сколько можете. За все, что Вы пришлете, я буду горячо благодарен. Писать более подробно о моем материальном положении вряд ли нужно. Вы сами его знаете, отчасти от меня (из писем), отчасти от А.А.Плещеева.

Простите, что не могу писать много в этом письме. Как чуткий человек и такой же писатель, Вы поймете меня.

Жму Вашу руку и желаю Вам полного благополучия.

Душевно Ваш О.А.Волжанин

[На письме приписка Бурова:] Отправил ему сто с чем-то.

Там же. Ед. хр. 32. Л. 16.

О.А.Волжанин

[26 декабря 1937, Ницца]

Дорогой друг Александр Павлович,

Сердечно Вас благодарю за помощь (100 fr.). Как бы скромна она ни была, она пришла кстати [...].

Как всегда, с большим удовольствием читаю Ваше письмо, полное горького юмора («Горьким смехом моим посмеюся»). Этот юмор, очень ценный, ведущий родословную от нашей классической литературы, и в Ваших книгах. От души смеялись мы с женой над заключительной фразой: «хреновина, а не поддержка!» Нет, дорогой Александр Павлович, когда нуждаешься, то всякая помощь – поддержка.

Буду молить Бога, чтобы Вам удалось сделать из воздуха несколько сот английских фунтов, – тогда, быть может, Вы *ссудили* бы меня для издания хотя бы первой моей книги (из трех), на что не так уж много нужно, если напечатать в лимитрофах⁹⁶, где цены много ниже парижских и берлинских. Я твердо верю, что, после выхода

первой книги, у меня найдутся издатели для других. Вашу ссуду я обеспечу продажей книги (до покрытия ссуды мне ничего не нужно!). Думаю, что мои новые книги придутся Вам по душе, как и моя «История о[дной] ж[изни]». Я ведь тоже с «горячей кровью». Между нами разница та, что у Вас она льется широко, безудержно, бьет фонтаном, а я, к сожалению, приучился сдерживаться, держаться «в пределах».

Насчет лука Вы меня так увлекли, что в первый же вечер я ему отдал большую честь. Отныне становлюсь лукопклонником, ибо и мне хочется выглядеть «семнадцатилетним». Итак, да здравствует лук во всех видах!

Жена моя была очень тронута Вашей отзывчивостью и, вместе с приветом, шлет Вам сердечную благодарность. Мы оба приветствуем Вас с наступающим Нов[ым] годом и желаем Вам от души всего лучшего. Еще раз Вам спасибо.

Искренно Ваш О.А.Волжанин

Там же. Л. 17 и об.

35

О.А.Волжанин

[23 октября 1938, Ницца]

Дорогой Александр Павлович,

Благодарю Вас за книгу⁹⁷. Я оставил свою работу, бросил другие дела и принялся за чтение. Прочитал с большим интересом. Меня захватила ее большая тема и большая одержимость, замороженность ей автора. Тема это (Ваша обычная): былая Россия, разрушители, поджигатели ее и обломки ее крушения. К первой у Вас большая, безоговорочная любовь (совершенно изумительная, ввиду принадлежности Вашей к сынам гонимого ею племени), ко вторым страстная ненависть (помните, «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей...») и к третьим – великая жалость. Я бы назвал Вашу книгу – книгой великой любви, ненависти и жалости. Говорить об ее недостатках и срывах сейчас не хочется: я покорен ее достоинством. Я читал книгу вслух жене, и от некоторых страниц (в начале) она не могла удержаться от слез. Мне тоже хотелось прослезиться. Хорошая, человечная книга. От души поздравляю Вас.

Я буду рад прочитать и вторую новую Вашу книгу («Певец зарубежной печали»)⁹⁸. Надеюсь, идя навстречу моему большому интересу, Вы мне ее также пришлете.

Буду Вам очень благодарен, если Вы не откажете в любезности мне сообщить, если вторая Ваша книга печаталась также в Эстонии, Таллине, сколько там берут за печатный лист с бумагой, название типогр[афии], адрес. Я все живу мечтами встретить кого-нибудь, кто поможет выпустить мою новую книгу, надежда не оставляет меня, хотя — увы! — живется (в материальном отношении) очень невесело, бьемся, как рыба об лед, вроде Ваших сановников. [...]

За журнал с Вашим рассказом также очень благодарю. При чтении улыбался не раз.

Душевно Ваш

О.А.Волжанин

(Там же. Л. 19 и об.)

36

И.И.Колышко

[7 января 1938, Ницца]

Глубокоуважаемый Александр Павлович.

Тщетно ждал Вашего приезда сюда — вероятно, не удалось Вам. А я уж наслаждался мыслью о нашей дружеской беседе, о невозвратных днях и незабвенных лицах. Лично мне ничего, кроме этих дорогих воспоминаний не остается. После остановки нашей газеты (крайне глупой, ибо мы были накануне успеха и главное преодолели — издатель скиксовал), я так духовно осиротел. Ведь перо — моя стихия и ничего другого я не умею. Точно глухую маску на меня надели. К маразму духовному присоединились и неудачи материальные, — как ни мало я зарабатывал, эти гроши питали меня (правда, скудно). И вот, в эти тяжкие минуты, беседа с Вами была бы манной. Не дал мне Господь этой радости. Ну, что ж, надо терпеть. Что Вы поделяете, пишете ли? Вашу книгу я прочел с большим интересом — живо и оригинально. Не будет ли продолжения? Сам я пишу ежедневно (рассказы из беженской жизни — «Эскизы беженства») и посылаю в Америку, в Бухарест, в Париж. Кое-кто платит гроши, — но для меня, для моего духа это необходимо. Мечтаю, когда наберется достаточно (уже десятка три набрал) издать. Этого

рода литература – легкая полубеллетристика – должна иметь некоторый успех. Что Вы думаете? «Россия и Витте» окончены и ждут тоже издателя. И кончаю «Думы о России». Итого три книжечки. Ручаюсь за их литературность и интерес исторический. Родной мой, не поможете ли издать? Мне буквально не к кому обратиться и, если Бог не пошлет просвета, сгину. Одно мое здешнее утешение – солнце. Я его глотаю с полдня, а засим остываю в маразме. Холодно, квартира не топлена, и дети в России мрут с голоду, и молодая жена надрывается, чтобы прокормить меня. И как мне хочется в Берлин, поближе к Вам, Оцупу! Ну, Господь с Вами. Не откажите черкнуть.

Ваш И.Колышко

Получили ли в Швейцарии №-ра «Вестн[ика] Ривьеры»? Мы выслали.

Там же. Ед. хр. 48. Л. 3 и об.

37

И.И.Колышко

[17 января 1938, Ницца]

Глубокоуважаемый коллега,

Когда-то Вы не только на словах, но и на деле оказали доброе внимание моему литературному труду и моей горькой судьбе. Судьба эта почти общая – обилье врагов и малая доля друзей. По каким-то причинам меня она сугубо скрутила – я чуть не погиб под игом клеветы. А причина, как уверял еще Горький – мое злое перо. Возможно. Оно и сейчас еще злое, но ходу ему не дают. Что отвергла меня пресса левая (милюковская), это понятно. Но за что ершится на меня пресса правая (национальная)? В общем и целом – Баян отверженный. Единственный труд, на который я способен, для меня закрыт. Я – безработный, убогий, на краю физического голода. Терзает меня и голод духовный. Я еще мыслю и перо мое, сдается, еще остро. Но я говорю в подушку. Я задыхаюсь. Шкап мой полон мыслей, которые погребут со мной. Но кроме мыслей погребут мой опыт, мои знания. Я знаю, что другие знать не могут – знаю подпочву событий, сгубивших Россию. Над этой подпочвой изощряются враги старой России. Вы, вероятно, обратили внимание на фельетон Кусковой в «Посл[едних] нов[остях]» о любви и

ненависти к Витте Николая II. История этой ссоры на верхах русской жизни мне близко известна, а личности императора и временщика мной изучены досконально. Я написал очерк под заглавием «От любви к ненависти». И в нем собрал все, что не потеряло интереса. Я был бы счастлив увидеть его напечатанным в «Иллюстрированной России», с которой у Вас связи. Ручаюсь за его литературную и историческую ценность. [...]

Шлю Вам мою статью, написанную мной как приложение к очерку. Притупилось ли перо Баяна, поникла ли его мысль, будете судить по этой статье. [...]

[На письме приписка Бурова:] Получил из Ниц[ц]ы 20/1 вместе со статьей «Злость», которую я отправил Гордону [в] «Ил[люстрированную] Рос[сию]». Ответил ему 9 марта 1938...

Несчастный старик!..

Там же. Л. 4 и об.

38

М.А.Осоргин

[23 сентября 1938, Париж]

Газета переслала мне Ваше письмо, уважаемый коллега; благодарю за внимание. Я не понял, о каком моем «мнении» о Вашем рассказе Вы говорите, и о каких «обычных булавах». Булавок по Вашему адресу я никогда не направлял, а о рассказе «Его действ[ительно] последняя любовь» не имею представления; если это Ваш рассказ, то очень сожалею, что его не читал. И вообще не писал о Вас ни слова. Имейте на случай в виду, что все, что я пишу, я подписываю и псевдонимами не пользуюсь. «Книгу священного гнева»* видел в магазине и предисловие прочитал, но, скажу откровенно, ничего не понял, а, главное, не понял, при чем тут я. Но, вероятно, так уж нужно было автору, и значит – дело Ваше.

А что я – счастливый человек, тут Вы правы.

Будьте здоровы и примите мой привет!

Мих.Осоргин

Там же. Ед. хр. 61. Л. 4.

* Если это та книга, с посвящ[енным] мне предисловием. Я названия не упомянул. (Прим. М.А.Осоргина.)

[9 октября 1938, Берлин]

Дорогой Александр Павлович!

Вы, конечно, учитываете все обстоятельства нашего теперешнего бытия и потому не ставите мне в упрек моей неаккуратности. Она вызвана исключительно переобремененностью, в которой, увы, и Нем[ирович]-Данченко⁹⁹ не смог оказаться полезным. Он работает уже полтора месяца и обнаружил много любви к современной Германии, большую эрудицию в делах французских, еще большую в вопросе женском, очень здоровый аппетит (особенно в вопросах вознаграждения!) и темп сотрудника ежегодного вестника животноводства. Придется потратить много времени, чтобы приспособить его для *газетной* работы. Он весьма прилежен, но тяжкодум и, кроме того, обладает сердцем юнца, все еще чрезвычайно бурно отзывающимся на женские чары. Причем женский вопрос играет у него доминирующую роль: если он получит ласковое письмо от своей Дездемоны, он в замечательном настроении и наоборот. В общем, откровенно говоря, я не в восторге от своего нового помощника, которого и выписал-то исключительно из соображений характера благотворительного.

Я очень тронут Вашими дружескими заботами и предупреждениями. Но, думаю, что с этой самой Р. он уже разошелся и перед своим отъездом успел уже завести новую, которую действительно предполагает выписать сюда (у нее 10-го октября бракоразводный процесс в Париже), но не может быть и речи об ее службе в «Нов[ом] сл[ове]». Она, кажется, предполагает заняться шитьем.

Спасибо большое за книгу. Откровенно сказать, я еще не разрезал ее. Ведь в прошлом месяце я 12 дней был в Нюрнберге, до этого – в Лейпциге, а затем весьма напряженно переживал драматические события до 30 сент.¹⁰⁰ Как видите, Гитлер снова проявил себя гениальным политиком, трезво расценивающим своих противников. Германия увеличила не только свой авторитет, но и территорию.

Авдеичу¹⁰¹ в последние месяцы очень плохо (ради Создателя, держите это в тайне!), он давно уже лишился своей «пенсии» у Бергманов, новых дел никаких. Предпола-

гает сдавать комнаты в своей квартире. Я не видел его, вероятно, с год, но по телефону разговариваем довольно часто и он мне поведал о своих злоключениях.

Еще несколько слов о Нем[ировиче]-Д[анченко]. Он мне и сам говорил, что получил 7000 фр. от изд[ательств]а. В этом отношении он корректен и правдив. Рассказал он все решительно и о своих сердечных делах, довольно прозрачно намекнув о том, что его последняя «жена» обворовала его и причинила много неприятностей.

В заключение сих строк, пишущихся в воскресенье дома, позвольте подивиться Вашей плодовитости. Ведь то и дело читаешь объявления о новых книгах либо рассказах Бурова.

Еще раз сердечное спасибо за предупреждение. Но я никого и никогда не посажу за ведение книг, ибо веду их сам. Иначе невозможно.

Шлю Вам самый теплый (чуть-чуть не пламенный!) привет и надеюсь, что в Ваших маршрутах по белу свету Берлин нет-нет да и появится.

Дни, когда мне было плохо (очень плохо!) я всегда помню, равно как и помню тех, кто мне в те времена очень деликатно помогал. Это и не трудно помнить, ибо «благодетель»-то был один. За все мне содеянное я готов отплатить сторицей в форме, какая будет удобна.

В настоящее время я расплатился со всеми кредиторами, веду очень скромную жизнь, нигде не бывая, ни с кем не встречаясь и чувствую себя, благодарение Богу, очень хорошо. Счастливо. Газета неуклонно растет в тираже и приносит мне полное удовлетворение. Можно ли мечтать о большем в сей земной жизни?

От души желаю Вам всяческих благ, здоровья и душевного покоя.

Искренно Вас любящий

Вл.Деспотули

Там же. Ед. хр. 41. Л. 23 и об.

[6 ноября 1938, Ницца]

[...] О Вашей книге¹⁰² я Вам писал с предельной искренностью, что я думаю и чувствую, иначе я не умею, и

смею думать, что мое суждение близко к истине, т.к. на литературе я зубы проел, и худож[ественная] литература – единственное, что меня всю жизнь по-настоящему занимало. Вполне разделяю мнение «известного критика», что Вами «выведены 2–3 лица (маркиза и Захарченко) совершенно необыкновенных, новых, оригинальных». Вы пока только их наметили, хотя очень выпукло, и если разовьете в дальнейшем, это будет большим завоеванием эмигр[антской] литературы, так постыдно равнодушной к глубоким, почвенным явлениям, каким, несомненно, был «активизм»¹⁰³. А затем, Вы действительно «знаете, чего хотите», чего нельзя сказать о многих, очень многих. [...]

Р.Р.С. Сириин когда-то пытался дать «активиста» (уходящего в С[оветскую] Россию)¹⁰⁴. По-сириински это было довольно красиво, но и по-сириински – пусто, бессодержательно, беспредметно. Вы же «знаете, чего хотите»!..

Там же. Ед. хр. 32. Л. 20 и об.

41

Б.К.Зайцев

18 янв.
1939

С Новым Годом, дорогой Александр Павлович – дай Бог всего лучшего!

Книгу Вашу прочел с интересом. Она проникнута одним порывом, очень искренним и ярким – это ведет читателя. Много сказано верного (и горького) о нашей жизни эмигрантской.

С живописью фигур дело обстоит слабее (три генерала приемлемы, но Захарченко не представляю себе, равно и «12» – это фантазмагории. Маркиза тоже).

Впрочем, Вы, вероятно, «романом» своего произведения не считаете. Это, скорее, «воплъ» – повторяю, напряженный, до читателя доходящий.

«Блоха, вычесанная из бороды Маркса» – отлично. «Пореволюционная бабка Закускина» – тоже.

Всего лучшего! Сердечный привет.

Ваш Бор.Зайцев

[К письму приклеена записка Бурова:]

Касается моей новой книги «Господи... Твоя Россия», литератур[ное] прилож[ение] за 1938 год [к «Иллюстрированной России»]. — С.Ш.].

На это милое письмо ответил я Б.К.Зайцеву сегодня же, 19/1. Касательно... «фантазмагоричности». (?) Я объяснил, разъяснил ему, что фигуры «Захарченки», «маркизы» и «12» только еще *намечены* в I части, но найдут себя, еще выйдут на первый план в продолжении, *во II-ой части*, которая появится в 1939/40 г.

Но в конце книги «Иллюс[трированная] Рос[сия]» (издательство) намеренно скрыло от читателей, что *вторая часть следует*, — и, едва намеч[енные] фигуры, конечно, «фантазмагоричны» — пока!!

А.Б.

Там же. Ед. хр. 44. Л. 17-19.

42

И.А.Бунин

Villa «La Dominante» 25, Av. de Villaine Beausolei, A.M.
France

9/III.39

Дорогой Александр Павлович, получил Ваше письмо из Лондона — и подивился ему: недавно (в Париже) читал Вашу книгу, только что изданную, — пишете Вы с прежним напором, яростно, молодо, а письмо такое, что можно подумать, что Вам стала изменять память: ибо как объяснить иначе Ваши слова, будто «после Нобеля» я Вас «оставил, забыл»? Неужели Вы запомнили, что «после Нобеля» мы с Вами не раз, даже много раз виделись и приятельски о многом беседовали? И еще: откуда Вы взяли, что я где-то писал, что «после Нобеля трудно быть простым»? Где, когда я писал так? Вообще, если кто кого забыл, так это Вы меня. Сто лет не было от Вас ни слуху ни духу, а и теперь ничего не пишете Вы о себе. Что Вы? Как Вы? Почему в Лондоне? Почему Amsterdam? Да еще не просто Амстердам, а «вернее», чем Rue de la Tour? Вы, верно, тоже удивитесь, увидев мой адрес: «Beausolei»? Но тут дело просто: трудно мне жить в Париже, — все хвораю там от мерзкого климата и писать не могу без тишины, без чистого воздуха, без солнца. Вот и уехали мы с Верой Николаевной опять на юг и сидим в квартирке на горе

над Monte Carlo. А с 1-го мая будем, надеюсь, сидеть опять над Грассом, все в том же «Бельведере»: «возвращается ветер на круги своя» – в данном случае потому возвращается, что другие «круги» мне снова не по карману: ведь *шестой* год пошел «после Нобеля», а я жил все время после него, проживая капитал, не получая от капитала процентов, а в свое время сколько раздал и сколько долгов заплатил! Из этого же следует вот что: постарайтесь-ка, милый, устроить какую-нибудь мою книжку (хоть, напр., последнюю, выходящую дня через 3, – маленький роман под заглавием «Лица») в этом самом Амстердаме для перевода, а то, право, очень опять беден я стал, и напишите мне, как Вас Бог милует, пока же будьте здоровы и благополучны.

Ваш Ив. Бунин

Там же. Ед. хр. 29. Л. 25 и об.

* * *

До конца жизни Буров не сомневался в своем писательском призвании, странным образом ослепляясь им же оплаченными рецензиями. Энергии и напора у него было хоть отбавляй, а поскольку любая активность предпочтительней инертности, Буров сумел занять местечко где-то у подножья литературного Парнаса русской эмиграции. Но держался там лишь до тех пор, пока мог контролировать положение. Его послевоенные произведения (все были изданы за счет автора) при чтении производят диковатое впечатление. Странности начинаются с заглавий, которые Буров давал своим творениям: «Тяжко мне, тяжко без Сталинградской России. В трех балладах. Плач вопиющего в пустыне, читается как роман» (Лейден, 1947); «Москва далекая. Россия – книга золотая. В стихотворной форме» (Голландия, 1950) и смело поставленный Буровым рядом с «Войной и миром» «Бурелом. Роман-летопись поколения последних императоров. Народы – Царства – Идеи – Времена». Т. 1–3 (Париж, MCMLV–MCMLVII). Критика игнорировала эти сочинения, и автор так и не получил возможности узнать, как его писания выглядят со стороны. Многие из писем показывают двусмысленность отношений их авторов с писателем, который с беззащитной и непоколебимой уверенностью в праве платящего заказывать музыку, требовал «отзывов» о своем творчестве.

ве. Достаточно сказать, что П.М.Пильский, «умный, одаренный, прозорливый, который говорил, что от всякой фальши его корчит и сводит как от судороги в ногу» (*Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М., 2000. С. 72), сравнивал Бурова с... Достоевским (см.: Сегодня. 1932. 1 дек.), а в отзыве на роман «Господи... Твоя Россия» писал: «Лично я, зная автора, не хочу обращать внимания на технические промахи, стилистические неудачи, грамматические нарушения, жаргонные выражения. Все это *для меня* становится второстепенным, потому что меня захватывает надрывный голос страдальчества, а когда человек рыдает, я не могу обращать внимания только на то, что у него брюки плохо выглажены» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 26). Любопытно, что почти слово в слово то же самое в наши дни написал в своих «случайных записках» Фазиль Искандер о Достоевском: «Когда к гробу умершего человека подходит его друг с криво застегнутыми пуговицами пиджака, дурак шепчет соседу: “Какой невнимательный человек! Даже в такие минуты не мог привести себя в порядок”».

Умный думает: горе его так ударило, что ему не до пуговиц пиджака.

То же самое бывает и в литературе. У Достоевского пуговицы всегда криво застегнуты» (Новый мир. 2000. № 10. С. 122).

Итак, перед нами портрет плодовитого переводчика-драмодела в первую половину жизни, и типичного графомана во вторую. В разные периоды бывшего то жовиально-жизнерадостным, то впадающим в мрачное настроение из-за подозрений, что «братья-писатели» только обирают и используют его. Подозрений не совсем беспочвенных, надо сказать. К качествам «нетипичного графомана» у Бурова относились наиболее привлекательные его черты, именно то, что подразумевала А.Даманская, назвав его в одном из писем «захороненно-добрым» человеком. Реально творя добро, то есть помогая то одному то другому полунищему эмигранту-литератору деньгами и даже отслужившими вещами, раздавая старые костюмы из своего гардероба, Буров объективно, на наш взгляд, сделал для литературы русского зарубежья гораздо больше, чем своим непосредственным творчеством. Может быть и хорошо, что литератор об этом не догадывался. Симпатично

также и то, что он не афишировал свои благодеяния, пытаюсь – насколько это было возможным – претворять в жизнь библейский принцип благотворительности, когда правая рука не должна была видеть, что творит левая...

О последних годах жизни Бурова нам, к сожалению, ничего не известно. Дочь его, вышедшая замуж за англичанина, родила двух внуков-близнецов, которые, возмужав, уже практически не имели с русской культурной традицией ничего общего, русского языка не знали и творчеством деда не интересовались. Возможно, Буров так и умер, не узнав истинную цену своим романам и рассказам, хотя отзыв Глеба Струве в книге «Русская литература в изгнании» (1956) о себе как о графомане теоретически мог бы стать ему известен.

Что касается писем русских литераторов к нему, бережно сохраненных Буровым и переданных в Русский культурно-исторический музей еще до Второй мировой войны, то они действительно бесценны. Хотя такое определение, применительно к архивным сокровищам РГАЛИ, давно уже стало штампом, в данном случае другое подобрать трудно.

Примечания

¹ Ср. в письме Тэффи к Бунину от 4 июля 1948 г. отзыв о новейшем творении Бурова (по-видимому, имеется в виду «Тяжко мне, тяжело без Сталинградской России. В трех балладах. Плач вопиющего в пустыне, читается как роман». Данный «Плач» вышел в свет за счет автора в Лейдене в 1947 г.): «Просмотрела увраж Бурова и мысленно извинилась перед Достоевским. Я всегда считала, что фигура капитана Лебядкина («Бесы») совершенно невыносимый шарж. И вот – произведение Бурова – шарж на Лебядкина! Похоже потрясающе!» – писала Н.Тэффи И.А.Бунину (Диаспора. Новые материалы. М., 2003. Т. III. С. 552).

² Буров допускает путаницу: в московском Малом театре его пьесы не ставились, а петербургский Малый театр или Театр литературно-художественного общества – это и есть Суворинский театр, любимое детище редактора-издателя «Нового времени» А.С.Суворина.

³ Плещеев Александр Алексеевич (1858–1944) – журналист, плодовитый драматург (автор более 30 пьес), критик и историк балета. Сын поэта А.Н.Плещеева. В эмиграции с 1919 г. Автор мемуарной книги «Что вспомнилось» (Париж, 1931).

⁴ Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна (1883–1970) – актриса, сестра В.Пашенной. Умерла в эмиграции. В фонде Бурова сохранились 14 писем Рощиной-Инсаровой к нему за 1930–1936 гг.

⁵ Восемь писем В.П.Крымова Бурову за 1933–1937 гг. показывают вполне дружеские между ними отношения. Любопытны в этих письмах примеры разумной скупости миллионера, например: «Где же № 9 “Чисел”[?] Не буду же я покупать, когда приятели там “альфа и омега”»; «Мы решили сидеть в 12 час. ночи с 1933 на 1934 год дома и потом в час (ночи) поехать по Парижу, посмотреть что и как... Если Вы решили быть в “Roissana’e”, мы заедем и туда, посидеть с Вами 1/4 часа и выпить стакан вина (за мой счет)... Под Новый Год цены столь грабительские, что угощать не рекомендуется...»; «...зачем столько марок зря наклеиваете: это [ответное крымское. – С.Ш.] письмо “закрытое”, и то только 50 сан[имов], а у Вас на открытке 90!.. Хотите свести баланс французского правительства?» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 2, 5, 6).

⁶ «Русские новости» – инспирированная советскими властями газета для эмигрантов. Выходила по пятницам с 18 мая 1945 г. по 13 ноября 1970 г. Редактор А.Ф.Ступницкий; издатель (с 1958 г.) М.Бисноватый.

⁷ Каган Абрам Саулович (1889–1983) – редактор издательства «Петрополис» (см. прим. 33). Был в ноябре 1922 г. выслан из России на так называемом «философском пароходе». Жил в Германии, после прихода к власти Гитлера эмигрировал в США.

⁸ Яков Ноевич Блох (1892–1968) был женат на Елене Исааковне (ум. после 1968), которая, через Л.А.Гринберга, передала в ЦГАЛИ уцелевшую часть архива «Петрополиса» (документы издательства за 1923–1937 гг. были в 1930-е гг. изъяты гестапо и до сих пор не разысканы). Сестра Я.Н.Блоха поэтесса Раиса Блох (1899–1943) и ее муж, поэт и литературовед Михаил Генрихович Горлин (1909–1943), погибли в гитлеровском концлагере. В.Леонидов пишет о Раисе Блох, что оккупация Франции предопределила ее судьбу. «Сначала арестовали мужа. Она пыталась его спасти, достала фальшивый паспорт и хотела бежать в Швейцарию. По дороге, на руках, умерла дочь, а швейцарские пограничники выдали ее фашистам. В ноябре 1943 г. Блох отправили в лагерь. По пути ей удалось выбросить из окна вагона записку, где было написано, что она не знает, куда ее везут» (Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 73). Я.Н.Блох после Второй мировой войны оставил издательскую деятельность, руководил швейцарским отделением Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), созданного в 1946 г. как Чрезвычайная организация помощи детям в разоренных войной странах Европы.

⁹ Кодрянская Наталья Владимировна (1901–1983) – прозаик, мемуарист, автор воспоминаний об А.М.Ремизове и нескольких книг сказок.

¹⁰ «Утешал с приложением» означает, что Буров к письму прилагал некоторую денежную сумму.

¹¹ Буровские маргиналии на письмах весьма характерны, иногда довольно забавны. Они были сделаны, когда Буров в 1938–1939 гг. передавал свой архив в Русский культурно-исторический музей В.Ф.Булгакову, из желания помочь будущим историкам и литературоведам, которые, как Буров считал, станут изучать его творчество.

¹² Зеелер Владимир Феофилович (1874?–1954) – секретарь Союза писателей и журналистов в Париже.

¹³ Имеется в виду театровед, мемуарист А.Р.Кугель (1864–1928), в которого Даманская была влюблена всю жизнь.

¹⁴ Правильно – Ефрон Семен Абрамович, до революции владевший в Петербурге типографией «Якорь» и возглавлявший еврейское издательство «Грядущий день».

¹⁵ Розенталь Леонард, уроженец Владикавказа (по др. сведениям родился в Ставрополе), выпускник С.-Петербургского коммерческого училища, торговец антиквариатом, затем жемчугом. В эмиграции был прозван «королем жемчугов», сколотил многомиллионное состояние, но в годы мирового экономического кризиса полностью разорился. Подробнее о нем и его благотворительной деятельности см. в нашей работе «Русская Прага, Русская Ницца, Русский Париж» (Дiasпора. Новые материалы. Париж–СПб., 2001. Т. I. С. 665–666).

¹⁶ В.П.Талин – псевдоним Семена Осиповича Португейса (1880–1944), журналиста, сотрудника «Последних новостей», также регулярно выступавшего со статьями на актуальные политические темы в «Современных записках». См. его некролог: Новый журнал. 1944. № 8. Автор Б.И.Николаевский.

¹⁷ Даманская жила в «Доме имени Тырша» (Tyršov Dum), недорогом отеле, принадлежавшем общенациональной гимнастической организации «Сокол» (630 тыс. членов в 1931 г.). Сокольские дружины, созданные д-ром Тыршей, появились еще в период Австро-Венгерской империи и были организациями политическими, под видом гимнастического общества объединявшими стремившихся к национальному возрождению чехов и словаков; подобные организации появились тогда и в других славянских странах: Польше, Болгарии.

¹⁸ Словцов Роман (Н.В.Калишевич; ум. июнь 1941) – журналист, литературный критик, мемуарист, сотрудник «Последних новостей», где с 1923 г. дважды в неделю появлялись его статьи. 11 июня 1940 г., за три дня до вступления немцев в Париж, Р.Словцов выпустил последний номер газеты.

¹⁹ Слоним Марк Львович (1894–1976) – публицист, литературный критик, переводчик. Член Учредительного собрания, продолжал принимать участие в политической деятельности в эмиграции; эсер. Автор двухтомной истории русской литературы (на английском языке). Сазонова-Слонимская Юлия Леонидовна (1887–1960) – сотрудница «Аполлона» в разделе театра и балета: в эмиграции в Париже регулярно выступала с критическими статьями в «Северных записках», «Русской мысли», «Последних новостях».

²⁰ Оцуп Александр-Марк Авдеевич (псевд. Сергей Горный; 1882–1949) – поэт и прозаик, старший брат Николая Оцупа (1894–1958), редактора «Чисел», и Георгия Оцупа (1897–1963), поэта-классициста, писавшего под псевдонимом Г.Раевский.

²¹ Седых Андрей (наст. имя Цвибак Яков Моисеевич; 1902–1994) – прозаик, критик, журналист, автор воспоминаний «Далекие близки» (М., 1995).

²² «Тот, кто получает пощечины» – драма Леонида Андреева (1915).

²³ Темирязов Борис – литературный псевдоним художника Юрия Павловича Анненкова (1889–1974), автора знаменитых иллюстраций к «Двенадцати» Блока. «Повесть о пустяках» вышла в 1934 г. в Берлине в издательстве «Петрополис»; повесть до некоторой степени автобиографична, т.к. в нее вошли многие реальные факты из жизни Анненкова. См.: Данилевский А. Автобиографическое и прототипическое: «Повесть о пустяках» Юрия Анненкова // Диаспора. Т. I. СПб., 2001. С. 241–288. В 2001 г. иллюстрированное графикой Анненкова издание «Повести...» выпустило Санкт-Петербургское изд-во Ивана Лимбаха.

²⁴ Роман В.В.Набокова (Сирин) «Камера обскура» печатался в «Современных записках» в 1932–1933 гг., отдельным изданием вышел в Париже и Берлине в 1933 г.

²⁵ Б.К.Зайцев с мая 1926 г. поселился на улице Клод Лоррен, 11, в доме, который описан в его романе о повседневной жизни эмиграции «Дом в Пасси» (Берлин, 1935).

²⁶ Подписанная псевдонимом М.Аггеев рукопись, озаглавленная «Роман с кокаином» была прислана из Турции в Париж в 1933 г. Первая часть была опубликована в «Числах» (1934. № 10), полный текст – «Иллюстрированная жизнь» (1934. № 1–17). Отдельное издание в 1936 г. было осуществлено Парижской издательской коллегией Парижского объединения писателей под заглавием «Роман с кокаином: По запискам больного». Об авторе никто ничего достоверного не знал. Когда в 1983 г. в Париже был выпущен репринт первого издания, забытая к тому времени книга оказалась весьма актуальной и вновь вызвала к себе повышенный интерес (тут же появились переводы на английский, французский, итальянский языки, чего в 1930-х гг. не было). На волне успеха Н.А.Струве в 1985 г. выдвинул гипотезу, что «Роман...» – литературная мистификация Владимира Набокова. Однако несколько лет спустя авторство Марка Лазаревича Леви (1898–1973) было документально доказано Г.Г.Суперфином и М.Ю.Сорокиной («Был такой писатель Аггеев...» // Минувшее. М.–СПб., 1994. Вып. 16. С. 265–285).

²⁷ Аггеев-Леви был моложе Адамовича на 6 лет, следовательно, «мальчику» было в 1933 г. 35 лет.

²⁸ Факты биографии Леви совсем не отвечают приписанной ему «тепличности»: «...в 1918 покинул ун-т, не завершив учебу. С того же года работал в транспортно-мобилизац. отделе ВСНХ, был откомандирован в поезд особоуполномоченного Совета Труда и обороны М.К.Владимирова, с которым ездил на фронт, где был контужен. В годы НЭПа служил переводчиком в АРКОСе, в 1925 уехал в Германию для изучения технологии окраски мехов. Устроившись на службу в концерне “Эйтингон Шильд”, сумел получить парагвайский паспорт и на родину не вернулся. Потеряв работу в 1930, перебрался в Турцию и поселился в Константинополе, где перебивался случайными заработками, пока в 1933 поступил на работу в книжный магазин франц. фирмы “Ашетт”...» и т.д. (Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 12).

²⁹ См. о В.М.Деспотули также во вступительной статье О.Раевской-Хьюз к книге «Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумни-

ка 1942–1946 годов. Москва–Париж. Русский путь–Ymca-Press, 2001. С. 18–20).

³⁰ «Русское слово» (1895–1918) – ежедневная московская газета, издававшаяся И.Д.Сытиным. Имела самый большой тираж среди русских газет. В сотрудниках были А.В.Амфитеатров, В.М.Дорошевич, Вас.И.Немирович-Данченко и др.

³¹ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – общественный деятель, публицист, прозаик. В 1933 г. с младшим братом Борисом и сыном Юрием пытался нелегально перейти советскую границу; после задержания все трое отбывали срок на строительстве Беломорканала. В 1934 г. Солоневич бежал из лагеря и благополучно пересек советско-финскую границу. С лета 1936 г. издавал в Софии газету «Голос России». Его главный труд «Народная монархия» (М., 1991) был впервые издан в Буэнос-Айресе в 1954 г.

³² См.: *Волжанин О.А.* История одной жизни. Роман: В 4-х ч. Париж, 1933.

³³ Созданное в Петрограде в 1918 г. первоначально как книготорговый кооператив издательство «Петрополис» («Petropolis») в 1922 г. открыло отделение в Берлине, а впоследствии полностью перенесло свою деятельность в Германию (в СССР деятельность «Петрополиса» фактически прекратилась уже в 1924 г. «...из-за невозможности продавать через торговую сеть книги, изданные на Западе (в том числе и свою собственную продукцию, произведенную в берлинском филиале)» (см.: *Емельянов Ю.Н.* «Русский Берлин» (издательские центры в 20–30-х гг.) // *Культурное наследие российской эмиграции. Кн. 1. М., 1994. С. 55*). Хотя формально «Петрополис» в 1933 г. перенес свою деятельность в Брюссель, книги издательства с указанием места издания «Берлин» выходили до конца 1930-х гг. («Данте» Мережковского и др.). Филиалом «Петрополиса» в Берлине стало изд-во «Парабола», что объясняет некоторую путаницу в публикуемых письмах: иногда авторы о книгах, вышедших в «Параболе» пишут как о петрополисовских изданиях.

³⁴ Заведущий редакцией «Иллюстрированной России» с 1932 г., владелец бумажной фабрики в эстонской Нарве, на бумаге которой печатался журнал.

³⁵ Английский писатель Джон Голсуорси (1867–1933) стал лауреатом Нобелевской премии в 1932 г., за год до своей смерти.

³⁶ Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович (1889–1942) – сын А.В.Амфитеатрова от первого брака, впоследствии активный сотрудник «Нового слова» В.М.Деспотули, корреспондент газеты в Италии.

³⁷ «Сегодня» – газета, выходившая в Риге в 1919–1940 гг. Обнаруженный в фондах упраздненного КГБ Латвийской ССР архив газеты опубликован в США Л.Флейшманом, Ю.Абызовым и Б.Равдиным в виде подробно комментированного 5-томника (Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. I–V. Stanford, Stanford Slavic Studies, 1997).

³⁸ Мильруд Михаил Семенович (1889–1942) – главный редактор газеты «Сегодня». Погиб в карагандинском лагере, арестованный после присое-

динения Латвии к СССР в 1940 г., как и большинство других сотрудников газеты.

³⁹ Буров проходил курс грязелечения и термальных вод.

⁴⁰ Дочь Осипа Дымова и А.Н.Смирновой (см. прим. 42).

⁴¹ Написанная по-английски пьеса О.Дымова о евреях в нацистской Германии нам неизвестна.

⁴² Дымова Анна Николаевна (урожд. Смирнова; 1888–?) прежде была женой В.А.Амфитеатрова-Кадашева (см. упоминание о ней как об образце «современного декадентства» в письме старшего Амфитеатрова от 11 июня 1913 г. А.М.Горькому (Литературное наследство. М., 1988. Т. 95: Горький и русская журналистика XX века. Неизданная переписка. С. 430). Выйдя в Берлине замуж за Дымова, она в корне переменяла свою жизнь.

⁴³ Кузнецова Галина Николаевна (1900–1976) – поэтесса, прозаик, автор мемуарной книги «Грасский дневник» (1963). Познакомившись с Буниным в 1924 г., Г.Кузнецова в мае 1927 г., «оставив мужа [...] поселяется в грасском доме Буниных. Кузнецова удивительно хорошо входит в роль ученицы и приемной дочери знаменитого писателя, сохраняя при этом достаточно толерантные отношения с его женой, В.Н.Муромцевой-Буниной», – пишет Н.Г.Мельников, автор статьи о Кузнецовой в энциклопедии «Писатели Русского Зарубежья» (М., 1997. С. 225–226). «Удочеренная любовница» сохраняла свои отношения с Буниным до 1933 г., когда их разрушила встреча с оперной и эстрадной певицей Маргаритой Степун (сестрой Ф.Степуна). В 1942 г. Кузнецова окончательно покинула дом Буниных. Сия витиеватая любовная история послужила сюжетом для фильма А.Учителя «Дневник его жены». В публикуемом письме Бунин упоминает рецензию П.М.Бицилли на роман Галины Кузнецовой «Пролог» (см.: Современные записки. 1933. № 53. С. 453–454). На этот роман откликнулись также Г.Адамович (Последние новости. 1933. 8 мая) и В.Ходасевич (Возрождение. 1933. 6 июля).

⁴⁴ С.А.Кречетов был женат вторым браком на актрисе театра и кино Лидии Дмитриевне Рындиной (урожд. Брылкиной; 1883–1964).

⁴⁵ Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) – адвокат и публицист, один из лидеров Партии народной свободы (кадетов). В России редактировал газету «Речь», в эмиграции с 1921 г. издавал многотомный «Архив русской революции», содержащий ценные исторические материалы и воспоминания.

⁴⁶ Степун Федор Августович (1884–1965) – философ и писатель, литературный критик, мемуарист, руководил художественным отделом журнала «Современные записки». С 1931 г. вместе с И.Бунаковым-Фондаминским и Г.Федотовым издавал журнал «Новый град». Его мемуары «Бывшее и несбывшееся» (Т. 1–2. N.Y.: Изд-во им. Чехова, 1956) занимают одно из первых мест в мемуарном наследии русской эмиграции.

⁴⁷ После прихода Гитлера к власти В.П.Крымов переехал во Францию и поселился в фешенебельном парижском пригороде Шату. Как

писал В.Яновский, «Буров, тоже писатель-спекулянт – графоман [...] уверял, что Крымов сразу по приезде из Берлина действительно мечтал устроить у себя в усадьбе нечто вроде колонии для “наиболее способных поэтов”. Ему мерещилось: благородные люди станут приезжать на викенд, они будут есть макароны и писать под кустами рентабельные поэмы... Вечер, бутылка Мумма, а они читают сотворенное и, пожалуй, посвящают вирши щедрому Владимиру Пименовичу. [...] Но когда обнаружилось, что парижские литераторы все как на подбор “хамы” и норовят только содрать и убежать, нагадив еще в беседке... Тогда Крымов, пожалуй, действительно почувствовал себя оскорбленным» (Яновский В.С. Поля Елисейские. Книга памяти. СПб., 1993. С. 224).

⁴⁸ Ср. в воспоминаниях Василия Яновского: «Когда выяснилось, что у нас имеется все необходимое для издания литературно-философского журнала – все, кроме денег, – то естественным показалось обратиться к многоуважаемому Крымову за поддержкой... И вот Ширинский-Шихматов с женою (Савинковой), Марина Цветаева и я, в морозный зимний бесснежный денек, мы отправились на стареньком рено князя в Шату на поклон. [...]

Мы сидели в библиотеке с богатыми полками книг; слушали, как удачно переводят хозяина в Англии, в рецензиях его сравнивают с Диккенсом! [...] За третьим или четвертым бокалом шампанского Цветаева неожиданно достала чуть ли не из-за пазухи рукопись и начала уговаривать хозяина издать ее сказку в стихах с иллюстрациями, возможно, Гончаровой. [...] К счастью, Крымов сразу ответил, что знает эту сказку и не любит ее... [...] Увы, делового разговора не получилось. Решительно помогла Крымову та же Цветаева: ее вдруг развезло от нескольких стаканов шампанского, да так, что пришлось поспешно отступать в уборную.

Хозяин демонически сверкал своими толстыми стеклами. Не знаю, почему, я завел с ним беседу о любви, о Боге, Христе и дьяволе. Крымов, радостно улыбаясь, спорил... Он утверждал, что человек, получивший высшее образование и трижды объехавший вокруг света, не может верить в воскресение из мертвых. Так, жизнерадостный Гагарин, облетев трижды землю по орбите, заявил, что он нигде в космосе не заметил Бога.

⁴⁹ Эта встреча не состоялась. Буров перечисляет часто бывавшего тогда за границей Константина Андреевича Федина (1892–1972), в прошлом – участника группы «Серапионовы братья», в будущем – председателя правления Союза писателей СССР; Евгения Ивановича Замятина (1884–1937), выпущенного из СССР после своего письма правительству, благодаря ходатайству Горького; Романа Борисовича Гуля (1896–1986), в будущем многолетнего главного редактора нью-йоркского «Нового журнала» (с 1959 г. до конца своей жизни), автора трехтомных мемуаров «Я унес Россию: Апология эмиграции». Не говоря о Федине, и Замятин, и даже Гуть в тот период были достаточно лояльны к СССР. Замятин не считал себя эмигрантом, жил по советскому паспорту, встречался с при-

езжавшими в Париж Б.Пастернаком, И.Эренбургом, А.Толстым, на антифашистском конгрессе защиты культуры в 1935 г. присоединился к советской делегации. Гуль, в прошлом активный сотрудник просоветского «Накануне», еще не отошел полностью от своих сменовеховских иллюзий конца 1920-х гг., когда его книги выходили одновременно в Германии и в СССР.

⁵⁰ Морокан – по контексту упоминаний в других письмах В.М.Деспотули, не включенных в публикацию – музыкант, протежируемый С.Горным. Сведений о нем обнаружить не удалось. Вероятно, это прозвище, по имени героя рассказа «Морокан» в сборнике С.Горного «Всякое бывало» (Берлин: Арзамас, 1927).

⁵¹ Речь идет о книге С.Горного «Пугачев или Петр? Душа народа. Психологические этюды» (Берлин: О.Кирхнер, 1922).

⁵² Еженедельный иллюстрированный журнал, который выходил в Париже в 1934 г. (30 номеров). Перепечатывал произведения советских авторов (А.Зорича, М.Зоценко, Н.Огнева, А.Грина). Главная ставка редакции была сделана на публикацию «Романа с кокаином» (см. прим. 26).

⁵³ Имеется в виду сын Владимира Набокова (до переезда в США он печатался под псевдонимом В.Сирин) и Веры Набоковой (урожд. Слоним) Дмитрий Набоков, в наше время очень разносторонне, хотя и не всегда профессионально, проявивший себя (он был оперным певцом, литератором, альпинистом, мотогонщиком).

⁵⁴ Матусевич – возможно, Иосиф Александрович (1870–?), писатель, публиковавшийся, в основном, в парижских изданиях («Современные записки», «Русские записки» и др.).

⁵⁵ Под «Лютеранином», по нашему предположению, следует понимать проф. А.Ф.Лютера, переводчика «Новелл немецкого средневековья» (Берлин: Грани, 1923), автора исследования «Достоевский в Германии» и др. работ, посвященных русско-немецким литературным связям, который стал позднее заведующим литературным отделом «Нового слова».

⁵⁶ Центральная улица района в Берлине, где преимущественно селились русские эмигранты.

⁵⁷ Самая популярная из русских эмигрантских газет была запрещена в Германии за критику нацистского режима.

⁵⁸ Собрание сочинений Бунина выходило в издательстве «Petropolis» в 1934–1936 гг.

⁵⁹ Речь идет об Иосифе Полонском (не Полянском!), заведующем международным отделом киностудии «Метро-Голдвин-Майер». В письме к М.Алданову, которое опубликовал в «Русской мысли» Р.Янгиров, Бунин советовался, как лучше сделать заказанный ему синопсис «Господина из Сан-Франциско» (см.: Янгиров Р. «Страсть к обозрению мира». Иван Бунин и кинематограф // Русская мысль. № 4290. Париж, 1999. С. 12–13).

⁶⁰ При жизни Бунина не было снято ни одного фильма на сюжет его произведений; в дальнейшем также экранизации были крайне редки: очевидно, бунинская проза вообще не слишком кинематографична. Подробнее об отношении Бунина к кино см. упомянутую в предыдущем примечании статью Р.Янгирова в «Русской мысли».

⁶¹ Алданов Марк Александрович (наст. фам. Ландау; 1886–1957) – писатель.

⁶² Плата за квартиру за три месяца (во Франции принят срок внесения квартплаты домовладельцу по «термам»).

⁶³ «Наша маленькая жизнь» (Париж, 1927) – название книги Дона-Аминадо а также рубрики афоризмов, которую он вел на литературной странице «Последних новостей». Выражение заимствовано из пьесы Шекспира «Буря».

⁶⁴ Зуров Леонид Федорович (1902–1971) – прозаик. Его первым произведением дал высокую оценку И.А.Бунин. В ноябре 1929 г. Зуров приехал из Риги во Францию, в Грас к Буниным, где стал своим человеком в их семье, личным секретарем Бунина.

⁶⁵ Рассказ Бунина «Дело корнета Елагина» (1927) повествует о роковой страсти, разрешающейся смертью-самоубийством.

⁶⁶ Звезда немого кино Вера Васильевна Холодная (1893–1919) не покончила с собой, а умерла в Одессе от гриппа-испанки (слухи, что она могла быть отравлена, переданные В.А.Амфитеатовым-Кадашевым в своем дневнике – см.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 20. СПб., 1996. С. 589, 591 – проверке не поддаются и, скорее всего, чистый вымысел).

⁶⁷ Бергнер Элизабет (наст. фам. Эстель; 1897–1986) – немецкая киноактриса. В 1924 г. снялась в фильме «Ню» по пьесе Дымова.

⁶⁸ Фейдт (Вейдт) Конрад (1893–1943) – немецкий киноактер. После прихода фашизма к власти эмигрировал, снимался в Англии и в США.

⁶⁹ Яннингс Эмиль (1884–1950) – немецкий актер театра и кино.

⁷⁰ Имеется в виду заметка Балакшина о книге Бурова «Земля в алмазах» (Новое русское слово. 1934. 22 июля).

⁷¹ От лат. *proponinatio* (род метонимии); здесь употребляется как замена имени собственного нарицательным, например «живой классик» – вместо имярек. В не вошедшем в нашу публикацию письме от 9 октября 1934 г. Балакшин писал Бурову: «...у меня бывают однобокие контакты с “полубогами”, даже “богами”, но Ваше доброе письмо рассеяло мои сомнения относительно этой теории “божества”».

⁷² Три тома рассказов П.Балакшина были выпущены в Сан-Франциско изд-вом «Сириус» лишь 20 лет спустя (Т. 1: «Повесть о Сан-Франциско»; Т. 2: «Весна над Филмором» – оба 1951 г.; Т. 3: «Возвращение к первой любви», 1952).

⁷³ «Тело» – роман Екатерины Васильевны Бакуниной (1889–1976), опубликованный в «Числах», где автор работал секретарем редакции, а затем в 1933 г. в берлинском издательстве «Парабола»; роман «был повествованием от первого лица, переполненным физиологическими деталями из тяжелого быта русской эмигрантки, в том числе личной гигиены и половой жизни героини, – с употреблением табуированного словаря» (*Литвак Л.* Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора. Новые материалы. Т. IV. С. 400; роман был переиздан в Москве в 1994 г.). П.Балакшин, несмотря на выраженное в письмах к Бурову крайне негативное отношение к творчеству Бакуниной, поместил в

1934 г. ее автобиографию в «Калифорнийском альманахе», выходявшем под его редакцией.

⁷⁴ Поплавский Борис Юлианович (1903–1935) – поэт, прозаик. Автор «метафизического романа» «Аполлон Безобразов» и незавершенного романа «Домой с небес». По мнению Г.Адамовича – Поплавский был самым одаренным из молодых поэтов «парижской ноты». Погиб в результате неосторожного обращения с наркотиками; у исследователей до сих пор нет уверенности, что смерть не была обдуманым самоубийством.

⁷⁵ «Виссарионович» – шутка с двойным дном: Балакшин, конечно, подразумевает, что Адамович – духовный сын и продолжатель «неистового Виссариона» Белинского, но вряд ли он забыл о другом, более знаменитом Виссарионовиче, их общем современнике.

⁷⁶ Предыдущий роман Анны Таль «Клетчатое солнце» вышел в 1932 г. в Берлине в издательстве «Парабола». Была ли издана книга, о которой идет речь в письме, установить не удалось; в известных библиографиях она не зафиксирована.

⁷⁷ Эти слова Буров подчеркнул красным карандашом и поставил на полях знаки «?!?». Ирецкий Виктор Яковлевич (наст. фам. Гликман; 1882–1936) – прозаик, журналист. Был выслан из Советской России в ноябре 1922 г.

⁷⁸ Овчаров – неустановленное лицо.

⁷⁹ Имеется в виду издававшаяся И.В.Гессеном в Берлине ежедневная газета «Руль» (1920–1931) и парижское «Возрождение» (1925–1940); последнюю финансировал нефтепромышленник А.О.Гукасов.

⁸⁰ Берлинский фешенебельный ресторан.

⁸¹ Это же место из Апокалипсиса привел Г.Адамович в письме Бурову от 21 августа 1938 г., которое цитируется в первой части нашей публикации. Буквально то же писал Бурову 18 августа 1936 г. О.Волжанин по поводу «Земли в алмазах»: «Я знаю, что Вас упрекнут в излишней горячности, страстности, но лично мне они – по сердцу, ибо “будь горяч или холоден, но не тёпел”» (Ф. 2274. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 1 и об.).

⁸² Рерих Николай Константинович (1874–1947) – художник, философ, мистик, общественный деятель. Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, археолог. Толстая Александра Львовна (1884–1979) – мемуарист, публицист, общественный деятель. Младшая и любимая дочь Л.Н.Толстого. В эмиграции сначала в Японии, затем в США. Весной 1939 г. организовала Толстовский фонд для помощи русским эмигрантам. Впоследствии филиалы фонда были открыты в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Южной Африке.

⁸³ Кантор Михаил Львович (1884–1970) – адвокат, помощник одного из лидеров кадетов и гласного Петроградской городской думы М.М.Винавера в Петербурге. После революции в эмиграции руководил издательством «Библиофил» в Берлине. С 1923 г. жил во Франции, был консультантом парижского адвокатского кабинета М.М.Винавера и одновременно секретарем редакции, а с 1926 г. – редактором преобразованной в журнал газеты «Звено». Оставив адвокатскую практику выступил как литературный критик и поэт. Вместе с Г.Адамовичем редактировал па-

рижский журнал «Встречи» (1934), составил первую антологию поэзии русской эмиграции «Якорь» (Берлин, 1936), изредка печатался в «Числах». Свой единственный стихотворный сборник выпустил уже на склоне лет, в 1968 г. Подробнее о нем см.: *Адамович Г. Памяти М.Л.Кантора // Русская мысль. 1971. 14 января. № 2825. (Сообщено О.Коростелевым).*

⁸⁴ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – генерал от кавалерии, политический деятель, романист. Участник Гражданской войны. Публиковался с 1891 г.; в эмиграции наибольшую известность получил его 4-томный роман «От Двуглавого Орла к красному знамени. 1894–1921» (Берлин, 1921–1922; М., 1996). По свидетельству Г.Струве, роман Краснова «был в течение многих лет самой ходкой книгой на зарубежном рынке», выдержал 3 издания и был переведен на 12 языков. Во время Второй мировой войны, после нападения Германии на СССР, Краснов формировал из эмигрантов казачьи части для боевых действий против Красной армии; возглавил Главное управление казачьих войск Вермахта. Выданный в 1945 г. англичанами советским властям, Краснов, после длительного следствия, был повешен в Лефортовской тюрьме.

⁸⁵ Крыжановская Вера Ивановна (псевд. Рочестер, по имени английского графа, чей дух якобы диктовал ей некоторые тексты; 1857–1924) – писательница. Романы ее посвящены сверхъестественным явлениям, духовидству, телепатии, имеют элементы мистической фантастики, столь успешно разрабатываемой современными авторами, с претензией на «научное объяснение» чудес и, вдобавок, густо приправлены антисемитизмом. В эмиграции жила в Эстонии, в Таллинне, печаталась, в основном, в рижских издательствах. См. о ней содержательную статью: *Меймре А. «Из мрака к свету». По поводу пребывания В.И.Крыжановской в Эстонии // Балтийский архив. Вып. IV. Рига, 2000.*

⁸⁶ П.Балакшин оставил о Вертинском воспоминания: *Лица памятных встреч // Новый журнал. Нью-Йорк, 2002. № 227. С. 149–154.*

⁸⁷ Газданов Гайто Иванович (1903–1971) – писатель; Фельзен Юрий (наст. имя Николай Бернардович Фрейденштейн; 1894–1943) – прозаик, критик. Постоянный автор «Чисел». В 1934 г. был избран председателем «Союза молодых поэтов и писателей». При оккупации Франции гитлеровцами, пытался перейти швейцарскую границу, но был схвачен, как еврей депортирован в концлагерь, где и умер.

⁸⁸ Названы: Otzer – Федор Оцеп (1895–1949), журналист, сценарист, кинорежиссер. Автор сценариев «Пиковой дамы», «Поликушки», «Аэлиты» (режиссер Я.Протазанов). В 1927 г. не вернулся из Германии, где был на съемках советско-германского фильма «Живой труп». Frenke – Юджин Френке, американский кинорежиссер. Анна Стен (1908–1993), начинала как актриса Московского Художественного театра; в 1929 г. не вернулась в СССР со съемок за границей. Френке снял свою жену в главной роли в фильме «Одинокая женщина» (1936).

⁸⁹ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) – журналист, мемуарист. Из аристократической, близкой к царскому двору семьи. Его отец, помощник Варшавского генерал-губернатора, гофмейстер, сенатор Д.Н.Люби-

мов состоял в свойстве с А.И.Куприным и стал прототипом князя Шейна в «Гранатовом браслете». После войны Любимов в числе первых репатриантов получил советское гражданство, вернулся в СССР, издал воспоминания «На чужбине» (журнал «Новый мир», отд. изд. – М., 1963). В них нет ни слова об упомянутом в публикуемом нами письме конфликте Любимова с руководством Союза писателей и журналистов во Франции.

⁹⁰ По нашему предположению, «М-х» может расшифровываться как «Мережковских» – т.е. Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус. Оба печатались в «Иллюстрированной России».

⁹¹ Цветковская Елена Константиновна (1880–1943) – третья и последняя жена К.Д.Бальмонта, с которой он в 1920 г. уехал в Париж, так и не разведясь с Е.А.Андреевой-Бальмонт, которая осталась в Москве. См. о Цветковской в ее «Воспоминаниях» (М.: изд-во им. Сабашниковых, 1997).

⁹² В рецензии на книгу Бурова «Еще одна баррикада» (Берлин: Параболла, 1936), подписанной Ан.Влас., в частности, говорилось: «Невольно навертывается нелепая картина: взопревшие от чая, пузатые, стриженные под скобку, с бородами-лопатами, под лампадами, в запахе деревянного масла и водки сидят и толкуют купцы. И над всем этим бытом парит крепкий дух такой русскости, от которого пришли бы в умиление герои Лейкина. И разговор такой, купеческий [...] Остается “Еще одна баррикада”. И в ней – профессора, их жены, “университетские дамы”, “неумолимые гордецы”, тенденции, принципы, поиски вины и виновных, вопросы ребром и их решение. Но профессора не вяжутся с разговорами (купеческими), им не веришь, как не веришь и “гордецам” и “героям принципов”, поски виновных (в нашем несчастье – !?) не приводят ни к чему, читатель больше изумлен, меньше захвачен чтением, ему хочется узнать, в чем же дело, но опять купцы застилают даль и воображение вется где-то около Гостиного двора...» (Земля Колумба. Сборник литературы и искусства / Под ред. Б.Миклашевского. Кн. 2. N.Y.–San Francisco–Los Angeles, 1937. С. 121–122).

⁹³ Аллюзия на название прошумевшего в свое время романа украинского писателя В.К.Винниченко «Честность с собой» (на русском языке – в сборниках «Земля», 1911. Сб. 5).

⁹⁴ Драма Леонида Андреева (1906), где главный герой анархист Савва предпринимает неудачную попытку взорвать чудотворную икону, чтобы уничтожить фетиш рабского со знания и, в результате, растерзан толпой.

⁹⁵ В царской России состоявшим на государственной службе, жалование всегда выдавалось по 20 числам каждого месяца. Бытовало выражение «люди двадцатого числа», обозначавшее чиновничество.

⁹⁶ Лимитрофы – обозначение государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей царской России (Эстония, Латвия, Литва, Финляндия и Польша).

⁹⁷ Речь идет о книге: Буров А.П. Господи... Твоя Россия. Роман-летопись. Париж: Иллюстрированная Россия, 1938.

⁹⁸ См.: Буров А.П. Певец зарубежной печали. – Книга священного гнева. Роман-летопись. Париж: Изд. Иллюстрированная Россия, 1938.

⁹⁹ Немирович-Данченко Георгий Владимирович (1889–1939) – писатель, в 1920 г. возглавил в Крыму Отдел печати, заменивший деникинский ОСВАГ. Автор романов «Лето Господне», «Мадонна». До работы в «Новом слове» печатался в «Иллюстрированной России», рижском журнале «Для Вас».

¹⁰⁰ Имеется в виду так называемый «Мюнхенский сговор» между А.Гитлером, Б.Муссолини, Н.Чемберленом и Э.Даладье относительно Чехословакии, по которому Судетская область отходила к Германии, а также удовлетворялись территориальные претензии к Чехословакии со стороны Венгрии и Польши, взамен на обязательство Германии не выступать против Англии и Франции. Мюнхенское соглашение стало прелюдией к захвату в 1939 г. Германией всей Чехословакии и развязыванию Второй мировой войны.

¹⁰¹ Т.е. Сергею Горному (С.А.Оцупу).

¹⁰² Имеется в виду «роман-летопись» «Певец зарубежной печали» (см. прим. 98).

¹⁰³ Активизм – активное вооруженное сопротивление коммунистическому строю, организация заговоров, диверсий и т.п.

¹⁰⁴ Роман Владимира Набокова (В.Сирина) «Подвиг» (первая публикация – в «Современных записках», 1931–1932).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРУППИРОВКИ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг.: ИСТОРИЯ НАЧАЛА И КОНЦА (межархивный тематический обзор)¹

Обзор Т.М.Горяевой

Литература производство опасное, равное
по вредности изготовлению свинцовых
белил.

М.М.Зощенко. «Перед заходом солнца»

Русская культура начала XX в. была представлена богатой галитрой направлений, эстетических и национальных традиций, форм и методов художественных приемов. Литературно-художественная элита, несмотря на свою малочисленность, оказывала существенное влияние на общественно-политическую атмосферу, зачастую определяя ее градус. В начале XX в. разнообразие вкусов и пристрастий, творческие дискуссии в художественной среде находили свое выражение в создании многочисленных литературных кружков, обществ, союзов, художественных салонов, вокруг которых группировались единомышленники. В первые годы после революции они продолжили свою деятельность, расширив свой состав за счет новых группировок в основном с пролетарским акцентом. Вначале государство никак не ограничивало их деятельность, отсутствовал официальный порядок их регистрации. В основном деятельность общественных образований состояла в обсуждении профессионально-творческих вопросов; в некоторых случаях решались проблемы социальной защиты наподобие профсоюзов. Финансовой основой были членские взносы и издательская деятельность, что делало жизнь членов этих организаций небогатой, но и независимой от государства.

Позиция партии на первом этапе касалась общих принципов культурного процесса. Как и другим областям культуры, литературе было отказано в праве полной автономии или свободы. А.В.Луначарский подчеркивал, что «государство обязано влиять на искусство, и оно может делать это в определенном смысле, может определенным образом руководить искусством»². Следующим этапом стала вторая половина 1920-х гг., когда начала осуществляться культурная революция, в которой литературе отводилась существенная роль наряду с агитационными видами искусства и печатью. Однако твердых позиций о соотношении определяющей роли партийной идеологии и степени ее влияния на литературно-художественную жизнь не существовало, а вопросы политической цензуры носили дискуссионный характер. Это было связано с тем, что у большевистских лидеров, в прошлом профессиональных революционеров, не было практического опыта управления страной. Они фактически не владели механизмами этого многосложного процесса и поэтому стремились укрепить свои позиции, прежде всего, на идеологическом фронте.

Редким, с точки зрения демонстрации внутренней технологии проведения культурной политики, является письмо А.В.Луначарского Н.К.Крупской³, в котором он цинично и откровенно излагает позицию партии по отношению к Пролеткульту:

«... Я буду вести такую линию, что де мы признаем импонирующую силу объединения полмиллиона пролетариев и считаем необходимым в нашей культурной работе опереться на это объединение, а для этого считаю нужным ввести по одному официальному представителю в Главполитпросвет и в Художественный сектор с целью, с одной стороны, связать таким образом Наркомпрос с самой крупной пролетарской культурной организацией, а с другой стороны влить в эту организацию те многочисленные силы культурного характера, которые имеются в НКП и сгладить нелепую границу между государственной культурной работой рабочего государства и рабочей же внегосударственной культурной работой. Сделаю это так, что им покажется отчасти и это признанием их заслуг и значения, на деле же будет знаменовать собою подчинение Пролеткульта контролю соответствующих органов Наркомпроса. Впрочем, наиболее умные из сепаратистов поймут в

чем дело и, м.б., будут даже возражать, но мы операцию подчинения Пролеткульта государствен[ному] внешкольному делу должны выполнить во что бы то ни стало. Приблизительно такую линию в общих чертах наметил мне вчера Владимир Ильич...» (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 385. Л. 374).

В дальнейшем мы убедимся, как этот план был успешно реализован на практике. Надо сказать, что большую часть творческой интеллигенции всерьез заботили подобные идеи и они искренне пытались помочь и поддержать новую власть своим участием в просветительстве и творчестве. Учредители литературно-философского объединения ВОЛЬФИЛА (А.Блок, Р.В.Иванов-Разумник, А.Штейнберг, К.Эрберг) в своем Положении в 1918 г. писали⁴:

«Русская Революция открывает перед Россией и перед всем миром новые широкие и всеобъемлющие перспективы культурного творчества. Впервые из идеи Единого Человечества делаются практические выводы. Мечта о соборном строительстве единого здания мировой культуры может, наконец, осуществиться в действительности и должна принять характер конкретной организационной попытки. Этому делу хочет посвятить себя ВФА. Она связывает словом Академия память о первых источниках европейской культуры, когда науки, искусства и общественность еще были связаны вольностью и законченностью античного мирозерцания. Академия, видящая в свободе общения и преподавания ту естественную атмосферу всякого творчества, в которой только и могут зарождаться и развиваться существенные культурные начинания; академия относится к философии, как к той хранительнице заветов единства, без которого нет ни единого Человечества, ни единого Общечеловеческого Идеала. В этом именно смысле вся работа Академии должна протекать в духе философии и социализма» (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 24. Д. 11. Л. 8-12).

Однако неприятие насильственных методов диктатуры пролетариата многими интеллигентами, с одной стороны, и судорожные усилия большевиков, стремившихся удержать власть силой, с другой, приводили к неоправданным репрессиям против тех, кто недавно так горячо приветствовал крах самодержавной империи и победу революции. Часто для того, чтобы вывести то

или иное общество из-под критики или из-под угрозы ликвидации на его спасение бросались авторитетные партийные и государственные деятели, которые организовывали рекомендательные письма. «Похлопотать» о судьбе отдельного человека или целой организации — прием, который был широко распространен в советской среде, а патронирование стало одной из отличительных черт советской партийно-государственной элиты. Главным защитником и арбитром был А.В.Луначарский, к которому поступало огромное количество жалоб на притеснения не только цензурного характера, но и на действия ВЧК⁵.

Таковыми же жалобами был завален секретариат СНК, руководители которого считали необходимым прекратить преследования литераторов. Так, 12 декабря 1919 г. Управляющий делами СНК РСФСР обратился к Заведующему комиссариатом внутренних дел в Петрограде О.Равичу с просьбой защитить представителей Дома Литераторов, оказывающих материальную поддержку полутора тысячам преимущественно старых и больных писателей, ученых и артистов. Из письма ясно, что местное ЧК третирировало их для того, чтобы «выбить» верноподданнические признания в лояльности к советской власти (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 230. Л. 130-131 об.). Однако не все писатели уклонялись от сотрудничества с партией или сопротивлялись ей. Полную готовность служить политической агитации и пропаганде в области искусства выразила группа футуристов и пролетарских писателей⁶. 7 июня 1920 г. ЛИТО Наркомпроса сообщал, что пролетарские писатели отправлены на фронт для агитации среди солдат.

Только к концу 1920-х гг. окончательно сформировалась концепция литературной политики, о которой в 1927 г. А.В.Луначарский говорил как о наиболее уязвимой: «...Разумеется, у нас в Наркомпросе не обязательно имеется единая линия; возможно, это объясняется отчасти отсутствием ясных партийных директив»⁷. Эта неуверенность проявилась в неровности, часто непоследовательности и импульсивности действий. Л.Д.Троцкий вмешался в полемику, разгоревшуюся между напостовцами и партией. «Есть области, где партия руководит непосредственно и повелительно. Есть области, где она контролирует и содействует. Есть области, где

она только содействует. И есть, наконец, области, где она только ориентируется. Область искусства не такая, где партия должна командовать. Она может и должна ограждать, содействовать и лишь косвенно руководить... Однако ведь и культурничество, т.е. усвоение азбуки допролетарской культуры, предполагает критику, отбор, классовый критерий? Еще бы! Но это критерий политический, а не отвлеченно-культурный»⁸, — писал он в своей книге «Литература и революция». Эта схема, по мнению Троцкого, должна была определять характер взаимоотношений между партией и литературой, отношение к различным литературным группировкам пролетарского и попутнического толка. А.В.Луначарский публично, последовательно и со всем пылом выступал против тех, для которых основным аргументом было то, что данный писатель не коммунист. «Нельзя запретить то, что прекрасно, — писал Луначарский в 1923 г., — ...это главным образом относится к тем случаям, когда речь идет о произведениях искусства, не соответствующих целям нашей агитации, но тем не менее правдиво отражающих действительность и проникнутых революционными тенденциями, то есть в той или иной степени полезных и в агитационном смысле; их следует непременно «поддерживать». А.К.Воронский вторил ему: «...Политическая цензура в литературе вообще очень сложное, ответственное и очень трудное дело и требует большой твердости, но также и эластичности, осторожности и понимания... Прежде всего нашим тов. цензорам следует перестать вмешиваться в чисто художественную оценку произведения, затем нужно понять, что нельзя от беспартийных промежуточных писателей требовать коммунистической идеологии, тем более четкой»⁹. В 1924 г. он обращал внимание на «явные несуразности и излишества со стороны» «цензурных политотделов»¹⁰.

В партийной верхушке созрело мнение, что для того, чтобы «защитить» писателей от мелких придирок цензоров, надо «дать четкую определенную линию относительно того, какими правилами должен пользоваться марксистский цензор»¹¹. Еще в 1920 г. ЦК РКП(б) обратился с письмом «О Пролеткультах», в котором давались оценки буржуазным взглядам пролеткультистов, прикрываемых пролетарскими лозунгами, и

высказывались требования о необходимости «сближения» Пролеткульта с работой Наркомпроса¹². Фактическим руководством деятельностью обществ занимался Наркомпрос РСФСР и его подразделения. Знаменательным в этой истории является первый крупный факт, подтверждающий слияние государственной организации с общественной формой литературной жизни. Это произошло в результате «добровольно-принудительного» отделения группы писателей Пролеткульта, которая вошла, как структурное подразделение ЛИТО в качестве подотдела пролетарской литературы, находясь на госзарплате.

«В литературный отдел Наркомпроса.

1920 г.

Заявление

Мы, группа пролетарских писателей при Московском Пролеткульте, обсудив на своем заседании от 1 февраля с.г. условия работы в Пролеткульте, которые, по целому ряду причин, тормозят выявление творческих возможностей пролетарских писателей постановили: оставаясь на точке зрения пролетарской культуры, выйти из Московского Пролеткульта и образовать секцию пролетарских писателей при литературном отделе Наркомпроса.

М.Герасимов, Г.Санников, С.Обрадович, Н.Дегтярев, В.Казин, С.Родов, В.Александровский» (РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Впоследствии в рамках ЛИТО было учреждено издательство «Кузница», а в 1922 г. под этим же названием Всероссийское общество пролетарских писателей (ВОПП) «Кузница». Однако деструктивный характер отношений в пролетарской среде литераторов сохранился и продолжился в виде центробежного движения и дальнейшего распада.

«К разложению “Кузницы”
(Письмо в редакцию “Рабочей газеты”)

10 декабря 1922 г.

Группа пролетарских писателей “Кузница”, образованная в начале 1920 г., в последнее время обратилась, по нашему убеждению, в немногочисленный, замкнутый кружок товарищей, большая часть которых заинтересована в дальнейшем росте пролетарской литературы лишь постольку, поскольку это соответствует их личным литера-

турным интересам, далеко не совпадающим с задачами развивающейся борьбы пролетариата на идеологическом фронте.

Ввиду того, что при таком положении “Кузница” является организацией, тормозящей развитие свежих, молодых сил пролетарской литературы, часть нижеподписавшихся заявляет о своем выходе из “Кузницы”, и вместе с другими пролетарскими писателями, подписавшими настоящее заявление, образует группу пролетарских писателей “Октябрь”, каковая ставит своей ближайшей целью укрепление коммунистической линии в пролетарской литературе и организационное укрепление всероссийской и московской ассоциации пролетарских писателей.

Сергей Малашкин, Семен Родов, А.Дорогойченко, Геннадий Корнев, А.Безыменский, А.Тарасов-Родионов, А.Жаров, Ю.Либединский, Артем Веселый, А.Соколов, Исбах, Н.Кузнецов, Г.Лелевич, Г.Шубин, Иван Дорнин.

Считаем своим долгом перед партией и Советской Властью заявить, что никакой ответственности за идеологическое направление и практическую деятельность издательства писателей “Кузница” нести не сможем.

Сергей Малашкин, Семен Родов, А.Дорогойченко
(Там же. Д. 25. Л. 5).

Ответ оппонентов не заставил себя ждать.

«Резолюция общего собрания членов литгруппы
“ТВОРИ!”

13 декабря 1922 г.

Заслушав доклад т. Родова от группы “Октябрь” и т. Герасимова от группы «Кузница» и констатируя, что мнение т. Родова и т. Дорогойченко, подкрепленное выходом из “Кузницы”, отнюдь не является мнением коммунистической фракции “Кузницы”, группа “Твори!” выражает глубокое возмущение по поводу письма, опубликованного в “Рабочей газете” от 10/XII и “Правде” от 12/XII, как средства, граничащего с демагогией и дающего лишней козырь, в руки врагов пролетарской литературы.

Однако, считаясь с фактом возникновения “Октября”, как группы, ставящей себе задачей “укрепление коммунистической линии” во Всероссийской и Московской

Ассоциациях, группа “Твори!” одновременно с посылкой своих представителей в Правление Всероссийской Ассоциации Пролетарских писателей и “Кузницы”, посылает такого и в группу “Октябрь”.

Своим представителям “Твори!” дает определенный наказ добиваться скорейшего созыва Московского и Всероссийского съездов пролетарских писателей, которые одни только могут уничтожить борьбу личностей и сплотить все группы литературного пролетарского фронта.

Председатель Литгруппы “Твори!”

Секретарь» (РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 25. Л. 7).

Резолюция «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г.¹³ подвела итог дискуссиям о месте литературы в идеологической работе партии и заявила свои руководящие права на все без исключения вопросы, включая и вопросы формы и содержания. Широко известна реакция многих писателей на эту партийную инициативу¹⁴. Позиция А.М.Горького не вызывала сомнений: он восторженно воспринял директивы партии. Свое отношение к новой ситуации он выразил в письме Н.И. Бухарину от 17 июля 1925 г.:

«Резолюция ЦК “О политике партии в области художественной литературы” – превосходная и мудрая вещь, дорогой Николай Иванович! Нет сомнения, что этот умный подзатыльник сильно толкнет вперед наше словесное искусство. Молодежь осмелеет в своем отрицании старого быта, получит возможность отринуть беспощадно его ядовитую пыль и грязь в “комчванстве” и с большей энергией начнет искать и создавать “героя”, – человека в совершенстве воплощающего в себе *инстинкт* и дух массы, влекомой историей к жизни поистине новой... Очень хорошо, что “Прожектор” будет издавать книжки и в их числе, издает рассказы Романова о деревне. Это – весьма хорошие рассказы, особенно если противопоставить их возрождающемуся сентиментальному народничеству, столь ярко выраженному в “Сахарном немце” поэта Клычкова и в гекзаметрах Радимова “Деревня”. Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей *крестьян* и что здесь возможен, даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”. Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна и лишь заострила

бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и неудобная, — этой идеологии должна быть дана теперь же.

Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима. Хотелось бы, чтоб Казин и Тихонов скорее поняли это... Сам вижу кое-кого — очень хорош наш рабочий, Ник.Иванович! Большой это человек. Вот где его надо бы взять для романа, для рассказа. Люди моего поколения одолеть эту дьявольски простую, а потому дьявольски трудную тему — не могут. Нам дано добить старое, но у нас нет сил для изображения нового в том грандиозном объеме, как его выдвигает жизнь. А потому и своевременно, и мудро приласкать несколько — молодых, воодушевить их, как это и сделано в резолюции ЦК. Город и деревня должны встать — и ближе — лоб в лоб. Писатель рабочий обязан понять это. Крепко жму Вашу руку. Здоровья и бодрости! А.Пешков. 13. VII. 25.» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 44—45).

Несмотря на то, что все идеологи, включая и самого В.И.Ленина, воспитывались на классической русской реалистической литературе, их официальные политические симпатии вынуждены были сосредоточиться на пролетарской литературе и искусстве, которые особенно ярко выразились в Пролеткульте. Процесс выработки методов руководства литературой растянулся на целое десятилетие и коснулся группировок различных направлений, которые исчислялись десятками. Их самостоятельность и самобытность особенно в первые послеволюционные годы заставляла партноменклатуру изобретать все новые и новые рычаги контроля и политической цензуры¹⁵.

Руководство литературными группировками, прежде всего, затронуло правовые вопросы организации. До 1922 г. этот вопрос не был урегулирован: общества и союзы возникали и юридически оформляли свое существование в различных местностях по-разному. 1922 г. стал рубежным в культурной жизни страны. 3 августа 1922 г. было принято постановление ВЦИК и СНК «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора над ними»¹⁶. С этого момента работу по утвер-

ждению и регистрации обществ и союзов, а также и надзору за их деятельностью осуществлял НКВД. Прежде всего, это касалось организаций всероссийского масштаба или объединений по масштабу своей деятельности, выходящих за пределы одной административно-территориальной единицы, края или губернии. Кроме того, НКВД регистрировал и наблюдал за объединениями всесоюзного масштаба, уставы которых утверждал СНК СССР. По сведениям на 13 января 1929 г. за весь период через НКВД прошло 386 заявлений об утверждении обществ, из них 107 обществ всероссийского значения было утверждено¹⁷.

Порядок утверждения обществ был следующим. НКВД предварительно согласовывал вопрос о целесообразности утверждения объединений с заинтересованными ведомствами, все без исключения с ОГПУ и как правило все вопросы утверждения литературных, художественных и национальных объединений с Агитпропом ЦК ВКП(б). Помимо заключений ведомств обращалось внимание на состав учредителей, главным образом, на то, имеются ли в числе учредителей члены ВКП(б). По директиве ЦК ВКП(б) 1924 г. существовал порядок предоставления учредителям — членам ВКП(б) согласий партийных органов на право участия в этом процессе, но впоследствии партийные органы перестали давать свое согласие, считая это излишним и формальным моментом. Кроме того, было замечено, что учредители использовали авторитет «видных партийных товарищей в момент утверждения обществ» путем «вербовки их в члены учредителей или получении лестных отзывов с просьбой утвердить устав или ускорить утверждение». При этом партийные патроны сразу же забывали о существовании этих обществ. Например, Луначарский фигурировал в 9-ти обществах, Семашко — в 6-ти, а Каменев — в 4-х.

Однако было бы неверно оценивать отношения между властью и интеллигенцией односторонне по принципу «жертвы и злодеи». Очень многие инициативы шли «снизу» от интеллигенции, которая пыталась найти компромисс в отношениях с властью. Эти проявления имеют многочисленные подтверждения именно в документах о деятельности литературных группировок. Безусловно, мы не можем оценивать атмосферу литературной среды,

опираясь только на обращения, резолюции, протоколы литературных организаций, которые по стилистике больше напоминают политические доносы или обвинительные процессы 1930-х гг. Объективности ради необходимо подчеркнуть, что все усилия приблизиться к власти объяснялись чисто материальными причинами: литераторы, входящие в группировки пролетарского направления, находились на регулярном финансировании (на зарплате) государства через органы управления культурой. Поэтому желание «вписаться» в официально признанные объединения было обусловлено не столько победой одного направления над другим, сколько чисто прагматическими целями выживания в сложной идеологической и экономической обстановке¹⁸. Первопричиной этого разложения был страх, разъедающий души даже самой лучшей части общества. Конечно, страх 1920-х гг. отличался от страха начала 1930-х и страха 1937-го г. В середине 1930-х гг. конформизм и беспринципность стали уже привычными для творческой интеллигенции, понимающей, что без благосклонности высшего политического руководства и членства в соответствующем творческом союзе она будет обречена на молчание и безызвестность. Газеты тех лет пестрят гневными статьями и «публицистическими произведениями» Д.Бедного, А.Суркова, М.Кольцова и др.

Итак, основными проблемами, которые решались в результате узаконенной через зарегистрированные объединения литературной деятельности были: государственное финансирование, издательская деятельность (включая реализацию книжной продукции), взаимодействие с партийными и цензурными органами по идеологическим вопросам, в том числе и организация положительной критики. Так, например, даже «Артифекс» не смог избежать соблазна организовать переговоры с Д.Бедным о его рецензии на сборник «Вторники на Кузнецком» 26 декабря 1922 г. (РГАЛИ. Ф. 2493. Оп. 1. Д. 3. Л. 19). Наиболее возжеланным и, главное, обеспечивающим достойное существование являлось государственное финансирование творческой деятельности, которого добивались всеми возможными и невозможными способами. Об этом правдиво пишет в своем дневнике 5 марта 1928 г. А.Я.Закушняк, автор и исполнитель «Вечеров рассказа»: «Наркомфин выпустил новое положение о налоге

подходящем. Ты знаешь, как мне приходится трудиться, чтобы жить и, главное, иметь возможность приготовить новый репертуар, а тут выходит так, что все равно — сколько ни работай, еще хуже выходит. Мое дело не шаблонное и потому ни под какой закон не подведешь. И потому так трудно. Это меня нервит, не дает покоя. Юрьев устраивает мне свидание с Луначарским — пусть хоть Наркомпрос сделает меня, что ли, государственным, чтобы легче дышалось»¹⁹.

Привлекающим фактором близости к власти являлись безграничные издательские возможности, которые гарантировались лояльным литераторам и литературным группировкам. Так, решения о финансировании и режиме полного благоприятствования принимались в отношении пролетарских или околопролетарских группировок. Государство медленно и коварно подготавливало единственно возможную форму существования — государственную, обязательно лояльную и подконтрольную. Здесь следует подчеркнуть, что собственно творческие вопросы редко являлись предметом обсуждения на многочисленных заседаниях обществ и союзов, кроме тех случаев, когда авторы или их произведения подвергались поддержке или резкой критике по идеологическим соображениям. При этом следует сказать, что организации так называемых литераторов-попутчиков или непролетарских направлений были гораздо более озабочены непосредственно литературным процессом, чем пролетарские организации. В отличие от других обществ «Артифекс» (Б.Житков, Б.Заходер, Ю.Бахрушин, В.Судейкин), рассматривал на своих заседаниях литературоведческие вопросы, например, о задачах словотворчества и др. Оригинальной была организация «Артифекса», в структуру которой входили главный мастер, хранитель печати, капитул, мастерская, а деятельность общества регулировалась конституцией. Атмосфера внутри общества существенно отличалась от уже утвердившегося к тому времени духа конкурентного неприятия или корпоративного славословия. Так, в письме главного мастера «Артифекса» В.И.Авдиева И.Ф.Шишову от 1 октября 1920 г. (по старому стилю) говорилось:

«Любезный Игорь Федорович! Разрешите мне обратиться к Вамъ, как къ хранителю печати сообщества “Artifex”, съ нижеследующимъ официальнымъ заявле-

ніемъ. Будучи избраннымъ другомъ сообщества, я, как Вамъ это, наверное, поведали, принялъ с благодарностью это званіе не могъ его не принять, т.к. въ душе моей связь съ «Artifехом» не порвалась, а только ослабилась. Теперь же, когда по словам Алексея Николаевича от моего возвращенія на постъ гл. мастера, зависит само бытіе общества, я ни минуты не колеблюсь и даже жертвуя въ некоторой степени своимъ сомнѣніемъ, иду на Вашъ зовъ и согласенъ продолжить начатое мною, и такъ некстати прерванное, дело» (РГАЛИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27 об.)

Стиль и тонъ декларацийъ группъ пролетарскаго толка, въ которыхъ клеймились все, не поддерживающіе пролетарскіе лозунги и выражающіе традиціонныя русскія эстетико-философскія воззрѣнія, не предполагалъ дискуссій и обсужденій, не говоря уже о возраженіяхъ. Такъ въ канунъ эпохальнаго «философскаго парохода» въ обращеніи ВАПП ко всемъ литераторамъ говорилось:

«Въ последнее время замечается появленіе произведеній пролетарскихъ писателей на страницахъ чуждыхъ, а зачастую даже враждебныхъ классовымъ задачамъ пролетариата. ВАПП, являясь преемницей и носительницей лучшихъ заветовъ первыхъ литературныхъ объединеній рабочаго класса, возникшихъ задолго до 17 г., не можетъ обойти молчаніемъ подобныхъ явленій, грозящихъ разрушеніемъ единого фронта пролетарской литературы и ведущихъ къ вольной или невольной изменѣ делу всемирнаго пролетариата... Исходя изъ этого, Правленіе ВАПП требуетъ отъ своихъ членовъ незамедлительнаго выполненія слѣдующихъ пунктовъ:

1. Члены ВАПП не должны состоять членами лит.-худ. организацій, союзовъ и кружковъ.

2. Безусловное неучастіе членовъ ВАПП въ органахъ печати, чуждыхъ пролетарско-коммунистической идеологии.

3. Выступленія пролет. писателей на литературныхъ и другихъ вечерахъ съ писателями враждебныхъ намъ группъ должны имѣть своей целью борьбу съ послѣдними.

ВАПП предпринимаетъ немедленную чистку своихъ рядовъ въ целяхъ удаленія техъ писателей, которые ввиду отсутствія классоваго сознанія и твердаго коммунистическаго воззрѣнія, неспособны проводить намеченную линію. Правленіе ВАПП объявляетъ перерегистрацію, добавляя,

что впредь в члены ее будут приниматься только те товарищи, которые безоговорочно примут и выполнят все вышеуказанные требования.

Вл.Кириллов, Мих.Герасимов, Ив.Филипченко, С.Обрадович, С.Родов, С.Малашкин, А.Дорогойченко, П.Яровой, Гр.Санников, А.Безыменский, П.Низовой, Н.Полетаев, В.Казин» (РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 10. Л. 1).

Некоторые из литературных группировок ставили перед собой не только идеологические, литературно-творческие и узко цеховые задачи; были и такие, которые считали необходимым внести свой вклад в развитие экономики страны и определение ее хозяйственной политики. К таким следует отнести группу поэтов Конструктивистов (ЛЦК). Как документ эпохи технического романтизма можно расценить Технический кодекс об идеологической платформе ЛЦК 1924 г.:

«Общая часть.

Ст. 1. Бытие определяет сознание (Фейербах).

Ст. 2. Анархическая стихия хозяйства буржуазного общества с его произвольными размерами производства, нездоровой системой обмена и специфическим характером распределения материальных благ – приводила к систематическим промышленным кризисам, периодичность которых была замечена буржуазными и полубуржуазными идеалистами (Джевонс, Левеле, Ценблар, Миллье, Сисмоней, фон Кауфман, Родбертус, Туган-Барановский), но объяснения природы их, в силу спасения этих ученых вскрыть противоречия капиталистического строя – были разногласны, противоречивы и научно неудовлетворительны...

Ст. 3. Социальная революция с 1-го ее момента силою обстоятельств поставила революционное общество перед ? “быть или не быть”. У отчаяния один метод: напряжение всех сил, отсюда отстранение всего, кроме насущного задания, на которое должны быть переброшены все силы и средства, хотя бы в ущерб остальным интересам, имеющим 2-ое значение. Этим знаком определилась эпоха военного коммунизма с его лозунгам “Даешь – будь то перекопское заграждение или продразверстка”.

Ст. 4. Отхаркавшись оптацией и прелимитарными условиями мира с Польшей в 1920 г. – революция в итоге гражданских войн и бандитизма имела в активе: тиф,

голод, разруху и пароксическую жажду животной жизни – печки, бани, хлеба без примеси, свежего белья, половой любви.

Ст. 5. Отсюда Метод: нужно срочно сделать переброшку всех частей на борьбу с разрухой, на восстановление хозяйственной структуры, однако батарейный погром, лихой кавалерийский рейд и пехотные походы – бессильны перед этой задачей – бой по хозяйственному фронту должен был разрешить проблемы: а) во-первых: промышленные (централизация, или хозрасчет, вопрос о концессиях, о частном капитале, о взаимоотношениях крупной, мелкой и средней производ. системы, об экстенсивности или интенсивности аграрной культуры), б) во-вторых, – финансовые (стабилизация валюты и след., значит и сокращение эмиссии, и налажение налоговой системы, установление бюджета, учет; вопрос о кредитном аппарате; вопрос об обоих займах и т.п.), в) в-третьих – коммерческий (учреждение фондовой и товарной биржи, институт синдикатов, вопросы кооперации, характер и размеры импорта и экспорта), г) в-четвертых – транспортный – вопросы протекционистического тарифа, распоряжений подачи подвижного состава по ударным акционерным транспортным средствам, д) в-пятых – юридический – в смысле установления прочных норм гражданского оборота, т.е. короче говоря, установления своеобразной капиталистической системы в рамках и контроле Социалистического Союза.

Эта колоссальная задача требовала тонких методов разрешения, выяснения потребностей, постоянного учета личности и распределения силы не по количеству штыков и шашек, а по квалификации, стажу, по качественному отбору; отсюда болезненно острое стремление революционного общества к организационности как единственного способа овладения хозяйственной аппаратурой» (РГАЛИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

Такой нетрадиционный подход к роли литературы в социалистическом строительстве вызывал первоначально одобрение, особенно в среде молодых партийцев. Тем не менее, Конструктивисты были подвергнуты острой критике со стороны лидера ВЛКСМ А.Косарева, который требовал, чтобы они меньше занимались идеологией, а больше хозяйственными вопросами по реконструкции хозяйства²⁰.

Более конкретные идеологические задачи были сформулированы Союзом писателей-коммунистов «Литературный Фронт»:

«I. Цель Союза.

§1. Всероссийский Союз писателей-коммунистов имеет целью:

во-первых, объединение и сплочение коммунистов-художников и теоретиков слова;

во-вторых, решительную борьбу со всеми течениями буржуазной идеологии, под каким бы флагом они ни проводились;

в-третьих, изучение и отражение революционной психологии и современного быта;

в-четвертых, изыскание новых форм языкового творчества...

В связи с неоспоримыми победами пролетариата, в широких слоях русской интеллигенции, доселе в массе враждебной пролетарской революции, происходит перелом настроений, иногда даже мировоззрения.

Характерно для пролетарской революции, что мнившие себя передовыми силами интеллигенции, ее духовные вожди, в частности художники слова, плетутся сейчас в хвосте обывательских масс. Насколько мы приветствуем духовный перелом интеллигенции в целом, настолько должно осторожно и строго-критически отнестись к деятельности ее прежних вождей. Эти люди, в лучшем случае стоявшие в стороне в черные дни Советской России, теперь быстро меняют свои маски и краски и, чтобы не проиграть в дальнейшем, стараются заговорить чуждым им коммунистическим языком.

Так вырастает на наших глазах новая опасность - опасность засилья в области художественной литературы со стороны духовного мещанства. В свое время под флагом борьбы с мещанством, в искусство шли многие представители интеллигентских групп, проводя присущие им узко-индивидуалистические, беспредметно-революционные тенденции. Организация борьбы с буржуазной идеологией во всех ее видах должна перейти в руки тех, кто твердо стоит на платформе революционного марксизма. Углубление и расширение влияния революционного марксизма в искусстве - основа всей работы "Литературного Фронта".

“Литературный Фронт” не ставит на своем знамени огульного отрицания всего дореволюционного искусства, но стремится освободить искусство от тех методов, форм и настроений, которые не соответствуют новому восприятию жизни, поддерживая все виды художественного творчества, отвечающие по содержанию и форме новому коммунистическому строительству.

Для этого “Литературный Фронт” исследует все уже сложившиеся и еще намечающиеся течения в искусстве и использует выработанные ими элементы жизненного здорового творчества. С этой точки зрения “Литературный Фронт” воспользуется и долгим опытом классической литературы и достижениями всех последних течений в искусстве.

Мы являемся лишь зачинщиками, инициативной группой будущего союза художников слова.

Не ставя никаких рамок в выборе форм, мы выдвигаем определенную цель: организованности, в отличие от партизанщины, борьба единым фронтом за коммунизм.

Все вступающие в наш союз будут сплочены крепкой дисциплиной общей цели.

Призывая в наши ряды всех писателей коммунистов и сочувствующих, мы особенно рассчитываем на могучие, еще только что пробуждающиеся силы рабочих и крестьян, будущих творцов художественного слова.

В.Фриче, Н.Мещеряков, А.Луначарский, Н.Бухарин, Мих.Покровский, Ангарский, В.Полонский, В.Попов (Дубовской), В.Мордвинкин, Н.Новицкий, Ив.Филипченко, В.Вешнев, Е.Херсонская, Мих.Шимкевич, Н.А.Лаврова, В.Кириллов, М.В.Морозов, Росский, П.Кузько-Музин, О.Литовский, С.Басов-Верхожанцев, А.Серафимович, П.Коган, М.Герасимов, В.Мейерхольд, С.Лопашов, Ив.Касаткин, Д.Чижевский, Г.Устинов.

За всеми справками обращаться в канцелярию Временного Центрального Бюро к секретарю тов. Шимкевичу. Дом Печати, Никитский бульв., 8 (2 этаж, кв. 2), от 8–10 вечера ежедневно» (РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 2. Л. 57–59 об.).

По разному складывались судьбы обществ: одни не успев развернуть работу не получали права на существование, другие подвергались неоднократному шантажу, и по-

сле выполнения условий получали долгожданную регистрацию. Примером этого могут служить истории с отказами в регистрации уставов обществ «Литература и быт» в связи с мнениями ЦК и ОГПУ по поводу антисоветски настроенных учредителей общества (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1636. Л. 14-21) или «Общества Чехова и его эпохи» в связи с наличием антисоветских членов – С.А.Детинова и Ю.В.Соболева (Там же. Оп. 57. Л. 42-42 об.). Организации пролетарского толка, опережая решения утверждающих органов, сами осуществляли отбор «ненадежных», отсекая их на этапе вступления в свои ряды на основании «разнящейся идеологии творчества» (РГАЛИ. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 2. Л. 16) или ввиду «непролетарского происхождения» (Там же. Л. 17). Все эти события относились к 1928 г. Так или иначе, рано или поздно, но конец у всех был один. В 1925 г., а затем и в 1928 г., мало, кто об этом догадывался в пылу бурных политических боев за место около партии.

Интересна в этом смысле история так называемого слияния обществ драматургов и писателей – МОДПИК (Москва) и Драмсоюза (Ленинград). Неповиновение и самостоятельность последнего явились причиной такой «реорганизации» под лозунгами комфракции Союза Революционных Драматургов (СРД). В одном из писем новоиспеченного «революционного» Союза в ЦК РКП(б) от 29 октября 1925 г. откровенно предлагался план удущения Драмсоюза, который предполагал объединение драматургов и композиторов с целью создания «мощной, единой во Всероссийском и Всесоюзном масштабе, организации с широкими культурно-общественными задачами», с материальной базой, основанной на монополии авторских гонораров под контролем и руководством соответствующего правительственного органа. В этой связи НКП РСФСР 30 мая 1928 г. разослал циркуляр, в котором уведомлял, что «театры и театральные коллективы РСФСР, в случае выезда на гастроли за границу, обязаны уплачивать обществам драматических писателей и композиторов авторский гонорар за публичное исполнение за границей произведений членов их Обществ на общих основаниях». Вслед за этим последовали и другие меры, которые ставили культурные учреждения в полную зависимость от «добровольных организаторов» из Наркомпроса.

«РАЗ'ЯСНЕНИЕ № 6050.

30 мая 1928 г.

Наркомпрос РСФСР настоящим подтверждает, что за публичное исполнение произведений умерших авторов и авторов белоэмигрантов, авторский гонорар подлежит взиманию обществами драматических писателей и композиторов на общих основаниях, с перечислением всех сумм авторского гонорара на счет Наркомпроса РСФСР.

Народный Комиссар по Просвещению: Луначарский».

«РАЗ'ЯСНЕНИЕ № 6050.

7 июля 1928 г.

Ввиду возникающих на местах недоразумений при исчислении авторского гонорара за музыкальные исполнения концертного, дивертисментного, аккомпанементного или иного характера в театрах, концертах, кино, цирках и т.д. при наличии смешанной программы (русских и иностранных авторов) Наркомпрос разъясняет, что Общества, охраняющие интересы авторов, имеют право на получение установленного авторского вознаграждения полностью во всех случаях, когда установлено, что в данной программе имеет место исполнение произведения кого-либо из охраняемых обществами авторов, так как установленные инструкциями Наркомпроса (от 2/11-24 г. и 5/1У-27 г.) ставки авторского гонорара определены за всю программу в целом, вне зависимости от соотношения отдельных частей.

Изложенное в одинаковой мере относится к программе киносеансов, оплачиваемой установленным процентом независимо от того, состоит ли вся программа сеансов из картин, охраняемых авторским правом, или же часть ее. Народный Комиссар по Просвещению: Луначарский» (РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 4. Д. 28. Л. 9 и об.).

В такой благоприятной ситуации судьба прежних объединений была практически решена. Так, в качестве мер по легальной ликвидации Драмсоюза предлагалась его «дискредитация в целях лишения его общественного авторитета, вскрытия его реакционных тенденций и лишения его покровительства органов НКП». При этом рекомендовались методы материального давления, административного наказания (ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 358. Л. 91-94) и морального воздействия - блокиро-

вания Драмсоюза даже ценой запрета Всероссийской конференции авторов малых форм, где предполагались выступления мятежных ленинградцев (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1770. Л. 178 и об.). Примечательно, что весь конфликт, конечной целью которого было создание управляемой структуры, инспирировался и развивался ГПУ-ОГПУ.

«Всем членам О-ва, отделениям, уполномоченным и агентам О-ва.

ОБ ОБСЛЕДОВАНИИ МОДПИК'а.

Неупорядоченность дел МОДПИК'а, унаследованная Правлением настоящего состава, ставила перед ним вопрос о глубокой реорганизации всего дела охраны авторских прав и взимания авторского гонорара. Правлением О-ва предпринимался ряд попыток улучшения системы дела, которые разбивались о сопротивление тех лиц из аппарата МОДПИК'а, которые впоследствии были преданы Суду.

В деле вскрытия недочетов аппарата, Правлению настоящего состава пришла на помощь МРКИ, которая, как это освещалось в печати, при энергичном и деятельном содействии Правления настоящего состава и отдельных лиц, — вскрыла помимо недочетов еще и ряд злоупотреблений.

Оценивая в полной мере значение помощи РКИ в деле защиты авторских интересов и рационализации аппарата по сбору авторского гонорара, Правление МОДПИК, заслушав итоги обследования, вынесло постановление о благодарности РКИ за ее глубокое и всестороннее исследование аппарата МОДПИК'а.

5-го июля 1928 года итоги обследования МОДПИК'а и предложения МРКИ были заслушаны в Коллегии МРКИ и, — в результате обсуждения, Коллегия, в полном согласии с Правлением настоящего состава приняла постановление: «Поставить перед НКРКИ РСФСР вопрос о ликвидации МОДПИК'а и Драмсоюза. В случае необходимости организовать новое Общество с новым приемом в члены». (Выписка из протокола № 24 Заседания Коллегии МРКИ от 5/VII-1928 г.).

Решение МРКИ, как это видно из текста постановления, принято не только в отношении МОДПИК'а, но и Драмсоюза, ввиду того, что главные недочеты работы по взиманию авторского гонорара обуславливаются в основ-

ном наличием двух обществ (анархия в агентурном деле и финансах, авансовая политика, переманивание авторов, злостная конкуренция и т.п.).

Еще до начала обследования Правление О-ва, во исполнение постановлений Общих Собраний ставило перед соответствующими органами вопрос о создании на территории РСФСР Единого Общества; в результате, — по распоряжению Наркомпроса т. А.В.Луначарского была создана и в настоящее время работает, Комиссия т. Новицкого по слиянию обоих Обществ и упорядочению дела охраны авторских прав в части взимания авторского гонорара за публичное исполнение произведений.

В настоящее время Комиссия переносит вопрос на разрешение Главискусства. Все это говорит о том, что Правление настоящего состава стало на путь решительных мероприятий по улучшению и упорядочению дела охраны авторских прав, в полном соответствии с новым законодательством об авторском праве.

С другой стороны, Правление МОДПИК'а вынуждено констатировать, что сейчас, как никогда раньше, имеют место попытки сорвать работу МОДПИК'а, что побуждает Правление потребовать от своей агентуры самой напряженной работы.

Все уполномоченные и агенты О-ва, при поддержке всех членов О-ва должны, отнюдь не ослабляя темпа работы, в едином порыве проявить максимум энергии к улучшению дела, для того, чтобы авторская масса могла убедиться в реализации опубликованного Правительством СССР закона и — в соответствии агентуры О-ва возложенным на нее функциям.

Сообщая об изложенном, Правление предлагает всем уполномоченным и агентам Общества впредь до утверждения в законном порядке Устава Всероссийского Общества и перехода агентуры МОДПИК'а в ведение Единого Общества, неуклонно выполнять возложенные на них функции по сбору авторского гонорара и в случае отказа зрелищных предприятий от уплаты — немедленно возбуждать судебные иски.

Председатель О-ва Тронин.

Член Правления и ответственный секретарь Новокшнонов.

Управделами Базегский. г. Москва, 7 августа 1928 г. ▶
(РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 4. Д. 28. Л. 3 об.—4 об.).

Неоднократно предпринимались попытки объединительных мер, которые должны были, по мнению руководства Драмсоюза, смягчить положение тех литераторов, которые неизбежно лишились бы возможностей и привилегий членства в неугодных союзах. Проверенным способом противостоять угрозе ликвидации являлась опережающая тактика, с помощью которой руководителям действительно удалось хоть на некоторое время оттянуть время монополии не только на финансовые средства, но и на художественную жизнь.

«Проект резолюции, предлагаемый Пленумом Правления Драмсоюза Общему Собранию, принятый единогласно 25-го Ноября 1929 г.

Принят общим собранием Московскими Членами
Драмсоюза

29 ноября 1929 г.

Стоящие перед партией, рабочим классом и всей общественностью нашей страны задачи в области культурной революции, необходимость мобилизации всех сил на дело социалистической реконструкции искусства заставляют каждого активного и сознательного участника этой большой работы делать все необходимое для обеспечения скорейшего и успешного решения этих задач. В процессе борьбы за самостоятельность Драмсоюза выявилась необходимость организации в РСФСР единого советского общества драматургов, композиторов, авторов эстрады и сценаристов. Считая необходимым в полной мере присоединиться к требованию общественно политического момента, Общее Собрание членов Драмсоюза высказывается за немедленную организацию Единого Общества.

Мы предлагаем МОДПИКУ приступить немедленно к совместной работе по разработке устава и экономического плана будущего единого общества. Создание Единого Общества должно быть делом самих авторов и должно быть осуществлено на началах полного равноправия членов обоих ныне действующих Обществ, а устав Единого общества должен быть построен по принципу широкой автономии секций. Поскольку Россдрам не отвечает указанным основным условиям, а устав его вырабатывался без участия широких авторских масс, Россдрам не может стать той единой организацией, которая удовлетворяла бы требованиям авторской общественности. А посему предлагаем Правлению:

1. Обратиться немедленно к руководящим органам с просьбой приостановить утверждение устава Россдрама и

2. Немедленно совместно с МОДПИКом создать на паритетных началах организационный комитет будущего Единого общества с непременным участием представителей всех секций.

Предлагаем Правлению согласовать с Главискусством и МОДПИКом мероприятия, необходимые для обеспечения спокойной и бесперебойной работы обществ, впредь до того момента, когда функции их можно будет передать новой организации. Разработка устава и экономического плана, а также практическое проведение всех мероприятий по осуществлению Единого Общества должны быть закончены с таким расчетом, чтобы Единое общество открыло свои действия – не позднее 1 сентября 1930 года.

Считая, что Единое общество не может принять на себя дефицитов существующих обществ, предлагаем Правлению вести хозяйственно-финансовую деятельность в таком плане, чтобы при образовании Единого общества баланс Драмсоюза был бездефицитным. В Едином обществе уставно должны быть обеспечены права ленинградских членов его, которые не должны быть поставлены в худшее положение сравнительно с Московскими членами ни в отношении участия широких авторских масс в деле управления и контроля деятельности общества, ни в отношении к получению в полной мере авторского гонорара.

Признаем необходимым немедленное образование комиссий по проработке – 1) устава и 2) экономического плана. Считаем необходимым, чтобы немедленно притупила к работе выбранная совместно с МОДПИКом комиссия по практическому объединению агентуры на местах. На переходный период предлагаем привлечь к работе в Правлении Драмсоюза представителя МОДПИКа и предложить МОДПИКу сделать то же – в целях согласования уже и теперь деятельности обоих обществ» (РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 4. Д. 23. Л. 10–11).

К этому времени начались не только традиционные цензурные ограничения, но и прямые репрессии, направленные против писателей, которые не вписывались ни в одну из групп, созданных естественным и искусственным

образом. При этом вопросы любых отклонений рассматривались на самом высоком уровне. Так, проект решения СТ ЦК о «Молодой гвардии»²¹, сохранившийся в рукописном варианте, позволяет убедиться в том, какое значение придавалось вопросам литературы высшим политическим руководством: документ был подписан И.Сталиным, В.Молотовым и Л.Кагановичем (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 728. Л. 229–229 об.). Редакции «Молодой гвардии» был объявлен строгий выговор за помещение в № 5 «Молодой гвардии» «полурассказа» Артема Веселого «Босая правда», представляющего «однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам». Также было принято решение пересмотреть состав «Молодой гвардии» «в направлении, гарантирующем партию и комсомол от таких нежелательных случаев» (Там же. Д. 327. Л. 12).

Тремя годами раньше литературный мир потрясла история с публикацией повести Б.Пильняка «Повесть непогашенной луны», также пропущенной предварительной цензурой и опубликованной в «Новом мире»²². Эти истории стали наглядным уроком для всего литературного мира и всех, кто еще не сделал выбор в пользу монополии и оставался на позициях человеческой и художественной индивидуальности.

Этапным для литературных организаций явился поворотный в идеологии период 1928–1929 гг., который начался с призыва рабочих-ударников в литературу, «ускоряющего неслыханно сроки и повышение темпов борьбы за гегемонию пролетариата в культуре» (Сталин). Пришла пора ликвидации литературных группировок попутнического толка. Для обеспечения правовой основы было утверждено новое «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». Постановлением ВЦИК–СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г. впервые были определены правоспособности состава обществ: выборные должности могли занимать только лица, не лишенные избирательных прав, а также ограничены цели обществ, не противоречащие общим целям социалистического государства²³. Все ранее принятые и утвержденные уставы и положения общественных организаций отменялись, а перерегистрация поручалась НКВД. Суть этой перерегистрации пре-

дельно ясно была изложена в специальном постановлении ОБ от 27 мая 1929 г. «Об итогах обследования ряда добровольных обществ»²⁴ (обследование проводилось НКВД) (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1632. Л. 149-152 об.):

«1. Проводимую НКВД перерегистрацию добровольных обществ использовать для:

а) ликвидации обществ, фактически не работающих, или не имеющих базы для своей работы;

б) ликвидации обществ, существование которых нецелесообразно по политическим соображениям (засорение антисоветскими элементами и т.п.);

в) слияния обществ, ставящих аналогичные цели, в тех случаях, когда подобные слияния целесообразны по политическим соображениям;

г) оформления вывода из сети добровольных обществ тех организаций, которые представляют собой, по характеру их деятельности, кассы взаимопомощи, или другого рода экономические организации.

2. Подтвердить директиву ЦК от 1924 г. о необходимости согласия местных парткомитетов на участие членов партии в качестве учредителей вновь возникающих добровольных обществ, а также признать необходимым, чтобы члены партии, вступающие членами-учредителями обществ, несли фактическую ответственность за дальнейшую деятельность общества и чтобы члены партии, входящие в исполнительные органы добровольных обществ, фактически участвовали в работе этих исполнительных органов.

3. С целью усиления партийного влияния в научных, литературных и т.п. обществах предложить фракциям соответствующих профорганизаций провести работу по вовлечению в эти общества членов партии, ведущих работу в соответствующих областях.

4. При регистрации новых обществ предложить НКВД учитывать, на основании данных соответствующих органов, наличие базы для работы общества и целесообразность их работы с точки зрения задач социалистического строительства.

5. Установить фактическое руководство и ответственность за работой добровольных обществ соответствующих советских (Главнаука, Главискусство, НКЗдрав, НКСобез, ВСНХ, НКЗем) и профсоюзных (ИТС союзов, секция

научных работников, ЦКПроса, ЦК Рабис и т.п.) организаций, путем:

а) выделения в этих организациях работников, фактически отвечающих за работу обществ;

б) вовлечения в научные общества молодых научных сил;

в) фактической проверки работы обществ.

6. Допускать пребывание лишенцев в составе членов научных обществ или обществ, объединяющих деятелей искусства, только в том случае, если тот или другой лишенец представляет действительную ценность с точки зрения науки и искусства.

7. Предложить НКВД не допускать коммерческой деятельности обществ, не отвечающей целям и задачам общества» (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1632. Л. 168).

Для проведения перерегистрации в ГПП и НКВД были созданы специальные отделы регистрации клубов, кружков и других организаций. Тем самым были созданы легальные условия и механизм ликвидации попутнических организаций. Это не оправдало первоначального расчета сохранить основные литературные организации-монстры: впоследствии те же приемы были применены и к ним — самым пролетарским из всех пролетарских организаций. Результат перерегистрации был внушительный. С одинаковыми формулировками «ознакомление с деятельностью общества, обнаружившее его замкнутый характер, отсутствие базы для развертывания работы в массовом масштабе» были лишены регистрации Всероссийское литературно-драматическое общество им. А.Н.Островского (Там же. Оп. 41. Д. 54. Л. 140 и об.), Коллектив писателей им. А.С.Неверова (Там же. Оп. 77. Д. 259. Л. 1), Кружок памяти Валерия Брюсова (Там же. Оп. 64. Д. 249. Л. 66) и др.

С особой беспощадностью комиссия НКВД расправилась со знаменитым Союзом поэтов, который в начале 1920-х гг. объединил лучших представителей «серебряного века».

«Воззвание экспрессионистов о созыве Первого
Всероссийского Конгресса поэтов

[Не позднее октября 1920]

Граждане и поэты! Во Франции уже давно созывались Конгрессы Поэтов; где все — от академиков до только что появившегося литературного течения — обсуждали и ре-

шали очередные вопросы поэзии. Каждый Конгресс был целой эпохой в развитии французской поэзии.

Мы, русские поэты, уже давно чувствуем необходимость в ежегодных созывах Всероссийских Конгрессов Поэтов, на которых все существующие литературные течения от реалистов и символистов до имажинистов и экспрессионистов должны, решать очередные вопросы формы и содержания. Теперь необходимо созвать Первый Всероссийский Конгресс Поэтов. Теперь нужно решить, очередные вопросы метрики и ритмики (об углублении экспериментального метода исследования стиха и о новых точках зрения на метр и ритм) и тропики (о сущности и значении троп). Нужно решить, какое из всех существующих течений исторически самое необходимое и самое жизненное. Каждое из направлений должно теоретически (философски, научно-исторически, эстетически) обосновать свои устремления и свои достижения. Уже давно существующие школы подведут исторический итог самим себе, сравнительно недавно существующие школы наметят линию своего развития и, наконец, совсем недавно возникшие школы определят свою физиономию. Нужно решить вопрос о взаимоотношении поэзии и критики. Нужно решить текущие дела: об отношении государства к поэзии, о типографском кризисе и т.д.

Мы, экспрессионисты, решили принять участие в созыве Первого Всероссийского Конгресса Поэтов осенью 1920 года. Мы, желая перейти от разговоров к делу и желая конкретизировать идею Конгресса, предлагаем подробный технический план созыва Конгресса:

Временный Исполнительный Комитет по созыву В.К.П., выбранный общим собранием представителей всех московских литературных организаций, должен установить число и месяц созыва Конгресса. Конгресс должен быть созван осенью 1920 года (приблизительно, в середине сентября) в столице России — в Москве, в помещении хотя бы Политехнического Музея. Конгресс должен длиться пять дней (между каждым заседанием должен быть недельный срок и лучше бы, чтобы заседания происходили в течение пяти воскресений). Заседания Конгресса должны быть публичными, и, между прочим, в случае большого наплыва публики каждое заседание должно быть повторено через не-

сколько дней. Вот порядок и программа заседаний Конгресса:

1-ый день. Новые идеи в стихосложении (сначала в метрике и ритмике, а потом в тропике).

2-ой и 3-ий день. Какое из всех существующих течений исторически самое необходимое и самое жизненное (теоретическое обоснование каждого направления).

4-ый: день. Взаимоотношение поэзии и критики. (О методах критики и истории литературы.) Доклады поэтов и критиков.

5-ый день. Текущие дела:

1) Отношение государства к поэзии.

2) Социальное обеспечение работников поэзии.

3) Типографский кризис: без типографий не существует литературы.

На Конгрессе должны быть представлены все существующие школы.

Вот приблизительный состав Конгресса в официальных группировках:

Реалисты – Бунин, Новиков, Белоусов, Столица, Никулин и Стенич.

Символисты – Мережковский, Сологуб, Гиппиус, Брюсов, Бальмонт, Белый, Блок, Вячеслав Иванов, Балтрушайтис, Кузмин, Ходасевич, Волошин, Эренбург, Эллис и Соловьев.

Акмеисты – Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Зенкевич и Нарбут.

Интимисты – Ахматова, Цветаева, Моравская, Инбер, Крандиевская и Шагинян.

Центрифугисты – Бобров, Пастернак, Аксенов и Асеев.

Футуристы – Маяковский, Большаков, Каменский, Бурлюк, Золотухин, Ивнев, Гнедов, Спасский, Кушнер, Петников и Лавренев.

Эго-футуристы – Северянин.

Кубо-футуристы – Хлебников, Крученых и Шкловский, Якубинский, Якобсон и Брик (теоретики заумного языка).

Народники – Клюев, Клычков, Орешин, Щиряевец и Семеновский.

Пролеткульцы – Герасимов, Гастев, Кириллов, Самобытник, Казин, Александровский, Филипченко и Полетаев.

Имажинисты – Шершеневич, Третьяков, Есенин, Мариенгоф, Эрдман, Кусиков и Монозон.

Экспрессионизм – Ипполит Соколов, Гурий Сидоров и Земенков.

Нео-Классики – Ратгауз, Гальперин, Леонидов, Присманова, Волчанецкая и Захаров-Мэнский.

Левая молодежь – Грузинов, Рексин, Рубин, Решетов, Буданцев, Недзельский, Предтеченский, Опенин и Владычина.

Персонально вне школ и группировок: Рукавишников, Гиляровский, Скиталец, Щепкина-Куперник, Потемкин, Георгий Иванов, Эльснер, Герцык, Парнок, Амари, Журин, Липскеров, Маковский, Цензор, Рославлев, Верховский, Ленский, Недоброво, Струве, Шульговский, Шенгели, Лесная, Королевич, Герман, Апукин, Венгров, Маккавейский, Маригодов, Ливкин, Рубанович, Копылова, Кузьмина-Караваева и Владимирова*.

Литературные критики:

Венгеров, Сакулин, Лернер, Веселовский, Иванов-Разумник, Гершензон, Шестов, Бердяев, Овсянко-Куликовский, Котляревский, Аничков, Лященко, Грузинский, Батюшков, Щеголев, Волинский, Айхенвальд, Абрамович, Коган, Львов-Рогачевский, Горнфельд, Философов, Чуковский, Пильский, Полонский, Ляцкий, Тальников, Левидов, Эфрос, Фриче, Луначарский, Рейснер и Лебедев-Полянский.

Но, принимая теоретическую беспомощность многих поэтов и также местожительство чуть не половины поэтов (многие находятся вне предела Советской России или живут не в Москве и не смогут приехать) можно смело сказать, что даже самые большие литературные течения будут представлены в количестве не больше двух-трех человек.

Все поэты и критики, желающие выступить с докладами на Конгрессе, должны предварительно направить во Временный Исполнительный Комитет по созыву В. К. П. заявления с указанием темы доклада для точной выработки программы заседаний Конгресса.

Конечно, Государственное Издательство должно будет издать труды Первого Всероссийского Конгресса Поэтов.

Итак: Первый Всероссийский Конгресс Поэтов будет создан!

* Суриковцы не поэты, а просто любители и они не имеют никакого отношения к настоящей поэзии.

Но мы, конечно, надеемся, что скоро будет созван Конгресс Поэтов не только Всероссийский, но и Интернациональный!

Экспрессионисты: Борис Земенков. Гурий Сидоров. Ипполит Соколов» (РГАЛИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-4)²⁵.

Ликвидация ВСП сопровождалась бесчисленными проверками Союза, многочисленными комиссиями и протестами в связи с отсутствием серьезных причин для его закрытия, что, по всей вероятности, приблизило бюрократическое решение о централизованной перерегистрации. Одну из таких трагических картин околотрагической жизни Москвы рисует в своей записке в НКВД председатель ВСП И. Аксенов (12 октября 1927 г.):

«ВСП, основанный в 1918 г. является одной из старейших, если не самой старейшей литературной организацией РСФСР. В период гражданской войны и блокады, при крайне ограниченных возможностях типографского распространения поэтических произведений, Союз давал своим членам, в число которых входили все наличные поэтические силы Москвы, возможность ежедневных устных выступлений перед аудиторией, организовал столовую бесплатного питания и как для своих членов, так и для нуждающихся литераторов вообще, и, несмотря на все трудности того времени, издал ряд сборников стихов. Помимо этого Союз из выручки столовой выдавал Московским поэтам безвозвратные ссуды и предоставлял отапливаемое помещение при столовой для литературной работы тем из поэтов, которые находились в наиболее тяжелых жилищных условиях. Все это давало базу разрозненным поэтам-одиночкам для создания крепких групп и организаций внутри Союза.

С 1922 г., параллельно эстрадным исполнительным вечерам, Союз организует еженедельные «академические вечера» с обсуждением творчества писателей, обменом мнений, дискуссиями. Т.о. поэты, не имеющие возможности опубликовать свои произведения, смогли получить свою аудиторию и выслушать мнение о своем творчестве... через эстраду и академические вечера прошли практически все имеющиеся в стране поэты, получили путевку в жизнь И. Сельвинский, А. Жаров и мн. др.

Не получая субсидий, и ввиду материальной необеспеченности своих членов, не имея возможности существо-

вать на членские взносы, ВСП вынужден был покрывать свои расходы из средств добываемых от так называемых подсобных предприятий при Союзе, которые организовывались согласно его уставу, утвержденному НКП и зарегистрированному в НКВД. Этими подсобными предприятиями служили по очереди кафе-столовая при клубе ВСП, кинематограф и столовая. В данное время подсобные предприятия ликвидированы, ввиду полной невозможности ведения их без наличия оборотных средств...

Что касается до жилищных обстоятельств ВСП, то они определенно ненормальны с тех пор, как в середине зимы 1926 г. Комендант Дома Герцена, гр. А.И.Свирский, без предупреждения правления ВСП и без полномочия от Правления Союза Писателей, выселил правление ВСП из занимавшейся ими комнаты и передал эту комнату другой литературной организации. При этом имущество ВСП было частью уничтожено, частью присвоено иными литературными организациями. Путем переговоров с Правлением ВСПисателей было достигнуто получение новой, худшей, комнаты в доме Герцена, которая, однако, была вновь отобрана летом 1927 г., оставшееся имущество частью уничтожено путем засыпки негашеной известью, а пишущая машинка передана в пользование Месткома писателей...» (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 84. Д. 75. Л. 35-39).

Особая «буферная» роль между литераторами и властью отводилась создаваемой на переходном этапе Федерации писателей. Вначале перед ФОСП ставились исключительно вопросы социальной поддержки литераторов.

«Протокол № 1.

Заседания Комиссии по изучению положения и быта пролетарских писателей, состоявшееся 30 сентября 1924 г.

Присутствуют: Сорин, Бердников, Воронский, Лелевич, Бахметьев, Степной, Светлов.

Председатель

Сорин

Секретарь

Ляпова

Слушали:

1. О практических мероприятиях по улучшению быта писателей.

Постановили:

1. Создать во всех организациях и группах писателей коллективы из входящих в них коммунистов.

2. Просить Отдел печати ЦК принять меры для большей связи пролетписателей с парторганами и установления норм нагрузки их партобязанностей.

3. Просить Главпрофобр обратить внимание на социальный состав слушателей, на преподават. состав и на учебную постановку дела в учебных заведениях, воспитывающих пролетарских писателей (Институт Брюсова, Институт Слова).

4. Предпринять шаги к повышению общеполитического и культурного уровня пролетарских писателей, в частности и в особенности молодняка, путем целого ряда мер воспитательно-образовательного характера, как в плане забот организаций пролетарских писателей, так и через общие политико-просветит. учреждения.

5. Принять меры к посылке пролетарских писателей в рабочие районы, деревни, заводы, на предмет ознакомления с работой, жизнью, бытом и пр. (разработку проекта поручить т. Воронскому и Лелевичу).

6. Декларировать от имени партии, что литературная работа пролетарских писателей является нужной и полезной партии формой революционной работы.

7. Обратить внимание парторганов на необходимость включения в порядок дня партсобраний докладов о пролетарской литературе и пролетарских писателях.

8. Привлечь внимание партии и широких трудовых масс к пролетарской литературе и организовать сочувственное к последней общественное мнение, путем планомерной кампании в руководящих партийных и советских органах печати и систематического совещания в них работ и достижений пролетарской литературы.

9. Расширить и углубить наряду с этим товарищескую критику пролетарской литературы.

10. Обязать Литературно-Художественный сектор Госиздата обратить максимальное внимание на пролетарскую литературу и пролетписателей для чего создать соответствующую секцию и сконструировать литературно-художественный отдел с таким расчетом, чтобы в него вошли работники, связанные с пролетарской литературой. Обеспечить своевременным выходом лит.-художественных произведений.

Обратить внимание на необходимость тщательного подбора кадра рецензентов, дающих отзывы о пролетарской литературе.

11. Создать и в других издательствах условия, обеспечивающие возможность издания произведений пролетарской литературы.

12. Привлечь пролетписателей к работе главным образом, редакционной в литературных и критических отделах издательств и органов периодической печати.

13. Поставить вопрос в Бюро Совпартиздательства о необходимости выделения фонда для пролетписателей.

14. Принять меры к ускорению проведения закона об авторском праве.

15. Обратить внимание на выравнивание ставок пролетписателей, особенно поэтов, путем повышения минимальных ставок, причем при определении квалификации учитывается мастерство и идеологическая ценность.

16. Учредить ряд стипендий для учащихся писателей, причем план выдачи стипендий разработать совместно в ЦК РЛКСМ, ЦК Комстуда и ЦК СРП.

Провести это мероприятие в госмасштабе. Поручить группам представить необходимый материал.

17. Учредить пролетарско-литературный фонд для выдачи пролетарским писателям временных ссуд.

18. Обратить внимание ЦЕКУБУ на необходимость оказывать всемерную поддержку молодым пролетписателям.

19. Просить Отдел Печати ЦК переговорить с тов. Камневым и тов. Любимовым о возможностях предоставления домов (коммун) и необходимой жилой площади для удовлетворения нужд пролетписателей. Поставить вопрос об организации дома писателей.

20. Усилить профес. работу среди писателей, одновременно обязать всех вступить в профсоюзы.

21. Считать необходимым проведение полного учета пролетписателей в госмасштабе» (РГАЛИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 28. Л. 32-33).

Однако в дальнейшем все большее место в работе ФОСП занимали вопросы «проработки» и наказания провинившихся литературных организаций и их отдельных членов. Казалось бы, Федерация была призвана объединять и защищать интересы писателей, создавать им благоприят-

ную творческую атмосферу. На самом деле она превратилась с некий «товарищеский суд» над всеми, кто отклонялся от генеральной линии и не вписывался в новые реалии. Разумеется, деятельность подобной «общественной» организации щедро поощрялась, а огромные суммы были выделены по специальному решению ПБ ЦК ВКП(б) (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 3439. Л. 77). Своеобразной демонстрацией истинных целей и задач деятельности Федерации является по происхождению «внутренний» документ, а потому откровенный вплоть до цинизма – рабочие тезисы В.А.Сутырина 1929 г. В них излагаются «идеи» Федерации: «Инструмент партии для работы с одним из отрядов (особым и важным) интеллигенции. Федерация – проблема переработки попутчиков... 3. Возможности федерации. Пильняковско-Замятинская история, как показатель значения и возможностей ФОСП... 6. Период реконструкции и писательские настроения (попутчиков)». Отмечая свои успехи в «деле» Пильняка и Замятина, ФОСП предвидела, что должна стать «органическим соединением», т.е. средоточием классовой борьбы, происходящей в литературе, и задача фракции состоит в том, чтобы «добиваться в соответствии с этим исхода этой борьбы с политикой партии в области художественной литературы...» (РГАЛИ. Ф. 3107. Оп. 1. Д. 43. Л. 33–39 об.). Таким образом, была создана еще одна контролирующая и регулирующая бюрократическая структура, предтеча Союза писателей и Литфонда, которые несколько позже, помимо централизованного политконтроля, выполняли роль большой «кормушки» – источника привилегий.

В связи с массовой ликвидацией литературных организаций и ограничения их издательской деятельности создавалась тяжелая социальная обстановка в литературной среде. Как свидетельствует Протокол Всесоюзного совещания горкомов писателей при ЦК Союза работников бумажников и печатников от 21 июля 1932 г., «многие писатели из-за необеспеченности идут в бухгалтеры, переводчики и т.д., писателей также посылают на посевную, нет даже средств на их отправку, на курорт нет путевок» (ГА РФ. Ф. 5525. Оп. 14. Д. 171. Л. 31–36). Вся идеологическая атмосфера, а также невыносимо тяжелые материальные условия и социальная незащищенность – все эти факторы, как мы убедились, искусственно создаваемые главными руководителями и организаторами из Политбюро, прак-

тически подготовили почву для эпохального постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций»²⁶ и письма И. Сталина в журнал «Пролетарская революция»²⁷, которые стали стимулами для развязывания «классовой борьбы» на культурном фронте и создания единого Союза Советских писателей. Понятно, что к этому времени откликом со стороны самих писателей могло быть либо коллективное одобрение, либо глухое молчание. В приветствии Всероссийского Союза советских писателей (ВССП) ЦК ВКП(б), посланном из Дома Герцена 26 апреля, в ответ на постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» говорилось:

«Накануне второго пятилетия социалистической стройки это историческое постановление о создании единого мощного творческого объединения советской литературы, обязывает каждого писателя к напряжению всех творческих сил в борьбе за писательские кадры, идущие рука об руку с пролетариатом строящим бесклассовое общество. Мы горячо приветствуем постановление ЦК именно в силу того, что оно эту перестройку литературных организаций связывает с серьезнейшим моментом: с наступлением развернутого социалистического строительства на основе навсегда укрепленных уже достигнутых успехов стройки. Констатировать обусловленный этими успехами качественный рост литературы и искусства в СССР является для нас радостным итогом и возложением на нас огромной ответственности. Чувствуя каждым биением сердца значение наших обязательств перед страной, мы входя в новое объединение советских писателей, обязуемся бороться за высокое мастерство. Мы будем осуществлять в писательской работе лозунги высокого качества, под которыми идет гигантская стройка второй пятилетки. Пусть в деле совершения культурной революции, работа советского писателя найдет свое место и значение не только в выполнении актуальных задач нынешнего дня, но и в оценке будущих поколений бесклассового общества.

Да здравствует ударная бригада мировой социалистической стройки, Коммунистическая Партия!

Да здравствует ЦК ВКП(б)!

Да здравствует вождь партии товарищ СТАЛИН!»
(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 62. Л. 32).

Так закончилась одна и началась другая эпоха в литературной жизни страны. В этой новой истории стали возможными резолюции, в которых выносились приговоры ученым и писателям, инженерам и режиссерам, приводившие сначала к утрате профессиональной реализации творческих возможностей, а затем и физическому устранению. Одной из первых таких свидетельств стала зловеющая по своему содержанию резолюция объединенного собрания партийно-комсомольской организации НИЯЗ, в которой говорилось, что «в лингвистической литературе имеются факты явно антимарксистских, антипартийных выступлений, например, Поливанова, представителя теории фашистско-буржуазного индоевропеизма и его книги “За марксистское языкознание” (сравнительное языкознание)». Назывались и такие идеологические враги как «учебные руководства, где говорится о наличии у нас государственного языка (Шапиро); словарь синонимов – Павлова-Шишкина и Стефановского; есть книги, в которых кондратьевско-чаяновские контрреволюционные установки сочетаются с троцкистским лозунгом о бюрократическом характере нашего литературного языка». В качестве отрицательных были приведены: книга Аптекаря с его «языковым строительством в вопросах орфографии», работы Худякова, проводившего теорию о «национальной по языку и пролетарской по содержанию культуре», и академика Марра, «отрицающего существование пролетарской культуры и пролетарской литературы, основоположника яфетидологии, одной из теорий языкознания, пытающейся заменить собой марксизм». Вместо подлинной науки о языке и его объективных законов предлагалась формула «марксистско-ленинской лингвистики, которая возникает, как результат рабочего революционного движения пролетариата в условиях возникновения и развития научного коммунизма – диалектического материализма, основные методологические установки которой имеются в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Далее следовали конкретные предложения – уволить, снять, проверить и пр., а также «усилить критику и контроль по отношению к изданиям института – при сдаче в печать практиковать проверку их путем обсуждения на бригадах, систематически проверять работу аспирантов, ускорить выпуск ленинской хрестоматии по

языку; поставить перед Райкомом ВКП(б) вопрос о необходимости консолидации марксистских и партийных сил путем организации общества марксистов-лингвистов; развернуть самокритику среди языковедов-коммунистов» (РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 971. Л. 1–8).

Так «перестройка», начавшаяся с критики обществ и группировок, закончилась на «выстраивании» творческой интеллигенции в «шеренги» всесоюзных союзов, закрепив за ними такие понятия как «советский писатель», «советский художник», «советский композитор» и пр. Дальнейший процесс унификации и централизации политической цензуры проходил в процессе подготовки первого съезда Союза писателей, создания Литературного института (1933), постановления ЦИК и СНК СССР от 7 июля 1933 г. об улучшении жилищных условий писателей (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 429. Л. 190–191) и создания единого художественного метода советской литературы – соцреализма, насаждением и внедрением которого были призваны заниматься Союз писателей, весь арсенал партийной критики, цензурные органы.

Так завершился один из важнейших этапов монополизации литературной жизни, произошло создание единого начала в писательских организациях. Союз советских писателей явился одним из главных звеньев в системе политической цензуры и ее подсистемой, поскольку непосредственно подчинялся Агитпропу ЦК ВКП(б). Вся дальнейшая жизнь Союза проходила под бдительным руководством ответственных за его деятельность партийных структур. Все вопросы, начиная от выборов руководящих органов Союза и кончая кадровыми, издательскими и социальными, решались только с ведома и при непосредственном участии ЦК ВКП(б). В первый период возникла даже такая ситуация, когда ССП взял на себя функции Главлита, фактически определяя не только тиражи и пути их реализации, но и саму возможность изданий тех или иных литературных произведений. Несмотря на то, что после неоднократных протестов Главлита, ССП признал необходимость ограничения своих функций, его деятельность всегда была направлена на контрольно-запретительные меры и монопольное право определения художественно-эстетических и идеологических приоритетов.

Примечания

¹ С 1997 по 2001 г. РГАЛИ совместно с российскими архивами (ГА РФ, РГАСПИ, РГАНИ) и Институтом русской и советской культуры им. Ю.М.Лотмана (Рурский университет, Бохум, ФРГ) принимал участие в научном проекте «Структура, формы и механизмы советской культурной политики 1917–1970 гг. (документация и научный анализ)». Эта работа позволила воссоздать искусственно разрозненные по различным архивохранилищам документальные комплексы, объединение которых позволило сформировать новую научно-исследовательскую реальность. Характерной особенностью использования архивных документов последнего десятилетия являлось отсутствие координации и научной информации, приведшие к фрагментарным и конъюнктурным исследованиями, повторным публикациям. Полученная документальная фактография в виде информационной базы данных позволяет решить эвристические задачи в изучении локальных тем и проведении системных исследований, повышает общую исследовательскую культуру. В настоящее время РГАЛИ ведет подготовку целого ряда документальных изданий на основе выявленных документов. Данная публикация является попыткой продемонстрировать один из исследованных сюжетов и представляет собой анализ источников, хранящихся помимо РГАЛИ в бывших партийных архивах, фондах высших органов власти и репрессивного аппарата.

² Луначарский А.В. Собр. соч. М., 1967. Т. 7. С. 498.

³ [Август–ноябрь] 1920 г.

⁴ Полностью сохранена орфография первоисточника.

⁵ Письмо Луначарского – Ленину 21 ноября 1919 г. об освобождении ученых и литераторов, членов Петроградского Дома литераторов, арестованных ВЧК, а затем дальнейшие его просьбы об этом же (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1170. Л. 17, 21).

⁶ В.И.Ленин о литературе и искусстве. М., 1967. С. 594–597; Необходимое объяснение [Ответ Президиума ЦК Всероссийского Пролеткульта на письмо ЦК РКП(б) от 1 декабря 1920 г.]. РГАЛИ. Ф. 1230. Оп. 1. Д. 51.

⁷ Луначарский А.В. Собр. соч. Т. 7. С. 496.

⁸ Троцкий Л.Д. Партийная политика в искусстве // Литература и революция. М., 1923. С. 159–168.

⁹ Красная новь. 1923. № 7. С. 257–276.

¹⁰ Воронский А.К. О текущем моменте и задачах РКП в художественной литературе // Пролетариат и литература. Л., 1925. С. 45–54.

¹¹ К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе (Совещание Отдела печати) // Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925. С. 56–139.

¹² В защиту искусства. М., 1979. С. 282–285.

¹³ Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М., 1925. С. 215–220.

¹⁴ Блюм А.В. За кулисами «Министерства Правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994; «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938: Документы / Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1997.

¹⁵ В 1920-е гг. действовало как минимум 81 литературная организация, общество и объединение в области литературы. Вот их перечень, который удалось выявить по документам государственных архивов: ВАПП – ВОАПП, МАПП, Пролеткульт, РАПП, ЛАПП, Суриковский литературно-музыкальный кружок, Трудовая артель литераторов, Общество взаимопомощи литераторов и ученых, Литературное общество рабочих литовцев в Америке, Союз литовских пролетарских писателей и поэтов им. Юлия Янониса, Звено – Литературное звено, ЛЦК – Конструктивисты, Литературный фронт, Коллектив рабоче-крестьянских писателей и поэтов им. Неверова, Рабочая весна, ВОЛФИЛ, Дом Печати, Союз Приблизительного Равенства, Брейшит, Бригада М-1, Литературная коммуна, Московские вечера, Вечера рассказа, Атака, Общество содействия молодым дарованиям, Общество ревнителей французской культуры, Институт итальянской культуры, Союз поэтов и имажинистов, Общество истинной свободы памяти Л.Н.Толстого, Общество изучения художественной словесности при РИИИ, Московский кружок еврейских литераторов, Общество литературоведов-марксистов при Комакадемии, Всероссийское литературно-драматическое и музыкальное общество им. Пушкина, ЛЮКАФ, Московский лингвистический кружок, Общество любителей российской словесности при 1 МГУ, Маспер, Всероссийское литературно-драматическое и музыкальное общество им. Островского, Артифлекс – Вторники на Кузнецком, Кружок памяти В.Брюсова, Литература и быт, ВСПоэтов, ВЦПоэтов, ВСПисателей – Всероссийский союз писателей, ФОСП, ВУСПП, ВСПП, Никитинские субботники, Круг, Кузница, Твори, Литературный особняк, Общество А.П.Чехова и его эпохи, Всероскомдрам, Союздрампис, МОДПИК, ОДПИК, Драмсоюз, СРД, Масткомдрам, Футуризм, Ассоциация любителей живого слова и литературы, Тургеневское общество, Современная Россия, Ассоциация вольнодумцев, Немецкое культурное общество, Писательский кооператив «Полярная звезда», Искусство молодых, Дворец искусств, Пушкинский кружок, Ассоциация содействия литературному музею при Библиотеке им. Ленина, Книжная лавка писателей, Дом литераторов, Биокосмисты, ЛЕФ, Московское товарищество писателей, Резец, Литературные декады.

¹⁶ СУ. 1922 г. № 49. Ст. 622.

¹⁷ Письмо НКВД в Агитпроп ЦК ВКП(б) от 13 января 1929 г. (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1785. Л. 84, 84 об.).

¹⁸ Об этом подробнее см.: *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежными! М., 1997.

¹⁹ *Закушняк А.Я.* Вечера рассказа. М., 1984. С. 122.

²⁰ Письмо Правления ЛЦК И.Сельвинского, К.Зелинского, Э.Багрицкого, Л.Луговского, Б.Агапова. 1929 г. (РГАЛИ Ф. 1095. Оп. 2. Д. 16. Л. 1-2).

²¹ Пр. СТ № 118 от 11 мая 1929 г. П. 56.

²² Более подробно об этом см.: *Павлова Т.В.* «Пильняк жульничает и обманывает нас...» (К истории публикации «Повести непогашенной луны» Б.Пильняка) // «Исключить всякие упоминания...». Очерки истории советской цензуры. Минск–М., 1995. С. 65–78.

²³ СУ РСФСР. 1928, № 22. Ст. 157.

²⁴ Пр. ОБ № 122 от 27 мая 1929 г. П. 2.

²⁵ Это обращение было опубликовано малым тиражом в 1920 г.

²⁶ Правда. 27 апреля 1932 г. С. 1.

²⁷ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. М., 1947. 2-е изд. С. 357–360.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ
(Из хроники РГАЛИ)

В 2001 г. Российский государственный архив литературы и искусства отмечал свое 60-летие. В связи с этим был осуществлен ряд юбилейных мероприятий. С 26 марта по 14 апреля в Выставочном зале Федеральных архивов проходила демонстрация архивных реликвий. Архив, созданный в 1941 г. как Центральный государственный литературный архив, почти сразу же стал хранилищем не только документов литературного профиля, но и материалов по истории отечественной культуры в самом широком понимании этого слова. Юбилейная выставка «Архив муз» была призвана показать многообразие и многоаспектность хранящихся в архиве ценностей (авторы концепции выставки – Н.Б.Волкова и Т.М.Горяева; автор художественной концепции и дизайна – А.Ф.Саргсян). Выставка подобного масштаба проводилась впервые за все время существования архива. В трех залах в разделах «литература», «музыка», «кино», «театр», «балет», «изобразительное искусство» были представлены не только рукописные материалы (главным образом из фондов личного происхождения) начиная с XVIII в. и до наших дней, но и вещи, принадлежавшие деятелям отечественной культуры. Многие экспонаты демонстрировались впервые. Выставку посетило около 1000 человек. Она получила благоприятные отзывы прессы (журналы «Отечественные архивы», «Наше наследие», газеты «Сегодня», «Российская газета», «Известия», «Гудок» и др.).

30 марта в Российском фонде культуры состоялся вечер, посвященный 60-летию РГАЛИ. В выступлениях руководителя Росархива академика РАН В.П.Козлова, председателя Археографической комиссии РАН академика РАО С.О.Шмидта, народного художника Б.Е.Ефимова и других отмечалось значение деятельности архива, высокий научный потенциал его сотрудников, заслуги архива, особенно в работе с документами личного происхождения, создания НСА, подготовки документальных изданий в

области литературы и искусства. В адрес архива поступили приветственные телеграммы от учреждений культуры и коллег по работе.

Не прошли мимо юбилея РГАЛИ телевидение и другие средства массовой информации. Сюжеты о выставке и юбилейном вечере демонстрировались на телевизионных каналах «Культура», РТР, Ren-TV и др.; в передаче «После новостей» состоялась беседа директора архива Н.Б.Волковой с министром культуры РФ М.Е.Швыдким о проблемах и перспективах развития архива; документы архива и его хранилища были показаны в передаче «Графоман» на канале «Культура». К юбилейным дням было приурочено издание буклета «Архив муз».

Подготовка празднования 60-летия позволила не только оживить коммуникативное направление и привлечь внимание общественности к деятельности РГАЛИ, но и выявить малоизвестные источники, хранящиеся в фондах архива, ставшие впоследствии объектом пристального научного внимания.

В 2000–2001 гг. РГАЛИ продолжал пополнять свое собрание, как правило, за счет безвозмездных даров. Из новых, образованных в этот период времени фондов наиболее интересными представляются архивы С.М.Бонди, М.Н.Жемчужниковой, М.М.Плисецкой, Р.К.Щедрина, С.И.Алешина, С.Д.Казакова, К.И.Рождественского, Э.В.Брагинского, Ю.М.Даниэля, В.М.Россельса, Ю.А.Красовского, В.С.Розова, А.И.Приставкина, Г.Я.Бакланова, Г.И.Горина, С.В.Поляковой, Г.С.Жданова и др. (32263 документа). Одновременно пополнялись новыми поступлениями уже имеющиеся в РГАЛИ фонды: А.А.Каменского, С.В.Шервинского, А.А.Осмеркина, А.Н.Рыбакова, Л.Н.Андреева, И.А.Бунина, С.П.Злобина, И.Л.Андроникова, К.Д.Воробьева и др. В результате целевого государственного финансирования была приобретена коллекция Г.Я.Черняка (рукописи и письма Б.Л.Пастернака).

На постоянное хранение в архив поступили документы Министерства культуры СССР, Союза художников СССР, Москонцерта, Госкино СССР, Госконцерта, редакции журнала «Наш современник», киножурнала «Фитиль», Театра-студии киноактера, ВНИИ искусствознания, Государственной компании «Российский цирк», ВГИК и др. (10012 документов).

В указанный период времени архив существенно активизировал выставочную работу. Было открыто более 20 выставок документов по материалам РГАЛИ и совместных с отечественными и зарубежными учреждениями культуры: «Зарубежная россика» (Политехнический музей), «Архив муз. К 60-летию РГАЛИ» (ВЗФА), «Пиктореальная фотография» (Московский центр искусств), «Женщины XX века» (Малый театр), «Мы победили!» (ВЗФА), «К 145-летию В.Розанова» (РГБ), «Россия – Дания» (ВЗФА), «Кто не с нами, тот против нас» (Музей современной истории РФ), «Архитектурные фантазии Я.Чернихова» (ГТГ), «Культурное взаимодействие России и Финляндии в XIX–XX вв.» (ВЗФА), «Европа в фотографиях М.Виллие» (Музей личных коллекций), «К 60-летию разгрома немецких войск под Москвой» (Архив города Балашихи), «Органика. Гуро и Матюшин» (Выставочный зал на Неглинной), «В сторону Пруста» (ГМИИ им. Пушкина). В результате выставочной деятельности сформировалась группа сотрудников, специализирующихся в этой работе, были налажены механизмы ее проведения, установлены деловые контакты с ведущими музеями и выставочными залами Москвы, намечены выставки на 2002 год.

Сугубо архивные выставки и выставки с использованием документальных материалов широко освещались СМИ. Были подписаны соглашения об информационном спонсорстве с ГТРК «Радио России», радиостанцией «Эхо Москвы», ИТАР ТАСС. В рамках договора с программой «Власть факта» (V канал) была подготовлена передача по истории фронтовых бригад. Она удостоилась почетной грамоты за 2-е место во Всероссийском конкурсе телепередач военно-патриотической тематики. Для документальных фильмов о С.Н.Дымшиц-Толстой, В.И.Дале, Г.Рарберге, А.Белом, А.Чехове, в которых использовались архивные материалы, было проведено более 20 теле съемок.

Как всегда, сотрудники архива были активными участниками российских и международных научных конференций. Наиболее интересные и важнейшие из них: конференция, приуроченная ко 2-м Михоэлсовским чтениям и посвященная судьбе еврейского театра в России, конференция, посвященная 105-летию со дня рождения

С.А.Есенина (ИМЛИ), Цветаевская конференция (Дом-музей М.И.Цветаевой), конференция, проведенная Росархивом по проблемам возвращения русских культурных ценностей из-за рубежа (РГАСПИ), конференция «Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков» (РГАСПИ). В дискуссиях приняли участие ученые и архивисты из России, ближнего и дальнего зарубежья. Выступления и сообщения историков, литературоведов, искусствоведов, архивистов опубликованы в материалах конференций.

В рамках договора с Институтом русской и советской культуры им. Ю.М.Лотмана Рурского университета в Бохуме завершена работа по формированию электронной базы данных по подпроектам «Органиграммы (1938–1970 гг.)» и «Персоналии (1917–1970 гг.)». Проведено итоговое совещание по результатам работы. 3–6 октября 2001 г. в Германии проводилась конференция «Культура и власть в условиях коммуникационной революции. Форум нового поколения культурологов Германии и России». В организации форума принимали участие Ассоциация исследователей российского общества XX века (АИРО-XX) и Институт европейских культур РГГУ (ИЕК). Большая часть конференции была посвящена отдельным проблемам взаимоотношения власти и культуры в Советском Союзе и постсоветской России в самых разнообразных аспектах.

В 2000–2001 гг. сотрудники архива продолжили публикаторскую деятельность, подготовив более 30 научных статей для периодических изданий и сборников. В 2001 г. отдельными книгами вышли: М.И.Цветаева «Рукописное наследие» (Т. 3. Ч. 2; 30 п. л.), Б.Садовской «Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы» (12 п. л.), В.Шаламов «Избранное» (40 п. л.), В.Шаламов «Воспоминания» (20 п. л.). Кроме того, работа велась над шестью сборниками документов в соответствии с планом научно-издательской деятельности архива. Из них по государственным контрактам были выделены средства на подготовку двух сборников: Н.Бердяев «Из архива философа» (Т. 3), И.Шмелев «Переписка с О.Бредиус-Субботиной» (Т. 1). Продолжалась работа по подготовке межархивных изданий: справочника «Институты управления культурой. Партийно-государст-

венная система. 1917–1970 гг. Схемы» и сборника документов «Кино. Государственная политика и организация управления. 1919–1938 гг.».

В течение года велось постоянное пополнение и редактирование страницы РГАЛИ на интернет-сайте «Архивы России», а также сделана соответствующая отсылка в архивном портале ЮНЕСКО Хроника жизни РГАЛИ.

2002 г. стал важной вехой в развитии РГАЛИ. С 1 января была введена новая структура, которая существенно изменила организацию работы целого ряда направлений, повысила эффективность и координацию деятельности архива в целом. Были образованы 3 центра и 3 функциональных отдела:

1. Центр комплектования

– Группа по комплектованию документами личного происхождения

– Группа по работе с учреждениями – источниками комплектования

– Группа по упорядочению документов, находящихся на ведомственном хранении

2. Центр хранения и государственного учета

– Архивохранилище фондов личного происхождения

– Архивохранилище фондов учреждений и организаций

– Архивохранилище микрофотокопий

– Архивохранилище печатных изданий

3. Научно-информационный центр

– Группа научно-исследовательских проектов и программ

– Группа подготовки документальных публикаций

– Группа научного описания документов личного происхождения

– Группа развития научно-справочного аппарата

4. Отдел архивной коммуникации

– Группа информационного обеспечения и исполнения запросов

– Выставочная группа

– Группа по работе с исследователями (читальный зал)

– Редакционно-издательская группа

5. Отдел организационно-методической работы

– Группа организационно-плановой и методической работы

– Группа кадров, документационного обеспечения и контроля исполнения

6. Отдел технического обслуживания и финансово-экономической работы

– Группа технического обслуживания

– Группа финансово-экономической работы.

В течение года в архиве шла большая работа по подготовке «Концепции развития РГАЛИ до 2012 года», которая была утверждена на выездной Коллегии Росархива 30 октября 2002 г. Главной целью концепции является поэтапное формирование инфраструктуры РГАЛИ как архива-музея и научно-информационного центра по работе с документами личного происхождения и документацией сферы культуры.

Первый этап, 2003–2007 гг. – текущий, – предполагает модернизацию имеющейся материально-технической базы архива и существенное расширение площадей в соседнем корпусе (хранилища, рабочие комнаты, методический кабинет).

Второй этап, 2007–2012 гг. – перспективный, – предполагает получение и освоение нового помещения в исторической части Москвы, с возможностями размещения в нем научно-информационной службы и выставочного центра. Именно в рамках второго этапа в случае выделения дополнительного помещения возможна реализация РГАЛИ как архива-музея.

В русле осмысления дальнейших путей развития научно-информационной деятельности была проведена научная конференция «Проблемы использования документов РГАЛИ в научных исследованиях и социокультурной сфере» (27 октября 2002 г., Музей кино), которая дала большой аналитический материал, накопленный как сотрудниками архива, так и пользователями. В конференции приняли участие около 100 человек не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но и из Белоруссии, Рязани, Дальнего Востока и других регионов России. Конференцию открыл Руководитель Федеральной архивной службы России, член-корреспондент РАН, профессор В.П.Козлов. На конференции работали круглые столы по актуальным проблемам: «Перспективы развития РГАЛИ: проблема собирания и использования документов», «Документы по истории культуры России XIX–XXI вв. и их использование», «Архивы и музеи: проблемы и перспективы взаимодействия»,

«РГАЛИ и история отечественного кино». Участники конференции заслушали доклады и сообщения:

Т.М.Горяева (РГАЛИ, Москва). Человек и государство. Проблема собирания и использования документов личного происхождения: как мы ее понимаем сегодня.

С.Д.Воронин (РГАЛИ, Москва). Задачи и основные направления работы научно-информационного центра РГАЛИ.

Е.В.Бронникова (РГАЛИ, Москва). Публикаторская деятельность РГАЛИ за последние пять лет.

И.Ю.Зеленина (РГАЛИ, Москва). Проблемы использования документов в работе отдела коммуникаций РГАЛИ.

В.Г.Григорьев (РГАЛИ, Москва). Некоторые аспекты размещения материалов РГАЛИ в глобальной сети Интернет.

А.А.Прохоров (Электронный архив, Москва). Модель архива XXI века.

В.Ю.Чебанов (ЗАО «ProСофт», Москва). Перспективы использования национальных электронных ресурсов в информационном пространстве.

М.О.Чудакова (Литературный институт им. А.М.Горького, Москва). Рукописное и печатное в культуре России XIX–XXI вв.

И.И.Аброскина (РГАЛИ, Москва). «В.В.Маяковский. Описание документальных материалов. Вып. 3».

В.М.Гуминский (ИМЛИ РАН, Москва). РГАЛИ и русская классика.

А.М.Грачева (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург). Архивные источники РГАЛИ и проблемы издания Собрания сочинений писателей первой волны эмиграции.

А.П.Кузичева (ГИИ, Москва). «Ноев ковчег» наступившего столетия?

В.В.Гудкова (ГИИ, Москва). Проблемы издания литературного архива (на примере рукописного наследия М.А.Булгакова и Ю.К.Олеши).

С.С.Левашко (Хабаровский государственный технический университет). Наследие русской архитектурной эмиграции и проблемы его изучения.

А.А.Чернихов (Международный архитектурный благотворительный фонд имени Якова Чернихова, Москва). Проблема сохранения творческого наследия архитекторов советского авангарда. «Вторая реальность» архитектурных фантазий Якова Чернихова.

А.В.Попов (ИВПА, Москва). Архивное наследие русского зарубежья и проблемы его собрания.

А.Н.Закатов (МГУГК, Москва). Кабинетные письма Российского Императорского дома. Проблема собрания и использования.

Н.В.Котрелев (ИМЛИ, Москва). Архивные проблемы и проблемы историков литературы.

Е.А.Якимович (ГМИИ им. А.С.Пушкина, Москва). РГАЛИ и ГМИИ: результаты и перспективы сотрудничества.

Н.С.Зелов (ГАРФ, Москва). Документы весьегонцев в личных фондах РГАЛИ и их использование краеведами.

Н.В.Колгушкина (Музей акад. И.И.Срезневского, г. Рязань). Проблемы использования архивных материалов РГАЛИ в краеведческой работе (на примере создания музея И.И.Срезневского).

А.В.Запартыка (Архив-музей литературы и искусства, г. Минск). Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства: страницы М.В.Исаковского.

Н.Ф.Карлюченко (ГЦМСИ, Москва). Из опыта совместной работы Государственного центрального музея современной истории и РГАЛИ.

И.Е.Ромашин (Объединение «Мосгорархив», Москва). Из истории одной киносъемки «Пролеткино» по документам РГАЛИ и ЦАЛИМ.

Л.И.Кирьякевич (ЦАЛИМ, Москва). Документы АО «Пролеткино» в фондах советских фотокинопредприятий 20-х годов XX в. по материалам РГАЛИ.

Р.Э.Карпова (Киноконцерн «Мосфильм», Москва). Использование документов фонда киностудии «Мосфильм».

А.Л.Никитин (Москва). Вопросы атрибуции эскизов оформления для истории постановки фильма С.М.Эйзенштейна «Мексиканец».

Весь комплекс архивно-исследовательских работ в значительной степени соотносился с подпрограммой «Архивы России» Федеральной целевой программы «Культура России». Заключение государственных контрактов на отдельные виды работ, их финансирование, строгая система отчетности – весь этот объем дополнительной документации стал неотъемлемой частью планово-отчетной организации деятельности РГАЛИ, которая строилась в традиционных направлениях.

Были подготовлены и переданы для реставрации и переплета 505 единиц хранения. Это документы Министерства культуры СССР, Комитета по делам искусств РСФСР, Министерства кинематографии СССР и др., продолжена реставрация рисунков С.М.Эйзенштейна, афиш из фондов Конторы императорских театров, альбом с автографами из фонда Вяземских, документы П.К.Симони, Камерного театра и др.*

Годовой план по микрофильмированию документов и созданию страхового фонда был перевыполнен: было микрофильмировано 961 дело объемом 53534 кадра их фондов В.В.Розанова, Р.Я.Плятта, М.Я.Цявловского, Министерства культуры СССР, Комитета по делам искусств РСФСР*, которые в последние годы используются очень интенсивно.

В рамках бюджетного финансирования была ликвидирована задолженность по картонированию документов фонда Союза художников СССР (Ф. 2082, 10800 единиц хранения), а также целого ряда личных фондов.

Летом 2002 г. был подписан акт о передаче РГАЛИ помещений хранилища и рабочей комнаты в здании РГВА. Освоение этих площадей потребует определенных финансовых затрат и людских ресурсов.

Продолжалась интенсивная работа по комплектованию документов системы учреждений культуры. В архив поступили на постоянное хранение документы Министерства культуры СССР, Союза художников СССР, Москонцерта, Госкино СССР, Союза композиторов России, Литфонда России и др. – свыше 10042 единиц хранения.

На ЭПК РГАЛИ были рассмотрены и утверждены описи дел постоянного хранения Малого театра, Литфонда России, Союзгосцирка в объеме 7123 единиц хранения.

Группой научно-технической обработки документов учреждений и организаций была продолжена работа по упорядочению документов ликвидированных Государственного комитета по кинематографии и Министерства культуры СССР. За год научно-техническую обработку прошли 4000 дел постоянного срока хранения, в том числе 900 дел Литфонда России и Союза театральных деятелей РФ*.

* Так (*) отмечены виды работ, выполненные по государственным контрактам.

Обширен и представителен состав документов личного происхождения, пополнивший фонды РГАЛИ. В архив поступили документы О.Э.Мандельштама, Д.Н.Журавлева, В.Э.Мейерхоolda, К.М.Симонова, М.М.Плисецкой, М.И.Царева, И.С.Зильберштейна, Г.И.Горина, А.М.Володина, В.В.Конецкого, С.И.Алешина, С.И.Юткевича, Г.В.Бебутова, Б.В.Заходера, С.В.Образцова, М.И.Ромма, А.А.Жарова и др.; приобретено письмо А.А.Блока*. Всего было получено 26567 документов, связанных с именами выдающихся деятелей литературы и искусства.

Поставлены на временный учет и разбирались архивы И.С.Зильберштейна, Р.Н.Юренева, А.Л.Гришунина, Д.Б.Кедрина, Л.Е.Миллера, В.П.Астафьева, М.А.Швейцера, Е.Б.Пастернака, Е.Н.Носова, П.Е.Любимцева, В.М.Россельса, Б.С.Ямпольского и др. Сотрудники Центра комплектования поддерживали тесный контакт и дружеские отношения с потенциальными фондообразователями.

В 2002 г. членами ЭПК РГАЛИ была проведена чрезвычайно сложная работа по оценке документов коллекции И.С.Зильберштейна. Уровень и масштабы коллекции, не имеющие аналогов в современной архивно-музейной практике, потребовали от РГАЛИ провести высокопрофессиональную экспертизу на основе каталогов мировых аукционов, хранящихся в РГБ, ГМИИ им. А.С.Пушкина, редакции журнала «Наше наследие», антикварных салонах и др. В результате была подготовлена опись коллекции, в которую вошли 1495 документов. Опись была утверждена на ЦЭПК, решается вопрос о приобретении коллекции.

Из отдела научного описания документов личного происхождения было принято на хранение 6024 единиц хранения фондов И.П.Машкова, Н.В.Кузьмина, Л.Ю.Брик и В.А.Катаняна, С.А.Есенина и др. Подготовленные описи переданы в читальный зал.

Продолжали пополняться традиционные виды информационно-поисковых систем архива. Комплексно были описаны и каталогизированы фонды Л.Ю.Брик и В.А.Катаняна, В.Е.Ардова, С.А.Баруздина, Н.В.Кузьмина и др. В каталоги введены сведения о жизни и творчестве А.А.Блока, К.Д.Бальмонта, Н.С.Гумилева, Н.М.Языкова,

а также деятельности учреждений и организаций – Большого и Малого театров, Министерства культуры СССР, Комитета по делам искусств РСФСР, Союза художников РСФСР, издательства «Советский художник». Количественно это выглядит следующим образом: составлены 33250 карточек, влиито в каталог 45638 карточек. В течение года постоянно проводилась работа по его усовершенствованию: выделялись дублиеты, заменялись этикетки, перемещались карточки в ящиках. Сотрудники заинтересованно изучали опыт своих коллег, принимали участие в заседании круглого стола во ВНИИДАД по применению современных технологий в архивах, в семинаре на базе «Электронного архива», российско-германском семинаре «НСА к документам СВАГ», подготовили материал для отраслевого анализа состояния работы в области СНСА в 1996–2001 годах.

2002 г. стал решающим в постепенном переходе к электронным методам в создании НСА к фондам РГАЛИ. При поддержке Института «Открытое общество» началась работа по созданию электронного каталога. В декабре была сформирована рабочая группа (пять сотрудников РГАЛИ, трое программистов, привлеченных для данной работы), закуплена техника, разработана рабочая инструкция для проекта «XX век. Русская литература. «Серебряный век»: электронный каталог». Данный проект – «пилотный», поскольку является только малой частью всего информационного массива подокументного описания. Выработке концепции «Электронного каталога РГАЛИ» предшествовало предпроектное обследование, которое показало, что в течение короткого срока можно осуществить полный перевод традиционного каталога РГАЛИ, насчитывающего 1,5 млн карточек, в электронный формат, а также с помощью того же программного обеспечения каталогизировать новые. Проведенная экспертиза показала, что историческая часть каталога после ретроконверсии сольется с новым массивом информации, полученным в результате ввода сотрудниками архива ранее не каталогизированных документов из фондов М.И.Цветаевой, Б.Л.Пастернака, А.А.Блока, Н.А.Бердяева, М.А.Осоргина. Ведется поиск инвесторов для расширения и продолжения этой работы.

Готовились справочные издания: «Путеводитель по фондам РГАЛИ» (Вып. 8*, 9), «Летопись жизни и творчества А.А.Блока»* (Вып. 1–3), «Описание документальных материалов В.Маяковского», «Книги с дарственными надписями деятелей литературы и искусства в собрании РГАЛИ»*.

В 2002 г. архив существенно активизировал работу по использованию архивных документов. Созданная в Отделе архивной коммуникации выставочная группа смогла реализовать большой опыт, который был накоплен в предыдущие годы. Появилась возможность перейти к инициативному маркетингу, направленному на перспективное планирование и фундаментальную разработку выставочных проектов.

В феврале в концертном зале Россия состоялся концерт, посвященный 70-летию со дня рождения М.Кристинской. Впервые такое мероприятие сопровождалось выставкой архивных документов о жизни и творчестве любимой певицы.

В марте в г. Хамм (Германия) открылась и прошла с большим успехом выставка картин «Сезанн и русские сезаннисты», в которой РГАЛИ участвовал тремя живописными полотнами художника-авангардиста В.Е.Татлина.

Май традиционно один из наиболее активных месяцев в мировой выставочной практике. Именно в этот период почти одновременно открылись три выставки, где демонстрировались документы из собрания архива. 7 мая в Историческом музее открылась выставка «Русский Берлин», на которой были представлены фотографии русской эмиграции 1918–1941 гг., в том числе и из фондов РГАЛИ. Открытию выставки «Малевич и фильм» в музее Белем г. Лиссабон (Португалия) предшествовала большая научно-исследовательская и искусствоведческая работа выставочной группы отдела архивных коммуникаций. Затем эта выставка переехала и с большим успехом прошла в Мадриде (Испания), в выставочном зале «La Caixa». В «Овальном зале» Всероссийской библиотеки иностранной литературы

* 8-ой выпуск Путеводителя был обсужден на Научном совете РГАЛИ, подписан договор с издательством РОССПЭН, в соответствии с которым рукопись передана на редподготовку.

им. М.И.Рудомино открылась выставка «Красный карандаш. Цензура в советской литературе и искусстве». Главной идеей выставки была демонстрация жизни и творчества выдающихся писателей и деятелей искусства в условиях подцензурной культуры: Б.Пильняка, А.Платонова, М.Цветаевой, А.Ахматовой, Б.Пастернака, А.Солженицына, С.Прокофьева, С.Эйзенштейна, В.Высоцкого, А.Галича и др.

Особый успех ожидал выставку «Светотени авангарда», открывшуюся в сентябре в Галерее имени братьев Люмьер в Доме художника на Крымском валу, на которой были представлены интереснейшие образцы отечественной экспериментальной фотографии: фотомонтажи и фотограммы Эль Лисицкого, Г.Клуциса, С.Сенькина, Г.Зимины. По мнению авторитетного журнала «Фото и видео», выставка была признана одной из лучших фотографических экспозиций 2002 года.

В октябре в выставочном зале муниципалитета г. Севилья (Испания) была представлена выставка рисунков С.Эйзенштейна, проходившая в рамках фестиваля «Кино и спорт». Выставочной группой архива была разработана концепция выставки, нашедшая полное понимание и одобрение испанских партнеров, на основе которой были отобраны интереснейшие рисунки великого режиссера.

Всего в 2002 г. архив участвовал в 17 выставках, которые проходили как в России, так и за ее пределами. Перечислим наиболее интересные: «Н.Гончарова. Годы в России» (Русский музей, Санкт-Петербург), «История денежной реформы в России» (Выставочный зал Федеральных архивов, Москва), «Художник Вальдемарс Матвейс» (Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, Москва), «Бубновая дама русского авангарда. Н.Розанова» (Московский центр искусств), «Путешествие Дюма по России» (Государственный Литературный музей А.С.Пушкина, Москва).

Появилась возможность готовить концептуальные выставки, состоящие полностью из документов РГАЛИ (например, «Красный карандаш»). Основная часть выставок готовится совместно с московскими, петербургскими и зарубежными музеями. Это – «Русский Берлин», «Бубновая дама русского авангарда» и другие, где архив явился одним из основных участников.

Пиаровская работа сопровождала все выставочные проекты и значительно повысила имидж РГАЛИ. Выставочная деятельность архива широко освещалась в прессе, на ТВ и радио (журнал «Фото и видео», газеты – «Культура», «Независимая», телеканалы – «Культура», ТВ 1, радиостанции – «Эхо Москвы», «Радио России», «Маяк»). Были заключены договоры о сотрудничестве с телеканалом «Культура» и «Радио России». Так, например, информацию различного уровня о выставке «Светотени авангарда» поместили:

- 9 сайтов, в том числе портал «Музеи России»;
- 13 печатных газетных изданий (в том числе и зарубежных);
- 5 «глянцевых» изданий (впервые);
- 20 рекламных изданий;
- 5 телевизионных каналов и 3 радиостанции.

Увеличилось количество тематических теле- и киносъемок. По каналам центрального телевидения («Культура», ТВЦ, НТВ, ТВ 1, «Россия») прошло 5 сюжетов, связанных непосредственно с деятельностью РГАЛИ и подготовленных к юбилейным датам М.Цветаевой, С.Эйзенштейна, С.Прокофьева, В.Мейерхольда, А.Белого, Д.Шостаковича по материалам архива. Киностудиями Москвы и Санкт-Петербурга было снято 7 научно-популярных и документальных фильмов, где были использованы документы РГАЛИ, в том числе относящиеся к Великой Отечественной войне. BBC (Англия) подготовили 2 радиосюжета по документам В.Гроссмана к 60-летию победы в Сталинградской битве.

Частичные изменения произошли в организации работы читального зала. Была установлена система видеонаблюдения*, приобретены новые высококлассные аппараты для чтения микрофотокопий*, множительная техника*. Менее чем за два года архив пополнился солидным компьютерным парком (всего на балансе архива находятся 29 компьютеров), приобретена аудиовизуальная техника*. Т.о., создана необходимая техническая база.

Читальный зал архива всегда заполнен до отказа. Общее количество исследователей, оформленных для работы в читальном зале в 2002 г., 638 при суммарном количестве посещений за год 4 838.

В 2002 г. наблюдалась устойчивая тенденция работы над рукописным наследием писателей в связи с изданием Академических Полных собраний сочинений Ф.И.Тютчева, А.А.Фета, А.П.Платонова, А.А.Блока, М.А.Шолохова, сборника к юбилею М.Светлова.

Вышли в свет 3 сборника документов общим объемом 60 п. л.

Документальное издание «Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970» – плод совместного труда архивистов с ИМЛИ РАН – подготовлен на основе документов РГАЛИ, РГАСПИ, Национальной библиотеки Франции и частных архивов. Документы РГАЛИ были подготовлены к публикации и прокомментированы И.И.Аброскиной, а редактирование всего издания проводила Е.В.Бронникова. Сборник представляет собой весьма представительное собрание впервые опубликованных произведений эпистолярного жанра, принадлежавших перу таких выдающихся деятелей XX в., как Мейерхольд, Пастернак, Федин, Катаев, Эренбург, Шкловский, Дюамель, Роллан, Мальро, Роже Мартен дю Гар, Андре Жид, Андре Шамсон, Арагон, Дютур, Сартр, Дрюон, Саррот, Роб-Грийе и т.д. В переписке отразилась богатая палитра мнений как по творческим, так и по политическим вопросам, различные подходы к узловым проблемам современного искусства, вопросам общности и различий между идеологиями, нациями и религиями. В приложениях и комментариях составителя поместили ставшие недавно доступными рассекреченные документы из архивов ЦК КПСС. В июне в ИМЛИ состоялась презентация сборника, в которой приняли участие сотрудники института и РГАЛИ.

В издательстве «Азбука-классика» (Санкт-Петербург) вышла в свет книга «Варлам Шаламов. Избранное», куда вошли лучшие произведения писателя: «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскресшие лиственницы» и «Перчатка, или КР-2». Отдельным разделом вошли стихи В.Шаламова, написанные в период с 1937 по 1981 г. Составитель и автор предисловия – И.П.Сиротинская.

В Париже был опубликован «Дневник С.С.Прокофьева. 1907–1933» в трех томах, ставший сенсацией для

всего музыкального мира. Это уникальное произведение было подготовлено Святославом Прокофьевым по хранящимся в РГАЛИ тетрадям.

В издательстве «Молодая гвардия» в серии «Библиотека мемуаров» были опубликованы дневники Л.Ю.Бердяевой. В книге «*Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа», подготовленной Е.В.Бронниковой, впервые в полном объеме представлены дневниковые записи за период 1934–1945 гг. и стихи Л.Ю.Бердяевой, хранящиеся в РГАЛИ. Книга открывает читателю новый образ незаурядной женщины, стремившейся к самопознанию и совершенству. В издании воспроизводятся редкие фотографии.

Завершена работа и подготовлены к сдаче в издательство несколько сборников документов (общим объемом 170 п. л.). На издание «Дневника М.Кузмина. Т. 2» получен издательский грант частного американского фонда; рукопись сборника обсуждена на заседании Научного совета РГАЛИ, на завершающей стадии находятся переговоры об издании этого сборника с Издательством Ивана Лимбаха (Санкт-Петербург). Выход в свет указанного сборника ожидается в 2003 году.

Архив продолжает подготовку одновременно шести документальных сборников по истории отечественной литературы, в том числе творческого наследия М.И.Цветаевой. Уточнен состав 4-го тома «Рукописного наследия» М.И.Цветаевой, куда предполагается включить переписку с Николаем Гронским. Одновременно ведется подготовительная работа еще над двумя томами этой серии: «Переписка с Б.Л.Пастернаком», «Дневники Г.Эфрона».

В издательстве РОССПЭН вышла монография Т.М.Горяевой «Политическая цензура в СССР». Книга, основанная на новых архивных данных, была встречена с интересом специалистами и критикой.

Сотрудниками архива было опубликовано 15 статей и публикаций документов в научных изданиях, периодической печати, сборниках материалов научных конференций.

В 2002 г. существенно активизировалась научно-исследовательская и методическая работа архива. При этом всемерно использовался научный кадровый потенциал

РГАЛИ: в исследовательскую работу включились опытные сотрудники, в том числе имеющие научную степень, молодые специалисты, обучающиеся в аспирантуре РГГУ.

В первую очередь следует отметить работу, проведенную в рамках 3-х инициативных самостоятельных проектов РГАЛИ: «Изучение особенностей физического состояния документов в фондах учреждений и организаций. 2002–2004 гг.», «Исследование проблемы доступа к документам личного происхождения. 2002–2003 гг.», «Разработка теоретических и научно-методических основ для создания электронного каталога РГАЛИ. 2002–2003 гг.». Все три темы продолжающиеся, в 2002 г. работа по ним была только начата и осуществлялась в соответствии с планом НИР РГАЛИ.

Научно-исследовательская работа сотрудников получила широкий резонанс научной общественности благодаря участию в конференциях и семинарах. С докладами и сообщениями они выступили на следующих конференциях: «Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе», 34-й конгресс Американской Ассоциации развития славистики (США, Питтсбург), «Эхолот», «Проблемы незаконного вывоза культурных ценностей», «Семья Метнеров и культура Серебряного века», «Козинцев и Шостакович», V Международные Шаламовские чтения (Вологда), заседание Международного Комитета по лексикографии (Рязань), заседания Научных Советов ИМЛИ, Бахрушинского музея, ГА РФ, РГАКФД, РГАФД.

Возобновилась работа Научного Совета РГАЛИ, на заседании которого 2 декабря были обсуждены рукописи «*И.С.Шмелев, О.А.Бредиус-Субботина. Роман в письмах*», «Путеводитель по фондам РГАЛИ. Вып. 8», «*М.Кузмин. Дневник. Т. 2*», подготовленные к изданию.

Большие усилия и организационная работа потребовались для формирования и организации деятельности Попечительского Совета РГАЛИ, куда согласились войти видные деятели отечественной культуры, руководители творческих союзов и московских театров. В мае состоялось первое ознакомительное заседание Совета, где были изложены проблемы не только материально-технической

базы архива, но и вопросы комплектования и использования документов архива; в течение года с работой архива познакомилось большинство попечителей. Гостями архива стали С.И.Бэлза, Е.Ю.Гениева, Т.О.Паухова, М.М.Плисецкая и Р.К.Щедрин, Д.В.Родионов, Н.Д.Солженицына, А.К.Сорокин, З.К.Церетели, А.А.Черников, М.О.Чудакова, Г.Ш.Чхартишвили (Борис Акунин), А.А.Ширвиндт, С.О.Шмидт. В Попечительский Совет вошли также Е.В.Герасимов, Н.С.Михалков, В.К.Полянский и В.И.Федосеев.

IN MEMORIAM

Ксения Николаевна Кириленко

В июле 2002 г. скончалась Ксения Николаевна Кириленко.

Она пришла в архив в августе 1945 г. сразу после окончания Государственного института театрального искусства и проработала в ЦГЛА–ЦГАЛИ–РГАЛИ почти всю жизнь. С 1963 по 1986 г. возглавляла отдел публикации документов.

Ксения Николаевна... Каждый, кто вспомнит ее милое, доброе, улыбочное лицо, и сам улыбнется, и на душе потеплеет...

Как хорошо, что на свете появляются такие люди, которых окружает аура добра, и всем легче жить, работать и устремляться в дальние странствия – Тарханы, Болшево, Литва, Латвия, Украина... Много было вместе пройдено дорог, спето песен у костра. Она же и сочиняла эти песенные эпопеи, достойные храниться вечно в золотом фонде РГАЛИ.

А сколько ею подготовлено к изданию книг, статей! Все мы полюбили ее А.Н.Афиногенова, Ф.Г.Волкова, М.А.Булгакова, Л.В.Собинова, Ф.И.Шаляпина, Е.Л.Шварца, а «Советский театр» и сейчас – непревзойденный сборник документов по истории театра. Нет, поверить невозможно, что вся эта веселая, кипучая жизнь остыла и ушла от нас. Любовь не уходит – а мы любили нашу работу, друг друга и верили в неоткрытые еще нами горизонты.

Ксенечка, в нашей памяти, вечной памяти РГАЛИ ты жива, ты улыбаешься нам. Добро – это ведь энергия, а энергия живет и вечно делает всех нас лучше.

Пусть ты не делала коммерческих успехов,
Но Собинов, и Мейерхольд, и Чехов
Нетленный след твой людям отдадут,
А нам – любовь! И твой продолжим труд!

Нина Викторовна Снытко

5 декабря 2002 г. ушла из жизни Нина Викторовна Снытко, старейший архивист нашей страны.

Нина Викторовна родилась в Москве 24 января 1909 г. Принадлежала к потомкам адмирала П.С.Нахимова. Ее трудовой путь начался в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ныне РГАДА) в 1940 году.

В годы Великой Отечественной войны Н.В.Снытко служила переводчицей в армейских штабах на Ленинградском, Волховском, 2-м Прибалтийском фронтах. Дошла до Германии. Была награждена орденами Отечественной войны и Красной звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и др.

С 1963 г. Н.В.Снытко работала в РГАЛИ. Не имея законченного высшего образования, она тем не менее была уникальным лингвистом, знающим шесть европейских языков, а также великолепным палеографом. Ей под силу было прочесть текст, написанный любой рукой, любой степени неразборчивости. По словам Нины Викторовны, за свою 60-летнюю архивную практику она не смогла разобрать лишь одну записку Бетховена, исчерканную яростной скорописью композитора, да еще готическими буквами. Но та записка из фондов РГАДА, кажется, и по сей день не поддается прочтению.

Она была одним из активнейших авторов сборника архивных материалов РГАЛИ «Встречи с прошлым». Ее публикации, по большей части связанные с XIX в., с именами Пушкина, Вяземского, Ф.Толстого и др., являются украшением нашего издания. В свое время ею был разобран и описан гигантский Остафьевский архив князей Вяземских. Имение Вяземских Остафьево, эти русские Афины, в своем архиве сохранило тысячи писем, написанных множеством почерков на главных европейских языках (кроме русского, конечно, на французском, а также немецком, итальянском, английском, польском и др.). Одна лишь переписка П.А.Вяземского с А.И.Тургеневым составила пять томов изданного в свое время графом С.Д.Шереметевым «Остафьевского архива». Описи фонда на более чем 6 700 единиц хранения, два объемистых машинописных тома, безусловно, заслуживают самостоятельного издания как ценный архивный справочник.

Довелось Нине Викторовне поработать и с документами русской эмиграции (передавать их из бывшего «спехрана» на общее хранение, попутно заново описывая и каталогизируя). Ею был подготовлен к публикации в 8-м выпуске «Встреч с прошлым» дневник Зинаиды Гиппиус времени войны и германской оккупации Франции. Воспоминания писателя Русского Зарубежья Н.А.Еленева «Горестные тени», отрывок из которых вошел в 10-й выпуск «Встреч с прошлым», стали тем самым последним архивным документом, над которым Нина Викторовна работала в сей бременной жизни.

В нашей памяти жив образ этой удивительной, подчас бесстрашной женщины, сумевшей пронести сквозь бури XX в. стойкость, жизнелюбие, высокую духовность, присутствующую русской культуре.

Указатель имен

- Абрамович Г.Л. – 673
Абрикосов А.И. – 152
Абрикосов В.В., свящ. – 324, 351
Аброскина И.И. – 397–435, 693, 701
Абуладзе Т.Е. – 441
Абызов Ю.И. – 636
Август, имп. – 258
Авдеев В.А. – 11
Авдиев В.И. – 656
Авксентьев Н.Д. – 316, 371, 376, 388
Агапов Б. – 683
Аггеев М. *см.* Леви М.Л.
Агренив-Славянский Д.А. – 191, 194
Адамович Г.В. – 291, 552, 558, 565, 569, 570, 574, 575, 605, 635, 637, 641, 642
Адлер Ф. – 371, 380, 390
Адлерберг В.Ф. – 231, 235, 237
Айхенвальд Ю.И. – 509, 560, 603, 673
Акерман, неуст. – 120
Акимова С.П. – 184, 194
Аксаков И.С. – 487
Аксаков К.С. – 485
Аксаков С.Т. – 161
Аксенов И.А. – 672, 674
Алабин П.В. – 95, 98, 111
Алданов (Ландау) М.А. – 353, 378, 391, 392, 552, 561, 584, 599, 601, 603, 639, 640
Александр I, имп. – 27, 30, 234
Александр II, имп. – 223, 226, 234–237
Александр III, имп. – 211, 358
Александр Михайлович, вел. кн. – 334
Александр Павлович, вел. кн. – 22
Александра Петровна, вел. кн. – 387
Александров А.Н. – 493
Александров Е.Е. – 573
Александрова-Кочетова (урожд. Соколова; по мужу Кочетова, сцен. псевд. Александрова) А.Д. – 178, 180, 194, 204
Александрович М.В. – 177, 194
Александровский В.Д. – 650, 672
Алексеев К.С. *см.* Станиславский К.С.
Алексеев А.Д. – 581
Алексеев И.К. – 434

- Алексеев Н. – 35
 Алексей Михайлович, царь – 237
 Алешин С.И. – 688, 696
 Алло А.И. – 548
 Аллой В. – 334
 Алчевский И.А. – 176, 194
 Альтани И.К. – 174, 194
 Алябьев А.А. – 492, 496
 Амадис (псевд.), корр. – 572
 Амари *см.* Цетлин М.О.
 Амфитеатров А.В. – 182, 183, 204, 552, 563, 582, 587–589, 598, 636, 637
 Амфитеатров В.А. *см.* Амфитеатров-Кадашев В.А.
 Амфитеатров-Кадашев В.А. – 563, 587, 636, 637, 640
 Ангарский Н.С. – 661
 Андерсен Х.-К. – 440, 445
 Андре П. – 380, 393
 Андреев В.В. – 523, 526, 628, 532, 533, 549
 Андреев В.Л. – 365, 366, 374, 391
 Андреев Л.Н. – 365, 618, 634, 643, 688
 Андреев Н.А. – 301
 Андреев Ф. – 437–439
 Андреев, офицер – 25
 Андреева-Бальмонт Е.А. – 643
 Андроников И.Л. – 688
 Аникушин М.К. – 508
 Аничков Е.В. – 673
 Анна Павловна, вел. княжна – 65
 Анненков П.В. – 486
 Анненков Ю.П. (псевд. Темирязов Борис) – 574, 635
 Аносов Н.П. – 493
 Антарова К.Е. – 178, 194
 Антиков Н.А. – 394
 Антоний М. – 500, 501
 Антокольский П.Г. – 491
 Аптекарь, литературовед – 680
 Апухтин А.Н. – 230, 282
 Арагон Л. – 370, 385, 701
 Аракчеев А.А. – 23, 25–27, 30, 31, 34, 64, 65, 69, 74
 Ардов В.Е. – 696
 Аренс *см.* Аренци Л.К.
 Аренци (Аренсон; др. псевд. Аренс, Чаров) Л.К. – 180, 194
 Аржановский А. – 306
 Арина Родионовна *см.* Яковлева А.Р.
 Арнольдсон С. – 187, 194
 Артеменко Е.В. – 398
 Архипов А.Е. – 112
 Арцыбашев М.П. – 363, 364
 Арцыбушев К.Д. – 93, 126, 127
 Аршинов (псевд. Аршинов-Марин) П.А. – 371, 389
 Асафьев Б.В. – 493, 495, 497, 508
 Асеев Н.Н. – 672
 Астафьев В.П. – 696
 Аташева П.М. – 504
 Аттила – 386
 Ауэр Л.С. – 187, 194, 276, 290
 Афанасьев А.Н. – 481
 Афиногенов А.Н. – 707
 Ахматова А.А. – 12, 365, 489, 490, 672, 699
 Ашбе (Ажбе) А. – 207, 234
 Ашукин Н.С. – 487, 673
 Бабиченко Д.Л. – 682
 Багрицкий Э.Г. – 683
 Базегский, управделами МОДПИК а – 665
 Базилевские – 231
 Байбаков И.Н. – 105, 106

- Байрон Дж.-Н.-Г. – 475
 Бакланов Г.А. (Бак-
 кис А.-Г.А.) – 177, 194
 Бакланов Г.Я. – 688
 Бакшеев В.Н. – 94
 Бакунина Е.В. – 605, 606,
 612, 640
 Балакиев М.А. – 509
 Балакшин П.П. – 579, 582,
 603–612, 616–620, 640–
 642
 Балтрушайтис Ю.К. – 672
 Бальмонт К.Д. – 378, 508,
 509, 521, 584, 614, 643,
 672, 696
 Банк, подпоручик – 57
 Баратов Н.Н. – 575
 Баратынская А.В. – 37, 38
 Баратынская (урожд. Яцы-
 на) А.М. – 18, 35–42
 Баратынская (урожд. Чере-
 панова) А.Ф. – 27, 47
 Баратынская (в замуж. Ра-
 чинская) В.А. – 28, 29
 Баратынская Ек.А. – 18, 31,
 40, 41, 44, 46, 47
 Баратынская (урожд. Ра-
 чинская) Ек.И. – 37, 38
 Баратынская Ел.В. – 37, 38
 Баратынская Ефр.В. – 37, 38
 Баратынская (в замуж. Пан-
 чулидзева) М.А. – 18, 27,
 39, 41, 43, 44, 47
 Баратынская Н.В. – 37, 38
 Баратынские – 9, 18, 27–29, 35,
 37, 38
 Баратынский Абр.А. – 17–83
 Баратынский Ал-др А. – 18,
 36, 37, 39, 46, 47
 Баратынский А.В. – 18, 34–
 47, 54
 Баратынский Б.А. – 18, 26,
 36–38, 40, 43–47
 Баратынский (Боратын-
 ский) Е.А. – 17, 18, 27,
 33, 34, 468, 473, 485
 Баратынский И.А. – 18, 36–
 38, 40, 43, 44, 46, 47
 Баратынский П.А. – 18, 19,
 31, 35, 37, 38, 40, 47
 Барсова В.В. – 497
 Барсуков А.П. – 486
 Барсуков Н.П. – 486
 Барт В.С. – 507
 Бартенев П.И. – 29, 486
 Баруздин С.А. – 696
 Барцевич С. – 278, 290
 Барятинский В.А. – 231, 238
 Басин Б. – 219
 Басина С. – 219
 Басины – 231
 Басов-Верхоянцев (Ба-
 сов) С.А. – 661
 Баттистини М. – 231
 Батюшков П.Н. – 469
 Батюшков Ф.Д. – 673
 Батюшкова С.Н. – 469
 Бауэр О. – 380, 393
 Бах И.-С. – 244, 245, 256,
 260–263, 273, 275
 Бах Т.Я. – 188, 189, 194
 Бахметьев В.М. – 675
 Бахрушин А.А. – 203
 Бахрушин Ю.А. – 29, 656
 Бахрушины, купцы – 163
 Баян *см.* Колышко И.И.
 Бебутова Г.В. – 696
 Бегнер, пастор – 322
 Бедный Д. (Придворов
 Е.А.) – 655
 Безыменский А.И. – 651, 658
 Бейссак М. – 367
 Белашова Е.Ф. – 508
 Белинский В.Г. – 641
 Белков Е., свящ. – 297
 Белоусов И.С. – 672

- Бельская С.А. – 189, 194
 Белый Андрей (Бугаев Б.Н.) –
 241, 252, 300, 371, 385,
 392, 672, 689, 700
 Бенеш Э. – 380, 393
 Бенкендорф А.Х. – 453, 482
 Бенкендорф П.К. – 361
 Бенуа А.Н. – 435, 485, 507
 Беранков, швейцар – 317
 Берберова Н.Н. – 370
 Берг Н.В. – 486
 Бергер Ю.-Х. – 402, 418, 432,
 433
 Бергманы – 626
 Бергнер (Эсттель) Э. – 602,
 639
 Бергсон А. – 291
 Бердников Д. – 675
 Бердяев Н.А. – 291–354, 673,
 690, 697
 Бердяева (урожд. Труше-
 ва, по первому мужу
 Рапп) Л.Ю. – 291, 292,
 320–328, 331, 345, 347,
 349, 351, 702
 Бердяевы – 298, 305, 322, 326,
 349, 351
 Берлиоз Г. – 243, 260
 Бернштейн Э. – 380, 393
 Берсенев И.Н. – 433
 Беседовский Г.З. – 371, 389
 Бестужев-Марлинский А.А. –
 486
 Бестужев-Рюмин А.П. – 470
 Бетховен Л. ван – 241, 244–
 247, 252, 255, 256, 260,
 262, 268, 273, 276, 279,
 280, 282, 708
 Бехтеев В.Г. – 507
 Билибин И.Я. – 234, 613
 Бирюков Ю.С. – 241
 Бисмарк О. фон Шёнхаузен –
 231
 Бисноватый М. – 633
 Бицилли П.М. – 591, 637
 Бландина (Оболенская А.В.),
 мон. – 292, 328–333
 Блок А.А. – 270, 301, 490,
 635, 647, 672, 696–698,
 701
 Блох Е.И. – 557, 633
 Блох Р.Н. – 633
 Блох Я.Н. – 395, 557, 582,
 633
 Блуа Л. – 347
 Блюм А.В. – 682
 Блюм Л. – 371, 390, 393
 Блюменталь-Тамарин А.Э. –
 188, 190, 194, 195
 Бобо Пьер *см.* Боборы-
 кин П.Д.
 Боборыкин П.Д. – 241, 250,
 251
 Бобров С.П. – 672
 Боголюбский М.С., свящ. –
 164
 Богомолов Н.А. – 11
 Бодрова Л.Н. – 17–83
 Болотов Н.И. – 52
 Большаков К.А. – 672
 Бонди С.М. – 688
 Бонер Ж. – 397–434
 Бонкур П. – 380
 Борадулич, поручик – 67
 Борис, царь Болгарии – 511
 Борис Годунов, царь – 493–
 495, 498, 499, 502, 507,
 508
 Борисов П.Б. – 180, 195
 Борк К., фон – 48–50, 53, 56,
 57, 59, 61, 68
 Борман А.А. – 293, 295, 297
 Бородин А.П. – 245, 254
 Босс Э.-М. – 263, 289
 Боткин Е.С. – 361
 Боткин, эмигр. – 593

- Брагинский Э.В. – 688
Брамс И. – 245, 248, 256, 257, 272, 543
Бредиус-Субботина О.А. – 690, 703
Бренко А.А. – 200
Брешко-Брешковский Н.Н. (псевд. Мата д`Ор) – 555, 573
Брик Л.Ю. – 490, 696
Брик О.М. – 672
Бритвиц (Притвиц), майор – 70, 71
Бровцын А.П. – 30
Броджи А. – 187, 195
Бродский А.Д. – 241, 276–278, 290
Бромлей Н.Н. – 397
Бронникова Е.В. – 11, 291–354, 693, 701, 702
Брукнер А. – 245, 287
Брусилов А.А. – 315, 316
Брюллов К.П. – 229, 235, 236, 486
Брюсов В.Я. – 241, 252, 489, 491, 670, 672
Бубек Т.-Х. – 282, 290
Буданцев С.Ф. – 673
Будашкин Н.П. – 546
Будкевич М.Я. – 179, 180, 195
Буксгевден (Буксгевин) Ф.Ф. – 38–40
Булгаков В.Ф. – 356, 551, 558, 633
Булгаков М.А. – 503, 504, 508, 693, 707
Булгаков С.Н. (отец Сергей) – 291, 303, 305, 322, 348
Булгарин Ф.В. – 473, 486
Булычев Т.Ф. – 94, 104, 115, 131
Булычов В.А. – 262, 288
Бунаков-Фондаминский И.И. – 371, 376, 637
Бунин И.А. – 363, 364, 379, 391, 396, 508, 551, 552, 559, 568, 574, 582, 583, 586, 587, 589, 591–595, 597–599, 601–604, 606, 609, 611, 614, 615, 629, 630, 632, 637, 639, 640, 672, 688
Бунины – 593, 619, 637
Бурлюк Д.Д. – 672
Бурнаков, ген.-полк. – 387
Буров (Бурд; псевд. Бурд-Восходов) А.П. – 10, 551–644
Бурсак Е.А. – 517
Бурцев В.Л. – 312, 370, 387
Бутенко И.Ф. – 177, 178, 195
Бухарин Н.И. – 337, 652, 661
Быков Р.А. – 441, 442
Бэлза С.И. – 704
Бюхнер Г. – 402, 432
Бюцов В. – 424, 426, 435
Вавич М.И. – 190, 195
Вагнер Р. – 240, 241, 243, 249–251, 253, 260, 267, 281, 287, 435
Вадимов А. – 300
Вадковский Ф.Ф. – 79, 80
Вайян-Кутюрье П. – 370, 386
Валей А. – 341
Валишевский К. – 33
Вальц К.Ф. – 267, 289
Ван-Дейк А. – 261, 288
Вандервельде Э. – 371, 380, 390
Василенко С.Н. – 247, 250, 264, 287
Васильев П. – 241
Васильевы Г.Н. и С.Д. («братья Васильевы») – 505

- Васнецов Ал-др М. – 84, 86, 90, 92, 93, 101, 102, 108, 110, 112, 115–117, 119, 121, 124–126, 131, 132, 134, 137, 138, 140–142
- Васнецов Ал.В. – 110–112
- Васнецов Ап.Арк. – 91, 98, 117, 118
- Васнецов Ап.М. – 84–145
- Васнецов Арк.М. – 84–145
- Васнецов Арк.Н. – 108, 109
- Васнецов Б.В. – 90, 108–110, 112, 134
- Васнецов В.М. – 84–145
- Васнецов Вл.Викт. – 102, 110, 111, 113
- Васнецов Вс.Ап. – 88, 98, 129, 130, 133–143, 145
- Васнецов Д.Арк. – 91, 107–111, 113, 129, 131, 133, 135
- Васнецов К.Арк. – 91, 108–110, 114, 115, 119, 120, 137, 142, 145
- Васнецов Л.Арк. – 91, 108, 109, 114, 117, 121, 129, 131, 132, 142, 143
- Васнецов М.В., свящ. – 85, 86, 90, 100–102, 104
- Васнецов Мих.Викт., свящ. – 102, 108–113
- Васнецов Н.М. – 84, 86
- Васнецов П.М. – 84, 86, 101, 102, 107, 116, 126, 127
- Васнецов С.Ал. – 108, 109, 132
- Васнецов С.Арк. – 91, 137, 138
- Васнецова Ал-дра В. – 87, 100, 102, 107, 108, 110, 112, 113, 119, 120
- Васнецова Ан.В. – 108–110, 112, 119
- Васнецова Ан.Н. – 99, 101, 103, 106, 108, 110, 112, 118
- Васнецова Ант.Н. – 108, 109
- Васнецова А.И. – 86, 90, 100–102, 104
- Васнецова Люб.Арк. – 91, 108–110, 128, 140, 142
- Васнецова Людм.Арк. – 91, 107–109, 112–115, 129, 132, 142, 143
- Васнецова Н.Ал. – 108, 109, 114, 143
- Васнецова Н.И. – 127, 128
- Васнецова О.Ал. – 97
- Васнецова (урожд. Вейдеман) О.Анд. – 91, 97, 100, 101, 103, 106, 108–110, 113–117, 119–121, 125, 126, 128, 130, 133, 137–142
- Васнецова О.Арк. – 91, 98, 107, 108, 110, 129
- Васнецова (урожд. Полетаева) О.В. – 112
- Васнецова Т.В. – 100–102, 108, 110, 112–115, 134
- Васнецова Т.И. – 88, 98, 129, 130, 133–135, 137–139, 144, 145
- Васнецовы – 10, 84, 86, 90
- Ватто А. – 427
- Вахтангов Е.Б. – 397, 404, 433
- Вебб С. – 380, 393
- Вебер К.-М., фон – 285
- Вейдеман О.Анд. *см.* Васнецова О.Анд.
- Вейнберг П.И. – 487
- Вейнгартнер Ф., фон – 246, 252, 287
- Вейсбрем П.К. – 505
- Вельяшев Н.Г. – 179, 195
- Венгеров С.А. – 673

- Вениамин (Федченко), еп. – 307–313
- Верди Дж. – 424
- Вересаев В.В. – 491, 503
- Верещагин В.В. – 228, 237
- Верстовский А.Н. – 170, 195, 496
- Вертинский А.Н. – 611, 642
- Верховский Ю.Н. – 673
- Веселаго Ф.Ф. – 79
- Веселаго Ф., капитан – 78, 79
- Веселовский Ю.А. – 673
- Веселый Артем (Кочкуров Н.И.) – 651, 668
- Вест Ф. – 326, 327
- Веттах (псевд. Грок) А. – 418, 434
- Вешнев В.Г. – 661
- Вечера М. – 231, 239
- Виардо П. – 211, 237, 492
- Вивальди А. – 256, 257
- Вигель Ф.Ф. – 28, 34
- Виельгорский М.Ю. – 492
- Викторова О.В. – 11
- Виллие М. – 689
- Вильгельм I, герм. имп. – 237
- Вильгельм II, король Нидерландов – 65
- Вильгельмина, королева Нидерландов – 579
- Вилькомирский, книготорговец – 577
- Вильчковский А.Е. – 350–351
- Вильямс Г.-В. – 292, 294, 297
- Вильямс П.В. – 508
- Винавер М.М. – 388, 641
- Винниченко В.К. – 643
- Винокур Г.О. – 491
- Висковатов А.В. – 34
- Витовтов А. – 48, 54
- Витте С.Ю. – 578, 579, 624, 625
- Вишневский В.В. – 508
- Вишняк А.Г. – 383, 395
- Вишняк М.В. – 371, 376, 381, 388
- Владимир (Тихоницкий), архиеп. – 307
- Владимир I Святой, вел. кн. – 171
- Владимир Александрович, вел. кн. – 211, 235
- Владимиров М.К. – 635
- Владимирова А.В. – 637
- Владиславлев М.П. – 179, 195
- Власов С.Г. – 177, 195
- Воеводин А.А. – 394
- Волжанин (Израельсон) О.А. – 580–582, 614–616, 621–623, 627, 628, 641
- Волков Л.Л. – 397
- Волков Н.Д. – 500
- Волков Ф.Г. – 707
- Волкова Н.Б. – 11, 467–510, 687, 688
- Волковские, музыканты – 538
- Волконская З.А. – 485
- Волконская (урожд. Раевская) М.Н. – 486, 491
- Володин А.М. – 696
- Волошин М.А. – 298, 385, 672
- Волчанецкая Е. – 673
- Вольтер – 382
- Вольфинг см. Метнер Э.К.
- Волынская В. – 189, 195
- Волынский А.Л. – 673
- Воробьев Б.А. – 465, 483, 523–549
- Воробьев К.Д. – 688
- Воронин С.Д. – 693

- Воронский А.К. – 649, 675, 676, 682
 Воронцов, свящ. – 153
 Врангель П.Н. – 370, 387, 511–513
 Врубель М.А. – 87
 Всеволожский Н.С. – 471
 Второв Н.И. – 485
 Вулф Т.-К. – 346, 347
 Высоцкий В.С. – 699
 Вышеславцев Б.П. – 306
 Вяземская В.Ф. – 472, 475–479
 Вяземские – 468, 471, 473, 474, 476, 478, 479, 481, 695, 708
 Вяземский П.А. – 468, 469, 471–478, 480–484, 486, 708
 Вяземский П.П. – 474–476, 478, 481
 Вязьмитинов В.Е. – 511–522
 Вяльцева А.Д. – 190, 195
 Гагарин А.В. – 105
 Гагарин Ю.А. – 638
 Газданов Гайто (Г.И.) – 377, 378, 392, 612, 642
 Гайдебуров П.П. – 495
 Гайдн Ф.-Й. – 262
 Галич А.А. – 699
 Гальперин М.П. – 673
 Гамильтон, знакомая Е.Р. Дашковой – 473
 Гамсун К. – 604
 Ганнибал А.П. – 490
 Гарбо Г. – 555
 Гастев А.К. – 672
 Гауптман Г. – 555
 Гегель Г.-В.-Ф. – 24
 Гедике А.Ф. – 241, 243, 263, 264, 286, 287
 Гедике Ф.К. (Ф.-А.-П.) – 265, 289
 Гедике, семья – 241
 Гейне Г. – 521
 Гейрот А.А. – 397
 Гендель Г.-Ф. – 262
 Гениева Е.Ю. – 704
 Георг VI, англ. король – 237, 545
 Георгий Михайлович, вел. кн. – 334
 Герард В.Н. – 212, 231, 235
 Герасимов Е.В. – 704
 Герасимов М.П. – 384, 650, 658, 661, 672
 Геринг Г. – 608
 Герман Э.Я. – 673
 Герцен А.И. – 383, 473
 Герценберг Д.И. – 48, 66, 67
 Герцык А.К. – 300, 673
 Герцык В.К. – 300
 Герцык Е.К. – 299, 300
 Гершензон М.О. – 673
 Гессен И.В. – 395, 593, 594, 607, 637, 641
 Гете И.-В. – 264, 270, 379, 398
 Гефтер А.А. – 573
 Гиацинтова С.В. – 397
 Гиллельсон М.И. – 473, 474
 Гиляровский В.А. – 673
 Гинзбург Л.С. – 491
 Гиннес, англ. подданная – 539
 Гипшиус З.Н. – 291, 296, 508, 643, 672, 709
 Гиршман В.О. – 343
 Гиршман Г.Л. – 341, 343
 Гитлер А. – 575, 576, 589, 609, 612, 626, 633, 637, 664
 Глазов П. – 75
 Глазов, прапорщик – 75, 76

- Глазунов А.К. – 243, 261, 264–266
 Глама-Мещерская А.Я. – 186, 195
 Глиер М.Р. – 493
 Глинка Б.Г. – 483
 Глинка М.И. – 247, 254, 283, 286, 492, 496, 532
 Глинка Н.Г. – 483
 Глиэр Р.М. – 264, 271
 Глоба А.П. – 502
 Глубоковский Н.Н. – 310, 312
 Глушковский А.П. – 496
 Глюк К.-В. – 262
 Гнедич Н.И. – 475, 486
 Гнедов В.И. – 672
 Гнесин М.Ф. – 493
 Гоголь Н.В. – 248, 287, 403, 419, 485, 506, 553, 563
 Голицына Е.И. – 469
 Голицына-Муравлина Д.П. – 521
 Голсуорси Дж. – 587, 636
 Голубев В.Ф. – 231, 238
 Голубев Е.К. – 493
 Голубева О.А. – 554
 Гольдберг И. – 395
 Гольденвейзер А.Б. – 286, 493
 Гончаров Д.Н. – 468
 Гончаров И.К. – 178, 195
 Гончарова Е.Н. – 468
 Гончарова Н.И. – 479
 Гончарова Н.Н. *см.* Пушкина Н.Н.
 Гончарова Н.С. – 130, 638, 699
 Гончаровы – 468
 Горбунов И.Ф. – 228, 237
 Гордон Б.А. – 581, 625
 Горев Ф.П. – 184, 195
 Горин Г.И. – 689, 696
 Горлин М.Г. – 557, 633
 Горнфельд А.Г. – 673
 Горный А.А. *см.* Горный Сергей
 Горный Сергей (Оцуп А.А.) – 552, 563, 576, 578, 592, 593, 595, 596, 609, 626, 634, 639, 644
 Горовцев А.М. – 613
 Городецкий С.М. – 491, 672
 Горохов К.И. – 17, 18, 32, 78–83
 Горький М. – 371, 385, 395, 396, 433, 624, 637, 638, 652, 653
 Горяева Т.М. – 10, 11, 645–684, 687, 693, 703
 Гофман И. – 187, 195, 243, 279, 280, 287
 Грабарь И.Э. – 89, 234
 Градов-Соколов Л.И. – 186, 195
 Грамматиков А.И. – 303, 305
 Грачева А.М. – 693
 Граун К.Г. – 262, 289
 Гребнер Г.Э. – 506
 Гречанинов А.Т. – 264, 493, 509
 Гржебин З.И. – 383, 384, 395
 Гржимали И.В. – 187, 195, 241, 260, 278, 279, 288
 Грибовский, недоросль – 70
 Грибоедов А.С. – 508
 Григ Э. – 245, 249
 Григорович Д.В. – 487–489
 Григорович К.К. – 266, 289
 Григорьев А.П. – 526, 527
 Григорьев Б.Д. – 356
 Григорьев В.Г. – 693
 Григорьева Л.Г. – 400
 Грин А.С. – 639
 Гринберг Л.А. – 557, 633

- Гринфельд, музыкант – 536,
 538
 Гринцберг А.Г. – 326
 Гринцберг Р.Г. *см.* Осоргина
 Р.Г.
 Гришунин А.Л. – 696
 Громов В.А. – 424, 434, 435
 Гронский Н.П. – 702
 Гроссман В.С. – 700
 Гроссман Л.П. – 491
 Грок *см.* Веттах А.
 Грот К.Я. – 487
 Грот Н.Я. – 487
 Грот Я.К. – 487
 Грузинов И.В. – 673
 Грузинский А.Е. – 673
 Грум-Гржимайло, свящ. –
 324
 Губерт А.И. – 259, 260, 275,
 286, 288
 Гувер Г. – 313
 Гудкова В.В. – 693
 Гукасов (Гукасянц) А.О. –
 304, 370, 384, 386, 641
 Гуковский А.И. – 376, 388
 Гуль Р.Б. – 552, 595, 638,
 639
 Гумилев Н.С. – 379, 672, 696
 Гуминский В.М. – 693
 Гуно Ш. – 172
 Гурилев А.Л. – 492
 Гуро Е.Г. – 689
 Густав I, король Швеции –
 406
 Густав IV, король Швеции –
 244, 245, 287
 Гутхейль А.Б. – 122
 Гутхейль А.С. – 492
 Гутхейль К.А. – 121, 122
 Гуцин Е. – 68

 Дабиж, кн. – 231
 Давид И. – 378
 Давыдов А.Д. – 189, 195
 Давыдов В.Н. – 186, 195
 Давыдов Д.В. – 484
 Давыдов К.Ю. – 187, 195
 Даладьё Э. – 644
 Даль В.И. – 312, 486, 689
 Дамаев В.П. – 188, 196
 Даманская А.Ф. – 551, 559–
 565, 574, 582–586, 631,
 634
 Даниэль Ю.М. – 688
 Данилевский А.А. – 635
 Данте А. – 270
 Дантес Ж. – 468, 502, 508
 Даргомыжский А.С. – 496,
 497
 Дашкова Е.Р. – 473, 474
 Двинянинов А.А., свящ. –
 90, 108, 109
 Дебюсси К.-А. – 268, 289,
 424
 Девойод Ж. – 186, 196, 231,
 238
 Дегтярев Н. – 650
 Дейкун Л.И. – 397
 Дейша-Сионицкая М.А. –
 177, 196
 Делавинь К. – 476
 Дельвиг А.А. – 476, 486
 Демидов И.П. – 310, 312
 Демидов П.А. – 476
 Демидов П.П. – 231, 238
 Демидов С.В. – 171, 196
 Деникин А.И. – 292
 Дервиз С.П., фон – 263, 289
 Дервизы, фон – 239
 Державин Г.Р. – 44, 45
 Державин К.Н. – 498
 Держинская К.Т. – 193, 196,
 241, 497
 Дероп (Де Роп) И. – 66, 72
 Дероп (Де Роп) Х. – 66
 Дероп, надзирательница – 76

- Деспотули В.М. (псевд. Владимир Неллин) – 568, 574–577, 580, 582, 593, 595–597, 600, 607, 608, 626, 627, 635, 636
- Деспотули Э.Э. – 577
- Детинов С.А. – 662
- Джамет, певец – 183, 196
- Джевонс У.-С. – 658
- Джиральдони Л.И. – 231
- Дидро Д. – 473, 474
- Диккенс Ч. – 638
- Дикой А.Д. – 397
- Димитрий (Сеченов), митр. – 481
- Дмитриев Д.С. – 167, 204
- Дмитриев И.И. – 476, 477
- Дмитрий Константинович, вел. кн. – 334
- Добкин А. – 334
- Добровейн И.А. – 270, 275, 290
- Добровольский Н.Н. – 212
- Добровольский Н.Ф. – 201, 238
- Добужинский М.В. – 386, 432
- Доде А. – 250
- Додонов А.М. – 171, 196
- Долгополова С. – 35
- Долгоруков М. – 37
- Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) – 552, 631, 640
- Донат (Писсуити Д.А.) – 441
- Донауров М.И. – 27, 73
- Дондуков-Корсаков А.М. – 238
- Дондуковы – 231
- Донской Л.Д. – 176, 179, 183, 196
- Доре Г. – 224, 236
- Дорогойченко А.Я. – 651, 658
- Доронин И.И. – 651
- Дорошевич В.М. – 167, 203, 636
- Достоевский М.М. – 377, 385
- Достоевский Ф.М. – 228, 229, 275, 295, 353, 376, 385, 403, 422, 433, 435, 487–489, 528, 553, 556, 569, 609, 631, 632, 639
- Дрезгунова Н.К. – 511, 522
- Дрюон М. – 701
- Дударев А.В. – 154
- Дурасова М.А. – 433
- Дурылин С.Н. – 10, 240–290
- Дыгас И. – 176, 180, 196
- Дымов Осип (Перельман И.И.) – 551, 552, 573, 574, 582, 589, 590, 598–603, 612, 613, 620, 637, 640
- Дымова (урожд. Смирнова) А.Н. – 590, 637
- Дымова И.О. – 589, 637
- Дымшиц-Толстая С.Н. – 689
- Дю Бо (Бос) Ш. – 326
- Дюамель Ж. – 701
- Дюка П. – 268, 289
- Дюма А. – 486, 699
- Дюран К.(Ш.) – 211, 235
- Дютур Дж. – 701
- Евлогий (Георгиевский В.С.), митр. – 291, 307, 309–313
- Евсевий Памфил, еп. – 147
- Евтушенко Е.А. – 368
- Егельштром *см.* Игельстром О.А.
- Егоров В.И. – 11
- Егоров Д. – 62
- Екатерина II, имп. – 19, 22, 33, 47, 50, 53, 54, 77, 220, 223, 357

- Екатерина Павловна, вел.
кн. – 356
- Елевферий (Богоявленский
Д.Я.), митр. – 307, 308–
313
- Еленев Н.А. – 9, 355–362,
709
- Еленин М. – 511, 512
- Елизавета I, англ. королева –
406, 421
- Елизавета Петровна, имп. –
220
- Елизавета Федоровна, вел.
кн. – 344
- Емельянов Ю.Н. – 636
- Енгибаров Г.С. – 440
- Енгибаров Л.Г. – 10, 440–463
- Енгибарова А.А. – 440
- Ермолинский С.А. – 503
- Ермолова М.Н. – 88, 169,
184, 196, 240, 243, 247,
381, 394
- Ертель *см.* Эртель Ф.Ф.
- Есенин С.А. – 653, 672, 690,
696
- Ефимкин А.П. – 391
- Ефимов Б.Е. – 687
- Ефимов И.С. – 507
- Ефремов П.А. – 486
- Ефрон С.А. – 561, 534
- Жаров А.А. – 651, 674, 696
- Жданов Г.С. – 39, 400, 401,
431, 688
- Жедринский А.Н. – 54
- Жедринские – 231
- Желябужский Ю.А. – 505
- Жемчужникова М.Н. – 300,
688
- Живокини В.И. – 184, 196
- Жид А.-П.-Г. – 701
- Жидовский, официант – 54
- Жиле, католич. свящ. – 322
- Жилинский А.М. – 433
- Житков Б.С. – 656
- Жорес Ж. – 371, 390
- Жуковский В.А. – 468, 471,
474, 482, 486
- Жуковский Д.Е. – 300
- Жуковский С.В. – 356
- Журавлев Д.Н. – 696
- Журин А.И. – 673
- Забела-Врубель Н.И. – 87,
188, 196
- Загряжская Н.А. – 485
- Загузова О.А. – 11
- Зайцев Б.К. – 385, 396, 508,
521, 552, 575, 582, 603,
613, 614, 628, 629, 635
- Зайцевы – 584
- Закатов А.Н. – 694
- Закржевский Ю.Ф. – 176,
196
- Закушняк А.Я. – 655, 683
- Замятин Е.И. – 370, 377, 385,
386, 396, 595, 638, 678
- Запартыка А.В. – 694
- Запорожец К.Д. – 177, 196
- Заремба И. – 71, 72
- Захава Б.Е. – 495
- Захаров А.Д. – 223, 236
- Захаров-Мэнский Н. – 673
- Заходер Б.В. – 656, 696
- Збруева Е.И. – 177, 196, 260,
288
- Звягинцева В.К. – 491
- Звягинцов В.Н. – 485
- Зеелер В.Ф. – 559, 614, 633
- Зеленина И.Ю. – 693
- Зелинский К.Л. – 683
- Зелов Н.С. – 694
- Зелюк О.Г. – 382, 395
- Земенков Б.С. – 673, 674
- Зензинов В.М. – 348, 375,
378, 392

- Зенкевич М.А. – 672
 Зиллер-Беловицкая Е.К. – 400
 Зильберштейн И.С. – 377, 392, 485, 696
 Зимин Г. – 699
 Зимин С.И. – 188, 196, 269, 272, 289
 Зиновьев И.А. – 238
 Зиновьевы – 231
 Злобин С.П. – 688
 Зноско-Боровский Е.А. – 382, 394
 Золотарев В.А. – 247
 Золотухин Г.И. – 672
 Золя Э. – 250
 Зорина В.В. – 189, 196
 Зорич А. – 639
 Зоценко М.М. – 639, 645
 Зудерман Г. – 555
 Зуров Л.Ф. – 601, 610, 640
- Ибсен Г. – 191, 192, 249, 299, 604
 Иван IV, царь – 403, 421, 422, 433
 Иванов Вяч.И. – 672
 Иванов Г.В. – 370, 523, 558, 570–573, 673
 Иванов И.И. – 388
 Иванова М.С. – 400
 Иванова, создательница народного хора – 189, 196
 Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) – 647, 673
 Ивановский А.В. – 505
 Ивнев Р. (Ковалев М.А.) – 672
 Игельстром (Игельштром) О.А. (И.-О.-Г.) – 38, 40
 Изаи Э. – 241, 243, 255–258, 276, 287
- Извольская Е.А. – 292, 347–353
 Извольский А.П. – 347
 Измайлов А.Е. – 391, 486
 Израельсон см. Волжанин О.А.
 Ильин В.Н. – 291, 321, 322
 Ильин И.А. – 298, 299
 Ильнарская В.Н. – 568
 Инбер В.М. – 491, 672
 Ингбрехт С. – 55
 Инзов И.Н. – 486
 Иоанн Альбинский, еп. – 297
 Иоанн (Осокин), свящ. – 110
 Иоанн (Шаховской Д.А.), архиеп. – 291, 373, 383, 391
 Иойльсон, австр. подданный – 565
 Ионов И.И. – 560
 Ипполитов-Иванов М.М. – 264, 281
 Ирецкий (Гликман) В.Я. – 607, 641
 Исбах А.А. – 651
 Исаковский М.В. – 694
 Искандер Ф.А. – 631
 Исупов А.В. – 96, 99, 130
- К.Р. (Константин Константинович, вел. кн.) – 504
 Каверин П.П. – 483
 Кавецкая В.В. – 190, 196
 Кавос К.А. – 496
 Каган А.С. – 395, 557, 633
 Каганович Л.М. – 668
 Казадесюс А.-Г. – 277, 290
 Казадесюс Р.-М. – 277, 290
 Казаков С.Д. – 688
 Казальс (Касальс) П. – 278, 290
 Казем-Бек А.Л. – 351
 Казем-Бек С.А. – 350, 351

- Казин В.В. – 491, 650, 653, 658, 672
 Калиновский С. – 297
 Калишевич Н.В. *см.* Словцов Р.
 Каллаш В.В. – 301
 Каллаш (урожд. Новикова) М.А. (псевд. М. Курдюмов) – 292, 300, 311
 Каменев Л.Б. – 654, 677
 Каменская, знакомая Е.Р. Дашковой – 473
 Каменский А.А. – 688
 Каменский А.П. – 491
 Каменский В.В. – 502, 572
 Кандинский В.В. – 234
 Каневский А.М. – 507
 Кант Э. – 245
 Кантор М.Л. – 610, 641, 642
 Капе Л. – 241, 276, 282, 290
 Каплун-Сумский С.Г. – 396
 Караваев В.А. – 109, 110
 Карамзин Н.М. – 468, 469
 Карамзина Е.А. – 491, 506
 Карамзины – 478
 Карлюченко Н.Ф. – 694
 Карпова Р.Э. – 694
 Карпович М.М. – 352, 353
 Карсавин Л.П. – 291, 395
 Карсавина Т.П. – 536, 550
 Карташов А.В. – 311–313, 370, 387
 Карякин (Корякин) М.М. – 179, 196
 Касаткин И.М. – 661
 Каспрович М. – 326
 Каспрович Я. – 326
 Касторский В.И. – 260, 288
 Катаев В.П. – 701
 Катаян В.А. – 696
 Каутский К. – 371, 380, 390
 Кауфман А.А. – 658
 Кауфман А.М., фон – 231, 239
 Качалов В.И. – 192, 197
 Кашкин Н.Д. – 253–255, 288
 Кедрин Д.Б. – 696
 Керенский А.Ф. – 291, 371, 376, 384, 388, 389, 533
 Керн А.П. – 490
 Керсновский А.А. – 34
 Кибардин И.Т. – 100, 101
 Кившенко А.Д. – 238
 Кипренский О.А. – 236, 486
 Кириленко К.Н. – 707
 Кирилл Владимирович, вел. кн. – 370, 386
 Кириллов В.Т. – 658, 661, 672
 Кирхнер О. – 639
 Кирьякевич Л.И. – 694
 Киселев, поручик – 71
 Киселевский И.П. – 186, 197
 Кистяковский В.А. – 155, 203
 Кистяковский И.А. – 155, 202
 Клейст Г., фон – 420, 434
 Клементьев Л.М. – 174, 176, 179, 197
 Клео-Карини *см.* Мозжухина К.А.
 Клеопатра, царица – 500, 501
 Климочкина Д.Р. – 212
 Климентова М.Н. – 177, 193, 197
 Климова М. – 35
 Климушкин П.Д. – 391
 Клобуков П.П. – 99, 130
 Клобукова З.Д. – 99, 130
 Клобуковы – 96
 Клуцис Г. – 699
 Клычков С.А. – 652, 672
 Клюев Н.А. – 672
 Ключарев В.П. – 397
 Ключевский В.О. – 255, 488

- Клямжинская А.С. – 177–179, 197
 Кнебель М.О. – 397, 433
 Кобеко Д.Ф. – 43
 Ковалевский, врач – 157
 Коган П.С. – 661, 673
 Кодлубовский, дирижер – 534, 535
 Кодрянская Н.В. – 558, 633
 Козинцев Г.М. – 703
 Козлов В.П. – 687, 692
 Козловский И.С. – 497
 Коковцев В.Н. – 361
 Коларосси Ф. – 298
 Колгушкина Н.В. – 694
 Кологривов, майор – 73, 74
 Колонн Э. – 243, 287
 Колотов С.С. – 108, 109
 Колчак А.В. – 604
 Колышко И.И. (псевд. Баян, Рославле, Рогдай, Серенький) – 574, 577–580, 582, 584, 623–625
 Кольцов М.Е. – 363, 655
 Комаров А.Н. – 341
 Комиссаржевская В.Ф. – 550
 Комиссаржевский Ф.Ф. – 536, 550
 Кондаков, унтер-офицер – 79
 Кондратьев В.А. – 471
 Кондратьев, помощник М.В.Лентовского – 189
 Коненков С.Т. – 207
 Конецкий В.В. – 696
 Кони А.Ф. – 228, 237
 Конне Ф. – 521
 Коновалов А.И. – 388
 Константин Павлович, вел. кн. – 22
 Константинов П.К. – 508
 Конфуций – 248
 Кончаловский П.П. – 117
 Коншин Н.Н. – 231, 238
 Коншина А.И. – 231, 238
 Коншины – 231, 238
 Конюс Ю.Э. – 266, 289
 Коонен А.Г. – 500
 Копылова Л.Ф. – 673
 Кордюков, гоффурьер – 65
 Коренев Г. – 651
 Коренев М.М. – 499
 Коржихина Т.П. – 683
 Коробова Т.М. – 523
 Коровин К.А. – 87, 298, 507
 Королевич В.В. – 673
 Короленко В.Г. – 378
 Коростелев О.А. – 642
 Корсаков Н.А. – 492
 Корсов Б.Б. – 184, 197
 Корш Ф.А. – 162, 175, 185, 186, 195, 197–200, 202
 Косарев А.В. – 659
 Косинский И.И. – 469
 Костомаров Н.И. – 228, 237
 Котоньи А. – 187, 197
 Котрелев Н.В. – 694
 Котляревский А.М. – 673
 Коутс А. – 264, 289
 Кочетов, свящ. см. Соколов Д.В.
 Кочубей В.Л. – 483
 Кошева Б.Э. – 186, 197
 Кошиц П.А. – 176, 179, 197
 Кравченко А.И. – 507
 Кравченко, артист оперы – 193, 197
 Крамской И.Н. – 228, 237
 Крандиевская А.Р. – 672
 Красницкий В., свящ. – 297
 Краснов П.Н. – 610, 619, 642
 Красовский Ю.А. – 688
 Крейн А.А. – 493
 Кремер, художник – 232
 Крестовская Л.А. – 324, 325
 Крестинский Н.Н. – 337

- Кречетов (Соколов) С.А. – 552, 582, 592–596, 600, 637
- Кржижановский С.Д. – 502
- Кривошейны, прапорщики – 64, 67
- Кривцов Н.И. – 469
- Кристалинская М.В. – 698
- Кромиади К.Г. – 576
- Крупская Н.К. – 646
- Крутикова А.П. – 177, 197
- Крученых А.Е. – 672
- Кручинина Л.А. – 363–396
- Крыжановская В.И. – 610, 642
- Крылов Н.П. – 507
- Крымов В.П. – 552, 555, 556, 558, 577, 594, 596, 600, 633, 637, 638
- Крымовы – 590
- Ксендзовский М.Д. – 190, 197
- Ксения Александровна, вел. кн. – 334
- Кубелик Я. – 276–278, 290
- Кугель А.Р. – 560, 634
- Кудрова И. – 385
- Кузичева А.П. – 693
- Кузмин М.А. – 672, 702, 703
- Кузнецов К.В. – 507
- Кузнецов Н. – 651
- Кузнецов С.Л. – 192, 197
- Кузнецова Г.Н. – 591, 593, 637
- Кузнецова Н.Е. – 507
- Кузько-Музин П. – 661
- Кузьмин Н.В. – 507, 696
- Кузьмин С.С. – 160
- Кузьмина-Караваева Е.Ю. – 673
- Кульчицкий В.М. – 364
- Кульчицкий М.В. – 364
- Кунин, купец – 156
- Кунин, сын купца Кунина – 156
- Купер Д. – 539
- Купер Э.А. – 266, 269, 272, 282
- Куперен Ф. – 277, 290
- Куприн А.И. – 363, 364, 370, 396, 445, 509, 603, 604, 643
- Куприянов, майор – 65, 70, 71, 75
- Куракин А.Б. – 39, 40
- Курдюмов М.А. *см.* Каллаш М.А.
- Куропаткин А.Н. – 383
- Кусевицкий С.А. – 264, 289, 493
- Кусиков А.Б. – 672
- Кускова (урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева) Е.Д. – 291, 292, 313–320, 565, 624
- Кутепов А.П. – 370, 386, 512, 513
- Кучеров С. – 395
- Кучин И.А. – 45, 46
- Кушелев Г.Г. – 20, 24, 25, 32, 33, 53, 54, 69, 71, 74
- Кушелевы – 231
- Кушнер Б.А. – 672
- Кюи Ц.А. – 175, 285
- Кюхельбекер В.К. – 468, 479, 483, 486
- Кючарианц Д.А. – 43, 57
- Кякшт Л.Г. – 541, 550
- Лабертоньер, католич. свящ. – 322
- Лабинский А.И. – 509
- Лабинский А.М. – 178, 197
- Лавренев Б.А. – 672
- Лаврова Н.А. – 661

- Лавровская Е.А. – 177, 178, 197
- Ладыженская А.Е. – 485
- Ладыженский В.Н. – 303, 305
- Ладыжников И.П. – 383, 395
- Лазарев Е.Е. – 378, 393
- Лазаревский Б.А. – 363, 364, 577
- Ламартин А.-М.-Л. – 476
- Ланге Т. – 261, 288
- Лансере Е.Е. – 507
- Ланская В.И. – 485
- Лансков, полковник – 26
- Ларионов М.Ф. – 386
- Лассо О. – 262, 289
- Латыпова Т.Л. – 11, 146–205
- Лафонтен Ж. де – 234, 235
- Лебедев В.И. – 371–376, 378, 380, 389, 391
- Лебедев К.В. – 507
- Лебедев-Полянский П.И. – 673
- Лебедев-Кумач В.И. – 491
- Левеле, философ – 658
- Леви М.Л. (псевд. Агеев М.) – 575, 635
- Левидов М.Ю. – 673
- Левино, знакомый Н.П.Розанова – 183
- Левитан И.И. – 89, 94
- Левашко С.С. – 693
- Лейбовичи – 375
- Лейкин Н.А. – 643
- Лелевич Г. – 651, 675, 676
- Лемешев С.Я. – 497
- Ленин В.И. – 436, 554, 646, 653, 680, 682
- Ленский А.П. – 184, 197, 240, 243
- Ленский Вл. – 673
- Лентовский М.В. – 188–190, 194, 195, 197, 199
- Леонидов В.В. – 633
- Леонидов Л.М. – 192, 197
- Леонидов О.Л. – 505, 673
- Леонов Л.М. – 385
- Леопольд II, бельг. король – 239
- Лермонтов М.Ю. – 287, 485, 489, 609
- Лернер Н.О. – 486, 491, 673
- Лесерер, проф. – 322
- Лесков Н.Н. – 218, 250
- Лесная Л.В. – 673
- Летков П.С. – 211
- Леткова Ал.П. – 213
- Леткова Ан.П. – 11, 213
- Леткова-Султанова Е.П. – 213, 224, 231, 233, 235, 487
- Летковы – 213
- Лефорт Ф.Я. – 33
- Лешковская Е.К. – 185, 197
- Лианозов Г.М. – 187
- Либединский Ю.Н. – 651
- Ливкин Н.Н. – 673
- Лидин В.Г. – 365, 371
- Лимбах И. – 635
- Линденер (Липинский) Ф.И. – 48
- Липскеров – 673
- Лисицкий Э. см. Эль Лисицкий
- Лисовский, полковник – 316
- Лист Ф. – 417, 543
- Литвин Ф.В. – 640
- Литовский О.С. – 661
- Лифарь С.М. – 370, 386, 485
- Лихачев Д.С. – 510
- Ллойд Джордж Д. – 292–295

- Лобовиков С.А. – 109, 129, 130
 Лобовиковы – 108, 110
 Лозинский Г.Л. – 395
 Лозинский М.Л. – 400
 Ломако Г. – 311, 313
 Ломоносов М.В. – 477, 481
 Лонге Ж. – 371, 390
 Лопатин Л.М. – 241, 251, 252
 Лопашов С. – 661
 Лопухин А.П. – 148
 Лосев А.Ф. – 300
 Лосский В.Н. – 07, 334–336
 Луговской Вл.А. – 500
 Луговской Л. – 683
 Лукка П. – 187, 198
 Луковников П.Е. – 156
 Лукш Р. – 207
 Луначарский А.В. – 398, 434, 498, 560, 646, 648, 649, 654, 656, 661, 663, 665, 673, 682
 Лундберг Е.Г. – 395
 Лурье А.С. – 349
 Лутохин Д.А. – 389
 Львов Г.Е. – 399, 391
 Львов Л.И. – 316
 Львов-Рогачевский В. (Рогачевский В.Л.) – 673
 Любашевский Л.С. – 506
 Любимов Д.Н. – 642
 Любимов Л.Д. – 613, 642, 643
 Любимов Н.А., свящ. – 169, 204
 Любимцев П.Е. – 696
 Любимов, полит. деят. – 677
 Любченко В.Ф. – 193, 198
 Людовик XIV, фр. король – 277
 Люлли Ж.-Б. – 277, 290
 Лютер А.Ф. – 639
 Лялин Д.В. – 54
 Лямина Е.Э. – 35
 Ляпова, секр. ФОСП – 675
 Ляцкий Е.А. – 386, 392, 673
 Лященко А.И. – 673
 Магидов В.М. – 11
 Маврина Т.А. – 507
 Мазепа И.С. – 483
 Мазини А. – 174, 186, 198
 Майков А.Н. – 470
 Майков, знакомый А.М.Васнецова – 143, 144
 Макарт Г. – 211, 235
 Макдональд Д.Р. – 371, 380, 390
 Маккавейский В.Н. – 673
 Маковская А.Е. – 212, 214, 235
 Маковская Е.К. – 10, 206–239
 Маковская (урожд. Лебедева) Е.Т. – 210, 214, 235
 Маковская (урожд. Молленгауер) Л.К. – 212, 214, 229, 235
 Маковская М.К. – 210, 211, 215, 235
 Маковская Н.К. – 212, 214, 232, 235
 Маковская (урожд. Леткова) Ю.П. – 207, 210, 211, 213, 215, 216, 218, 219, 224, 225, 229, 231, 232, 235
 Маковский А.В. – 213, 236
 Маковский В.Е. – 94, 213, 236
 Маковский В.К. – 211, 212, 225, 233, 235
 Маковский Е.И. – 213, 215, 227, 229, 235, 236

- Маковский К.Е. – 10, 207–215, 218, 222, 224, 226–233, 235, 237–239
 Маковский Н.Е. – 213, 236
 Маковский С.К. – 206–210, 212, 218, 224, 225, 230, 232–236, 389, 509, 553, 558, 573, 673
 Максакова М.П. – 497
 Максимов С.В. – 487
 Малашкин С.И. – 651, 658
 Малевич К.С. – 130, 698
 Малер Г. – 244, 287
 Мальро А. – 701
 Мальтин, майор – 75
 Малютин С.В. – 96, 507
 Малянтович К.Г. – 554
 Мамонтов С.И. – 87, 88, 93, 103–106, 124–128, 186–188, 196–199, 205, 507
 Мамонтовы – 116, 118
 Мамышев В. – 52
 Мамышев С. – 52
 Мандельштам О.Э. – 672, 696
 Мане-Катц (Кац) М.Л. – 370, 386
 Манн Т. – 379, 393
 Манциарли И.В., де – 349, 350, 386, 562, 563
 Маригодов К.Л. – 674
 Мариенгоф А.Б. – 672
 Марио Дж. – 183, 198
 Маритен Ж. – 291, 321, 322, 326
 Маритен Р. – 326
 Маритен, семья – 347
 Мария (Кузьмина-Караваява Е.Ю., по первому браку Скобцова), мон. (Мать Мария) – 349, 351
 Мария Павловна, вел. кн. – 237
 Мария Федоровна, вел. кн., с 1896 г. имп. – 19, 27
 Маркони Ф. – 174, 198
 Маркс А.Ф. – 236, 383, 395, 609
 Маркс К. – 390, 554, 680
 Марр Н.Я. – 680
 Марсо М. – 441
 Мартов Л. – 371
 Марсель Г. – 291
 Мартен дю Гар Р. – 701
 Мартынова Г.И. – 186, 198
 Масарик Т.-Г. – 316, 373, 380, 391
 Маслович, аудитор – 69
 Массне Ж. – 247
 Массон Ш. – 34
 Мата д'Ор см. Брешко-Брешковский Н.Н.
 Матвеев А.А. – 469
 Матвеев В. – 526
 Матвейс В. – 699
 Матова А.К. – 193, 198
 Матусевич И.А. – 596, 639
 Матюшин М.В. – 689
 Махно (Михно, Михненко) Н.И. – 371, 389
 Машков И.П. – 696
 Машковцев Н.Г. – 129, 130
 Маяковский В.В. – 490, 672, 693, 698
 Медведев Н.А. – 523–648
 Медведева Н.М. – 184, 198
 Медичи Л. – 131
 Медичи, род – 131
 Мей, поручик – 121
 Мей М.И. см. Фигнер М.И.
 Мейерхольд В.Э. – 497–499, 661, 696, 700, 701, 707
 Меймре А. – 642
 Мелетий IV Метаксакис, патр. – 310, 312

- Мелитинская (Лопатина) М.А. – 193, 198
 Мельгунов С.П. – 312, 316, 386
 Мельников Н.Г. – 637
 Менглен, домовладелец – 210
 Мендельсон Ф. – 247, 262
 Мережковские – 619
 Мережковский Д.С. – 291, 296, 509, 521, 636, 643, 672
 Мерзляков, унтер-офицер – 82
 Мериме П. – 486
 Меркурьева В.И. – 363
 Мертенс В., фон – 52, 53, 57, 74, 75
 Метальников, бактериолог – 585
 Метерлинк М. – 604
 Метнер Н.К. – 240, 252, 493
 Метнер Э.К. (псевд. Вольфинг) – 240, 267, 289
 Метнеры – 704
 Метцель В.Л. – 251, 252, 288
 Мечев А., свящ. – 311, 313
 Мещерский А.И. – 237
 Мещеряков Н.Л. – 661
 Мигай С.И. – 179, 198
 Миклашевский Б. – 643
 Миклухо-Маклай Н.Н. – 228, 231, 237
 Милиоти Н. – 341, 342
 Миллер Г. – 346, 347
 Миллер Г.Ф. – 477
 Миллер Е.К. – 370, 387
 Миллер Л.Е. – 696
 Миллер, поручик – 68
 Миллер, заключенный – 437
 Миллье, философ – 658
 Миловидов, музыкант – 530
 Милорадович В.С. – 112, 132
 Милорадович С.Д. – 112, 113, 132, 159, 203
 Милосердов А. – 442
 Мильруд М.С. – 588, 636
 Мильтон (Милтон) Дж. – 224, 236, 486
 Милюков П.Н. – 297, 312, 316, 370, 384, 387, 388, 554, 569, 579, 585, 586, 613
 Малютин С.В. – 507
 Миних Б.-К. – 470
 Минор О.С. – 375, 392
 Миронов М.П. – 396
 Митурич С.Ю. – 11
 Михалков Н.С. – 704
 Михайлова, надзирательница – 76
 Могилевский А.П. – 507
 Модильяни А. – 394
 Модильяни Д.-Э. – 380, 394
 Мозжухин А.И. – 505
 Мозжухин И.И. – 505
 Мозжухина (псевд. Клео-Карини) К.А. – 505
 Молотов В.М. – 668
 Мольер (Поклен Ж.-Б.) – 477
 Монбризон Ю.К., де – 334–337, 340, 342, 343, 346, 347
 Моно В. – 322
 Моносзон И. – 672
 Монтеклер М.-П. – 277, 290
 Монюшко С. – 287
 Моор Э. – 278, 290
 Мопассан Г., де – 614
 Моравская М.-М.-Ф.Л. – 672
 Морган (С., Дж.-П.?) – 594
 Моргенштерн М. – 431
 Мордвинкин В. – 661
 Мориенваль, критик – 425

- Морков А.И. – 485, 486
 Морозов М.В. – 661
 Морозов П.О. – 491, 498
 Морозов С.Т. – 93, 115, 116
 Морозова М.К. – 95, 96, 98,
 111, 112, 269, 289
 Морокан, музыкант – 596,
 639
 Москвин И.М. – 192, 198,
 435
 Мотокийо С. – 430
 Моцарт В.-А. – 244, 262,
 268, 277, 275, 286, 356,
 435
 Мочульский К.В. – 350, 351
 Мюэн Д.К. – 573
 Мравинский Е.А. – 264, 289
 Мунштейн Л.Г. *см.* Lolo
 Мурадели В.И. – 493
 Муретов М.Д. – 159, 203
 Мурко М. – 18, 319
 Муромцева-Бунина В.Н. –
 582, 593, 594, 601, 629,
 637
 Мусоргский М.П. – 284,
 493–495, 497, 507
 Муссолини Б. – 588, 644
 Мышкина Ал.Е. – 90, 102,
 108, 110
 Мышкина Ан.Е. – 90, 102,
 108, 110
 Мышкина Е.Е. – 90, 101,
 102, 108, 110
 Мышкина М.Е. – 90, 101,
 102, 108, 110
 Мюссе А. – 521
 Мякотин В.А. – 386
 Набоков В.В. (псевд. Си-
 рин) – 378, 392, 574, 575,
 593, 596, 603, 606, 610,
 615, 628, 635, 639, 644
 Набоков В.Д. – 379
 Набоков Д.В. – 639
 Набокова (урожд. Слоним)
 В.Л. – 639
 Навиль П. – 370
 Надеждин И.Н. – 156, 203
 Надеждин Н.И., свящ. –
 156, 203
 Надточий М.А. – 389
 Нансен Ф. – 299, 313
 Наполеон Бонапарт – 476
 Направник Э.Ф. – 495, 497
 Нарбут В.И. – 672
 Нарышкин А.В. – 37
 Наседкин В.Ф. – 491
 Нахимов П.С. – 708
 Нащокин П.В. – 484
 Небольсин Г.А. – 352
 Недбал О. – 251, 288
 Недельный Е.Я. – 554
 Недзельский Е.Л. – 674
 Недоброво Н.В. – 673
 Недоброво С. – 31, 52, 58, 70
 Неелов, ст. лейтенант – 362
 Нежданова А.В. – 177–179,
 198, 260, 280, 281, 285,
 286, 288, 497
 Незлобин К.Н. – 186–189,
 198, 205
 Некрасов Н.А. – 490, 527
 Нелидова (урожд. Симоно-
 ва) А.А. – 43, 44
 Нелидова Е.И. – 19, 27, 40
 Нелипович С.Г. – 11
 Неллин *см.* Деспотули В.М.
 Немирович-Данченко
 Вас.И. – 228, 237, 636
 Немирович-Данченко
 Вл.И. – 397, 433
 Немирович-Данченко Г.В. –
 626, 627, 644
 Немчинов, владелец люби-
 тельского театра – 162,
 198

- Нератов А.А. — 207
 Нестеров М.В. — 112
 Нечаева В.С. — 377, 385
 Нибург К.-П.-Р. — 352, 353
 Нивинский И.И. — 507
 Низовой П.Г. — 658
 Никашин П.А. — 305
 Никитин А.Л. — 694
 Никитин И.С. — 527
 Никиш А. — 187, 198, 246,
 252, 265, 274, 287
 Николаев С.Н. — 391
 Николаевский Б.И. — 634
 Николай I, имп. — 235
 Николай II, имп. — 9, 334,
 356–362, 386, 490, 625
 Николай Михайлович, вел.
 кн. — 334
 Николай Николаевич, вел.
 кн. — 387
 Николай Николаевич, вел. кн.
 (сын вел. кн. Николая Ни-
 колаевича) — 370, 386, 387
 Николай Японский, архи-
 еп. — 307
 Никулин Л.В. — 672
 Никулина Н.А. — 184, 198
 Ницше Ф. — 252, 288
 Новалис (Харденберг Ф.,
 фон) — 299, 300
 Новиков И.А. — 502
 Новиков-Прибой (Нови-
 ков) А.С. — 672
 Новицкий Н. — 661, 665
 Новокшенов И.М. — 665
 Ноден Э. — 183, 199
 Норов А.С. — 485
 Норцов П.М. — 241
 Носов Е.Н. — 696
 Нэлепп Г.М. — 497
 Оббов А. — 380, 394
 Обер Д.-Ф. — 248
 Оболенская А.В. см. Блан-
 дина, мон.
 Оболенский В.А. — 328, 350,
 351
 Обрадович С.А. — 650, 658
 Образцов С.В. — 696
 Обухов Ив. — 60
 Обухов Ил.И. — 60
 Обухов О.И. — 60
 Обухов Т.И. — 60
 Обухова Н.А. — 241
 Овчаров, неуст. — 607, 641
 Овсяннико-Куликовский
 Д.Н. — 673
 Огарев Н.П. — 492
 О'Генри — 440
 Огнев Н. (Розанов М.Г.) — 639
 Одинец Д.М. — 320
 Одоевский В.Ф. — 492
 Одоевцева И.В. — 370
 Оксман Ю.Г. — 491
 Оленин А.А. — 468, 493
 Оленин П.А. — 674
 Оленина А.А. — 485
 Оленина д`Альгейм М.А. —
 252, 288
 Олеша Ю.К. — 461, 693
 Олсуфьева В.Д. — 485
 Ольга Павловна, вел. кн. — 66
 Омар Хайям — 521
 Орехов В.В. — 387
 Орешин П.В. — 672
 Орешкевич Ф.Г. — 180, 199,
 204
 Орлов (Калгин) Д.А. — 171,
 179, 199
 Орлов (Кульчинский или
 Кульчицкий; др. псевд.
 Долматов) П.Д. — 177,
 179, 199
 Орлова А.П. — 505
 Орловский, сотр. типогра-
 фии — 375

- Осоргин (Ильин) М.А. – 291, 326, 385, 552, 561, 566, 582, 586, 603, 625, 697
Осоргин М.М. – 310, 312
Осоргина (урожд. Гринцберг) Р.Г. – 326
Островский А.Н. – 184, 185, 192, 193, 243, 250, 487, 488
Осьмеркин А.А. – 502, 688
Офросимова, неуст. – 233
Оцеп Ф. – 612, 642
Оцуп А.А. см. Горный Сергей
Оцуп Г.А. (псевд. Раевский Г.) – 634
Оцуп Н.А. – 370, 386, 552, 562–568, 624, 634
Павел I, имп. – 9, 17–83, 234
Павел Александрович, вел. кн. – 335
Павлов-Шишкин В.Д. – 680
Павлицева О.С. – 468, 491
Павлова Т.В. – 683
Павловская Э.К. – 177, 180, 199
Павловский, заключенный – 437
Палей (Гогенфельзен, де) В.П. – 344
Палей (Гогенфельзен, де) О.В. – 333
Палестрина Д.-П., да – 262, 289
Палимпсестов И.У. – 151, 202
Палицын Н. – 57, 64, 65, 70
Палкин, владелец ресторана – 553
Пан Ю. – 394
Панаев В.А. – 237
Панаева (в замуж. Карцева) А.В. – 231, 237
Панина С.В. – 356
Пантелеев, подпоручик – 70
Паприц, неуст. – 489
Параджанов С.И. – 441
Парадиз Г. – 186, 188, 199, 205
Парнок С.Я. – 673
Парфений (Левицкий), архим. – 164, 203
Пастернак Б.Л. – 242, 270, 271, 273, 275, 288, 365, 371, 381, 382, 490, 639, 672, 688, 696, 697, 699, 701, 703
Пастернак Е.Е. – 35
Пастернак Л.О. – 265, 270, 275, 289
Пастернак (урожд. Кауфман) Р.И. – 270, 289
Пастухов Н.И. – 203
Патти А. – 285, 290
Паулюччи, ит. посол – 215
Паухова Т.О. – 704
Пашенная В.Н. – 632
Певницкая Л.Н. – 170
Певницкий П.И. – 204
Певницкий П.П. – 170, 204
Пеги Ш. – 347
Пеликан Ф. – 319
Пенцлин Э.А. – 505
Песков А.М. – 29, 34, 35
Песталоцци И.-Г. – 399
Петников Г.Н. – 672
Петр I, имп. – 223, 490, 639
Петр III, имп. – 45, 47, 83
Петрищев А.Б. – 378, 392
Петров В.Р. – 177, 178, 199, 260, 285, 286, 288
Петров Д.К. – 395
Петров П.П. – 391
Петрова-Званцева В.Н. – 188, 199
Петров-Водкин К.С. – 508
Петровский А.С. – 299, 300

- Петрункевич И.И. – 388
 Петряев А.М. – 511
 Пешехонов А.В. – 389, 393
 Пешков А.М. *см.* Горький М.
 Пешков Н.А. – 496
 Пилевин, неуст. – 532, 536
 Пильняк Б.А. – 668, 678,
 683, 699
 Пильский П.М. – 552, 563,
 589, 631, 673
 Пиньялоза Л.К. – 177, 179,
 180, 199
 Пирогов Г.С. – 177, 199
 Писарев Н.И. – 508
 Писемский А.Ф. – 488, 528,
 566
 Пистрак С.М. – 561
 Питоев Ж. (Г.И.) – 403, 433
 Платонов А.П. – 699, 701
 Плетнев А.П. – 231, 239
 Плетнев П.А. – 479
 Плещеев А.А. – 552, 555,
 584, 621, 632
 Плещеев А.Н. – 487, 632
 Плисецкая М.М. – 688, 696,
 704
 Плятт Р.Я. – 695
 Покровский М.Н. – 661
 Полевой К.А. – 483
 Полевой Н.А. – 483
 Поленов В.Д. – 87, 94, 96,
 111, 112
 Поленова Е.Д. – 87, 88, 104
 Полетаев Н.Г. – 658, 672
 Поливанов Е.Д. – 680
 Поливанов Л.И. – 487
 Полихрони К. – 475
 Половинкин Л.А. – 493
 Полонская А. – 584
 Полонский В.П. – 661, 673
 Полонский И. – 598, 639
 Полторацкий Н.П. – 375
 Поль-Бонкур Ж. – 380, 393
 Полякова С.В. – 688
 Полянский В.К. – 704
 Полянский *см.* Полонский И.
 Понкьелли А. – 237
 Пономарева С.Д. – 485, 486
 Поплавский Б.Ю. – 370, 386,
 605, 606, 610, 612, 641
 Попов А.В. – 694
 Попов (Дубовской) В. – 661
 Попов П.А. – 505
 Португейс С.О. (псевд. Та-
 лин В.П.) – 561, 634
 Поскребышев Я.И. – 95, 98,
 104, 124
 Потемкин Г.А. – 470, 476,
 477
 Потемкин П.П. – 73
 Потемкина Е.П. – 472
 Потехин А.А. – 487, 488
 Потопчина Е.В. – 188–190,
 194, 199
 Потоцкая М.А. – 186, 199
 Прегель С.Ю. – 353
 Предтеченский, пис. – 674
 Преображенский Н.А. – 174,
 175, 179, 183, 199
 Пресс М.И. – 278, 290
 Прилуцкий, дьякон – 158
 Присманова А.С. – 365, 673
 Приставкин А.И. – 688
 Пришвин М.М. – 491
 Прокопович С.Н. – 313, 315–
 320
 Прокофьев Св.С. – 702
 Прокофьев С.С. – 493, 499–
 502, 699–701
 Прокша Л.Я. – 366
 Протазанов Я.А. – 504, 505,
 642
 Протопопов, недоросль – 69
 Прохоров А.А. – 693
 Прюдом С. – 521
 Прянишников И.П. – 188, 199

- Птушко А.Л. – 506
 Пугачев Е.И. – 639
 Пудховский, унтер-офицер – 69
 Пузыревский П.А. – 66–68, 71–74
 Путята Н.В. – 485
 Пушкин А.С. – 35, 161, 229, 232, 245, 275, 288, 290, 303, 304, 367, 385, 453, 467–510, 609, 614, 708
 Пушкин В.Л. – 468, 474, 483
 Пушкина Н.Н. – 469, 472, 479, 480, 484, 485, 490
 Пушкины Н.О. и С.Л. – 161
 Пушкины – 468
 Пуцин И.И. – 477
 Пуцин П.Д. – 48–50, 59, 80, 81
 Пыжов И. – 233
 Пыжова (урожд. Леткова) Е.П. – 213, 233, 239
 Пыжова О.И. – 397
 Пяст В.А. – 491, 499
- Рабинович И.М. – 508
 Равдин Б. – 636
 Равич О. – 648
 Радаков А.А. – 507
 Радимов П. – 652
 Радко-Дмитриев Р.Д. – 512
 Радонежский П.А. – 171, 179, 199
 Раевская М.Н. *см.* Волконская М.Н.
 Раевская-Хьюз О. – 635
 Разевиг В.В. – 241, 242
 Разумовский К.Г. – 470
 Райдер, знакомая Е.Р. Дашковой – 473
 Рамо Ж.-Ф. – 277, 290
 Рапп (урожд. Трушева) Е.Ю. – 291, 300, 302, 307, 321, 322, 327, 331, 333, 334, 348, 351
 Рапп Л.Ю. *см.* Бердяева Л.Ю.
 Рарберг Г. – 689
 Раскин А.Г. – 43, 57
 Раскольников Ф.Ф. – 509
 Распутин Г.Е. – 602
 Ратч В. – 34
 Ратгауз Д.М. – 673
 Раузен И.Г. – 374
 Раузен Л.Г. – 374, 376
 Рафаэль С. – 236
 Рахманинов С.В. – 241, 243, 252, 255, 263, 264, 266, 267, 279, 282, 284, 289, 431, 432
 Рахубовская-Храброва М.Ф. – 213
 Рахубовский П. – 213
 Рачинская В.А. *см.* Баратынская В.А.
 Рачинский А.М. – 38, 40, 46
 Рачинский В.Д. – 19, 40, 41
 Рашковская М.А. – 11, 240–290
 Регер М. – 244, 245, 287
 Резников Д.Г. – 374
 Рейнхардт М. – 398, 401, 431
 Рейснер Л.М. – 673
 Рексин, пис. – 673
 Рембрандт Х. ван Р. – 236
 Ремизов А.М. – 371, 377, 380, 381, 391, 521, 551, 552, 558, 582, 590, 591, 633
 Ремизова С.П. – 558
 Ренодель П.-Э. – 380, 393
 Ренуар О. – 446
 Репин И.Е. – 87, 237, 265, 298
 Репин И.С. – 96, 99, 209
 Репьев М.И. – 387

- Репьева Е.И. – 317
 Рерих Н.К. – 610, 641
 Решетникова И.Л. – 206–239
 Решетов А. – 673
 Решке-Гитри Л. – 231, 238
 Риземан О., фон – 255, 288
 Ризнич А. – 491
 Римский-Корсаков Н.А. –
 188, 212, 249, 254, 258,
 259, 272, 281, 495–497,
 507, 543
 Роб-Грийе А. – 701
 Ровинский Д.А. – 224
 Рогдай *см.* Колышко И.И.
 Родбертус-Ягетцов К.-И. –
 658
 Родзянко М.В. – 391
 Родионов Д.В. – 704
 Родов С.А. – 650, 651, 658
 Родон В.И. – 189, 199
 Родофиникин К.К. – 482
 Рождественский К.И. – 688
 Розанов В.В. – 605, 689, 695
 Розанов Н.П. – 146–205
 Розанов П.Н., дьякон – 146
 Розанова Н.В. – 699
 Розенберг А.Ю. – 341, 342
 Розенберг А. – 576, 608
 Розенер А.М. – 395
 Розенталь Л. – 561, 634
 Розов В.С. – 688
 Роллан Р. – 701
 Романов М.Ф. – 335, 336,
 341, 343, 345
 Романов П.С. – 652
 Романова (де Гогенфельзен,
 кн. Палей) И.П. – 10, 292,
 327, 333, 347
 Романова И.Ф. – 335, 336,
 341, 345
 Романовы – 9
 Романовский В.И., свящ. –
 152, 202
 Ромашин И.Е. – 694
 Ромм М.И. – 505–696
 Рославлев *см.* Колышко И.И.
 Рославлев Б.А. – 673
 Россель Л.В. – 372, 374, 390
 Россельс В.М. – 688, 696
 Росси Э. – 186, 200
 Росский, пис. – 661
 Ростан Э. – 521
 Ростовцев М.И. – 610, 641
 Ростопчина Е.П. – 485, 486
 Роу А.А. – 506
 Роцин-Инсаров Н.П. – 185,
 200
 Роцина-Инсарова Е.Н. –
 555, 584, 602, 632
 Рубанович С.Я. – 674
 Рубенс П.-П. – 236
 Рубин В.М. – 673
 Рубини Дж.-Б. – 183, 200
 Рубинштейн А.Г. – 177, 187,
 200, 228, 237, 246, 256,
 257, 265, 271, 283, 287
 Рубинштейн Б.Н. – 395
 Рубинштейн Н.Г. – 246, 253,
 254, 285, 287, 290, 488
 Рудин А.К. – 394
 Руднев (псевд. Бабкин-Роле-
 цин) В.В. – 371, 376, 378,
 388
 Рудольф, австр. эрцгерцог –
 239
 Рукавишников И.С. – 673
 Румянцев-Задунай-
 ский П.А. – 470
 Русанов Н.С. – 378, 389, 392
 Рутыч Н. – 512
 Рыбаков А.Н. – 688
 Рыбаковский, недоросль – 76
 Рыбчинская (Дмитриев-
 ская) Н.Д. – 186, 200
 Рыжов Н.И. – 495
 Рыков А.И. – 337, 398

- Рылеев К.Ф. – 468
 Рынди́н В.Ф. – 500
 Рынди́на (урожд. Брылки-
 на) Л.Д. – 593, 637
 Рычко́в А.В. – 476, 477
 Ряби́нин И.Т. – 192, 200
 Ряби́нин Т.Г. – 200
 Ряза́нцев И.В. – 107, 108
 Ряза́нцева А.В. *см.* Васнецо-
 ва Ал-дра В.
 Ряза́нцева М.И. – 101–104,
 107, 110, 112, 116, 134
 Ряза́нцева М.Ф. – 108, 109
 Ряза́нцевы – 101, 102
- Сабане́ев Л.Л. – 255, 288
 Сабашни́кова М.В. – 260,
 298–300
 Сабуро́в А.А. – 201, 238
 Сабуро́в С.Ф. – 186, 200
 Саблуко́в Н.А. – 34
 Сави́на М.Г. – 228, 237
 Савинко́ва Е.И. *см.* Ширин-
 ская-Шихматова Е.И.
 Савицки́й Г.К. – 507, 508
 Садо́вская О.О. – 184, 200,
 240, 243
 Садо́вский М.П. – 184, 200
 Садо́вский П.М. – 184, 200
 Садо́вской Б.А. – 690
 Сазо́нова *см.* Сазонова-Сло-
 нимская Ю.Л.
 Сазонова-Сло́нимская
 Ю.Л. – 563, 634
 Саку́лин П.Н. – 491, 673
 Сали́на Н.В. – 177, 200
 Саловки́н, капита́н – 54
 Салтыко́в П.С. – 470
 Салтыко́в-Щедри́н Н.Е. –
 614, 615
 Сальви́ни Дж. – 186, 200
 Сальви́ни Т. – 186, 200
 Самари́н И.В. – 184, 200, 488
- Самобыт́ник А.И. – 672
 Санни́ков Г. – 650, 658
 Сара́джев К.С. – 193, 200
 Саргся́н А.Ф. – 687
 Сарро́т Н. – 701
 Сартр Ж.-П. – 701
 Сарья́н М.С. – 508
 Сафо́нов В.И. – 164, 200,
 253, 268, 269, 288
 Сахно́вский Ю.С. – 247, 255,
 264, 282, 288
 Сац И.А. – 249, 287
 Сашин-Нико́льский А.И. –
 162, 200
 Светло́в М.А. – 495, 675, 701
 Светло́в Н.В. – 186, 200
 Свешни́ков А.В. – 548–550
 Сви́рский А.И. – 675
 Свобо́дин П.М. – 186, 200
 Святло́вская А.В. – 178, 200
 Святопо́лк-Мирски́й Д.П. –
 380, 382, 391, 394
 Северя́нин Игорь (Лота-
 ре́в И.В.) – 672
 Седачевски́й, придворный
 официант – 75
 Седы́х А. (Цви́бак Я.М.) –
 572, 634
 Сезанн П. – 698
 Секретаре́в П.Ф. – 162, 203
 Селива́новский И.П. – 137,
 138, 144
 Сельви́нский И.Л. – 674, 683
 Семашко́ Н.А. – 654
 Семеновски́й Д.Н. – 672
 Семевски́й В.И. – 386
 Семенов Е.П. – 303, 305
 Сен-Санс К. – 278
 Сент-Экзю́пери А., де – 445
 Сеньки́н С. – 699
 Серафим Саро́вский, преп. –
 321
 Серафимови́ч А.С. – 661

- Сергий (Страгородский И.Н.), митр. – 307, 309, 310, 312
Сергий (Тихомиров), архиеп. – 306, 307
Серов А.Н. – 171, 200
Серов В.А. – 87, 298
Сеченов Д. *см.* Димитрий (Сеченов), митр.
Сибелиус Я. – 267, 268
Сидорин В.И. – 297
Сидоров Г. – 673, 674
Силуана, монахиня *см.* Соболева Н.А.
Сильву, певец – 174, 187, 201
Симборский И.Ф. – 30
Симонии П.К. – 695
Симонов К.М. – 696
Синякова М.М. – 507
Сирин Вл. *см.* Набоков В.В.
Сирин-Набоков *см.* Набоков В.В.
Сиротинская И.П. – 11, 436–439, 701
Сироткин В.К. – 391
Сисмонди С., де – 658
Сиу Л. – 152
Скарская Н.Ф. – 495
Скиталец С.Г. – 673
Скобельцын Ф.А. – 480
Скрябин А.Н. – 241–243, 246, 252, 253, 264, 268–276, 279, 288
Славский Р.Е. – 442
Словцов Р. (Калишевич Н.В.) – 562, 566, 634
Слоним М.Л. – 367, 371, 375–378, 386, 390, 392, 393, 563, 599, 634
Слонимский А.Л. – 491
Слуцкий Б.А. – 363–368, 376, 377, 385, 390
Смирнов А.Д. – 212
Смирнов Д.А. – 176, 179, 201
Смирнов Н.Е. – 193, 201
Смирнова А.Н. *см.* Дымова А.Н.
Смирнова А.О. – 287
Смирнова М.Д. – 212, 214, 231, 235
Смирнова М.Е. – 212, 214
Смирнова-Россет А.О. – 468, 486
Смис Э. – 532, 533, 550
Смит, скрипач – 187, 201
Смышляев В.С. – 433
Сназин И. – 61
Снытко Н.В. – 355–362, 472, 708, 709
Собинов Л.В. – 172, 173, 178, 180, 201, 243, 248, 260, 280, 281, 285, 287, 707
Соболев Ю.В. – 662
Соболева Н.А. (позднее монахиня Силуана) – 306, 307
Соболевский С.А. – 480, 484, 486
Соколов А. – 651
Соколов Г. – 391
Соколов Д.В., свящ. – 178, 204
Соколов И.В. – 673, 674
Соколов С.А. *см.* Кречетов С.А.
Солдатенковы – 231
Солженицын А.И. – 363, 372, 699
Солженицына Н.Д. – 704
Соллогуб В.А. – 489
Соловейчик С.М. – 316
Соловцов Н.Н. – 554
Соловьев Вл.С. – 241, 280, 289, 290
Соловьев С.М. – 672
Соловьева В.В. – 433
Сологуб (Тетерников) Ф.К. – 672

- Солодовников Г.Г. – 163,
164, 201
- Солоневич Б.Л. – 636
- Солоневич И.Л. – 580, 636
- Солоневич Ю.И. – 636
- Сомов Е.И. – 432
- Сорин, литератор – 675
- Сорокин А.К. – 704
- Сорокин М. – 48–52
- Сорокина М.Ю. – 635
- Сосинская (урожд. Чернова) А.В. – 366, 368, 385
- Сосинский В.Б. (Сосинский-Семихат Б.Б.) – 363–396
- Спасский Л.А. – 142–144
- Спасский С.Д. – 672
- Спасский, певец – 211
- Сперанский В. – 573
- Спир А.А. – 318, 319
- Спримон (урожд. Леткова) Е.П. – 213, 236
- Спримон, доктор – 213
- Срезневский И.И. – 694
- Ставров П.С. – 573
- Сталин И.В. – 302, 371, 437,
545, 641, 668, 679, 680,
684
- Сталинский Е.А. – 371, 375,
376, 378, 390
- Стамболийский А. – 372, 380,
391, 513
- Станиславский К.С. – 87,
192, 201, 284, 397, 404,
433–435
- Старевич В.А. – 505
- Стасов В.В. – 238
- Стасов Д.В. – 231, 238
- Стеклов (Нахамкис) Ю.М. – 554
- Стен А. (Sten) – 612, 642
- Стендаль – 445
- Стенич В.И. – 498
- Стенич В.О. – 672
- Степанов, недоросль – 70
- Степной (Афиногенов) Н.А. – 675
- Степун М.А. – 593, 637
- Степун Ф.А. – 300, 558, 593,
637
- Стерн Л. – 385
- Стефания, бельг. принцесса – 239
- Стефановский П.А. – 680
- Столица Л.Н. – 672
- Столпянский П.Н. – 502
- Стоян Б. – 190, 201
- Стравинский И.Ф. – 236, 493
- Страда В. – 9, 14
- Страдивари А. – 533
- Страхов Н.Н. – 487
- Стринберг Й.-А. – 402, 406,
431
- Струве Г.П. – 388, 392, 552,
632, 642
- Струве Н.А. – 635
- Струве П.Б. – 291, 297, 304,
316, 370, 387, 388
- Струве – 673
- Ступницкий А.Ф. – 391, 633
- Стуре, род – 406
- Субиру Б. – 325
- Суворин А.С. – 397, 487, 555,
556, 632
- Суворин Б.А. – 304
- Суворов А.В. – 26, 77, 525,
529
- Сувчинский П.П. – 315, 316
- Судейкин В.В. – 656
- Суджиа-Казальс Г. – 278,
290
- Судравский В.К. – 34
- Суков, заключенный – 437
- Сулержицкий Л.А. – 397,
404, 433
- Султанов Н.В. – 224, 235, 237

- Сумароков А.П. – 476, 477
Сумбатов-Южин А.М. – 495
Суперфин Г.Г. – 635
Суриков В.И. – 87, 112
Сургучев И.Д. – 556
Сурков А.А. – 655
Сутин Х. – 370, 386
Сутырин В.А. – 678
Сухомлин В.В. (псевд.
Samaret V.) – 371, 376,
378, 390, 394
Сухомлин В. И. – 371, 380
Сушкевич Б.М. – 397
Сырычев, драгун – 69
Сытин И.Д. – 108, 148, 383,
395, 636
- Таиров А.Я. – 398, 499–502
Талин В.П. *см.* Порту-
гейс С.О.
Тальников Д. – 673
Таль А. – 607, 641
Таманьо Ф. – 174, 187, 201,
276, 285, 290
Танеев В.И. – 89, 132–135
Танеев С.И. – 133, 241, 243,
250, 252, 253, 273, 279
Танеева Е.С. – 134
Танти К.К. (Феррони) – 441
Танти Л.К. (Феррони) – 441
Тарасов-Родионов А.И. – 651
Тарновские – 232
Тартаков И.В. – 189, 201,
256, 288
Тарусский Е. – 387
Тархова Н.А. – 471
Татаринов В.Н. – 11, 433
Татлин В.Е. – 130, 698
Теляковский В.А. – 173, 201,
204
Темирязов Б. *см.* Аннен-
ков Ю.П.
Терапиано Ю.С. – 568
- Терешкович К.А. – 370, 386
Терещенко С.И. – 387
Тетерин, квартирмейстер –
69
Тихон, патр. – 298, 305, 316
Тихонов А.Н. – 651
Тихонов Н.С. – 491
Тодоров К. – 380, 394
Толстая А.Л. – 610, 641
Толстая С.А. – 241, 250
Толстой А.К. – 192, 403, 421,
433
Толстой А.Н. – 371, 639
Толстой Л.Н. – 224, 231,
250, 274, 277, 348, 379,
383, 395, 433, 550, 551,
556, 614, 641
Толстой Ф.И. – 708
Тольская, свояченица
Н.П.Розанова – 166, 167
Тома А. – 371, 390
Тонцани, певец – 187, 201
Торричелли Э. – 289
Траилин С.А. – 493, 506
Трегубова Т.Ю. – 84–145
Тредьяковский В.К. – 481,
485
Трезвинский С.Е. – 179, 180,
201
Третьяков П.М. – 86, 105,
159, 163, 203, 237
Третьяков С.М., меценат –
203
Третьяков С.М., литератор –
672
Тронин, литератор – 665
Тропинин В.А. – 486
Трофимов И.Т. – 476
Троцкий Л.Д. – 648, 649,
652, 682
Трощин И. – 68
Трояновский Б.С. – 532, 550
Трубецкой С.П. – 472

- Трутовский К.А. – 507
Трушева И.В. – 326, 327
Туган-Барановский М.И. – 658
Туловский, унтер-офицер – 79, 82
Туманский В.И. – 479
Турати Ф. – 380, 393
Тургенев А.И. – 468, 485, 708
Тургенев И.С. – 211, 250, 485, 487–489
Тургенев Н.И. – 468
Турнемир Ш. – 263, 289
Тынянов Ю.Н. – 491, 506
Тыркова-Вильямс А.В. – 292–298
Тэффи (урожд. Лохвицкая) Н.А. – 291, 292, 354, 440
Тютчев Ф.И. – 289, 490, 701
Уваров А.С. – 231, 238
Уинифред К. – 290
Ульянов Н.П. – 508
Уманцева Р. – 322
Упадышева И.В. – 11, 440–463
Усатов Д.А. – 176, 179, 201
Устинов Г. – 661
Уткин И.П. – 491
Ухтомский И.М. – 73, 74
Учитель А.Е. – 637
Ушаков И. – 25
Уэтам, певец – 187, 201
Фаворский В.А. – 507
Федин К.А. – 595, 638, 701
Федор Александрович, вел. кн. – 333, 336
Федоров, музыкант – 540
Федоров, майор – 31, 50, 74
Федосеев В.И. – 704
Федотов Г.П. – 307, 349, 352, 353
Федотов И.Л. – 60
Федотов Л. – 60
Федотов Мак.Л. – 60
Федотов Мих.Л. – 60
Федотов М.М. – 312
Федотова Г.Н. – 184, 201
Федотова Е.Н. – 352, 353
Фейдт (Вейдт) К. – 602, 640
Фейербах Л. – 658
Фейнберг С.Е. – 270, 290
Фейр, проф. – 585
Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.) – 612, 642
Фельский, подпоручик – 74, 75
Фет А.А. – 280, 290, 489, 701
Фигнер (урожд. Мей) М.И. – 177, 201, 231, 238
Фигнер Н.Н. – 174–176, 179, 201, 231, 238
Фигуров П.П. – 179, 201
Фидлер И.И. – 158, 203
Фикельмон Д.Ф. – 468
Филарет (Дроздов В.М.), митр. – 179, 204
Филимонов С.Б. – 204
Филиппов (Д.И., Я.И.?) – 152, 160
Филипченко И.Г. – 658, 661, 672
Финочки Л.Б. – 179, 202
Философов Д.В. – 673
Филькина Е.Ю. – 11
Флейшман Л. – 636
Флобер Г. – 614
Флоровский Г.В. – 291, 321, 322
Фолкнер У. – 346, 347
Фондаминский (псевд. Бунаков) И.И. – 349, 351, 388
Фор П. – 380, 393
Форд Г. – 594

- Форе Г.-Ю. – 268, 289
 Фострём А.А. – 177, 180, 202
 Фотий II, патр. – 307
 Фохт А.Б. – 272, 290
 Франк С.Л. – 291, 298, 299, 315, 316
 Франс А. – 341, 342
 Франц-Иосиф I, австр. имп. – 239
 Френке Ю. – 612, 642
 Фриде Н.А. – 180, 202
 Фриче В.М. – 661, 673
 Фридрих II, прус. король – 33
 Фрунзе М.В. – 316
 Фульда, неуст. – 593

 Халтычин (псевд. Стрельский), певец – 535
 Харденберг (псевд. Новалис) Ф., фон – 299, 300
 Харламов В.А. – 388
 Хачатурьян А. – 442
 Хачатурян Л.В. – 11
 Хемингуэй Э.-М. – 346, 347
 Херсонская Е.П. – 661
 Хитрово Е.М. – 468, 472
 Хлебников Велимир (В.В.) – 672
 Ходасевич В.Ф. – 371, 385, 391, 396, 431, 432, 637, 640, 672
 Холодная В.В. – 602, 640
 Хохлов К.П. – 495
 Хохлов П.А. – 173, 174, 178, 193, 202, 204
 Хохряков Н.Н. – 96, 99, 108, 117, 118, 126, 127, 132, 134, 138–140, 142
 Храбров П. – 213
 Храмова Е. – 35
 Храповицкий П.Ю. – 36, 37
 Худяков К.К. – 680

 Царев М.И. – 696
 Цветаева М.И. – 347, 356, 363, 366, 367, 370, 371, 375, 377–381, 391, 392, 394, 489–491, 509, 601, 638, 672, 680, 697, 699, 700, 702
 Цветковская Е.К. – 614, 643
 Цвибан Я.М. *см.* Седых Андрей
 Ценблар, философ – 658
 Цензор Д.М. – 673
 Церетелев (Церетели) А.А. – 186, 202
 Церетели З.К. – 704
 Цетлин М.О. (псевд. Амари) – 353, 391, 673
 Цехановский М.М. – 508
 Циммерман, неуст. – 530
 Цыпин В., прот. – 307
 Цявловская Т.Г. – 470, 477, 478, 491
 Цявловский М.А. – 470, 471, 473, 481, 482, 491, 695

 Чаадаев П.Я. – 468
 Чайковский П.И. – 155, 175, 187, 188, 244, 246, 247, 249, 250, 253–256, 264, 269, 272, 276–279, 282, 286, 287, 493, 495–498, 501, 505, 507, 508, 543
 Чанцев А.В. – 577
 Чашник, линотипист – 374
 Чаров *см.* Аренци Л.К.
 Чарушин А.А. – 120, 121
 Чебан А.И. – 433
 Чебанов В.Ю. – 693
 Чемберлен Н. – 644
 Червяков Е.В. – 506
 Черейский Л.А. – 480
 Черепнин Н.Н. – 247, 264

- Черепанова А.Ф. *см.* Баратынская А.Ф.
- Черкасов И.М. – 28, 34
- Черников А.А. – 693
- Черников Я.Г. – 689, 693
- Чернов А.Я. – 189, 202
- Чернов В.М. – 366, 371, 378, 380, 389
- Чернова А.В. *см.* Сосинская А.В.
- Черный Саша (Гликиберг А.М.) – 385
- Чернышевский Н.Г. – 489
- Черняк Г.Я. – 688
- Чертков В.Г. – 383, 395
- Чертков М.И. – 231, 238
- Честертон Г.-К. – 440
- Четвериков С.Н. – 334, 336
- Чехов А.П. – 364, 397, 402, 412–418, 432–434, 559, 604, 606, 614, 689
- Чехов М.А. – 397–435, 707
- Чехова К.К. – 400, 429
- Чижов А.П. – 248, 257–259
- Чижевский Д.Ф. – 661
- Чихачев Н. М. – 565
- Чуваков В.Н. – 512
- Чудакова М.О. – 11, 693, 704
- Чуковский К.И. – 396, 673
- Чупятов Л.Т. – 499
- Чурилин-Киселев А. – 327
- Чхартишвили Г.Ш. (псевд. Борис Акунин) – 704
- Шагин-Гирей, хан – 40
- Шагинян М.С. – 672
- Шаламов В.Т. – 10, 436–439, 690, 701
- Шаляпин Ф.И. – 172, 173, 177–183, 186, 188, 193, 198, 202, 243, 255, 256, 280–285, 539–541, 701
- Шамсон А. – 701
- Шанцев А.А. – 169
- Шапиро А.Б. – 680
- Шапорин Ю.А. – 493
- Шатилов П.Н. – 513
- Шатобриан В. – 532
- Шатобриан Ф. – 486
- Шахалов А.Э. – 433
- Шаховская З.А. – 291–383
- Шаховской Д.А. *см.* Иоанн (Шаховской Д.А.), архиеп.
- Шац Ф. – 73–75
- Шварц Е.Л. – 707
- Швейцер М.А. – 696
- Швыдкой М.Е. – 688
- Шебалин В.Я. – 493, 494
- Шебеко М. – 344
- Шевалье М. – 369–385
- Шевалье, певец – 180–202
- Шекспир У. – 184, 185, 398, 402, 408, 411, 432, 433, 500, 640
- Шелехова М. – 489
- Шенгели Г.А. – 508, 674
- Шенье А.-М. – 476
- Шервинский С.В. – 688
- Шереметев С.Д. – 708
- Шершеневич В.Г. – 672
- Шестаков, унтер-офицер – 64
- Шестов Л.И. – 291, 673
- Шиллер Ф. – 185, 290
- Шимкевич М. – 661
- Ширвиндт А.А. – 704
- Ширинская-Шихматова (в первом браке Савинкова) Е.И. – 638
- Ширинский-Шихматов Ю.А. – 627, 638
- Шишов И.Ф. – 656
- Шкловский В.Б. – 384, 491, 495, 672, 701
- Шлихтинг, фельдъегерь – 71
- Шляпкин И.А. – 486

- Шмелев И.С. – 396, 509,
521, 552, 519, 590, 703
- Шмидт С.О. – 687, 704
- Шницлер А. – 399, 402, 432
- Шолохов М.А. – 566, 701
- Шольц Ф.Е. – 496
- Шопен Ф. – 280
- Шопенгауэр А. – 245, 252,
287
- Шостакович Д.Д. – 493, 494,
703
- Шостаковский П.А. – 205
- Шоу Б. – 433, 500
- Шпенглер О. – 291
- Шрейдер А. – 386–395
- Штейнберг А. – 647
- Штейнберг И.З. – 395
- Штейнвер А.К., фон – 20,
21, 33, 51, 78, 79
- Штейнвер Ф.К., фон – 33,
48, 50, 51, 53, 54, 74
- Штейнер Р. – 298–300, 398
- Штеффен А. – 299, 300
- Штраус И. – 253
- Штраус Р. – 244, 245, 252,
266, 267, 287, 288
- Шуберт Ф. – 244, 245, 282,
424, 543
- Шубин Г. – 651
- Шукшин В.М. – 441
- Шульгин Н.Г. – 499
- Шульговский Н. Н. – 673
- Шуман Р. – 245, 262, 273,
280
- Шуман, ювелир – 237
- Шумихин С.В. – 355–362,
551–644
- Шумов П.И. – 365, 375, 392
- Шумский С.В. – 184, 202
- Щеголев П.Е. – 673
- Щепкина-Куперник Т.Л. –
673
- Щедрин Р.К. – 688, 704
- Щербатов А. – 37
- Щербачев Н.Л. – 36, 37
- Щербинин М.А. – 471
- Щирявец А. (Абра-
мов А.А.) – 672
- Щукин П.И. – 163, 203
- Щукин Я.В. – 186, 202
- Щуко В.А. – 508
- Эверарди К. (Эврар К.-Ф.) –
211, 235
- Эйзенштейн С.М. – 504–506,
694, 695, 699, 700
- Эйхенбаум Б.М. – 491
- Эйснер А.В. – 363, 364
- Эллис (Кобылинский Л.Л.) –
672
- Эль Лисицкий (Лисиц-
кий Л.М.) – 699
- Эльснер В.Ю. – 673
- Эминеску М. – 447
- Энгель Ю.Д. – 254, 270, 275,
288
- Энгельс Ф. – 680
- Эрберг (Сюннерберг) К.А. –
647
- Эрдман Н. Р. – 672
- Эрдмансдёрфер М. – 187, 202
- Эредиа Ж.-М. – 521
- Эренбург И.Г. – 371, 631,
639, 672, 701
- Эрик XIV – 402, 403, 406,
421, 431
- Эртель Ф.Ф. – 48, 49, 51, 54,
64, 66, 69
- Эфрон Г.С. – 601, 703
- Эфрон С.Я. – 356, 394
- Эфрос А.М. – 673
- Ювеналиева см. Кускова Е.Д.
- Юдковский, линотипист –
374
- Южин А.И. – 184, 202, 487

- Южин Д.Х. – 186, 188, 202
Юкнявичус Р. – 432
Юкшинский В.И. – 316
Юнге И. – 29, 73
Юргенсон П.И. – 121, 122, 492
Юренев Р.Н. – 696
Юрьев С.А. – 487
Юрьев Ю.М. – 656
Юрьевская Е.А. – 237
Юрьевская Е.М., светл. кн. –
237
Юрьевская О.А. – 237
Юрьевский Г.А. – 237
Юткевич С.И. – 696
Яблоновский А.А. – 509
Ягода Г.Г. – 337
Языков И. – 48, 75
Языков Н.М. – 696
Якимович Е.А. – 694
Якобино (Лунц Ф.Ф.) – 441
Якобсон Р.О. – 672
Яковенко Б.В. – 318, 319
Яковлев К.Н. – 186, 202
Яковлев П.Л. – 486
Яковлева А. Р. – 490, 491
Якубинский Л.П. – 672
Якунчикова М.Ф. – 93, 104–
106, 125, 126
Ямпольский Б.С. – 696
Ян В.Т. – 495
Янгиров Р. М. – 639
Яннингс Э. – 602, 640
Яновский В.С. – 570, 538
Яровой П. (Комаров Ф.Е.) –
658
Яунер Ф., фон – 201
Bergner *см.* Бергнер Э.
Doré *см.* Доре Г.
Durant *см.* Дюран К.(Ш.)
Everardi *см.* Эверарди К.
Frenke *см.* Френке Ю.
Galsworthy *см.* Голсуорси Дж.
Jannings *см.* Яннингс Э.
La Fontain *см.* Лафонтен Ж.
де
Lolo – 552, 568
Moscovitsh M. – 590
Otzer *см.* Оцеп Ф.
Samaret V. *см.* Сухомлин В.В.
Tillemont V. – 598
Veight C. *см.* Фейдт К.
Viardot *см.* Виардо П.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКОВ 1–9

Выпуск 1

От редколлегии	9–11
<i>Ираклий Андроников. Хранители правды</i>	12–38

Публикации и сообщения

Казанский корреспондент Ф.М.Достоевского. (Письмо к Н.Ф.Юшкову). <i>Публикация Ю.А.Красовского</i>	41–43
Из жизни художественной Москвы. (Воспоминания А.Н.Рамазановой). <i>Публикация Н.Г.Королевой</i>	44–81
Художественный театр выбирает репертуар. (Письма Вл.И.Немировича-Данченко к А.М.Федорову). <i>Публикация О.А.Холмянской</i>	82–86
Об организации Союза русских художников. (Письмо М.В.Нестерова). <i>Публикация З.П.Меллит</i>	87–90
Из черновой тетради Леонида Андреева. (Рассказ «Мебель».) <i>Публикация В.П.Коршуновой</i>	91–101
Анна Павлова в жизни и на сцене. (Из воспоминаний Н.В.Трухановой «Огни рампы».) <i>Публикация Л.В.Кудрявцевой</i>	102–116
Неизвестная фотография И.И.Левитана. <i>Сообщение К.Н.Суворовой</i>	117–118
Ф.И.Шляпин и его друзья. (Письма Ф.И.Шляпина В.В.Андрееву, Л.Н.Андрееву, А.И.Южину, О.В.Арди-Светловой). <i>Публикация Э.В.Харольской</i>	119–126
Михаил Чехов об Италии. (Из черновых записей). <i>Публикация И.И.Аброскиной</i>	127–129

Листая страницы альбома... (Блок, Чехов, Репин в альбоме А.С.Вознесенского). <i>Публикация Т.Л.Степановой</i>	130–138
«День и ночь на посту, часовыми...» (Письма А.М.Коллонтай к друзьям). <i>Публикация В.Н.Колеченковой</i>	139–157
Анри Барбюс об А.В.Луначарском. (Письма А.Барбюса к Н.А.Луначарской-Розенель). <i>Публикация С.Ю.Малаховой</i>	158–161
В.В.Маяковский на диспуте «Вопросы пола и брака в жизни и в литературе». <i>Публикация В.П.Нечаева</i>	162–169
«Большой человек». (Статья К.Г.Паустовского об А.М.Горьком). <i>Публикация Ю.А.Красовского</i>	170–173
Народный шут. (Альбом Виталия Лазаренко). <i>Публикация Г.Д.Эндзиной</i>	174–179
«Двадцать пять лет труда...» (Автобиография В.В.Каменского). <i>Публикация И.В.Литвиненко</i>	180–184
«О Новикове-Прибое». (Выступление В.В.Вишневого по радио). <i>Публикация Н.М.Гороховой</i>	185–192
Ромен Роллан и советская музыка. (Письма к Д.Б.Кабалевскому). <i>Публикация В.П.Коршуновой и М.М.Ситковецкой</i>	193–207
В дни испытаний. (Из дневника Е.Л.Шварца). <i>Публикация К.Н.Кириленко</i>	208–213
А.А.Фадеев работает над романом «Молодая гвардия». (Выступление на конференции областных писателей). <i>Публикация Е.И.Лямкиной</i>	214–230

Обзоры фондов

Творческое наследие С.С.Прокофьева. <i>Обзор М.Г.Козловой</i>	231–269
В.Э.Мейерхольд до октября. <i>Обзор М.М.Ситковецкой</i>	270–304
Путешествие по архиву Михаила Светлова. <i>Обзор В.В.Кулешовой</i>	305–327

Выпуск 2

От редколлегии	9–11
<i>Константин Симонов. Благодарная память</i>	12–16

Публикации и сообщения

Письма о Пушкине. (Письма Е.М.Хитрово к П.А.Вяземскому). <i>Публикация Н.В.Снытко</i>	19–30
Александр Дюма на Ладожском озере. (Стихотворение А.Дюма). <i>Публикация Э.Р.Коган</i>	31–34
Возвращение к жизни и борьбе. (Письма М.А.Бакунина к Н.И.Тургеневу). <i>Публикация В.А.Черных</i>	35–42
Два автографа М.П.Мусоргского. (Дарственные надписи В.В.Стасову). <i>Сообщение Н.М.Золотовой</i>	43–46
Новые письма И.С.Тургенева. (Письма к С.Н.Тютчеву и Н.А.Щепкину). <i>Публикация В.А.Черных</i>	47–49
Последний год жизни В.М.Гаршина. (Из воспоминаний Н.М.Гаршиной). <i>Публикация Н.Г.Королевой</i>	50–57
Адмирал Авелан – Антон Чехов. (Письма А.П.Чехова к Т.Л.Щепкиной-Куперник). <i>Публикация Н.А.Коровой</i>	58–62
Ялтинский Смирдин. (Альбом И.А.Синани). <i>Сообщение В.П.Коршуновой</i>	63–70
«Ничего не должно быть недосказанного...» (Письма Л.В.Собинова к Е.М.Садовской). <i>Публикация К.Н.Кириленко</i>	71–95
Н.К.Рерих и народное искусство. (Письма Н.К.Рериха к М.К.Тенишевой). <i>Публикация В.П.Нечаева</i>	96–106
Архивист ищет дату. (К изучению архива А.А.Блока). <i>Сообщение К.Н.Суворовой</i>	107–111

Время поисков и экспериментов. (Из воспоминаний А.А.Румнева «Прошедшее проходит предо мною»).	
<i>Публикация Н.М.Золотовой</i>	112–124
Письма на родину. (Письма И.Е.Репина к Д.М.Левашову).	
<i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	125–133
Михаил Кольцов – поэт. (Юношеское стихотворение М.Е.Кольцова).	
<i>Публикация Н.Г.Королевой</i>	134–135
В.Я.Брюсов глазами современника. (Из воспоминаний В.Г.Шершеневича).	
<i>Публикация К.Н.Суворовой</i>	136–150
Зинаида Райх о Сергее Есенине. (План книги воспоминаний).	
<i>Сообщение Ю.А.Красовского</i>	151–153
Восемь военных лет. (Письма Аркадия Гайдара к отцу).	
<i>Публикация А.Н.Важенковой</i>	154–160
Ленин. (Воспоминания Л.Н.Сейфуллиной).	
<i>Публикация В.П.Коршуновой</i>	161–164
Создатель революционного зрелища. (Письма Е.Б.Вахтангова к А.В.Луначарскому).	
<i>Публикация И.И.Аброскиной</i>	165–169
«Школьная робинзонада». (Автобиографический рассказ М.М.Пришвина).	
<i>Публикация Е.Н.Воробьевой</i>	170–180
Преемственность поколений. (Письма К.С.Станиславского).	
<i>Публикация М.М.Ситковецкой</i>	181–188
Марина Цветаева за рубежом. (Письма М.И.Цветаевой к В.Ф.Булгакову).	
<i>Публикация М.А.Рашковской</i>	189–195
«Играю Хлестакова по Гоголю». (Письмо М.А.Чехова к М.Л.Курскому).	
<i>Публикация Г.Д.Эндзиной</i>	196–197
Музыкальная жизнь Парижа. (Из зарубежных корреспонденций Б.В.Асафьева).	
<i>Публикация Н.В.Саводник</i>	198–205
А.М.Горький и начинающие писатели. (Письма к И.А.Савочкину).	
<i>Публикация О.Н.Елисейевой</i>	206–207

И.Э.Бабель о своем творчестве, о Николае Островском и Д.А.Фурманове. (Выступление в Союзе советских писателей 31 марта 1936 года). <i>Публикация И.В.Литвиненко</i>	208–213
От продавца до профессора режиссуры. (Автобиография М.И.Ромма). <i>Публикация М.Г.Козловой</i>	214–218

Обзоры фондов

«Моя тема – Война, Революция, Флот...» (Фонд В.В.Вишневого). <i>Обзор Н.Р.Яценко</i>	221–248
«Советскому Союзу я обязан жизнью...» (Фонд Назыма Хикмета). <i>Обзор А.Н.Павловской</i>	249–265
«Жил, задумывался, увлекался...» (Переписка С.М.Эйзенштейна). <i>Обзор Г.Д.Эндзиной</i>	266–298

Из истории архивов

<i>Ю.А.Красовский</i> . Архив Ф.М.Достоевского	299–307
--	---------

Страницы из прошлого ЦГАЛИ

<i>Ю.А.Красовский</i> . Предшественник и учитель	308–310
<i>Ю.А.Красовский</i> . В годы войны	311–313
<i>К.Н.Кириленко</i> . Встречи с Н.П.Акимовым	313–316
Дни нашей жизни. (Из хроники ЦГАЛИ)	317–334
Именной указатель	335–349

Выпуск 3

От редколлегии	9–12
<i>Ю.Завадский</i> . Встреча со старыми знакомыми	13–16

Публикации и сообщения

«Странная судьба». (Из дневников А.В.Сухова-Кобылина). <i>Публикация Н.Б.Волковой</i>	19–46
Ф.И.Тютчев и «Русский архив». (Неопубликованное письмо Ф.И.Тютчева). <i>Публикация А.Д.Зайцева</i>	47–50

- «Это был уник человеческой породы...»
(Письма Г.И. Успенского к В.И. Ребиндер).
Публикация И.М. Захаровой 51–56
- Чеховские реликвии.
(О письмах А.П. Чехова к Лике Мизиновой).
Сообщение Е.Н. Воробьевой 57–61
- В пушкинские дни 1899 года...
(Страничка из истории московской
Поливановской гимназии).
Публикация М.В. Рыбина 62–68
- «Город и камни люблю...»
(Письмо В.Я. Брюсова к А.А. Коринфскому).
Публикация Ю.А. Красовского 69–72
- Рукой Александра Блока...
(Наблюдения архивиста).
Сообщение К.Н. Суворовой 73–85
- Встречи в Художественном театре.
(Письма Л.Н. Андреева к А.Г. Коонен).
Публикация Г.Д. Эндзиной 86–94
- От Антона Чехова до Николая Островского.
(Книги из библиотеки Т.Л. Щепкиной-Куперник).
Сообщение Д.Ю. Знаменского 95–104
- Путь актрисы.
(Воспоминания Е.А. Полевицкой).
Публикация К.Н. Кириленко 105–125
- Письмо «Феномена».
(Письмо М.Ф. Андреевой к Ф.И. Шаляпину).
Публикация С.В. Зыковой 126–129
- «Будь санитаром духа!»
(Письмо В.А. Гиляровского к В.Н. Давыдову).
Публикация Л.Я. Дворниковой 130–132
- Прапорщик Щукин.
(Письма Б.В. Щукина к родным и друзьям).
Публикация Н.Л. Поповой 133–140
- «Стоя по моим убеждениям на платформе
советской власти...»
(Из истории Союза советских журналистов).
Сообщение А.Л. Евстигнеевой 141–158
- Перед возвращением на Родину.
(Письмо А.Н. Толстого к И.Ф. Наживину).
Публикация О.В. Викторовой 159–163
- Литературные кафе 20-х годов.
(Из воспоминаний И.В. Грузинова

«Маяковский и литературная Москва»).	
<i>Публикация И.И.Аброскиной</i>	164–181
«Малый театр – моя семья, моя вся жизнь...»	
(Письма В.Н.Пашенной к А.И.Южину).	
<i>Публикация В.Н.Колеченковой</i>	182–190
Александр Бенуа и кинематограф.	
(Письмо А.Н.Бенуа к Л.В.Кулешову).	
<i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	191–195
«Через все испытания жизни...»	
(Автобиографический рассказ Ф.А.Березовского).	
<i>Публикация В.К.Зонтикова</i>	196–209
«Меня интересует Восток...»	
(Письмо Е.Е.Лансере к А.Я.Головину).	
<i>Публикация Т.Е.Павловой</i>	210–212
Несколько дней в Сорренто.	
(Воспоминания Н.Р.Эрдмана об А.М.Горьком).	
<i>Публикация А.В.Гутерца</i>	213–219
«Моя вторая страсть...»	
(М.Н.Тухачевский и музыка).	
<i>Сообщение Ю.А.Красовского</i>	220–223
Художник и человек.	
(Письма М.В.Нестерова к А.Д.Трескиной).	
<i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	224–234
«Всегда дорожу Вашим мнением...»	
(С.С.Прокофьев – Д.Д.Шостакович. Переписка).	
<i>Публикация М.Г.Козловой</i>	235–241
МХАТ в 1942 году.	
(Письма Н.П.Хмелева к М.Б.Храпченко).	
<i>Публикация Г.С.Левиной</i>	242–253
В рядах французского Сопротивления	
(«Парижский дневник» Н.Я.Рощина).	
<i>Публикация В.П.Коршуновой</i>	254–273
Сто альбомов.	
(Коллекция А.Е.Крученых).	
<i>Сообщение Н.Г.Королевой</i>	274–284

Обзоры фондов

Литературные корреспонденты П.А.Вяземского.	
(По документам Остафьевского архива).	
<i>Обзор Н.В.Снытко</i>	287–322
Еще о В.Ф.Комиссаржевской.	
(По неопубликованным материалам).	
<i>Обзор М.М.Ситковецкой</i>	323–352

Вдохновение, мастерство, труд. (Записные книжки А.А.Ахматовой). <i>Обзор Е.И.Лямкиной</i>	353–392
---	---------

Страницы из прошлого ЦГАЛИ

<i>А.А.Евсеева, Э.Р.Коган.</i> Саратов, Шадринск, Барнаул...	393–397
<i>Ю.А.Красовский.</i> «Архивные эксперты»	398–406
Дни нашей жизни. (Из хроники ЦГАЛИ)	407–425
Именной указатель	426–442

Выпуск 4

От редколлегии	9–12
<i>Сергей Юткевич.</i> Шумит не умолкая, память...	13–22

Публикации и сообщения

Новая встреча с Пушкиным. (Письмо А.С.Пушкина к П.А.Вяземскому). <i>Сообщение А.В.Рычкова</i>	25–29
«Гимн свой лебединый...» (Письмо П.А.Вяземского к В.А.Жуковскому). <i>Публикация Н.В.Снытко</i>	30–34
«Пишу не смело я, не часто...» (Стихотворение Каролины Павловой). <i>Публикация В.К.Зонтикова</i>	35–39
Поездка в Италию в 1888 году. (Путевые записки С.И.Мамонтова). <i>Публикация М.Д.Печерского</i>	40–72
В семье Чеховых. (Письма П.Е.Чехова к И.П.Чехову). <i>Публикация Н.А.Коровой</i>	73–80
Путешествие в детство сказочника. (Дневники-воспоминания Е.Л.Шварца). <i>Публикация К.Н.Кириленко</i>	81–102
Автор одного романа. (Письма В.Р.Менжинского к В.Н.Верховскому). <i>Сообщение Л.Я.Дворниковой</i>	103–107
Когда кончается сезон... (Письмо В.И.Качалова к М.П.Лилиной). <i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	108–113
«Несмотря на все, жить прекрасно...» (Письма А.А.Блока к Ю.Н.Верховскому). <i>Публикация К.Н.Суворовой</i>	114–120

Судьба поэта. (Из воспоминаний Игоря Северянина). <i>Публикация Е.Ю.Филькиной</i>	121–132
Поэт в мире, мир в поэте. (Письма Б.Л.Пастернака к С.П.Боброву). <i>Сообщение М.А.Рашковской</i>	133–153
Парижские встречи. (Из воспоминаний Н.В.Трухановой об А.А.Игнатьеве). <i>Публикация М.М.Ситковецкой</i>	154–169
«Счастливые дни золотой юности...» (Воспоминания М.В.Бабенчикова о С.А.Есенине). <i>Публикация С.В.Зыковой</i>	170–183
Киев. 1919. (Об одной книге из коллекции А.Е.Крученых). <i>Сообщение Н.Г.Королевой</i>	184–190
Четверть века дружбы. (Дарственная надпись А.М.Горького А.В.Луначарскому). <i>Сообщение Д.Ю.Знаменского</i>	191–193
«Серационовы братья» и их младший брат скоморох. (Об архиве Л.Н.Лунца). <i>Сообщение А.Л.Евстигнеевой</i>	194–212
«Меня удивляет этот человек...» (Письма Андрея Белого к Михаилу Чехову). <i>Публикация М.Г.Козловой</i>	213–231
Энциклопедист нашего времени. (Материалы об О.Ю.Шмидте в ЦГАЛИ). <i>Сообщение Е.Н.Гусевой</i>	232–239
Драматург и театр работают над «Разломом». (Письма Б.А.Лавренева к вахтанговцам). <i>Публикация И.И.Аброскиной</i>	240–247
Единомышленники в искусстве и жизни. (Письма А.С.Макаренко к Н.В.Петрову). <i>Публикация Н.Л.Поповой</i>	248–258
О сценическом воплощении образа В.И.Ленина. (Отзыв К.С.Станиславского о пьесе А.Е.Корнейчука «Правда»). <i>Публикация Л.С.Лемберской</i>	259–261
«У меня одна мечта – Москва...» (Письма О.Н.Андровской и Н.П.Баталова к Н.М.Горчакову). <i>Публикация Л.А.Поповой</i>	262–268

Товарищ по оружию. (Письма Э. Хемингуэя к советским писателям). <i>Публикация И.В.Бармаш</i>	269–274
«Протоколист своего времени». (Письма А.К.Гладкова к брату). <i>Публикация В.П.Коршуновой</i>	275–296
«Это книга долга, книга совести...» (Письмо А.Т.Твардовского к И.Г.Эренбургу). <i>Публикация И.М.Захаровой</i>	297–300

Обзоры фондов

«Архивный рудокоп». (Фонд П.И.Бартенева). <i>Обзор А.Д.Зайцева</i>	303–329
Женщина русской революции. (Литературные и психологические аспекты архива Веры Фигнер). <i>Обзор Ю.А.Красовского</i>	330–363
Первые шаги в искусстве. (Автобиографии советских актеров и режиссеров). <i>Обзор О.Ф.Мелешко</i>	364–394

Из истории архивов

<i>Е.Б.Коркина</i> . Об архиве Марины Цветаевой	397–428
---	---------

Страницы из прошлого ЦГАЛИ

<i>Ю.А.Красовский</i> . Эйзенштейн – Довженко – Пудовкин (Как мы собирали материалы из истории кино)	429–440
Дни нашей жизни. (Из хроники ЦГАЛИ)	441–462
Именной указатель	463–476

Выпуск 5

От редколлегии	9–11
<i>Юрий Нагибин</i> . Истинный клад	12–18

Публикации и сообщения

В начале литературного пути... (Неопубликованные стихотворения К.Ф.Рылеева). <i>Публикация В.К.Зонтикова</i>	21–30
Парижский корреспондент. (Об архиве Элима Мещерского). <i>Сообщение Н.В.Снытко</i>	31–40

Русский нигилист за границей. (Об архиве Варфоломея Зайцева). <i>Сообщение Ю.А.Красовского</i>	41–53
«Властительница дум и сердец». (О материалах Е.П.Кадминой). <i>Сообщение Е.Н.Воробьевой</i>	54–60
«Умный и оригинальный человек...» (Неопубликованный рассказ Н.С.Лескова). <i>Публикация А.В.Рычкова</i>	61–69
«“Осколки” – моя купель...» (Из истории журнала и сотрудничества в нем А.П.Чехова). <i>Сообщение Л.Я.Дворниковой</i>	70–82
В московском доме Поленовых. (Воспоминания Н.В.Поленовой). <i>Публикация Н.А.Петропавловской</i>	83–90
От Шуи до Оксфорда. (Воспоминания Е.А.Бальмонт). <i>Публикация Е.А.Гаспаровой</i>	91–103
Записки старого библиотекаря. (Н.Н.Ильин. «Жития моего описание».) <i>Публикация Е.Е.Гафнер, А.В.Кутищевой</i>	104–116
«Цель человеческой жизни – творчество». (Письма Б.М.Эйхенбаума к родным). <i>Публикация Г.Д.Эндзиной</i>	117–138
М.А.Цявловский – член РСДРП. (Воспоминания о встрече с В.И.Лениным). <i>Публикация А.Д.Зайцева</i>	139–143
Каприйские встречи. (Письма А.А.Золотарева к А.М.Горькому). <i>Публикация Н.М.Косых</i>	144–149
«Африка ждет меня...» (Из «Африканского дневника» Андрея Белого). <i>Публикация С.Д.Воронина</i>	150–169
Русские художники в Париже. (Письма и воспоминания о Н.С.Гончаровой и М.Ф.Ларионове). <i>Сообщение Н.А.Петропавловской</i>	170–177
«Помню Шаляпина с юношеских лет...» (Воспоминания Н.Н.Крузо). <i>Публикация А.Л.Евстигнеевой</i>	178–184

«Бродячая собака».	
(Воспоминания С.Ю.Судейкина).	
<i>Публикация Н.М.Коньчевой</i>	185–194
Дама в плаще.	
(Письма Е.Б.Вахтангова к В.А.Завадской).	
<i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	195–200
«Я не упускаю здесь случая хвалить Россию...»	
(Письма Бернарда Шоу к Б.Ф.Лебедеву).	
<i>Публикация И.В.Бармаш</i>	201–218
«Мой дом открыт...»	
(Письмо М.А.Волошина к Л.П.Гроссману).	
<i>Публикация К.Н.Суворовой</i>	219–231
«Мне исполнилось восемнадцать лет...»	
(Письма Д.Д.Шостаковича к Л.Н.Оборину).	
<i>Публикация М.Г.Козловой</i>	232–260
«Пьеса утверждает мою жизнь...»	
(Письма А.Н.Афиногенова к М.Л.Мухаринской).	
<i>Публикация К.Н.Кириленко</i>	261–271
Камерный театр ставит Маяковского...	
(Пролог Н.Н.Асеева «Товарищи зрители» к спектаклю «Клоп»).	
<i>Публикация И.И.Аброскиной</i>	272–276
Наедине с собою.	
(Из дневниковых записей Ильи Сельвинского).	
<i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	277–284
«Жизнь прожита не даром...»	
(Письма А.Т.Гречанинова к Р.М.Глиэру).	
<i>Публикация М.М.Ситковецкой</i>	285–295
«Это трамплин, допинг, зарядка...»	
(Из дневников А.М.Файко).	
<i>Публикация Н.Г.Королевой</i>	296–310
«Краснодон. 1940–1942».	
(Записная книжка Ульяны Громовой).	
<i>Публикация М.И.Крыловой</i>	311–322
Обзор фондов	
Лениниана М.М.Штрауха.	
(По материалам личного архива).	
<i>Обзор Н.Р.Яценко</i>	323–337
О людях, о годах, о жизни...	
(Письма к Илье Эренбургу).	
<i>Обзор М.А.Рашковской</i>	338–355
Живое дыхание времени.	
(О литературных альбомах 1920–1940-х годов).	
<i>Обзор В.П.Коршуновой</i>	356–382

Из истории архивов

Из истории архивного дела в России.

(Воспоминания М.К.Соколовского «Архивисты»).

Публикация А.Д.Зайцева

384–390

Страницы из прошлого ЦГАЛИ

Восемь писательских архивов...

Сообщение Ю.А.Красовского

391–400

Дни нашей жизни. (Из хроники ЦГАЛИ)

401–419

Ираклий Андроников. Благодаря ЦГАЛИ

420–423

Именной указатель

424–444

Выпуск 6

От редколлегии

9–10

Олег Ефремов. Уважение к преданию

11–16

Публикации и сообщения

Новая страница из биографии М.Ю.Лермонтова.

(Записная книжка Л.А.Соллогуба).

Сообщение А.В.Рычкова

17–22

«Дива».

(Письмо Ф.К.Нессельроде П.А.Вяземскому).

Публикация Н.В.Снытко

23–40

«Что с рукописями будет?»

(Из архива Ю.Н.Тынянова).

Сообщение А.Д.Зайцева

41–45

«Труд целой жизни».

(Письма А.А.Фета Я.К.Гроту).

Публикация Л.Я.Дворниковой

46–53

«Много званых, мало избранных».

(Из воспоминаний А.А.Сантагано-Горчаковой).

Публикация А.В.Кутыщевой

54–68

«За обеденным столом».

(Воспоминания М.К.Куприной-Иорданской
в записи Н.К.Вержбицкого).

Публикация Ю.А.Красовского

69–81

Промелькнувшие силуэты...

(Из дневников Р.М.Хин-Гольдовской).

Публикация М.М.Ситковецкой

82–98

Поэт и ученый.

(Воспоминания о В.Я.Брюсове В.Ф.Саводника
и письма к нему В.Я.Брюсова).

Публикация Е.М.Беня

99–115

- Ровесник «Серебряного века».
 («Записки» Б.А.Садовского).
Публикация С.В.Шумихина 116–131
- «Поэзия его партийна...»
 (Воспоминания С.С.Шамардиной
 о Вл.Маяковском).
Публикация И.И.Аброскиной 132–149
- На чердаке старого московского дома.
 (Об архиве Е.Я.Архиппова).
Сообщение К.Н.Суворовой 150–163
- О Есенине вновь и вновь.
 (По материалам архива П.И.Чагина).
Публикация О.Л.Андриановой 164–168
- «В поисках сути искусства».
 (Письма Р.Р.Фалька С.Н.Дурылину).
Публикация М.А.Рашковской 169–179
- Печаль зримая, печаль вещая.
 (О поэте Сергее Клычкове).
Публикация С.Г.Блинова 180–189
- Человек, который был театром.
 (Воспоминания А.И.Дейча об А.С.Курбасе).
Публикация Е.В.Турчаниновой 190–203
- «Понятие о сатире я имею более твердое...»
 (Письма М.М.Зоценко – М.З.Мануильскому).
Публикация С.В.Зыковой 204–213
- О Ф.И.Шаляпине, И.А.Бунине, К.Д.Бальмонте...
 (Из «Парижских воспоминаний» А.П.Ладинского).
Публикация Е.Ю.Филькиной 214–227
- Из истории одной дружбы.
 (Переписка В.Э.Мейерхольда и З.Н.Райх
 с Л.Н.Обориным).
Публикация В.П.Коршуновой и М.М.Ситковецкой 228–248
- «Мы должны выдумать эликсир вечной молодости...»
 (Письмо Б.Е.Захавы к О.Ф.Глазунову).
Публикация О.Л.Андриановой 249–260
- «...Записывал, что видел, слышал, чувствовал».
 (Письма И.С.Исакова жене).
Публикация Е.А.Гаспаровой 261–282
- «Музыка – общечеловеческий язык».
 (Переписка Л.Стоковского
 с советскими композиторами).
Сообщение И.В.Бармаиш 283–290

«Над старыми тетрадами...» (Письма Б.Л.Пастернака и воспоминания о нем В.Т.Шаламова). <i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	291–305
«Ни дня без строчки». (Из дневников и воспоминаний Ю.К.Олеши). <i>Публикация Н.Г.Королевой</i>	306–321
Размышления музыканта. (Из дневниковых записей Г.Г.Нейгауза). <i>Публикация И.М.Лебле</i>	322–331
«С путешествия в СССР начался самый важный этап моей жизни...» (Из переписки Рокуэлла Кента с Я.Д.Ромасом и Я.М.Толчаном). <i>Сообщение А.Л.Евстигнеевой</i>	332–357
«Встретились поздно, но не случайно...» (Из переписки М.И.Бабановой и М.О.Кнебель). <i>Публикация М.Г.Козловой</i>	358–380

Обзоры фондов

«Моя профессия прекрасна». (Материалы М.В.Нестерова в ЦГАЛИ). <i>Обзор Н.А.Петропавловской</i>	383–407
Что такое детский театр? (Документы фонда ЦДТ). <i>Обзор К.Н.Кириленко</i>	408–434
Материалы Великой отечественной войны в фондах ЦГАЛИ СССР. <i>Обзор Н.Б.Волковой</i>	435–459
Дни нашей жизни. (Из хроники ЦГАЛИ)	460–476
Памяти товарища	477
Именной указатель	478–492

Выпуск 7

От редколлегии	9–10
<i>В.Лажин</i> . Месса по минувшему	11–18

Публикации и сообщения

Две тени Остафьевского парка. <i>Публикация Н.В.Снытко</i>	19–31
Воспоминания Е.Н.Опочинина. <i>Публикация Е.В.Бронниковой</i>	32–59

- «И как огненные зарницы полыхнули добро и зло...»
(Вторая песнь «Поэмы начала» Н.С.Гумилева).
Публикация И.П.Сиротинской 60–66
- «Канонада по канонам».
(Рассказы С.Д.Кржижановского).
Публикация Д.М.Фельдмана 67–88
- «...Я очень слежу за Вашими отзывами...»
(Письма В.Ф.Ходасевича Ю.И.Айхенвальду).
Публикация Е.М.Беня 89–102
- Монтаж портрета писателя
(Рассказ А.Тришатова «Тысячебратское»)
Публикация С.Г.Блинова 103–121
- Очерки белогвардейского тыла.
(Главы из романа-хроники
Г.А.Шенгели «Черный погон».)
Публикация А.В.Маньковского 122–156
- Заграница.
(Воспоминания Г.В.Алексеева
и очерк Б.А.Пильняка).
Публикация Е.И.Горской 157–195
- Мой час и мое время.
(Главы из воспоминаний М.М.Мелентьева).
Публикация Е.Б.Коркиной 196–231
- Из дневника Михаила Кузмина.
Публикация С.В.Шумихина 232–248
- Неосуществленный замысел Александра Грина.
Сообщение И.Э.Бердан 249–253
- Судьба архива Ф.И.Шалапина.
Сообщение К.Н.Кириленко и Н.А.Корововой 254–296
- Архив издательства «Знание».
Сообщение С.Д.Воронина 297–309
- «Мне... необходимо Вам сказать, что вы совершенно
замечательный поэт...»
(Из парижского архива Дон-Аминадо).
Публикация Н.Б.Волковой 310–322
- Современники свидетельствуют.
(Воспоминания о В.В.Маяковском).
Публикация И.И.Аброскиной 323–365
- Две судьбы.
(Б.Л.Пастернак и С.Н.Дурылин. Переписка).
Публикация М.А.Рашковской 366–407
- Письма С.С.Наровчатова к О.Ф.Берггольц.
Публикация Н.Г.Королевой 408–440

Вокруг «Ивана Денисовича».	
(Письма читателей в редакцию «Нового мира»).	
<i>Публикация Л.Л.Родионова</i>	441–474
Контрапункт режиссера.	
(Письмо В.Ардова С.Юткевичу).	
<i>Публикация М.В.Криштофовой</i>	475–494

Обзор фондов

«Мирсконца».	
(Из архива А.Е.Крученых: стихи, воспоминания, письма Б.Л.Пастернака).	
<i>Обзор А.К.Пушкина</i>	497–524
«Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...»	
(Набросок портрета Ю.Г.Оксмана по материалам его архива).	
<i>Обзор А.Д.Зайцева</i>	525–566
Дни нашей жизни (Из хроники ЦГАЛИ)	567–576
Именной указатель	577–590

Выпуск 8

От редколлегии	9–10
<i>С.О.Шмидт. Архивы – истории</i>	11–18

Публикации и сообщения

Письма И.Ф.Анненского из Италии.	
<i>Публикация М.Г.Эдельман</i>	21–47
Из записок Д.И.Лешкова (1904–1930).	
<i>Публикация Т.Л.Латыповой</i>	48–115
Особняк на Поварской.	
(Из истории Московского Дворца Искусств).	
<i>Публикация А.Л.Евстигнеевой</i>	116–140
Дом литераторов в Петрограде 1919–1921 годов.	
(Воспоминания А.В.Амфитеатрова).	
<i>Публикация А.Г.Виноградова</i>	141–164
«Последний мой крик – спасите!..»	
(Письма И.С.Шмелева В.В.Вересаеву 1921 года).	
<i>Публикация Н.Б.Волковой</i>	165–194
Борис Пастернак и Сергей Бобров: письма четырех десятилетий.	
<i>Публикация М.А.Рашковской</i>	195–309
«Моей прелестной царице...»	
(Пометы А.А.Ахматовой на книгах Н.С.Гумилева).	
<i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	310–321

Дни напряженной тревоги. (Из дневника Л.Ю.Бердяевой 1939–1945). <i>Публикация Е.В.Бронниковой</i>	322–366
Серое с красным. (Дневник Зинаиды Гиппиус 1940–1941). <i>Публикация Н.В.Снытко</i>	367–389
В.В.Маяковский в переписке современников. <i>Публикация И.И.Аброскиной</i>	390–440
Судьба литературного наследия М.А.Булгакова. (Из писем Е.С.Булгаковой). <i>Публикация К.Н.Кириленко</i>	441–460
Дни нашей жизни. (Из хроники РГАЛИ)	463–472
Указатель имен	473–492

Выпуск 9

От редколлегии	9–11
<i>Андрей Вознесенский</i> . Архи-век	12–16
Публикации и сообщения	
«У тебя целый Сан-Франциско в твоём архиве...» (Из «Современных записок и воспоминаний...» А.Я.Булгакова. Записки 1836–1859 гг.). <i>Публикация С.В.Шумихина</i>	17–112
Жалобы Ростислава. (Письмо Ф.М.Толстого к П.П.Вяземскому. 20 июля 1880 г.). <i>Публикация Н.В.Снытко</i>	113–124
«Как тяжело надолго расставаться с людьми близким...» (Письмо Ф.А.Васильева к Е.А.Шишкиной). <i>Публикация И.Л.Решетниковой</i>	125–133
С.Н.Дурылин. Москва. <i>Публикация М.А.Рашковской</i>	134–190
«Если есть на земле счастье – это любить Вас...» (Письма М.Ф.Ларионова А.С.Хохловой 1915–1925 гг.). <i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	191–213
«Святое безумье мое...» (Неизвестное стихотворение Николая Гумилева). <i>Публикация И.П.Сиротинской</i>	214–215
История одной жизни. (Воспоминания А.Д.Семенова-Тян-Шанского). <i>Публикация Т.Л.Латыповой</i>	216–283

- «Мне эта возня не кажется чем-то
серьезно литературным».
(Из дневника Вяч. Полонского.
Март–апрель 1931 года).
Публикация И.И.Аброскиной 284–339
- Роберт Фальк в Париже.
(Лекция Р.Р.Фалька 1943 года «Влияние
современного искусства Парижа на художественную
промышленность Франции»).
Публикация М.В.Золотовой 340–357
- «Сын человеческий» А.А.Вановского: Судьба автора
и судьба книги.
Публикация Е.В.Бронниковой 358–403

Обзоры фондов

- Архив сказочника.
Обзор К.Н.Кириленко 407–457
- Дни нашей жизни. (Из хроники РГАЛИ) 448–457
- In memoriam 458–459
- Указатель имен 460–477

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	9
<i>Витторио Страда</i> . Страницы прошлого	12

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А.А.БАРАТЫНСКОГО

(записки великого князя Павла Петровича
А.А.Баратынскому, письма А.А.Баратынского
родным и капитану К.И.Горохову)

Публикация Л.Н.Бодровой 17

ПЕРЕПИСКА БРАТЬЕВ ВАСНЕЦОВЫХ

Публикация Т.Ю.Трегубовой 84

«ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО МОСКВИЧА»

Н.П.РОЗАНОВА

Публикация Т.Л.Латыповой 146

«MNEMOSYNE»

(из воспоминаний Е.К.Маковской)

Публикация И.Л.Решетниковой 206

СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН. В ЗАЛЕ КОНСЕРВАТОРИИ

(из воспоминаний)

Публикация М.А.Рашковской 240

ПИСЬМА ФИЛОСОФУ

(по материалам фонда Н.А.Бердяева)

Публикация Е.В.Бронниковой 291

НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(глава из неопубликованных воспоминаний

«Горестные тени» Н.А.Еленева)

Публикация [Н.В.Снытко], С.В.Шумихина 355

ЖУРНАЛ «ВОЛЯ РОССИИ» В ПИСЬМАХ

В.Б.СОСИНСКОГО Б.А.СЛУЦКОМУ

Публикация Л.А.Кручининой 363

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ МИХАИЛА ЧЕХОВА

(воспоминания Жоржет Бонер)

Публикация И.И.Аброскиной 397

«ЛАГЕРЬ МИРОПОДОБЕН...»	
<i>Публикация И.П.Сиротинской.</i>	436
НОВЕЛЛЫ ЛЕОНИДА ЕНГИБАРОВА	
<i>Публикация И.В.Упадышевой</i>	440

ОБЗОРЫ ФОНДОВ

А.С.ПУШКИН И ЕГО ЭПОХА	
В ДОКУМЕНТАХ РГАЛИ	
<i>Обзор Н.Б.Волковой</i>	467
ДУМЫ ИЗГНАННИКА	
(об архиве В.Е.Вязьмитинова)	
<i>Обзор Н.К.Дрезгуновой.</i>	511
«ИЗ КРАЯ В КРАЙ. ПИСЬМА СТРАНСТВУЮЩЕГО	
МУЗЫКАНТА»	
(письма Н.А.Медведева Б.А.Воробьеву)	
<i>Обзор Т.М.Коробовой</i>	523
«ЧУДАК, ДУРАК, “ПИСАТЕЛЬ”, БОГАТЕЙ...»	
(Александр Буров и его корреспонденты)	
<i>Обзор С.В.Шумихина.</i>	551
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРУППИРОВКИ	
1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг.:	
ИСТОРИЯ НАЧАЛА И КОНЦА	
(межархивный тематический обзор)	
<i>Обзор Т.М.Горяевой</i>	645
Дни нашей жизни (Из хроники РГАЛИ)	685
In memoriam	705
Указатель имен	710
Содержание выпусков 1–9	745

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ
Выпуск 10

Художественное оформление *А. Сорокин*
Компьютерная верстка *В. Верхозин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 24.12.2003.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 40,32. Тираж 1200 экз.
Заказ № 9555

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция).
Тел. 334-81-62 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

